ИВАН САХАРОВ

СКАЗАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ

Серия главных книг самых выдающихся русских этнографов и знатоков народного быта, языка и фольклора, заложивших основы отечественного народоведения. Книги отражают главные вехи в развитии русского образа жизни – понятий, обычаев, труда, быта, жилища, одежды – воплощенного в материальных памятниках, искусстве, праве, языке и фольклоре:

Ярослав Мудрый
Нестор Летописец
Владимир Мономах
Русская Правда
Нил Сорский
Иосиф Волоцкий
Иван Грозный
Стоглав
Домострой
Соборное Уложение
Азадовский М. К.
Аничков Е. В.
Антоновский М. И.
Анучин Д. Н.
Афанасьев А. Н.
Барсов Е. В.
Батюшков П. Н.
Безсонов П. А.
Бодянский О. М.
Болотов А. Т.
Будилович А. С.
Бурцев А. Е.
Буслаев Ф. И.
Веселовский А. Н.
Гальковский Н. М.
Гильфердинг А. Ф.
Глинка Г.
Громыко М. М.
Даль В. И.
Державин Н. С.
Драгоманов М. П.
Ермолов А. П.
Ефименко А. Я.
Ефименко П. С.
Забелин И. Е.
Забылин М.
Зеленин Д. К.
Кайсаров А. С.
Калачов Н. В.
Калинский И. П.
Киреевский П. В.
Коринфский А. А.
Костомаров Н. И.
Кулиш П. А.
Ламанский В. И.
Максимов С. В.
Максимович М. А.
Мельников П. И.
Метлинский А. Л.
Миллер В. Ф.
Миллер О. Ф.
Надеждин Н. И.
Пассек В. В.
Потебня А. А.
Пропп В. Я.
Прыжов И. Г.
Риттих А. Ф.
Ровинский Д. А.
Рыбников П. Н.
Садовников Д. Н.
Сахаров И. П.
Снегирев И. М.
Срезневский И. И.
Сумцов Н. Ф.
Терещенко А. В.
Толстой Н. И.
Фаминцын А. С.
Флоринский Т. Д.
Худяков И. А.
Чулков М. Д.
Шангина И. И.
Шейн П. В.
Шергин Б. В.
Якушкин Е. И.
Якушкин П. И.

ИВАН САХАРОВ

СКАЗАНИЯ РУССКОГО НАРОДА

ТОМ I

МОСКВА
Институт русской цивилизации
2013

ББК 63.5
УДК 39
С 22

Сахаров И. П.

С 22 Сказания русского народа / Составитель и отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2013. — Т. I. — 800 с.

В книге публикуется главный труд выдающегося русского этнографа Ивана Петровича Сахарова (1807–1863) «Сказания русского народа», ставший первым фундаментальным научным трудом по отечественному народоведению. С редким трудолюбием и любовью к народному языку Сахаров обобщил огромное количество фольклорного материала, ставшего авторитетным источником в исследовании русской культуры. Труд Сахарова, по свидетельству современников, произвел необыкновенное впечатление на все образованное общество, вызвав в нем «сильное уважение к русской народности».

Значительная часть этого труда публикуется впервые с середины XIX века.

Публикуется по: Сказания русского народа. Собранные И. Сахаровым. Издание третье. Санкт-Петербург, 1841.

ISBN 978-5-4261-0025-1

© Институт русской цивилизации, 2013

ВСТУПЛЕНИЕ

Выдающийся этнограф-фольклорист, археолог и палеограф Сахаров Иван Петрович (29.08[10.09].1807 – 24.08[05.09].1863) родился в г. Тула в семье священника. Окончил Тульскую духовную семинарию и медицинский факультет Московского университета. С 1836 и до смерти был врачом в Почтовом департаменте в Петербурге. Печататься начал в 1830 г. в журналах «Галатея», «Московский телеграф» и других. Особая интенсивность деятельности Сахарова как собирателя и исследователя народнопоэтического творчества и русской старины относится к 30–40-м годам.

С 1836 г. стали появляться его «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков» (ч. 1 – 1836; ч. 2, 3 – 1837; позднейшие издания – 1841, 1849 и др.). План этого издания был необычайно обширен. Автор предполагал издать 30 книг, соединенных в 7 томов: 1) «Русская народная литература», 2) «Очерки семейной русской жизни (чернокнижие, игры, загадки и притчи, присловья)», 3) «Русские народные песни», 4) «Памятники древней русской литературы», 5) «Старые словари русского языка», 6) «Русские народные свадьбы», 7) «Русская народная годовщина», 8) «Путешествия русских людей», 9) «Русская народная демонология», 10) «Словари русских народных наречий», 11) «Русские народные охоты», 12) «Сказания о русском народном врачевании», 13) «Русская народная символика», 14) «Летопись русской библиографии», 15) «Русские народные поверья и приметы», 16) «Русские народные пословицы», 17) «Летопись древних искусств

и художеств», 18) «Летопись славяно-русских типографий», 19) «Летопись русской литературы», 20) «Русские народные сказки», 21) «Записки русских людей», 22) «Обозрение древнего русского права», 23) «Обозрение русских гербов и печатей», 24) «Русские народные одежды», 25) «Родословная книга русских дворянских родов», 26) «Летопись русской нумизматики», 27) «Образцы великорусских, белорусских и малорусских наречий», 28) «Славяно-русская мифология», 29) «Русские разрядные списки», 30) «Приложения и указатели». Этот план, включавший в себя наряду с этнографическими также самые различные другие темы, в целом не был выполнен. Впоследствии сам Сахаров, видимо, отказался от мысли объединить все эти разные темы общим заглавием «Сказания русского народа…», и некоторые из них вышли под самостоятельными названиями: «Путешествия русских людей в чужие земли» (ч. 1, 2, 1837), «Песни русского народа» (ч. 1, 2, 1838, ч. 3–5, 1839), «Записки русских людей» (1841), «Русские народные сказки» (1841), «Русские древние памятники» (вып. 1–2, 1842), «Исследования о русском иконописании» (кн. 1–2, 1849) и др*.

Сочинения Сахарова имели большой успех. Они поражали обилием материала, частью совсем нового, неизвестного; содержание их отвечало уже ясно ощущавшейся в образованном обществе потребности в познании своего народа. По этому поводу писал впоследствии современник Сахарова И. И. Срезневский: «Никто до тех пор не мог произвести на русское читающее общество такого влияния в пользу уважения к русской народности, как этот молодой любитель. Не поразил он основательною ученостью, не поразил он и многообразием соображений; но множество собранных им данных было так неожиданно велико и по большей части для многих так ново, так кстати в то время, когда в русской литературе впервые заговорили о народности, и притом же увлечение их собирателя, высказавшееся во вводных статьях, было так искренно и решительно, что остаться в числе равнодушных было трудно».

* Подробнее см. *Приложение* в конце книги.

Вся научная и литературная деятельность Сахарова была пронизана одним цельным, православно-монархическим мировоззрением и недоверием ко всему иноземному, западноевропейскому. «Благодарю Господа, что над моею головою не работала ни одна французская тварь. Горжусь, что вокруг меня не было ни одного немецкого бродяги». Он был убежден и в числе первых стал утверждать, что со времен Петра I вся Европа объединилась в общем стремлении разрушить Русское государство и уничтожить русский народ. Все влияния на русскую культуру, которые шли с Запада, Сахаров расценивал с этой точки зрения. Охранителем русского народного начала от гнилых и тлетворных влияний Запада Сахаров считал царя и правительство: «Император Николай Павлович нимало не усумнился принять нашу народность под свою защиту и сделать ее символом министерства народного просвещения. Он ясно разгадал грядущую славу России; он один понял назначение Русской земли».

Д. Кузнецов

РОДИНЕ и ПРЕДКАМ
посвящаю мое собрание

Благословите, братцы, старину сказать,
Как бы старину стародавнюю,
Как бы в стары годы, прежние,
В те времена первоначальные.

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вестное, приголубьте речью лебединою словеса немудрые, как в стары годы, прежние, жили люди старые. А и то-то, родимые, были веки мудрые, веки мудрые, народ все православный. Живали-то старики не по-нашему, не по-нашему, по-заморскому, а по-своему, православному. А житье-то, житье-то было все привольное да раздольное. Вставали раным раненько, с утренней зарей, умывались ключевой водой с белой росой, молились всем святым и угодникам, кланялись всем родным от востока до запада, выходили на красен крылец со решеточкой, созывали слуг верных на добры дела. Старики рядили, молодые слушали; старики придумывали крепкие думушки, молодые бывали во посылушках. Молодые молодицы правили домком, красные девицы завивали венки на Семик день; старые старушки судили, рядили и сказки сказывали. Бывали радости великие на велик день, бывали беды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былью поросло, а что будет, то будет не по-старому, а по-новому. Русским людям долгое житье, а родимой стороне доле того.

Первое мое слово обращаю к просвещенным соотечественникам. Горжусь, как Русский, участием моих соотчичей в собрании родных преданий, и торжествую, что мой обет, данный родине с юных лет, исполнен при их содействии. С радостью произношу имена моих сочтичей, почтивших меня своим участием, и веселюсь за родину, что могу сказать Русское спасибо! добрым людям: А. Н. Оленину, А. Х. Востокову, кн. В. Ф. Одоевскому, Н. П. Воейкову, И. Т. Яковлеву; А. И. Кастерину, В. Г. Анастасевичу, А. В. Терещенко, В. А. Акимову, Г. С. Попову, Ю. Н. Бартеневу, В. И. Далю, Н. Л. Камаеву, Г. И. Парихину, И. Ф. Афремову.

СЛОВО К РУССКИМ ЛЮДЯМ

О Бояне, соловию старого времени! Абы ты сия плекы ушекотал, скача славию по мыслеву древу, летая умом под облаки, свивая славы оба полы сего времени… Чили вспети было вещей Бояне, Велесов внуче!

В истории Русского народа доселе изображали только одну Русь исторически общественную, забывая Русь семейную, может быть, единственную в жизни северных народов. Кто опишет нам Русскую жизнь? Неужели чужеземцы? Мы одни можем верно изобразить свою жизнь, представить свой быт со всеми изменениями; этого Россия ожидает только от Русских. Ни один чужеземец не поймет восторгов нашей семейной жизни: они не разогреют его воображения, они не пробудят таких воспоминаний, какими наполняется Русская грудь, когда ее быт совершается воочию. От этого-то наши родные напевы так сладко говорят Русской душе о родине и предках; от этого-то наши былины так умильно воспоминают о горе дедовском; от этого-то наши сказки так утешно радуют нас своим родным языком; от этого-то наши игры так утешают молодежь после тяжких трудов; от этого-то на наших свадьбах так резво веселится пылкая душа мужающих поколений; от этого-то в суеверных поверьях нашего народа отражается общая мировая жизнь. Все это составляет нашу народность, и в этом вмещается вся Русская семейная жизнь.

Напрасно думали, что только одни записи летописцев могут служить основанием для истории Русского народа. Разве наши песни, наши сказки, наши былины, наши поверья были выражением других народов? И будто Русский так может думать? Нет! Он знает, что все это было в его родной стороне, что все это высказывалось нашими предками, и обо всем этом забывают говорить в историях Русского народа. Если бы чужеземец спросил: что вам осталось от

вашей старой семейной жизни? – мы бы с гордостью пригласили его на Русские Святки в старинный боярский дом, и там, указывая на разгул народных фантазий, сказали бы ему: вот ее памятники! Вот наша старая Русская жизнь! Было время, когда всем этим дорожили, когда все это любили, когда все это берегли как сокровище. Образованные европейцы восхищались нашими песнями; но можно ли их восторг сравнить с нашим восторгом? Они в нашей народной поэзии слышали только отголоски, вылетавшие из восторженной души; но они не могли постигать наших былин, создаваемых вдохновением и восторгом в полном наслаждении семейной жизни.

Много погибло на нашей земле родных преданий, драгоценных для истории, незабвенных для потомства. Краса Русских князей, враг неправды и злодеев, витязь отважный, чудо вековое – Мстислав Удалый величаво красуется в нашей истории и славится памятью в былинах народных. Историки об этих былинах не знают. Мы переводим вздорные повести, а не хотим вспомнить о думе «Иван-Озеро», думе неподражаемой. Какая-то непостижимая сила сберегла для нас памятники угаснувшей словесности «Песнь о полку Игоревом» и «Сказание о Куликовской битве». Если бы народные былины были изданы, верно все непонятные слова в «Песне о полку Игоревом» сроднились с нашими понятиями, и тогда, может быть, постыдились бы говорить, что наших Боянов не бывало, что эта песнь есть современное наше произведение.

Вспомните, добрые Русские люди, что наши предки любили места, где они родились, где жили их отцы, где стояли грудью за родину. В старину в звучных словах славилась родина, славилась хижина, славилась река, близ которой ликовал свою победу дед и прадед. Реки: Волхов, Москва, Волга, Ока, Дон, Дунай, Днепр – не забыты Русскими. Игривое воображение, олицетворив богатырскою отвагою победные берега рек, произвело прелестные народные создания. Так песня о Доне имеет свою неподражаемую оригинальность, свою вековую самобытность, свою первобытную поэзию, свою историю. Волхов, безмолвный свидетель великих событий, воскрешает забытые народы. Ока грустно припоминает о набегах татар, стесняет грудь песнопевца и тяжелым звуком навевает бывшее страдание отчизны. Волга, утолявшая жажду бесчисленных племен, памятна песнями и разбоями. В песнях днепровских славится двор великого

Владимира, его могучие богатыри, его отважные походы. Дунай говорит нам о других, забытых Русских походах. Это все оглашается и доселе в разных селениях; но об этом немногое напечатано.

Не я первый принимаюсь за описание Русской семейной жизни; наши археологи уже прежде меня успели заслужить лестное одобрение от соотечественников. Задолго до меня много было приготовлено Русских изысканий; но еще более представляется надежда в будущем.

В «Сказаниях русского народа» я поместил все то, что было собрано мною во время путешествия по губерниям Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. В эти счастливые дни моей жизни, изучая Русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во все рассказы поселян, с тщательностью записывал все народные предания и поверья, со слов самих рассказчиков. Из этих-то записок представляю на суд Любезным Соотечественникам «Сказания русского народа». Сознаюсь, что мои изыскания далеки от полноты, которая должна бы находиться в подобных собраниях. Это я сам вижу более других и знаю, что для совершенно полного описания Русской жизни надобно объехать всю Русскую землю и неутомимые труды многих людей.

Благосклонное внимание к моим трудам просвещенных соотечественников доставило мне возможность продолжать предпринятое издание в обширном объеме. С надеждою на это внимание распространяю план и в «Сказаниях русского народа» представляю Русскую семейную и общественную жизнь во всех видоизменениях. Вот программа, по которой я решаюсь ныне издавать «Сказания русского народа»…*

Из средины Русской земли выношу вам, мои добрые соотчичи, нашу заветную народность. Я не ходил за нею ни на Восток, ни на Запад; она сама откликнулась мне на родной земле, она сама заговорила со мной родным языком, она сама рассказала мне чудные былины о родине и предках. В ее тысячелетних былинах вся Русь воскресала предо мною. Это была уже не книжная история, выкроенная по чувству заморскому, повесть, чуждая Русскому уму и Русскому

* См. Приложение. – *Прим. сост.*

сердцу; это была история, родная нам по мысли и слову, повесть про Русскую землю, про Русских людей. За этою-то народностью ходил я по городам и селам, по домам и по полям. Вспомните, что скоро настанет тысячелетие нашей народности; вспомните, сколько она в эту тысячу лет претерпела гонений. Были страшные годины на нашей родной земле, когда Русский отстаивал свою народность. Золотом и трудами платил он Норманну и Татарину, Французу и Немцу за свою веру, за свой язык, за могилы своих отцов. Вспомните свою народность и сохраните ее для себя самих, для своего потомства.

И. Сахаров

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Отцы и братие! еже ся где описал
или переписал или не дописал, чтите
исправляя Бога для, а не кляните!

Русские древности, столь близкие нашему сердцу, были любимыми занятиями многих почтенных соотечественников. Для них старая русская жизнь, сохраняющаяся в народных сказаниях и обычаях, была единственною целью всех изысканий. Неужели мы и теперь будем безмолвны, когда видим, с какою готовностью и самоотвержением русские и чужеземцы посвящают этому лучшие годы своей жизни, не обращая внимания – будут ли их занятия оценены современниками? Рано или поздно прервется это молчание, эта невнимательность. Мы постигаем, что все собранное неутомимыми трудами этих почтенных тружеников составляет сборник самых любопытных сведений, неистощимый запас для будущих деятелей, драгоценный для чтущих свято в своем сердце Русскую землю.

Не принимая на себя смелости равняться в своих изысканиях с трудами предшественников и представляя более свои занятия на строгий суд соотечественников, осмеливаюсь сказать свое мнение о всех сочинениях, выданных русскими и чужеземцами единственно только по одним сказаниям. Начинать обозрение о каждой книге, о каждой журнальной статье отдельно было бы некстати и неуместно; это составило бы только пустой обзор, ничего не объясняющий, замечания на избранные предметы, ничего не открывающие. В наше время уже довольно много сделано стройного и важного, мы имеем предметы более или менее обработанные. Вот почему представляю свое обозрение в форме исторической, осматривая каждый предмет в трудах многих писателей. Опасаюсь одного только, чтобы под избранным мною названием: «Русская народная литература» – не признавали мои суждения за произвольные и опрометчивые, за решимость выше сил моих, за желание поставить на вид одного себя. В таком случае не ожидаю для себя никакого снисхождения от людей, сочинения которых были избраны мною для обозрения. Зная, что мои замечания сказаны беспристрастно, с одним только желанием открыть истину, указать на труды, заслуживающие полную признательность соотечественников, я уверен в правоте своей, не прошу извинений, которых никогда и ничем не вымолишь для своих недо-

статков, но готов и защищать себя от несправедливых обвинений. Не думаю также, чтобы было нужно защищать избранный предмет. Смешно было бы до пошлости отвергать нападения на существование русской народной литературы, когда есть сотни сочинений, изданный по одному и тому же предмету.

Русская народная литература будет состоять из двух отделений. В обозрение первого будут входить:

1. Славяно-русская мифология.
2. Песни русского народа.
3. Русские народные праздники.
4. Пословицы русского народа.
5. Русские народные свадьбы.
6. Сказки русского народа.

Второе отделение единственно посвящается на обозрение русских областных наречий. Этот предмет, еще непочатый в русской литературе, приводит в изумление своим величием. Неистощимость русского языка, коренные русские формы выражений, местный выговор слов открывают в нашей отчизне людей с особенными наречиями, язык славянский, почитаемый доселе забытым. Так, в одном месте мы встречаем язык наших летописей живым и действующим, в другом видим первозданную русскую народную поэзию во всей целости, неиспорченную, не обезображенную. Тогда увидят, что так бесщадно терзаемая «Песнь о полку Игоревом» откроется чисто русским произведением, тогда все непонятные в ней слова, почитаемые забытыми, чужими представятся действующими, нашими; тогда мы не будем переселять это произведение из одного места в другое или усвоять его другому славянскому поколению.

Не беру на себя отважной дерзости представлять грамматики русских областных наречий; это труд гигантский, труд многих людей и многих годов; я единственно принимаю на себя показать особенности: а) великорусских наречий: новгородского, московского, суздальского, владимирского; б) малорусских: полтавского, харьковского, киевского; в) белорусских по старым памятникам; представляю словари областных наречий; покажу сравнительные сказания каждого из них.

СЛАВЯНО-РУССКАЯ МИФОЛОГИЯ

История славяно-русских мифографий представляет одно из редких явлений в русской литературе, явление, исполненное разнообразных вымыслов, невероятных догадок, ничтожных предприятий. Начиная с Нестора – до наших времен – мы насчитываем более десяти русских мифографов; но, при всем этом, смело можем сказать, что наша литература не имеет еще славяно-русской мифологии. Кажется, что все это происходило от того, что наши мифографы впадали в решительные крайности, уничтожавшие все их предприятия. Для подтверждения наших слов указываем на эти крайности.

1. *Усвоение славяно-русской мифологии всех других богов славянских поколений*.

Писатели собирали все, что только находили у иностранных писателей об этих богах, без всякого различия. Все чужое, не наше, приписывали русским, нашим предкам. Из этого вышло, что все доселе известные мифографии не только не достигли своей цели, но еще лишили и нас, и иностранцев полного доверия к русской археологии.

2. *Открытие происхождения славянских богов в мифологиях других народов.*

Здесь выставляются ничтожные догадки за историческую истину. Может ли быть доверие к таким трудам?

3. *Филологические разыскания*.

Писатели доискивались славяно-русских мифов в именах богов всех языческих народов. Здесь проявляются отчаянные крайности и удивительное незнание славянских племен. Неоспоримо, что этот источник заслуживает особенного

внимания; но он тогда только получает свое достоинство, когда мы решительно знаем происхождение народа. Но кто нам сказал и кто скажет – откуда произошли славяне? Знавши это, мы бы знали: каких богов перенесли славяне в новое жилище из своей родины.

4. *Безусловное верование в источники.*

Здесь решительно мы не замечаем исторической критики. Все наши мифографы, кроме г. Строева, как бы согласились допускать всякое вздорное известие за правду. Стоит только сравнить источники историческо-критически, пересмотреть – откуда кто и что брал, и мы тогда вполне узнаем их достоинство. Наши мифографы верят Стрыйковскому, но не верят Длугошу, из сочинения которого выписывал Стрыйковский; верят Гизелю, но не верят Стрыйковскому, из сочинения которого Гизель составил особенную главу о идолах в «Киевском синопсисе». Все знают, что сказание Нестора есть вероятнейшее и притом ближе всех ко времени славянам-язычникам, но ему не верят, а верят позднейшим, которые списывали Нестора и прибавляли свое.

5. *Произвольные дополнения.*

Писатели выдумывали мифы, убеждали в существовании небывалых славяно-русских богов. Более всех этим отличается мифография Григория Глинки.

Основание славяно-русских мифографий составляют две отдельные системы: *многобожие и семибожие*.

Первая система, основанная на многобожии, образовалась в мифографиях: *Гизеля, Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова.*

Иннокентий Гизель, архимандрит Киево-Печерского монастыря, составляя «Киевский синопсис» из трудов *Феодосия Софоновича*, игумена Киево-Михайловского Золотоверхого монастыря, приделал особенную статью: *о идолех.* Описание этих идолов составляет первую русскую мифографию, изложенную по иностранным писателям. Источники, руководившие Гизеля, были: сочинения – Кромера, Гваньини, Стрыйковского. Сближаясь с этими писателями, он забыл, что писал

Нестор, и к славяно-русским богам прибавил: *Позвизда, Ладо, Леля, Полеля, Ладу, Купало, Коляду, Услада* или *Ослада*. Его описание Перуна, наполненное выдумками против Нестора, представляет образчик чужеземных внесений:

«Во-первых, постави (Владимир) начальнейшего кумира, именем *Перуна,* бога грому, молнии и облаков дождевых, на пригорку высоком, над Буричовым потоком, по подобию человеческу. *Туловище* бе его от древа *хитросне иссечено*, главу имущее слияву от сребра, *уши златы, нозе железны, в руках держащее камень*, цо подобию Перуна пылающа, *рубинами* и *карбункулами украшен*; а пред ним *огнь всегда горяше*. Аще бы по нерадению жреческому ключилося огню угаснути, того жреца, аки врага бога своего, смертью казняху… Первейшего бога или идола Перуна повел (Владимир) к конскому хвосту привязати и влещи во Днепр, приставивши дванадесять паличников, да бьют его палицами, не яко чувственное древо; но да поругаются бесови, иже чрез него народ человеческий прельщаше. Привлекшее же его к брегу, ввергоша в Днепр. И заповеда Владимир, да нигде же припустят его к брегу, дондеже минет пороги; нижая же порогов изверже его ветр, под едину гору велику, яже и доныне Перун гора нарицается. Носит же ся и сия повесть еще от старых людей, яко некоего идола, егда влекоша неции с горы утопити в Днепр, биющь его нещадно, бес в том идоле восклицаше, рыдая зело. Ввержженный же он болван в Днепр, поплыв вниз, а неверши людие идуще брегом, плакаху и зваху, глаголющее: “Выдыбай наш господарю боже, выдыбай”, си есть – выплывай. Идол же той выдыбал или выплывал тамо на брег… Но и тамо егда неверши люди хотяху взятии того идола, верни же притекше, камень к нему привязаху и утопиша идола».

«Вторый идол высть *Волос*, бог скотов.

«Третий *Позвизд*, инии же прозваху его Похвист, неции нарицаху *Вихром*, исповедающе бога бытии воздуха, ведра и безгодия.

«Четвертый идол *Ладо*, сего имеяху бога веселия и всякого благополучия, жертву ему приношаху готовящиеся

к браку, помощью Лада, мнящее себе доброе веселие и любезно житие стяжати.

«*Леля и Полеля* от древнейших идолослужителей почитаху иже неких богов, их же богомерзкое имя и доныне по неким странам на сонмищах игралищных именем Лелем и Полелеем возглашают.

«*Ладо*, матерь Лелеву и Полелеву, поющее: Ладо, Ладо, идоли ветхую прелесть дьявольскую на брачных веселиях руками плещущее и о стол биюще, воспевают.

«*Купало* пятый идол, его бога плодов земных выти мняху, и ему прелестию бесовскою омраченные благодарения и жертвы в начале жнитвы приношаху».

«*Коляда* шестый идол, бог праздничный, ему же праздник велий месяц Декемврий в 21 день составляху.

Разве тех бесовских кумир, еще иные идолы мнози бяху по имени: *Услад* или *Ослад*, *Корша* или *Хорс*, *Дашуба* или *Даждь*, *Стриба* или *Стрибог*, *Семаергла*, или *Семаргл*, и *Мокош* или *Макош*, им же бесом помрачении людие, аки богу жертвы и хваления воздаваху. Сия же мерзость во всем государстве Владимировом по повелению его содевахуся».

После Гизеля явился Попов со своею мифографией. Его сочинение *Краткое описание славянского баснословия*, изданное в 1768 году, было вторично перепечатано в 1772 году, в «Досугах» или Собрании сочинений и переводов, в первой части. Об источниках нашей мифологии он писал в своем предуведомлении.

«Материю, составляющую сию книжку, выбирал я из разных книг, содержащих Российскую Историю, какие имел или какие мог сыскать для прочтения, также из простонародных сказок, песен, игр, и оставшихся некоторых обыкновений. Я не везде приводил Авторов, для того, что ни себя, ни других тем не хотел отяготить; ибо ученым и любопытным и без того они известны; а притом сие сочинение сделано больше для увеселения читателей, нежели для важных исторических справок, а больше для стихотворцев, нежели для историков».

Следовательно, источники остались известны только одному г. Попову; но в самом описании баснословия он ссылается на *Ломоносова, Эмина, Тредиаковского, Мавро-урбина, Стурлезона*, на *иностранных писателей безыменных* и на такой-то *Немецкий баснословный словарь*. Сочинение Попова до 1815 года было руководством для русских и иностранных мифографов. Чулков буквально списал все его описания в свой словарь, Глинка и Кайсаров повторили в другом виде сочинение Попова. Леклерк во всем основался на него в славянском баснословии. Напрасно Болтин и другие вооружались против этого. Писатели ничего не хотели знать. Желание Попова действительно сбылось: Херасков его описания внес в свою поэму «Владимир», а стихи Хераскова Глинка внес в свою мифографию как единственный исторический источник. Кайсаров с негодованием говорил о Попове: «Г-н. Попов представил краткий чертеж Славянской Мифологии. Хотя этот чертеж так краток, что содержится только в двух печатных листах, однако ж в нем находится довольно пустого. Автор не упоминает даже об источниках, из которых он почерпал, считая это бесполезным делом». Заметим: все известные источники Кайсарова находятся в сочинении Попова, только со многими прибавлениями.

К монографии Гизеля Попов прибавил 36 богов, так, что его славянское баснословие составилось из 51. Описания богов Попова замечательны выдуманными прибавлениями. Вот его описания:

«Световид, Святовид, а также Святович, бог солнца и войны, почитался и имел храм на острове Ругене, в Славянском городе Ахроне. Каждый год Ахронские жители, как мужчины, так и женщины, приносили в храм подати по пенязю. Истукан Святовидов был преогромные величины; сотворен из древа крепкого, о четырех лицах, наподобие фонаря, так что от всякие страны образ его виден был: может быть, это значило четыре времени года (с. 201)».

«Перун, у других Славянских народов *Перкун*, начальнейший Славянский бог, почитался производителем всех воздушных явлений и действ, как-то: грома, молнии и облаков,

дождя и прочего; притом же нарицали его строителем громостреляния. Когда еще Святый В. К. Владимир помрачен был тьмою идолослужения, тогда воздвиг сему Перуну в Киеве и прочим божествам истуканы и повелел приносить им жертвы, что было в лето 6488/980. Последуя ему Добрыня, дядя его, находившийся в Новгороде наместником, воздвиг также в округе Новгородском *премножество кумиров, и принуждал силою, находившихся между язычниками Христиан* поклонятися им и жертвовать. В Киеве же храм Перунов стоял вне дворца теремного над Буричвым потоком, на высоком холме. Кумир его вырезан был из *негниючего дерева*, голову имел серебряную, усы *и уши золотые, ноги железные*, в руках держал камень, *наподобие пылающей молнии*, придававшийся от *древних Юпитеру, рубинами и карбункулами украшенную*. Огнь пылал пред сим идолом непрестанно; а когда случилось оному, по нерадению жреческому, угасать, то сжигали оного жреца как врага божеского. В жертву приносили ему не только волов и пленников, но единородных своих детей; и также имели иные обычаи, обрив голову и бороду свою, жертвовать ему своими волосами. Инде посвящали ему леса и рощи, в которых запрещалось рубить под казнью. Имя его Перун значит *на древне-Славянском* языке: *Гром*, которое дано ему как производителю оного».

Сколько здесь произвольных прибавлений в описании одного Перуна! Гизель списал Стрыйковского и Гваньини и прибавил свое. Попов списал Гизеля и прибавил также в свою очередь. Время, в которое жил Попов, цель, избранная им, – *увеселять* – спасают его от критики.

В 1782 году Чулков издал *Словарь русских суеверий*, переделанный им в удивительное собрание, под другим заглавием: *Абевега русских суеверий, идолов, колдовства, шаманства* и проч. Сочинение Чулкова, выдаваемое за русское народное описание, было вместилищем всех суеверий – русских, калмыцких, камчатских, тунгусских, татарских, якутских, словом, всего того, что он мог где-либо выписать. Выписки Чулкова подражательны до последней возможности; он выписал

буквально, подражая всему, сокращал мало, прибавлял своего еще менее. В русской мифологии путеводителем его был Попов. Как верный его последователь, он принял в славянскую мифологию многобожие. В его сочинении не было избранной цели: это смесь *всякой всячины*, бывшей в его время в большом употреблении. Приводим эти подражательные выписки в сравнении с Поповым, Кайсаровым и Глинкою:

Попов (с. 69):

«Волоты. Сии страшилища, по сказанию Ломоносова, то же значили, что у Греков Гиганты; и конечно уже получали жертвы».

Чулков (с. 183):

«Волоты сии страшилища были Великаны и значили у Славян то же, что у Греков Гиганты, им приносили жертвы».

Кайсаров (с. 66):

«Волотов сравнивают иные с Греческими Гигантами. Удачно ли сравнение, не смею решить».

Глинка (с. 124):

«Волоты исполнены непомерной величины и силы. Из сказок древних видно, что сверх силы имели они еще дар неуязвительности».

Попов (с. 189):

«Догода Славянский Зефир, которого признавали богом производителем тихого и приятного ветра и ясные погоды».

Чулков (с. 191):

«Догода, Славянский Зефир, которого признавали богом производителем тихого и приятного ветра и ясной погоды».

Кайсаров (с. 139):

«Погода или Догода был бог прекрасной погоды, приятного ветерка. Это Славянский Зефир».

Глинка (с. 105):

«Догода. Вот милое божество, противоположное свирепому Позвизду. Младой, румяный, русокудрый, в васильковом венке, с голубыми по краям позолоченными крыльями бабочек, в сребролестящей голубоватой одежде, держащий в руке шипок и улыбающийся на цветы, летя над оными и поливая

их, есть Славянский бог приятного весеннего времени, тихий, прохладный ветерок, Догода. Он имел свои храмы, и ему жертвовали цветами, песнями и плясками».

Чулков, кроме явной подражательности Попову, заметно старался быть и самобытным. Он в своей мифографии к славяно-русским богам прибавил: *Дедушко домовой, Лихорадка*; уничтожил: *Чудо морское, Дон*; переделал: из Ягабаба – *Ягая-баба*, из Леля – *Лельо*, из Сильный бог – *Крепкий бог*; убавил от Ладо – *Лада*, от Стриба – *Стрибог*; дополнил: к Ния – *Ниам*, к Позвизду – *Вихрь*, к Тригла – *Триглава*.

В 1804 году профессор Дерптского университета г. Григорий Глинка издал в Митаве свою мифографию *Древняя религия славян*. Сочинение Глинки было совершенно отличное от предшествовавших. Он, принявший многобожие, наполнил свою мифографию невероятными выдумками, никогда не существовавшими в русской литературе. Его введение, объясняющее причины дополнений, изумительно для исторической критики.

«Изображения, дела, самые даже названия богов известного народа суть сколок оного (с. 6). Описывая произведения фантазии или мечтательности, я думаю, что не погрешу, если при встречающихся пустотах и недостатках в ее произведениях *буду дополнять собственною под древнюю стать фантазиею* (с. 8). Я переселяюсь в пространные разнообразные области фантазии древних славян, по ним стану собирать всецелые мечтательные идеи и малые их частицы, и последние, сообразуясь их устроению, *дополнять* материалами сего царства, *по законам соображения* или мечтания (с. 10). Хотя происхождение богов или Феогония Славянская для нас не сохранилась; чему в свое время, конечно, надлежало быть; однако ж из свойства богов, или лучше естественных вещей, или деяний и явления, можем заключать о мечтаемом о них происхождении. Впрочем, к *чистоте рассудка славянского народа* может отнестись то, что *их вера из многих языческих есть чистейшая*. Ибо их боги суть естественные действии, благотворением своим имеющие на человека влияния и слу-

жащие к страху и казни беззакония, равномерно как природные свойства и совершенство обоженных. Сие проникнул творец Владимириады (Херасков) (с. 15)».

Мифологию славяно-руссов распределил г. Глинка в следующих видах: 1) *Превыспренные боги*, обоженные существа, вне земли находящиеся; 2) *Земные боги*, коих свойства отвлечены от земных полезных произведений, для жизненных человека потреб; 3) *Преисподние боги*, кои изображают собою месть и казнь, последующую за беззаконием и пороком; 4) *Водяные боги*, коих власть простирается над водами; 5) *Духи*; 6) *Полубоги и богатыри*; 7) *Озера обоженные*; 8) *Реки*. К прежним мифографиям он прибавил новых богов: *Живот, Родомысл, Ясса, Водовики, Стени, Лизуны, Куды, Черти, Бесы, Рудоток, Ильмень, Славян*; изменил – из Семаргла *Зимцерла*, из Волхв сделал еще другого *Волховец*; отнял: от Даждь-бога – *Дашуба*, от Услада – *Ослад*; уничтожил: *Детинец, Змей, Ямалла, Рощи, Тур.*

Источники, служившие основанием древней религии славян, не показаны сочинителем; но видно из примеров, что лучшими образцами были сочинения Хераскова. Он, описывая богов, приводит из «Владимириады» Хераскова. Так у него описан Перун на с. 22, 25 и 26 и другие. В честь Перуна г. Глинка написал особенный гимн, сочиненный им на древнюю стать. История литературы обязана сохранить примеры этого рода, поучительные для нас, современников, удивительные для потомства. Скажем откровенно: г. Глинка не знал русских древностей, и из самых слов видно, что ему не были известны наши старые, письменные памятники. Иначе бы он не решился написать подобные гимны. Приводим его:

Боги велики; но страшен Перун;
Ужас наводит тяжела стопа;
Как он в предшествии молний своих,
Мраком одеян, вихрьми повит,
Грозные тучи ведет за собой.
Ступит на облак – огни из-под пят;

Ризой махнет – побагровеет твердь,
Взглянет на землю – встрепещет земля;
Взглянет на море – котлом закипит,
Клонятся горы былинкой пред ним.
Страшне, свой гнев ты от нас отврати!
Бросив горсть граду во тысячу мер,
Только ступил, уж за тысячу верст;
Лишь от пяты его облак зардел;
Тяжка стопа гул глухой издала,
Кой горы, море и землю потряс,
И лишь сверкнуло возкраие риз.

Вот древность русская, которою угощали в 1804 году русскую публику. Кому неизвестна участь «Песни о полку Игоревом», Русской Правды, Древних славянских рунов, которых когда-то вздумали было составлять и дополнять прибавками во вновь изобретенных пергаментных списках. Но тогда было такое время, и одна только история может передать потомству о подобных проделках.

Описания других богов со своими прибавками взяты г. Глинкою из Гизеля, Попова, Чулкова и везде с прибавлением Херасковых стихов как единственного факта. Сведения о боге: *Царь Морской* – взяты из Ломоносовой «Петриады», а в уверение приложены и его стихи. В заключение сочинитель прибавил дивное создание – Храм Световида. Читая это описание, невольно спрашиваешь себя: неужели г. Глинка, издавший в 1804 году свою мифографию, считается еще современником Рюрика, Олега, жреца Боговеда? Приводим это описание, выдуманное на древнюю стать:

«Марцана еще покоилась в объятиях вод; часы стерегли вход и выход из Солнцева дому, и пристноюный Световид на златом ложе покоился в объятиях Триглы, как Рюрик с Олегом восходят на священный холм, где возносится храм Световида. Храм величественный и достойный бога славимого в нем. Первосвященник Световида, Боговед, сопутствуемый жрецами, грядет ему во сретение. Рюрик приступает к вра-

там храма, не удивляется, видя их затворенными. Храм был огромностью в 1460 шагов. Двенадцать огромных яшмовых столпов Коринфского чина поддерживают навес его кровли; оглавия их были из позлащенной меди. Триста шестьдесят окон и двенадцать врат его заключались медными затворами. При каждых дверях стояли два жреца с трубами (с. 131)».

Почти в одно и то же время с мифографией Глинки появилась в Геттингене другая, г. Кайсарова: Versuch einer Slavischen Mythologie von Andrey von Kaysarow. Göttingen, 1807. Эта монография была издана в русском переводе в 1807 году, а в 1810 году вторично перепечатана в Москве под названием: *Славянская и российская мифология*.

Сочинение Кайсарова обращает особенное внимание только по указанию источников, но не по внутреннему достоинству. Здесь то же допущено многобожие, те же внесены выписки из Гизеля, Попова, Чулкова, с выдуманными дополнениями, с прибавлением чужеземных понятий, о которых прежние мифографы не имели сведения. Наша славяно-русская мифология от этого сочинения не только не усовершенствовалась, но еще более затмилась.

Чужеземные источники, служащие основанием его мифографии, суть: сочинения Адама Бременского, Гельмольда, Кранциуса, Саксо, Длугоша, Кромера, Монфокона, Кранцеля, Шедия, Вагнера, Росса, Гроссиуса, Маша. О русских он говорил: «В России все совершенно пропало, или, по крайней мере, до сих пор не обнаружилось. Может статься, кой-что скрывается еще в углу какого-нибудь монастыря, но кому до того нужда? (с. 5) В самой России в отечественной истории около 988 года, когда Владимир Великий ввел Христианскую веру, говорили обыкновенно несколько слов о наших богах, и очень недостаточно. Как историки наши не имели внимания останавливаться за сим предметом, то упоминали они большею частью об одних только именах Славянских богов (с. 43). Кроме сих, хотя и недостаточных источников, как у нас, Россиян, еще два посторонние источника, состоящие в наших песнях и так называемых народных сказках… На мно-

гих песнях остался отпечаток седой древности; иные же из них происходят, вероятно, из языческих времен, потому что в них упоминаются часто имена некоторых Русских богов. Простонародные сказки составляли в самом деле басни, а другие небольшие рыцарские романы».

Жаль очень, что г. Кайсаров не позаботился о русских источниках: мы имеем верное сведение в «Сказании» Нестора и в «Песне о полку Игоревом». Кроме этих сведений, мы не признаем других за русские. Где наши древние русские песни? Мы их не имеем. «Песнь о полку Игоревом» не есть всеобщая народная песня: она для нас не более как историческая поэма, подобная сагам. Неужели мы должны почитать дополнительными источниками известный припев к песням: «О Дид-Ладо»? Дид никогда не был богом славяно-руссов: это позднейшие выдумки людей, не понимавших значения слов: Дид-Ладо. Певец «Слова о полку Игоревом» заставляет Ярославну называть супруга своего *Ладою.* В одной старинной Русской песне поется: «У меня Ладо змея скороспея». Здесь женщина говорит о своем муже. В другой песне сказано:

«Не утай, молодое, да что перва Лада?
Ой Дид и Ладо! Да что перва Лада? –
Как перва-то Ладо, *золот с руки перстень*,
Ой Дид и Ладо! Золот с руки перстень.
Не утай, молодое, да что друга Лада?
Ой Дид и Ладо! Да что друга Лада? –
Другая-то Лада *кунья с плеча шуба*,
Ой Дид и Ладо! Кунья с плеча шуба.
Не утай, молодое, да что третья Лада?
Ой Дид и Ладо! Да что третья Лада?
А третья-то Лада *друг милой сердечной*,
Ой Дид и Ладо! Друг милой сердечной».

Вот и старая песня, где Ладо высказывается ясно. Русские слова: *лад, ладить* имеют совершенно другое значение. Не в

них ли искать происхождение выдуманных богов Дид-Ладо? Так, вероятно, из песенного припева: *Лели, Люли* – составили – *Леля*. *Дид* в малорусском наречии означает: *дед, старик*. У нас нет и сказок, из которых можно было бы почерпнуть сведения о славяно-русских богах. Все наши народные сказки разделяются на два разряда: на *русские и чужеземные*. В наших русских сказках нет ничего о богах, известных Нестору, а о чужеземных нам и говорить нечего: это не наше. Чужие сказки имеют собственное свое достоинство в другом роде. Вероятно, г. Кайсаров не знал, что в наших народных преданиях есть сведения только о Перуне и Велесе.

Сожалея о худом состоянии славяно-русской мифологии, г. Кайсаров говорит: «Такова была судьба нашей Славянской Мифологии, как я принял намерение и с своей стороны помочь ей несколько… Одна только любовь к отечественной истории и всем частям ее побудили меня написать сии немногие страницы… Я совсем не думаю, чтобы оказал чрез то великую услугу; мне принадлежит только несколько мыслей и труды в перебрании некоторых фолиантов… Алфавитный порядок избрал я как способнейший для легчайшего обозрения. Вообще, это не собственная Мифология, а только один опыт ее (с. 46, 47, 216)».

Монография г. Кайсарова вмещает в себе еще отдельные статьи: 1) Происхождение и изображение богов, 2) Храмы, 3) Празднества, 4) Судьба славянской мифологии. Многобожие славяно-руссов у г. Кайсарова состаит из 57 богов. Он, в свою очередь, прибавил: *Вода, Горыня, Дубыня, Кащей, Кродо, Порепуч, Ругевит, Святибор, Флинц, Ютра-Бог*; переделал из Чулкова Ниам – *Ниан*; прибавил к Проно – *Прово*; к Догода – *Погода*; уничтожил *Тур* и не признал богов, допущенных Глинкою, вероятно, потому что не знал о существовании его мифографии. Самое описание богов у него изложено по способу, противоположному прежним мифографам, с указанием во многих местах источников. Вот его описания:

«Горыня. Из дошедших до нас Славянских преданий (так названных народных сказок) видно, что Горыня был

Витязь, повергавший целые горы на своих неприятелей. По своим подвигам получил он это название, происходящее от слова *Горы* (с. 71)».

«Перун был первый бог наряду тех, коим Россияне поклонялись. Думали, что дождь, молния и все другие воздушные явления ему подвластны. Особенно утверждали, что он повелевает громом, от чего и получил он свое имя, потому что Перун на всех почти Славянских наречиях означает гром; словом, это был Римский Юпитер (с. 132)».

«Посвист или Похвист. Как Русские, так и Поляки думали, что Похвист божество бури. Г-н Маш ошибается, будто бы Погода и Похвист в одно и то же время были у поляков, и еще поныне Масовяне называют большой ветр *Похвисцем*. Следовательно, Погода остается Греческим Зефиром, а Похвиста мы можем сравнить с Эолом…».

«Волос, также *Велес*. Волосу было предоставлено у Русских владычество над скотом. Между нашими богами занимал он первое место после Перуна. Нестор сообщает нам клятву, которую давали пред Волосом как богом скота. Эту клятву произнес Олег, когда сей Великий Князь был в Константинополе с войском своим и заключил мирный договор с Императорами Львом и Александром. Истукан Волос был разрушен в Киеве вместе с другими идолами, но спустя еще долгое время остались служение и образ его в Ростове; как наконец один монах по имени Авраам низвергнул его, построил на том самом месте церковь и сделал прочих язычников Христианами (с. 64)».

Мифографы, допускавшие в славяно-русской мифологии многобожие, образовали следующую феогонию:

Иннокентий Гизель
В 1674 году.

1. Перун.
2. Волос.
3. Позвизд.
4. Ладо.
5. Лель.
6. Полель.

7. Лада.
8. Купало.
9. Коляда.
10. Услад или Ослад.
11. Корша или Корс.
12. Дашуба или Даждь.
13. Семаергла или Семаргл.
14. Макошь или Мокошь.
15. Стриба или Стрибог.

Попов
В 1768 году.

1. Буг.
2. Белбог, Белойбог.
3. Велес, Волос.
4. Волоты.
5. Волхв, Волховец.
6. Даждбог, Дашуба, Дажба.
7. Дидилия.
8. Дидо, Дид.
9. Догода.
10. Домовые, домашние духи.
11. Дон.
12. Детинец.
13. Зимцерла.
14. Змеи.
15. Зничь.
16. Золотая баба.
17. Зевана, Зивония.
18. Иомалла, Ямалла.
19. Кикимора.
20. Коляда.
21. Корша, Хорс.
22. Купало.
23. Ладо.
24. Лада.
25. Леля, Лелю.
26. Леший.
27. Макошь, мокошь, мокосл.
28. Марцана.
29. Ния.
30. Перун.
31. Услад или Ослад.
32. Позвизд, Похвист.
33. Полеля.
34. Полкан.
35. Прове, Проно.
36. Радегаст.
37. Рощи.
38. Русалки.
39. Световид, Святовид, Святович.
40. Семаргл, Семаергла.
41. Сиба, Сива.
42. Сильный бог, Крепкий бог.
43. Стриба, Стрибог.
44. Студенец.
45. Тригла.
46. Тур.
47. Царь морской.
48. Чернобог, Черибог.
49. Чудо морское.
50. Чур.
51. Яга-баба.

Чулков
В 1782 году.

1. Буг.
2. Белбог.
3. Волос, Велес.
4. Волоты.
5. Волхв.
6. Даждбог, Дашуба, Дажба.
7. Дидилия.
8. Дид, Дидо.
9. Догода.
10. Домовой, Дедушка домовой.
11. Дедушко Водяной.
12. Детинец.
13. Зимцерла.
14. Змеи.
15. Зничь.
16. Золотая баба.
17. Зевана, Зивония.
18. Иомалла, Ямалла.
19. Кикимора.
20. Коляди.
21. Корс, Хорша.
22. Купало.
23. Ладо.
24. Лада.
25. Лихорадки.
26. Лельо.
27. Леший.
28. Макошь, мокошь, мокосл.
29. Марцапа.
30. Ния или Ниам.
31. Ослад или Услад.
32. Позвизд, Похвист, Вихрь.
33. Полеля.
34. Полкан.
35. Проно, Прове.
36. Радегаст.
37. Рощи.
38. Русалки.
39. Световид, Святовид, Святович.
40. Семаергла, Семаргл.
41. Сиба или Сева.
42. Сильный бог.
43. Стриба.
44. Студенец.
45. Тур.
46. Царь морской.
47. Тригла, Триглава.
48. Чернобог, Черибог.
49. Чур.
50. Яга-баба.

Глинка
В 1804 году.

I. ПРЕВЫСПРЕННЫЕ БОГИ.
1. Перун – движение эфира, гром.
2. Златая баба, златая мать – тишина, покой.
3. Световид – солнце, жизненная теплота.

4. Зничь – начальный огонь.
5. Белбог – благое и доброе начало.
6. Сильный бог.
7. Даждбог – благополучие.
8. Живот – сохранение жизни.
9. Лада – война.
10. Коляда – мир.
11. Услад – удовольствие
12. Лель – любовь.
13. Ладо – красота.
14. Полель – брак.
15. Дид – супружество.
16. Дидилия – деторождение.
17. Марцана – заря, богиня жатвы.

II. ЗЕМНЫЕ БОГИ.
18. Тригла – земля.
19. Волос – бог, покровительствующий скоту.
20. Мокошь.
21. Купало – земные плоды.
22. Родомысл – податель благих советов.
23. Сева – богиня плодов.
24. Зевана – богиня звероловства.
25. Чур – бог межей.
26. Прове или Пров – бог прореканий.
27. Радегаст – бог странноприимства и городов.
28. Корс – бог пьянства.
29. Ясса.
30. Позвизд – бог бурь и ветров.
31. Догода – зефир.
32. Зимцерла, Зимстерла – весна.
33. Зимерзла – зима.

III. ПРЕИСПОДНИЕ БОГИ.
34. Ний – владычествующий над преисподними странами.
35. Чернобог – бог отмщения.

36. Стрибог – истребитель.
37. Яга-баба.
38. Кикимора – бог сна.

IV. ВОДЯНЫЕ БОГИ.
39. Царь морской.
40. Чудо морское.
41. Русалки.
42. Водовики – водяные черти.

V. ДУХИ.
43. Лешие.
44. Домовые.
45. Стени.
46. Лизуны.
47. Куды.
48. Черти.
49. Бесы.

VI. ПОЛУБОГИ ИЛИ БОГАТЫРИ.
50. Полканы.
51. Волоты.
52. Славян.
53. Волхв.
54. Волховец.
55. Рудоток.

VII. ОЗЕРА ОБОЖЕННЫЕ.
56. Ильмень.
57. Студенец.

VIII. РЕКИ.
58. Буг.
59. Дон.

Кайсаров
В 1804, 1807, 1810 годах.

1. Буг.
2. Белбог.
3. Вода.
4. Волоты.
5. Волхв, Волховец.
6. Волос или Велес.
7. Горыня.
8. Даждбог, Дажба, Дашуба.
9. Детинец.
10. Дон.
11. Дидо – Дид.
12. Дубыня.
13. Домовые духи.
14. Дидилия.
15. Зевана, Дзеванна.
16. Зимцерла.
17. Змеи.
18. Золотая баба.
19. Кащей.
20. Кикимора.
21. Коляда.
22. Корша, Корс.
23. Кродо.
24. Ладо.
25. Купало.
26. Лада.
27. Лелья, Лелио.
28. Лешие.
29. Макош, Мокошь.
30. Марцана.
31. Ния, Ниан.
32. Ослад или Услад.
33. Перун.
34. Проно, Прове, Прово.
35. Посвист, Похвист.
36. Погода, Догода.
37. Полель.
38. Полкан.
39. Поренучь.
40. Поревит.
41. Радегаст.
42. Ругевит.
43. Русалки.
44. Световид, Святовид, Святович.
45. Семаргл.
46. Сива.
47. Сильный бог.
48. Стриба, Стрибог.
49. Святибор.
50. Триглава.
51. Флинц.
52. Царь морской.
53. Чернобог.
54. Чудо морское.
55. Чур.
56. Ютра-бог.
57. Ягая-баба.

В сих пяти мифографиях представляются постепенные дополнения и изменения славяно-русской мифологии. Это живая летопись сведений и направлений духа мифографов.

Здесь мы видим: кому что нравилось? Кто и что выдумал? Когда совершались изменения?

Вторая система славяно-русской мифологии, основанная на *семибожии*, единственно по одному сказанию Нестора, образовалась в мифографиях: *Строева, Руссова, Приезжева*.

Преподобный Нестор, передавший потомству русские события, первый говорит о славяно-русских богах. В его летописи, оконченной в 1093 году, мы находим следующие известия:

В договоре Игоря с греками сказано:

«И елико их есть не хрещено да не имут помощи от Бога ни от *Перуна*».

В утверждении сего же договора писано:

«И да будет клят от Бога и от *Перуна* яко преступи свою клятву».

В договоре Святослава с греками сказано:

«Да имеем клятву от Бога, в его же веруем, в *Перуна* и в *Волоса*, скотья бога».

В утверждении клятвы Игорем с греческими послами он записал:

«Заутра призва Игорь слы, и приде на холм, где стоял *Перун*. Покладоша оружие свое, и щит, и золото, и ходи Игорь роте и люди его, елико поганых Руси».

В описании княжения Владимира он сказал:

«И нача княжити Володимер в Киеве един, и постави кумиры на холму вне двора теремного: *Перуна* древяна, а главу его серебрену, а ус злат, и *Хрса*, и *Дажь бога*, и *Стрибога*, и *Симаргла*, и *Мокошь*. Жряху им, наричюще я богы, привожаху сыны своя и дщери, и жгяху бесом, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Русска и холм-от».

«Володимер же посади Добрыню уя своего в Новегороде; и пришед Добрыня к Ноугороду, постави кумира над рекою Волхвом, и жряху ему людие Ноугородстии, аки богу».

«Иде Володимер на Ятвяги, и победи Ятвяги, и взя землю их, и идее к Киеву, и творяще потребу кумиром с людьми своими. И реша старцы и бояре: мчем жребии на отрока и девицю;

на него же падет, того зарежем богом. Бяше Варяг един… бе же Варяг той пришел из Грек, держаше веру Хрестеянску, и бе у него сын красен лицем и душею, на сего паде жребии… Реша пришедшее посланнии к нему: яко паде жребии на сын твой, изволиша бо и бозе собе; да створим потребу богом».

«Повел кумиры испроврещи, овы осечи, а другие огневи предати; Перуна же повел привязати коневи к хвосту и влещи с горы по Боричеву на Ручаи; 12 мужа пристави тети жезлеем. Се же не яко древу чюющю, но на порученье бесу, иже прельщаше сим образом человекы, да възмездье примет от человек, и поругаем. Влекому же ему по Ручаю к Днепру, плакахуся его невернии людье, еще бо не бяху прияли святаго крещенья; и привлекшее, вринута и в Днепр. И пристави Володимир, рек: аще где пристанет, вы то отренайте его от берега, дондеже пороги проидет; то тогда охабитеся его. Они же побеленная створиша. Яко пустиша и проиде сквозь порогы, изверже и ветри на Рене, и оттоле прослу Перуняна рень, яко же и до сего дне словеть».

Вот единственное и верное основание славяно-русской мифологии! Кроме сего, мы не находим ничего, и едва ли что можем найти. После сего нельзя не удивляться, рассматривая русские мифографии, наполненные выдуманными и чужими богами, пересказанные со многими невероятностями. Сочинители предпочитали более позднейших и притом чужих мифографов, не знавших нашего отечества, забывали о Несторе, который знал славян более других, из которого заимствовали польские историки и иностранные путешественники, бывшие в Русской земле.

В 1815 году г. П. М. Строев в издаваемом им тогда журнале – «Современный наблюдатель российской словесности» – напечатал: *краткое обозрение Мифологии славян российских*. Это обозрение в том же году было отдельно перепечатано *со многими переменами и поправками*.

Г-н Строев свое обозрение начинает взглядом на происхождение мифологии и о славянской говорит: «…мы имеем весьма слабое понятие о баснословии славян; немногие известия дошли до нас чрез иностранных историков, а собственные

наши летописи почти ничего не сохранили (с. 9). Многие из новейших писателей хотели Славянскую Мифологию привесть в систему. Они собирали все, что им ни попадалось; но никто еще до сих пор не старался обработать Славянскую Мифологию образом ученым. Впрочем, *едва ли можно издать классическое сочинение о сей материи*, несмотря на ее важность и даже необходимость (с. 12…)».

По этому понятию г. Строев необходимо должен был отвергнуть мифографии: Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова – и отвергнул с честью. Он принял в основание Нестора и первый допустил в славяно-русскую мифологию семибожие. Строев говорит, что:

«Каждое племя славян имело собственную свою Мифологию, и что мнения одного из них нимало не распространяются на все прочие, или, по крайней мере, на некоторых. Мнения религии Сербов, Поляков, Моравов и других народов Славянского поколения нимало не принадлежат к мифологии Славян Российских (с. 16). Владимир, поставив в Киеве изображения семи богов, кажется, сделал только то, что почитаемых разными Славянскими, Финскими племенами богов, собрал в одно место и, так сказать, объявил их общими целого государства и его покровителями (с. 19). Сии принесенные в Киев боги суть: *Перун, Волос, Даждь-бог, Стрибог, Хорс, Семаргла, Мокошь* (с. 21)».

Исследования г. Строева о славяно-русских богах основаны: на Несторе, византийских историках: *Прокопии и Константине Багрянородном, Бакмейстере и Шлецере*. Следствием этого вышло, что *Перун* был главнейший и, по всей вероятности, единственный бог первобытных славян; *Волос*, покровитель стад, неизвестно принадлежавший какому из поколений славян; *Стрибог*, согласно «Песне о полку Игоревом», признан за греческого Эола; о Даждь-боге г. С. думает, что едва ли он был не Перун, и не соглашается с мнением графа Мусина-Пушкина; *Хорса, Семаргла и Мокоша* не признает за славянских богов, а за финских или скандинавских. О богах мнимых он говорит:

«Славяне почитали также нимф, духов горных и лесных. Предания о Русалках, ведьмах (баба-яга?), леших, домовых

и водяных, демонах и поныне еще существуют. Домовые не то ли же, что древние Пенаты и Лары? Я думаю, что и Чур, если он только подлинно был божеством Славяно-Русским, коего обыкновенно считают богом границ, межей (Греческим Термом), был также богом домашним, хранителем жилищ, что доказывает известное чуранье (с. 33). Не было ли также преданий о славных войнах или богатырях, отличившихся некогда своею храбростью и подвигами. От сего легко могли родиться понятия о Полубогах и Ироях. Да разве сказки наши не рассказывают столько чудесностей о Полканах, Дубынях и проч. Но обо всем этом можно только догадываться, а не говорить утвердительно, как то сделал г. Кайсаров (с. 35)».

Мифография г. Строева доселе остается одною из лучших, потому что в ней не встречаем ни филологических разысканий, столько же убийственных, как старая схоластика, не видим ложных поверий, какими наполнены другие мифографии – Попова, Чулкова, Глинки и Кайсарова. Мы уверены, что если бы г. Строев занялся теперь славяно-русскою мифологией, то он избавил бы себя от некоторых понятий о происхождении мифов, которые при нынешнем состоянии археологии представляются совершенно в другом виде.

В 1824 году г. Руссов издал: *Опыт о идолах, Владимиром в Киеве поставленных во время язычества, и сим же Великим Князем, самим уничтоженным, когда он просветился благодатных учением христианской веры*. Эта новая мифография, написанная в противоположном духе прежних писателей, допускает семибожие по сказанию Нестора и основана на объяснении эллино-римской мифологии. По изысканию г. Руссова открылось, что славянские боги были родом из Рима и Греции, а на Русь, в Киев, перешли из Фризии или Валлахии Балтийской, а во Фризию они взошли из Финикии (с. 18). Затейливую, по словам г. Руссова, славянскую мифологию составили фризские первосвященники (с. 19). *Сочинитель* «Песни о полку Игоревом» *знал* мифологию славян *посредственно* (с. 15). *Имена киевской мифологии употреблены славяно-греко-латинские* (с. 14). О славянских мифографах он говорит: «Самые ученей-

шие мужи и опытнейшие изыскатели древностей принимались толковать, что значат сии божества; но все доселе остались при одних догадках (с. 2). Я заглянул на Эллино-Римскую Феогонию и не нарочно напал на Стреба и Стребия. Пускай они будут проводниками к изъяснению самих себя и прочих *шести своих товаритей* (с. 6). Когда я думал, что значит *"Макош",* Капинька, дочь хозяина моей квартиры, кликала меньшого брата: *"Микоша, Микоша!"* –"Что такое значит Микоша?" – спросил я бывших тут людей. "Никифор", – сказали они. "А что такое будет *Макоша*?" – продолжал я. – *"Макарий"* – отвечали они. Посмотрим, что значит Макарий в Эллино-Римской Мифологии? У Гомера упоминается о Макарии… Макошь Славянский и Макарий Эллино-Римский суть одно и то же (с. 12 и 13)».

Следствием этих разысканий вышло то, что славяно-русские боги были сродни греческим и римским богам. Для утверждения родства г. Руссов из эллино-римской мифологии сотворил поколенную роспись – Генеалогию киевских языческих богов (с. 14):

1 Стриб.	Небо. Сатурн.	2 Тетис. или Дажба	Океан.	
4 Семелия, или Зимцерла,	3 Юпитер, или Перун.	Нептун.	Амфитрита.	
5 Бахус, или Хорс.	Меркурий, или Стреф.	Аполлон.	Эол	6 Стреб. Бизен, Бел, или Волос.
		7 Макарий, или Мокошь.		

Мы буквально списали эту генеалогию единственно для того, чтобы показать: как далеко г. Руссов увлекся от своего предмета. Избегая ошибок своих предшественников, он решительно пересоздал славяно-русскую мифологию, и без всякого основания. По его понятиям, Перун происходит от Perdo, Per-

cutio Перун. Стрибог обращен в Стреб, Семаргла переделана в *Зимцерлу* или *Зимаерглу*, Даждь-бог в *Дажеву*, Мокошь составился из Макария. Не признавая ни одного понятия из русских и чужеземных мифографий, до него бывших, он составил свои. К счастью, Перун, по неисповедимым причинам, остался в опыте г. Руссова без рассматривания; но зато другие славянорусские боги изуродованы до последней возможности. Так: славяно-русский Стрибог у него есть не что иное, как эллино-римский *Стреб;* Семаргла эллино-римская *богиня молнии Семелия*; Даждь-бог есть не что иное, как эллино-римский Тетис *(Фетида)*; Велес есть *Бел ассирийский*.

В 1827 году была напечатана в «Вестнике Европы» мифография г. Приезжего – *о мифологии славян российских*. Пересматривая эту мифографию внимательно, мы изумились: была ли эта совершенная пародия, или в прямом смысле, копия с *краткого обозрения мифологии славян российских* г. Строева? Отказываемся от решения. Скажем только, что г. Приезжев списал буквально г. Строева. Удивляемся, как не заметили этого тогда и г. Издатель «Вестника Европы» и сам г. Строев, и даже другие журналы, сторожившие в те дни крепко подобные проделки. Докажем самым делом.

Строев	*Приезжев*
(14 стр.)	(С первого слова на с. 195)
Славяне, явившиеся на позорище мира в VI столетии по Р. Хр., представляются взорам нашим как народ непросвещенный, но не как дикий. Тихие его нравы и обычаи, кроткая религия, обряды, исполненные человеколюбия, не производят в нас никакого ужаса, но наполняют душу чувством некоторого умиления.	Славяне, явившиеся на позорище мира в VI столетии по Р. Хр., представляются взорам нашим как народ непросвещенный, но не как дикий. Тихие нравы его и обычаи, кроткая религия, обряды, исполненные человеколюбия, не производят на нас никакого ужаса, и даже наполняют душу чувством некоторого умиления.

Г-н Приезжев продолжал свои выписки от слова до слова, начиная с 14 с. до 41, с переменою выражений ничтожных, с выпущением примечаний. Весь труд его состоял в том, что он выкинул из мифографии г. Строева первые 13 страниц, списал буквально следующие 38 с. и оставил последние 2 с. без выписок. Мы об этой мифографии не должны более говорить: история русской литературы со временем предаст ее должному осуждению.

По этим четырем мифографиям славяно-русская мифология образовалась из следующих богов:

Нестор	*Строев*
В 1093 г.	В 1815 г.
Перун.	Перун.
Волос,	Волос (Велес).
Даждь-бог.	Даждь-бог (Дажба).
Стрибог.	Стрибог (Стриба).
Хрс.	Хорс.
Мокошь.	Семаргла (Сема и Регла).
	Мокошь (Мкощь).

Руссов	*Приезжев*
В 1824 г.	В 1827 г.
Перун.	Перун.
Велес.	Волос.
Стрибог.	Даждь-бог.
Зимцерла.	Стрибог.
Хорс.	Хорс.
Даждь-бог.	Семаргла.
Мокошь.	Мокошь.

Кроме этих славяно-русских мифографий, мы имеем еще два отдельных источника: 1) в русских критических изысканиях и 2) в историях и записках чужеземцев.

В числе русских изысканий обращают основное внимание: «Разговоры о древностях Новгорода» Преосвященного *Евгения*; *о Перуне*, отдельное описание г. *Калайдовича*, помещенное в «Вестнике Европы» 1807 года (№ 23 и 24); примечания графа Мусина-Пушкина, приложенные к изданию «Песни о полку Игоревом»; примечания *Болтина* на историю Леклерка; мнения Ломоносова, *Татищева* и *Щербатова* в их историях; *Н. М. Карамзина* во всеобщем обозрении славян, помещенном в первом томе его истории; *А. Ф. Вельтмана* – в его письме о Великом Новгороде и издании «Песни о полку Игоревом».

Незабвенный историограф Н. М. Карамзин, обозревая веру славянских народов, посвятил славянской мифологии особенное описание. Сначала он обозревал богов всех славянских народов, а потом особенно славяно-русских. В описании первых он упоминает: о *Беле Боге*, не имевшем храма; о *Чернобоге*, почитавшемся у славян балтийских, по свидетельству Гельмольдовой хроники; о *Святовиде*, имевшем храм на острове Рюгене, почитаемом вендами и королями датскими; о *Ругевише* или *Ругевиче*, *Поревите, Радегасте*, имевшем храм в городе Ретре; о *Сиве*, в честь которой находился храм в городе Рацебурге; о *Фрихие*, уважаемой далматскими славянами и называемой в Исландских древностях *Ванадис* или *Венедскою*; о *Перкуне* прусском, почитавшемся также и от латышей; о кумирах: *Числобога и Набога*, *Пабога* или *Зембога и Немизы*, находившихся в Ретрском храме, о *Триглаве*, бывшем в Юлине или Виннете; *Припекале, Яровиде* или *Геровите*, находившихся в Гевельберге и *Волгасте*; о *Прове* и *Подаге*, почитаемых жителями Вагрии; о *Гениле*, уважаемом мерзебургскими вендами; *Даворе, Даморе доброй хрихии, Яре и Пике*, прославляемых доселе в свадебных пиршествах морлахов; о польских богах: *Ние*, имевшем храм в Гнезно, *Яссе, Ладоне* или *Ляде*, *Дзидзилие, Зивоние*, или *Зеванне, Зиваго, Леле, Полеле, Погоде, Похвисте*. О вторых он писал: «В России до введения Христианской веры первую степень между идолами занимал Перун, бог молний, *которому Славяне еще в VI веке поклонялись* (?), обожая в нем верховного мироправителя. Кумир его стоял в Киеве, на

холме, вне двора Владимирова, а в Новгороде над рекою Волховом был деревянный с серебряною головою и с золотыми усами. Летописец именует еще идолов: *Хорса, Даждь-бога, Стрибога, Семаргла и Мокоша,* не объясняя, какие свойства и действия приписывались им в язычестве. В договоре Олега с Греками упоминается еще о Велесе, которого именем и Перуновым клялись Россияне в верности, имев к нему особливое уважение: ибо он считался покровителем скота, главного их богатства. Сии известия Несторовы можем дополнить новейшими, напечатанными в Киевском Синопсисе».

Кроме сих, Нестором упоминаемых, Н. М. Карамзин еще допускал: *Ладо, Купало, Леших, Русалок, Домовых, Кикиморе*. Это им было взято из «Синопсиса», Стрыйковского, Длугоша, Кромера и Гваньини.

В сочинениях г. Вельтмана мы встречаем описания славяно-русских богов. Его труды заслуживали бы особенное уважение, если бы он не слишком увлекался филологическими разысканиями, которые невольно наводят сомнение. Подобные примеры г. Руссова и других представляются в самой невыгодной стороны. В изданном им письме о господине Великом Новгороде он говорит:

«Перун есть *Бахус*, или Бах *Пириген*, т. е. сын Пламени. Поклонение *Баху* и поклонение Ваалу сошлись на Севере. Первое преимущественно нашло себе верных поклонников в Славянах; второе владычествовало на Севере у Руссов; но подробности узнаешь из моих исследований древней Религии Славяно-Руссов (с. 35).

Вы, полагаю я, веруете тому, что имя Властос, Власий и Славянский *Влад* не есть то же, что *Велес, Волос*, т. е. *Ваал*, хотя может быть происходит и от него, и значит *произродитель*. Велесу или Волосу поклонялись наши предки, и я со временем изложу мои доказательства, что поклонение *Ваалу* было не только в Азии, но распространилось почти по всей древней Европе, и что Volu, *Бел-бог*, Belenus не случайные звуки, сходные с именем Бела, но есть то древнее слово Халдеи, преобразованное наречиями, которое означало на первом

языке Всевышнего Бога, и которое произносилось с благоговением всеми языками мира. Волос, скотный бог, не значит, что он есть бог волов, овнов и проч.; но значит *Бог земных тварей*. В дополнение слов *Скот* принадлежит, кажется, обрядам Валовым (см. с. 33 и 34)».

Понятия о происхождении Волоса от Бела ассирийского было выдумано еще в 1824 году г. Руссовым, но почему Перун произведен от Бахуса, тогда как Руссов проводил от него Хорса – мы не беремся решить до появления его подробной мифографии. Заметим, что все наши мифографы обещали *со временем говорить подробнее* о славяно-русской мифологии; но кто дождется, когда эти обещания исполнятся. Сожалеем очень, что г. Вельтман принимает для объяснения нашей мифографии вздорную выдумку – *отрывок летописи Иоакимовой*, которую сто раз опровергали, которая сама указывает, что в ней все сказанное есть ложь. Мы уверены, что при полном издании его славяно-русской мифологии будет исключена вставка Иоакимовская, помещенная в письмо о Новгороде на с. 37, 38 и 39. Доверие к этому отрывку Попова, Чулкова, Кайсарова, Глинки не оправдали никакого ожидания.

Источник иностранных сведений представляет самое обширное поле для исследований, и вместе самое опасное. До сих пор еще ни один из наших мифографов не принимался критически обозреть все сведения, находящиеся в сочинениях чужеземцев о славяно-русских богах. Исчислим только некоторые из этих источников:

1. *Саксо*, историк XIII века, прозванный *Грамматиком* по чистоте латинского языка, в своей Historiae Danici (Lepsiae, 1771) говорит о славянских богах Рюгенских, основываясь на древних стихотворениях и надписях неизвестных никому, кроме него. Его история ввела многих в заблуждение. Наш известный Миллер поверил ему в происхождении Скандинавии и внес его бредни в свою академическую речь – *о народах, обитавших в России*. У него Миллер отыскал в сыне *Боуса*, прижитого, по сказанию Саксо, Одином с русскою царевною Риндою – *Бову Королевича, сына Додона*, известную итальян-

скую сказку XVI века. Боги, описанные Саксо: Ругевит, Поревит, Поренуч, Световид – взошли в мифографии Глинки, Кайсарова и Попова.

2 *Гельмольд*, историк XII века, в своей Chronica Slavorum, s. annals Helmodi Presbyteri Buzoviensis. Francof. 1581 – говорит: о Беле-боге, Световиде, Прове, Черно-боге.

3. *Дитмар Мерзебургский*, писавший в самом начале XI века свою Хронику, говорит также о богах славянских.

4. *Стурлезон Снорро* или *Снорри*, один из достоверных писателей исландских, живший в XII веке, написал Historia rerum Septentrionalium. Ему последовал Карамзин.

5. *Шедий* в своем сочинении – De Diis Germanorum, – описывая немецких богов, вместил в число их и славянских: Бел-бога, Крода, Проно, Родегаста, Ругевита, Флинца, Черно-бога, Ютра-бога. Последуя Кранциусу, он смешал венедов с вандалами.

6. *Михаил Френцель*, из Лаузица, написал в 1638 году рассуждение о славянских богах в Виртемберге: Michaeli Frencellii dissertations Historicae de idolis Slavorum. Брат его Адам Френцель занимался филологическими исследованиями о славянских богах. М. Френцель описал Перуна, Марцанну, Дидилию, Золотую бабу, Поренуча, Поревита, Бел-бога, Флинца, Черно-бога.

7. *Вагнер* издал в 1698 году в Лейпциге Dissertatio de idolatria veterum Misniae incolarum. Он описал: Святобора, Дидилию.

8. *Арнольд* к сочинению Александра Росса – о всеобщем богослужении – сделал особенное прибавление: Von den untersheidlichen Gottesdiensten in der ganzen Welt. Он описал Кродо, Бел-бога, Флинца, Ютра-бога.

9. *Самуил Гроссер* в описании достопамятностей Лаузица Lausitziche Merkwurdigkeiten описал имена богов Лаузица с 10-ю рисунками. Его Поревит и Кродо были руководителями для Монфокона и Банье.

10. *Монфокон* в своем сочинении *Antiquité expliquée* в числе других богов описал и славянских.

11. *Банье* в своей *La Mythologie et la Fable expliquees par l'Histoire* описал только то, что было у Монфокона.

12. *Шерер* в своем сочинении *De Simulacris Deorum in Russia cultis sub Wladimiro duce* описал: Ладо, Коляду и других.

13. *Андрей Маш* составил описание священных древностей оботритов и мекленбургских славян, найденных в Прильнице, – *Hofpredigers Mach Gottesdienstliche die Alterhumer der Obobriten* разделил славянских богов на богов и полубогов – Позвизда, Полеля, Сива, Черно-бога.

14. *Гейнекций* в своем сочинении *Scriptores* ***rerum Germanorum*** написал особенную диссертацию о Кроде.

15. *Яков Толлий* в сочинении *Jacobae* ***Tolii epistolae iterinariae*** описал Кродо.

16. *Доктор Антон* в своем сочинении *Erstelienen* ***eines Versuches uber die Alten Slaven ursprung, sitten*** описал *Ладо, Флинц*.

17. *Леклерк* в своей *Histoire de la Russie ancienne* поместил славянскую мифологию Попова.

18. *Граф Потоцкий* в своем *Voyage en Basse Saxe* описал славянских богов. Ему следовал Карамзин. Немецкий археолог, доставлявший графу сведения, сознался пред целым светом в обмане (См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1836 г.). Этой-то книге следуют мифографы!

19. *Кремер*, польский историк, в сочинении своем *De origine et rebus gestis Polonorum* описал Ладо, Позвизда, Погоду, змеи и других.

20. *Шнейдер* в своем *Sarmaticae Evropeae description* описал Ладу, Марцану.

21. *Гваньини* в сочинении своем *Moskovia Respublica et urbis lugduni bavatorum* описывал славянские божества Марцану, Златую бабу.

22. *Гютри* в сочинении своем *Dissertations* ***sur les antiquites de Russie*** a S. P. 1795 описал Тура, Сильный бог.

23. *Длугош*, польский историк XV века, в своей польской истории, выбиравший известия о России из Кадлубека и Нестора, описал Ниа, Марцану, Сиву, Погоду.

24. *Матвей Стрыйковский*, польский историк, бравший известия о России из Длугоша, Кромера, Герберштейна, в своих сочинениях о происхождении славяно-русских народов, Царствование Ивана Васильевича Грозного и Хронике богов латышских описывал славянских богов. Из них выбирали Гизель, Кайсаров, Глинка.

25. *Тунман* в своем сочинении *Über die gottesdienstliche Alterthumer der Obobriten* описывал славянских богов. Ему следовал Карамзин.

26. *Гебгарди* в своем сочинении *Geschichte Wenden und Slaven* говорил о языческих обрядах славян. Ему следовал Карамзин.

27. *Шварц* в своем сочинении *Diplomatische Geschichte* описал Ругевита.

28. *Герберштейн* в своих *Rerum Moscoviticarum Commentarii* почерпал описания славянских богов из народных рассказов. Его сказка о Перуне Новгородском была принята русскими и иностранными мифографами.

29. *Раич* в своей истории разных славянских народов описал некоторых славянских богов у сербов и хорватов.

30. *Мавро-Урбин* в своей историографии народа славянского занимался обозреванием славянских богов. Ему следовал Попов.

31. *Даниил князь* Бакхау, императорский посланник, бывший в Москве в 1578 г. с Ковенцелем, написал *Moscoviae ortus et progressus* – Gubenae, 1679, где говорит о славянских богах со всевозможными ошибками.

32. *Нарушевич* в первом и втором томе своей Истории (Hystoria Narodu Polskiego) объясняет славянскую мифологию; но его разыскания требуют строгой оценки источников, которыми он пользовался.

33. *Павел Иовий Новокомский*, историк XVI века, в описании религии москвитян, говорит: «За пять сот лет пред сим московитяне поклонялись языческим богам, как-то: Юпитеру, Марсу, Сатурну и многим другим». Такие сведения доставлял историк Иоанну Руфу архиепископу Консентинскому, при-

ближенному к Папе Клименту VII, и по этому-то сведению судила Европа о русских.

34. Сочинения *Нарбута* обращают особенное внимание. Это труд, собранный с особенною рачительностью, из уст народных, переданный с всею достоверностью. Здесь мы не видим таких повторений, таких выписок, которых достоверность при первом взгляде уничтожается. Здесь приводим два его сочинения:

1. *Dziese* ***starozythe narodu Litewskiego przez Teodora Narbutta***. Wilno, 1833.

Еще издано только три первые тома, и мы с нетерпением ожидаем следующих. Это сочинение должно открыть нам многое, близкое к нашей мифологии.

2. *Известие о древнем храме Зевеса в Вильне*. Это изыскание помещено было в «Свеверном арх»., 1822 г. ч. 1, с. 227. Нарбут говорит: «…статья о храме Зевеса взята из немецкой исторической рукописи: Cronica aus einem und anderen Croniken ausgerogen und alten Geschichten ausgeschrieben. Рукопись сия внесена с латинского из неизвестной ныне литовской летописи Ротунды». Нарбут отыскал рукопись в Ревеле в 1808 году и отдал тогда в библиотеку Виленского университета. О храме Зевеса он говорит: «В Вильне, где стоит теперь кафедральная римско-католическая церковь, был древний дубовый лес, посвященной языческим богам, при устье Вилейки, впадающей в большую реку. Возле самого леса находился огромный каменный храм Зевеса громовержца, или Перкуна, бога громов, построенный князем Гереймундом в 1255 году… Внутри храма находится деревянный кумир, принесенный из лесов Полангенских». Здесь упоминается о неизвестной рукописи: De annalibus Rutheniesibus, где сочинитель – *Митрофан* из *Пинска* – говорит о литовских богах.

Приступаем теперь к самому трудному вопросу: каким образом русские мифографы составляли славяно-русскую мифологию? Внимательное исследование открыло нам, что первые мифографы выписывали все, что им было известно, не разбирая критически источников, вторые обращали внимание

на Нестора и на Восток. Системы славяно-русских мифографий, основанных на многобожии, состоят: 1) из богов славяно-русских, 2) из богов других славянских племен, 3) из богов Рюгенских, 4) из русской демологии, 5) из русских сказок, 6) из произвольно выдуманных мнений.

I. Описания славяно-русских богов у наших мифографов составлены из невероятных противоречий и произвольных, ни на чем не основанных суждений.

Приведем для сличения все известные нам описания.

1. *Перун*. Нестор говорил, что Перун сделан был из дерева, с серебряною головою, с золотыми усами. Гизель приделал ему: золотые уши вместо усов, железные ноги, в руку вложил камень, воскурил пред ним огонь и приказал жрецам караулить этот огонь. Попов отнял золотые уши и возвратил усы. Заметим, что наши мифографы сотворили из этих золотых усов нового бога: Услада. Вероятно, переписчик летописей написал: *Ус-злат*, а из этого составился после Услад. Попов изобрел Перуну особенные жертвы – волосы с головы и бороды. Он первый переименовал Перуна в *Перкуна*, а за Поповым явились и другие. Тунман Рюгенского Поревита признавал за Перуна. Кайсаров говорил, что Перун на всех почти славянских наречиях означает гром, и что он был точь-в-точь Римский Юпитер. Вместо усов он приделал ему золотую бороду. Неизвестный автор сочинения – *Religion der Moscoviten* (Francfurt und Leipzig, 1717) изобразил Перуна с кошечью рожею, с раздутыми скулами. У принца Букхау вставлены невероятные нелепости. Глинка производил Перуна от слова *Торым* или *Торум*, означающего на *сарматском языке всевышнее существо, бога*. Он посвятил ему целые леса и рощи, из коих, по его словам, почиталось святотатством взятие всякого сучка. Гизель полагал, что Перун был *начальнейший* бог грома, молнии и облаков дождевых. Попов почитал его производителем всех воздушных явлений и *строителем громострелания*. Кайсаров говорил, что Перун был первый бог, коему россияне поклонялись и подчиняли ему дождь, молнию и все воздушные явления. Глинка называл его *произвестителем* всех воздушных явлений, *пого-*

нятелем облаков и думал, что первоселенцы киевские, будучи сарматского происхождения и пришедши туда от скандинавского полуострова, принесли с собою цельтийских богов. Эту мысль развил еще более г. Руссов. Карамзин с большею основательностью о Перуне говорил (т. 1, пр. 201): «Славянский глагол *Перу* значит не только *Пру*, но и *бью, ударяю*. Валек, которым колотят белье, для того называется пряльником. Следовательно, имя Перуна означало *бога* разящего». Вельтман производил Перуна от *Бахуса*, от *Баха Пирегенита*, и утверждал, что поклонение *Ваалу* пришло на Север к руссам с востока. Герберштейн, а за ним Петрей и другие выдумали сказку об изгнании Перуна из Новгорода. Нестор ничего не сказал об изгнании Перуна из Новгорода, а новгородский летописец (см. Продол. др. Вивл.) написал: «Прииде к Новгороду Аким, Архиепископ Корсунянин, и требища разрушил, и Перуна посече, и повелев лещи в Волхов, поверзавше ужи волочаху по калу, бьюще жезлием, и заповеда ни камо ни где же не приятии. И се иде пидьблянин рано на реку, хотя горньци вести в городе, и сице Перун приплы в берегу, и отрину его шестом. Ты, рече, Перунище до Сити еси пил и ял, а ныне плови уже прочее. И плы с света в окромешное». Мифографы к этому прибавили, что новгородцы в честь Перуна бились палками на мосту. Это есть и в Степенной книге. Строев говорит: «Самое название Перуна, кажется, доказывает, что он был управляющий громом, и слова: Piorum по-Польски, Perkonne по-Латышски значат гром. Руссов производил от percutio, perdo. Доктор Антон отыскал в Далмации лес: Pirun Dubrave. Снегирев в описании святок приводит указание из Соннерата, путешествовавшего в Восточной Индии, что у Индийцев в Январе бывает праздник *Перун-Понгол*. В Старой Руссе есть предание, что Перуна погрузили близ села Грузина, и что это село получило от него название. В 1812 г. г. Эттер доставил в Московское Историческое Общество печатный эстамп Славянского идола Перуна (см. труд., ч. I., ст. 145)». Откуда это явление?

2. *Велес*. Нестор говорил, что Велес есть скотий Бог. Гизель по этому ничего не прибавил. Попов думал, что он имел

храм в Киеве. Кайсаров предоставил ему от русских владычество над скотом как занимающему первое место после Перуна. Глинка говорит: «…самое имя Велеса означает *величтимый;* ибо Велес, чрез толкование слова, значит: *Велий есть*, т. е. *Великий* и *Велес володеющий*, т. е. *обладатель*». Он же выдумал и изображение его: «Велес с бычачьими рогами, в простой одежде, держит в руке чашу с молоком. В жертву ему приносились коровы и быки». Строев говорит: «Велес был именно бог стад, а не животных, как некоторые думали». Которое из славяно-российских племен особенно почитало сего бога, ему неизвестно. Митрополит Евгений говорит, что Велеса обожали меря; доказательств на это нет. Руссов говорит, что Бел ассирийский есть то же, что латинский и славянский Велес. Вельтман производил Велеса от ассирийского Беля и утверждал, что он как бог скотий не значил бога скотов, но бога земных тварей. Об Велесе мы имеем следующие исторические известия: 1) в Патерике Киевском, в жизни Исаия чудотворца, сказано, что этот Святой разорил капища в Ростовской волости (см. Ист. Кар., т. 1, пр. 225). 2) В Прологе находим, что св. Авраамий крестил Ростовскую волость тогда, когда она была уже Владимирскою областью (см. Окт. 29, Пролог и Минею-четию). 3) В «Песне о полку Игоревом» сказано (с. 7): «Тебе бы вспети было вещей Бояне, *Велесов* внуче!» Мифографы это объясняли так: «Видно, что Славянские стихотворцы вели свое происхождение от Велеса». Так думал Строев. Митрополит Евгений говорит, что имя Велеса значит в сем месте не бога Велеса, а только какого-нибудь из предков Бояна. Руссов: «Сочинитель «Песни о полку Игоревом» называет Бояна внуком Велесовым; но сие значит, повидимому, что *северные грамотеи получили буквы от Даная, Велесова внука, и больше ничего*».

3. *Даждь-бог*. Попов догадывался, что он был подателем благ и что его можно почесть богом *богачеств*. Кайсаров утверждал, что Даждь-бог, также Дажба и Дашуба – означает одно и то же божество, и соглашается с Поповым. Гютри называл его Плутосом древних. Глинка: «…божество благо-

творное, податель великих благ, богатства, счастья, благополучия; жертвовали ему токмо усердными мольбами и испрошением у него милости. Он служил эмблемой *благополучия*, которое обоготворяли древние Римляне». Строев: «…я думаю, что и понятии о сем боге заключается то же самое, что и в понятии о Перуне». Г-н Руссов: «Славянская Дажва, Даждьбог есть не иное что, как Эллино-Римский Тетис». В «Песне о полку Игоревом» сказано: «Погибашет жизнь Даждь-божа внука, в княжих крамолах веци человеком сократишась». Граф Мусин-Пушкин об этом говорит: «Даждь-бог почитаем был в Киеве богом подателем всех благ. Пользовавшиеся благоденствием как даром даждь-божиевым, назывались его внуками». В 1828 г. в «Московском Вестнике», № 8, кто-то Даждь-бога превращал в Бодай, Богдан, Deodatus, Dieudonne. «Слово Дажба составлено из Божба и Спасибо».

4. *Стрибог*. Попов: «Стриба, божество Киевское, получало поклонение и жертвы». Глинка: «…божество, наказывающее беззаконных в преисподней и бич злодеяний сем мире. Его мести предавались заслужившие проклятие». Кайсаров: «…мы знаем из Песни Игореву воинству, что он был бог ветров, потому что в сей песне называют их внуками Стрибога». Строев: «Стрибога почитали до сих пор богом войны, но это несправедливо: он был у Славян то же, что у Греков Эол. В «Песне о полку Игоревом» сказано: «Се ветри, Стрибожи внуцы, веют с мотя стрелами на храбрые плки Игоревы».

5. *Хорс*. Попов говорит: «…можно признать его Эскулапием, или богом болезни», и производит его от глагола: корчить. Чулков прибавил к этому, что славяне жертвовали ему для отвращения болезней. Руссов: «Добросердечные славяне произвели из Коримбифера Корса или Хорса, и наконец *Харч*. Следственно Татищев Хорса признал подобным Бахусу правильно, хотя не нарочно». Кайсаров приводит только мнения Попова, Леклерка, Татищева, обвиняет летописцев за темные понятия в нашей мифологии, но сам ничего не говорит. Глинка производит Хорса от ковша, называвшегося, по его мнению, прежде корш, почему сему богу дано имя от этого ору-

дия. Из сего составилось у него следующее описание: «Корс покровитель охотников до пива и меду. Нагой, одутловатый, венок на нем сплетен из хмельных плетей с листьями; перевязь на нем хмелева же. В правой руке держит ковш, из него хочет пить». Кажется, что в этой выдумке виноват был Татищев, переименовавший Корса в Бахуса. Строев не признавал его за славянского бога.

6. *Семаргла*. Попов и Чулков ничего не могли выдумать об этом боге. Руссов: «Эллино-Римская богиня молний есть не что иное, как Зимцерла». Г-н Руссов образовал из Семаргла Зимцерлу; но почему? Мы не знаем. Кайсаров говорит: «…о сем божестве ничего почти неизвестно». Глинка: «Симаергла, Зимаергла, Симаргла, Зимарзла, Зимерзла – слова, означающие все одно и то же, т. е. *зиму* стереть. Богиня суровая, дышащая холодом и морозами. Одежда на ней наподобие шубы из сотканных вместе инеев. А как она Царица зимы, то порфира на ней из снега, истканная ей морозами, чадами ее. На голове ледяной венец, унизанный градом. Богине сей молились о умерении ее жестокости». Не понимаем, откуда явилось описание Семаргла у г. Глинки. Кажется, что это его создание. Строев не признает сие божество за славянское, но думает, что «переписчики не соединили ли в сем слове двух различных богов: *Сема* и *Регла*, как то стоит в Архангелогородском летописце».

7. *Мокошь*. Попов и Чулков только сделали из него Мокосл. Руссов говорит: «Мокошь Славянский и Макарий Эллино-Римский суть одно и то же». Глинка: «По разности произношений Мокошь, Макош, Мокосл истолковывается словом – *могущь*». Но он из этого сделал: Могош, оклеветал Нестора, говоря, что он у него есть бог скотов, и описал изображение его: «с мохнатою козлиною бородою, с бараньими рогами, в шубе бараньей навыворот; в руках пастуший посох, а в ногах у него может положен быть барашек». Строев не признает Мокоша за славянского бога. Гютри русского Мокоша признавал за библейского Магота. Кайсаров отзывается об нем неведением, какую должность отправлял он у русских.

Вот как описывали наши мифографы славяно-русских богов. Они как изобретатели не представляют ни одного на чем-либо утвержденного понятия: все основано на догадках, выдумках. Многие из них изобретали для этих богов жрецов. Ходаковский, при объяснении слова «князь» («Север. арх».. 1834, № 11, с. 228) признавал Вел. кн. Владимира архижрецом Перуна, обвинял Карамзина за то, что он не признавал его жрецом Перуна, а только *имевшим отличное усердие к богам*. Полевой соглашается с мнением Ходаковского (Ис. р. н. Т. I, пр. 149). Нестор, упоминая о убиении варяга для жертвы Перуну, не говорит, что были жрецы. Во всем, что касается до русской древней истории, мы более должны верить Нестору, нежели современным выдумкам. Без того, что будет наша История?

2. Из богов других славянских народов наши мифографы вносили все им известное, не разбирая, справедливо ли это или ложно. Часто видим в их описаниях такие опущения в исторической критике, что превышают всякую невероятность. Списывая Стрыйковского, они не замечают, откуда он почерпал; верят Герберштейну и Петрею, хотя последний сам выбирал из первого.

Боги, принятые ими в славяно-русскую мифологию, суть: 1. Бел-бог, 2. Черно-бог, 3. Ютра-бог, 4. Святи-бог, 5. Триглава, 6. Дидилия, 7. Зевана, 8. Зимцерла, 9. Марцана, 10. Ний, 11. Сива, 12. Флинц, 13. Золотая Баба, 14. Кродо, 15. Проно, 16. Иомайла, 17. Радегаст, 18. Погода, 19. Ясса. 20. Вода.

3. Из рюгенских богов внесены: 1. Святовид, 2. Поревит, 3. Ругевит, 4. Поренучь.

4. Из русской демонологии принято: 1. Домовой, 2. Водяной, 3. Лешие, 4. Русалки, 5. Кикиморы. По-видимому, к этому разряду должно было отнести выдуманных Глинкою: Стени, Лизуны, Куды, Черти, Бесы, но это произошло от его незнания русской семейной жизни. Наши мифология и демонология существовали в отдельных видах. Первая осуществлялась самим делом, вторая существовала только в рассказах и преданиях.

5. Из русских сказок сотворили богами: 1. Горыню, 2. Дубыню, 3. Полканов, 4. Кащея, 5. Царя морского, 6. Чудо морское, 7. Ягу-бабу, 8. Чура, 9. Змея, 10. Сильного бога.

6. Из произвольно выдуманных мнений явились богами: 1. Услад, 2. Дон, 3. Буг, 4. Волхов, 5. Посвист, 6. Ладо, 7. Лель, 8. Полель, 9. Коляда, 10. Купало, 11. Волоты, 12. Детинец, 13. Славян, 14. Волхв, 15. Рудоток, 16. Ильмень, 17. Студенец, 18. Живот, 19. Зничь.

Оканчивая наши исследования о славяно-русской мифологии, надеемся еще поговорить в других местах «Сказаний русского народа» об этом предмете. И кто бы не пожелал иметь настоящую славяно-русскую мифология от будущих археологов?

ПЕСНИ РУССКОГО НАРОДА

1838 года января 1 дня нижеподписавшийся, перебирая все сборники русских песен, напечатанные в Русской земле с 1770 года по 1838, имел честь насчитать сто двадцать шесть изданий. Спрашивается: как издавали их? По две, по три и даже по четыре тысячи экземпляров. Верно, этот грех на роду был написан издателям. Считая каждое издание, ограниченным числом по 1000 экземпляров, мы найдем, что 126 000 экземпляров, книг, книжечек, в одной, в двух, четырех и даже в 12 частях, гуляют по русским городам и селам. Сколько же было читателей? Это так трудно исчислить, что труднее ничего не бывает на белом свете. Песенники читают простолюдины и дочитывают до того, что не остается ни одного листа. Судя по этим чрезвычайным подвигам, мы полагаем, самым средним числом, на каждый экземпляр по 100 читателей, и найдем, что их было до 12 000 000. Что же стоят русские песенники? Очень дешево. По нашему обыкновению книги покупает один человек и по своей доброте раздает читать другим уже даром. Было время, когда песенники продавались по 1, по 5, по 12 рублей, а теперь другие продаются и по 25. Такая цена существует песенникам Чулкова и Новиковского. Мы положим самую низкую цену песенникам: по 1 рублю за каждый экземпляр, и найдем, что русские люди издержали на приобретение песенников 126 000 рублей. Пример сбыта книг единственный в русской литературе.

После сего нижеподписавшийся в раздумье спрашивал: зачем же люди желают новых изданий песенников? Уже и этого нам кажется мало! Пятьдесят лет для них печатали песенники, пятьдесят лет они сами читали их. Неужели такая охота у русских людей к поэзии? Странное дело! Желать

одних песен и более ничего, ни на что не походит. Кажется, что такой охоты не бывало в Греции и Италии, где народ с утра до вечера пел и плясал; а наши православные и ездят по балам, и торгуют, и сеют хлеб, и курят табак, да еще притом успели прочитать 126 000 экз. одних песенников. Верно, тут кроется что-то недоброе!

В 1833 году нижеподписавшийся, проезжая селения Бежецкого уезда Тверской губернии, спрашивал поселян: зачем они говорят таким странным наречием? Ему отвечали: «Насшей рици цисце в свити ниту?» Тот же самый, прислушиваясь к желаниям православных иметь русские песни, заглянул в песенники. В одном, напечатанном в Санкт-Петербурге, 1819 года, в 6 частях, в типографии И. Глазунова, он нашел на заглавном листе:

«Новейший, всеобщий, полный песенник, или собрание всех употребительных, доселе известных новых и старых отборных песен, лучших в сем роде писателей, в шести частях. С присовокуплением арий и хоров из опер “Русалки” 4-х частей, “Жоконда”, “Сендрилионы”, “Любовной почты”, “Ладоиски”, “Павла и Виргиния”, “Водовоза”, “Невидимки”, “Крестьяне или встреча незваных”, “Посиделки”, “Оборотни”, “Алины”, “Иосифа Прекрасного” и из других как прежних, так и новейших опер; из балетов: “Русские в Париже”, “Праздник в стане русских воинов”, “Русские в Германии” и проч. и проч. Разделенные на любовные и нежные, пастушеские, простонародные, плясовые и цыганские, забавные и критические, военные и патриотические, свадебные, хороводные, святочные и подблюдные, театральные, на арии и хоры из новейших опер и на песни разного содержания и лучших стихотворцев. П. Ш»..

В самом деле, г. П. Ш. собрал все в шести частях, что сказал на заглавном листе. Кажется, что лучше этого и сделать нельзя; но вышло напротив. Другие издали лучше его. И этого было мало. Да от чего же мало? От того, что ни один издатель не хотел разгадать желаний православных людей.

По силе таковых недоумений, городских и сельских, нижеподписавшийся решился принять осторожность в сво-

ем деле, решился посмотреть на чужие издания песенников и открыть православным людям все неудачи издателей и собирателей русских песен.

В Русской земле все собиратели и издатели русских песен были люди русские, православные; только в издание песнопения замешалась чужеземщина. Из собирателей и издателей одни померли, не исполнив своего намерения; другие еще живы, но ожидают с своими собраниями благоприятного времени; иные уже давно исполнили его, но исполнили так, что совестно в другой раз и смотреть на их исполнение. Пятьдесят лет протекло в приготовлениях и опытах, а исполнения никто не видал. С первого взгляда эта нерешительность представляется непонятною до невероятности; но, рассматривая внимательно все исполнения редакторов, находим верные данные, объясняющие все неудачи. Препятствия заключаются в самих изданиях: издатели не понимали своего предприятия, а читатели не находили желаемого. Ни один издатель не вправе жаловаться на невнимание к его трудам: почитатели русских песен приобретали одно издание за другим. Оправдали ли они себя изданиями? Решительно нет! Мы не говорим о тех людях, которые приобретают песенники от скуки: этот класс самый многочисленный, без всяких притязаний. Для них издавались песенники тысячами. Есть люди, желающие издания русских песен истинно народных, не подделанных, во всей их простоте и грубости: для них не было ни одного издания.

Обращаемся и к собирателям русских песен, и к издателям песенников. В обозрении их предприятий мы увидим все успехи и неудачи.

Первая часть собрания русских песен принадлежит П. А. Демидову, жившему в Туле в половине XVIII века. С его сборника два раза были напечатаны древние русские стихотворения гг. Якубовичем и Калайдовичем.

Незабвенный историограф Н. М. Карамзин помышлял об издании русских песен. Современник Чулкова и Новикова, свидетель первых изданий наших песенников, он живо чувствовал все недостатки, желал издать сам и призывал других.

Мы не знаем ни о его собрании, ни о плане издания; знаем только, что его желания не сбылись; знаем, что его желания часто повторялись любителями русской старины. Призванный к великому делу, он оставил свое предприятие, занявшись исключительно «Историей государства Российского».

Сопиков, известный русский библиограф, занимался сравнением русских песен, но не успел издать. Горькая участь постигла его сборник: по русскому обычаю, он переселился на толкучий рынок. Здесь приобрел его г. С. Я лично слышал от него, что Сопиков составил его из старых и новых песен. Г-н С. передал его известному собирателю песен П. В. К.

Князь Цертелев в 1820 году объявил в «Вестнике Европы» и «Сыне Отечества» о намерении своем издать собрание старых русских стихотворений. В 1822 году он вторично объявлял о том же и приглашал даже желающих подписаться на его издание: «Дух Русской поэзии, или собрание старинных стихотворений». Князь Цертелев разделял свое собрание на две части: в первой предполагал издать песни *хороводные, святочные, свадебные*, во второй – *стихотворения элегические, анакреонтические, краткие описания и повествования*. Для подписчиков он напечатал отрывок из своего собрания в «Северном архиве» 1822 г., № 17, с. 399. В этом образчике находятся песни известные в изданиях Чулкова и его последователей. Полного собрания князь Цертелев не успел издать.

В 1832 году историк русского народа Н. А. Полевой объявил в издаваемом им тогда журнале «Московский Телеграф» (№ 13, с. 115) об издании русских песен. Имея тогда обширное собрание – более 600 песен, он предполагал разделить их на десять *отделений*: 1 – исторические думы, 2 – баллады, 3 – простонародные песни, 4 – солдатские, 5 – казацкие, 6 – разбойнические, 7 – хоровые, 8 – свадебные, 9 – подблюдные, 10 – сатирические. К изданию обещался приложить: *варианты, примечания*, а в начале книги *историческое и критическое исследование о древней народной русской поэзии*. К общему сожалению, это драгоценное собрание еще доселе не издано. Может быть, мы увидим его со временем гораздо полнее и лучше.

П. В. Киреевский давно уже занимается собранием наших народных песен. В 1834 году он отдал г. Максимовичу в альманах «Денница», на 1834 год, пять песен. Песни напечатаны были с примечаниями. Издатель «Московского Телеграфа» напечатал (в № 2, с. 335, 1834 г.) возражение на эти примечания: *«Историческая поправка замечания к русской народной песне».* В своем замечании Н. А. Полевой доказывал, что песня, сочиненная на осаду Пскова, по предложению Киреевского, находится с пропусками и состоит из двух разных и притом не одного времени. Очевидцы говорят, что собрание г. Киреевского состоит из весьма драгоценных песен. Мы с нетерпением ожидаем этого собрания. Зачем медлить, почтеннейший П. В. Киреевский? Скорее, скорее дарите нас своими сокровищами.

Г-н Племянников отыскал одну колыбельную песню, весьма замечательную по своим оборотам, мыслям и древности. Эта песня была напечатана в альманахе «Денница» на 1831 год; а потом была перепечатана Н. А. Полевым в «Московском Телеграфе» (1831 г., № 4, с. 542), Гурьяновым в его песеннике.

А. С. Пушкин имел у себя собрание псковских песен и передал их покойному Дельвигу. Мы не знаем, где теперь находится это собрание.

В 1836 году в ученых записках Московского университета, № X, с. 186 была напечатана статья «О свадьбах и свадебных обрядах и обычаях русских крестьян», сообщенная Профессором *П. А. Страховым*. При описании свадеб были напечатаны и 14 песен. К сожалению, мы не знаем, где были собраны эти песни.

И. М. Снегирев при описании народного праздника «Красная горка», напечатанном в «Московском Вестнике» (1827 г., ч. 3, с. 114), поместил одну тульскую обрядную песню.

А. Г. Глаголев поместил в XIX томе трудов общества Любителей российской словесности тульские обрядные песни в описании народных праздников.

И. В. Васильев представил в общество Любителей российской словесности описание народного праздника ***«Овсень»*** с двумя песнями, перепечатанными после М. Н. Макаровым.

М. Н. Макаров, занимающийся с давних лет русскою стариною, предпринимал издание русских песен. В 1826 году он поместил в «Вестнике Европы» две песни при описании народного праздника «Овсень». Мы теперь не будем упоминать о его песеннике, изданном в 1809 году в Москве с переделками и поправками народных песен.

В 1827 году в «Московском Вестнике» (№ 23, с. 351) была напечатана статья «О народных праздниках», сочиненная В. Б. Броневским. Здесь напечатаны были две обрядные тульские песни.

В 1828 году было напечатано письмо какого-то *археофила* в «Московском Вестнике». Здесь находится одна тульская обрядная песня.

В 1831 году в «Московском Телеграфе» (№ 24, с. 386) были напечатаны «Свадебные обряды и обычаи крестьян Саратовской губернии». Это описание, составленное Г. Леопольдовым, было напечатано с 13 свадебными песнями в полном описании Саратовской губернии 1839 г.

А. Х. Востоков собирал русские песни, а в 1817 году писал, что другие занятия отвлекают его от исполнения. С тех пор мы ничего не знаем о его собрании.

Вот все, что только мог вспомнить о почтенных собирателях наших народных песен. Может, были прежде и теперь есть другие собиратели, мне неизвестные; но пускай об них скажут будущие издатели. Песни, не изданные собирателями, доселе составляют тайну, вверенную портфелям. Что об них можно сказать? Песни, напечатанные уже собирателями, известные давно просвещенным соотечественникам. Говорить об них, что они хороши – это всякий знает; достоинство их неоспоримо; это создание русского народа, великого и высокого в своих делах.

Редакция русских песен началась с 1770 года. Издатели в огромных массах предлагали свои сборники, стараясь вместить в них все, что было им и дедам известно. Исчисление таких сборников утомительно до последней возможности, мы обращаемся только к замечательным. По большей части редак-

ция выполнялась мелкими книжными торговцами в надежде на выгодный сбыт; самая малая часть удостоилась только знатоков, принимавшихся за дело без всяких видов. Рыночные издатели заботились только об огромном заглавии, многотомном собрании: от этого зависел выгодный сбыт. На них не действовала ни критика, ни добросовестность. Все собрания состояли из старого и нового. Старое выбиралось из старых песенников; новое вносилось из современных произведений. Одним до этого не было нужды, что они перепечатывают; был бы только: *полный, полнейший, самый полный песенник, новейшее собрание из опер, арий, хоров и балетов*; другим, хотя и знавшим это, стыдно было объявить, что они выдают чужое за свое: каждый мечтал об открытиях. Этого мало: ни один из таких издателей не хотел вполне передать народные песни. Для одних они казались мужицкими, какими-то чудовищными созданиями, не имевшими никакого достоинства; для других, очищенных вкусом чужеземных произведений, надобны были исправления, сообразные понятиям редакторов. Вот от чего в песенниках печатались народные песни в обезображенном виде. Русское сокровище, пощаженное веками и татарами, было уничтожаемо исправителями. Никто более не прилагал такого усердия к исправлению самобытных русских песен, как Чулков, Попов, Макаров и Гурьянов. Подивимся снисходительности читателей и пожалеем об отважности издателей.

Все, сказанное нами об редакции народных песен, было на самом деле; для доказательства подтверждаем фактами и буквальными выписками из предисловий издателей.

Чулков, трудолюбивый собиратель русской старины в XVIII столетии, первый приступил к изданию русских песен в 1770 году. В продолжение пяти лет он успел напечатать *четыре* части, а на шестой год его издание все было раскуплено. В 1776 году он вторично издал свой сборник, также в четырех частях. Предприятие Чулкова было самое замечательное; он первый осмелился к новым песням тогдашних *знаменитых писателей* присоединить и старые, народные. Издавая свое собрание, он писал в *предуведомлении*:

«Всякое дело требует труда и прилежания. Сколько я трудился в собрании сих песен, о том ведают те люди, которым известны безграмотные писцы наши, кои что пишут, того не разумеют. Их неискусство я находил почти во всякой песне, так что инде ни стиха, ни рифмы, ниже мысли узнать мне было можно; для этого принужден был *употреблять догадки*. И многие песни в некоторых местах, по неразумению переписчиков, служили для меня загадками, которые непременно *принужден я был отгадывать; а попадал ли я на сочинительские мысли*, в том заподлинно уверить мне никого невозможно».

«Каждая часть сих песен состоять будет из песен разного сложения, как и сия первая; в том числе будут: *театральные, маскарадные, подблюдные, хороводные, столовые*, и словом, всякого рода.

«В рассуждении малости страницы, в какую меру печатается сия книга, принужден я был инде разделять *один стих на две разные строки*, и другое делать сему подобное, убегая от частого беспорядка слов».

Вот в чем состояла редакция песен Чулкова. Из его слов видно, что он: издавал песни с писаных источников; исправлял песни от того, что не находил в них ни стихов, ни рифм; разделял стихи на две строки для того единственно, чтобы в малом формате избежать беспорядка строк. Следовательно, Чулков сам не сбирал песни, не подслушивал их в селениях, а печатал прямо с готового. В этом еще нельзя обвинять его; он, может быть, имел свою цель. Но исправлять народные песни, переделывать по-своему – никто не вправе: это принадлежит целому народу, для которого не осмелилось повредить и самое время.

Все исполнение редакции Чулкова состояло в том, что он в начале каждой части помещал новые песни, а потом старые. Во всех четырех частях его песенника было напечатано: 800 песен; но в этом числе народных было только 336. В самом собрании издатель не исполнил обещания: нет песен подблюдных и хороводных.

В 1780 и 1781 годах был напечатан песенник в шести частях в Московской университетской типографии. Вот его заглавие:

«Новое, полное собрание российских песен, содержащее в себе: песни любовные, пастушеские, шутливые, простонародные, хороводные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий».

Редакторы этого сборника доселе неизвестны; но, по общепринятому мнению, он известен в народе под названием *Новиковского песенника*. Издатели скрыли цель своего издания; но не могли скрыть исполнения. Первые четыре части были перепечатаны слово в слово с песенника Чулкова, только последние две части составлены были из новых. Все те же недостатки, какие были в собрании Чулкова, повторились и в этом сборнике. Эти два собрания песен были образцами для всех последующих изданий. Как песенник Чулкова сделался ныне чрезвычайною редкостью, то компиляторы большею частью выбирали старые песни из Новиковского, нимало не подозревая первоначального источника.

В 1791 году известный русский литератор И. И. Дмитриев издал в Москве песенник:

«Карманный песенник или собрание лучших светских и простонародных песен. Часть I, II, III».

В первой части издатель поместил: песни нежные, писаные его современниками; *песни подражательные простонародные*; во второй части *веселые*; *застольные; военные во вкусе простонародных*. Все эти песни были нового произведения, считавшиеся тогда весьма достойными пения. В третьей части были напечатаны: *песни темничные, былевые, святочные, свадебные*, одна и *хороводная* – все взятые из старых народных песен.

В этом замечательном сборнике русские народные песни были изданы с небольшими переменами; но большая часть из них уже напечатаны были в песеннике Чулкова. Почтенный издатель не означил своего имени на песеннике; но он действительно был издан им. Еще в 1818 году писал об этом К. Ф. Калайдович (см. «Древ. рус. стих»., с. 8, пр. 4).

В 1788 году издатели истории Ваньки Каина поместили 64 песни, сочиненные будто этим негодяем. С таким ложным

присвоением они до сих пор известны в народе, хотя задолго до него были составлены. Что он их певал – в этом нет сомнения; но чтобы он был современник Стеньки Разина – этому никто не поверит.

В 1792 году был издан в Санкт-Петербурге Поповым сборник песен:

«Российская эрата, или выбор наилучших, новейших российских песен, по ныне сочиненных; собрал и сочинял Михайла Попов. 3 части».

В предисловии г. Попов изъяснял всю цель своего издания, а об старых песнях говорил:

«Со старинными песнями поступал я таким образом по учинении оным из преогромные стаи очень малого выбора, потщался в некоторых исправить не токмо разногласие и меру во стихах, но и переставлял оные в иных с одного места на другое, дабы связь их течения и смысла сделать чрез то плавнейшею и естественнейшею, чего в некоторых из них не доставало. Между тем внесены мною и такие песни, которые оставил я совсем без поправки, потому что нельзя было к оной приступить без перемены их слога, по которому единственно и заслуживают они внимание; ибо древность наречия и естественная простота выражения идей есть главное достоинство наших песен».

Столь очевидное нарушение песен указывает всю цель редактора. Русские песни помещены были им в пятой книге, второй части, с особенным заглавием: «Песни простонародные, святочные, подблюдные». Свадебные песни с особенными названиями: «На хорошество жениха, прельщающего свою невесту; на перекор невесты с женихом; на зов невестин жениха своего на девичник». Здесь в первый раз были напечатаны свадебные песни, только в обезображенном виде.

В 1801 году был напечатан свадебный сборник со следующим заглавием.

«Веселая эрата на Русской свадьбе, или новейшее и полное собрание всех доныне известнейших свадебных ста тридцати трех песен, употребляемых как в столицах, так и в других городах».

В 1804 году А. Ф. Якубович напечатал «Древние русские стихотворения» с рукописи, доставленной ему от Ф. П. Ключарева. При редакции Якубович выбрал только, по его мнению, лучшие стихотворения из рукописи, а остальные предполагал издать во второй части со временем. В 1818 году К. Ф. Калайдович вторично издал это собрание:

«Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым и вторично изданные с прибавлением 35 песен и сказок, доселе неизвестных, и нот для напева».

Бесценная рукопись сохранилась для нас удивительным образом с именами П. А. Демидова и Кирши Данилова. Демидову приписали только сбережение рукописи, а всю славу предоставили Кирше Данилову. Несправедливость этого усвоения так очевидна, что издатель сам высказал. Мы обратимся к его предисловию:

«За открытие и сохранение сих старых памятников русской словесности мы обязаны покойному Действительному Статскому Советнику Прокофию Акинфиевичу Демидову, для коего они, пред сим лет за 70, были списаны; после смерти его рукопись перешла к М. М. Хозикову, а им уже подарена в 1802 году его превосходительству Федору Петровичу Ключареву. По рассмотрении оригинала он нашел их довольно любопытными для просвещенной публики и поручил издать служившему под начальством его воспитаннику Московского Университета А. Ф. Якубовичу».

«В 1816 году знаменитый саном, а еще более любовью своею к Русским древностям, государственный канцлер, граф Николай Петрович Румянцев, получив сию рукопись в собственность, приказал мне оную напечатать. Она писана в лист, на 202 с. без наблюдения орфографии, без разделения стихов; под каждою статьею, для игры на скрипке, приложены ноты. Рукопись оканчивается началом песни о Стеньке Разине:

А по край было моря синего,
А на усть Дону тихого,
На крутом красном берегу
А стоит тут славный Азов город».

«Сочинитель, или вернее, собиратель древних стихотворений, ибо многие принадлежат временам отдаленным, был некто *Кирша*, без сомнения, по Малороссийскому выговору Кирилл, так как Павша Павел, Данилов, вероятно, казак, ибо он изредка воспевает подвиги храброго сего войска с особенным восторгом. *Имя его было поставлено на первом, теперь уже потерянном листе древних стихотворений. За справедливость сего ручается г. Якубович*. В 36 пьесе: "да не жаль добра молодца битого, жаль похмельного", где он сам себя именует: "Кириллом Даниловичем", посвящая сие произведение вину и дружбе. Место его рождения или пребывания означить трудно; ибо в пьесе: "три года Добрынюшка стольничал", на с. 67 говорит сочинитель:

А не было Добрыни шесть месяцев,
По нашему по Сибирскому словет полгода».

«По сему, не без вероятии, заключить можем, что некоторые из стихотворений сочинены в Сибири. В статье: "Василий Буслаев" на с. 73.

А и нет у нас такого певца
Во славном Новегороде,
Супротив Василья Буслаева».

«И наконец, в Чурилье игуменье, на с. 383, представляет себя жителем Киевским:

Да много было в Киеве Божьих церквей,
А больше того почестных монастырей;
А не было чуднее Благовещения Христова.
А у нашего Христова Благовещенья честного
А был у нас-де Иван пономарь».

«Собиратель древних стихотворений должен принадлежать к первым десятилетиям XVIII века…

Ноты стихотворений скрипичные. Азбучные ошибки ее исправлены Шпревичем, отцом, бывшим учителем музыки при Университетском благородном пансионе. Знатоки находят в ней приятные тоны».

Вот полная история рукописи, собирателя, мнимого сочинителя, редакции и издателей. Мы обращаем внимание наших читателей на мнимого сочинителя, Киршу Даниловича.

Издатели объявили, что древние стихотворения собраны были Киршею Даниловым; что он даже есть сочинитель некоторых пьес; этого мало: они даже означили приблизительно время жизни его, местопребывание. Вероятно, что они, не зная о семейной жизни собирателя этих стихотворений, П. А. Демидове, забыли сказать истину, столь очевидную и прямую. Доселе еще никто не рассматривал редакцию древних стихотворений; никто не хотел вникнуть в присвоение. Право, усвоенное издателями Кирше Данилову, осталось навсегда за ним; в этом никто не сомневался. Мнение, продолжающееся тридцать лет, трудно поколебать: но истина требует своего. Вот почему осмеливаюсь предложить противные мнения издателям, осмеливаюсь сказать, что это усвоение Кирше Данилову несправедливо. Предлагаю свои доказательства.

Песни принадлежат многим векам и многим людям. Что они не одного времени, в этом удостоверяют нас пьесы, лица, упоминаемые в них, изложение мыслей, предметы; что они разных людей, это доказывают версификация стихов, принятая мера для оборота мыслей, даже разные исторические сведения. Настоящий собиратель был П. А. Демидов, живший в Туле в половине XVIII столетия, любивший собирать все редкости. Рукопись перешла от него Хозикову, потом к Ключареву и Калайдовичу. Я знал и доселе знаю обыкновения тульских бояр сбирать песельников и сказочников, слушать песни и сказки. Потешники, так называли в старину этих людей, принимали на себя все увеселительные должности. Они за деньги нанимались: лежать месяц на одном боку; простоять неделю на одной ноге; бегать на пристяжке вместе с лошадью; выпивать непомерное число воды. Все редкости

записывались грамотным дворовым человеком. Потешники странствовали из одного места в другое во всю свою жизнь и стекались толпами там, где щедрость боярская давала им приют. Потешника как нового гостя приводили прежде всего посмотреть на боярческие очи. Дворецкий предлагал боярину искусство нового потешника. Начиналась проба. Если потешник нравился боярину, то его оставляли гостить; он должен был и сказывать сказки, и петь песни, и творить разные проделки. В свободное время умный дворецкий заставлял его обучать дворовых людей новым песням и сказкам. Все это делалось на случай, когда боярину бывало скучно, когда не являлось новых потешников. В скучные часы дворецкий входил с новыми певцами и подавал книгу с чудесными песнями и сказками. Боярин назначал песни и сказки, а дворецкий распоряжался боярским приказанием. Таковы были в старину увеселения у И. в селе Деднове, у М. в Яковлевском, у И. в Высоком, у М. в Горенках. Это известно многим тысячам людей, и я привожу в доказательство всем известное дело. Вот как составлялись сборники песен и сказок.

Калайдович говорит, что собирателем древних стихотворений был Кирша Данилов. На чем это основано? На том, что имя его поставлено было на первом листу рукописи. Где этот лист? Калайдович говорит, что он потерялся. Кто видел лист с подписью? Один только издатель Якубович, который, по словам Калайдовича, ручается за справедливость этого известия. Вот на чем издатели основали усвоение древних стихотворений Кирше Данилову. Кто видал старые рукописи, тому уже известно, сколько бывает приписей на полях страниц. Может быть, подобная припись и действительно находилась.

Калайдович в доказательство своего предположения приводит одну песню, где упоминается Кирша Данилов. Но это только сказано в одной песне, и более нет в целой рукописи или в 60 стихотворениях. Положим, что эта песня сочинена Киршею Даниловым, и то потому только, что здесь вставлено это имя; но сколько есть имен в остальных песнях? Неужели мы будем каждому имени, упоминаемому в песне,

присваивать и сочинение? Этого на самом деле не бывает. Калайдович приискал в рукописи слова для подкрепления: «у нас; по-нашему; у нашего». В этих словах заключаются удивительные разноречия. Если будем заключать из них, то Кирша будет сибиряком, новгородцем, киевлянином. Можно ли на этом основаться? Решительно нет. Видно, что все эти лица были разные; а иначе один и тот же человек не мог говорить о трех родинах. Кроме того, у каждого Русского есть своя замашка: хвастать своим городом, своею родиною. Сам Калайдович предполагал, что Данилов был малороссиянин. Какой же малоросс будет хвастаться московскими городами? В старину одно имя москаль было уже каким-то отчуждением для Малороссии.

Приведем еще одно важное доказательство. Древние стихотворения еще были известны до первого издания их в 1804 году. В 1770 году Чулков поместил в своем песеннике, ч. 2, № 128: «Как князь Роман жену терял»; под № 121 – «Как зачиналась каменна Москва». Это было за 35 лет до издания Якубовича, за 48 лет до издания Калайдовича. В. А. Левшин имел у себя рукопись древних стихотворений, погибшую во время пожара. Из этой рукописи он напечатал несколько стихов в русских сказках, изданных им в 1783 году, почти за двадцать лет до издания Якубовича. В 1792 году издатель истории Каина напечатал одну песню под № 33 – «Усы». В 1796 году И. И. Дмитриев напечатал в своем песеннике: «Никите Романовичу дано село Преображенское» и описание корабля Сокола. Может быть, скажут, что все эти песни, появившиеся до издания Якубовича, списаны с одной и той же рукописи Демидова. На это отвечаю: в песнях, изданных до Якубовича, находятся разноречия, а это самое и составляет различие списков.

Не желая уничтожения имени Кирши, мы бы охотно уступили все доводы, чтобы только иметь верную опору. Во всяком случае, имя сочинителя было бы для нас бесценно; дорожа истиною, мы остаемся, до времени, при своем мнении. Грустно расставаться с тем, к чему мы привыкли тридцать лет, но грустнее быть обманутыми.

Что такое древние русские стихотворения? Это смесь народных дум, поэм, песен, сказок и повестей. К повестям мы относим: «О князе Владимире Киевском; о могучем богатыре Добрыне Никитиче; о Чуриле Пленковиче, об Алеше Поповиче, о Василье Богуславиче». Источник этого произведения находится в русских сказках и преданиях. Историческая достоверность погибла; народные производители дополнили события своим соображением. Соловей Будимирович и Никита Романович составляют образчики народных дум. Князь Роман, Илья Муромец, Сорок калик – выражают только остатки народных поэм. Дурень есть верный идеал народных сказок. Зато песни здесь соблюдены во всей целости. Многие пьесы, разные по порядку издателей, составляют одно целое, истинно народное произведение. Здесь заключаются такие предметы, что наши рапсодии, вместе взятые, могут составить подобное вроде Гомеровой «Илиады». Соедините: «три года Добрынюшка стольничал, Добрыня Чудь покорил, Добрыня купался, Илья ездил с Добрынею», и выйдет полная народная поэма. Или составьте в одну группу богатырей Владимировых: Соловей Будимирович, Василий Буслаевич, Алеша Попович – и выйдет богатырская повесть. Предвижу наперед, что это назовут нововведением многие; но оно на самом деле было так, и только произвольные изменения редакторов их разрознили по-своему.

В 1810 году был издан в Москве сборник А. Калатилиным с удивительным заглавием:

«Новейший, всеобщий песенник, или полное собрание лучших всякого рода песен, как-то: любовных, нежных, пастушеских, театральных, издевочных, выговорных, военных, или солдатских, простонародных, веселых или театральных, плясовых, цыганских, хороводных, святочных, подблюдных, свадебных, Малороссийских, критических, шутливых и проч. с приведением арий и хоров, из оперы четырех частей Днепровской русалки, Мельника, Свитеньщика, редкой вещи, Дианина древа, Флейты, князя Невидимки, трубочиста, добрых солдат, Калиф на час, Рорина и любим, приказчика, своя ноша не тя-

нет, двух охотников, Федул с детьми, свадьбы Волдырева, Матросских шуток, крестьянин Маркиз; и других лучших опер, с означением некоторых, какой голос песни и на какой случай сочинена. В трех частях, расположенных на тринадцать отделениев. Собранные Афонасьем Калатилиным».

Не взыщите, православные люди, за выписку этого огромного заглавия; неволя заставила выписывать. Чужеземные люди взяли издание Калатилина за образец и стали судить о народных песнях. Вацлав Олешка, издатель галицийских песен во Львове, говорил, что русские песни собраны и напечатаны были только Калатилиным. Странная участь! Почему к ним не дошел песенник Чулкова? Надобно же этому быть, чтобы чужеземцы судили о русских песнях по уродливому изданию Калатилина, с примесью всякого нового вздора.

Первая часть сборника Калатилина составлена из новых песней. Мы об этом не говорим. Во второй части напечатаны песни простонародные, плясовые и цыганские. Нельзя вообразить себе, до какой возможности изуродованы эти песни. Издатель приписал и новые песни к старым, без всякого разбора. В третьей части помещены святочные, хороводные и свадебные, прямо списанные с сборника Попова.

С наслаждением и радостью переходим к запискам о Сибири, составленным неизвестною россиянкою. Почтенная соотечественница в конце своей книги поместила сибирские песни. Это одно и единственное на Руси издание русских народных песен, напечатанное со всевозможною точностью, имеет неоспоримое преимущество пред всеми сборниками. В небольшом ее собрании находятся песни хороводные, святочные, свадебные. Сборник был издан в Москве в 1837 году К. А. П. Хороводные песни имеют все признаки древности; но святочные отличаются необыкновенною простотою, народностью неподделанною. В них все говорит русским духом, русским языком. Кажется, что это одно искупает все недостатки прежних издателей. Перечитывая сибирские песни, незаметно, как забываешь все неудачи редакторов, невольно примиряешься со всем. Мы смело рекомендуем иностранцам этот сборник; они

найдут здесь истинно народные песни, найдут песни русские, которых они напрасно искали в собрании Калатилина.

В 1837 году в Москве издан был сборник: «Народные русские песни, собранные М. М». Г-н М. М. разделил свое собрание по отделениям; в первом находятся песни протяжные, во втором *скорые, плясовые, подблюдные, свадебные*. Всех песен помещено 98. Мы об этом собрании ничего не можем сказать, потому что издатель перепечатал их из прежних песенников; новых мы не встретили ни одной.

В 1835 году в Москве был издан сборник г. Гурьяновым со следующим заглавием:

«Полный новейший песенник, в тринадцати частях, содержащий в себе собрание всех лучших песен, известных наших авторов, как-то: Державина, Карамзина, Дмитриева, Богдановича, Нелединского-Мелецкого, Капниста, Батюшкова, Жуковского, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынского, Козлова, барона Дельвига, князя Вяземского, Федора Глинки, Бориса Федорова, Веневитинова, Слепушкина и многих других литераторов, расположенный в отдельных частях для каждого предмета. Собранный И-м Гурьяновым».

Редактор, расположивший свое собрание по отделениям, поместил в первом: *военные*, во втором и третьем *простонародные* и *хороводные*. Здесь вместе с новыми песнями смешаны старые. Так в числе народных хороводных песен находятся – сочинения Пушкина, Раича, Жуковского, Ф. Глинки, Д. Новикова, Феокритова, известного нам по «Живописцу», бывшему в «Московском Телеграфе». В четвертом малороссийские; но, к удивлению, мы встретили здесь вместе с малороссийскими и русские песни. Его малороссийские песни, числом 16, взятые из разных сборников, известны на Руси под названием *казацких*. В пятом и шестом *театральные*; в седьмом *любовные*; в восьмом *свадебные, святочные* и *хороводные*; в девятом *плясовые* и *пастушеские*; в десятом *застольные, дружеские* и *круговые*; в одиннадцатом и двенадцатом избранные новейшие; в тринадцатом баллады старые, новые и исторические. Все эти старые баллады и исторические песни взяты из древних сти-

хотворений, изданных Калайдовичем. Во всех же тринадцати отделениях г. Гурьяновым напечатано 960 песен.

В 1801 году был издан сборник: «Русские песни, сочиненные в селе Спасском». Издатель вместе с новыми песнями напечатал две простонародные № 31 и 36, с сохранением в правописании народного выговора. Таковы:

1 – Ах! вец матушка голувушка болит. –

2 – Лушка! ты вцора сманила. –

Все прочие песни этого сборника, кажется, не имели никакого достоинства для печатания; в них нет ни смысла, ни правильности языка.

В 1809 году издавался в Москве в виде журнала песенный сборник под следующим заглавием: «Русское национальное песнопение. Часть первая».

Издатель не означил своего имени; но оно было тогда всем известно. В 1833 году из обозрения русских сказок, напечатанного в «Телескопе», мы узнали, что это издание было М. Н. Макарова. В своем введении он писал:

«1. Издавать все Русские национальные песни. 2. Когда только возможно, с историческими подробностями о сочинителях оных, и на какой случай песня была сочинена и в которое время. 3. Сохранять красоту слога, чувства писателей, сущность и плавность гармонии в каждой песне. 4. Стараться как можно помещать песни в *костюмах* того времени, в которое они писаны были. 5. *Исправлять погрешности*, происшедшие в оных от разных издателей и переписчиков; но так *исправлять*, чтобы *поправка в слог или целом* речении, *вновь выданном*, сохранила всю оригинальность, правильность и плавность древней поэзии. 6. Помещать песни и совсем вновь переделанные, но которые во всем согласовались бы с правилом, и которые, так сказать, заключали бы в себе одно и то же существо, только в *лучшем, привлекательнейшем* виде».

Макаров, объявивши об исправлении песен, выполнил его на самом деле. Вот его исправления.

Поместив под № 1 песню, доставленную к нему каким-то почтенным любителем российского песнопения, говорил:

«…для приведения в настоящий стихотворный размер, решился сам выправить излишности, которые как в гармонии, так и мелодии делают некоторую шероховатость…

В подлиннике:
“Во чужой земле мне могилушка.”
Переправлено:
“Во чужой стране могила мне.”

В подлиннике:
“Ай как тошно братцы товарищи!”
Переправлено:
“Грустно, тошно мне товарищи!”

В подлиннике:
“Ай как тошно, ай во чужбинушке!”
Переправлено:
“Ай как тошно на чужбинушке!”

В подлиннике:
“В поруганьеце.”
Переправлено:
“В поруганье.”

В подлиннике:
“Ай лиха Литва!”
Переправлено:
“Ты лиха Литва.”

Все это напечатано самим издателем на 16 и 17 с. Мы не понимаем цели исправления, потому что не находим никакой надобности; но г. Макаров говорит: «…подобные перемены не могут обезобразить красоту сего творения, потому что в нем сохранена цель автора».

Песня, помещенная на 25 с. под № 4, совершенно переделана. Г-н Макаров говорит: «Здесь она помещена совсем переправленная, ибо и смысл и слова настоящей оригинальной сей песни совсем неинтересны и составляют какой-то *пустой набор слов*. Чтобы дать какое-нибудь понятие об оригинале сей песни, скажем, что в ней только говорится: о фарфоровом стаканчике, о серебряной воронке с коришневой водкой, что все вместе составляет смешную бессмыслицу».

В песне под № VI на с. 37 сделаны удивительные перемены:

В подлиннике:

Молодому холостому
Назолу давает,
Молодой и холостой
В лужке травушку примял.

Переправлено:

Молодец один прекрасный,
Девице знакомой,
Часто по лугу гуляет,
Травку приминает.

Довольно этих образцов, чтобы показать, до какой степени заботились прежде об исправлении и как тогда понимали народные песни. Невозможно верить, чтобы люди приходили в такое отчаянное положение разрушать самовольно вековые создания!

В состав русского национального песнопения г. Макаров вместил: песни; краткие исторические известия о национальном российском песнопении; краткое славянское баснословие, расположенное алфавитным порядком; что такое петь? Песни выбраны г. Макаровым из песенника Попова, о котором он говорит: «Из всех доселе вышедших национальных песенников можно почесть исправными не более двух или трех, из коих лучшим я считал Российское Эрато, издан-

ное М. В. Поповым». Г-н Макаров умалчивает о редакции Попова, составленной из трудов Чулкова, в самом обезображенном виде, и песен своего произведения. Другие песни взяты: из истории В. К., из трудов его современников. В число песен взошли из древних русских стихотворений, изданных Якубовичем, Иван Годинович, преданный г. Макаровым, по просьбе приятелей, «в обыкновенный размер, употребляемый в новейших русских белых ситах». Мы приведем для любопытных этот перевод вместе с подлинником.

В сборнике Демидова, изданном Калайдовичем, на с. 135 – «Иван Годинович».

В стольном городе во Киеве,
У ласкова, Осударь, Князя Владимира вечеринка была,
На пиру у него сидели честные вдовы.
Пригодился тут Иван Годинович,
Проговорил ему стольный Киевский Владимир князь!
Гой еси, Иван ты Годинович!
А зачем ты Иванушка не женишься?
Отвечает Иван, сын Годинович.
Рад бы, Осударь, женился, да негде взять:
Где охота брать, за меня не дают;
А где-то отдают, тут я сам не беру.

В переложении г. Макарова на с. 350.

В стольном городе во Киеве,
Где владел Владимир князь,
Где доброты прославлялися
Осударя таво ласкова,
Где сиял он будто солнышко
Правотой души и милостью,
И любовью и согласием.
Князь любил всегда веселу жизнь;
Он давал пиры богатые,
Яством, питьями наполнены

И гостями изобильные,
В один день, когда был пир таков,
К нему съехались красавицы,
Со всех стран тогда все лучшие:
Чернобровы, черноглазые,
Белолицы и румяные,
Станом, поступью прелестные,
Все в уборах драгоценнейших,
Так блистали, отличалися,
Что пред ними где и солнышку
Воссиять так в жаркий вешний день!
И во той же был в компании
Молодец, красив, удаленький,
Тот во Киеве отличнейший
Богатырь Иван Годинович.
Князь любил его, как душеньку,
Называя рукой правою:
Во всех дивных своих подвигах
Он ему везде соратой был,
И во бранях и в ристалищах,
Он советник, верный друг его!
Князь Владимир между речию
Так к Ивану обращается:
Гой еси Иван Годинович!
Ты хорош, пригож и милостив,
Ты дороден, добр и храбр душой,
Для чего ж, мой друг, не женишься?
Аль красавицы все Киевски
Недостойны твоих выборов,
Чернобровы, черноглазые,
Белолицы и румяные?
Отвечал ему Годинович:
Рад бы, князь, душой жениться я,
Рад бы выбрать чернобровую,
Черноглазу, белолицую
Белолицу и румяную;

Но Годинович несчастливый:
Его девицы не жалуют,
К нему матери не ласковы,
И при них он всегда лишним был.

Все, что в сборнике Демидова помещено в 11 стихах, г. Макаров сделал из этого 50; а к полной пьесе прибавил в прозе еще содержание на 8 страницах. Кажется, что это приложение лишнее, в этом никто не будет спорить. В исторических известиях о русском песнопении он писал: «Древность Российского песнопения теряется в глубоком мраке времен. Мы знаем еще только о тех песнях, которые сложены в двенадцатом веке… Древние поэты наши мало заботились о сохранении плавности и меры в стихах своих, и старались только о точности в изображении предметов… Большая часть древних и новейших национальных Русских песен составляет род каких-то плачевных элегий, голоса их протяжны и унылы до того, что нельзя никак, слушая хорошего певца, не почувствовать всю цену или вес петой им песни… Наши старинные песнопевцы не наблюдали ни слогов, ни стоп; словом, правила стихотворения, наука красноречия не были известны ни одному из древнейших наших поэтов».

Мы просим читателей обратить внимание на сочинение г. Востокова – о русском стихосложении. Там они увидят искусство русских песен; там они увидят все правила, служившие нашим предкам для создания песен.

Славянское баснословие выбрано г. Макаровым из сочинения Чулкова: Абевега русских суеверий и мифологии Кайсарова. Выписываем еще одно место, где г. Макаров невольно вместил отзывы современников о русском песнопении:

«Некоторые пристрастники ко всему старому и прежнему хотят уверить, что Кашин переменил, даже испортил настоящий голос песни. Чудаки не чувствуют, что он самый тот же, только гораздо лучше, чище прежнего, и любитель Русской музыки должен сердечно благодарностью почтенному издателю журнала отечественной музыки».

Редакция русского песнопения не произвела доселе ничего совершенного, сходного с духом народного пения. Издатели смотрели на этот предмет совершенно с другой точки зрения, нимало не обращая внимания на народный характер. Все, что доселе сделано для русского песнопения, состоит в следующих изданиях.

В 1790 году Прач напечатал русские песни с голосами на музыку. В слабых, неверных мотивах издатель передал образчики разных родов песнопения, с прибавлением итальянских руладочек. Этот первый опыт имел весьма невыгодное влияние на русское песнопение. По изданию Прача Европа судила о русском песнопении. И какой же был суд! Знаменитый музыкальный сочинитель Пейзелло не хотел верить, чтобы это было народное песнопение; он решительно считал его произведением искусных композиторов. Неизвестный сочинитель *«О русской церковной музыке»* уверяет, что трактат о песне, напечатанный при издании русских песен Прача, был написал Львовым. Из этого трактата доктор Гютри составил сочинение: *«О русских народных песнях»*, с прибавлением другого своего: *«О русских музыкальных инструментах»*. Фетис в своем сочинении – «История философии музыки» – заимствовал из брошюры Гютри о русском песнопении. Вот каковы были следствия этого издания. Ни одно русское слово не отозвалось в защиту народного песнопения; все тогдашние и современные композиторы остались безмолвными. Заметно, что Прач изучал русское пение, видно, что он боролся с исполином; но он как восторженный композитор заботился о мелодии и гармонии сообразно своему вкусу. Неуловимые русские мотивы, поражавшие его слух, остались навсегда собственностью народа. Пришелец посягнул на изменение нашего песнопения: вставил русские песни в нотные рамки, заклеймил их роковыми четвертями. Все то, что казалось ему не музыкальным, он дополнил итальянскими мотивами; все то, что было в его глазах странным, он уничтожил. В его время жил гениальный русский артист Хантошкин, удивлявший своим искусством знаменитый двор Екатерины, этот Хантошкин, не имевший в

Европе соперников, постигший за полвека все музыкальные тайны наших современников, жил в одно время с Прачем, разыгрывал русские песни в чертогах Екатерины, в палатах бояр и на площадях. Прач не понял духа Хантошкина, основанного на чистом народном песнопении.

Редакция Прача состояла в следующем: 1 – разделил песни по времени народного употребления; 2 – напечатал и текст песен и нот на особенных страницах; 3 – в начале, вместо предисловия поместил: *о русском народном пении*. В этом обозрении сказано:

«Мы называем гармонические песни *протяжными*, а мелодические *плясовыми*. Плясовые песни у нас по большей части веселого содержания, в тоне magiore, и поются скоро; протяжные же почти все minore, и поются тихо и умеренно».

«К удивлению находим, что мы в народном пении нашем наследовали от древних Греков не только разделение оного на две части; но в протяженных песнях есть некоторое ощутительное подобие мелодии и образ сложения оных; ибо старинная наша песня: “Ты воспой, воспой, млад жавороночек” – и другие начинаются выходкою одного голоса, а возвышаются потом общим хором. Так точно расположена ода Пиндарова, имеющая характер пения – conto-fermo Итальянцами называемого. Большая часть наших протяженных песен сей же самый характер имеют».

«Протяженные наши песни старинные суть самые лучшие; сие-то суть характеристическое народное пение, с которым, при помощи даже искусства, в наши времена сочиненные, не могут равняться. Что же касается до плясовых песен, то старинные не имеют пред нынешними сего преимущества; и хотя нельзя точно означить, кои суть из них самые старые, но известно то, что нынешние песни предпочтительнее тех, коих признают старинными, по начальной простоте их».

«Между плясовыми песнями есть еще особливые более образом пения, нежели сложением своим: их называют *Цыганскими*, поелику под сии только одни можно плясать по-Цыгански. Не знаю я, Цыгане ли сочинили сии песни, или они

умели выбрать из наших, придав им пением своим такой живой наряд, с которыми они весьма от Русских отличны, и для скорой пантоминой пляски стали несравненно удобнее, будучи и для голоса лучше многих простонародных».

«Свадебные и хороводные песни весьма древни; между оными нет ни одной в наше время сочиненной. Свадебные песни во всем пространном государстве нашем и словами и голосом столько единообразны, что из нескольких тысяч верст пришедший по голосу оных узнает, в которой избе свадьба. Хороводные песни также одинаковы; из них еще и поныне употребляются припевы: Дидо, Ладо и прочие имена языческих богов древнего Славянского поклонения».

«Свойства малороссийских песен и напевов совсем отличны от русских; в них более мелодии, нежели в наших; но мне неизвестна ни одна гармоническая малороссийская песня, которая бы равнялась со многими нашими протяженными. Употребление из древних времен между народом их бандуры помогло к совершению их пения, и во множестве малороссийских песен есть музыкальные приятности, есть некоторые правила в сложении оных, некоторая ученость, но вообще меньше характера».

«Сколько трудно было собрать голоса народных, написанных, на нескольких верстах рассыпанных песен, и положить оные на ноту, часто с фальшивого пения неискусных певцов, всякий легко представить может; но трудность еще не меньше предстояла в том, чтобы, не повредя народной мелодии, *сопроводить оную правильным басом, которым бы и сам был в характере народном*. Сие, однако, с возможным рачением исполнено было, и был положен почти везде так, а инде весьма близко, как при исправном хоре в народных песнях поют оный».

Вот цель и направление Прача, предпринятые им при издании русского песнопения. Мы не понимаем цели, для чего должно было приделывать бас там, где он не существует. С этим дополнением чистое народное пение исчезло, характер разрушен, и составилась композиция редактора, а не целого народа.

Собрание русских песен Прача выдержало три издания. Первое издание было напечатано в восьмую долю листа, в 1790 году. В нем Прач поместил: *протяжных* 33, *плясовых* 42, *свадебных* 6, хороводных 9, святочных 1, малороссийских 6, а всего 97 песен. Текст песен, кроме немногих, перепечатан из песенника Чулкова.

Второе издание песен Прача было напечатано в четвертую долю листа, в 1806 году, в двух частях. В новом издании статья – о русском народном пении – превратилась в Предуведомление с прибавлением следующего:

«В России сочинители народных песен совсем неизвестны, и, следовательно, оные более принадлежат всему народу. По содержанию некоторых из них можно догадаться, что сочинители были: казаки, бурлаки, стрельцы, старых служеб служивые люди, фабричные, солдаты, матросы, ямщики; но начало старинных песен, как-то: свадебных и хороводных – скрывается во мраке древности».

В первой и второй частях второго издания было напечатано: протяжных 48, плясовых 60, хороводных 10, святочных 6, свадебных 10, малороссийских 16. Второе издание, составленное из 150 песен, отличается от первого смешением: в число святочных взошли хороводные, а хороводные помещены в протяжных и плясовых. Здесь более показывается отступление от русского песнопения. Многие места написаны так, что нет ни одного русского звука.

Современник нам по редакции песнопения, ветеран по занятиям, Д. Н. Кашин, издал в Москве в 1833 году – «Русские народные песни, собранные и изданные для пения и фортепиано».

Труды почтенного Кашина известны были еще в конце XVIII столетия как лучшего тогда композитора. Было время, когда его песни, петые Сандуновой, приводили в восхищение всю Москву. В 1808 и 1809 годах он издавал музыкальный журнал отечественной музыки. Здесь помещались сочинения его и других музыкальных современников. Но важный подвиг и, кажется, окончательный состоит в издании русского песнопения. Посвящая соотечественникам свои песни, он писал:

«Долговременно почерпал я из обильного источника наши лучшие народные песни, богатые собственною, неподражаемою музыкою; внимательно вслушивался в их гармонию, и передал бумаге во всей простоте напева народного, без украшений, без вымыслов, всегда разрушающих истинное достоинство такого рода музыки.

«Быть может, что при всем попечении моем изложить верно напевы не оправдал я точного хода оных. В таком случае да простят меня; я не переписывал песен, а собирал большею частью с голосом, что доказывают песни, не токмо никогда не печатанные, но даже никем на ноты не положенные. К сему нелишне прибавить, что певцы не всегда в исполнении единообразны».

Вот отчет г. Кашина о своей редакции. Он не объяснил нам: где пели песни, положенные им на ноты? Где собраны были эти песни? В каждой песне видно, что редактор заботился о сохранении единообразия; ему непременно нужно было подвести все песни под один избранный мотив. Справедливо ли это? Никто доселе из русских не говорил о том. Мы представляем свои мнения, основанные на местных наблюдениях, и желаем, чтобы другие указали нам верные наблюдения.

Все ошибки редакторов песнопения происходили из двух источников: 1 – украшать русские народные песни сообразно итальянским мотивам. Таково было направление Прача; 2 – придерживаться одной избранной темы во всех песнях. Таково было направление Кашина. Как гибельны такие направления, всякий может представить, а что они не нужны, в этом никто не усомнится. Русские песни не имеют никакой надобности в исправлении. Созданные народом, под влиянием особенной жизни, не известных обстоятельств, они имеют свои красоты, не свойственные другим народам, свои тоны, созданные для русского песнопения самими русскими. Заботясь о единстве песнопения, мы легко можем увлечься в крайности. Каждый город, каждая деревня имеют свои напевы. Положим, что в России есть пятьдесят мест, где поют одну и ту же песню в различных напевах. Редактор, избравши одну песню для своего

сборника, возьмет эту песню и положит ее голос на ноты, сообразно своей идее. Будут ли тогда напевы этой песни иметь народный характер? Без сомнения, нет. В такой редакции все песни сольются в одно мечтательное пение; народное песнопение, отличное местными характерами, исчезнет. Положим, что редактор возьмет напев песни известного места и положит на ноты так, как он известен там. С первого взгляда лучше этого и желать нельзя; но, вслушиваясь в напевы этой же песни других мест, увидим, что есть какие-то различия. С таким условием редакция становится неудовлетворительною. Отсюда, само собою, возникает необходимость различия народного песнопения по областям. Этого необходимого условия не встречаем ни в издании Прача, ни Кашина. По крайней мере, надобно желать, чтобы редакторы песнопения отличали в своем сборнике напевы песен, подслушанных ими в том или другом месте. Мы часто слышим жалобы, что нельзя положить напевы наших песен оттого, что русские люди поют их различно и при том фальшиво и неверно. Сколько здесь несправедливого! Поют песни различно оттого, что каждая область имеет свой особенный напев; поют фальшиво оттого, что композитор, услышавши в первый раз русскую песню, полагает уже за верное, что только такой напев существует для этой песни; потом услышит во второй раз напев этой же песни из другой области, считает его уже неверным, фальшивым. Изучать русское песнопение должно по разным городам, а не в кабинете. В таком изучении можно еще встречать доселе незаметные оттенки – характер народного выговора. В песнопении областной выговор производит чрезвычайные изменения. Послушайте только москвича, суздальца, олончанина, сибиряка, и эти изменения будут поразительны до невероятности. Перейдите отсюда к московским цыганам. В их пении найдете совершенно иные мотивы. От чего это? Вникните только в выговор цыган, и вы разгадаете тайну их песнопения. Олончанин самую протяжную песню поет там скоро, что москвич гораздо продолжительнее пропоет плясовую, как она ни скоро поется. В этом различии скрывается одно и то же условие – выговор местный. По теории гармония и

мелодия должны бы все это уравнять; но с русскими песнями выходит напротив: народный напев создает для теории свою мелодию, свою гармонию. Не думаем, чтобы кто-нибудь возразил нам, что в нашем народном песнопении нет теории и что даже мы это утверждаем. Напротив, наше песнопение имеет свою верную теорию, утвержденную веками; но, к несчастью, ни один композитор не изучал нашей теории; этого мало, ни один из них никогда не говорил даже, что она существует.

Мы привели только краткие замечания, извлеченные из опыта, указали на разности песнопения, как на действительное событие, современное нам; но такой обширный предмет требует многотомного изложения, основанного на опытных доказательствах. Предоставляем эту завидную участь другим.

Мнения русских литераторов о народной поэзии столько были различны, сколько были различны их понятия о народных произведениях. В постепенном сравнении их сочинений мы увидим все разности.

В 1809 году было напечатано в Москве: *«Рассуждение о древней русской словесности»*. Неизвестный сочинитель начинает свое рассуждение с времен незапамятных, а впоследствии, обращаясь к «Песне о полку Игоревом», говорит:

«Сия песнь писана самым древним, простонародным языком, который гораздо труднее понимать находящегося в нашей Библии. Не надобно развивать ее по правилам Аристотеля, Горация или Буало; она не есть правильная эпическая поэма, и не заключает в себе никаких чудесных вымыслов. Сочинитель ее был, конечно, человек неученый, но ученик простой природы, с которой картины свои он описывал верно и удачно. Наш стихотворец любит сравнения и аллегории; они везде чрезвычайно кратки, правильны и материалы для них все отечественные. Вообще слог фигурен и чрезвычайно стихотворен, часто встречаются одушевления. Дарование стихотворца нашего особенно является в описаниях».

После этого он переходит к сборнику Демидова «Древние русские стихотворения». Любопытны понятия сочинителя об этом издании.

«Большая часть сих песен или повестей, писанных стихами, особливо те, в которых прославляется Владимир, суть не что иное, как простонародные Русские сказки, и наполнены самыми нелепыми вымыслами. Думаю, что древность сих стихотворений никто защищать не станет. Кто б ни был сочинитель сих сказок, но он должен быть без всяких познаний в древней истории своего отечества; следы испорченного вкуса и самого уродливого воображения, повсюду видны в его сочинениях. Хотя он писал и не в средних веках, но все они душат духом сих варварских времен, которых грубость и жестокость вселяют к ним отвращение».

«Только с одной стороны заслуживают они внимание критики и всех любителей русской поэзии: в стопосложении их находится большое расположение, которому даже соотечественники Гомера, говорившие самым музыкальным языком на свете, и называвшие все прочие варварскими, не могли бы не удивиться. И что всего чуднее: сочинитель никогда не слыхивал о Хореях, Ямбах, Дактилях, однако ж у него большая часть стихов выходят самые правильные и даже музыкальные».

Мы избрали только сущность сего рассуждения, чтобы постепенно указывать направление наших писателей в начале XIX века. О верности таких понятий мы ничего не можем говорить; они тогда были хороши и почитались даже важными. Еще в 1818 году писал А. Х. Востоков: «…отсылаю читателя к рассуждению о древней Русской Словесности, в котором находятся весьма справедливые замечания о древности, об анахронизмах и о характере преданий».

Несправедливым понятиям о русской народной поэзии, вероятно, не будет конца. Доселе еще смешивают даже самые слова простонародные песни с народною поэзиею! Что такое простонародные песни? Вообще полагали, что это самое низкое произведение черни, народа грубого, непонятного. Думать так будет очень несправедливо. Несовременная нам чернь сотворила русские песни; она только сохранила их, тогда как другие классы совершено их забыли, даже гнушались, предпочитая им французские вздоры. Русские песни принадлежат

всему русскому народу; они произведение целого народа. Вот от чего писатели, смотревшие на народные песни как на грубое произведение черни, впадали в крайности и давали превратные суждения. Поэзия боярина, поэзия мужика – всегда будет одна и та же поэзия, если только она будет гениальным произведением. Рыбак Ломоносов разве не был поэтом, а он явился из простонародья. Такие ошибки мы находим общими нескольких лет, где люди как бы сговорились говорить несправедливое наперекор всего справедливого. Удел неизбежный для человечества!

Гораздо ошибочнее являются у писателей понятия о языке народных песен. Это такая смесь всякой всячины, что доселе никто не думал исправлять их. Песни наши новы, старых мы не имеем – вот общее мнение. Справедливо ли это? На чем основано? Где доказательства их обновления? Где указания на их новость явления? Об этом никто из русских не думал. Кажется, с первого взгляда, это так легко разгадать, что оно само собою высказывается; но это только будет хорошо для кабинетного занятия, где не нужны опытные суждения, требующие поверки. Труд неимоверный, невероятный предстоит тому, кто хотел бы судить по языку народных песен о времени их произведения. Для этого нужно иметь понятия: о состоянии русского языка в разных столетиях; нужно знать до подробности русские областные наречия.

Во всех последних семи столетиях русский язык существовал в двух отдельных видах: в книжном и разговорном. Язык книжный был язык славянский, составленный по формам греческого, сербского и русского. Первая отрасль его началась и созрела в Киеве, вторая родилась в Новгороде, смешалась с русским. Время составило из обеих этих отраслей наречия областные: московское, суздальское, владимирское, новгородское и северное – архангельское, сибирское, заволжское. Каждое областное наречие имеет свои подразделения. Язык славянский, образованный в Киеве, сохраняется у русских доселе в церковных книгах; но он никогда не был языком разговорным, языком живущего народа. Все областные

наречия составляют ныне один русский язык, которым говорили прежде, говорят ныне и будут после говорить. Самое обширное, самое многочисленное из областных наречий есть наречие московское. Этим наречием говорили наши предки, говорим и мы, их потомки. Для этого только наречия есть у нас грамматики, словари и книги, писанные этим одним наречием. Для всех других наречий мы ничего не успели приготовить; не знаем даже их составных частей.

Каждый писатель за нужное считает сказать что-нибудь об языке народных песен; но эти рассказы оканчивались общими выражениями – старого нет, все вновь составленное. Все ошибки происходили и будут происходить от незнания областных наречий. Песни народные по языку принадлежат к московскому областному наречию, разговорному; в них нет отрасли киевской, составленной по греческим формам, которую мы привыкли видеть в славяно-церковных книгах. Наши писатели непременно хотят видеть древность языка только в славяно-церковных формах, а этого-то и не бывало в песнях.

К числу древних мы относим песни святочные, хороводные, свадебные, народно-праздничные и часть исторических. Все другие принадлежат XVII и XVIII столетиям.

В 1812 году была напечатана статья в «С.-Петербургском Вестнике» – о русском стихосложении А. Х. Востокова. Почтенный сочинитель в 1818 году перепечатал свое сочинение отдельною книгою под названием: «Опыт о русском стихосложении».

По нашему мнению, этот опыт представляется одним из лучших сочинений о русской народной поэзии. А. Х. Востоков рассматривал только одну сторону нашей народной поэзии – стопосложение. Мы приводим его суждения.

Народные наши песни, говорит Востоков, принадлежат к стихосложению тоническому, сочиняющемуся по ударениям. Русский язык, по его понятию, принимает только 9 стоп; 5 *простых* – ямб, хорей, дактиль, анапест и амфибрахий, и 4 *сложных* – 4-х пеонов. О русских стихах он пишет:

«Народное стихосложение Русское, т. е. склад песен, в новейшие времена начинает переменяться. Песни старин-

ные и те, кои сочинены в позднейшее время, распознать по разности стихосложения. К старинным принадлежат не только лет за сто сочиненные, но даже и те простонародные песни, кои лет 40 или 50 пред сим сложены; ибо они все от новейших простонародных же песен отменяются Русским размером. Первое, что заметит всякий в стихах сего размера, есть то, что они изобилуют пиррихием. Можно насчитать до десяти и более видов Русского размера, между коими разность только в количестве и порядке стоп, строение их даже одинаковое – пиррихическое. В сем стихе слышны только два, либо три долгие слога; прочие все, и в том числе обыкновенно последние два, иногда три слога, суть краткие, так что стих оканчивается дактилем, либо трибрахием. Сии только стопы на конце остаются непременными и образуют, так сказать, римфическую основу стиха, которого прочие части, т. е. начало и средина, не имеют определенного стопосложения. Русский язык имеет в каждом слове, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударению, т. е. один только слог повышается ударением, а прочие все произносятся с равным понижением. Русское словоударение имеет только два перехода, высокий и низкий. Когда слова занимают свое место в периоде, или в стихах, тогда нередко, по связи мыслей, ими изображаемых, сливаясь одни с другими как бы в один состав, теряют они усиливаем свое ударение на счет близстоящих. Так и целое предложение или период, когда изображают одну нераздельную купу мыслей, приемлются как бы за одно большое сложное слово, коего составные части должны по законам единства просодического подчиняться одной главнейшей; а сие не иначе может произойти, как с отнятием у них ударений. Главное ударение почти приходится на первых слогах речи, и это обыкновенное его место. По сей-то причине, хотя Русский язык изобилует Ямбами и Анапестами, бывают, однако, сии меры слышны только в отдельных словах, и еще разве в коротких фразах; совокупление же нескольких слов оканчивается обыкновенно хореем, дактилем, трибрахием».

«В Русских стихах считается не стопы, не слоги, а просодические периоды, т. е. ударения, по коим и должно размерять стихи старинных Русских песен. Стих Русский состоит из двух, либо трех просодических периодов. Мы определили объятность просодического периода до 7-ми или до 8-ми слогов; однако же в Русских стихах никогда он так велик не бывает; а по самой большой мере имеет до 6-ти слогов, обыкновенно же по 4, по 3, нередко и по два только слога, так что самый большой стих Русский о 3-х ударениях имеет редко более 13 слогов и, следовательно, величиною будет с шестистопный ямбический. Стих же о двух ударениях соответствует четырехстопному».

«Рассматривая все сии виды стиха Русского, читатель согласится со мною, что их употребляли не без разбора во всяком роде стихотворений; но, что каждый род, по крайней мере, два главные Лирический и Эпический, имеет также у Русских свой определенный размер. И я действительно осмелюсь разделить стихи наших старинных песен на лирические – песенные, и эпические – сказочные. Отличаю же один от других вот чем: главное свойство тех и других есть равночисленность ударений; но песенные стихи бывают притом, по большей части, равносложны и имеют порядок ударений не изменяющийся; в сказочных же изменяются как число слогов, так и порядок ударений».

«Песенные стихи во всяком языке бывают правильнее, или лучше сказать, единомернее повествовательных, будучи сочиняемы под лад к музыке. Так и в Русском. Русские стихи сего года имеют поровну в себе слогов, а оных поровну и в одинаковом порядке ударения. Мы разделяем Русские песенные стихи, в рассуждении окончаний, на стихи дактилического, хореического и трибрахического окончания».

«Русские стихи имеют свои куплеты, как в песенных стихах, так и в сказочных. Куплеты или строфы в поэзии всех народов образуются коленами пения, в таком случае, когда колено заключает в себе более одного стиха. В Русских песнях куплеты не содержат в себе никогда более 4-х стихов ко-

ротких, или 2-х длинных, да и то последствуемого обыкновенно каким-нибудь общим припевом, каковы например: “ой Дид и Ладо, ой люли, люли, ой жги”. Другой образ составления куплетов Русских есть без припева повторение только последней половины одного стиха в первой половине другого, с некоторою пояснительною прибавкою. Напр.

Ах, что же ты голубчик, невесел сидишь,
Не весел сидишь и не радошен?
Уж как мне голубчику веселому быть,
Веселому быть и радошному».

«Еще другим образом составляются куплеты в русских песнях повторением первых слов каждого стиха, или и обеих половин оного по два, по три раза и более, чрез что половины сии уже особенными, довольно длинными стихами делаются.

По горам, по горам,
И я по горам ходила».

«Гармония стихов Русских наиболее слышна в старинных песнях, и даже безошибочно можно утвердить, что чем стариннее песня, тем чище и правильнее в ней соблюлась сия форма ударятельного или Русского стихосложения. Новейшие простонародные песни начинают удаляться от оного, приближаясь зато от часу более к стопосложению, и заменяя уже складностью рифм или созвучных окончаний прежнюю складность, состоявшую токмо в ударениях; напротив того, старинным песнотворцам Русским рифмы были незнакомы; ибо ежели у них и попадаются иногда созвучные слова, в конце ли, в средине ли или в начале стиха, то оные не с намерением приисканы, а случайно и непринужденно».

«Стихи о трех ударениях дактилического окончания употребляются в Русских народных сказках или повествовательных песнях, каковых мы имеем печатное собрание

под именем древних Русских стихотворений. Из 26 пьес, помещенных в оном собрании (первого издания), все, кроме двух, сочинены сим размером. Также и в песенниках печатных, находящиеся между прочим повествовательные песни или романсы Русские имеют сей же размер. Первое ударение сказочного стиха Русского может переходить из 1 слога на 2, и так далее: даже на 5 слог. Второе или среднее ударение отдельно от первого, по крайней мере, одним кратким слогом; но может отделять от оного 4, 5 и даже 6-кратными, смотря по величине стиха. Третье или последнее ударение имеет непременное место на третьем от конца слоге. Таким образом, с тремя частями своими Русский стих принимает более ста вариаций».

«Каков ни есть Русский сказочный стих, но Русское ухо искони довольствовалось простою его гармониею, которую любит оно еще и теперь, когда уже познакомилось со стопами и рифмами. Сказочный стих, имея всегда дактилическое, либо трибрахическое окончание, вообще не терпит у себя в конце ни ямба, ни хорея, и превращает оные в пиррихиев».

Мы буквально выписали изложения А. Х. Востокова единственно для того, чтобы указать, как он смотрел на состав русских стихов. Впоследствии увидим подражателей, принявших за основание его понятия.

Князь Цертелев, занимавшийся собранием русских песен, напечатал две брошюры:

1 – «О произведениях древней русской поэзии». Спб., 1820.

2 – «Взгляд на русские сказки и песни и повесть в духе старинных русских стихотворений». Спб., 1820.

Об русских песнях князь Цертелев писал:

«Всеобщие песенники, песенники полные, новые и новейшие суть не иное что, как беспорядочный сбор всякого рода стихов, весьма часто изуродованных услужливыми книгопродавцами, которые перепечатывают одно и то же с некоторыми незначащими прибавлениями или выпущениями; а иногда довольствуются даже перепечатыванием одного заглавного листка. Лучшее собрание песен есть изданное в

6 частях, в Москве, 1780 года, под названием: новое и полное собрание песен Российских. Хотя в собрании сем без разбора смешаны старинные и новые, Великороссийские и Малороссийские, печальные и хороводные, насмешливые и военные песни; но из него можно бы было сделать выбор, составить довольно занимательную книжку для любителей старины».

Князю Цертелеву, вероятно, не было известно, что это новое собрание песен, известное на Руси под именем Новиковского, было перепечатано с издания Чулкова, от редакции которого мы уже сказали при начале.

«Кроме небольшого числа праздничных и хороводных песен, дошедших до нас, может быть, от времен язычества, вообще, судя по языку, древность Русских песен, хранящих в себе дух народной поэзии, едва ли можно положить далее царствование Петра Великого; многие же относятся к позднейшим временам и суть подражания первым. Старинные Русские песни весьма различны от нынешних. Сочинители их смотрели более на чувства и мысли, нежели на форму. От сего иногда бывает в них одно живое описание какого-либо предмета, иногда нежная элегия, иногда шуточный романс, иногда странная баллада».

Князь Цертелев ничего не говорил ни о святочных, ни свадебных песнях. Их голос, их состав речи принадлежат к древности. Этого нет ни в новых, ни в средних песнях. У нас есть много песен, которые составлены за сто лет до Петра Великого: на это есть исторические факты.

Было на Руси удивительное время, когда наши литераторы старались сочинять в духе древних песен. Эту несчастную страсть начал Н. М. Карамзин со своего Муромца. Князь Цертелев написал повесть: «Василий Новгородский в духе древних русских стихотворений». В повести сей, говорит он, старался я удержать не только дух богатырских русских сказок, но самые выражения, обороты и гармонию оных; в последней, однако же, приноровился более к песням; брал из тех и других многие стихи. Я даже употреблял приличные им вольности, желая представить читателям сколь

можно верный образчик старинной русской поэзии. Вот начало этой повести.

Как из славного Новагорода
Из-за быстрые реки мутные,
Что бежит, шумит в Нево-озеро,
Чрез широкие луга зелены,
За собой ведет брега красные.
Не белой кречет вон выпархивал,
Выезжал удача молодец,
Сын боярина Новгородского,
С своим слугою верным;
А и здесь он во Киев град,
Послужить хочет верой правдою
Свету-солнышку Владимиру.

Эта повесть составляет Вавилонское смешение, так что с трудом можно разобрать – откуда что взято. Вся повесть «Василий Новгородский» составлена более, нежели из пятидесяти мест.

В 1828 году в Москве г. Дубенский издал: «Опыт о русском народном стихосложении». В этом сочинении излагается одна только форма стихосложения, как у Востокова; но старая народная поэзия рассматривается вместе с современною. Мы выписываем некоторые только его понятия о нашей поэзии.

Понятия г. Дубенского о стопосложении и о формах стихосложения одинаковы с Востоковым; но есть и свои особенности. Таковы:

«Пеонические и амфибрахические стихи употребительны более в народных Русских песнях… Различие нашего стихосложения со стихосложением древних будет состоять в том: они начинали более свои стихи с долгих гласных, употребляли чаще спондическую меру, а мы заменили последнюю своими ямбами или хореями и трибрахиями, и будем начинать свои стихи с коротких слогов, чего требует пиррихическая плавность Русского языка. Так древние наши бояны

умели сотворить в нем количество: окружа двумя, тремя или четырьмя тихими звуками слог долгий, они дали им протяжение во времени. Народ, следуя такту господствующей мысли, положим многосложной, пел смешанные с ними немногосложные стопы, подобно первым, т. е. протягал и сокращал слоги и не путался. Вот почему можно найти в народных наших песнях спондеи, естественно вытекающие из системы песельного размера. Поставя два слога односложных, ямб или хорей, там, где следовало стоять пеону или анапестопиррихию, наши слагатели песен чрез то, как указывали певцу или читателю, что в произношении должны они уравнивать количеством сии двусложные стопы с трехсложными и другими многосложными стопами, подле которых стоят».

«Народное Русское стихосложение сочинялось по стопам особенным, назову их сложными: в распределении их слагатели песен не держались никаких теорий; вдохновение и чувство вели их; напев, верным им спутник, соразмерял слова по некоторому тайному закону: так образовались все наши стихотворные размеры. В народном Русском стихосложении рифма дело постороннее; но попадается так, что ей ничем не жертвовали; она вытекала из созвучия языка сама собою и оканчивала полустишия стиха или похожие стопы, не нарушая законов стихотворного размера… Народные наши песни, по господствующим в них стопам бывают: 1 – анапестические чистые и смешанные, каковы: пеонические, амфибрахические; 2 – дактилохореические одностопные, двустопные, трехстопные, четырехстопные, пятистопные, шестистопные – ямбического, хореического, дактилического и трибрахического окончаний».

В 1834 г. А. Г. Глаголев издал: «Умозрительные и опытные основания словесности». В трактате – о средствах и способе отыскать средний язык славянский – говорит:

«Под именем лирической поэзии разумеются одни народные песни, простое излияние чувств, внушаемых природою».

«Русскую народную поэзию можно разделить на лирическую и повествовательную».

«Мера стихов нашей народной поэзии тоническая, состоящая из повышения и понижения голоса и определяемая ударениями».

«К лирической поэзии относятся так называемые голосовые и хороводные песни».

«Голосовые песни можно разделить на лиро-эпические и собственно лирические».

«Лирические песни похожи иногда на романс, иногда на элегию. К повествовательной поэзии относятся: богатырские и повести».

«Хороводные песни достопримечательны по красотам поэзии и по своему содержанию, имеющему характер древности. Хотя собственное предназначение хороводов в продолжении времени потеряно; однако ж в их играх можно еще приметить следы праздников Славянских, и даже Латинских и Греческих. К хороводным песням относятся также святочные и свадебные; первые соединены с гаданиями о будущем, а последние отличаются трогательными чувствами и истинными красотами поэзии».

Таковы мнения почтенного сочинителя книги, назначаемой для практического изучения юношества. Мы не входим в разбор их; они сами говорят о себе. В понятиях о стихосложении русском мы встретили одинаковые с Востоковым и Дубенским. Мы не понимаем значения слов: «голосовые песни», потому что ими не выражается ни одной мысли. Всякая песня может быть голосовою, если только ее поют. Несправедливо также понятие: о разделении хороводных песен. Доселе нет никаких доказательств на чужеземное происхождение наших хороводов; а к хороводным никогда не принадлежали ни святочные, ни свадебные. Что они совершаются в одно и то же время, то это еще не означает принадлежности. На Святках бывают у православных людей свадебные пиры и поют песни вместе со свадебными хороводные и святочные. Для отличия песен многого не нужно; довольно только знать: мысль песни, голос, состав и употребление. С этими условиями назначение очевидно. Русские люди зна-

ют сами, какую песню когда употребить. Выдумывать нечего: все готово; только нужно верное наблюдение. Основание таким положениям г. Глаголев начал еще в 1818 году, в своих отдельных описаниях «о характерах русских народных песен и о характере русских застольных и хороводных песен», помещенных в трудах общества Любителей российской словесности. Т. XI, с. 53, и XIX, с. 62.

В 1837 году г. Иванчин-Писарев напечатал в Москве «Взгляд на старинную русскую песню». Сочинитель, отдавая полную справедливость нашей поэзии, осуждая уважение и даже предпочтение к чужеземным, особливо французской, говорит только о мыслях, о направлении наших песен. В этом отношении его сочинение совершенно противоположно Востокову и Дубенскому. Г-н Иванчин-Писарев везде рассматривает песни с эстетической стороны. Заметим одно, что он не придерживался ничьей теории, зато не видно и его собственной. Прочитавши всю его брошюру, нельзя дать точного отчета, потому что вся состоит из одних заметок. Вот его мнения.

В русских песнях любовник, разлучаемый с милою, долго смотрит на нее и твердит сам себе: «Наглядитесь мои очи про *запас*!– и пусть улыбнутся в наших будуарах простоте этих слов; ибо там, выступив из простоты сердечного быта, не возвратились еще к ней по эстетическим анализам.

«Где видим богатырство, удальство и силу более соединенными с великодушием рыцарства, с нежным вниманием к полу, сильными лишь своими прелестями: – в древней Русской поэзии. Где отзываются те звуки сердца, которые склоняют деву презреть и храбрость Добрынь, и силу Рохдаев и славу Гаральдов смелых, прислушиваясь к жалобам горемычного сиротинушки? – в древней Русской поэзии. Где все дышит какою-то атмосферою непорочности и свиты первые мечты сердца? Где любовь и покорность к родителям, скромность и в чувстве самом страстном? – не в отзывах ли, которыми оглашались наши терема! Все это жило и в песнях девических бесед и в самых играх».

Вторая половина брошюры заключает «мысли и замечания, относящиеся к этому сочинению». Г-н Иванчин-Писарев обращает всю строгость свою на почитателей французской литературы и предполагает открывать ошибки.

«Уподобляя все горькое калине, все сладкое малине, пели: “Ой Диди, калина, моя! Ой Ладо, малина моя!” Этот припев с младенчества привык я слышать у *себя в деревнях* трех разных *губерний*, в уездах Серпуховском, Каширском и Мещовском. Вот что решило меня в книге “Отечественная Галерея”, т. II, с. 234, не согласиться с историографом и другими, будто Дид значило великий, а также и с теми, которые думали, что Дид Ладо значило старый муж. Против последнего заключения предложу в пример два периода: первый – “Мы просо сеяли, о боги любви!”» Здесь мы находим, как и у всех древних, разрыв стиха или фразы воззванием к богам. Другой: “Мы просо сеяли, о старый муж! сеяли”. Думаю, что последний перевод заставит лишь улыбнуться».

Вот суждения писателей о нашей народной поэзии. Мы не входим в разбор других мнений, как всем известных.

Песнь о полку Игоревом

Издания

«Песнь о полку Игоревом» открыта в старинном сборнике графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным в 1795 году. Кроме сего списка, сгоревшего в 1812 году, мы не знаем другого. Об этом странном открытии Мусин-Пушкин писал в 1813 году в письме к К. Ф. Калайдовичу, что рукопись: «писана на лощеной бумаге, в конце летописи, довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV века. До обращения Спасо-Ярославского монастыря в Архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоил, муж с просвещением

и любитель словесности; по уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих в одной, под № 323, под названием «Хронограф», в конце найдено «Слово о полку Игореве». Во время службы моей в С.-Петербурге несколько лет занимался я разбором и преложением оные песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов, в числе коих множество находилося неизвестных и вышедших из употребления. Прежде всего должно было ее разделить на периоды и потом добираться до смысла: что крайне затруднительно, и хотя все было уже разобрано; но я, не быв преложением моим доволен, выдать оную в печать не решался, опасаясь паче всего, чтобы не сделать ошибки. По переезде же моем в Москву, увидел я у Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод мой очень в неисправной переписке и по убедительному совету его и друга моего, Н. Н. Б. Каменского, решился, обще с ними, сверить преложение с подлинником, и исправя с общего совета, что следовало, отдал в печать» (Труды общ. ист. и др., ч. 2, с. 35).

В 1797 году кто-то возвестил об этой находке в Spectateur du Nord (окт., с. 35): «два года тому назад открыли в наших архивах отрывок поэмы под названием: песнь Игоревых войнов, которую можно сравнять с лучшими Осиановскими поэмами и которая написана в XII столетии неизвестным сочинителем».

Шлецер до издания песни Игоревой сомневался в ее подлинности, но когда прочитал ее в издании Мусина-Пушкина, признавался: «…что это творение в пиитической прозе есть древнее и даже подлинное; теперь и более не сомневаюсь» (Нест. Шлец., т. I. с. 384).

В 1800 году граф Мусин-Пушкин издал в Москве это Слово под следующим заглавием: «Ироническая песнь о походе на Половцев удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе

XII столетия, с преложением на употребляемое ныне наречие». Издатель приложил к ней: поколенную роспись российских великих и удельных князей, в сей песне упоминаемых; историческое содержание песни; примечания. Это издание текста было образцом для всех восьми изданий.

1-е издание было напечатано в Москве, в 1800 г., в Сенатской тип. в 4, в две колонки; текст был отпечатан курсивом, а перевод прямым шрифтом; примечания помещены в конце страниц.

2-е издание напечатал А. С. Шишков в I т. сочинений и переводов, издаваемых Российскою академиею в 1805 году, в Спб. Издатель присоединил особенно свой перевод и примечания.

3-е издание напечатал Я. Пожарский в Спб., в 1819 г., в 4, в тип. департамента народного просвещения, в две колонки, как первое издание. В конце книги было присоединено: примечания на преложение «Слова о полку Игоря Святославича», изданное Графом Мусиным-Пушкиным, и примечания Александром Шишковым.

4-е издание напечатал Н. Грамматин в Москве, вместе с переводом, в прозе и стихах, в 1823 году.

5-е издание было напечатано А. С. Шишковым в его полном собрании сочинений, ч. XII, <…> Спб., 1826 г., в том самом виде, как мы означили выше.

6-е издание было напечатано Н. А. Полевым в VI дополнении к третьему тому Истории русского народа, в 1830 году.

7-е издание напечатал А. Ф. Вельтман в 1833 г., в Москве, вместе с прозаическим переводом, с краткими в конце примечаниями, в 8.

8-е издание напечатал в Киеве, в 1837 г., М. Максимович, вместе с переводом на нынешний русский язык, в 12.

Издания текста «Слова о полку Игоревом» были напечатаны различно. С издания Мусина-Пушкина перепечатали точь-в-точь: А. С. Шишков, Я. Пожарский, Н. Грамматин, И. А. Полевой. Востоков советовал разделить Слово на стихи, подобные библейским, и этот совет мы встречаем в из-

дании Максимовича, у которого числами означены периоды. А. Ф. Вельтман разделил Слово на периоды совершенно в другом виде, в сравнении с разделением Максимовича.

Переводы

Русские писатели, издавая текст «Слова о полку Игоревом», объяснили его различными примечаниями, переводили или, как говорили некоторые, перелагали на современный язык. Переводы эти были изданы в прозе и стихах.

Прозаические переводы были изданы следующими писателями.

1. Мусин-Пушкин вместе с А. Ф. Малиновским и Н. Н. Бантыш-Каменским издал свой перевод в Москве, в 1800 году, вместе с текстом.
2. А. С. Шишков издал свой перевод в сочинениях, издаваемых Российскою академиею в 1805 г., а потом вторично перепечатал в 1826 г. в полном собрании своих сочинений, ч. VII.
3. Я. Пожарский издал свой перевод в С.-Петербурге, в 1819 году, вместе с текстом.
4. Н. Грамматин издал свой перевод в Москве, в 1823 году, вместе с текстом.
5. А. Ф. Вельтман издал свой перевод в Москве, в 1833 году, вместе с текстом.
6. М. Максимович издал свой перевод в Киеве, в 1837 году, вместе с текстом.

Переводы в стихах были изданы следующими писателями:

1. Серяков издал свой перевод в С.-Петербурге в 1803 году.
2. Палицын издал свой перевод в Харькове в 1810 году.
3. Язвицкий издал свой перевод в С.-Петербурге в 1812 году.
4. Левитский издал свой перевод в С.-Петербурге в 1813 году.

5. Грамматин издал свой перевод в Москве в 1823 году вместе с текстом и прозаическим переводом.

Как переводили наши писатели «Песнь о полку Игоревом», мы приводим для сличения их переводы.

Перевод Мусина-Пушкина:

Приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть о походе Игоря, сына Святославова! Начать же сию песнь по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым. Ибо когда мудрый Боян хотел прославить кого, то носился мыслию по деревьям, серым волком по земле, сизым орлом под облаками.

Перевод А.С. Шишкова:

Возвестим, братие, о походе Игоря, князя Игоря Святославича, тем слогом, каким в древние времена многотрудные повествовалися подвиги. Начнем песнь сию по бытиям сего времени, а не по замыслам Бояновым. Когда Боян велеречивый кого воспеть хотел, растекался мыслию по древам, серым волком по земле, сизым орлом под облаки.

Перевод Пожарского:

Не лучше ли нам, братцы, начать старым слогом трудную повесть о полку Игоря Святославича! Начать же оную по бытиям сего времени, а не по замыслу Боянову. Ибо вещий Боян, когда хотел кому песнь творить, то носился мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками.

Перевод Вельтмана:

Не славно ли, други, поспеть древним ладом высоких сказаний о подвигах Игоря – Игоря Святославича?

Былое воспеть, а не вымысл Бояна, которого мысли текли в вышину, так как соки, по древу:

Как серые волки неслись по пространству, и сизым орлом в поднебесье парили.

Не славно ли было б нам, братья, начать старыми словами сборных повестей песнь ополчению Игоря, Игоря Святославича!

А начаться той песне по былинам сего времени, хоть не по Бояному замышлению.

Боян вещий, если кому хотел песнь творить, то растекался мыслию по древу, серым волком по земли, сизым орлом по поднебесью.

Перевод Левитского:

Нам приятно, братцы, песнь воспеть
Древним слогом – слогом жалобным
О походе славна Игоря,
Не веселую – печальную!
Мы начнем ее, как слышали,
Не по замыслам Бояновым.
Нам известно, что Боян певец
Прославлять когда хотел кого,
То носился всюду мыслию:
По деревьям легкой птицею,
Чрез холмы будто серый волк,
Как орел сизый под облаки.

Перевод Грамматина:

Не воспети ли, любезны, милы братие,
Мерой древней заунывной не воспели ли
О походе на Половцев Князя Игоря,
О походе неудачном Святославича?
Повесть, жалости достойная и вечных слез.
А почнем мы по былинам сего времени,

Не по замыслу Бояна песнь почнем свою.
Песнь когда хотел творити сладку песнь Боян
Он по древу растекался смелой мыслию,
Он голодным, серым волком рыскал по земли,
Зорким, сизым он орлом парил под облаки.

Есть еще новый перевод песни М. Дела Рю: *песнь об ополчении Игоря, сына Святославова, внука Олегова,* изданный в Одессе, в 1839 г. Новый перевод сделан гекзаметрами.

«Слово о полку Игоревом» обратило на себя внимание чужеземцев. Его перевели: на немецкий – Юнгман в 1810 г. и Мюллер; на польский – Куприан Годебский; на богемский – Вацлав Ганка, который одно предисловие написал на четырех языках: богемском, сербском, польском и русском; есть еще перевод французский. Из всех этих переводов заслуживает внимание только один – Вацлава Ганки.

Исследования критиков

С первых дней издания возникли споры в защиту и уничтожение «Песни о полку Игоревом». Объясняли, переводили, спорили, а Песнь доселе остается неразгаданною. Мы не можем назвать этих споров даже полемикою; они так мелочны и ничтожны, что в них нет ни одного верного доказательства, ни одного умного взгляда на это древнее произведение народной русской поэзии. Обращаем внимание на главные причины, произведшие все недоразумения.

С первого известия об открытии Слова возвещено было, что это что-то такое, что подходит на Оссиановское. Припомните, что это было объявлено в 1797 году, когда Слово не было издано, когда, кроме Мусина-Пушкина, никто его еще не видал. Это было первое сомнение, где мнимое сходство повлекло за собою толки, недостойные критики. Сначала говорили, что это есть новейшая выдумка – и это мнение, умолкнувшее с 1802 года, признанием Шлецера, возобновилось опять, когда изыскатели вздумали не верить нашей истории.

Второе сомнение родилось из самого Слова: критики не знали – что это за язык или что это за наречие, на котором писано Слово? Здесь мы должны искать источники всех филологических ошибок, превратных понятий. Вследствие этого мы должны были встречать в каждом мнении несообразности всякого рода. Могут ли быть верными все изыскания, когда критик не понимает главной мысли, той основной идеи, о чем он говорит? Можно ли было ожидать чего-либо дельного, когда все изыскания начинались и оканчивались неведением.

Третье сомнение составилось по необходимости из тогдашней палеографии. Издатель Песни, Мусин-Пушкин, не известил при выходе его: на чем писана? Когда? Какие признаки древности? Какие были приняты правила для издания ее? Сохранены ли черты рукописного правописания при печатании? Припомните, что Слово было открыто в 1795 году, напечатано в 1800 г., рукопись сгорела в 1812, а письмо Мусина-Пушкина к К. Ф. Калайдовичу о палеографических признаках рукописи, писанное в 1813 году, напечатано было в 1824 г. в 2 ч. в трудах Общества истории и древностей Российских. Эта неизвестность была причиною, что многие сомневались в подлинности. Заметим, однако, что рукопись до сгорения не была тайною: ее видели: Н. Н. Б. Каменский, А. Ф. Малиновский, К. Ф. Калайдович, А. И. Ермолаев, Н. М. Карамзин, Р. Ф. Тимковский и Болтин. Вот сколько было свидетелей! Но что ж они нам сказали? Ермолаев говорил, что рукопись писана полууставом XV века; Калайдович почерк ее признавал белорусским, не восходящим далее XVI века. Почерк белорусский и полуустав – представляют совершенно разные понятия о рукописи. Мусин-Пушкин писал: «Подлинник писан довольно ясным характером; разобрать его весьма трудно; нет ни правописания, ни разделения слов, ни строчных знаков; по почерку письма и бумаге должно отнести переписку к концу XIV или к началу XV века». Это третье свидетельство противоречит двум первым. Вследствие этих недоразумений открылись новые сомнения между отвергающими древность русской истории.

Четвертое сомнение проистекло от незнания русского языка наших предков. У всех тогда пред глазами был один славяноцерковный язык, и по нем измеряли все памятники. Правда, что старая русская литература доселе еще не приведена в известность, несмотря на тысячи фолиантов рукописей; но, несмотря на это, разные памятники указывали ясно, что они такое. Видели отличие рассказа в летописях, сказаниях, но не хотели оттенить все эти разности: все сосредоточивалось в одну мысль, в общий славяноцерковный язык. Народный язык, которого следы остались в летописях, дипломатических актах и песнях, как будто для тогдашних критиков не существовал. В «Песне о полку Игоревом» они не находили славяно-церковного языка, не понимали, что это за язык, забывая решительно народный общий разговор. Наши доморощенные скептики умели воспользоваться только этим сомнением; но не знали также отличия языка народного и книжного; а иначе они должны были высказать нам все, что есть резкого, замечательного в подложности. Сделать этого не могли: мир не создал для их сомнений ложных доказательств.

Пятое сомнение, весьма важное для тогдашних критиков, явилось из сбивчивых понятий о нашей народности. Неумышленное указание неизвестно в 1797 году на сходство Песни с песнями Оссиана – доставило критикам обширное поле деятельности. Пошли писать о сравнении, находили чужеземные красоты, и сочинителя Слова поставили выше всех в свете. Для знакомых с Оссианом нечего говорить о сходстве; они знают, что песни Оссиана столько же походят на наше Слово, сколько араб на белого европейца. Впрочем, скептики не могли воспользоваться этим сомнением. Они, чуждые всех сравнений, искали других средств убить Слово, и поражение их отражалось на других сомнениях. Защитники доискивались причин подлинности в красотах нашей поэзии; но какие тогда существовали понятия об этом? Мы знаем, как смотрело тогда наше старое поколение, воспитанное по чужеземным курсам, на народную поэзию – как указывали Братте, Лагарп и другие. «Слово о полку Игоревом» не подходило ни под один из

этих курсов. Простая, без вычурных украшений, высказанная народным гением наша поэзия создавалась столетиями, росла вместе с народом и увековечилась русскою самобытностью. Где еще курс нашей народной литературы? Об этом не подумало еще ни старое, ни новое поколение. Может быть, одно только потомство будет в состоянии оттенить все черты нашей народности, для нас недоступные; оно одно укажет, что мы могли сделать для своего времени и чего не могли.

Приступаем теперь к обозрению всех критических исследований «Песни о полку Игоревом». Здесь мы увидим все, что сумели сделать русские писатели в продолжение сорока лет для оценки одного из удивительных памятников нашей старой поэзии.

Граф Мусин-Пушкин к своему изданию присовокупил вместо предисловия – историческое содержание песни, где мы прочитали на с. 6: «Любители российской словесности согласятся, что в сем оставшемся нам от минувших веков сочинении виден дух Оссианов; следовательно, и наши древние герои имели своих бардов, воспевавших им хвалу». В этих словах изыскатели высказали все понятия, принадлежавшие их веку. Примечания издателей состояли из исторических заметок. По преданию известно, что составлением этих примечаний занимался известный тогдашний критик Болтин. В числе их находятся и филологические исследования. Например: «*Буй* значит дикий, а *тур* вол. Итак, Буйтуром, или буйволом называется здесь Всеволод, в смысле метафорическом, в рассуждении силы и храбрости его. Вероятно, что из сих слов составилось потом название: богатыря, ибо другого произведения оному слову до сих пор не найдено. – *Сребрено стружие* – воинские почестные доспехи. – *Кресити* – ясное здесь знаменование глагола крещу доказывает, что слово: воскресение точно от того происходит. – *Смага* – малороссийское название жажда. – *Болонье* значит порожжее пространство между валов, окрестность города составляющих, которое служило для выгона скота, для огородов. – *Чага* – уповательно то же, что и Кончак князь Половецкий. Шери-

шеры – неизвестный ныне воинский снаряд. *Гоголь* – красивая утка с хохлом, питающаяся раковинами, за которыми она отменно пред прочими ныряет. *Стрикус* – стенобитное орудие, род тарана при осаде городских ворот употребляемого. *Из луку моря* – объяснено только лука кривизна, излучина. Мы выписывали все филологические примечания, чтобы показать образ воззрения изыскателей. Всего только они нашли замечательного 9 слов; но только ли там есть?»

Недостатки этого издания заключаются в следующем: нет палеографических известий; нет снимка с рукописи; не показано, точно ли то соблюдено правописание в печатании, какое находилось в рукописи; не означено: к какому времени должно отнести произведение самого Слова; не раскрыты причины достоверности Слова в отношении языка; неверность перевода с самого текста. Достоинство этого издания заключается единственно в издании текста «Слова о полку Игоревом». Жаль очень, что издатели не успели напечатать других пьес, помещенных в этом же сборнике, как-то: «Деяние прежних времен храбрых человек о брзости, и о силе, и о храбрости. – Аще думно есть слышать о свадьбе Девгееве, и о всехыщении Стратиговне». В напечатании этих пьес мы бы узнали образ правописания, и, может быть, даже открылись бы варианты слов. Так, Н. М. Карамзин в своей истории указывает нам на список свадьбы Девгеевой (см. Ист. гос. Рос., т. 2, пр. 333, и т. 3, пр. 282).

Самое переложение или перевод имеет ощутительные недостатки. Так: «наведе своя храбрыя плкы на землю Половецкую, на землю Руськую – вступил с храбрым своим воинством в землю Половецкую для отмщения за землю Русскую». Здесь издатели прибавили от себя слова: для отмщения. Или: «Спала князю ум похоти и жалость ему знамение заступи, искусити Дону великого. – Пришло князю на мысль пренебречь худое предвещание и изведать счастья на Дону Великом». Это не перевод, но собственное умствование. Или: «свист зверин в стасби. – ревут звери стадами». Слово: стазба не значит стадо, а пастбище, луг, где пасется скот.

А. С. Шишков в 1805 г. напечатал вторично издание Мусина-Пушкина с прибавлением примечаний и своего и нового перевода. В примечаниях А. С. Шишков показывал недостатки перевода Мусина-Пушкина, указывал на красоты изложения самого Слова. Перевод сделан был им с новым взглядом на текст на следующих основаниях: «Из выше предложенных на сию песнь примечаний моих видели мы, что некоторые в ней места, или по древности слога, или по неизвестности упоминаемых приключений, или по ошибкам от переписок закравшимся, вовсе невразумительны; другие же так кратки, что для связи своей с последующими, требуют распространений, вводных речей, присовокуплений. Точное преложение сей песни с древнего славянского на употребительное ныне наречие, при своей верности, всегда будет столь же темно, как и самый подлинник. Сего ради рассудилось мне преложить, или паче переделать оную таким образом, чтоб, оставляя все красоты подлинника без всякой, поколику можно, перемены слов, невразумительные места сократить или пропустить; прочие же, требующие распространения, дополнить своими приличными и на вероятных догадках основанными умствованиями. Сим средством песнь сия от начала до конца сделается ясною, и я надеюсь, что сколь бы ни были собственные мои распространения и присовокупления слабы, но сплетенные с сильными выражениями и красотами подлинника, нечто приятное они составят для чтения». Эти слова так ясны, что их не для чего объяснять. Перевод А. С. Шишкова есть просто вольный перевод – как тогда называли на Руси. С полным уважением к трудам нашего знаменитого ветерана-писателя мы упоминали о его переводе и не почитаем за ошибочное мнение принятый им способ для перевода. Он в свое время был прекрасен и необходим.

Г. Пожарский напечатал в 1819 году свой перевод вместе с примечаниями на переводы графа Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова. Направление Пожарского в изъяснении Слова было совершенно другое; он разгадывал темные места Слова по выражениям польских писателей. Малейшее созвучие

в слове польском он принимал за объяснение. А. С. Шишков, недовольный его замечаниями, напечатал свои примечания в «Русском Инвалиде», № 157, 158, 159, 160, 161 в 1819 г., где доказывал неосновательность возражений Пожарского. Любопытные могут прочитать возражения А. С. Шишкова в полном собрании его сочинений, т. XI, с. 382.

Какую пользу принес новый перевод г. Пожарского. Объяснилось ли «Слово о полку Игоревом» указаниями на польские слова? Нимало! Слово осталось по-прежнему также неразгаданным при всех новых воззрениях. Из всех изысканий г. Пожарского оказалось одно только достоверным: «клюют князя Игоря – жалеют князя Игоря». У Мусина-Пушкина были переведены эти слова так: «осуждают князя Игоря»; у А. С. Шишкова: «но вопреки тому хулят, осуждают князя Игоря». А. С. Шишков признал перевод этих слов г. Пожарского справедливым. Вот несообразности, заметные в переводе г. Пожарского. В подлиннике: «истягну ум крепостию своею» – в переводе: «препоясал ум крепостию». Верно ли понят смысл слов? Пожарский верность доказывает словами Священного Писания: «и рука Господня бысть на Илии, и стягне чресла своя». Обратите внимание на слова: ум и чресла – одно ли и то же они значат? У нас препоясывают меч к чреслам, опоясывают чресла кушаком, поясом; но кто опоясывает ум? кажется, этого не бывает на самом деле. Или: «хощу бо, рече, копие приложити конец поля Половецкого с вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломом Дону» – переведено: «Хочу, – возопил он, – копье приложить концем поля Половецкого с вами, Россияне, хочу главу свою приложить или напиться шлемом Дону». Здесь перевод вышел темнее подлинника. Или: «свист зверин в стазби» – переведено: «звери воют по дорогам». Здесь слово стазба – пастбище – обратилось в дорогу.

Г. Грамматин напечатал в Москве в 1823 году свой перевод в прозе и стихах. Его воззрение на Слово, видимо, тогда отличалось от всех других своею новостью. Он советовал привесть в единство правописание подлинника; думал, что

для перевода самого Слова необходимо нужно употреблять сказочный размер. То и другое мнение он старался осуществить самим делом. Никто тогда из современных критиков не обратил внимания на это воззрение; никто не сказал тогда о достоверности этой идеи. Журнальные рецензии, почти тогда не существовавшие, провозглашали только о неправильном размещении точек и запятых и с ужасом смотрели на всякое нововведение. За идеал сказочного размера г. Грамматин принял стихотворение Карамзина – «Илья Муромец» – и в этом состояла вся его ошибка. Жаль, что он не обратился к народным сказкам; он бы узнал тогда, что наша народность имеет совершенно другие стихи. При всех этих недостатках, усилия г. Грамматина заслуживают внимание археологов; он первый высказал, что правописание должно привесть в единство, и его советы были исполнены г. Максимовичем; он первый в своих примечаниях показал, что надобно каждое слово преследовать критически, хотя этого сам не мог выполнить. Кроме полного издания переводов Грамматина, он напечатал свое критическое рассуждение в «Вестнике Европы» 1822 года, № 18, с. 113. В этом рассуждении он писал: «Певец Игоря пел на языке полуобразованном и потому не мог сбиваться на живое наречие, которое было совершенно варварское, от этого вышла неправильная и не совсем ясная смесь славянского языка с русским, которою писано «Слово о полку Игоревом». Что «Слово о полку Игоревом» писано прозою, сие не помешало бы назвать его эпическою поэмою, стихи с рифмами или без рифм, суть одна форма поэзии; а душа ее, или сущность – мысли, выраженные языком фигур, но, следуя общему употреблению, я назову его не эпическою, а историческою поэмою… Мы не знаем, кто таков певец Игоря; видно только, что он был современник и патриот, что к дарованию стихотворца присоединял он познание всего, что касалось до его отечества, познание, предпочтительнейшее всякой учености, даже в писателе. С достоверностью можно сказать, что он не был какой-нибудь презренный домосед или неизвестный простолюдин. Может быть, украшал его высо-

кий сан боярства и он бывал мирным послом при княжеских дворах, или почтен был званием Гридина и воздвиг копье брани на защиту воюемого отечества… Еще первые издатели заметили, что в нем виден дух Оссиана; но в чем этот дух или сходство, не сказали. Барды Каледонский и Славенский сходны между собою в простоте, возвышенности, силе, краткости и живости слога, т. е. что оный чрезвычайно обилен смелыми и неискусными фигурами – отличительный признак первобытной поэзии у всех народов, когда самая грубость и бедность языка сему способствуют». Вот основные понятия его в самом Слове и народной поэзии.

А. Ф. Вельтман напечатал свой перевод в Москве в 1833 году. Мы обращаем внимание на его предисловие, где он на вопрос, предложенный Обществом любителей Российской словесности: на каком языке писано «Слово о полку Игоревом»? На древнем ли славянском, существовавшем в России до перевода книг Священного Писания, или на каком-нибудь областном наречии? – отвечал: «на языке, собственно певцу принадлежащем; на соединении всех наречий славянских, очищенных высоким чувством поэта; на выборе слов звучных, кратких, свойственных той гармонии, которою была исполнена его душа… Предполагать, не доверять, что «Слово о полку Игореве» писано в XII столетии, во время его жизни, значит не верить всему прошедшему… Что песнь Игорю писал современник его, это слишком убедительно. Несовременный певец не обратил бы внимание на ничтожный, по понятиям истории, поход Игоря на половцев. Этот восторг к подвигам его мог принадлежать только тому, кто знал Игоря лично, а не по преданиям, кто любил его. И сверх того, видимые несогласия с летописцами, совсем другой взгляд на дела князей и на положение России того времени, твердая, тонкая речь ручаются за современность певца с событиями». И эти мнения нимало не разрешили вопроса. Не может быть, чтобы Слово было написано на соединении всех наречий славянских: этого нет на самом деле. Где слова сербские? Где виндийские? Где кроатские? Где хорватские? Разве ссылки г. Вельтмана на

сербское слово – *кметы*, на богемское – *вале* указывают, что Слово писано этими наречиями. Нимало. Мы обращаем внимание читателей на прекрасную рецензию Н. А. Полевого, помещенную в «Московском Телеграфе» 1833 г., № 7, с. 419, при выходе в свет перевода Вельтмана, где помещены довольно замечательные суждения об этом переводе. Кроме самого перевода, г. Вельтман в конце присоединил: «примечания и толкования к переводу “Слово о полку Игореве”». Здесь мы прочитали, что слово *туга* – значит *судорога*, *корча*, вместо прямого значения *скорбь*, *печаль*, и когда самое слово ясно указывало, что оно происходит от глагола *тужить*. Или: *подпрся о кони* – переведено: *вперся в пределы* – в границы свои. Слово *повелея*, которое Карамзин принимал за описку и читал: по сече я, изъяснены словом *валя* и подкреплено ссылкою на древнебогемское слово *вале* – где мы читаем совершенно иначе: valeno den valeno den wteri – бьются день, бьются другой (см. Крале-двор, рукоп. издание Вацл. Ганки). Слово *шестокрильци* – переведено *Архангелы*. *Болог* – переведено *холм*. Слова: *та преди пес пояше* переведено – *предпесние, запев*. Племена, окружавшие Чернигов: *были, могуты, татраны*, отнесены к финнам и мордве совершенно несправедливо.

Что же касается до самого перевода, то он, взятый отдельно, выполнен прекрасно; но сличая его с подлинником, мы видим резкие отступления и чувствуем, что это беседует с нами А. Ф. Вельтман, а не певец Игоря. Так, слова: «Начати же ся тъй песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню; Боян бо вещий, аще кому хотяше песнь творити, то растекашеться мыслию по древу, серым вълком по земли, шизым орлом под облакы» – переведены: «Былое воспеть, а не вымысл Бояна, которого *мысли текли в вышину, так как соки по древу;* как серые волки *неслись по пространству*, и сизым орлом в поднебесьи *парили*». Или: «начяти старыми словесы трудных повестий – воспеть древним ладом *высоких сказаний*». Или: «нощь стонущи ему грозою птичь убуди – *не во время полночь... и стонет гроза... и птицы проснулись*». Есть места выражены прекрасно: «Жены Русские въплакашась аркучи: уже

нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати». – «И Русские жены восплакали горько; о милых нам другах не мыслью не мыслить, ни думой не думать, а взором их нам не окинуть, а златом и серебром нам не бречать уж!» Песнь Ярославны, ответ Святослава выражены вполне отчетисто.

А. Ф. Вельтман разделил свой перевод на периоды, и проза его вышла мерною, поэтическою речью. Самый текст оставлен без всякого изменения.

М. Максимович издал свой перевод в 1837 году, называя его «краткое, корректурное издание текста с переводом». Следовательно, и мы на это издание должны смотреть с этой точки зрения, и ожидать обещанного «полного издания, с критическим исследованием, объяснительными примечаниями, словарем и переводом». Текст самой Песни г. Максимович разделил на XIV глав, каждая глава разделена на периоды, каждый период отмечен цифрами. Само правописание изменено, в приближении к подлиннику. Следовательно, советы гг. Востокова и Грамматина выполнены в издании г. Максимовича с тою только разницею, что он следовал своим понятиям. В самом переводе всякое отступление он отмечал особенным шрифтом, переводил буквально, с верным приближением к подлиннику. Для примера мы выписываем два места. В подлиннике: «помяшет бо речь пръвых времен усобице; тогда пущаниет десят соколов на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пес пояше». Переведено: «как вспоминал он сказанья прежних времен об усобище, то пускал он десять соколов на стадо лебедей: который сокол на лебедь падет, та лебедь первая и песнь запоет». В подлиннике: «Ярославна рано плачет Путивлю городу на забороле, аркучи: о Днепре словутицию! Ты пробил еси каменные горы сквозь землю Половецкую, ты лелеял еси на себе Святославли носады до пълку Кобякова; взлелей господине, мою ладу к мне, абых не слала к нему слез на море рано». Переведено: «Ярославна рано плачет в Путивле городе на ограде, говоря: о Днепр сын славы! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую; ты лелеял на себе ла-

дьи Святославовы до войска Кобякова: взлелей же, господин мой, ко мне моего друга, чтобы не слала к нему слез на море с каждым утром». Здесь мы видим небольшие отступления: слово – *словутиц* – переведено – сын славы; *рано* с каждым утром. Нам кажется, что самое разделение текста на главы не везде отмечено верно. Описание битвы разделено на две главы, тогда как это составляет один нераздельный предмет. В 11 главе, по его разделению, вставлен период, который по изданию Мусина-Пушкина находился в конце – *Рек Боян и ходы*, и проч. Если же г. Максимович полагал необходимым соединить этот вставок после слов, приписываемых певцом Игоря Бояну, то куда же должно будет поместить и другие вставки с именем Бояна? Там говорится о Всеславе, здесь о Святославле. Разница большая. Очень легко можно заметить, что в Слове есть несколько пропусков, ошибок в переписке, слияний двух слов в одно, сокращений самых слов; и все это восстановить есть возможность; но как отгадать пропуски? Мы думаем, что после слов: Рек Боян и ходы – находится в самом тексте пропуск, и что переносить этот период нет никакой надобности.

В изменении самого правописания г. Максимович, как видно, старался и приблизиться к южному выговору слов. Он пишет вместо ъ – ь. Так: пръсты – пьрсты; прървых – пьрвых; умъ – умь. Или вместо: а – я: сиа – сия, трупиа – трупия, копиа – копия, зараниа – зарания. Неравномерность в правописании заметна повсюду, особенно смешение двух слов в одно: *Пебылон, аркучи*. Здесь пебылон должно, кажется, читать так: не было н; аркучи читать: а ркучи, признавая его за сокращенное слово – рекучи. Г-н Максимович оставил слитые слова без разделения. В одном месте мы заметили, что г. Максимович последовал совету г. Буткова признавать в выражении: «Уже не шеломянем еси» – частицу *не* вместо *за*. Это так и должно быть. В выражении: «*по веле я*» – г. Максимович последовал чтению А. Ф. Вельмана, который в слове *веле* букву *е* считал ошибкою писца вместо *а*, и читал *валя*.

Обращаемся теперь к археологическим исследованиям. Здесь мы увидим успехи исторической критики в продолжение

тридцати шести лет, успехи, обозначившие собою наше участие в кругу европейских познаний в XIX веке.

Общее участие в первом издании Песни литераторов Мусина-Пушкина, Бантыш-Каменского, Малиновского, Болтина составляет начало археологических исследований. Все они полагали, что ««Слово о полку Игоревом» писано «старинным Русским языком в исходе XII столетия». Так было поставлено ими на заглавном листе; мнений же своих, подтвержденных очевидными доказательствами, они не передали нам. Вот их понятия о других предметах: «Боян. Так назывался славнейший в древности стихотворец Русский, который служил образцом для бывших после него писателей. Из некоторых, в пример здесь приведенных слов его, явствует, что Боян воспевал всегда важные происшествия и изъяснял мысли свои возвышенно. При Рюрике иль Святославле гремела лира его, ни по чему узнать нельзя; ибо не осталось нам отрывка, прежде Великого Князя Владимира Святославича писанного. От времен же его дошла до нас между прочими народная песня, в которой находим уже правильное ударение, кландасом в стихотворстве называемое». Житие Бояна возводили критики слишком отдаленно, без всякого основания; он жил, по словам певца Игорева, во времена Олега Черниговского и Всеслава Полоцкого. Вот доказательства: «Пети было пес Игореви, того Олга внуку». Эти слова поставлены в подлиннике пред обращением певца Игорева к Бояну. Игорь был внук Олега Святославича, Князя Тмутороканского и Муромского, скончавшегося в 1096 году. «Вслеслав князь людем судяше… Тому вещий Боян и пръвое припевку смысленый рече». Этот Всеслав Брячиславич был тот самый, которого разбили на Немене князья, который ограбил Новгород, княжил в Полоцке и умер в 1101 году. Мы не знаем (да кто и знает?) ни одной песни Бояна, а критики уверяют, что песня Бояна существует от времен Владимира Святославича, и в доказательство приводят самую песню, которую мы читали в сборнике Демидова «Древние русские стихотворения». Критики сами писали в примечании на с. 37: «Здесь явно открывается, что Боян пел

о Князе Всеславе», и в то же самое время уверяют, что Боян воспевал Владимира, умершего в 1015 году. Таковы были критические исследования первых издателей.

Критические исследования А. С. Шишкова начинались возражениями против первых издателей. Перевод Мусина-Пушкина с товарищами казался ему неполным, неверным, сбивчивым. Эти работы назывались тогда эстетическими, где преследовалось всякое слово, всякое выражение, замечались неправильные обороты в целом периоде. Для образца мы выписываем разбор А. С. Шишкова.

«Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повестий о плъку Игореве, Игоря Святъславича». В преложении сказано: приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть о походе Игоря, сына Святославова. Здесь мысль, заключающаяся в подлиннике, кажется, весьма различествует от мысли, заключающейся в преложении. Слово «не лепо ли» – нимало не означает понятия о приятности, и под словом «трудность» отнюдь не разумеется прискорбие. От сего происходит, что речь «приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть о походе Игоря», содержит в себе некоторую невероятность чувствований; ибо, как может быть приятна прискорбность повествовать о разбитии предков наших? Итак, если мы под словом «не лепо ли ны бяшет» разуметь будем «прилично, пристойно нам будет»; а под словами «трудных повестий» сокращенное выражение «повествования о многотрудных подвигах», тогда мысль выйдет следующая: не пристойно нам будет, братие, начать повествование наше о походе Игоря, тем слогом, каким в древние времена описывались многотрудные подвиги… Не буря соколы занесе чрез поля широкая; галици стала бежать к Дону Великому. – Уподобление сие имеет в себе нечто старинное: смешно бы было в похвалу воинов сказать: не соколов сюда занесло, галки слетаются! Но сочинитель не сравнивает здесь свойств сих двух родов птиц, а делает токмо подобие между многочислием тех и других, так как бы сказал: число воинов не подобно было малому числу

занесенных издалече бурею соколов, но уподоблялось великому стаду галок; ибо сии последние птицы действительно летают всегда вместе и часто составляют превеликое стадо (См. Собр. соч. и пер. А. С. Шишкова, ч. 7, с. 38, 48).

Во всех исследованиях А. С. Шишкова заметно было особенное направление к грамматическим формам; но в исследованиях Слова это направление более всего высказывается. Русские глаголы занимали нашего ветерана более всего, а на отыскание их корней посвящены были многие годы. К сожалению, этот драгоценный труд нам известен не вполне.

Вот глагольные исследования А. С. Шишкова: «Под словом *распущени* можно разуметь двоякое: во-первых, растянуты, во-вторых, выпущены на волю… Глагол *пасет* часто в старинных книгах значит питает. *Убуди* должно производить от глагола убывать. Слово *тутнет* долженствует происходить от слова тут, следовательно то же самое значить, что и глагол тыет, то есть тучнеет».

На разделение слитых слов А. С. Шишков также обращал внимание. Слова *небылон, тужа имеся* он читает первое так: не было оно, а второе: мужайтеся, полагая, что в слове имеся буква *м* поставлена по ошибке вместе *т*. Г-н Максимович воспользовался этим замечанием, но напечатал в тексте вместо мужа имеся – мужаимеся. В выражении: «а не сорокы вътроскоташа» А. С. Шишков полагает, что в слове *а не* пропущена буква *ж*, и читает так: «а жнее сороки».

Исследования К. Ф. Калайдовича представлены были в Общество любителей Российской словесности по случаю предложенного вопроса: «На каком языке писана Песнь о полку Игоря: на древнем ли Славянском, существовавшем в России до перевода книг Священного Писания, или на каком-нибудь областном наречии»? Основные понятия К. Ф. Калайдовича заключались в следующем: «Песнь Игорева писана наречием, сходным с Библейским и летописями. Слога песни Игоревой тщетно будем отыскивать в известных языках Славянских, а того менее в областном наречии. Словосочинение песни, в некоторых местах совершенно рас-

положено по образу выражений Греческого языка. Примеры сего открываются из двойственного числа, заимствованного в Славянскую грамматику от наших учителей Греков. Песнь наша писана не каким-либо диалектом обильного языка Славянского, не особенным областным наречием, но чистым языком Славяно-Русским. Писана она слогом XII века, по всем вероятиям; ибо сочинитель ее везде является современником повествуемых происшествий. Место жительства его определить невозможно. Образ выражения песни и самые слова "кресити, болонье, смага, година", не известные Великороссиянам, и теперь употребляемые в Украйне, показывают, что сочинитель оной принадлежал к нынешней Малороссии, составлявшей тогда общее Русское выражение. Должны обратить внимание на сходство песни Игоревой с нынешним языком Польским, которое удостоверит нас еще более, что сочинитель оной принадлежал к жителям Украйны. Почерк песни есть Белорусский, имеющий свой особенный характер. Правописание песни согласно со Лаврентьевским списком Нестора, пергаменным Новгородским летописцем и прочими древними рукописями». Изыскания К. Ф. Калайдовича заслуживают особенное внимание. Основная мысль его, что «Слово о полку Игоревом» писано славяно-русским языком опирается на очевидных доказательствах. Примеры выражений, изложенных двойственным числом, – ту ся брата разлучиста – два сокола слетеста – вступита господина в злата стремен – подтверждают его мнение. Но филологические исследования не оправдывают предположений, хотя они рассматриваются в сличении со Священным Писанием. Так, для выражения «до Кур Тмутороканя» он приискал из Синодального Евангелия, писанного в 1144 году, текст: «И абие кур возгласи» – и из Волынской летописи слова: «…и яко бысть в куры (во время крика петухов)». По этому исследованию слово кур значит петух. Слова «трудный, труд» – у него означают «прискорбный и скорбь» – как у Мусина-Пушкина. Слово «хърс» у него значит «Хорс», языческий кумир, поставленный Владимиром. Ошибочно также было

его направление – отыскивать в Слове сходства с польским наречием. Заметим, что это направление увлекло гг. Пожарского и Беликова к превратным заключениям.

Продолжение своих исследований К. Ф. Калайдович написал в биографии М. Мусина-Пушкина, помещенной во 2 ч. записок Общества истории и древностей Российских, где он говорил: «язык песни Игоревой утвердительно можно назвать чистым Славянским; слова, в оной встречающиеся, едва ли не все можно приискать в языке Священного Писания, а более наречий летописей, грамот». Открытие Калайдовичем в приписке на Синодальном Апостоле 1307 года сходных выражений с Словом заслуживает особенное внимание. Мы этою припискою должны дорожить как фактом; она нам указывает на известность Слова в начале XIV века.

Критические исследования г. Пожарского составляют примечания, приложенные в конце перевода. Все его разыскания состоят из возражений на переводы Мусина-Пушкина с товарищами и А. С. Шишкова, где он доказывал неправильность их переводов, основываясь на польском наречии. В этом отношении критика г. Пожарского важна как полемика, напоминающая нам старый быт русских критиков. Опровержения г. Пожарского не принесли никакой пользы, потому что не разрешили темных мест Слова. Созвучные слова, взятые из польского наречия, как отдельного в области славянского языка, никогда не могут быть достаточными доказательствами. Труд напрасный уверять людей, постигающих истину, превратными понятиями. Вот его замечания: «В предложении вместо – трудный сказано прискорбный. На Польском и Богемском языках слово трудный значит затруднительный, мудреный, неудобный к исполнению. По-Польски говорится: Trudna to rzecz, sprawa; nie wiedziec co tu poczac – трудна та вещь, дело; не знать, что тут начать». Вот чем г. Пожарский опровергал переводы Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова.

Н. М. Карамзин в истории своей (т. 3, с. 218) говорит: «“Слово о полку Игореве” сочинено в XII веке, и без сомнения, мирянином: ибо монах не дозволил бы себе говорить о

богах языческих и приписывать им действия естественные. Вероятно, что оно в рассуждении слога, оборотов, сравнений есть подражание древнейшим Русским сказкам о делах князей и богатырей: так сочинитель хвалит соловья старого времени, стихотворца Бояна, которого вещие персты, летая по живым струнам, рокотали или гласили славу наших витязей… Сие произведение древности ознаменовано силою выражения, красотами языка живописного и смелыми уподоблениями, свойственными стихотворству юных народов».

Критические исследования нашего историографа рассеяны в примечаниях 3-го тома его истории. Мы выпишем те только, которые составляют новые открытия в кругу исторической критики. «В титуле слово *полк* употреблено в смысле битвы. *Кметями* назывались слуга, дружины. – Се бо Готские красные девы – со времен славного Германариха жили Готфы в Тавриде, где властвовали тогда Половцы». Слово «шестокрыльци» Н. М. Карамзин так объяснил: «Сравнивая сих трех братьев с пернатыми, он называет их шестокрылыми для того, что у трех птиц шесть крыльев». Выражение: «отверзает путь к Киеву» – переводил: «кого хочешь пускает в Киев». О слове: *повеле* я – говорит: «издатели не угадали истинного смысла сей речи, где есть описка: *повеле я*, вместо: по *сече я*, то есть взял». Слово *полочаном* – в выражении: Двина болотом течет оным грозным Полочаном – говорит, что здесь не должно принимать за половчан. *Шеломя* принимает в смысле возвышение, основываясь на выражении Киевской летописи; *Каяла* за кагальник; *железные попорзи* за верхнюю часть брони; *Деремела* за один из латышских народов; *Цвелит за квелит*, приводить в слезы, огорчать, указывая на богемское слово kwilim – выть, плакать, и на польское kwilim sie.

Занявшись историческим описанием других событий, историограф не мог обозреть в подробности «Слово о полку Игоревом». Он видел рукопись и выписал из нее отрывки, оставшиеся единственными указаниями на современный слог Слова. Выписки из киевской летописи о битве Игоря дополняют объяснениями – темные места в Слове, и жалеем, что он

не успел издать вполне текст самой летописи. Часто в отрывках мы видим не полные указания и останавливаемся там, где только начинаются наши исследования.

Критические исследования г. Буткова заслуживают особенное внимание. Идя своим путем, он сам разыскивал, не верил чужим толкованиям. Эту самобытность г. Буткова встречаем мы во всех его исследованиях. Первое исследование г. Буткова о Слове Игорева полка было напечатано в «Вестнике Европы» 1821 года, № 21 и 22, второе в «Сыне Отечества» 1834 года, № 52, с. 616. Вот основные его изыскания о Слове.

Слово *Лада* принимают в смысле *супруга*; *мылыя хоти* за *супругу*, полагая, что это слово перешло от хазар или половцев; *харалужный* производит от ногайского слова – сделанный из *черного железа, булата*. *Чага*, по его мнению, означает потомков хазар, *чагар*, существующих доселе между кумыками кавказскими. *Олега Гориславича* – он принимает за Олега Святославича Тмутараканского, основываясь на том, что Олег как правнук Рогнеды, прозванной *Гориславою,* мог быть назван Гориславичем. Правда, что от времен Рюрика до XIII века у нас не было князя Горислава. Слово *клюка* он принимает в значении – *пасть, самоловка, хитрость*; а *дочтеся* производит от глагола *течь, достигать*. Под словом *стружи*, принимаемое другими за древко от копья или от знамени, он понимает, что это были *накры – бубны, литавры*, основываясь на том, что стружием называли их потому, что они употреблялись к возбуждению стражи, или по сходству вида с водоходным *стругом*. Мнение г. Буткова о местоположении Тмутаракани замечательно своею новостью изысканий от всех других; он полагает, что его должно искать не в Тамани, а на пути из Киева к Полоцку, на правой стороне Остра, при соединении этой реки с Десною, где теперь село Старогородки, в одной версте ниже города Остра, в 60 верстах от Киева. Здесь, говорит он, князь Мстислав Тмутараканский и брат его, Великий Князь Ярослав, заключили мир, поставя Днепр границею. В речении *Хръсови* он не находит, подобно другим изыскателям, ни города Херсона, ни Хорса, идола, а полагает,

что это ошибка переписчика, написавшего Хръсови вместо Днепрова, принимая за основание путь, лежащий из Киева к Остру, где Всеслав должен был переезжать Днепр. В чтении: «С тоя же каялы Святоплък *повелея отца* своего междю Угорскими иноходцы» – соглашается с Карамзиным и Пожарским; но слово *отца* – говорит он – стоит здесь вместо *тьстя, тся, цтя – тестя*. В этом случае его изыскания ничего не объяснили, и нам кажется, что и г. Бутков не понял точного выражения этого места, как все другие. Объяснение следующего чтения, запутанного первыми издателями, разгадано верно и удачно: «…то же звон слыша давный Великий Ярослав сын Всеволож: а Владимир по вся утра уши закладаше в Чернигове». Этим объяснением воспользовался Максимович, и его чтение перепечатал в своем издании с перестановкою слов вместо – а сын Всеволож Владимир – а Владимир сын Всеволож. Выражение: «уже *не Шеломянем* еси» – г. Бутков принимает совершенно в другом значении от других изыскателей; он частицу – *не* – принимает за предлог *за*, а шеломя за Изюмский курган, основываясь на топографическом исследовании похода Игорева.

Самое Слово, по мнению г. Буткова, – «сочинено при жизни Ярослава Владимировича Галичского, умершего 1187 года, и уже по возвращении из половецкого плена 1188 года князей Всеволода и Владимира, как видно в Слове». Мы не согласны в этом с г. Бутковым. Сочинитель нигде не говорит о своей современности, а лица, упоминаемые им, которых так много мы находим, никогда не объяснят нам этого вопроса, если будем смотреть на него с этой точки зрения.

Что же касается до непонятных слов, встречающихся в описании Слова о походе Игоря, то г. Бутков почти не обратил на них внимания. Его изыскания о словах: *тльковин, ходы, коганя, хотя, хиновы* – ничего не объясняют. Они любопытны как гипотеза и мелочны, как все недельное. Замечательно также предположение о словах: *братие, дружина*, где г. Бутков старается доказать, что в старину «поэты составляли сообще-

ства, как члены». Доселе ни летописи, ни акты не представляют нам никаких доказательств. Но г. Бутков отыскал что-то подобное в поэтах кабардинских черкес.

В 1825 году пастор Зедергольм издал в Москве: Das Lied von Heereszuge Igors, Sohnes Swatoslaw Enkels Olegs. Он перевел наше Слово стихами, выписал из Истории Карамзина о происшествиях и его замечания, перевел замечания К. Ф. Калайдовича и прибавил свои парадоксы: будто бы «Слово о полку Игоревом» писано хореями и амфибрахиями, и доказывал преимущество своего чтения текста пред всеми археологами. Перевод пастора Зедергольма не имеет даже тени достоверности и во многом уступает французскому переводу, помещенному в журнале Le Catolique , барона Экшеина.

Критические исследования Н. А. Полевого о Слове Игорева полка помещены были в его «Истории русского народа», ч. 2, и в рецензии на издание Слова, напечатанного А. Ф. Вельтманом (в «Московском Телеграфе», 1833 года, ч. 50, с. 419). Мы обращаемся теперь к его исследованиям.

Н. А. Полевой полагает, «что “Слово о полку Игоревом” есть неподдельное творение древней Русской Словесности. Народная поэзия Русская, при соединении Нордманов с Славянами, образовалась в виде Саг, и поэмы, которые были петы Русскими Боянами или Боюнами. Со введением Христианской веры мифологическо-героическая поэзия Руссов казалась неуместною. Ее изгоняли вовсе, почитая язычеством, или они должны были облекаться в формы Христианства; вот период “Слова о полку Игоревом” – мифо-героической поэмы с формами Христианства. Тут являются: Хорс, Даждь-бог – и Пирогощея Богоматерь; герои Христиане, но их окружают сны, видения, дивы; они взывают к солнцу, рекам; море смерчами идет на них… Язык, на котором писано сие Слово, есть язык Русский, Юга Русского, коим говорили в XII веке в Киеве и Чернигове, тогдашнем местопребывании Олеговичей; но только язык его возведен в ту поэтическую степень изящества, до которой достигает и ныне язык простолюдина в народной песне… В “Слове о полку Игоревом” размер явен, и стоит толь-

ко вспомнить, что тут считать надобно не стопами, вы тотчас поймете его разнообразную певучую музыкальность».

В словах и выражениях самого текста Слова Н. А. Полевой показал довольно замечательные исследования. Так, в выражениях: тропу Трояню, вещи Трояни – полагает, что не должно думать о Трояне Императоре, как думали другие, но что Владимира называют в одном русском памятнике Трояном и что этих слов не должно ли искать на Руси, или у половцев. Темные места подлинника: «Рек Боян и ходы на Святъславля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кроме головы» – Н. А. Полевой читает так: «Рек Боян и ходы (говоря о походах) на Святославля (по подобию) песнотворца старого времени Ярославля, Ольгова, Коганя: хотя тяжко ти голова, кроме плеча; зло ти телу без головы. Полагаем, – говорит Н. А. Полевой, – что имя *Коган* означает певца, жившего при Ярославле, и славного, подобно Бояну, Слово *хоти* мы переводим здесь словом *хотя*, относя его к слову: *тяжко*, а не предшествовавшим словам».

Подробности и критические исследования как о самом Слове, так и о народной русской поэзии помещены Н. А. Полевым во 2 томе «Истории русского народа», столь всем известной, что мы не входим в дальнейшие исследования.

Последнее критическое изыскание о Слове Игорева полка было составлено профессором М. Максимовичем, и как классические лекции его были напечатаны в журнале Министерства народного просвещения, 1836, ч. X, с. 1 и 439, и 1837 г., ч. XIII, с. 29. Исследования г. Максимовича были разделены на три отдельные статьи.

В первой статье он обозревал историю рукописи, разных изданий Слова; слегка коснулся о гипотезах защитников и недоверчивых; еще короче изложил доказательства о достоверности слова. Окончание этой статьи составляет изложение Слова и исторических событий. Самое Слово он разделяет на 12 глав. Для примера мы выписываем его суждения об археологах русских.

«Г-н А. Ф. Вельтман, 1833 года, перевел ее мерною прозою с новым чувством красот ее. С новыми видами об историче-

ской важности ее писал о ней г. Н. А. Полевой (Ист. Р. Н. 1830 и Моск. Тел. 1838). С новым уразумением народно-поэтического ее свойства писал о ней г. А. Глаголев. С другой стороны, с точки зрения Качановского, г. профессор И. И. Давыдов на основаниях филологических сомневается также в ее подлинной древности и находит в ней сходство с Исландскими Сагами».

Напрасно вы будете доискиваться: в чем состоят новые чувства красот г. Вельтмана? Какие это новые виды исторической важности г. Полевого? Что такое новое уразумение г. Глаголева? На чем основаны подозрения гг. Качановского и Давыдова? Этого г. Максимович нигде не излагает.

«Слово о полку Игоревом» г. Максимович называет историческою песнею, и что оно есть первородный, изящный образец собственно русской, настоящей исторической поэмы.

Во второй статье г. Максимович рассматривает дух и форму «Слова о полку Игоревом». Этот дух, по мнению г. Максимовича, заключается в соединении двух главнейших начал: «любви к земле Русской и ее славе, и веры в жизнь природы и глубокого с нею сочувствия». В подробном исследовании этот дух получил у него подразделения: дух любви, дух ратный. Тоска по родине у него получила особенное название: «Любовь к минувшему и скорбь о настоящем». Совершенно поверхностны изложения предметов: верования в мир духов, чудесности знамения природы. В таком Лагарповском обзоре мы совершенно не заметили критических исследований, таких исследований, которые выходят из-под пера опытного археолога. Может быть, это и не входило в круг изысканий г. Максимовича. Мы уже прежде указывали, как г. Максимович удачно воспользовался трудами своих предшественников, повторяем и теперь, что все неверные объяснения прежних критиков в исследованиях его совершенно удалены, и в этом отношении его воззрение на Слово имеет пред всеми преимущество.

В третьей статье г. Максимович излагает свои мнения: «об образе выражения и языке». В своем обозрении он старался рассматривать четыре предмета: «о подобиях, народно-поэтической символике птиц и зверей, о повторениях и языке».

В этой статье мы встретили самые основательные лексикографические исследования, замечательные по внимательному изучению «Слова о полку Игоревом».

Подобие, по мнению г. Максимовича, принимает разные обороты, кои можно привести к трем видам: положительному, отрицательному и положительно-отрицательному. Подобие при изображении какого-либо одного предмета обыкновенно у певца выражается творительным падежом того предмета, от кого оно заимствуется; второй оборот подобия выражается сравнительным союзом: аки, яко, рци; третий оборот подобия состоит в сближении подобных предметов и есть простое соответствие.

В обозрении символики г. Максимович говорит, что сокол есть символ храбрости и быстроты в нападении; лебедь есть символ пения и звука вообще; соловей есть эмблема певца; парение сизого орла выражает полет поэтического ума или замышления Боянова; галка – символ разлуки; тур – символ храбрости и силы.

Повторения слов и речений, говорит г. Максимович, состоит в постоянных эпитетах, усвоенных разным лицам и вещам.

Наконец о самом важном предмете – языке «Слова о полку Игоревом», он говорит: «Язык Песни Игорю по составу своему, т. е. в лексико-грамматическом отношении сходен с языком Нестора, Мономаха, и особенно с языком Киевской и Волынской летописи; но в нем еще более, чем в них, заметно борение народно-Русского языка с книжно-Славянским. И это потому, что Песнь Игорю есть произведение мирское, поэтическое, и притом сложенное в конце XII века. Тогда Словенский язык у нас начинал уже изменяться против первоначального, древнего своего вида: и хотя на нем писали, и вероятно, и говорили тогда книжные и духовные люди, но для мирян он был уже старый язык… Во внутреннем составе языка песни Игоревой видим сочетание двух стихий – книжной и народной. Язык певца Игоря столько ж особенный и так составился, как и в наше время из нового – книжного и народного – Русского составляется особенный язык какого-либо даровитого, самостоятельного писателя. Певец именно хотел воспеть поход Игоря старыми

словесы трудных повестий, по обычаю тогдашних писателей, а, может быть, по желанию приблизиться к языку своего вдохновителя Бояна, потому что у него и господствует вообще язык Словенский. Но это самое намерение воспеть старыми словесы показывает уже, что был тогда другой язык, относительно Словенского, новый, употребительный в разговоре, а вероятно и в народных песнопениях того времени. Сей природный и привычный певцу язык был Южно-Русский (Северной области, ибо певец без сомнения был Северянин) и сего языка слова и обороты беспрестанно пробиваются сквозь покров Словенского».

В этих мнениях мы прочитали уже прежнее разыскание Н. А. Полевого, помещенное в рецензии на издание Вельтмана (в «Моск. Телегр». 1833 года, ч. 50, с. 432) – «что «Слово о полку Игоревом» писано на Русском языке, каким в XII веке говорили в Украйне, Киеве, Чернигове, Курске». Встретили старое замечание К. Ф. Калайдовича, помещенное в трудах Общества любителей Российской словесности, ч. 13, с. 31 – что песнь сочинена славяно-русским языком, подобным библейскому и сходным с летописями, грамотами и другими историческими памятниками; что она сочинена по всем вероятиям в нынешней Малороссии.

В исследовании склада языка Слова Игорева полка г. Максимович повторил также старое. «Она могла быть петою и не быть стихотворением: церковные песни наши, большею частью не представляющие никакой мерности в складе своем, распеваются на определенные гласы…»

Г. Максимович допускает, что в Слове «есть стихи не столь определенного склада и однообразного размера, как народные великорусские, но столько же разнообразные и вольные, как украинские, особенно в Думах». Он приложил даже в примечаниях и образцы стихов:

Из песни Ярославны:

Жаждею им лучи сепряже,
Тугою им тули затче.

Песня русских жен:

Уже нам своих милых лад
Ни мыслию смыслити,
Ни думою сдумати,
Ни очами сглядати,
А злата и сребра ни мало того потрепати!

Такое предположение допускали гг. Востоков, Дубенский, Полевой. Вот их опыты. Намерение г. Востокова привесть в стопы «Песнь о полку Игоревом» появилось прежде других. Он говорит: «В древнейшем, какое до нас дошло, эпическом произведении Русской музы, в «Слове о полку Игореве», не слыхать никакого размера: в нем с начала до конца как кажется голая проза. Неизвестно, для пения ли сочинено сие, в подлиннике так называемое слово; или только для чтения, так как летописи и другие тех времен письменные памятники, от которых оно отличается только витиеватостью? Если для пения оно сочинено, то в стихах или прозе? И прозу можно петь, так мы поем наши Славянские псалмы и другие церковные стихи, никого определенного размера не имеющие. Почему мы можем знать, что в «Слове о полку Игореве» не было какого-нибудь размера, который ежели бы и сохранился до нас чрез столько веков в настоящем своем виде, что весьма сомнительно, под пером бестолковых переписчиков; то мы, при всем том, не только судить об нем, ни даже приметить его теперь не могли бы, за его древностью; ибо чрез 600 лет верно сколько-нибудь переменилась и просодия языка Русского… Замечу мимоходом, что не мешало бы, хотя для типографической исправности, чтоб облегчить читателю отыскивание мест, при новом издании «Слово о полку Игореве» , разделить сию древнюю поэму Русскую на стихи, подобные библейским, и означить оные, как водится, числами».

Г. Востоков прилагает для образца и разделение на стихи этого слова. Вот они:

1. Нелепо ли ны бяшет, братие,
2. Начати старыми словесы трудных повестий

3. О пълку Игореве, Игоря Святъславича,
4. Начати же ся той песни,
5. По былинам сего времени,
6. А не по замышлению Бояню.
7. Боян бо вещий,
8. Аще кому хотяше песнь творити,
9. То растекашеться мыслию по древу.
10. Серым влъком по земли,
11. Шизым орлом под облаки.

Г. Дубенский принимает это в другом смысле; он «Песнь о полку Игореве» размеряет «шестистопным дактилохореическим стихом или экзаметром». Вот его разделение.

1. Не десять соколов лебедей на стадо пущаше;
2. Нъ своя вещиа пръсты на живые струны въскладаше;
3. Они же сами князем славу рокотаху.

1. … Тогда Игорь възре на светлое солнце
2. И виде от него тьмою вся своя воя прикрыты.
3. И рече Игорь к дружине своей: братие и дружино!
4. Луцеж бы потяту быти, неже полонену быти:
5. А всядем, братие, на свои бръзые комони,
6. Да позрим Дону синего.

1. С вами, Русици, хошу главу свою приложити,
2. А любо испити шеломом Дону. О Бояне,
3. Соловию старого времени! А бы ты сиа плъки
4. Ущекотал, скача славию по мыслену древу,
5. Летая умом под облакы; свивая славы
6. Оба полы сего времени, рища в тропу Трояню
7. Чрез поля на горы.

1. Тому вещий Боян и пръвое
2. Припевку смысленый рече: ни хытру, ни горазду,
3. Ни птицю горазду, суда Божиа не минути.

4. О стенати Русской земли, помянувши пръвую годину
5. И пръвых князей. Того старого Владимира не льзе
6. Бе пригвоздити к горам Киевским.

1. … Седлай,
2. Брате, свои бръзыи комони, а мои ти готовы,
3. Оседлани у Курьска на переди; и мои ти
4. Куряни сведоми къмети, под трубами повити,
5. Под шеломы взлелеяны, конец кония въскърмлени,
6. Пути им ведоми, яруги им знаеми, луци
7. У них напряженя, тулии отворении, сабли изъострени.
8. Сами скачут акы серныи влъцы в поле,
9. Ищучи себе чти, а Князю славе.

Н. А. Полевой, разбирая издание Вельтмана – «Песнь ополчению Игоря Святовича», напечатанное в Москве в 1833 году, писал в «Московском Телеграфе» 1833 г., № 7, с. 429:

«В слове о полку Игоревом размер явен, и стоит только вспомнить, что тут считать надобно не стопами, вы тотчас поймете его разнообразную, певучую музыкальность:

1. А встона, братие, Киев тугою, а Чернигов напастьми;
2. Тоска разлияся по Русской земле;
3. Печаль жирна тече средь земли Русския;
4. Князи сами на себя крамолу коваху,
5. А погании, сами нарыщуще на Русскую землю,
6. Емляху дань по беле от двора…

1. О Днепре словотиню!
2. Ты пробил еси каменные горы, сквозь землю Половецкую,
3. Ты лелеял еси Святославли насады до пълку Кобякова,
4. Взлелей, господине, мою ладу ко мне,
5. А бых не слала к нему слез на море рано!
6. О ветре ветрило! Чему, господине насильно веши!
7. Чему мычеши Хановские стрелки,

8. На свою не трудною крыльц,
9. На моея лады вою!
10. Мало ти бяшет горе, под облаки веять,
11. Лелеючи корабли на сине море!
12. Чему, господине, мое веселие по кавылию развея!»

Вот четыре различные суждения писателей об одном и том же предмете. Мнение каждого из них имеет свои основания, свои доказательства. Все различия проистекают от образа воззрения на предмет.

Таковы были критические исследования защитников Песни Игорева полка. Мы теперь обращаемся к нашим русским скептикам, не верующим в бытие Древней Руси, и в полном сравнении их исследования можем только видеть достоинство тех и других.

Наши русские скептики доселе еще не успели произвести ни одного полного сочинения, ни одного полного критического исследования по русской истории. Все труды их состоят в нескольких сомнениях, высказанных в журнальных статейках. Все понятия о недостоверности древней русской истории не приведены еще в систему, хотя приверженцы успели уже провозгласить, что появилась на Руси новая историческая школа. Понятия скептиков, как чуждые нам по происхождению, как нам современные, известны наперечет, и потому мы не считаем их самобытными, созданными русским умом и русским человеком. Это мы потому говорим, что ни одно сомнение наших скептиков не утверждено доказательствами, что ни одно подозрение не исследовано критически, что зародыш критических сомнений и подозрений появился в думах чужеземца по своему происхождению.

Мнения известного профессора Эверса были приняты московским профессором М. Т. Каченовским и составили основание так называемой новой исторической школы. Сомнения начались с первой страницы русской истории – с вопроса: откуда произошли руссы? Отвергая все исследования, все древние акты, первый состав Несторовой летописи, они заподозрили

всю русскую историю до XIV века. Вследствие этих сомнений и «Слово о полку Игоревом» было предано сомнению как блестящий факт русской грамотности XII века.

Мнения почтеннейшего М. Т. Каченовского известны нам только по кратким выпискам его последователей; сам же он, как слышно, приготовляет еще свои критические исследования по русской истории. Последователи говорят, что все критические замечания заимствуют они из лекций М. Т. Каченовского, и как он сам ни одного раза не протестовал против их недостоверности, то мы и признаем их за произведения М. Т. Каченовского. Мнение его о Слове Игорева полка было вписано Г. Беликовым в критическое исследование, помещенное в Ученых записках Императорского Московского университета, ч. 5, с. 457.

Г. Беликов говорит: «Заключим драгоценными замечаниями, заимствованными мною из лекции профессора Каченовского.

«Хощу… копие приломити… с вами».

«Фраза рыцарская! Rompre une lance avec и также poup quelqu'un. Смотри Словари. Странная встреча!»

«*Чили* – или. Но это есть такое: Польское словцо, которого употребления невозможно приписывать тому времени. Каким был Польский язык XIV столетия – никто не знает».

«*Велесов внуче*. Из Св. Власия, покровителя скотов, невежды сделали небывалого бога *волоса*, иначе *велеса;* в таком же заблуждении был и наш автор, между тем, как известно, что в Новгороде была Волосова улица (И. Г. Р., изд. 2, т. IV, пр. 337, с. 207). Гражданин Волос, т. е. Влас, был убит на вече 1230 г. (Новг. лет., с. 115). Была и церковь Св. Власия или Волоса. Странно, что в Новг. находилась и улица Бояна (лет. Новг. 177)! Автор частехонько бредит именами лиц и урочищ северных!»

«*Буй Тур Всеволод*. Тур – дикий баран гор Кавказских; оттуда: турий рог. (Приб. к «Инв»., 1823, № 62, с. 493). Изобретатель песни Игоревой, в общем со всеми заблуждении, почитает за вола».

«*Драгыя Аксамиты*. Аксамит (слово Польское, но происхождения Греческого) – бархат и притом из шелку, ибо дорогые

оксамиты. Но в XII или XIII столетиях шелк был веществом еще весьма редким даже между Греками. Шелководством начали заниматься в Венеции только с 1309 г., в Неаполе 1456; во Франции шелковые фабрики появляются около 1470 года. (Бека «Всеоб. ист»., IV, 858)».

«*Свычая а обычая*. Слова, употребительные в Польском языке, в виде поговорки, как например в Немецком: handeln und wandeln и проч. Это пахнет чем-то новым; ибо Польский язык XII и XIII столетий никому неизвестен».

«*Давеча* – украдено из Великороссийского простонаречия новейшего; ибо в книгах его не находим».

«Упоминаемые в песне Ногаты суть принадлежность севера, а не юга».

«Наконец еще должно заметить, что некоторые необыкновенные формы глаголов заимствованы из Новгородской летописи; на с. 65 найдете: учаш*ет*, бяш*ет*. Весьма также замечательны выражения, найденные Карамзиным в одной рукописи и повторенные в «Слове о полку Игореве», а именно: сеяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша в князех, которыи веци сократишася человеком» (См. И. Г. Р., изд. 2, IV, пр. 228, 144).

Вот драгоценные замечания почтеннейшего М. Т. Каченовского. Справедливы ли они? Это ли критика для такого гениального произведения, каково «Слово о полку Игоревом»? Не позабудьте, что так думает сам основатель новой исторической критики, которого мнения последователи принимают за факты, отвергая настоящие исторические факты, на которых зиждется основание критик в ученом мире. Мы рассмотрим драгоценные замечания почтеннейшего М. Т. Каченовского.

Будто слова: «хощу… копие приломити… с вами» – есть рыцарская фраза, мы не верим этому, и скорее согласимся, что выражение: «смотри словари» – не имеет никакого вероятия. Критик не показал нам, в какие словари мы должны смотреть, чтобы удостовериться в его возражении; а без этого мы не верим и самое его возражение считаем фразою новой исто-

рической школы. Просим заглянуть только наших читателей в русские народные стихотворения, собранные Демидовым, где рассказывается о богатырских подвигах русских витязей. Там русским языком воспеты богатыри наши. Неужели все эти пьесы есть перевод с французского? Неужели Святослав, переселяясь из Киева в Болгарию, был рыцарь, когда поэтически описывал выгоды своих переселений? Мы знаем отличие между наездами наших князей на степи половецкие и рыцарскими подвигами, и потому самому не смешиваем в одно понятие рыцаря и богатыря, рыцарство и наездничество. И если русский критик имеет такие неосновательные понятия о семейной и политической жизни своих предков, то чего же ожидать нам от чужеземцев? Мы бы желали знать: откуда взял почтеннейший М. Т. Каченовский эту французскую фразу? И есть ли на это исторический факт, или только взято из какой-нибудь исторической книги? Мы не будем входить в исследование славянской мифологии и доказывать, что Велес существовал у славян язычников, зная, что почтеннейший М. Т. Каченовский, по своим критическим соображениям, уничтожает в русской истории около четырех веков. Наши мнения о славянской мифологии изложены уже впереди, в «Сказаниях русского народа», и повторяем здесь, что мы верим сказанию Нестора, что Великий Владимир с принятием христианства уничтожил киевских идолов, в числе которых был и Велес. Наш Нестор первый сказал, что именем Велеса клялись наши предки язычники, что Велесов кумир был в Киеве, а почтеннейший М. Т. Каченовский изволит думать, что «из Св. Власия, покровителя скотов, невежды сделали небывалого бога Волоса, иначе Велеса», нимало не упоминая, что уже в XII столетии св. Авраамий Ростовский уничтожил в Ростове языческое поклонение Велесу.

Мнение неизвестного, что «Тур – есть дикий баран гор Кавказских» – не служит опровержением слов певца Игоря: «Буй Тур!» Во-первых, не должно доискиваться слова *тур* на Кавказе и выводить его от дикого барана: это есть заблуждение. Кому знакомы народные праздники и образцовое сочи-

нение известного нашего археолога И. М. Снегирева, те верно не будут возлагать небывалых подозрений на певца Игоря.

Аксамит совсем не бархат из шелку: это есть парчовая материя. Мы также не понимаем, что *аксамит* есть слово польское, греческого происхождения! Если поляки могли усвоить себе это слово, то неужели русские XII века, еще более знакомые с греками, не могли усвоить этого же слова? Мы не понимаем, как только можно в XIX веке называть эти невероятности драгоценными примечаниями!

Загляните в Историю Н. М. Карамзина, т. 2, прим. 300, 393, 414, загляните в летописи под годами 1147, 1159, 1164 – и там увидите, как наши князья дарили друг друга Пардусами и аксамитами. Это русское доказательство вернее заморского. Для чего ссылаться на Бека, который толкует о шелковом производстве, а не о певце Игорева полка?.. Вот какие факты новой исторической школы! В описях церковных ризниц доселе находим слово *аксамит*, и там парчовые ризы называются аксамитными. Загляните в старые описи ризницы Московского Успенского собора или описи государственных имуществ XVII века, хранящиеся в Московской Оружейной палате, и там прочтете *аксамиты*.

Говоря, что слова *свычая* и *обычая* употребляются в польском языке, почтеннейший М. Т. Каченовский приводит в доказательство немецкую фразу и говорит, что это пахнет чем-то новым. Осмеливаемся уверить, что эти слова коренные русские, а не польские, и что они доселе употребляются в губерниях Тульской, Орловской и Московской. Нам нет никакой надобности, что польский язык XII и XIII столетий никому не известен. Мы верим от души, что Иоанн Экзарх Болгарский переводил на славянский язык, что Остромирово Евангелие, писанное в половине XI века, также есть перевод с греческого на славянский.

Давечя, говорит почтеннейший М. Т. Каченовский, – нестарое слово, оно украдено из великороссийского простонаречия новейшего. Смеем уверить его, что вместо *давечя* должно читать: *далечя* – это ошибка писца или недосмотр первых из-

дателей. Положим, что слово *давечя* поставлено в списке без ошибки, и будем допускать, что это слово простонародное, и тогда мы не имеем права отвергать его. Наш язык народный доселе еще не исследован; нет у нас областных словарей и грамматик; никто не занимался еще сравнениями областных выговоров. Язык народный имеет вековые постоянности, особенно язык господствующий; он остается неизменен, как сам народ. Совсем не то бывает с языком книжным, который беспрерывно изменяется. Отвергать древнее произведение «Слова о полку Игоревом» потому только, что слова *давечя* нет в книгах, противно всякому логическому смыслу.

Почтеннейший М. Т. Каченовский излагает, что будто бы слова, найденные Карамзиным в одной рукописи, повторены в одном месте в «Слове о полку Игореве». Здесь двойная неправда: рукопись отыскана Калайдовичем, а не Карамзиным, и мы в этом ссылаемся на статью, помещенную в трудах Общества истории и древностей Российских, ч. 2, с. 41, где говорит Калайдович: «…немаловажным доказательством древности ее послужит одно место, случайно найденное мною и сообщенное г. Историографу». Эта рукопись есть Апостол, писаный на пергамене в 1307 году. По смыслу, данному М. Т. Каченовским, выходит, что певец Игоря, живший в XII веке, повторил слова игумена Зосимы, жившего в XIV столетии. И такие исследования называются критикою!

Сильное гонение на «Слово о полку Игоревом» воздвиг последователь почтеннейшего М. Т. Каченовского, г. Беликов, в статье: «Некоторые исследования “Слово о полку Игореве”, напечатанной в Ученых записках Московского университета (1834 г., ч. 5, с. 395 и 448). В заключение всех своих умствований он говорит: «Песнь Игоря не дошла до нас в своей первобытной чистоте; она чрез несколько веков уже писана им с словесного предания, сохранившегося в сказке, или песне, или переложена с иностранного языка. В XVI веке, когда книгопечатание породило в Руссах чрезвычайную охоту к чтению, видно в нашей истории вообще стремление грамотеев списывать все исторические предания, и отечественные

и иностранные. В это время, вероятно, нашелся и любитель изящного, которому понравилась сказка, или песнь о походе Игоря, и который, чувствуя в себе способность красноречиво передавать свои мысли, решился записать ее, и как бы хороший начетчик старинных книг, вздумал изложить оную старинным языком XII века – старыми словесы; притом языком сочинителя, который, по его мнению, был южный русин. Это намерение заставило его искать старинных форм языка, слов южного наречия и почерпать по неведению слова из Польского и Сербского языка. Без сомнения, чрез это он исказил прекрасную песнь Игорю; но ему это казалось лепым. Вероятно также, что его же усердием вставлено отступления о междоусобиях князей, заимствованные им из других преданий; может статься, что списатель "Слово о полку Игореве" и не был его слагателем, а только переводчиком. В XII столетии, как известно, приходили к нашим князьям Норманны, Греки; не удивительно, что из сих пришельцев кто-либо, обрусев, записал или воспел на своем языке поход Игоря, и эта записка дошла до грамотеев XVI века, которые переложили ее старинным Русским языком, подражая древнейшим нашим писаниям; но, не понимая хорошо подлинника, переводили буквально, пособляя своему неумению словами из разных языков».

Вот каковы понятия последователя новой исторической школы о «Слове Игорева полка». Все эти предположения основаны г. Беликовым на следующих сомнениях.

«Слог Игоревой песни далек от выражения, какое видим мы в нашей древней бивлиофике; он ниже и грубее наших древних монашеских писаний, а выше и чище слога их грамот (с. 307). В эстетическом отношении «Слово о полку Игореве» возвышается пред всеми нашими древними словесными произведениями. В нем красоты пиитические рассеяны во множестве: прекрасные сравнения, изящные описания, живописные олицетворения поражают читателя. Отличительным ее качеством, кажется, можно положить сильное погружение чувства поэта в окружавшую его природу (с. 305)».

Вот какими доказательствами скептики убивают «Слово о полку Игоревом». Чему верить, когда в одно и то же время говорят разное. Или следующее: Слово при всей краткости открывает величайшие несообразности в лексикологии и этимологии слова, притом как в историческом, так и этимологическом отношении. «Критик не показал этих несообразностей, не раскрыл лексикологических исследований XII века, почему бы ему можно верить. Когда критик приходит в удивление: откуда певец мог знать Леопардов? Неужели они водились когда-либо в России?» – то мы не видим, чтобы он вникал в историческое отношение. Просим критика заглянуть в Киевскую летопись, где сказано, что Олег Святославич подарил Юрию Долгорукому пардуса, а Святослав Олегович тем же дарил Ростислава: это было в половине XII века. По мнению критика, материалы Слова в статистическом отношении представляют еще более загадочности. И какие же слова загадочны? Болонье, яруг. Слово *болонье* мы встречаем в путешествии Даниила Паломника; слышим доселе, как киевляне называют этим словом место между валом и городом. Слово *яруг* там часто встречается в крепостных записях XVII века, что оно явно выражает овраг, ров. Вот вам достоверности статистические. Критик подозревает даже, что слова: *кровать тесова*, *дорога* – отзываются чем-то новым. Кто же теперь пишет: тесова кровать? Это мы встречаем в старых народных песнях и в новгородском наречии.

Еще в 1834 году г. С. Руссов возражал г. Беликову в отдельной брошюре о подлинности «Слово о полку Игореве»; указывал также на его неправильные исследования и г. Бутков в «Сыне Отечества» (1834 г., ч. 46, с. 621); говорил также в свою очередь и г. Максимович в Журнале Министерства народного просвещения (1837 г., ч. 13, с. 44). Любопытные могут прочитать все эти возражения, чтобы вполне раскрыть мнимые сомнения и оценить изыскания последователей новой исторической школы.

П. М. Строев, известный наш археограф, приступивший недавно к новой исторической школе, в статье «Хронологи-

ческое указание материалов отечественной истории, литературы и проч.», помещенной в Журнале Министерства народного просвещения (1834 г., ч. 1, с. 152), говорит: «“Слово о полку Игореве” и Слово Даниила Заточника – проблемы Русской Словесности XII века». Более этого мы не знаем, где бы г. Строев говорил что-нибудь еще о Слове. Из приведенного нами его мнения о Слове, мы никакого не можем вывесть заключения; может быть, последователи новой школы объяснят со временем эту фразу г. Строева.

И. И. Давыдов, профессор Московского университета, по своим понятиям приближается к последователям новой школы, и так же, как они, подозревает «Слово о полку Игоревом». Его мнения о Слове были изложены в лекции «Составления, начала и направление древней отечественной словесности», напечатанной в Ученых записках Московского университета, 1834 г., ч. 3, с. 281. Почтеннейший профессор говорит, что «это произведение, смесь Христианских понятий с язычеством, представляет некоторые исторические воспоминания, господствующие идеи того времени и поверья; язык же смесь древнего и среднего языка из разных наречий не подкрепляет мнения о глубокой его древности. Слово об ополчении Игоревом не походит на Греческие Рапсодии: в нем более сходства с Исландскими сагами… Если встречается сочинение, о котором не говорят писатели последующих веков, то достоверность оного почитается сомнительною… Сочинение, писанное на неправильном смешении разных наречий, притом из разных времен дает право сомневаться в его достоверности».

Разберем эти предположения.

Почтеннейший профессор первое сомнение основывает на том, что Слово писано языком, составленным из разных наречий. Во-первых, этого нет на самом деле, во-вторых, это выдумали скептики, основываясь на пяти словах, которые они приписывают то наречию малороссийскому, еще тогда не существовавшему, то видят в них фразы польские и богемские, забывая, что первоначальный славянский язык был общим для всех славянских поколений.

Если действительно Слово походит на исландские саги, то это будет очень важное открытие для нашей старой литературы. Весьма замечательные мнения нашего историка Н. А. Полевого, изложенные им во 2 ч., с. 266, Истории русского народа, о русских сагах увлекли многих к догадкам. Г-н Давыдов, вероятно, в этом случае принимает мнение Беликова, предполагавшего, что «Слово о полку Игоревом» было прежде сложено норманном. Для критической достоверности мы просим почтеннейшего профессора указать нам: с какою исландскою сагою имеет сходство наше Слово?

Для большой ясности нам остается еще раскрыть одно важное обстоятельство, увлекшее г. Давыдова к сомнению. А. Ф. Вельтман при своем издании «Слова о полку Игоревом» сказал в предисловии, что оно писано «на соединении всех наречий Славянских, очищенных высоким чувством поэта». Кроме г. Вельтмана, никто не предполагал такой догадки. Эту гипотезу принял за основание почтеннейший профессор в своих критических исследованиях и заподозрил Слово.

Неизвестный критик, разбирая сочинения г. Глаголева «Умозрительные и опытные основания Словесности», говорит («Библиот. для чтения» на 1834 г., т. IV, с. 3): «Мы сожалеем, что он не применил духа анализа к Слову о полку Игоря, которое слишком опрометчиво причислено им к источникам Русского языка; что он не принял на себя труда сравнить его критически с Гаэлицкою поэзией почтенного Мекферсона. Над Словом о полку Игоря носится в нашем уме сильное подозрение в мистификации: оно крепко пахнет Оссианом; его фразы словно выкроены по Мекферсоновым; его обороты и выражения большею частью принадлежат к слогу XVIII века, многие прилагательные к новейшей Польской поэзии, особенно слово вещий, в смысле поэтический, весьма поздно созданное для Латинского vates в переводах Горация и Вергилия; быстрая Каяла, серебряные седины, Сула, текущая серебряными струями, храбрая мысль, носящая ум на дело, жемчужная душа в храбром теле, кровавые его раны в жестоком теле, кровавые зори, налагание вещих перстов

на живые струны, прилетание мыслию издалеча, золотые слова, смешанные слезами, и целые дюжины этого рода понятий, совершенно неизвестны средним векам, совершенно противны духу их красноречия, и явно заимствованы из нового поэтического языка Европейцев; наконец симметрические повторения в периоде наречий, уже, тут, изысканное сочетание междометья о! с неопределенным наклонением, и т. д. напоминают уроки Цицерона и Квинтилиана, а чистое употребление местоимения *свой*, столь редкого в старинных Славянских писаниях, показывают в сочинителе человека, напитанного Французским языком. Есть даже галлицизмы, например: кричат телеги полунощные – тут и глагол и прилагательное не старее нас летами. Все эти обстоятельства подвергаем мы беспристрастно и разборчивости автора, не должно останавливаться тем, что уже много глубокомысленных рассуждений писано о Слове полка Игоря. Оссиан был переведен на все языки, внесен во все пиитики, принят даже в историю, когда Малькольм Ленг разочаровал его обожателей своею беспощадною любовью к истине. Самое открытие этого Слова в эпоху энтузиазма, возбужденного Оссианом, и что еще важнее, совершенное отсутствие всяких других списков, уже должны были привести осторожного критика в сомнении, если б даже не находилось других следов подлога в самом произведении, впрочем искусно подделанном».

В брошюре, изданной г. Руссовым, в опровержение неизвестного критика, читатели могут видеть подробно – до какой степени доходят любопытные сомнения новой исторической школы.

Изложивши главные мнения скептиков, мы старались с тем вместе указать и на их поверхностные изыскания в трудах археологических. Вооружаясь неверием, они насмешливо смотрели на занятия защитников «Слово о полку Игореве». Для примера мы приведем буквальные списки занятий Р. Ф. Тимковского и К. Ф. Калайдовича, помещенные в «Сыне Отечества» (1838 г., №<…>, с.<…>). Калайдович в письме своем к Тимковскому писал:

«Типографщик Семен Аникеевич Селивановский говорил мне, что он видел в рукописи Песнь Игореву. Она написана, точно, в книге, как сказано в предисловии, и Белорусским письмом, не так древним, похожим на почерк Димитрия Ростовского. Корректуру держали: А. Ф. Малиновский, Н. Н. Б. Каменский, а третью уже читал граф Пушкин. Они делали частые поправки в корректуре, с точностью издавая подлинник, от чего печатание шло медленно. Граф Пушкин не имел права помарывать корректуру».

С. 34, *усобиц*, не значит ли: *состязание?*

Ник. лет., ч. II, с. 26. Василько говорит*: ...любо налезу себе славу, любо и главу свою сложу за Русскую землю.*

С. 30. *И Угры збиша в клубе, яко сокол сбивает галицы*.

В Малороссии говорят: *утка кагкае* (кикакут?).

Путы – кандалы. В Малороссии говорят: *путы лошадиные*.

Слово: *убуди*, в четырех местах передано, на с. 9 *пробуждает;* на с. 10 *умолкает;* на с. 16 *разбудила*, а на с. 21 *возобновили*.

Лукоморье, на с. 22-й упоминаемое, значит здесь *Азовское море*. В одной летописи написано, что татары, преследуя половцев, загнали до реки Днепра по Дону и в *луки моря*. *Лука* значит *кривизна, извилина*.

На с. 17 слова *а сице и рати* должно читать: *а сицей рати*. Вместо: *розы нося им*, кажется, читать надобно: *розы носящим*.

Г-н Карамзин говорил мне, что в подлиннике Песни Игоревой вместо *вечи Трояни* в двух местах было написано: *сечи Трояни*. Также летопись Волынская, по его словам, имеет большое сходство по языку и выражениям с Песнью Игоревою и обильна сравнениями, подобными находящимся в первой.

Преосвященный Евгений в письме ко мне от 18 января 1814 года из Калуги пишет следующее о Песне Игоревой: «Об Игоревой песне я не сомневаюсь, что она давняя, и могла сочинена быть в XV веке, когда воображение и дух Россиян уже ободрился от успехов над Татарами. Но чтобы была и древняя до XIII века, на это потребны доказательства яснее Игуме-

на Зосимы (заключение Апостола 1307 года). Растолкуйте вы мне, к чему автор написал в самом начале: “не лепо ли ны бяшете *старыми словесы*?” Не значит ли это, что он согласился написать старинным прежних времен слогом, а не современным себе? Следовательно, он не современник событий. Много у нас и Русских песен, писанных старинным слогом, о временах даже Владимировых. Кто ж отнесет их к тем временам? Северное песнопение древнее (ссылаюсь на Скандинавские Саги и Эдды), никогда не было так высокопарно, как Песнь Игорева. Это воображение Восточное, похожее на Арабские и Татарские песни, а не на Греческие».

Граф С. П. Румянцев не верит Песне Игоревой, почитая ее подложною и основываясь на том, что в ней встречается имя *Солтаново*, появившееся гораздо позже XII века, новое название народа *Венедици* и местоимение *который*, неприличное будто бы тому времени. Об имени Солтана и Венедиц должно справиться, а в доказательство, что в древних сочинениях встречаются слова, совершенно похожие на новые, приводил я Его Сиятел. слово *батог*, находящееся у Нестора по древнейшему Лаврентьевскому списку. К числу прежних сомнений о Песни Игоревой граф приводит, что образ Богоматери, привезенный Пирогощею в 1160 году, перенесен был из Киева во Владимир (как сказано в примечании издателей), то как Игорь Святославич, возвратившись в 1185 году из плена половецкого, мог идти молиться в Киев Богородице Пирогощей? Самое рождение Игоря в 1151 еще более сие запутывает. Я, не могши ничего припомнить, согласился было с ним, но г. Карамзин сказал мне, что все сомнение графа произошло от смешения двух различных икон, Пирогощей и писанной Еванг. Лукою, коей перенесение из Киева должно, действительно, полагать в 1160 году.

Я еще не справлялся, но граф С. Н. Румянцев уверял меня, что поход Игоря на половцев описан пиитически и у Татищева.

На с. 3-й Песни Игоревой видно, что Боян жил во времена Ярослава, Мстислава и Романа Святославича, а на с. 37, что он

был современником Всеслава. Что он был во время Ярослава, также видно и на 44 странице.

Есть слово, сходное с *Стрикусами – Стрикало*, то же, что *Стрекало, бодило* (Церк. словарь Алексеева).

Преосвященный Евгений и архимандрит Амвросий уведомили меня, что они не в силах объяснить *семи слов* Песни Игоревой. Евгений советует справиться в книге: Slownik iezyka Polskiego przez Samuela Bogumila Linde, w Warsawie, w druckarni Piarow, 1807, в 4. В сей книге слова польские объяснены разными диалектами языка славянского.

В одной летописи Синодальной библиотеки находится описание сражения Дмитрия Донского с Мамаем, сходное с песнью, вами найденною, исключая того, что в первой пропущены многие пиитические места, находящиеся во второй.

Песнь Игорева имеет много малороссийских выражений, наприм. *помняшет, бяшет, мужаймеся, на ниче ся годины обратиша, свычай и обычай*. Далее: *шер* значит на каком-то северном языке *город*. *Харил* на китайском языке значит *брань* или *война*.

Из записок Р. Ф. Тимковского о Слове Игорева полка сохранились следующие заметки:

«1814 года, Октября 21 дня, слышал я от К. Ф. Калайдовича:

1. Что Н. М. Карамзин уверял его в том, что хранящаяся у него *Волынская Летопись* имеет великое сходство в языке с Песнью о походе кн. Игоря, и что в оной летописи встречаются слова: *харалужный* и *тлековина*.

2. Что, по мнению Н. М. Карамзина, *харалужный* значит *булатный*, а *тлековина* значит *раковина*, от слова: *тлекот*, которое значит: *устрица*.

3. Что Н. М. Карамзин уверял его, К. Ф. Калайдовича, что по сделанному им, Н. М. Карамзиным, сличению, оказалось, что Песнь о походе кн. Игоря со всею точностью напечатана против подлинника, выключая слова: *вечи Трояни*, вместо которых в подлиннике стоят: *сечи Трояни*. Касательно же поставленного в скобке слова: *Олега*, на с. 6, то это учинено для большей ясности речи.

4. Что город *Пленск* встречается в печатной *Книге большого чертежа*, сочиненной около времен Михаила Феодоровича; *Дудутки* же есть местечко вблизи Новагорода Великого и что упоминается там монастырь на *Дудутках*.

5. Что, по мнению Н. М. Карамзина, помянутая Песня о походе кн. Игоря сочинена в княжение Новагородо-Северском.

6. Что слово: *орътъма*, встречается в древних грамотах Архивских».

Сказание о Мамаевом побоище

«Сказание о Мамаевом побоище» прежде всех было отыскано Р. Ф. Тимковским в сборнике, писанном в XVII веке; но ныне известно уже таких восемь разных списков. В одних списках оно находится полное, в других сокращенное.

Историограф Н. М. Карамзин полагал, что Сказание сочинено было в исходе XV века Рязанцем, иереем Софронием, основываясь на подписи одной толстовской рукописи. С таким усвоением это Сказание долго считалось произведением Софрония.

«Сказание о Мамаевом побоище» было известно нашим старикам с XV века. Они вписали его в свои *летописи*, известные теперь у нас под названиями: *Хлебниковской, Ипатьевской, Синодальной, Никоновского* списка, и в свои *сборники*. Сие Сказание у наших стариков имело следующие заглавия:

1. *Ведай сие поведание и сказание о побоище великого князя Димитрия Ивановича Донского* – в списке Тимковского.

2. *История или повесть о нашествии безбожного Царя Мамая с бесчисленными Агаряны* – в списке толстовском.

3. *Сказание, како приходил на Русь Безбожный Царь Мамай на Великого Князя Дмитрея Ивановича* – в списке толстовском.

4. *Повесть зело изрядная о безбожном Татарском Мамае Царе; како хотел Российскую землю под свое иго подвести* – в списке толстовском.

Сказание заключает в себе: вступление сочинителя. Распоряжение В. К. Димитрия к битве с Мамаем. Поход войска. Смущение Олега и Олгерда. Переход Московского войска чрез Дон. Приготовление к битве. Приметы. Битва. Заключение.

Исторический рассказ сего Сказания не всегда верен и часто отступает от истины; иногда смешан с речами и молитвами действующих лиц. Н. М. Карамзин называл это Сказание баснословным, а И. М. Снегирев все анахронизмы приписывал позднейшим переписчикам.

Сказание было два раза напечатано. Первое издание было помещено в «Русском Зрителе», № 14, И. М. Снегиревым. Оно было выполнено отчетливо, издано со знанием дела, при сличении с разными списками. Второе напечатано отдельно, без всякого сличения с другими списками.

Сочинителю «Сказания о Мамаевом побоище» была известна «Песнь о полку Игоревом». Целые фразы, обороты выражений и самое расположение скопированы с «Песни о полку Игоревом». Плач Евдокии в Сказании и плач Ярославны в Песне указывают на явное подражание.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ

История русской литературы доселе еще не имеет полного собрания русских народных праздников. Все доселе изданное состоит или из предварительных приготовлений, или статей мелких, журнальных, мимолетных замечаний. По какому-то странному стечению обстоятельств наши историки не касаются сего предмета в истории русского народа. Для них как будто они не существуют. Правда, что история наша еще не имеет полных источников, трудов, очищенных здравою критикою, необходимых для описания народной жизни; но это еще не есть извинение. Русская археология до сих пор состоит должною во многом пред современными требованиями. Мы не имеем: ни древней русской топографии, ни грамматики русских областных наречий, ни русской систематической палеографии, ни полных русских актов, ни одной порядочно изданной летописи, ни русских сказок, ни русских областных словарей. Мы за все принимались, всему имеем опыты и для всего ровно ничего не сделали. Мы видим, что у нас есть русские истории. И что же в них есть?

Русские народные праздники представляют самые разительные черты из старой русской семейной жизни. Но это сокровище, сохраняемое народом в продолжение многих веков, начало показываться в нашей литературе только в XIX веке. Мы не говорим о прежних временах, когда на этот предмет смотрели с самой унизительной стороны. Народ не внимал ничьим возгласам; он ценил свои праздники выше своих учителей, требовавших их уничтожения. Наконец, явились люди, решившиеся сохранить народные праздники в письменах. Число этих людей так немного, как немного и самых описаний. Заслуги их доселе еще не оценены, потому что мало обращают

внимания на старую русскую жизнь. Не удивляемся сему: не мы одни первые принимаемся медленно за подобные труды.

До сих пор еще видим невероятные смешения в описаниях русской семейной и общественной жизни. Несчастная наша мифология более всего страдает от этих незнаний. В нее входит и демонология, никогда не принадлежавшая не только мифологии, но и самой русской жизни. Об ней только русские говорят; она никогда не осуществлялась у славяно-руссов как мифология. К мифологии причисляют и народные праздники, совершенно без всякого основания. Несчастная ошибка Гизеля, верившего безусловно польским записям, ввела и русских писателей в отчаянные крайности. Ладо, Купало и другие убедили описывателей народных праздников в веровании небывалого, славяно-русских богов – языческих. Никто не хочет справляться со сказанием Нестора, а считают необходимым указывать на польские записи, в которых встречаем повторение одного и того же – небывалого. К несчастью нашему, видим ссылки на путешествия чужеземцев, бывших в Русском земле. Мы, русские, изучая свою семейную жизнь, находим, что наши поселяне, жившие всегда одинаково, в неизменных обычаях и поверьях, сохранили нашу старую жизнь совершенно не в том виде, в каком изображают путешественники-чужеземцы, не знавшие ни нашего языка, ни наших поверьев, ни нашей жизни. Они описывали только то, что им пересказывали и что они сами видели мельком. Мы знаем, какой строгой присмотр имели русские за приезжавшими чужеземцами. Этого они и сами не скрывают. Мы даже теперь видим, как чужеземцы описывают нас, современников; что же было за 200 и более лет? Правда, что нашим археологам предстоит невыполнимый труд – узнавать на месте русскую жизнь. Всего легче окружить себя книгами, и из них выбирать сведения о старой русской жизни, нежели таскаться по селениям, собирать поверья и обычаи, подвергаться на каждом шагу тысячам неприятностей. Мы это говорим не в обвинение наших археологов; но лишь упоминаем о старой привычке наших писателей – пользоваться чужими источниками, очевидно, нелепыми, перепечатывать

сто раз одно и то же и выдавать за новое. Мы это доказываем самым делом. Пересмотрите все наши археологические исследования: везде видим списывание, а своего ничего. Вот почему наша литература до сих пор мало имеет самобытных сочинений для русской истории. Что же сказать о русской народной литературе, действительность которой еще не многие признают: многие ли верят, что она существует на самом деле?

Начнем свое обозрение с мелких журнальных статей, где впервые явились понятия о народных праздниках.

Слова русских людей, возвещавших важность русских народных праздников, раздались в Московских учебных обществах. В Обществе любителей Российской словесности заговорили об этом: *М. Н. Макаров, А. Г. Глаголев*. Но это было предвестие великого дела. В Обществе истории и древностей Российских начались уже основательные приготовления. Там являлись с беседами со своими описаниями *И. М. Снегирев, И. В. Васильев*. Программа г. Снегирева о русских народных праздниках сначала возбудила внимание любителей старой русской жизни; но потом об ней забыли. В. Б. Броневский поместил поверхностное описание народных праздников в «Московском Вестнике». На это описание явилось замечание, писанное в письме к издателю «Московского Вестника» в 1828 году. К этому же разряду мы должны причислить несколько других журнальных статей.

В XVIII части трудов Общества любителей Российской словесности было напечатано сочинение М. Н. Макарова: *О старинных Русских праздниках и обычаях*. Здесь находятся следующие описания:

1. *Овцарь, или овечий праздник*, совершаемый поселянами в 9-й день октября. Описыватель говорит, что этот праздник отправляют пастухи, играют на рожках, ходят с поздравлениями по домам овцеводцев; приводит отрывок из песни, напоминает о посиделках и думает, что эти посиделки есть *торжество невинности* – и только. Это было первое описание русского народного праздника. Но узнали ли мы из него свой русский Овцарь? Ожидания остались впереди!

2. *Распутье, перекресток, или пятница*. Описыватель говорит здесь о дорогах, пролегающих вместе крест-накрест в разные стороны; рассказывает, что здесь ставили идолов, но каких? Не сказывает. *Комаринскую дорогу*, обыкновенный путь татарских набегов, называет: *священною, именитою*, неизвестно почему. Говорит, что на священных дорогах, к счастью никогда не бывалых, *отличались торжеством счастливых встреч и печальных проводов*. Приводит два отрывка из народных песен. Этим все и кончилось.

3. *Река Дон*. Реку Дон описыватель, подобно Чулкову, Попову и Кайсарову, причисляет к *сонму* богов славянских. Рассказывает по-своему былину народную «Иван-озеро», приводит несколько стихов из народной песни: Дон Иванович, где вставляет небывалый стих: «Посмотреть на Ярилу!»

4. *Гречишница, или день поспева гречихи*. Описыватель хотел изобразить народный праздник, отправляемый в 3-й день июня, при посеве гречихи; но вместо этого приводит пять стихов из *какой-то чудной басни о Крупеничке*; думает, что русские забыли подлинное *имя Нимфы, или богини, покровительницы цветистой и кудрявой гречи*. Но у нас, русских, когда ж были Нимфы? Ни народ, ни письменные памятники об этом нам ничего не говорят. Далее приводится *для любопытных содержание вкратце стихотворной сказки о Крупеничке*.

5. *Баба-яга, или Ягая баба и Фаля*. Здесь встречается чудное описание: Баба-яга пожалована в *Русскую Беллону, Сивиллу, волшебницу, колдунью, ворожею*. Говорит: *«Русские Дон-Кишоты просили у бабы – оракула совета и помощи»*. Думает, что Московское урочище: *«Курьи ножки – не было ли жертвенником, посвященным в честь нашей Русской Сивиллы?»* Это предположение сам описыватель после отверг в «Телескопе», говоря о русских сказках. Он уверяет, из какой-то народной сказки, что *идол Бабы-яги состоял из одной только большой медной трубы, положенной на большом высоком камне, и находится на месте старой Рязани*; потом стоял *при впадении потока Трубежа в реку Оку, далее около берегов Переяславль-Залесского озера, а впоследствии на Трубеже Малороссийского*

Переяславля. Откуда взято это невероятное мнение? Мы надеемся, что г. Макаров со временем откажется и от этого предположения: этого требуют русские сказки. Заключает описанием, также по-своему, народной сказки о Фале.

6. *Пол-конь, или Полкан*. Это описание, рассказанное описывателем по-своему, извлечено из народной сказки. Г-н Макаров говорит: что *Полкан* был *умный, красивый, богатырь, сильный, могучий и великий наездник, обращенный колдуном в чудовище*. Здесь много несправедливого. Жаль очень, что он не поместил вполне народную песню о Полкане. Это было бы важное приобретение.

Об Овсене, старинном Русском празднике, г. Макаров, описыватель этого праздника, поместил свое описание в «Вестнике Европы» в 1826 году. Сие описание состоит из приложения народной песни и догадки, что *Овсень не был ли праздником окончания жатвы, собрания плодов и проч.; словом, уже не он ли наша Церера?* Вот еще новый подарок нашей славяно-русской мифологии! Неужели ли нам непременно надобно переселить всех чужеземных языческих богов в свою мифологию. Мы скоро встретимся с прототипом этого описания, изданного И. В. Васильевым. Вот что было сделано г. Макаровым для описания русских народных праздников! После сих приуготовительных описаний М. Н. Макаров приступил к полному изданию русских преданий, в 1838 году. В своем предисловии он писал: «…издавая одну книжку Русских преданий, может быть, я скоро издам еще несколько таких же книжек. Предупреждаю читателей, что все здесь собранное было напечатано в трудах учрежденного при Императорском Московском Университете Обществе Любителей Российской Словесности и в журнале: С. П. Бургских Новостях Русской Литературы, издан А. Ф. Воейковым и В. И. Козловым, в «Вестнике Европы», ученом Журнале М. Т. Каченовского, в «Телескопе» и в других».

«Немцы весьма недавно издали свои предания; другие Европейцы делают то же. Наши предания имеют много общего с Германскими. Печатая некоторые из них в «Московском На-

блюдателе» 1837 года, я спрашивал: не могут ли они быть в числе других исторических доказательств одного и того же Европейского происхождения Европейских народов? Не могут ли?»

«В этой книжке предания разделяются на самые древние – языческие. Такими я начинаю Русские предания: о Русалках, Леших, о Идолах Плихане, Ириле. Другие относятся уже ко временам нашей Христианской Эры; но и те все еще перемешаны с чем-то языческим: вся основа в них – основа времен темных, времен непросветленных чистою истиною; они родились очень давно, как привычные, никак не могли быть у нас покинутыми».

«Повести о провалах церквей, монастырей, городов и проч. принадлежат к чему-то непамятному в наших земных переворотах; но предания о городцах и городищах не указка ли на странствования по Русской земле первобытных Славяно-Руссов?»

В сей первой книжке помещены равно 33 описания: *Новый год у древних Россиян, Баба-Яга, Русалки, Лешие, Плихан, Ярило, Полкан, Дон и Дунай реки, Трубеж, Проемный Куст, Богатырские кости, Смоленский лес, Тростнинская церковь, Поганое озеро под Суздалем, Овечий праздник, Пятница, Коломенский прудок, город Дедилов, памятники о Кудеяре, золотая Лампада в лесу, Гроба проклятых, Лестницы в рай, город Берендеев, Пронское било, Чертово городище, Гречишница, Свадебки – Урочище под Суздалем, Робья гора, Вертязин городец, начало Данкова, казак Ермачок, Ростиславец городок, бояра – Покойники.*

Во всех сих описаниях встречаем очень много нового в сравнении с прежними известиями. Другие предметы совершенно обработаны иначе. От явных мнений М. Н. Макаров решительно отказывается. Так, в описании реки Трубеж (с. 80) говорит: «…кой-кто сказывает, что при Трубеже поклонялись Бабе-Яге». О поклонении Бабе-яге на Трубеже было сказано одним М. Н. Макаровым в XVIII части трудов Общества любителей Российской словесности, на с. 123. В числе его новых открытий мы нашли Славянский лес (с. 12) в Данковском уезде.

А. Г. Глаголев как член Общества доставил свое описание: *о характере русских застольных хороводных песней*, напечатанное в трудах Общества любителей Российской словесности, в XX т. Описыватель, рассматривая застольные и хороводные песни, упоминает: *о Красной горке, Семике, Троицыне дне, Петрове дне, Коляде, Овсене*.

И. В. Васильев доставил в Общество любителей Российской словесности описание русского народного праздника *Овсень*.

Г. Арцыбашев, известный в русской исторической литературе, написал: *Взор на обычаи древних Руссов*, напечатанное в трудах Общ. ист. и древ. Рос., ч. 2, с. 9. Здесь описаны: *старшинство постриги, браки, общежитие, нравы и упражнение, дух народный, одежда, пища, домы*.

В «Северном архиве», 1822 г., № 24, помещена была статья г-жи *Черноцкой*, переведенная с польского *Глебовичем: Остатки славянской мифологии, сохранившиеся у Белорусских поселян*. Самое название, не соответствующее описанным предметам, было дано по старому поверью – приписывать все древнее славянской мифологии. Здесь описаны: *Купало, Радовница, Русалки, Доброхочий*.

В. Б. Броневский, вызванный предложением *И. М. Снегирева*, поместил свое описание в «Московском Вестнике»: *о народных праздниках*. Г-н Броневский начинает свое описание разговором с извозчиком: *о коровей смерти*, потом – *о Красной горке*, прибавляет только несколько слов к описанию Снегирева *о дне Св. Георгия, о неделе жен Мироносиц, Русальной неделе, Семике, Троицыне дне, о Купале, Аграфене Купальнице, о празднике Солнца, Бабьем лете, о камнях Баш и Башиха*; далее приводит несколько *пословиц и поговорок*.

На это описание г. Броневского было напечатано в 1888 г. в «Московском Вестнике» «письмо к издателю от *тульского старожила – Археофила*. Здесь встречаем: дополнение к описанию коровей смерти, замечание на описание Красной горки и Русальной недели, о Семике и браках Майских, о Аграфене Купальнице и Иванове дне, о заговорах народных, о Тульских камнях и ясаках.

Совершенно в другом виде являлись описания *И. М. Снегирева*. Труды сего почтенного русского археолога столько утешительны для нашей литературы, что мы, читая их, отыскиваем забытую жизнь русского народа. Предпринимая полное описание русских народных праздников, он прежде всего обнародовал в «Московском Вестнике» (1827 г., в № 3) программу. Вскоре после сего проявились в периодических изданиях его отдельные описания народных праздников. Исчисляем их:

1. *Старинные народные Святки и Каляда*. Напечатано в «Вестнике Европы» 1828 г., № 1.

2. *Русальная неделя*. Напечатано была в «Вестн. Евр». 1827 г., № 8.

3. *Красная горка*. Напечатана была в «Моск. Вестн». 1827 г., ч. 5, с. 114.

4. *О древнем и новом Семике*. Напечатано было в «Москов. Вестн». 1829 г., ч. 5, с. 164.

5. *Радуница, Радунец*. Напечатано было в «Вестн. Евр». 1827 г., № 8, с. 105.

6. *Иван Купало*. Напечатано было в «Атенее».

7. *О Скудельницах, или Убогих домах в России*. Напечатано было в трудах Общ. ист. и древн. Росс., ч. 3, с. 335.

В 1837 году почтеннейший И. М. Снегирев приступил к полному изданию своих собраний о народных праздниках. По принятому плану он все свое собрание издал в 4 книжках. В первой книжке помещено: *Введение*, во второй: *Святки, Овсень, Масленица*; в третьей: *Встреча весны, Красная горка, Радуница, Первое апреля, Свистопляска, Юрьев день весенний, Первое Мая, Праздник Кукушек, Семик, Троицын день, Власов праздник, Вербная суббота, Убогие домы, Вьюнишник*; в четвертой: *Русалки и Русалии, Купало и Купальница, Ярило, Петровки, Баш и Башиха, Земледельческие праздники, Семен день, Осенняя родительская, Свадьбы*.

В его Введении изложено обозрение простонародных праздников и обрядов в России – *Великой, Малой, Белой, Черной и Красной* (с. 6). Обозрение начинается от славяно-русской мифологии (с. 10).

«Великий К. Владимир... в язычестве своем вместе с соединением разных народцев, населявших тогдашнюю Русь, соединил в стольном граде своем и семь главных божеств, именно: Перуна, Волоса, Даждь-Бога, Стрибога, Хорса, Семаргла и Мокоша… Под влиянием Христианства народ, забывая наконец своих главных богов, припоминал только второстепенных и особенно Мифы физические, кои имеют предметом олицетворенные явления и силы естества, или символы житейских потребностей; каковы: Ярило, Купало, Лад, Чур, Авсень и Таусень, Зничь, Веснянки, Осенянки и Зимнянки, Водяны или Водяные, Моряны, Огнеяны, известные и Карпато-Руссам, Ветряны, также Русалки, Кикиморы, Карачуны, Яга-баба и Ведьмы. По мнению народа, в лесах владычествовал Леший, в полях Полевой, в домах дедушка Домовой, который бывал и Постенем, а в подпольях Лизуном».

Из этой основной идеи почтеннейший И. М. Снегирев выводит основание простонародных праздников, разделяя их по *времени* и *месту* (с. 21). В первом случае он разделяет праздники на древние и новые – одни образованные в язычестве и удержавшиеся до XVIII века, другие появившиеся с XVIII века. Далее следует разделение праздников на *весенние, летние, осенние и зимние*, а по годовым временам на *подвижные* и *неподвижные*. В отношении обрядов некоторые праздники у него называются *обетными*.

Предполагая, что праздники и поверья легко могли быть заимствованы от других народов, он разделяет их на *отечественные* и *заимствованные*. При том взгляде на праздники И. М. Снегирев обращается к исследованию греческих мифов с индейскими. По этому изысканию, наш Перун встречается в богоучении восточных индийцев с указанием на путешествие по Индии Соннерата (с. 59). *Купало* имеет сходство с индийским *Копалом*. Первого мая есть праздник греческий, наши хороводы, игры, родительские, птицеволхование, литье воска в воду, колдование – заимствованы от греков. Грекоримское влияние на Россию, по мнению И. М. Снегирева, образовало особенные поверья и обычаи – в быту, в законах, в

календаре, и что такое влияние переходило к нам чрез немцев и литовцев. Самые свадьбы наши, по его мнению, имеют много римского (с. 71).

Влияние скандинавской мифологии, по его мнению, находится в Перуне, Волосе. Наш суженый будто явился из Скандинавии. В Семицком четверге он видит празднество Тору, или Туров день (с. 74). 23 апреля – день Егорьев с своими обрядами существовал в Скандинавии в празднествах Тору.

Влияние германской мифологии И. М. Снегирев допускает в обширном смысле и говорит, что Русь заморская принесла в мир славянские туземные предания, поговорки и пословицы, кои у нас обрусели (с. 78). Поклонение в горах, заповеданных рощах, дремучих лесах, благоговение пред огнем, водою, поклонение под дубом и липою, большими камнями сходствует с древними немецкими и англосакскими (с. 80).

Влияние финских племен на нашу мифологию также допускает И. М. Снегирев. Он находит у них следы верования на Перуна, Ивановские огни, колдовства кудесников (с. 89).

Влияние литовской мифологии, по его мнению, отражается более всего в наших обрядах. Литовский Перкун, домовые, злыдни, Постень, Мавки, благоговение к камням, горам, рекам, рощам. Литовский календарь, Купайло, Зажинки, Поминки, Каляда. Свадьбы – весьма много имеют сходного с славяно-русскими поверьями.

Верования чехов и поляков, по основательному замечанию Бандтке, перепутаны с римскими мифами, и потому-то влияние их на славяно-русскую мифологию подвержено большему сомнению. Почтеннейший И. М. Снегирев, следуя указаниям Длугоша, Меховского и Бельского, старается отыскать сходства в Ивановской ночи, Купале, Бабьем лете, Масленице.

После такого обозрения почтеннейший И. М. Снегирев переходит к рассмотрению славянских мифографов (с. 131). В их описаниях он явно отличает истинные и мнимые божества. Полагает, что из Рюгена и Ретра распространялись поверья на юг и северо-восток, в Перуне видит общее божество славян; в Велесе находит сходство с скандинавским Валиасс;

приводит указания из Длугоша и Бандтке, что фетишизм господствовал в Пруссии и Литве (с. 137).

Из означения года и разделения его на времена и месяцы он выводит разделение праздников на весенние, летние, осенние и зимние. Местные праздники причисляет отдельным славянским племенам. Отселе опять переходит к вторичному рассматриванию народных праздников (с. 139): Коляды, Купало, Бабьева лета, Юрьева дня.

В названиях Руси: Красной, Чермной и Белой – он находит сходство с Перуном, Черно-богом и Бело-богом и полагает, что в этой трехцветной Руси остались более заметные следы славянского язычества; что идея о Красном, Русом, Чермном есть господствующая в славяно-русском мире; что Красная Русь была главным рассадником славяно-русского богоучения и богослужения, и откуда они распространялись на запад и восток России. Эта идея привела почтенного изыскателя к тому, что Владимир, собравши седмерицу богов в Киеве, должен был перевести их из Красной Руси (с. 153, 154).

В поверьях, обычаях и мифах Чермная Русь имеет сходства с преданиями красно-русскими и волынскими. Белая Русь совпадает с обычаями польскими и литовскими и есть одинаковые праздники с малороссийскими и великороссийскими.

Остатки украинской мифологии, он полагает, сохранились в мифических и обрядовых песнях, в сказках, поговорках и обычаях. В Веснянке видит польскую Марану, великорусскую Радуницу сравнивает с Гробками, в Криницах видит Русалок.

После сего почтенный изыскатель обращается ко вторичному обозрению великорусских праздников общих и местных (с. 177), а потом к новому разделению праздников на городские и сельские. В сельских полагает (с. 191) сосредоточие требищ, мольбищ, игрищ, и что поросты и городища составляли такое сосредоточие. Времена сельских празднеств определялись летним и зимним солнцестоянием, прилетанием и отлетанием птиц, развертыванием и падением листьев, замерзанием и вскрытием рек, началом и концом

полевых работ. Из этой категории возникли: праздники земледельческие и пастушеские.

Рождение, свадьбы и смерть составляли особенные народные праздники и обряды. К первому разряду принадлежат: родины, размывание рук, опоясывание, постриги и посаждение на коня, именины; ко второму: рукобитье, посиделки, сговоры, девичники, венчанье, княжый стол, баня, поезды по родным; к третьему: похоронные поминки, третины, девятины, полсорочины, сорочины, полугодовщина, годовщина.

Вот обширная канва, по которой почтеннейший И. М. Снегирев решился исследовать наши народные праздники. Он первый обратился к сравнительным объяснениям, первый положил начало критического исследования славянских преданий. При таком обширном объеме он невольно увлекался мнениями других и допускал тождество мифологии и демонологии. В его сравнительных исследованиях славянских преданий видим неразработанные источники, материалы, ожидающие будущих делателей. Будь это его Введение обработано систематически, оно было бы у нас образцовым сочинением, книгою справочною для исследователей. Теперь обратимся мы к его частным описаниям.

Святки. Название и большая часть святочных игр, он полагает, перешли на север с юга и запада России, и что самые Святки на славянских наречиях означают праздники. Обозрение Святок он начинает с малороссийской Коляды и возводит от римлян, сравнивает с скандинавским Юльским, праздником Тора и Одина, сличает с подобными английскими, голландскими и германскими празднествами. Великорусские Святки, по его мнению, состоят из славленья, наряженья и загадыванья. Приводит из книг песни, обряды, гаданья и выписывает загадки. В хождении по домам с вертепом и звездою находит сходство с Западною Календою. Славление по домам допускает только со времен Алексея Михайловича. В описание Святок приводит празднование новолетия, установленное Петром Первым. Из всех его выводов о Святках вышло то, что Коляда перешла на север России с юга и запада, что гаданья

и переряживанья имеют связь с демонологиею и астрологиею, что предмет святочных мифов есть природа и жизнь. В дополнение к Святкам изыскатель приводит из печатных книг песни колядские, подблюдные, круговые. Последний отдел песен решительно не имеет никакой связи с Святками, и сам изыскатель признает, что они свадебные (с. 102), хотя между ними находятся хороводные и плясовые.

Авсень. Почтеннейший И. М. Снегирев приурочивает Авсень к Святкам и говорит, что так называется канун Нового года, Васильев вечер, и что в некоторых местах он же составляет и Коляду. Он Авсень считает старинным земледельческим праздником, прообразовательным обрядом обсевания, отчасти сходным с древним обрядом осыпания при бракосочетании молодых. К описанию Авсеня присоединены песни из печатных книг. Соединяя с Колядою Таусень, он считает его только местным народным праздником, и что это сочетание намекает на соединение мифов разноименных народов на Руси. Такое предположение и доказательства не имеют правдоподобия. Созвучие и сходство в словах увлекали у нас на Руси многих к ошибкам. В числе Авсеневых песен мы опять под № 3 нашли песню свадебную, а под № 4 не только не песню, но причитывание старушек в детских играх.

Масленица. Масленицу наш археолог называет годовым, разгульным праздником народа. Потом следует номенклатура ее по-французски и по-немецки, сравнение с Вакханалиями (с. 116) и нынешним карнавалом. Далее приложены выписки (118) из нелепого известия о Московии. Масленицу он разделяет на четыре части: встреча, разгул, широкий четверг и прощанье. Обряды Германии католической, приводимые им, совсем не нужны для сравнения русской Масленицы. Выписка из русской старины Корниловича о праздновании Масленицы Петром I и местные обряды по городам еще напоминают, что наш археолог говорит о Масленице; но поверка этих местных обрядов в Саксонии, Лаузице, Богемии и Селезии (с. 130) затемняет только русский быт, и указание на них сделано совсем некстати. И здесь опять на Масленице

явилось празднование Коляды! Это явная натяжка по любимой идеи археолога.

Встреча весны. Встреча весны составила у нашего почтенного изыскателя особенный праздник, отдельный от Красной горки. Начиная всегда свои изыскания номенклатурою, он прямо переходит от нее к допотопным временам (с. 2). Наконец, на 12 с. находим, что в Смоленской губернии кличут весну в день Евдокии, на *Сороки*, а в Буйском уезде в Великий четверток, в Тульской губернии с Фоминой недели. Из всего этого выходит, что праздник – Встреча весны – принадлежит к Красной горке. Иначе и быть не могло.

Красная горка. Наш почтенный археолог прямо говорит, что Красная горка есть один из народных праздников Красной весны (с. 18). Отсель у него начинается разыскание о горах и о слове *красный*, по которому выходит (с. 24), что Красная горка значит красивое и увеселительное местоположение. Игра «Горелки» также причислена у него к Красной горке. Разыскания о припеве песенном Лада увлекло нашего археолога к литовской мифологии. Взгляд на местные обряды очень любопытен и заслуживает предпочтение всем изысканиям, тут приводимым. К Красной горке отнесено у него Сеяние проса и игра «Сходбище». Мы в этом не согласны с изыскателем, потому что обе эти игры повторяются во все времена года. Мы видали их даже в Москве зимою, на свадьбах, в комнатах, и такие встречи попадались нам и в других городах.

Радуница. После номенклатуры археолог наш называет Радуницу заупокойным праздником; его изыскания о местности и древности Радуницы показывают, что это не праздник народный, а просто обряд церковный.

Первое апреля. Мы не понимаем, почему почтеннейший И. М. Снегирев Первое апреля причислил к русским народным праздникам. Такого праздника наш народ никогда не праздновал.

Свистопляска. Воспоминание жителей Вятки о несчастном событии с их предками в 1480 году – отправлять поминовение на могилах – подало повод нашему археологу

составить народный праздник. В этом виноват г. Хитрово, доставивший Московскому историческому обществу описание сражения вятичей.

Юрьев день весенний. После почти всемирного обзора народов почтеннейший И. М. Снегирев переходит к тому, что Егорьев день не только церковный, но и народный праздник, сопровождаемый у греков, скандинавов, немцев и славян разными приметами, обрядами и весельями. В северной России, говорит он (с. 74), в этот день бывает первый всенародный праздник с открытия весны; между простолюдинами он то же, что в городах первое мая.

Первое мая. Первомайский праздник, говорит нам археолог, у городских жителей есть первое весеннее гулянье за городом в роще. Далее: это гулянье, не известное в сельском быту на Руси, есть иностранное и новое. После этих слов и мы не будем считать Первое мая русским народным праздником.

Праздник Кукушек. Вот еще новый праздник для нашего народа. Почтенный изыскатель, увлекаясь верованиями римлян и литовцев в птицеволхование, придает почти одинаковые действия и нашим кукушкам. Один обряд из народного праздника Семика, совершаемого в Тульской губернии, когда сходятся две кумы для кумования, послужил нашему археологу к составлению особенного народного праздника.

Семик. Наш почтенный археолог Семик называет девичьим праздником (с. 29). Описание этого Семика не имеет местных, самых любопытных и важных для народности подробностей. Указание на празднование Черемис кажется совершенно лишнее (с. 107), равно как и немецкие обряды (с. 110). К концу приложены из печатных книг обрядные и хороводные песни под названием Семицких.

Троицын день. Почтенный наш археолог Троицын день почитает отдельным народным праздником – от Семика. Между тем, как далее говорит, что исторически нельзя определить происхождение Семика и Троицких игр (с. 128). В самом деле, выходит, что он хороводные игры и семицкие обряды, отдель-

но взятые, почитает за народный праздник. Все это вышло от того, что местные обряды и обычаи, разбросанные по разным городам и селениям, имеющие свои отличия, подали повод к отдельным идеям; эти-то отдельные идеи, как особенные черты русской народности, подали мысль нашему археологу считать их за особенные празднества. Семик, Троицын день и праздник Кукушек составляют одно народное празднество: разность только в местных обрядах и хороводах.

В дополнительных статьях к третьей книжке мы находим: Власьев праздник, Вербную субботу, Убогие домы и Вьюнишник.

Описание Власьева праздника мы скорее бы отнесли к славяно-русской мифологии, нежели к народным праздникам. Все предположения, здесь приводимые об опахивании, Масленице, о перенесении мифа заморскими выходцами на юг и север России – ожидают больших изысканий.

Вербная суббота принадлежит исключительно русской церковной истории. Сам археолог описывает более старинные церковные обряды.

Описание Скудельниц или Убогих домов также неправильно отнесено к народным праздникам. Ямник, с сараем наверху, куда свозили умерших, часовня, стоявшая близ ямника, крестный ход, совершаемый из ближайшей церкви к ямнику в Семицкий четверг – вот предметы, совершенно чуждые народных увеселений.

Вьюнишник принадлежит к весенним обрядам Красной горки. Местное торжество народа, начинающееся за день до Красной горки, в одной Нижегородской губернии, в Семеновском уезде, не может составлять особенного народного праздника.

Русалки и Русалия. Русалки, составляющие на Руси отдельный миф из русской демонологии, существа, олицетворяемые в понятиях народа в известное время года, не могут входить в число народных праздников. О них можно было бы сказать только при описании Святок и Семика. В это время миф о русалках проявляется в суеверных головах; но чтобы

русский народ в честь русалок отправлял особенное празднество – этого никогда не бывало ни прежде, ни ныне.

Купало и Купальница. Народное празднество всего славянского мира, известное под именем Купальских огней, Суботок. Прежние наши мифографы считали Купало за особенного славяно-русского бога. Наш археолог находит начало Купальских огней у иудеев, индийцев (с. 23), греков, римлян, у англосаксов, немцев, датчан, финнов, поляков, литовцев, ссылается на капитулярии Карла Великого, по указанию Ренваля, находит подобные обряды у Мальтийских рыцарей. Собственно Купальское празднество принадлежит исключительно у нас малороссам, а у великорусов существуют только народные игры, зарывание трав, доставание из дерева огня, из долин корня травы плакуна и папоротников цвета. И все это у нас, великорусов, известно под именем Иванова дня, а не Купалы. Ивановский огонь у нас был повсеместным в XVI столетии и запрещался Стоглавым Собором. Наш археолог в Купальнице отыскивает идею водопоклонения, а в Купале идею травоволхования. Кажется, что это требует больших доказательств, и по всем, доселе известным фактам нимало не подтверждается. Приложенные им Купальские песни служат явным доказательством.

Ярило. Особенное местное празднество народа, известное в старине и по Стоглаву под именем Наливок, было совершаемо в Тверской, Костромской, Владимирской, Нижегородской, Рязанской и Тамбовской губерниях. Мы благодарны почтеннейшему нашему археологу за собрание местных обычаев и обрядов празднества Ярилы. Заметим, что этот Ярило не везде называется так. В Ярославле его величают Солониною, а в Нерехте – Конюховкою.

Петровки. Народное гулянье в день Петра и Павла повсеместно в России. Петровские хороводы, называемые только по времени их отправления, и игры не составляют особенного народного праздника. Но наш археолог составил из местных празднеств и увеселений особенный праздник. Мы не верим, чтобы с Петровками соединялись у простого народа обряды и обычаи, носящие на себе печать древнего быта и

древних поверий; не верим также тому, чтобы этот праздник совершался в честь Солнца, боготворимого под именем Купало или Ладо (с. 68). Начнем и кончим тем, что наши славяно-руссы не имели в числе своих богов ни Купало, ни Ладо. Этого не говорит ни народ, ни Нестор.

Баш и Башиха. Уважение к большим и малым камням как к памятникам народным рассеяно по России во многих местах. Но чтобы Баш и Башиха, так называемые два камня, находящиеся в Тульской губернии, Одоевском уезде, в селе Башеве – составляли народный праздник – никогда не слыхано и не видано на Руси.

Земледельческие праздники. В числе земледельческих праздников помещены: покос, жатва, опашка, замолот, помочь или толока. В легких очерках почтенный археолог представил сельские обряды, совершаемые при сих празднествах. Празднество покоса, отправляемое в наших степных губерниях, ускользнуло из видов изыскателя. Вообще, все это отделение не имеет подробностей, даже нужных для точного изображения описываемых предметов.

Семен день. Начало нового лета, первый день сентября предки наши называли Семен день. Здесь начиналось и Бабье лето. Первая неделя нового лета называлась Семинскою. С этим днем соединялось у наших предков: встреча нового лета, явки на суд, начало бабьих работ и заситки, братчины, похороны мух и хороводы. Почтеннейший И. М. Снегирев обратил все внимание на описание встречи нового лета, как это изложено в Требнике, 1639, в Чине летопровождения, помещенном в Древней Вивлиофики (ч. VI), и в одном немецком путешествии. Олеарий также был свидетелем нашего нового лета. Судный срок описан очень кратко.

Осенняя родительская. В числе поминальных обрядов, отправляемых осенью, известны: Дмитриевская и Покровская субботы. Первая назначена В. К. Дмитрием Ивановичем Донским, а вторая известна только в одной Сибири. Не знаем и не ведаем, почему почтенный археолог решился включить родительские поминки в число народных праздников.

Свадьбы. Взгляд краткий и почти беглый о русских народных свадьбах самого изыскателя предшествует описаниям двух свадеб Костромской губернии, составленных по запискам кн. Козловского и М. Я. Диева.

Таков обширный план описаний русских народных праздников, приводимый ныне в исполнение нашим первоклассным археологом. Богатство иностранных источников, пособия местных жителей и собственные наблюдения были его основными материалами. Часто излишнее доверие к иностранным источникам, иногда словопроизводство затемняли разыскания и отвлекали от настоящего предмета. Чужие местные наблюдения, принятые им за верные источники, часто также грешат против достоверности; но все это так ничтожно пред трудом его, что в будущих изданиях может быть легко исправлено. Труд вековой, труд, исполненный со знанием дела, поставляет заслуги почтеннейшего И. М. Снегирева выше всех предшественников. Благодарность современников, благодарность потомства будет лучшею наградою его заслуг. Дело во славу родины есть дело великой важности.

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖИЕ

ПРЕДАНИЯ И СКАЗАНИЯ О РУССКОМ ЧЕРНОКНИЖИИ

Народные предания

Тайные «Сказания русского народа» всегда существовали в одной семейной жизни и никогда не были мнением общественным, мнением всех сословий народа. Века и события, изменявшие Русскую землю, обновляли людей вместе с их понятиями; но в этих обновлениях не могли участвовать все народные сословия. Люди, близкие к престолу, люди, участвовавшие в служении Церкви, люди, исполнявшие общественные должности по городам, более всех обновлялись; люди промышленные участвовали в обновлении исполнением только нужд, примыкали к людям с обновленными понятиями, но никогда не выходили из границ семейной жизни; люди сельские всегда и постоянно находились в семейной жизни. Взгляните на их занятия в XIX веке. Они одни и те же, какие были в X, XII и XVIII веках: там и здесь земледелие, там и здесь сельская промышленность, там и здесь поверья. Люди, обновлявшие свою жизнь, оставляли понятия и поверья, противные образу их действования; люди, оставшиеся в неизменной жизни, никогда не изменяли ни своих понятий, ни своих поверий. Вот от чего в рассказах поселян мы доселе слышим были о старой русской семейной жизни.

Предания русского народа вмещают в себе все подробности тайных сказаний, передаваемых из рода в род. Наши письменные памятники намекают о них тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредные следствия. Представляем здесь словесные предания русского народа о тайных сказаниях чернокнижия, известного доселе нашим простолюдинам.

Словесные предания русского народа говорят, что люди, посвятившие себя тайным сказаниям чернокнижия, отрекались от бога, родных и добра. Так понимали этих людей предки, так теперь думают современники нашей сельской жизни. В старину олицетворителей тайных сказаний оглашали разными названиями. Одних величали кудесниками, чародеями, ведунами, колдунами; других называли волхвами, ворожеями, знахарями, доками. Но все эти люди известны были под общим именем чернокнижников. Мы не можем теперь обозначить этого отличия, как не можем сказать: в чем заключалось чернокнижие наших предков? Вероятно, что умственное образование, сообщаясь всем сословиям, изгладило из народной памяти различие этих олицетворений. Но народ доселе еще хранит в памяти предание о чернокнижии, доселе еще думает о возможности его бытия.

Говоря о чернокнижниках, наши поселяне уверяют, что они научаются лихому делу от чертей и всю свою жизнь состоят в их зависимости. Заключая с духом условие на жизнь и душу, они получают от них Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяниями. Всякий чернокнижник, умирая, обязан передать эту книгу или родственникам, или друзьям. Во многих селениях есть поверья, не оспариваемые ни веками, ни людьми, поверья, что умершие чернокнижники приходят в полночь, одетые в белые саваны, в дома своих родственников. Это бывает только с теми, которые забывают передавать при смерти Черную книгу. Старики рассказывают еще, что полночные посетители шарят по всем местам, садятся за стол и съедают все им предлагаемое. Другие же, напротив, уверяют, будто они, приходя к дому, стучат в двери и окна, истребляют всякий домашний скот и при пении последних петухов исчезают. Родственники, выведенные из терпения, выкапывают чернокнижников, кладут их во гроб ничком, подрезывают пятки, засыпают землею, где в это время дока шепчет заговоры, а родственники вбивают осиновый кол между плечами. Старики рассказывают, что когда-то один удалый молодец вздумал почитать оставшуюся книгу после чародея. Во время чтения

явились к нему черти с требованием работы. Сначала он им предлагал работы легкие, потом трудные; но черти все являлись за новыми требованиями. Истомленный выдумками для отыскания работ, он не находил уже более для них занятия. Неотвязчивые черти задушили удалого молодца. С тех пор, говорят, никто не смеет приближаться к Черной книге. По уверению народа, одни только колдуны знают, чем занимать чертей. Они посылают их: вить веревки из воды и песка, перегонять тучи из одной земли в другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слонов, поддерживающих землю.

Народ никогда не любил чернокнижников, как врагов семейной жизни. Чародей бывает ли на свадьбе – он портит или жениха, или невесту, или гостей. Видит ли кудесник дружную жизнь в семействе – он портит мужа с женою, отца с сыном, мать с дочерью. Поссорится ли знахарь с поселянкою – он присаживает ей на нос килу. Обойдут ли колдуна приглашением на свадьбу – он бросает порчу на дорогу, где проезжает поезд, и тогда свадьба сбивается с толку. Испортит ли ведун женщину – она лает собакою, мяучит кошкою, и, когда положат на нее запертый замок, она выкликает своих недоброжелателей.

Старушки говорят, что порчи, произведенные чернокнижниками, бывают временные и вечные. Временные порчи отговариваются в деревнях доками, вечные же остаются до конца жизни. Молва народная гласит, что чародеи могут испортить человека за тысячу и более верст, выпуская из-за пазухи змею или ужа, которые залезают в чрево, и тогда кликуша чувствует, что порча подкатывается под сердце и лежит, как пирог. Чернокнижник, несмотря на свою злость к людям, никогда и никого сам собою не портит. Все это делается по просьбе людей враждующих, по неотвязчивости молодежи, желающей навести сухоту на красу девичью и на молодечество. Любовь, выражаемая в селах сухотой, слывет напущением. В этом случае простолюдин, заметивши красоту девичью с сухотою, говорит: «Это неспроста – здесь замешалась чертовщина». От этого вошло в пословицу в сельском быту говорить при взгляде на непросыпного пьяницу, записного игрока: «Это

напущено». Кроме этого, чернокнижникам приписывают обморочанье, узорочанье, обаяние.

Обморочить, слово, столь часто повторяемое в русских избах, выражает собою полное могущество чернокнижника. Ясно простодушие поселянина: обморочанье есть обман. Чародей, пленившись какою-нибудь вещью, уверяет хозяина, что в ней водится нечистая сила. Как не поверить чародею, знающему всю поддонную, видящему в землю на семь пядей! Простодушный со страхом вручает вещь, а чародей навсегда остается полным ее владетелем. И это значит обморочить. Так точно цыгане успевают уверять поселянок, что в их коробах, наполненных деньгами и вещами, завелись мертвые мыши. В таком случае, избавляя от мышей, они избавляют их от денег и вещей. И это значит тоже – обморочить. В народном рассказе сохранилось еще выражение, составленное из этого слова. Когда простолюдина уверют о предмете против его понятия, он говорит: «Что ты меня морочишь?»

Узорочанье есть снадобье, приготовляемое для порчи чародеями, слова, выговариваемые кудесниками. Наши поселяне так верят в узорочанье, что никакими доказательствами неможно их переуверить. Дадут ли старухе снадобья от лихорадки – она думает, что узорочанье истребляет ее болезнь. Привесят ли ей записку к ладонке – она уверена, что узорочанье спасает ее от всякого колдовства.

Обаяние есть чудесная сила, истекающая из кудесника, приводящая в недвижимость, в страх и трепет всякого человека. Воры обаянием усыпляют хозяев, зажимают рты собакам, смиряют свиней, утоляют ярость змей, усмиряют лошадей. В этом как-то нечаянно сошлись наши поселяне с магнетизмом Месмера. Желательно знать: обаяние ли прежде существовало или магнетизм Месмера?

Рассказы бывалых людей о существовании Черной книги исполнены странных нелепостей. В их заповеданных рассказах мы слышим, что Черная книга хранилась на дне морском, под горячим камнем Алатырем. Какой-то злой чернокнижник, заключенный в медном городе, получил завет от старой ведьмы

отыскать книгу. Когда был разрушен медный город, чернокнижник, освободясь из плена, опустился в море и достал Черную книгу. С тех пор эта книга гуляет по белому свету. Было когда-то время, в которое Черную книгу заклали в стены Сухаревой башни. Доселе еще не было ни одного чернокнижника, который бы мог достать Черную книгу из стен Сухаревой башни. Говорят, что она связана страшным проклятием на десять тысяч лет.

Говоря о Черной книге, наши поселяне уверяют, что в ней содержатся чертовские наваждения, писанные волшебными знаками. Но наши предки XVI столетия знали подробнее нас, современников. Они к Черной книге причисляли: *Рафли, Шестокрыл, Вороноград, Остромий, Зодей, Альманах, Звездочеты, Аристотелевы врата*. Мы ничего не можем сказать об этих книгах, потому что ничего о них не знаем.

Вот образчики народных преданий из русского чернокнижия. Рассматривая их, каждый может убедиться, что они всегда существовали под покровительством невежества. Скрываемые в семейной жизни, как заповедные тайны, сказания переживали века и людей и, осеняемые чудесным вымыслом, успели обольстить простодушные сердца.

Древние русские сказания

Старые записи грамотных людей, дошедшие до наших времен, уверяют нас в давности тайных сказаний русского чернокнижия. Они, как вековые памятники, указывают нам на времена и обстоятельства, среди которых являлись люди с предрассудками и заблуждениями. Прочитаем эти записи.

«Лета 6632 (1124) восташа Волхви лживие в Суздале, избиваху старую чадь, бабы, по диаволю поучению и бесованию, яко сии держат гобино и жито, и голод пущают, и бе мятеж велик, и глад по всей стране той, яко же мужу своя жена даяти, да ю кормят себя челядином.

Прииде Волхв прельщен бесом, и пришед к Киеву (в 1071 г.), глаголаше сице: поведая людем, яко на пятое лето

Днепру тещи на вспять, а землям прийти на иная места, яко стати Греческой земли на Русской, а Русской на Греческой, и прочим землям изменитися, его же невегласи послушаху, вернии же насмехахуся, глаголюще: бес тобою играет на пагубу тебе. Се же и бысть ему; во едину убо нощь бысть безвести. Беси бо, подтокше, на зло водят, по сем же смеются, ввергши в пропасть смертную, и научивши глаголати, яко се скажем бесовское научение и действо.

Бывши бо единою скудости в Ростовстей области, восташа два Волхва от Ярославля, глаголюще: яко мы свемы, кто обилие держит. И идоста по Волзе и приидоста в погост; ту лучшая жены наричуше, глаголюще: яко сия жито держит, а сия мед, а сия рыбу, а сия скору. И привожаху к ним сестры своя, и матерь, и жена своя; они же в мечте прорезоваша им за плечом, и выимаста любо жито, любо рыбу, любо белку. И убиша многи жены, имения их отнимаху за ся; и приидоста на Белоозеро; и бе у них иных людей триста.

Случися прийти от Святослава дань емлюще Яну сыну Вышатину, и поведаша ему Белозерцы, яко два Волхва пришли, и ужа многих по Волзе и по Шексне погубили, и пришли еще семо. Ян же испыта, чьи есть смерди; и увидев же Ян яко князя его, и посла к ним, иже около его суть, и рече: выдайте Волхвов тех семо, яко смердиев князя моего и мои; они же сего не послушаша. Ян же сам пойде без оружия. И реша ему отроцы его: не ходи без оружия: иссоромотят тя. Он же повеле взять оружие отроком, беста бо с ним 12 отрок, и пойде с ними по лесу; они же сташа, испочнившеся противу. Яневи же идущу с топорком, выступила от них три мужа и приидоша к Яневи, рекуще ему: видя, что идеши на смерть, не ходи. Яневи же повелевшу бити я, к прочим же пойде; они же сунушася на Яна, един же грешись топором. Ян же оборотя топор и ударя тыльем, повеле отроком своим сечи их; они же бегоша в лес; убиша же ту попина Янева. Ян же шед во град к Белозерцом, и рече им: аще не имете Волхвов тех, не иду от вас за лето. Белозерцы же шедше, яша их и приведоша их к Яневи. И рече им Ян: что ради толико погубиста человек? Онем же рекшим:

яко ти держат обилие; да аще истребим сих, да будет гобина; и аще хощеши, пред тобою вымем жито, или рыбу, или иное что. Ян же рече: поистине лжа то есть: сотворил есть Бог человека от земли, составлен костьми и жилами от крове и несть в нем ничто же, но токмо Бог един весть. Они же глаголаста: вемы, како есть сотворен человек. Ян же рече: како? Они же реста: Бог мывся в мовнице и, вспотев, отреся ветхом, и сверже с небеси на землю; и распреся сатана с Богом, кому в нем сотворите человека. И сотвори диавол человека, а Бог душу в он вложил; тем же аще умрет человек, в землю идет тело, а душа к Богу идет. И рече им Ян: по истине прельстил есть вас бес. Коему Богу веруете? И реша: Антихристу. Он же рече им, то где есть? Они же рекоша: сидит в бездне. И рече им Ян: то кий-то Бог сидит в бездне? той есть бес, а Бог есть на небесех, седит на престоле славимый от Ангел, иже предстоят ему со страхом, не могуще нан зрети, а сих ангел свержен бысть за гордость с небеси, его же вы глаголете Антихриста, и есть в бездне, яко же вы того глаголете, ждуще, егда снидет Бог с небеси, сего Антихриста ем, свяжет узами, и посадит в огне вечнем с слугами его, иже к нему веруют; вам же и зде приятии мука у меня и по смерти тамо. Онем же глаголющим: наши бози поведают – не можеши нам сделать ничесо же. Он же рече им: лжут вам бози ваши. Они же реша: нам стати пред Святославом в Киеве, а ты нам не можеши сотворить ничесо же. Ян же повеле бити их и торгати брады их. Сим же биенным и поторганным, рече им Ян: что вам бози ваши скажут? Онем же глаголющим: стати нам пред Святославом. И повеле Ян клёп вложити во уста их, и привязать их ко упругу, и спустити пред собою в лодьи, а сам за ними пойде и сташа на усть Шексны. И рече им Ян: что вам бози ваши поведают? Они же реша: тако молвят бози наши – не быта нам живым от тебя. И рече им Ян: то вам право поведали. Они же рекоша: аще нас пустиши, много ти добра будет; аще ли нас погубили, то многу печаль приимеши и зло. Ян же рече: аще вас пущу, то зло ми будет от Бога. И рече Ян к повозникам: аще кто у вас убиен бысть от сих? Одни же реша: у меня мати; а другие рече: у меня сестра,

у меня жена. Ян же рече им: мстите своих. Они поимше их, биша и возвесшпа их на дуб, отместие приимше от Бога и о правде Яневи же идушу восвояси, в другую ж ночь медведь взлез угрызе их, и тако погибоша напущением бесовским. Инем ведуще и глаголюще: а своя погибели не сведуще; аще быста ведали, не бы пришли на место се, иде же ятыма быти има; аще и ята быста, почто глагоста: не умрете нама, оному мыслящу убита я. Но се есть бесовское наущение; беси бо не ведают мысли человеческия и тайны не сведуще; Бог же един весть помышления человеческия; беси бо не ведают ничто же; яко и се скажем о взоре их и о немощи и обморочении их.

Ключися некоему Новгородцу приидти в Чудь, и прииде к кудеснику, хотя волхвований от него. Он же, по обычаю своему, хотя начата, и начат призывати бесы в храмину свою. Новгородец же той седе на пороге тоя храмины. Кудесник же лежаше, оцепенев и шибе им бес. Кудесник же встав, рече Новгородцу: бози не смеют приидти, нечто имаши на себе, его же боятся. Он же воспомяну на себе крест; и отшед, поставя крест, кроме храмины тоя. Он же начат призывати опять бесы; бесы же, метавше им, поведа-ша, чего ради пришел есть? По сем же начат вопроша-ти его, его же носит на себе креста. Он же рече: то есть знамение небесного Бога, его же наши бози боятся. Он же рече: то каци суть бози ваши? да где живут? Он же рече: бози наши живут в безднах, суть же образом черны, и крылаты и хвосты имуще; восходят же и под небо, слушающе ваших Богов, ваши ж Боги на небесех суть; да аще кто умрет от ваших людей, то возносим есть на небо; аще ли кто от наших людей умрет, то носим есть к нашим богам в бездну, яко же бо есть и грешницы во аде ждуще муки вечные, а праведницы в небесных жилищах водворяются со ангелы. Сице бо есть бесовская сила и лепота и немощь, тем же прельщают человеки, веляще им глаголати видения, являющеся им, несвершенным верою, во сне, инем в мечте, и тако волхвуют научением бесовским. Паче женами бесовская волшвления бывают; изкони бо бес их прельсти, а жена мужа, такожде в родех мнозех все жены волхвуют чародейством, и

отравою и иными бесовскими бездми, но и мужи прельщены бывают невернии от бесов, яко же се в первые роды.

Предивно бысть в Полотске, в мечте бываше в нощи, стоняше тутно по улице, аки человецы рищуще беси. Аще кто вылязаше из хоромины, хотя видети, и уязвлен бываше невидимо от бесов язвою, и с того умираху, и не смеяху излазити из хором. И по сем во днех начата являтися на конех и не бе их видети самих, но коней их видети копыта, и тако уязвляху люди Полотския и их область, тем бо и человецы глаголаху: яко на яве биют Полочаны».

В посланиях русских архипастырей находим ясные доказательства о распространении в простом народе тайных сказаний. Приводим некоторые указания.

Митрополит Фотий в послании своем к новгородскому архиепископу Иоанну, в 1410 году, писал: «Учите, чтобы басней не слушали, лихих баб не приимали, ни узлов, ни примолвления, и где таковые лихие бабы находятся, учите их, чтобы престали».

Новгородский архиепископ Геннадий в послании своем к Нифонту, епископу Суздальскому, говорил: «Уже ныне наругаются христианству: вяжут кресты на вороны и на ворбны… ворон летает, а крест на нем вязан, древян… а на вороне крест медян. Да привели ко мне попа, да диакона, а они крестьянину дали крест тельник: *древо плакун*, да на кресте вырезан ворон… а христианин, дей с тех мест учал сохнути, да не много болел, да умер».

В грамоте Мисаила, митрополита Белогородского и Обоянского, писанной в 1673 году, к Никодиму, архимандриту Курского Знаменского монастыря, сказано: «Да в городех же и уездах мужескаго и женскаго полу бывают чародеи и волхвованием своим и чародейством многих людей прельщают. Многие люди тех волхвов и чародеев в дом к себе, к малым детям и к больным младенцам призывают, а они всякое волхвование чинят, и от правоверия православных христиан отлучают».

В Стоглаве, составленном Московским Собором 1551 года, написано: «Нецыи не прямо тяжутся, и поклепав крест целуют,

на поли бьются, и кровь проливают, и в те поры Волхвы и Чародейники от бесовских научений пособие им творят, кудесы бьют, и во Аристотелевы врата и в Рафли смотрят, и по звездам и по ланитам глядают и смотрят дней и часов… и на те чарования надеясь, поклебца и ябедник не мирятся, и крест целуют, и на поли биются, и поклепав убивает… Злыя ереси, кто знает их и держится… Рафли, Шестокрыл, Вороногpай, Остромий, Зодей, Альманах, Звездочетьи, Аристотель, Аристотелевы врата и иныя коби бесовския… тех всех еретических книг у себя бы не держали и не чли… В первый понедельник Петрова поста в рощи ходят и в наливках бесовские потехи деят… В Великий Четверг порану солому палят и кличут мертвых; некотории же невегласи попы в В. Ч. соль пред престол кладут и до четверга по велице дни там держат, и ту отдают на врачевание людям и скотом… По селом и волостем ходят лживые пророки, мужики и жонки, и девки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростив и распустя, трясутся и убиваются, а сказывают, что им являются Св. Пятница и Св. Анастасия, и заповедают в среду и пяток ручнаго дела не делати и женам не прясти, и платья не мыти, и камения не разжигати».

В 1552 году, в наказе, данном Берсеневу и Тютину за точным исполнением правил Московского Собора 1551 года, сказано: «К Волхвом бы и к Чародеем и к Звездочетцом волхвовати не ходили, и у поль бы (при судебных поединках) Чародеи не были».

В Псковской летописи, под годом 1570, о докторе Елисее Бомелии записано: «Прислаша Немцы к Иоанну Немчина, лютого Волхва, нарицаемого Елисея, и бысть ему любим в приближении и положи на Царя страхование… и конечне был отвел Царя от веры; на Русских людей возложил Царю свирепство, а к Немцам на любовь преложи: понеже безбожнии узнали своими гаданьи, что было им до конца разоренным быти; того ради таковаго злаго еретика и прислаша к нему: понеже Русские люди прелестьни и падки на волхвование».

В книге «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», изданной в Москве 1647 года, сказано: «А на сказан-

ные идольские меры и на ведомство не надеяться, и от оружия, и от проколотия, и от стрельбы не заговариваться, которое все от диавола есть».

Царь Иоанн IV Васильевич, лишась первой своей супруги Анастасии, верил, что она померла от чародейства. Так он об этом говорил литовскому посланнику Воропаю в 1572 году; так об этом писал он и к Курбскому: «А с женою меня вы по что разлучили?» Курбский в своей истории Князя Великого Московского пишет: «Тогда цареви жена умре: они (клеветники) же реша аки бы очаровали ее мужи. Царь же, буйства исполнився, абие им веру ял». Клеветники Сильвестра и Адашева говорили царю: «Аще припустиши к себе на очи, очаруют тебя и детей твоих… Худые люди и ничего негодные Чаровницы тебя Государя… держали пред тем, аки в оковах… а то творили они своими чаровствы, аки очи твои закрывающе». В 1572 году царь Иоанн IV Васильевич, испрашивая на Соборе разрешение на четвертый брак, говорил, что его первую супругу Анастасию извели злые люди чародейством, вторую отравили, третью испортили злою отравою.

Князь Курбский, говоря о князе Василии Иоанновиче, записал: «Василий с законопреступною женою, юною сущею, сам стар будучи, искал чаровник презлых отовсюду, да помогут ему к плодотворению… О чаровниках же оных так печашеся, посылающе по них тамо и овамо, аж до Корелы (еже есть Филя: сидит на великих горах, подле Студенаго моря), и оттуда провожаху их к нему… Яже дерзают непреподобне приводити себе на помощь и к деткам своим мужей презлых, чаровников и баб, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующих, общующе со диаволом и призывающе его на помощь». Рассказывая о Казанской осаде 1552 года, он вписал: «Вкратце еще вспомянута достоит, яко Татары на войско Христианское чары творили и великую плювию наводили: яко скоро по облежании града, егда солнце начнет восходити, взыдут на град, всем нам зрящим, ово престаревшие их мужи, ово бабы, и начнут вопияти сатанинская словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся не благочиние. Тогда абие возста-

нет ветр и сочинятся облаки, аще бы и день ясен зело начинался, и будет такий дождь, и сухия места в блато обратятся и мокроты исполнятся; и сие точно было над войском, а по сторонам несть, но точно по естеству аера случаше-ся». Говоря о московском пожаре, царь вспоминал Курбскому: «Наши изменники бояре наустиша скудожайших умов народ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская, с своими детьми и с людьми сердца человеческая выимали и таковым чародейством Москву попалили».

Царедворцы донесли на боярина Артамона Сергеевича Матвеева царю Феодору Алексеевичу, что он с доктором Стефаном читает Черную книгу и что Николай Спафарий обучает его и сына чернокнижию. Доносчиками были: карла Захарко и лекарь Берло. Об этом Матвеев писал в своей челобитной 1677 года к царю: «Как будто я у себя в домишке, в палате, с Степаном доктором чли Черную книгу, и в то де время, будто пришло к нам в палату нечистых духов множество, и говорили нам, мне, холопу твоему, и доктору Степану, те нечистые духи вслух, что есть у вас в избе третий человек… А та, де, Черная книга в полдесть, а толщиною в пальца три; а учил, де, будто по той книге меня, холопа твоего, и сынишку моего, Андрюшку, Николай Спафарий». Впоследствии открылось, что боярин Матвеев читал лечебник, принятый доносчиками за Черную книгу. В царствование Михаила Феодоровича, говорит боярин Матвеев, на боярина Илью Даниловича Милославского было подкинуто письмо, в котором сказано, что он у себя имеет перстень волшебный думного дьяка Ивана Граматина. При царе Алексее Михайловиче боярин Семен Лукьянович Стрешнев был обвинен в волшебстве и сослан на заточение в Вологду.

Источники русских преданий

Мы терпеливо выслушали словесные предания, мы внимательно прочитали старые записи грамотных людей, и во всем этом мы изведали, что думают теперь наши современники, что говорили наши предки о тайных сказаниях русского черно-

книжия. Теперь, убедившись во всем этом, как в бывалом, мы невольно спрашиваем самих себя: неужели это есть порождение дум русского народа? неужели все это создавалось в русской земле? Будем откровенны к самим себе, будем сознательны пред современным просвещением для разрешения столь важного вопроса: русский народ никогда не создавал дум для тайных созданий; он только перенес их из всеобщего мирового чернокнижия в свою семейную жизнь. Никогда на Русской земле не создавались тайные сказания; она, как часть вселенной, вмещала в себе только людей, усвоявших себе мировые мышления. В этой идее убеждает нас внимательное исследование всеобщего мирового чернокнижия. Для достоверности сего предположения мы присовокупляем исторические факты, объясняющие перехождение тайных мировых сказаний в русское чернокнижие. Здесь открывается очевидное сходство.

Всеобщее мировое чернокнижие принадлежит первым векам мироздания, людям древней жизни. Основные идеи для творения тайных сказаний выговорил впервые древний мир, а его идеи усвоились всему человечеству. Древний мир сосредоточивался весь на Востоке. Там народы, создавая идеи для мифов, думы для тайных сказаний, рассказы о бывалом для поверий, олицетворяли их видениями. В этих видениях существовал быт религиозный, политический, гражданский. Семейная жизнь народов осуществлялась этими бытами. Мир древний прошел, народов, составлявших его бытие, мы не видим; но пред нами остались их мифы, их поверья, их сказания. Мир новый своего ничего не создал; он, как усыновленный наследник, как властелин отеческого имущества, вступил в распоряжение наследственным достоянием, пересоздал предметы, существовавшие не в духе его жизни, отверг понятия, противные его мышлению, но принял основные мысли, восхищавшие его воображение, льстившие его слабости.

Мифы, перешедшие в новый мир, образовали *демонологию*, столько разнообразную, столько разновидную, сколько разноплеменны были народы, сколько разновидны их олицетворения. Не днями, не годами, но веками усвоивались мифы

древней жизни грядущим поколениям. Каждый народ принимал из них только то, что могло жить в его верованиях; каждый народ, в свою очередь, прибавлял к ним чего недоставало для его верования. Из этих-то усвоений и дополнений составились *мифология* и *символика*. Мифология древних людей осенялась предметами божественными, предметами олицетворенными по воле каждого человека. Символика отпечатлевалась знамениями, которых народ не постигал, которых народ страшился. Предметы, выражаемые в символике непостижимостию и боязнию, заключали в себе понятия о природе. Из дум древнего мира составилось чернокнижие в отдельных видах кудесничества, чародейства, знахарства, ворожбы. Во всех этих сказаниях мы читаем опыты людей, изучавших природу для добрых и худых дел.

Рассказы о бывалом образовали поверья, неистощимые до последней возможности, удивительные до непонятного ослепления. В народных поверьях мы узнаем семейную жизнь со всеми обрядами.

Тайные сказания древнего мира осуществлялись людьми, ознаменованными бесчисленными названиями. Эти люди, как образователи, свои установляемые таинства облекали чудесным вымыслом, находили покровителей и распространяли последователей. Письмена санскритские уверяют нас, что Индия есть отчизна тайных сказаний, первородный идеал всех последующих изменений. Избранные люди Египта и Персии, посещая Индию, изучали там тайные сказания и, возвращаясь на свою родину, высказывали их своим сородичам. Греция подслушала все эти сказания и передала Риму и за ним грядущим поколениям.

Осматривая тайные сказания сих стран, мы встречаем в каждой из них своих *образователей*, свои *прорицалища*, свои *чернокнижия*, свои *гадания*.

Образователи тайных сказаний в древнем мире существовали отдельными кастами, имевшими разные названия. Таковы были: астрологи, авгуры, прогностики, мистагоги, сортилеги, гаруспеки, пифониссы.

Астрологи, облекаемые названиями халдеев, математиков, волхвов, почитаются старейшинами в образовании чернокнижия. Наблюдая течение планет и созвездий, они предсказывали разные события в государствах и домашнем быту. Ефемериды – творение астрологов – вмещали в себе описания известных перемен в небесных светилах. Незадолго было поверие, что Зороастр Персидский первый начертал чернокнижие; но теперь оно, с открытием санскритских письмен, уничтожается.

В Русскую землю перешли астрологи при начале ее общественного быта и расплодили свои понятия в семейной жизни так глубоко, что и теперь в селениях существуют темные намеки о влиянии планет на судьбу человека. В 1584 году летописцы записали для нас, как народ видел в Москве комету с крестообразным небесным знамением, между церквами Иоанна Великого и Благовещения. Царь Иоанн IV Васильевич, смотря на эту комету, сказал: «Вот знамение моей смерти!» После сих слов он велел собрать астрологов по России и Лапландии. Они, собранные тогда в Москву числом до 60, предрекли из явления сей кометы царскую смерть.

Эта запись и сказание Курбского о совещании царя Иоанна Васильевича с волхвами открывает нам, что астрологи приходили к нашим предкам из Лапландии и что они своими предсказаниями внушали народу боязнь при появлении комет, доселе еще продолжающуюся. Заметим здесь, что и русская народная символика есть порождение астрологов.

Авгуры, птицеволшебствующие, предсказывали будущее из явлений молнии и грома, из крика и полета птиц, из клевания курами зерен. Крики ворона, вороны, совы, петуха были предвестниками бедствий; полет орла, коршуна решал походы; клевание зерен курами управляло военными успехами. Авгурология перешла в Русскую землю со многими видоизменениями. Еще и теперь поселяне боятся ворона и вороны, страшатся пения курицы; еще и доселе в святочных гаданиях сохраняется клевание зерен курицами.

Прогностики рассеяны были во всей Греции, особливо в Элиде. Эпименид Критский, Аварис Скифский, Эмпедокл

Агригентский там были лучшими прогностиками. Эти люди извлекали гадания из обыкновенных явлений природы. Счастие или несчастие семейной жизни объяснялось снами, воззрением животных, звоном в ушах, судорожным движением ресниц. Молитвы и очищения прогностиков содержались в книгах Орфея и Музея.

Учение прогностиков внедрилось в русскую семейную жизнь издревле и продолжается доселе. Простолюдин, объясняя приметы по учению прогностиков, и не помышляет, что он верный их последователь.

Мистагоги, начальники Элевзинских таинств, изъясняли афинянам таинственные учения в святилище Цереры, при явлении страшных призраков.

Видения и призраки русского селянина носят на себе отпечаток учения мистагогов. Люди бывалые, рассказывая о призраках, всегда упоминают вместе о каком-нибудь таинственном сказании.

Сортилеги – люди, гадавшие о событиях по жребиям, составляли особенную касту жрецов в Риме. Гадания сортилегов совершались в урнах. Так они наполняли урну водою, клали в нее дощечки, исписанные знаками, и потом, вынимая их, изъясняли значение. Иногда заставляли вынимать лоскутки бумаг, исписанные отборными стихами.

Гадание сортилегов доселе производится в русской земле. Поселянин по жребию решает спорные семейные дела; в деревнях, на мирской сходке, по жребию выбирают в рекруты; так в городах решали по жребию женихов для девушек. Старожилы еще запомнят, как москвичи хаживали с жребиями в церковь Николы Голстунекого.

Гаруспексы, гадавшие по жертвам, основывали свои предсказания на внутренностях животных, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Учение гаруспексов мало известно русским чародеям; впрочем, уважение кудесников к печени, внимание знахарей к дыму заставляет подозревать, что и оно когда-то было в Русской земле.

Пифониссы – фессалийские волшебницы, образуя из себя особенную касту в Фессалии, завораживали угрызение скорпионов, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умерших и низводили живых во гроб. Всему этому верили во всей Греции.

Русское кудесничество и чародейство составилось из преданий фессалийских волшебниц. Наши сельские колдуньи представляют из себя живой сколок с этих волшебниц.

Прорицалища древнего мира изрекали людям будущее, предсказывали в делах успехи и неудачи. Таковы были: прорицалища Аммона и Амфиарая, оракулы Дельфийский и Додонский, Трофониева пещера.

Прорицалище Юпитера Аммона находилось в Ливийских степях. Там его капище, окруженное со всех сторон песчаными степями, орошалось прозрачными водами источника солнца. Кумир, вылитый из меди, украшенный драгоценными каменьями, выносили в рощу, где он отвечал вопрошающим не словами, а знаками. Владычество Аммона продолжалось над страстями людей многие веки, но во время Страбона оно ослабевало, а при Плутархе ему уже никто не верил. Мы не в состоянии решить трудного вопроса: прорицалище Аммона имело ли влияние на русскую семейную жизнь? Кажется, с несомненною вероятностью можно предполагать, что оно, лишившись значения в верованиях древней жизни, исчезло тогда, когда еще не начиналась русская общественная жизнь.

Прорицалище Амфиарая находилось на границах Виотии и Аттики. Там Амфиарай являлся во сне и отвечал на вопросы.

Кто не заметит, что влияние Амфиарая достигло и Русской земли? Явление во сне суженого-ряженого, указывающего простодушной девушке на ее судьбу, носит на себе отпечаток верования виотиан.

Оракул Дельфийский, учрежденный в честь Аполлона Пифийского, находился в виотийском городе Дельфах, в средоточии земли, как говаривали греческие историки. В Дельфах был храм с истуканом, сделанный из лавровых ветвей, Кастальский источник, золотой треножник, поддерживаемый

железным драконом. Пифия, возводимая жрецами на треножник, окуриваемая одуряющими растениями, в бешенстве, произносила слова вещательные. Оракул Дельфийский существовал двадцать веков и упал тогда, когда христианская религия открыла народам небесные истины.

Мы ничего не можем сказать решительного о влиянии Дельфийского оракула на семейную жизнь русского народа.

Додонский оракул находился в эпирском городе Додоне, при подошве горы Томари. Там, среди священной рощи, возвышался храм; там был пророческий дуб; там находился источник минеральных вод. Три жрицы возвещали решение Додонского оракула. Сидя близ пророческого дуба, они вслушивались в шум листьев, потрясаемых ветром, выводили из сего ответы для гадающих; или приходили к источнику прислушиваться к звукам, производимым журчанием воды, и по ним разгадывали.

Понятие русского народа о шуме древесных листьев, о журчании воды доселе сохраняется в семейных преданиях с особенным уважением; но есть ли это влияние Додонского оракула – решить трудно.

Трофониева пещера находилась близ Ливадии. В храме, построенном среди рощи, стоял истукан, изображавший Эскулапа. В мрачной пещере, полненной зверями и гадами, оглашаемой воплем и стоном мужей и жен, сидели жрецы для ответов приходящим.

Нам неизвестно, было ли какое влияние на русскую землю из поверий Трофониевых пещер.

Чернокнижия древнего мира сохранялись в письменных памятниках. Народ, благоговея к ним, не смел читать ни одного тайного сказания. Это право предоставлено было жрецам и людям избранным, соображавшимся с ними для решения судьбы и дел. Таковы были: черная магия, сивиллины книги, книги Орфея и Музея, кабалистика.

Сказания о *черной магии* столь древни, что нет никакой возможности открыть их первоначальное происхождение. Мы встречаем магиков в начале всех историй, и влияние их про-

должалось до распространения умственного образования. Говорят, что она существовала от начала мира и сохранена при потопе Хамом в камне. Сын Хамов, известный под названиями – у одних Мизраима, у других Зороастра, у третьих Гермеса, – по преданию своего отца, нашел после потопа скрытую книгу его отцом. Книги этой теперь более не существует: она когда-то была истреблена небесным огнем. Верование в бытие черной магии существовало на Востоке в тайных сказаниях. Сосредоточие магиков находилось в Египте. Фараоны, окруженные магиками, производили разные ложные чудеса. Из Египта перенес магию в Грецию Орфей, изменивший тайные сказания в оргию и саббатство. В семейной жизни русского народа черная магия известна под именем чернокнижия. Напрасно мы будем вопрошать века и людей о переселении тайных сказаний в наше отечество. Темные намеки наших поселян о бытии чернокнижия состоят в том, что она писана непонятными письменами, что когда-то была закладена в Сухареву башню. В современной нашей жизни мы едва встречаем людей, беседующих о предметах, заключающихся в чернокнижии; но предки наши говорили об этом яснее; они даже знали многие названия этим сказаниям. Так они исчислены в Стоглаве.

Книги Сивилл хранились в руках женщин – сивилл, имевших дар прорицать и открывать волю богов. В древнем мире всех сивилл считалось 12. Исчисляем их:

I. *Сивилла Персидская*, называвшаяся Самбетою, невесткою Ноевою, пророчествовала двусмысленными стихами из своей книги.

II. *Сивилла Ливийская*, путешествовавшая в Самосе и Дельфах и, как говорят, упрекавшая людей в идолослужении.

III. *Сивилла Дельфийская*, находившаяся в храме Дельфийском, и, по сказанию Диодора, первая получила имя Сивиллы. Ученые говорят, что Гомер извлек из ее прорицаний некоторые мысли.

IV. *Сивилла Эрешрейская* предсказывала падение Трои, и, по уверению Евсевия и св. Августина, ей были известны книги Моисея.

V *Сивилла Киммерийская*.

VI. *Сивилла Самосская*.

VII. *Сивилла Кумекая*, по имени Деифоба, знаменитейшая из всех, имела свое пребывание в Куме. Говорят, что ее отец был Аполлоний, а мать Главка. Эта сивилла продала часть своих книг Тарквинию Гордому. В Риме книги сохранялись в храме Юпитера Капитолийского, под землею, в каменной урне. Квиндецемвиры, жрецы, справлялись с ними в сомнительных случаях государства. Во время сожжения Капитолия сгорели и сивиллины книги. После этого отправляемы были послы по разным местам для собрания сивиллиных изречений, которые Август положил у подножия Аполлона Палатинского.

VIII. *Сивилла Геллеспонтская* предсказывала во время Солона и Креза.

IX. *Сивилла Фригийская* путешествовала с своими предсказаниями в Анкифе и Галатии.

X. *Сивилла Тибюринская*, *или Альбюнейская,* была обожаема в Тибуре.

XI. *Сивилла Эпирская*.

XII. *Сивилла Египетская*.

В русском чернокнижии не находим никакого понятия о Книгах Сивилл. Разве только то принять во внимание, что нашими колдуньями должны быть непременно старухи безобразные и страшные. Зато дошли до нас западные сказания о сивиллах.

Книги Орфея и Музея содержали в себе заговоры, очищения, приговоры для усыпления змеи. Орфей, изобретатель аббатства, учредитель оргий и других празднеств Бахуса, по сказанию Цирцея, заимствовал таинственные познания в Египте. Лукиан и Аполлодор уверяют, что книги Орфея состояли из гимнов.

Русское кудесничество, содержащее в себе заговоры на всевозможные случаи, показывает какое-то сходство с гимнами Орфея. Заметим, что заговоры наших кудесников воспевают об одной только семейной жизни.

Кабалистика – знание, созданное евреями для открытия таинственного смысла,– состояла в искусстве разлагать

слова и в способе производить сими словами чудеса, произнося их чудесным образом.

Есть намеки в чернокнижии о присвоении кабалистического знания знахарями. Так мы видим в руках знахаря непонятные слова от лихорадок, от укушения бешеных собак. Откуда явилась наша тарабарская грамота?

Гадания древнего мира, рассеянные по всем местам, образовали из себя 12 отдельных таинств. Влияние каждого из них на семейную жизнь доселе еще отражается. Приступим к описанию гаданий.

Антропомантия содержала в себе таинственное прорицание будущего по внутренним частям тела человеческого. Римские императоры Элиогабал и Иулиан занимались сим гаданием.

Русский народ никогда не касается до внутренних частей тела человеческого, но он судит только умершего по наружному цвету и положению тела. Человек, умерший в судорогах и спазмах, клал неизгладимый порок на будущую участь своего семейства.

Аеромантия объясняла будущие события из состояния воздуха и разных его явлений.

В русской символике аэромантия отражается ясно. В народе еще существует понятие о падении звезд; доселе еще говорят, что каждая падающая звезда есть верный признак смерти какого-нибудь человека. В наших селениях вечернею порой старики рассказывают о бывалом падении облаков на землю – в виде киселя, о падении камней воздушных. Не на этом ли мнении основано уважение поселян к камню Баш и Башиха, находящемуся в Тульской губернии, в Одоевском уезде?

Гидромантия основывалась на предсказании будущего по движению и цвету воды.

В русском чернокнижии это гадание существует во всей своей силе. Наговорить на воду, для открытия похитителя вещей, вменяется в необходимость всякому знахарю.

Гонтия совершалась призыванием духов и вызыванием тени умерших из гробов.

Русское чародейство содержит в себе обряды вызывания духов, и народ верит, что каждый народный чародей может вызвать тень умершего.

Дактиломантия. Гадание, производившееся посредством кольца для узнания врагов. Кольцо, повешенное на нитке, раскачивалось над круглым столом, коего края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила ответом.

Дактиломантия перешла и в русское чернокнижие, только с изменением. Наши чародеи берут какое-то змеиное кольцо, вешают его на женском волосе и дожидаются, куда его будет качать ветер: куда кольцо будет более делать наклонения, там живет колдун, очаровавший страдальца, о котором загадывают.

Капномантия. Гадание, извлекаемое из жертвенного дыма, объяснялось жрецами народу при начатии дел.

В русской символике это гадание осталось со многими изменениями. Наши поселяне по дыму узнают погоду и дымом истребляют многие болезни рогатого скота.

Катоптромантия. Гадание, производимое зеркалом, разрешало окончание болезни.

В русском чернокнижии зеркалогадание употребляется для многих случаев. Наши поселяне и горожане гадают в зеркале о суженом, о жизни и смерти отсутствующего.

Керомантия – гадание воском; составляло доброе и худое предзнаменование.

В русских святочных гаданиях девушки льют воск в воду для узнания своей судьбы.

Клеромантия. Гадание, основанное на метании шариков, решало дела и называлось по жребию.

Гадание по жребию так усвоилось русской семейной жизни, что народ всегда прибегает к нему в спорном деле.

Леканомантия. Гадание, производившееся над водою, решало участь людей. Гадатель клал в сосуд, наполненный водою, драгоценные камни, тоненькие золотые и серебряные дощечки с изображением знаков и читал заговоры. Из воды

выходил тихий звук, подобный шипению змей. Этот звук решал вопрос.

В русском чернокнижии сохранились многие обряды гадания над водою. Так наши знахари, кидая в воду уголь, замечают: кипит ли вода?

Ливаномантия. Гадание, извлекаемое из курения благовонных смол, заключало в себе решение на благоприятные и худые ожидания.

В русских суеверных поверьях смолы заменились ладаном, и народ прибегает к этому гаданию в болезнях.

Метеоромантия. Гадание производилось объяснением воздушных явлений, особливо грома и молнии.

Следы метеоромантии сохранились в русской символике с присовокуплением разных сказаний. Так, девица или женщина, услышавши весною в первый раз гром, бежит к воде для умывания, предполагая, что умывание в это время водою может придать лучший цвет ее лицу. Так, поселянин, из многократного появления в летнее время грома, предполагает, что его домашний скот может безопасно бродить по лесам, не будучи изъязвлен змеями.

Миомантия – гадание, предсказывающее будущее; основывалось на крике и прожорстве мышей и крыс. Было время, когда Рим трепетал от крика сих животных.

В русских селениях появление мышей всегда угрожает бедствиями. Платье поселянина, изгрызанное мышами, предвещает ему беду неминучую. При начале весны мыши, бегающие по полям, наводят тоску на крестьянина о неурожае.

Некромантия производилась очарованием трупов для вызывания духов.

В русском чернокнижии существует только одно поверье об этом гадании. Наши чародеи, несмотря на свою дерзость, не смеют прикасаться к трупам умерших людей.

Онихомантия составляла гадание по ногтям. Гадатели натирали ногти мальчикам деревянным маслом и сажею и заставляли держать их перед солнцем. Появившиеся изображения решали гадание.

Наши поселяне до сих пор замечают обновы – белые пятнышки, являющиеся в средине и на краях ногтей, судят по цвету ногтей о жизни, здоровье и болезни человека.

Ооскопия. Разгадывали изображение на яйце, по желанию беременных женщин, для узнания, что родят?

В русской семейной жизни это гадание доселе существует. Беременная женщина вынимает из-под наседки яйцо, разбивает, смотрит, какого пола зародыш, того же должен быть и будущее дитя.

Психомантия – гадание, основанное на призывании теней умерших людей; составляло одно таинство с некромантиею.

Тератоскопия составляла особенный род гаданий из объяснения необыкновенных явлений в природе.

Это гадание вошло с изменениями в русскую символику. Так, животные, родившиеся о трех ногах, животные двуглавые наводили ужас на душу простолюдина и были истребляемы, как порождение нечистой силы.

Тефраномантия – гадание золою, разрешало вопросы жертвоприносителей.

Зола в русском чернокнижии имеет почетное преимущество пред прочими веществами. Чародей всегда имеет при себе золу из семи печей и посыпает ею след человеческий, когда совершает чары. Так, разгневанный поселянин бросает на двор своего соседа горстями золу, с намерением истребить все растущее на его земле.

Энонтромантия совершалась гаданием в зеркале. Фессалийские чародеи заставляли приходящих читать ответы, писанные на зеркале кровию, отражавшиеся на другом теле.

В русских святочных гаданиях энонтромантия осталась в измененном виде.

Вот очевидные доказательства о переселении тайных сказаний древнего мира в русскую землю и о составлении русского чернокнижия. Мы смело можем сказать, что на нашей родной земле ни один русский человек не был изобретателем тайных сказаний. Люди бывалые из наших предков в чужих странах и чужеземщина, приходившая на нашу роди-

ну, рассказывали в семейных беседах о существовании чернокнижия в чужих землях. Эти рассказы, западая в сердца простодушные, переходили из рода в род и клеймились суеверием наших предков. Такое мнение, принимаемое нами за положительное основание, найдет свое подтверждение в самом описании чернокнижия.

Несмотря на то, в русской жизни понятие о тайных сказаниях представляется совершенно в другом виде, нежели как мы встречаем у других народов. Это так и должно быть. Общественное образование русского народа, совершаясь независимо от влияния других народов, по своим собственным законам, выражалось в умственной жизни двумя отдельными знаменованиями: *понятиями общественными и семейными.*

Русские общественные понятия всегда существовали на краеугольном основании христианского православия. Иерархи, как пастыри церкви и учители народа, князья и цари, как священные властелины и блюстители народного благоденствия, были представителями общественных понятий. Находясь в руках столь важных лиц, понятия эти всегда были целы и невредимы, как была цела и невредима русская жизнь. От этого самого в нашем отечестве никогда не было переворотов в общественных понятиях, внесенных соседними народами. Все совершалось постепенно, в течение многих веков, людьми, являвшимися из среды своих соотечественников. Славянин, сближаясь на севере с скандинавом, был только покорен его мечу, но не слову; платил ему дань своими избытками, но не хвалебными песнями; дал ему приют на своей земле, но не принял от него письмен. Славянин, уклоняясь на восток, сблизился с греком; принял от него веру, приютил греческих пришельцев, учился у него, чего недоставало для его умственной жизни; но никогда не говорил его языком, никогда не менял своих понятий общественных на его понятия; он остался в полном смысле славянином. Никогда не ходил он на запад. Люди фряжские сами приходили в его жилище, сами призывали его в участники. Равнодушный к западу, он чуждался и слов, и дел фряжских. Об юге

он забыл почти с того самого времени, как судьба бросила его из Индии на землю северной Европы, где он назвал себя славянином. Во всех переворотах соседних стран он не был участником. В этом-то самом заключалась ненарушимость русского общественного понятия.

Русские семейные понятия существовали на своих отдельных основаниях и, порождавшиеся в семействах, никогда не сливались с общественными понятиями. В них не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы русской земли. На этих заповеданных чертах все изменялось от стечения чужеземных мнений. Облекаясь русским словом в гостеприимных семействах, эти мнения переносились от одного селения к другому. Пришельцы и люди бывалые были передавателями чужеземных мнений.

Пришельцами в русской старой жизни назывались все чужеземцы, люди не русской крови, люди не русской веры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на Русскую землю: нужда и корысть влекли его к нашим предкам. Хлебосольство русское давало приют всякому пришельцу. Старейшины семейств, угощая заезжего человека, любили слушать его рассказы об отдаленных странах. Эти-то рассказы, передаваясь от отца к сыну, усваивались русской жизнью, когда они снисходили слабостям. Мы, люди XIX века, не можем теперь исследовать, что нравилось нашему предку, жившему в X и XII столетиях, из рассказов чужеземных. Но, принимая в соображение тогдашнее умственное образование, дошедшие до нас письменные памятники и рассказы о бывалом из древней жизни, мы смело можем сказать, что наши предки любили более чудесное, поражавшее их воображение, любили более великое, поражавшее их ум, любили более ужасное, оцепенявшее их чувства. При всем том пришелец был всегда чужим для русского в общественной жизни, и только одни простодушные принимали участие в его словах и делах.

Людьми бывалыми на Руси почитались сородичи наших предков, люди, бывавшие в чужих землях, люди, пересмотревшие все заморские дивы, люди, услаждавшие

своими беседами и старика, и юношу. Рассказы бывалого человека записывались в кельях отшельников и читались в семейных беседах. Таковы были наши паломники и ходебщики. Они – наставники в делах, врачи в болезнях, советники в семейных назначениях – более всего имели влияние на введение чужеземного в семейные понятия, нежели участие пришельца. Зато люди бывалые никогда не выходили из круга семейного, никогда не были участниками в обновлениях общественной жизни.

Принимая в соображение эти два источника чужеземных внесений, мы понимаем, как трудно было чужеземному мышлению войти в состав общественного понятия, как трудно было ему усвоиться с русской общественною жизнью. Но, несмотря на столько веков, современное просвещение резкою чертою отличает все чужеземные понятия, заимствованные нашими предками. Глядя с этой точки на тайные сказания других народов, мы убедились, что они перешли в Русскую землю со многими изменениями, с изменениями, возможными для русской семейной жизни. На этих-то изменениях мы будем следить остатки русского чернокнижия и данными подробностями поверять идеи, допущенные нами при всеобщем взгляде на мировое чернокнижие.

Русское чернокнижие, сообразно народным семейным понятиям, мы разделяем на четыре сказания, совершенно разнообразные по излагаемым в них предметам. В первом сказании помещается *кудесничество*, во втором описывается *чародейство*, в третьем предлагается *знахарство*, в четвертом представляется *ворожба*.

Русское кудесничество мы представляем так, как оно обращается в устах народных, без перемены понятий и слов. Соблюдая это, мы сохраним, так сказать, словесность простолюдинов, неизменный глагол многих веков, глас людей отдаленных и понятиями, и повериями от нашей жизни. Если, с одной стороны, все кудеснические заговоры есть совершенный вздор, созданный для обольщения народа, то, с другой, мы замечаем в них дух поэзии, жившей в песнях и сказках,

услаждавших некогда наших предков в дни скорбные. Здесь сохранилась наша родная, русская поэзия; здесь блюдутся наши поэмы и были; здесь читаем жизнь наших предков.

Все представляемые здесь заговоры подслушаны мною в семейных разговорах поселян Тульской губернии, выписаны из тетрадки, писанной польскими буквами и принадлежавшей некогда веневскому деду; некоторые получены от саратовского помещика, собиравшего их, по моей просьбе, из рассказов волжских рыбаков; а другие были присланы ко мне из Тихвина, от г. Парихина.

Вслушиваясь в заговоры, невольно спрашиваем себя: кто был творцом этой поэзии? Неужели мы будем сомневаться, что этими напевами оглашалась наша родина, когда в их звуках слышен русский дух, когда в них говорит русское сердце о старине родной, о радости домашней, о беде семейной, о любви девичьей красы, о зазнобе молодеческой? Здесь все предметы взяты из жизни семейной, чуждой общественных отношений, удаленной в хижины и поля, сокровенной от взора испытующих людей. Следовательно, здесь человек только пел сам с собою. Замечательно, что здесь нет ни одного чужеземного слова, ни одного выражения: все говорит русским языком и о русской жизни. Мы также не смеем допустить здесь сомнения, что эта поэзия не была до последней степени подражательною; но со всем тем в ней есть и самобытное; она воспевала по вдохновению русского сердца заповеданные тайны. Это мы готовы подтвердить наблюдениями.

Народная поэзия всех веков и всех народов воспевала семейную жизнь. Русский народ, пленяясь предметами, очаровавшими его уединенную жизнь, воспел в своих думах и тайные сказания. В таком направлении он незаметно сходился с другими народами. Для доказательства представляем образчики чужеземных заговоров.

Le magicien Lexilis menait fort durement les puissances des tenebres, et faisait dresser les cheveux aux assistans quand il hurlait ses execrables evocations.

«Divinités formidables, s'ecriait-il, hätez vous d'acco-urir, et craignez d'offenser ces cheveux gris et cette verge, qui vous ferait bientöt repentir de vos délais… je vous en avertis d'avance, obéissez promptement, autrement je fais pénetrer le jour dans vos sombres demeures, je vous en tire toutes l'une apres l'autre, je vous destitue de tout pouvoir, je vous poursuis par les buchers, je vous chasse des sépulcres; et je ne permettrai pas meme aux déserts de la Thébaide de vous receler dans leur solitude. Et toi, arbitre des enfers, si tu me crains commande ä tes Esprits, commande a tes Furies, commande a quelques ombres d'accourir; pousse-les hors de tes manoirs a coups des scorpions, et ne permets pas que j'interrompe le silence des tiens par des menaces plus horribles».

Oraison du loup: Viens, béte a laine; e'est l'agneau de rhurnilité; je te garde. C'est l'agneau du Redempteur, qui a jeuné quarante jours, sans rébellions, sans avoir pris aucun repas de l'ennemi, et fut tenté en vérité. Va droit, bête grise, a gris aggripence, va chercher la proie, loups et louveteaux; tu n'as point a venir a cette viande, qui est ici Au nom du Père et du Fils et du Saint-Esprit. Aussi: vade retro o Satana!

Prière des bergers pour préserver les troupeaux de la gale, de la rogne et de la clavélee, trouvee dans un manuscrit rare et précieux.

Ce fut par un lundi au matin que le soleil parut, un pastouraeu cherchant ses troupeaux, il dit: «Mon troupeau sera sain et joli, qui est sujet a moi» (*фр.*).

Русское *чародейство* описывает чары, совершаемые в селениях. Прилагая, по возможности, объяснения этим затейливым вымыслам, мы уверены, что простодушные люди поймут свое ослепление, хотя для них обольстительное. С этою целью избраны здесь только те, которые более всех памятны. Люди, хотя несколько вникавшие в народное суеверное понятие, люди, знающие доверенность поселян к чудесному, оправдают цель, избранную нами.

Русское *знахарство* излагает отъявленные обманы знахарей, но которые, по непонятному стечению обстоятельств, принимаются в простом народе за спасительные действия.

Мы часто слышим в рассказах бывалых людей, как в старину знахари ввергали целые селения в бедствия. С истинным желанием добра простодушным людям излагаем здесь обманы знахарей, бродящих из одного селения в другое и живущих на счет ближнего.

Русская *ворожба* представляет народные гадания, распространяемые записными гадательницами по городам и селениям. Многие из них приносят оскорбления семейной жизни по своим последствиям; другие же, напротив, – как святочные гадания,– составляют увеселительные занятия. Здесь приводятся те и другие – с целью разоблачить таинственные ожидания простого народа. Может быть, время и обстоятельства изгладят эти остатки суеверий, перешедших к нашим предкам из чужих стран. Но пока настанет это благодетельное время, пока явятся счастливые обстоятельства – пускай простодушные наперед ознакомятся с ничтожеством сельских гаданий.

Во всех народных сказаниях мы часто сохраняли многие слова, подслушанные в сельских разговорах, имеющие совершенно другое значение в современной нашей жизни. Мы даже сохранили названия разных гаданий, хотя некоторые из них с первого взгляда, кажется, состоят из повторений одного и того же. Не думаем, чтобы нас в этом обвиняли: сами предметы говорят о такой необходимости. Кроме сего, почитаем обязанностию предуведомить почтенных соотечественников, что в наших сказаниях не все то помещено, что известно в селениях. Так, одного мы не могли вместить здесь по внутреннему нашему убеждению, как оскорбительного для современного просвещения; другое представлялось противным нашей жизни и нашим отношениям. Русская сельская жизнь неистощима в своих рассказах: надобно много людей и много времени, чтобы вполне представить ее домашний быт.

СКАЗАНИЯ О КУДЕСНИЧЕСТВЕ

Заговор от недугов красной девицы в болезни полюбовного молодца

Ложилась спать я, раба такая-то, в темную вечернюю зорю, темным-темно; вставала я, такая-то, в красную утреннюю зорю, светлым-светло; умывалась свежею водою; утиралась белым платком. Пошла я из дверей во двери, из ворот в вороты, и шла путем-дорогою, сухим-сухопутьем, ко Окиан-морю, на свят остров; от Окиан-моря узрела и усмотрела, глядючи на восток красного солнышка, во чисто поле, а в чистом поле узрела и усмотрела: стоит семибашенный дом, а в том семибашенном доме сидит красная девица, а сидит она на золотом стуле, сидит, уговаривает недуги, на коленях держит серебряное блюдечко, а на блюдечке лежат булатные ножички. Взошла я, раба такая-то, в семибашенный дом, смирным-смирнехонько, головой поклонилась, сердцем покорилась и заговорила:

К тебе я пришла, красная девица, с покорищем об рабе таком-то; возьми ты, красная девица, с серебряного блюдечка булатные ножички в правую руку, обрежь ты у раба, такого-то, белую мякоть, ощипи кругом его и обери: скорби, недуги, уроки, призороки, затяни кровавые раны чистою и вечною своею пеленою. Защити его от всякого человека: от бабы-ведуньи, от девки простоволосыя, от мужика-одноженца, от двоеженца и от троеженца, от черноволосого, рыжеволосого. Возьми ты, красная девица, в правую руку двенадцать ключов и замкни двенадцать замков, и опусти эти замки в Окиан-море, под Алатырь камень. А в воде белая рыбица хо-

дит, и она б те ключи подхватила и проглотила; а рыбаку белые рыбицы не поимывать, а ключов из рыбицы не вынимывать, а замков не отпирывать. Не дужился бы недуг у раба, такого-то, по сей день, по сей час. Как вечерняя и утренняя заря станет потухать, так бы у моего друга милого всем бы недугам потухать, и чтобы недуг не дужился по сей час, по мое крепкое слово, по его век.

Заговариваю я, раба такая-то, своего полюбовного молодца – такого-то – от мужика-колдуна, от ворона-каркуна, от бабы-колдуньи, от старца и старицы, от посхимника и посхимницы. Отсылаю я от своего друга милого всех по лесу ходить, игольник брать, по его век, и пока он жив, никто бы его не обзорочил и не обпризорил.

Заговор красной девицы о сбережении в дороге полюбовного молодца

Ложилась спать я, раба такая-то, в темную вечернюю зорю, поздным-поздно; вставала я в красную утреннюю зорю, раным-рано; умывалась ключевою водою из загорного студенца; утиралась белым платом, родительским.

Пошла я из дверей в двери, из ворот в вороты и вышла в чистое поле. В чистом поле охорошилась, на все четыре стороны поклонилась, на горюч камень Алатырь становилась, крепким словом заговорилась, чистыми звездами обтыкалась, темным облаком покрывалась.

Заговариваю я, раба такая-то, своего полюбовного молодца – такого-то – о сбереженьи в дороге: крепко-накрепко, на век, на всю жизнь.

Кто из лугу всю траву выщипит и выест, из моря всю воду выпьет и не взалкает, и тот бы мое слово не превозмог, мой заговор не расторг. Кто из злых людей его обзорочит и обпризорочит, и околдует, и испортит, у них бы тогда из лба глаза выворотило в затылок; а моему полюбовному молодцу – такому-то – путь и дороженька, доброе здоровье на разлуке моей.

Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткой

Разрыдалась я родная, раба такая-то, в высоком тереме родительском, с красной утренней зори, во чисто поле глядючи, на закат ненаглядного дитятки своего ясного солнышка – такого-то. Досидела я до поздней вечерней зори, до сырой росы, в тоске, в беде. Не взмилилось мне крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свечу обручальную, достала плат венчальный, почерпнула воды из загорного студенца. Стала я среди леса дремучего, очертилась чертою призорочною и возговорила зычным голосом:

Заговариваю я своего ненаглядного дитятку, такого-то, над чашею брачною, над свежею водою, над платом венчальным, над свечою обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красные, освещаю свечою обручальною его становый кафтан, его шапку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка ясного, милее вешнего дня, светлее ключевой воды, белее ярого воска, крепче камня горючего Алатыря. Отвожу я от тебя: черта страшного, отгоняю вихоря бурного, отдаляю от лешего одноглазого, от чужого домового, от злого водяного, от ведьмы киевской, от злой сестры ее муромской, от моргуньи-русалки, от треклятыя бабы-яги, от летучего змея огненного, отмахиваю от ворона вещего, от вороны-каркуньи, заслоняю от Кащея-Ядуна, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи. А будь ты, мое дитятко, моим словом крепким – в нощи и в полунощи, в часу и в получасьи, в пути и дороженьке, во сне и на яву – укрыт от силы вражия, от нечистых духов, сбережен от смерти нанрасныя, от горя, от беды, сохранен на воде от потопления, укрыт в огне от

сгорения. А придет час твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про наш хлеб-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челом седмерижды семь, распростись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким, непробудным.

А будь мое слово: сильнее воды, выше горы, тяжелее золота, крепче горючего камня Алатыря, могучее богатыря. А кто вздумает моего дитятку обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратские, в бездны преисподние, в смолу кипучию, в жар палючий. А будут его чары – ему не в чары, морочанье его не в морочанье, узорчанье его не в узорчанье.

Заговор охотника на поставленных клетях на зайцев

Встаю я, раб такой-то, засветло, умываюсь ни бело, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я из дверей в двери, из ворот в вороты, в чисто поле, к лесу дремучему, а из леса дремучего бегут ко мне навстречу двадцать сатанаилов, двадцать дьявоилов, двадцать леших, двадцать полканов – все пешие, все конные, все черные, все белые, все высокие, все низкие, все страшные, все робкие; стали предо мною те сатанаилы, те дьявоилы, те лешие, те полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы, сатанаилы, дьявоилы, лешие и полканы в – такой-то – остров, пригоните русаков и беляков на мои клевы поставные: сумеречные, вечерние, ночные, утренние и полуденные. Пригоните, остановите и в моих клетях примкните.

Заговор на путь-дорожку

Еду я из поля в поле, в зеленые луга, в дольные места, по утренним и вечерним зорям; умываюсь медяною росою, утираюсь солнцем, облекаюсь облаками, опоясываюсь частыми звездами. Еду я во чистом поле, а во чистом поле растет одолень-трава. Одолень-трава! Не я тебя поливал, не я тебя породил: породила тебя мать сыра-земля, поливали тебя дев-

ки простоволосыя, бабы-самокрутки. Одолень-трава! Одолей ты злых людей: лихо бы на нас не думали, скверного не мыслили. Отгони ты чародея, ябедника. Одолень-трава! Одолей мне горы высокие, долы низкие, озера синие, берега крутые, леса темные, пеньки и колоды. Иду я с тобою, одолень-трава, к Окиан-морю, к реке Иордане, а в Окиан-море, в реке Иордане лежит бел-горюч камень Алатырь. Как он крепко лежит предо мною, так бы у злых людей язык не поворотился, руки не подымались, а лежать бы им крепко, как лежит бел-горюч камень Алатырь. Спрячу я тебя, одолень-трава, у ретивого сердца, во всем пути и во всей дороженьке.

Заговор на укрощение гнева родимой матушки

На велик день я родился, тыном железным оградился и пошел я к своей родимой матушке. Загневилась моя родимая родушка, ломала мои кости, щипала мое тело, топтала меня в ногах, пила мою кровь. Солнце ясное, звезды светлые, небо чистое, море тихое, поля желтые – все вы стоите тихо и смирно; так была бы тиха и смирна моя родная матушка по вся дни, по вся часы, в нощи и полунощи. Как пчела поносу носит, так бы родимая матушка плодила добрые словеса за меня, своего родного сына. Как воск тает и горит от лица огня, так бы горело и таяло сердце моей родимой матушки. Как лебедь по лебедке тоскует, так бы моя родимая матушка тосковала по мне, своем родном сыне. Как студенец льет по вся дни воду, так бы текло сердце родимой матушки ко мне, своему родному сыну. Как дверь к косяку притворяется, так бы мои словеса к родимой матушке притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и нощи, в полдень и полночь.

Заговор на укрощение злобных сердец

Сажусь в сани, крытые бобрами, и соболями, и куницами. Как лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между миром и селом, так мой нарож-

денный сын был бы честен и величав между панами и попами, между миром и селом. Еду на гадине, уж погоняет, а сам дюж, у панов и судьев полон двор свиней, и я тех свиней переем. Суд судом, век веком! Сею мак. Разыдутся все судьи, а тыя сидят, что меня едят. Меня не съедят; у меня медвежий рот, волчий губы, свиные зубы. Суд судом, век веком! Кто мой мак будет подбирать, тот на меня будет суд давать. Спрячу я свой мак в железную кадь, а брошу кадь в Окиан-море. Окиан-море не высыхает, кади моей никто не вынимает, и маку моего никто не подбирает. Суд судом, век веком! Замыкаю зубы и губы злым сердцам, а ключи бросаю в Окиан-море, в свою железную кадь. Когда море высохнет, когда мак из кади поедят, тогда мне не бывать. Суд судом, век веком!

Заговор на посажение пчел в улей

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смирятся. Стану я на восток, против дальней стороны, и слышу шум и гул пчел. Беру я пчелу роя, окарая, сажаю в улей. Не я тебя сажаю, сажают тебя белые звезды, рогоногий месяц, красное солнышко, сажают тебя и укорачивают. Ты, пчела, ройся у такого-то, на округ садись. Замыкаю я тебе, матка, все пути-дороги ключом, замком; а бросаю свои ключи в Окиан-море, под зеленый куст; а в зеленом кусте сидит матка, всем маткам старшая, сидит и держит семьдесят семь жал, а жалит непокорных пчел. А будет вы, пчелы, моим словам не покоритесь, сошлю я вас в Окиан-море, под зеленый куст, где сидит матка, всем маткам старшая, и будет за ваше непокорище жалить вас матка в семьдесят семь жал. Слово мое крепко!

Заговор на утихание крови

Два брата камень секут, две сестры в окошко глядят, две свекрови в воротах стоят. Ты, свекор, воротись, а ты, кровь, утолись; ты, сестра, отворотись, а ты, кровь, уймись; ты, брат,

смирись, а ты, кровь, запрись. Брат бежит, сестра кричит, свекор ворчит. А будь мое слово крепко на утихание крови у раба, такого-то, по сей час, по сию минуту!

Заговор от укуса змеи

Змия Македоница! зачем ты, всем змиям старшая и большая, делаешь такие изъяны, кусаешь добрых людей. Собери ты своих теток и дядей, сестер и братьев, всех родных и чужих, вынь свое жало из греховного тела у раба такого-то; а если ты не вынешь своего жала, то нашлю на тебя грозную тучу, каменьем побьет, молнией пожжет. От грозной тучи нигде ты не укроешься: ни под землею, ни под межою, ни в поле, ни под колодою, ни в траве, ни в сырых борах, ни в темных лесах, ни в оврагах, ни в ямах, ни в дубах, ни в норах. Сниму я с тебя двенадцать шкур с разными шкурами, сожгу самою тебя, развею по чистому полю. Слово мое не прейдет ни в век, ни во век!

Заговор от черных муриев*

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Окиан-моря, лежит остров Буян; на том острове Буяне стоит дуб, под тем дубом живут седьмерицею семь старцев, ни скованных, ни связанных. Приходил к ним старец, приводил к ним тьму тем черных муриев. Возьмите вы, старцы, по три железных рожна, колите, рубите черных муриев на семьдесят семь частей.

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Окиан-моря, лежит остров Буян; на том острове Буяне стоит дом, а в том доме стоят кади железные, а в тех кадях лежат тенета шелковые. Вы, старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черных муриев в кади железные, в тенета шелковые, от раба такого-то.

За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Окиан-моря, лежит остров Буян; на том острове Буяне сидит птица Га-

* Муравьев.

гана, с железным носом, с медными когтями. Ты, птица Гагана, сядь у дома, где стоят кади железные, а в кадях лежат черные мурии, в шелковых тенетах; сиди дружно и крепко, никого не подпускай, всех отгоняй, всех кусай. Заговариваю я сим заговором раба такого-то, от черных муриев, по сей день, по сей час, по его век. А будь мой заговор долог и крепок. Кто его нарушит, того черные мурии съедят. Слово мое крепко!

Заговор от червей

Татарин, татарин, злодейской породы, урод из всех уродов! Зачем ты, татарин, сеешь червей у моей лошади из такого-то места? Если не выведешь, то вырву тебя с корнем, заброшу за синюю даль; ты засохнешь, как порошинка. Вспомнишь ты свою ошибку, да будет поздно.

Заговоры от зубной скорби

Заря-зарница, красная девица, полуночница, в поле заяц, в море камень, на дне лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою от проклятого лимаря; за твоим покровом уцелеют мои зубы. Враг лимарь, откачнись от меня; а если ты будешь грызть мои белые зубы, сокрою тебя в бездны преисподние. Слово мое крепко!

Месяц, ты месяц, серебряные рожки, златые твои ножки. Сойди ты, месяц, сними мою зубную скорбь, унеси боль под облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мне скорби не перенесть, а твоей силе перенесть. Вот зуб, вот два, вот три: все твои; возьми мою скорбь. Месяц, ты месяц, сокрой от меня зубную скорбь!

Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам. Навстречу мне заяц. Заяц, ты заяц: где твои зубы? Отдай мне свои, возьми мои. Иду я ни путем, ни

дорогою, а темным лесом, сырым бором. Навстречу мне серый волк. Волк, ты серый волк: где твои зубы? Вот тебе мои зубы, отдай мне свои. Иду я ни землею, ни водою, а чистым полем, цветным лугом. Навстречу мне старая баба. Старая ты баба: где твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай мне свои выпалые. Заговариваю я зубы крепко-накрепко у раба такого-то, по сей день, по сей час, на век веком!

Марфа, Мария и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите к своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не болят ли у тебя зубы? Не ломят ли у тебя кости? Нет, сестрицы! Не болят у меня зубы, не ломят у меня кости. Заговариваю я раба такого-то, чтобы у него не болели кости, не ломили зубы, по сей час, по сей день, по всю жизнь. Чуда водяной! Возьми зуб ломовой у раба такого-то. Не болят у раба такого-то зубы; болят зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, но все часы, по всю их жизнь, злым мученьем и сокрушеньем.

Заговор от пищалей и стрел

За дальними горами есть Окиан-море железное, на том море есть столб медный, на том столбе медном есть пастух чугунный, а стоит столб от земли до неба, от востока до запада, завещает и заповедывает тот пастух своим детям: железу, укладу, булату красному и синему, стали, меди, проволоке, свинцу, олову, сребру, золоту, каменьям, пищалям и стрелам, борцам и кулачным бойцам, большой завет:

Подите вы: железо, каменья и свинец, в свою мать землю от раба такого-то, а дерево к берегу, а перья в птицу, а птица в небо, а клей в рыбу, а рыба в море, сокройтесь от раба такого-то. А велит он: ножу, топору, рогатине, кинжалу, пищалям, стрелам, борцам, кулачным бойцам быть тихим и смирным. А велит он: не давать выстреливать на меня всякому ратоборцу

из пищали, а велит схватить у луков тетивы и бросить стрелы в землю. А будет мое тело крепче камня, тверже булату, платье и колпак крепчае панцыря и кольчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи под бел-горюч камень Алатырь. А как у замков смычи крепки, так мои словеса метки.

Заговор от ратных орудий

Летел орел из-за Хвалынского моря, разбросал кремни и кремницы по крутым берегам, кинул Громову стрелу во сыру землю. И как отродилась от кремня и кремницы искра, от громовой стрелы полымя, и как выходила грозная туча, и как проливал сильный дождь, что им покорилась и поклонилась селитра-порох, смирным-смирнехонько. Как дождь воды не пробил, так бы меня, такого-то, и моего коня искры и пули не пробивали, тело мое было бы крепче белого камня. И как от воды камни отпрядывают, и пузыри вскакивают, так бы от ратных орудий прядали мимо меня стрелы и порох-селитра. Слово мое крепко!

Заговор от пуль свинцовых, медных, каменных

В высоком терему, в понизовском, за рекою Волгою, стоит красная девица, стоит, покрашается, добрым людям похваляется, ратным делом красуется. Во правой руке держит пули свинцовые, во левой медные, а в ногах каменные. Ты, красная девица, отбери ружья: турецкие, татарские, немецкие, черкасские, русские, мордовские, всяких языков и супостатов: заколоти ты своею невидимою силою ружья вражия. Будут ли стрелять из ружья, и их пули были бы не в пули; а пошли бы эти пули во сыру землю, во чисто поле. А был бы я на войне цел и невредим, и мой конь был бы цел и невредим; а была бы моя одежда крепче панциря. Замыкаю свои приговорные словеса замком и ключ кидаю в Окиан-море, под горюч камень Алатырь. И как морю не высыхать, камня не

видать, ключей не доставать, так меня пулям не убивать, до моего живота, по конец века.

Заговор на железо, уклад, сталь, медь

Мать сыра-земля, ты мать всякому железу, а ты, железо, поди во свою матерь – землю, а ты, древо поди по свою матерь – древо, а вы, перья, подите во свою матерь – птицу, а птица полети в небо, а клей побеги в рыбу, а ты, рыба, поплыви в море, а мне бы, рабу такому-то, было бы просторно по всей земле. Железо, уклад, сталь, медь, на меня не ходите, воротитеся ушми и боками. Как метелица не может прямо лететь и ко всякому древу близко приставать, так бы всем вам ни мочно, ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мне и моему коню. Как у мельницы жернова вертятся, так железо, уклад, сталь и медь вертелись бы кругом меня, а в меня не попадали. А тело бы мое было от вас не окровавлено, душа не осквернена. А будет мой приговор крепок и долог!

Заговор на карты

Тридцать шесть карт, сестры и братья, кумы и кумовья, сваты и сватьи, дяди и тетки, отцы и матери, дочери и падчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и золовки, тести и тещи, зятья и свояки, золовки и невестки, все вы черные, все вы белые, все красные, скажите мне всю сущую правду: что я думаю? что буду думать? Скажите, не утаите, по всей справедливости, как вы говорили дочерям Иродовым на брачном пиру, во почетном столу. А будет не скажете вы сущей правды, не взыщете моей беды, ино вам не жить более на белом свете; а размычу я вас по чистому полю, по зеленым дубровам, по крутым берегам, по синим морям. А будет вы скажете сущую правду, ино вам будет житье привольное, раздольное. Заговариваю я, раба такая-то, на карты на выведывание своей думы, на спознание дел чужих. Слово мое крепко!

Заговор от осы

Оса, мать всем осам, ты мне не мать. Осятки-детки, всем детям детки, вы мне не дети. Беру я закручен-траву, сушу на сыром бору, жгу в зеленом лугу. Осятки, летите на дым; оса, беги в сырой бор. Слово замок, ключ язык!

Заговор от запоя

Ты, небо, слышишь, ты, небо, видишь, что я хочу делать над телом раба, такого-то. Тело Маерена, печень тезе. Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную; а в моей чаше вода из загорного студенца. Месяц ты красный, сойди в мою клеть; а в моей клети ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор; а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звезды, уймите раба такого-то от вина; месяц, отврати раба такого-то от вина; солнышко, усмири раба такого-то от вина. Слово мое крепко!

Заговоры на остановку руды*

На море на Окиане, на острове на Буяне, стоит дуб ни наг, ни одет. Под дубом сидят тридевять три девицы, колят камку иглами булатными. Вы, девицы красные: гнется ли ваш булат? Нет! Наш булат не гнется. Ты, руда, уймись, остановись, прекратись. Слово мое крепко!

Летит ворон без крыл, без ног, садится ворон к рабу такому-то на главу и на плечо. Ворон сидит, посиживает, рану потачивает. Ты, ворон, рану не клюй, ты, руда, из раны не беги. Идет старец, всем ставец, несет печать. Ты, старец, остановись, ты, ворон, не каркай, ты, руда, не капни. Крови не хаживать, телу не баливать. Пух земля, одна семья. Будь по моему!

* Крови.

Заговор от лихорадки

На горах Афонских стоит дуб мокрецкой, под тем дубом сидят тринадесять старцев с старцем Пафнутием. Идут к ним двенадесять девиц простоволосых, простопоясых. И рече старец Пафнутий, с тремянадесять старцами: кто сии к нам идоша? И рече ему двенадесять девицы: есмь мы царя Ирода дщери, идем на весь мир кости знобить, тело мучить. И рече старец Пафнутий своим старцам: зломите по три прута, тем станем их бита по три зори утренних, по три зори вечерних. Взмолишась двенадесять дев к тринадесять старцам с старцем Пафнутием. И не почто же бысть их мольба. И начата их старцы бита, глаголя: Ой вы еси, двенадесять девицы! Будьте вы трясуницы, водяницы, расслабленные, и живите на воде студенице, в мир не ходите, кости не знобите, тела не мучьте. Побегоша двенадесять девиц к воде студенице, трясуницами, водяницами, расслабленными.

Заговариваю я раба такого-то от иссушения лихорадки. Будьте вы прокляты двенадесять девиц в тартарары! отыдите от раба такого-то в леса темные на древа сухие.

Заговоры ратного человека, идущего на войну

Еду на гору высокую, далекую, по облакам, по водам, а на горе высокой стоит терем боярской, а во тереме боярском сидит зазноба, красная девица. Ты девица, зазноба молодеческая, иду за тебя во рать на супостатов моих, врагов-злодеев. Вынь ты, девица, отеческий меч-кладенец; достань ты, девица, панцирь дедовский; отомкни ты, девица, шлем богатырский; отопри ты, девица, коня ворона. Мне, меч-кладенец, будь другом, мне, панцирь дедовский, будь родным братом, мне, шлем богатырский, будь венцом обручальным, мне, конь вороной, будь удалым молодцем. Выди ты, девица, во чисто поле, а во чистом поле стоит рать могучая, а в рати оружий нет сметы. Закрой ты, девица, меня своей фатой: от силы вра-

жей, от пищали, от стрел, от борца, от кулачного бойца, от ратоборца, от дерева русского и заморского: от дубу, от вязу, от клену, от ясени, от ели, от рябины, от полена длинного не длинного четвертинного, от липы, от жимолости, от ивы, от сосны, от яблони, от курослепу, от орешины, от можжевельнику, от сена, от соломы, от кости, от железа, от уклада, от стали, от меди красной, зеленой, проволоки, от серебра, от золота, от птичьего пера, от неверных людей: нагайских, немецких, мордвы, татар, башкирцев, калмыков, гулянцев, бухарцев, кобытей, вовулов, бумирцев, турченинов, якутов, лунасов, черемисов, вотяков, либанов, китайских людей.

Вы, дерева, от меня раба такого-то, воротитесь; вы, железо и медь, и сталь, и злато, отлетайте; вы, люди неверные, отбегайте. А буде я ворочусь по-живу и по-здорову, ино буду, красна девица, тобою похвалятися, своею молодеческою поступью выказыватися. Твоя фата крепка, как камень горюч Алатырь; моя молодеческая поступь сильна, как вода мельничная. Дух духом, всех пинком, нет никого, я один, поживу, по-здорову.

Выкатило красное солнышко из-за моря Хвалынского, восходил месяц из-под синя неба, собирались облака издалека, собирались сизы птицы во град каменный, а в том граде каменном породила меня мать родная, раба такого-то, а рожая, приговаривала: будь ты, мое дитятко, цел-невредим: от пушек, пищалей, стрел, борцов, кулачных бойцов; бойцам тебя не требовать, ратным оружием не побивать, рогатиною и копнем не колоть, топором и бердышом не сечь, обухом тебя бить не убить, ножом не уязвить, старожилым людям в обман не вводить, молодым парням ничем не вредить; а быть тебе перед ними соколом, а им дроздами; а будь твое тело крепче камня, рубаха крепче железа, грудь крепче камня Алатыря; а будь ты: в доме добрым отцом, во поле молодцом, во рати удальцом, в миру на любованье, во девичьем терему на покрашенье, на брачном пиру без малого ухищренья, с отцом с матерью во миру, с женою во ладу, с детьми во согласии.

Заговариваю я свой заговор матерним заповеданием; а быть ему во всем, как там указано, во веки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговор всему превозмог.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый луг, во зеленом лугу есть зелия могучие, а в них сила видима-невидимая. Срываю три былинки белые, черные, красные. Красную былинку метать буду за Окиан-море, на остров на Буян, под меч-кладенец; черную былинку покачу под черного ворона, того ворона, что свил гнездо на семи дубах, а во гнезде лежит уздечка браная, с коня богатырского; белую былинку заткну за пояс узорчатый, а в поясе узорчатом завит, зашит колчан с каленой стрелой, с дедовской, татарской. Красная былинка притащит мне меч-кладенец, черная былинка достанет уздечку брауную, белая былинка откроет колчан с каленой стрелой. С тем мечом отобью силу чужеземную, с той уздечкою обратаю коня ярого, с тем колчаном со каленой стрелой разобью врага-супостата.

Заговариваю я ратного человека такого-то, на войну сим заговором. Мой заговор крепок, как камень Алатырь.

Под морем под Хвалынским стоит медный дом, а в том медном доме закован змей огненный, а под змеем огненным лежит семипудовый ключ от княжева терема, Володимерова, а во княжем тереме, Володимеровом, сокрыта сбруя богатырская, богатырей ноугородских, соратников молодеческих.

По Волге широкой, по крутым берегам плывет лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты, лебедь, полети к морю Хвалынскому, заклюй змея огненного, достань ключ семипудовый, что ключ от княжева терема Володимерова. Не моим крыльям долетать до моря Хвалынского, не моей мочи расклевать змея огненного, не моим ногам дотащить ключ семипудовый. Есть на море на Окиане, на острове на Буяне, ворон, всем воронам старший брат; он долетит до моря Хвалынского, заклюет змея огненного, притащит ключ семипудовый; а ворон посажен злою ведьмою киевскою.

Во лесу стоячем, во сыром бору стоит избушка, ни шитая, ни крытая, а в избушке живет злая ведьма киевская. Пойду ль я во лес стоячий, во бор дремучий, изойду ль я в избушку к злой ведьме киевской. Ты, злая ведьма киевская, вели своему ворону слетать под море Хвалынское, в медный дом, заклевать змея огненного, достать семипудовый ключ. Заупрямилась, закорачилась злая ведьма киевская о своем вороне. Не моей старости бродить до моря-Окиана, до острова до Пуяна, до черного ворона. Прикажи ты моим словом заповедным достать ворону тот семипудовый ключ. Разбил ворон медный дом, заклевал змея огненного, достал семипудовый ключ.

Отпираю я тем ключом княжий терем Володимеров, достаю сбрую богатырскую, богатырей ноугородских, соратников молодеческих. Во той сбруе не убьет меня ни пищаль, ни стрелы, ни бойцы, ни борцы, ни татарская, ни казанская рать.

Заговариваю я раба такого-то, ратного человека, идущего на войну, сим моим крепким заговором. Чур слову конец, моему делу венец!

На море на Окиане, на острове на Буяне, сидит добрый молодец, во неволе заточен. К тебе я прихожу, добрый молодец, с покорищем. Выдают меня родные братья во княжую рать, одинокого, неженатого, а во княжей рати мне по-добру не жити. Заговори меня своим молодеческим словом. Рад бы стоять во поле за тебя, горького сиротину, да крепка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я тебя раба такого-то идти на войну во всем по тому, как заповедовал мне родной отец. А будешь ты ратным человеком, ино будь сбережен: от топора, от бердыша, от пищали, от татарския пики, от красного булата, от борца, единоборца, от бойца врага-супостата, от всей поганой татарской силы, от казанской рати, от литовских богатырей, от черных божиих людей, от бабьих зазор, от хитрой немочи, от всех недугов. И будет тебе: топор не в топор, бердыш не в бердыш, пищаль не в пищаль, татарская пика не в пику, поганая татарская сила не в силу, казанская рать не в рать, черные божии люди не в люди, бабьи зазоры

не в зазоры, хитрая немочь не в немочь, литовские богатыри не в богатыри, недуги не в недуги. Кручусь, верчусь от топоров, бердышей, пищалей, пик, бойцов, борцов, татарской силы, казанской рати, черных божиих людей. Отмахнусь по сей век, по сей час, по сей день.

Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной росой, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стеной, кремлевской. Ты, стена кремлевская, бей врагов-супостатов, дюжих татар, злых татарчонков; а я был бы из-за тебя цел, невредим. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой росе, во стану ратном; а в стану ратном есть могучи богатыри, княжей породы, из дальних стран, со ратной Русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте татар, полоните всю татарскую землю; а я был бы из-за вас цел, невредим. Иду я во кровавую рать татарскую, бью врагов и супостатов; а был бы я цел, невредим. Вы, раны тяжелые, не болите, вы, удары бойцов, меня не губите, вы, пищали, меня не десятерите; а был бы я цел, невредим.

Заговариваю я раба такого-то, ратного человека, идущего на войну, сим моим крепким заговором. Чур слову конец, моему делу венец!

Завяжу я, раб такой-то, по пяти узлов всякому стрельцу немирному, неверному на пищалях, луках и всяком ратном оружии. Вы, узлы, заградите стрельцам все пути и дороги, замкните все пищали, опутайте все луки, повяжите все ратные оружия. И стрельцы бы из пищалей меня не били, стрелы бы их до меня не долетали, все ратные оружия меня не побивали. В моих узлах сила могуча, сила могуча змеиная сокрыта, от змея двунадесять-главого, того змея страшного, что пролетел за Окиан-море, со острова Буяна, со медного дома, того змея, что убит двунадесять богатырьми под двунадесять муромскими дубами. В моих узлах зашиты злой мачехою змеиные головы.

Заговариваю я раба такого-то, ратного человека, идущего на войну моим крепким заговором, крепко-накрепко.

Заговор молодца на любовь красной девицы

На море на Окиане, на острове на Буяне, лежит доска, на той доске лежит тоска. Бьется тоска, убивается тоска, с доски в воду, из воды в полымя, из полымя выбегал сатанина, кричит: павушка романея, беги поскорее, дуй рабе такой-то в губы и в зубы, в ее кости и пакости, в ее тело белое, в ее сердце ретивое, в ее печень черную, чтобы раба такая-то тосковала всякий час, всякую минуту, по полудням, по полуночам, ела бы не заела, пила бы не запила, спала бы не заспала, а все бы тосковала, чтоб я ей был лучше чужого молодца, лучше родного отца, лучше родной матери, лучше роду-племени. Замыкаю свой заговор семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цепями, бросаю ключи в Окиан-море, под бел-горюч камень Алатырь. Кто мудренее меня взыщется, кто перетаскает из моря весь песок, тот отгонит тоску.

Заговор от пореза

На море на Окиане, на острове на Буяне, лежит бел-горюч камень Алатырь, на том камне Алатыре сидит красная девица, швея мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шелковую, рудожелтую, зашивает раны кровавые. Заговариваю я раба такого-то от порезу. Булат, прочь отстань, а ты, кровь, течь перестань.

Заговор от недугов

Заговариваю я у раба такого-то двенадцать скорбных недугов: от трясавицы, от колючки, от свербежа, от стрельбы, от огневицы, от ломоты, от колотья, от дергания, от моргания, от слепоты, от глухоты, от черной немочи. Ты, злая трясавица, уймись, а не то прокляну в тартарары; ты, неугомонная колючка, остановись, а не то сошлю тебя в преисподние земли; ты, свербеж, прекратись, а не то утоплю тебя в горячей воде; ты,

стрельба, остановись, а не то засмолю тебя в смоле кипучей; ты, огневица, охладись, а не то заморожу тебя крещенскими морозами; ты, ломотье, сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье, притупись, а не то распилю тебя на мелкие частички; ты, дерганье, воротись, а не то запружу тобою плотину на мельнице; ты, морганье, окрутись, а не то в печи банной засушу; ты, слепота, скорчись, а не то утоплю тебя в дегтю; ты, глухота, исчезни, а не то засмолю в бочку и по морю пущу; ты, черная немочь, отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Все вы, недуги, откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь от раба такого-то по сей час, по сей день, по его жизнь, моим крепким словом.

Заговор на украденную вещь

На море на Окиане, на острове на Буяне, стоит железный сундук, а в железном сундуке лежат ножи булатные. Подите вы, ножи булатные, к такому и сякому вору, рубите его тело, колите его сердце, чтобы он, вор, воротил покражу такого-то, чтобы он не утаил ни синя пороха, а выдал бы все сполна. Будь ты, вор, проклят моим сильным заговором в землю преисподнюю, за горы Араратские, в смолу кипучую, в золу горючую, в тину болотную, в плотину мельничную, в дом бездонный, в кувшин банный; будь прибит к притолке осиновым колом, иссушен суше травы, заморожен пуще льда, окривей, охромей, ошалей, одервяней, одурей, обезручей, оголодай, отощай, валяйся в грязи, с людьми не смыкайся и не своею смертию умри.

Заговор оборотня

На море на Окиане, на острове на Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень, в зелен лес, в широкий дол. Около пня ходит волк мохнатый, на зубах у него весь скот рогатый; а в лес волк не заходит, а в дол волк не забродит. Месяц, месяц – золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дуби-

ны, напусти страх на зверя, человека и гады, чтобы они серого волка не брали и теплой бы с него шкуры не драли. Слово мое крепко, крепче сна и силы богатырской.

Заговор для любви

Исполнена есть земля дивности. Как на море на Окиане, на острове на Буяне, есть бел-горюч камень Алатырь, на том камне устроена огнепалимая баня, в той бане лежит разжигаемая доска, на той доске тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски из стены в стену, из угла в угол, от пола до потолка, оттуда чрез все пути и дороги и перепутья, воздухом и аером. Мечитесь, тоски, киньтесь, тоски, и бросьтесь, тоски, в буйную ее голову, в тыл, в лик, в ясные очи, в сахарные уста, в ретивое сердце, в ее ум и разум, в волю и хотение, во все ее тело белое и во всю кровь горячую, и во все ее кости, и по все составы: в 70 составов, полусоставов и подсоставов. И во все ее жилы: в 70 жил, полужил и поджилков, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всяк день, по всяк час, по всякое время, нигде б пробыть не могла, как рыба без воды. Кидалась бы, бросалась бы из окошка в окошко, из дверей в двери, из ворот в ворота, на все пути и дороги, и перепутья с трепетом, тужением, с плачем и рыданием, зело спешно шла бы и бежала, и пробыть без него ни единыя минуты не могла. Думала б об нем не задумала, спала б не заспала, ела бы не заела, пила б не запила, и не боялась бы ничего; чтоб он ей казался милее свету белого, милее солнца пресветлого, милее луны прекрасныя, милее всех и даже милее сну своего, по всякое время: на молоду, под полн, на перекрое и на исходе месяца. Сие слово есть утверждение и укрепление, им же утверждается, и укрепляется, и замыкается. Аще ли кто от человек, кроме меня, покусится отмыкать страх сей, то буди яко червь в свище ореховом. И ничем, ни аером, ни воздухом, ни бурею, ни водою дело сие не отмыкается.

Заговор родимой матушки в наносной тоске своей дитятки

На море на Окиане, на острове на Буяне, на полой поляне, под дубом мокрецким, сидит девица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится во тоске неведомой, во грустя недознаемой, во кручине недосказанной. Идут семь старцев с старцем, незванных, непрошеных. Гой ты еси, девица красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, почто сидишь на полой поляне, на острове на Буяне, на море на Окиане? И рече девица семи старцам с старцем: нашла беда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемит, болит головушка, не мил и свет ясный, постыла вся родушка. Взопиша семь старцев с старцем, грозным-грозно, учали ломать тоску, бросать тоску за околицу. Кидма кидалась тоска от востока до запада, от реки до моря, от дороги до перепутья, от села до погоста, и нигде тоску не укрыли; кинулась тоска на остров на Буян, на море на Окиан, под дуб мокрецкой.

Заговариваю я, родная матушка такая-то, свою ненаглядную дитятку такую-то от наносной тоски по сей день, по сей час, по сию минуту. Слово мое никто не превозможет ни аером, ни духом.

Заговор девушки от тоски

От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, от пути до перепутья, пролегала путь-дороженька, всем дорогам старшая и большая; по той дорожке шли дщери Иродовы, несли во руках пруты ивовы, а шли они во мир кости сушить, тело знобить, недугами мучить.

От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, на путях и перепутьях, вырастала травушка со муравушкой; на той травушке со муравушкой сидели тоска со кручиной, а сидели они да подумывали: как бы людей крушить, сердца щемить, света не возлюбить?

От востока до запада, от севера до юга, от реки до моря, среди белокаменной Москвы стоит терем боярский; в том тереме боярском сидит во тоске красная девица по незнаемой беде.

Вы, дщери Иродовы, не ходите по пути и дороженьке на мир кости знобить, тело сушить, людей мучить, а идите вы на травушку со муравушкой, что на ту травушку, где сидит тоска со кручиной, и велите вы тоске со кручиной, чтобы они изгнали из ретива сердца красной девицы, у рабы такой-то, наносную тоску, а не покорится вам тоска со кручиной, ино вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю сим моим заговором крепко-накрепко. А кто мой заговор возодолеет, и ему провалиться сквозь тартарары.

Заговор полюбовного молодца на любовь девушки

За морем за Хвалынским, во медном городе, во железном тереме сидит добрый молодец, заточен во неволе, закован в семьдесят семь цепей, за семьдесят семь дверей, а двери заперты семьюдесятью семью дамками, семьюдесятью крюками. Никто доброго молодца из неволи не ослободит, никто доброго молодца досыта не накормит, допьяна не напоит. Приходила к нему родная матушка такая-то во слезах горючих, поила молодца сытой медовой, кормила молодца белоснеговой крупой, а, кормивши молодца, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу со буйными ветрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрелу по поднебесью, не стрелять бы во белых лебедей, что лебедей княжиих, не доставать бы молодцу меч-кладенец врага-супостата, а жить бы молодцу во терему родительском, с отцом-с матерью, с родом-племенем. Уж как возговорит добрый молодец: не чисто поле меня сгубило, не буйны ветры занесли на чужую добычу, не каленой стрелой доставал я белых лебедей, не мечом-кладенцом хотел я до-

стать врагов-супостатов, а сгубила молодца воля молодецкая, во княжем терему над девицей красной такой-то.

Заговариваю я, родная матушка такая-то, полюбовного молодца такого-то на любовь красной девицы такой-то. Вы, ветры буйные, распорите ее белу грудь, откройте ее ретиво сердце, навейте тоску со кручиной, чтобы она тосковала и горевала; чтобы он ей был милее своего лица, светлее ясного дня, краше роду-племени, приветливее отца с матерью; чтобы ей он казался во сне и на яву, в день и полдень, в ночь и полночь; чтобы он ей был во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по нем, и без него бы радости не видала, утех не находила. Кто камень Алатырь изгложет, тот мой заговор превозможет. Моему слову конец на любовь красной девицы такой-то.

Заговор на воду

Во черной избе, за дубовым столом, стоит трясавица на полице. Ты, трясавица, не вертись, а ты, притолка, не свихнись. Вертелось бы, свихнулось зелено вино в чаше; и вертело бы вино, и свихнуло бы вино все притаманное, неведомое, да что не слыхано, да что не сказано в таком-то дому, на такову-то беду. А буде ты, трясавица, завертишься, а буде ты, притолка, свихнешься, ино будет вам от меня лютово неволье, да злово томленье, а на иново вам будет все по-добру, по-здорову, как бывало доселево. Слово мое крепко.

Заговор островника на зеленую дуброву

Хожу я, раб такой-то, кругом острова такого-то, по крутым оврагам, буеракам, смотрю я чрез все леса: дуб, березу, осину, липу, клен, ель, жимолость, орешину, по всем сучьям и ветвям, по всем листьям и цветам. А было бы в моей дуброве по-живу, по-добру, по-здорову. А в мою бы зелену дуброву не заходил ни зверь, ни гад, ни лих человек, ни ведьма, ни леший, ни домовой, ни водяной, ни вихрь. А был бы я большой

небольшой; а было бы все у меня во послушании, а был бы я цел и невредим.

Заговор от лихого человека

Иду я по чистому полю, навстречу бегут семь духов с полудухами, все черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы, духи с полудухами, к лихим людям, держите их на привязи, чтоб я от них был цел и невредим во пути и дороге, во дому и лесу, в чужих и родных, во земле и на воде, во обеде и на пиру, в свадьбе и на беде. Мой заговор долог, мои слова крепки. Кто мое слово испровержет, ино быть во всем наиново, по-худу, по-недобру, как вопреди сказано.

Заговор красной девицы от недугов полюбовного молодца

Иду я, девица такая-то, из ворот в чисто поле, в Окиан-море, становлюсь я, девица такая-то, на бел-горюч камень Алатырь, опоясываюсь белой пеленой, заговариваю своего полюбовного молодца такого-то от злых недугов с принедугами, полунедугами. Вы, злые недуги, не недужьте раба такого-то. Отсылаю я вас в Окиан-море, в бездны преисподния, в котлы кипучие, в жар палючий, в серу горючую, по сей день, по сей час, по мое крепкое слово. А был бы мой полюбовный молодец бел и хорош; а милее бы его не было во всем свете; а приветнее бы его не было и во тереме княжем; а залучнее бы его не было во всей околице; а любил бы он меня от роду до веку, по всю мою жизнь. Слово мое крепко.

Заговор охотника на уток, гусей, тетеревов

На море на Окиане, на острове на Буяне, на зеленой осоке сидит птица, всем птицам старшая и большая, а держит она грамоту неписаную, и велит она всем птицам слетатися на

такие-то озера и болота, и велит всем птицам сидеть от утра до вечера, от утренней до вечерней зори, от ночи до полуночи. Заговариваю я, раб такой-то, уток, гусей, тетеревей, всякую птицу ведомую и неведомую сидеть несходно по мой приход, по мое крепкое слово, во веки ненарушимо.

Заговор на любовь

На море на Окиане есть бел-горюч камень Алатырь, никем неведомый; под тем камнем сокрыта сила могуча, и силы нет конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную девицу; сажаю я силу могучу во все составы, полусоставы, во все кости и полукости, во все жилы и полужилы, в ее очи ясны, в ее щеки румяны, в ее белу грудь, в ее ретиво сердце, в утробу, в ее руки и ноги. Будь ты, сила могуча, в такой-то красной девице неисходно; а жги ты, сила могуча, ее кровь горючую, ее сердце кипучее на любовь к такому-то полюбовному молодцу. А была бы красная девица такая-то во всем послушна полюбовному молодцу такому-то по всю его жизнь. Ничем бы красная девица не могла отговориться, ни заговором, ни приговором, и не мог бы ни стар человек, ни млад отговорить ее своим словом. Слово мое крепко, как бел-горюч камень Алатырь. Кто из моря всю воду выпьет, кто из поля всю траву выщипит, и тому мой заговор не превозмочь, силу могучу не увлечь.

Заговор от черной немочи

Летит птица за моря, бежит зверь за леса, бежит дерево в дерево, мать земля в свою мать землю, железо в свою мать руду, так бы черная немочь бежала в свою мать тартарары, во тьму кромешную, а бежала б назад не ворочаючи, а был бы такой-то человек жив и здоров. А буде ты, черная немочь, моим речам покорища не дашь, велю тебя птице за моря унесть, зверю в лес затащить, мать земле в свою мать во сыру землю заложить, железу в свою мать руду заковать, и будет тебе горе великое, а таков-то человек жив и здоров. Замыкаю

свои словеса словом великим, им же замыкаются все недуги с полунедугами, все болести с полуболестями, все хворобы с полухворобами, все корчи с полукорчами; а замыкаю я мое слово великое на такого-то человека от черной немочи, по сей день, по сей час, по всю его жизнь.

Заговор от бешеной собаки

На море на Окиане, на острове на Буяне, стоит дом, а в том доме сидит старица, а держит она жало. Ты, старица, возьми свое жало и прииди к рабу такому-то; вынь из раба такого-то жало смертное. Заговариваю раны болючие на руках, на ногах, на голове, во лбу и в затылке, на бровях и подбородке. Будьте во веки веков на собаке черной, серой, красной, седой, рыжей, белой, сидите и во веки не сходите.

Заговор от родимца

На море на Окиане, посредь моря Белого, стоит медный столб, от земли до неба, от востока до запада, а во том медном столбе закладена медная медяница от болестей и хворостей. Посылаю я раба такого-то в тот медный столб, что на море на Окиане, и заповедаю ему моим словом заповеданным заклясть родимец во тот медный столб. А был бы с того заповедания такой-то цел и невредим, и от родимца избавлен, по сей час, по всю жизнь.

Заговор молодухи от лютой беды

Выхожу я во новы сени дубовые, на широк двор заборчатый, гляжу я по всем по дорогам и перепутьям, вижу я от земли до неба звезды ясные. Вы, дороженьки и перепутьицы, задержите моего мужа такого-то; вы, звезды ясные, затемните свой светло-яркий свет, чтобы без вашего светушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютого тоску со кру-

чиною, сон со дремотою, забытье со беспамятью; а был бы он и глух и нем по мою лютую беду. Насылаю я на свекровь зазойливую печаль со бедою, сон со дремотою; а была бы она слепа и нема по мою лютую беду.

Заговор красной девицы от призороков

Посреди Окиан-моря выходила туча грозная с буйными ветрами, что ветрами северными, подымалась метель со снегами, нагонялись волны на высок терем, налетали орлы черны на широк дол, выходила красная девица к загорному студенцу, во тоске, во кручине, садилась красная девица вокруг студенца, а сама говорила таковы речи: Гой ты, туча грозная, со буйными ветрами! умчи ты, туча грозная, тоску со печалью от красной девицы, рабы такой-то, на Окиан-море, застели ей путь и дороженьку метелью со снегами, прикрой призороки бело-серыми волнами, приставь в сторожи черных орлов. Умываю я красную девицу такую-то из загорного студенца ключевой водой; стираю я с красной девицы такой-то все узороки с призороками; отмахиваю я от красной девицы такой-то зловещих воронов с воронихами, с ворончатами; отгоняю я от красной девицы такой-то ее заклятого врага, что того врага, что заронил призороки в ее тело белое, в ее сердце ретивое, что того врага, что затмил очи ясны, что того врага, что порудил красоту девичью, что того врага, что сгубил семью почетную, что отнял дочь от матери, что сокрушил отца безвременьем дочерним.

Заговариваю мои заповедные словеса сим моим крепким заговором на отгнание призороков от рабы такой-то по сей день, по сей час, по ее жизнь. А будет заговор ничем не порушим: ни водою, ни землею, ни огнем, ни аером, ни словом, ни духом; а быть ему во всем по тому, как уряжено мною. А буде кто покусится порушить мой заговор, ино ему провалиться в бездны преисподние, в яму угольную, а красной девице такой-то быть по-добру, по-здорову.

Заговор от колотья и болестей

Заговариваю у рабе такой-то колотья и болести сим моим крепким заговором; и заповедаю вам, колотье и болести, таскаться по миру от востока до запада, от озера до болота, от горы до дола, от моря до моря, от избы до терема, от леса до перелесья, от стара до мала человека, от зверя до гада, от города до пригородов, от села до погоста, от деревни до стана, от звезды до месяца; а к востоку до запада не доходить, а в озере со болотом утонуть, а с дола на гору не влезть, от моря до моря не перебродить, и в лесу с перелесьем зацепиться, а от старца до мала человека быть побиту, и от зверя до гада быть заедену, от города до пригородов быть изгнану, от села до погоста быть поодаль, от деревни до стана быть за каналом, от звезды до месяца не досячь. Мои словеса велики, мой заговор крепок. Кто же от человек порушит мои словеса, кто задумает расторгнуть мой заговор, и тому не бывать, а быть во всем по моему.

Заговор на изгнание с островника зверей и гадов

Хожу я по залесью утренней росой, собираю я травы зельные, варю травы зельные во медяной росе, поливаю травами зельными со водою по всем кустам, по всем полям, по всем межам. Вы, звери лютые, выходите, вы, гады, выбегайте, вы, недобрые люди, отбегайте. Во моем островнике зверям не живать, гадам не бывать, недобрым людям не захаживать, а быть бы мне большим набольшим; а звери бы в моем островнике меня слушались, а гады бы с моего островника прочь отбегали бы. Мое крепкое слово да будет всему превозмог. Как могучи травы зельные, так бы могучей того был мой заговор под молоду, под исход, под перекрой, по восход и по закат солнца; под пояс Сажара и Кучекроя, под Замежуя, под Отвори ворота, под Наскоча, под Золенца, под звезды ясные и темные, со всеми звездами и полузвездами.

Заговор на поход

Стану я раб такой-то благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду я в чистое поле, стану на восток лицом, на запад хребтом. *Акиры* и *Оры*, и како идут цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, все православные роды, и не думают зла и лиха, такожде и на меня раба такого-то не думали бы зла и лиха как цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и все вельможи, и все православные роды, возрадуются и возвеселятся, такожде меня раба такого-то увидели вы, цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини и все православные роды христианские, возвеселились; и как не видит мати отлученного дитя многие лета, а увидит возвеселится и возрадуется зело весело и радостно, такожде меня, раба такого-то, увидев, возрадовались бы и возвеселились цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, все вельможи и все православные роды христианские. Как не можно небесные колесницы превратить, такожде вы меня и моих слов не могли б превратить, во веки веков.

Заговор от скорой доспешки

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей во двери, из ворот в ворота, в чистое поле; в чистом поле три дороги. Я пойду в правую дорогу, в правую дорогу к Колоню со восточную сторону, к Окиан-морю. В Окиан-море есть Алатырь камень, на том камне стоит человек; он стреляет по чисту полю, а убивает всякие боли. Прошу я, раб такой-то, не стрелять по чисту полю, а стрелять раба такого-то от скорой болезни, от доспешки, от осудища, от черного волоса, от белого волоса, от русого волоса, от темного волоса, и от всякого нечистого взгляда. Пойду, зайду я, раб такой-то, в дом к красной девице; у ней топится свеча восковая, за темьяном, за ладаном, за кутьей. Попрошу я у красной девицы здоровья от доспешки, от вешней, полувешней, от летней, полулетней, от осенней, полуосенней,

от зимней, полузимней, от земляной доспешки, водяной доспешки, ветряной доспешки, от стречника и поречника.

Заговор на остуду между мужем и женой

Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымным окном да подвальным бревном, положу шапку под пяту, под пяту, не на сыру землю, не на сыру землю да в черный чобот; а в том чоботу побегу я в темный лес, на большо озерищо, в том озерище плывет челнище, в том челнище сидит черт с чертищей; швырну я с-под пяты шапку в чертища. Что ты, чертище, сидишь в челнище, с своей чертищей? Сидишь ты, чертище, прочь лицом от своей чертищи; поди ты, чертище, к людям в пепелище, посели, чертище, свою чертищу такому-то в избище, а в той избище, не как ты, чертище, со своей чертищей, живут людища мирно, любовно, друг друга любят, чужих ненавидят. Ты, чертище, вели чертище, чтоб она, чертища, распустила волосища; как жила она с тобой в челнище, так жил бы такой-то со своей женой в избище. Чтоб он ее ненавидел. Не походя, не поступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по телу неугожество, не могла бы ему ни в чем угодить и опротивела бы ему своей красотой, омерзела бы ему всем телом. Как легко мне будет отступить от тебя, как легко достать шапку из озерища; тебе, чертищу, хранить шапку в озерище, от рыбы, от рыбака, от злого колдуна. Чтобы не могли ее ни рыбы съесть, ни рыбак достать, ни злой колдун отколдовать, на мир и на лад. И вместо рукописи кровной отдаю тебе я слюну.

Заговор на удачную ловлю зверей

Встану я, раб такой-то, благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, шитым браным полотеничком утрусь, пойду из избы, со отцом прощусь, с матерью благословлюсь. Пойду из избы в двери, из дверей в сени, из сеней на крылечко, с крылечка по лестнице в чистое поле, в твердые заводы,

в восточную сторону, во темные леса, под ясную зорю, под красное солнце, под светлый месяц, под частые звезды! Ясной зорей оденусь, красным солнцем опояшусь, частыми звездами опотычусь; пойду я, раб такой-то, со своим железным кляпцом в темные леса, в восточную сторону, в чистое поле, а в том чистом поле лежит бел-горюч камень; стану я, раб такой-то, к востоку лицом, к западу хребтом, на все четыре стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мне, рабу такому-то, за охотою ходити, белых и серых зайцев ловити; куниц и лисиц, и серых волков, дорогих зверей рысей загоняти и залучати, чтобы бежали по своей ступи и по своей тропе, безопасно, на сторону не отмятывались и взад не ворочались. И сохраните меня, раба такого-то, с моим железным кляпцом от урока и призора, от стрешника и поперешника, от колдуна, и от ведуна, и от поветра, от двоезубых и троезубых, от двоеженных и троеженных, от кривых и слепых, от русоволосых, и беловолосых, и черноволосых, и от пустоволосых, от девки и от парня, чтобы им меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына – тын железный, а другой медный, третий булатный; замки замкнитесь, отнеситесь, ключи и замки; чтобы эти ключи лежали там безопасно, как ели к хвоя, так к кляпцам железо! А мне, рабу такому-то, скок крепок и жесток! В синем море синий камень, в черном море черный камень, в белом море белый камень. Сей мой заговор.

Заговор на тоску молодцу по красной девице

Стану я, раба такая-то, благословясь, пойду, перекрестясь, из избы в двери, из двора в ворота, выйду в чистое поле, в подводосточную сторону, в подводосточной стороне стоит изба, среди избы лежит доска, под доской тоска. Плачет тоска, рыдает тоска, белого света дожидается! Белый свет красна солнышка дожидается, радуется и веселится! Так меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не мог бы без меня ни жить, ни быть, ни пить, ни есть; ни на утренней зоре, ни на вечерней; как рыба без воды, как младе-

нец без матери, без материна молока, без материна чрева не может жить, так бы раб такой-то без рабы такой-то не мог бы жить, ни быть, ни пить, ни есть, ни на утренней зоре, ни на вечерней, ни в обыден, ни в полдень, ни при частых звездах, ни при буйных ветрах, ни в день при солнце, ни в ночь при месяце. Впивайся, тоска, въедайся, тоска, в грудь, в сердце, во весь живот рабу такому-то, разростись и разродись по всем жилам, по всем костям ноетой и сухотой по рабе такой-то.

Заговор от грыжи

Стану я, раб такой-то, благословясь, пойду, перекрестясь, из дверей в двери, из ворот в ворота, в чисто поле, в подводосточную сторону, к морю к Окиану, в море-Окиане лежит Алатырь камень, на том камне Алатыре стоит дом. Попрошу я, раб такой-то, здоровья, об такой-то болезни, об наличном мясе, от грызоты, от болеты, от ломоты. Бежит река огненная, чрез огненную реку калиновый мост, по тому калинову мосту идет стар матер человек; несет в руках золотое блюдечко, серебряно перышко, мажет у рабе, такой-то, семьдесят жил, семьдесят костей, семьдесят суставов; збавляет с раба такого-то семьдесят болезней. Не боли и не ломи, и не отрыгай, и не откидывай, ни на конце, ни на ветке никогда.

Заговор на остуду

Как мать быстра река Волга течет, как пески со песками споласкиваются, как кусты со кустами свиваются, так бы раб такой-то не водился с рабой такой-то ни в плоть, ни в любовь, ни в юность, ни ярость; как в темной темнице и в клевнице, есть нежить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; так бы раба такая-та казалась рабу такому-то простоволосой и долговолосой, и глаза выпучивши; как у кошки с собакой, у собаки с росомахой, так бы у раба такого-то с рабой такой-то не было согласья ни днем, ни ночью, ни утром, ни в полдень, ни в пабедок. Слово мое крепко!

СКАЗАНИЯ О ЧАРОДЕЙСТВЕ

Чары на ветер

Чары на ветер известны были в русском чернокнижии еще в XVI столетии. Курбский, участник славы царя Иоанна IV Васильевича, описывая казанскую битву, говорит, что казанские татары, желая очаровать русскую рать, навевали ветры с своей стены. Люди, незнакомые с русскою семейною жизнию, до сих пор обвиняют Курбского за это известие. Чтобы увериться – действительно ли существуют чары на ветер, стоит только заговорить с первым русским селянином, и сотни примеров будут пред глазами. В селах говорят, что какой-то пчельник научил чародеев такому ремеслу, когда отроившиеся пчелы улетали к соседям; но, рассматривая применение чар на ветер к разным случаям, видно, что они были занесены к нам с чужой стороны. Кажется, без всякого сомнения, можно предполагать, что чары на ветер изобретены казанскими чародеями.

Чары на ветер составляют жестокую месть в оскорблении. Желая отомстить своему врагу, поселяне отправляются к чародею, рассказывают свою обиду, просят его почаровать на ветер. Чародей, получивши подарки: вино, деньги, холстину, спрашивает: «В какой стороне живет твой супостат?» – «Вот в этой-то сторонке, – говорит обиженный, – живет мой супостат!» – Выходят вместе на дорогу и оба смотрят: есть ли туда попутный ветер? Если есть ветер, тогда приступают к совершению обряда. Обиженный поселянин берет с дороги снег или пыль, смотря по времени года, и отдает с поклоном чародею. Этот, принявши пыль, бросает на ветер, приговаривая проклятие: «Кулла, Кулла! Ослепи такого-то, черные, вороные, голубые, карие, белые, красные очи. Раздуй его утробу толще

угольной ямы, засуши его тело тоньше луговой травы. Умори его скорее змеи медяницы!»

Проговоривши проклятие, чародей глубоко задумывается, потом рассказывает: вид, приметы, место – куда долетели его чары; уверяет, как корчило этого человека, как он лишался зрения, как раздувался своею утробою, как начал чахнуть, как теперь томится недугом смертным.

Поселяне убеждены, что если их враг попадется под проклятие чародея, то он непременно будет жертвою чарования. Но как этого на самом деле не бывает, то всегда утешают себя тем, что на эти чары попался посторонний человек, сходный лицом и всеми приметами с его врагом. Вероятно, что извинения высказываются наперед самими чародеями, в оправдание своего обмана. Доверенность и настроенное воображение к чудесам составляют основу всякого чарования. Знавши простоту поселян, их доверенность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяют себя обманывать чародеям. Мне известны многие усилия, предпринимаемые для истребления сего обмана, но, к сожалению, увеличившие еще более уверенность простодушных в действительности этих чар. Кажется, что все это происходит оттого, что благодетельные помещики не знают, как вооружиться против этого зла? Справедливое удовлетворение обиды, внимание к бедствию могут навсегда истребить верование в чары на ветер. Русский поселянин тих и спокоен, добр от природы, понятлив до последней возможности. Случись с ним бедствие, он лишается этих наследственных доблестей, и тогда-то предается с полною достоверностию в распоряжение обманщиков.

Чары на след

Чары на след употребляются едва ли не во всех селениях. Верование поселян так к ним безгранично, что никто не может их разуверить. Человек, подвергшийся этому чарованию, почитается от всех погибшим, недоступным ко всякому исцелению. Трудно решить: когда забрело на Русскую землю это

чарование? Что оно не русское создание, в этом нет сомнения. Люди, занимающиеся этим ремеслом, суть: цыгане, литовцы, татары, молдаване, сельские русские коновалы, бродящие по русским селениям с предложением услуг, всегда остающихся в наклад простодушным поселянам. *Спрашивай бывалого* – русское поверие – составляет причину всех сельских бедствий. Расспрашивая бывалого о чужеземных диковинках, поселяне всегда стараются выпытывать, всеми возможными средствами, об отвращении бедствий. И здесь-то бывалый, как опытный обманщик, научает глупостям всякого рода.

Чары на след есть не что другое, как обыкновенная болезнь, известная в медицине под именем *старческого увядания* – Marasmus. Человек сохнет, теряет с каждою минутою жизненные отправления, лишается умственных способностей и, в истощении постепенном, медленном, умирает. Поселяне, не понимающие свойства болезней, приписывают это болезненное состояние чарам на след.

В селениях чары на след употребляются: в любовных интригах, в размолвке соседей, в явной, непримиримой вражде. В первых двух случаях будто они нагоняют только вечную тоску, отвращение от занятий и неизбежную смерть; в последнем же случае, кроме тоски, иссушают человека до последней возможности и доводят нередко до самоубийства. Вот основное верование поселян в чарование.

Поселяне, предпринимающие совершать чары на след, стараются подметить след проходящего человека, своего непримиримого врага. Заметивши след, они закрывают его, чтобы посторонние не истребили. Чародеи считают те только лучшими следы, которые были напечатлены: на песке, пыли, грязи, росе, снеге, и в особенности те, на которых есть волосы животных и людей. Это условие, кажется, выдумано по необходимости, для оправдания обмана. Призванный чародей так искусно отделяет след, что он представляет как бы слепок со ступни. Для этого они употребляют широкий ножик, как говорят они же, окровавленный вихрем. Над снятым слепком читают тайно заговоры. Когда обиженный требует только нанесе-

ния тоски, тогда чародеи прячут след или под матицу, или под князек; когда же обиженный требует смертельного отмщения, тогда он, в глухую полночь, сжигает след в бане.

Зло, совершенное чародеями над подвергшимся этому чарованию, может быть и уничтожено. Заметивши тоску, поселяне призывают или *доку*, или *ведуна*, или *знахаря* и просят его, с подарками, избавить больного от недуга. Дока, решившийся помогать, прежде всего осматривает матицу, потом князек, пересчитывает волосы. Поселяне слепо верят, что докам известно, сколько у каждого человека есть волос и что вылезающие волосы всегда падают под след. Если они найдут след и заметят в нем волосы, тогда обещают избавление. Когда же обещание не сбывается, тогда уверяют, что замеченные ими в следе волосы, вероятно, принадлежали другому. Это условие есть приготовленное оправдание для неудачи. Дока выносит найденный след на улицу и бросает на дорогу, по направлению ветра. Этим самым сгоняется тоска. Когда дока не отыщет следа, тогда предлагает больному сжечь белье под Благовещение, уверяя, что только это средство избавит его от недуга.

Всякий благомыслящий человек, конечно, будет сожалеть о заблуждении поселян и, без сомнения, пожелает истребления этого поверия. Что чары на след есть обман, в этом нет сомнения. Кто, кроме помещиков и приходских священников, может истребить это зло? На них основывается надежда в исполнении общего желания!

Чары для калек

Чары для калек должны обращать особенное внимание помещиков по своему злоупотреблению в семейной жизни. Простолюдин решительно верит, что калеки, люди, обезображенные разными болезнями, суть несчастливцы, очарованные доками, ведунами. Можно ли придумать нелепее сего заблуждения? Русский поселянин, при взгляде на калек, сожалеет об них, но вместе с тем и страшится, предполагая в их теле присутствие *нечистой силы*. Нельзя обвинять поселянина за это

последнее предположение: достоверные известия об изуродовании людей могут приводить всякого в содрогание. Давно ли исчезли в современной нашей городской жизни толпы слепых, подводы с изуродованными людьми? До сих пор еще скитаются они по селениям, до сих пор еще проказы их существуют. Не говоря о явном изуродовании людей, совершаемом слепыми и калеками, для благовидного собирания милостыни, чары для калек действительно находятся в русском чернокнижии. Чтобы уверить себя, что они занесены в нашу родину с чужой стороны, рассмотрим совершение самого обряда. Это только одно может доказать, что русский поселянин не был их изобретателем.

Чародеи, для совершения своего обряда, берут *землю* со свежей могилы, вынимают *золу* из семи печей, собирают соль из семи изб. Все это смешивают вместе, или зашивают в онучи или в чулки, или кладут в лапти вместо подстилки. Без всякого сомнения, что участником такого обряда должен быть кто-нибудь из семейных или близких людей. Тот, кому обречено это снадобье, лишается употребления ноги. В этом заключается совершение чаров для калек.

Объяснить это чародейство можно очень просто. Земля, взятая со свежей могилы, всегда заключает в себе или частицы селитренные, или известковые, но в смешении с золою и солью образует такой химический состав, который легко может поглощать в себя испарения и сообщать их другим телам. Такой состав, сообщенный с ногою, весьма скоро поглощает ножную испарину и, будучи растворим ею, овлаживает, так сказать, своею сыростью соприкосновенные части. Если при этом обратим внимание на способность человеческой организации всасывать влажность, то легко уверимся, что состав чародеев для калек основан на всасывании испарений и что вследствие этого неизбежно должен образоваться *искусственный ревматизм*. Простолюдин, не понимая законов природы, но веруя в ревматизмы, всегда будет уверять, что то делают злостные мертвецы, ненавидящие живущих людей за то, что они, будто бы наперекор судьбы, остаются взамен их наслаждаться мирскими удовольствиями.

Военные врачи, в мирное время, должны обращать особенное внимание на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться от службы, добровольно подвергаются чарам для калек.

Невозможно допустить, чтобы русский поселянин, чуждый химических сведений, мог быть изобретателем искусственного ревматизма – или чаров для калек. Если есть из русских занимающиеся этим промыслом, то вероятно, что они исполняют это по преданию, без всякого понятия о законах химического соединения, без знаний о действии веществ на человеческое тело. После сего мы смело можем сказать: чары для калек есть изобретение чужеземное, занесенное в Русскую землю. Доселе еще остаются темные понятия о кликушах, которых всегда выдают за беснующихся. Но и это есть болезнь: *искусственная истерика*. Кровогонительные средства, нарушая отправление женских органов, возвышая раздражение нервной системы, образуют такое искусственное состояние *нервного электричества*, что врачи никак не могут подвести болезни этого рода под обыкновенные законы происхождения болезней. Заметим еще важное обстоятельство: многие из поселян обладают особенным знанием действия веществ на человеческий организм, знанием, недоступным для врачей. Это-то знание, облеченное разными таинствами, обрядами, обманами, всегда употребляется ими во зло. От сего произошло образование многих искусственных болезней.

Чары на лошадь

Чары на лошадь, сопровождаемые глупым верованием в мщение мертвецов, нашли для себя приют в сельской жизни. За достоверное можно принять, что основателями сего чародейства были цыгане, люди, посвятившие всю свою жизнь на обманы, особенно при продаже лошадей. Кучера, покровители этого обмана, делаются вместе и исполнителями чаров на лошадь.

Чтобы совершить над лошадьми чары, поселяне, по совету чародеев, вытаскивают из гробов гвозди, бросают их в конюшни, и там, где это будет сделано, лошади лишаются ног.

В этом чародействе еще более видно ослепление черни. Гвоздь, хотя бы он был взят прямо из кузницы, легко может вонзиться в ногу животного и тем лишить его употребления ноги. Обманщики прикрыли это зло таинственным повернем, основанным на мщении мертвецов.

Пастухи, из ненависти к владельцам домашних животных, вбивают в ноги лошадей, коров, овец деревянные гвозди, сделанные из осколков гробовых досок. От этой жестокой операции невинное животное хромает, получает раны и умирает. Обманщик, уверивший простолюдина поверием, что покойник, приходя ночью вытаскивать гвоздь, ломает ноги животным, доставляет все способы для зла. Отклоняя от себя постыдное действие, простолюдин воображает, что причиною сделанного зла бывают посторонние люди.

Конечно, никто не будет считать этот поступок за чародейство; но он существует в сельской жизни и столько причиняет вреда, как и самая опустошительная болезнь. Поселянин, сам собою, не решается на эти чары без содействия чародея.

Чары на подтёк

Чары на подтёк принадлежат более к домашним бедствиям, нежели к чудесам, неизъяснимым ни законами природы, ни понимаемым рассудком. В селах есть поверие, что таким чарованием обладают мельники.

Мельник русский для своего заведения бывает вместе и механиком и гидравликом. Плотина для мельничного пруда есть верх его искусства, предмет зависти соседей и вместе укоризна для соперников по ремеслу. Люди ненавистные придумали разрушать плотины, устраиваемые в течение многих лет.

Чародеи явились с своими услугами и образовали чары на подтёк, содержимые в большой тайне. Призванные злобным мельником, они бросают в пруд змеиное молоко. Поселянин верит, что это так, как уверяет его знахарь своего дела. Но змеиное молоко чародея есть – *живая ртуть*. Кроме змеиного молока, чародеи советуют бросать в осминном мешке золу по зо-

рям вечерним и утренним, уверяя, что зола выгоняет из пруда водяного дедушку. Чернь слепо верит и в зори, и в водяного.

Могут ли чародеи разрушить этими средствами плотину, решить невозможно; но что это зло, в этом нет сомнения. Облекая его мифами и чудесным рассказом о выходе водяного из воды, обманщики обольстили простодушные сердца поселян, часто недоступные к состраданию.

Чары над змеей

Чары над змеею изобретены любовными необходимостями. Простодушным кажется всегда возможным преклонить человеческое сердце к любви неволею. Не довольствуясь одними заговорами, они прибегали к чарованию, и знахари явились пред ними с чарами. Восток древней жизни, изобретатель чаровании, распространил любовные чары по всему свету. Невежество людей приняло с восторгом обольщение старой жизни, украшенное восторженными рассказами, роскошною жизнью. Русская земля получила все любовные чарования от греков, с первых дней сношения с этим народом.

Главное основание чаров над змеею заключается в суеверном веровании в нечистую силу. Обманщики успели внушить народу, что сопротивление против нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая человеческими несчастиями. Не понимая, что источники всех семейных несчастий заключаются в собственной порочной жизни, люди приписали их духам. Простодушная девушка, уверенная коварною старухою, что она обворожена, что чары совершены над нею для любви такого-то, верит беспрекословно и предается в руки обманщиков. Неудивительно, что от этого верования ничтожные затеи знахарей соделались доступными для семейной жизни.

Чародеи, призванные для совершения чар над змеею, вручают деревянную рогульку, могущую, по их уверению, укрощать змей, и отсылают в лес искать змею. Когда нападут на это животное, должно рогулькою придавить его к земле. В это время надобно стараться продеть сквозь змеиные глаза иголку

с ниткою и говорить: «Змея, змея! как тебе жалко своих глаз, так чтобы раба такая-то любила меня и жалела».

Потом, когда бывает вместе с любимым предметом, должно продеть этою иглою с ниткою платье так, чтобы этого никто не заметил. В противном же случае чары остаются ничтожными. Когда это будет приведено в исполнение, тогда начинается любовь и продолжается дотоле, пока будет находиться нитка в платье.

Кроме этого, влюбленный должен взять с собою змею, вытопить из нее сало и сделать свечу, которую носить с собою. Если он будет замечать охлаждение в любви, тогда должно зажечь змеиную свечу, и любовь снова возгорится. Когда же вся сгорит свеча – тогда любовь на веки простывает.

Чары над змеею совершаются во многих русских селениях, хранятся с большою тайною и покупаются дорогою ценою.

Чары над лягушкой

Чары над лягушкою принадлежат к любовным чарованиям и занесены в Русскую землю с Востока. Приворотить сердце девушки казалось нашим предкам делом сверхъестественным, выходящим из круга семейной жизни, недоступным для их разумения. При таких ограниченных понятиях легко было обманщикам усвоить себе власть над простодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать *красой девичьей*, всегда прибегает к знахарю за советами – *пособить своей тоске*. Знахарь приказывает ему выходить утренними зорями к озерам и ловить лягушек парных. Если он успеет схватить парных лягушек, то должен положить их в продырявленный кувшин и бежать, не оглядываясь, до первой муравьиной кочки и там его зарыть. После этого он должен бежать, также не оглядываясь, до своего дома. Если он обернется или будет прислушиваться к шуму, визгу, крику, то нечистая сила может его сокрушить. Народ думает, что нечистая сила поневоле должна сообщать чарование костям парных лягушек, но если неопытный будет

оглядываться, то она жестоко мстит за невольное отторжение силы чародейства. Поселяне говорят, что очень редко случается, чтобы кто-либо устоял против искушений и сберег такую заповедь. Притом часто случается, что посторонние люди, научаемые нечистою силою, крадут кости парных лягушек. Влюбленный идет на третий день к муравьиной кочке, раскапывает и находит *вилку* и *крючок*. Эти орудия делают чудеса в любви. Если хочешь кого заставить поневоле любить себя, то стоит только зацепить девушку этим крючком – и желание увенчано. Если же девушка становится в тягость, то стоит только оттолкнуть вилкою, и она на всю жизнь остается равнодушною к самой горячей любви.

Для благомыслящего человека чары над лягушкою есть совершенный вздор; но поселянин не только безусловно верит этому, но и с большою готовностью обращается к ним. Очевидно, что это само по себе безвредно, но оно гибельно для деятельности сельской. Часто простолюдин по целым годам бывает занят этою одною мыслью, забывая свои обязанности.

Чары над голубиным сердцем

Чары над голубиным сердцем равно утешают и молодых, и старых. Молодые люди верят, что голубиное сердце есть верная дорога к любви, старые же полагают, что с таким сердцем можно привлечь к себе расположение от всех людей и на всю жизнь. Рассматривая благоговейное уважение наших поселян к голубям, невозможно было бы и думать, что из них составляется чарование. Греки и римляне прибегали в своих надобностях к голубям. Не есть ли это чужеземный подарок нашим поселянам? Альберт в своем сочинении о таинствах сказал: *Si tecum habueris cor columnis, omnes te ament*. – Если у тебя сердце расположено к голубям, то все тебя любят (*лат.*). Следовательно, это поверие занесено на Русскую землю с Запада.

Русские поселяне, для совершения чар над голубиным сердцем, выбирают голубей белых, преимущественно голубя и голубку. Разрезывая внутренности, они вынимают сердца, об-

мывают в воде и потом засушивают в печи. Эти сердца, высушенные и завязанные в холстину, поселяне и поселянки носят близ своего сердца. В этом заключается весь обряд чарования. В деревнях он почитается непроницаемою тайною и переходит от отца к сыну. Те, которые не решаются сами совершить обряд, из уважения к голубям, подкупают людей бывалых – цыган, коновалов и старушек лечеек.

Голубиное сердце, принимаемое за чародейство, входит в состав лечения. Старушки лечейки толкут голубиное сухое сердце, дают пить по утренним и вечерним зорям детям, страждущим злыми недугами – корчами. Поселяне верят, что от этого уничтожаются злые недуги.

Злобные старики и отвратительные старухи, из ненависти к супружеской любви молодых людей, похищают очарованные голубиные сердца, сжигают в бане, с намерением расторгнуть мужа и жену. Но дальновидные поселянки придумали и против этого зла средство: они, в свою очередь, крадут рубашки этих людей, жгут их, а пепел кладут под порог, на попирание всем проходящим людям.

Чары над змеями и лягушками

В русских селениях почитают за достоверное – возможность переселения змей и лягушек не только в дворы, дома, житницы, но и в живых людей. Казалось, что это мнение, как вздорное, не заслуживает и упоминания; но как оно действительно существует и притом в превратном виде и как есть самое величайшее зло в сельской жизни, то здесь упоминается из одной необходимости, в предосторожность простодушным поселянам.

Чары над змеями и лягушками составляют самое отчаянное чарование в русском чернокнижии. Разгневанный поселянин, ожесточенный до последней возможности, лишенный всех средств к отмщению, прибегает с просьбою к чародею: совершить чары над змеями и лягушками. Это значит, что чародей должен напустить змей и лягушек в двор

его врага. Уговорившись за дорогую цену, чародей исправляет просьбу селянина.

Чародеи совершают этот обряд следующим образом: берут змей и лягушек, засушивают в печи, потом толкут в мелкий порошок и хранят в сухом месте. Когда бывает кому нужно напустить этих животных, они завязывают порошок в холстину и кладут в навоз. По прошествии известного им времени вынимают холстину, в которой, по их уверению, из каждой пылинки образуется новое животное. Таких-то, едва образовавшихся животных чародеи разбрасывают по дворам, где они размножаются до последней возможности.

К несчастию человечества, есть такие жестокие люди, которые решаются поить этим порошком своих врагов. Против сего зла поселяне употребляют свежую малину и землянику. Несчастные страдальцы кладут вокруг себя ягоды этих растений, и животные, гнездящиеся в них, будто выползают.

Обнародывая это зло с истинным желанием его уничтожения, мы уверены, что сострадательные сердца обратят все свое старание к его искоренению. Этого требует от всех человечество.

Чародейский травник

Верование поселян в травы бывает чрезвычайно разнообразное. Кроме благодетельного их влияния, уничтожающего болезненные состояния человеческого тела, они допускают, что в травах скрывается нечистая сила, ведомая только чародеям. Пересчитываем лишь замечательные травы из чародейского травника.

1) ТРАВА КОЛЮКА

Трава колюка сбирается чародеями в Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится в коровьих пузырях и раздается по особенному расположению птичьим охотникам. Поселяне думают, что ружье, окуренное этою травою, метко стреляет и ни одна птица не ускользнет от его

выстрела и что такое ружье нельзя уже заговорить кудеснику никаким заговором.

2) АДАМОВА ГОЛОВА

Трава адамова голова находится в большом уважении у поселян. Чародеи сбирают ее в Иванов день и хранят скрытно до великого четверга. По народному понятию, чародейская сила адамовой головы простирается только на диких уток. Охотники, получившие эту траву из рук записного чародея, окуривают все снаряды, употребляемые ими при ловле уток, в великий четверток.

3) ТРАВА ПРИКРЫШ

Трава прикрыш собирается чародеями в великоденский мясоед, от 15-го августа до 1-го октября. Люди, сведущие в чарованиях, употребляют эту траву против свадебных наговоров. Когда невесту привезут из церкви в женихов дом, тогда знахарь забегает вперед, кладет траву прикрыш под порог. Невеста, предупрежденная наперед родными о действии знахаря, при входе в дом должна перепрыгнуть чрез порог. Если же она наступит на эту траву, тогда все наговоры обрушиваются над невестиною головою; в противном же случае жестокое их действие обнаруживается над людьми, желавшими несчастия новобрачной чете.

4) СОН-ТРАВА

Сон-трава сбирается чародеями в мае месяце, при желтоголубом цветении, с разными наговорами и обрядами. Поселяне полагают, что она обладает пророческою силою – предсказывать сонным добро и зло. Собранная чародеем с утреннею росою, опущенная в холодную воду, она вынимается при полнолунии и начинает шевелиться. В это время поселянки кладут сон-траву под подушку и засыпают со страхом и надеждами. Если быть счастию, тогда в сонных видениях представляется молодая девушка или молодой мужчина; если же быть беде, тогда является смерть.

5) КОЧЕДЫЖНИК

Кочедыжник, или папоротник, срывается под Иванов день, с особенными обрядами и заговорами. Сила чародейская, по народному понятию, заключается в цвете кочедыжника; он цветет только в ночь под Иванов день и охраняется нечистою силою. Поселяне подробно описывают цветение кочедыжника. Повторим их рассказ.

В глухую полночь из куста широколистного папоротника показывается цветочная почка. Она то движется вперед и взад, то заколышется как речная волна, то запрыгает как живая птичка. Все это происходит от того, что нечистая сила старается скрыть от людского взора дорогой цвет. Потом, ежеминутно увеличиваясь и вырастая вверх, цветет как горячий уголь. Наконец, ровно в 12 часов с треском развертывается цвет, как зарница, и своим пламенем освещает около себя и вдали. В этот самый миг является нечистая сила и срывает цвет.

Решившийся сорвать цвет кочедыжника должен ранее прийти в лес, отыскать куст, очертить кругом черту и дожидаться расцвета. Он должен быть тверд и непоколебим против нечистой силы, претерпеть все искушения, быть равнодушным против всех превращений нечистой силы. Если он оглянется на зов, то нечистая сила свертывает голову, или задушивает, или одурачивает на всю жизнь. Доселе еще в деревнях нет примера, чтобы кто-нибудь мог сорвать цвет кочедыжника, кроме чародеев. Цвет кочедыжника имеет силу: владеть нечистыми духами, повелевать землею и водою, отыскивать клады, делать невидимкою. Вся эта сила будет принадлежать тому, кто соделается обладателем этого цвета. При отыскании земляных богатств, кладокопатели бросают цвет кочедыжника вверх. Если где есть клад, этот цвет будет носиться над ним, как звезда, и прямо упадет на землю.

6) ТРАВА ТИРЛИЧ

Трава тирлич сбирается под Иванов день на Лысой горе, близ Днепра, под Киевом. Поселяне думают, что эта трава обладает силою превращения и достается только в удел одним

ведьмам. Из тирлича выжимается сок, которым натирают оборотни свои подмышки при совершении чар. Ведьмы, духи-оборотни проницательные, знавши свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и чародеи дорожат тирличем, как сокровищем.

7) РАЗРЫВ-ТРАВА

Разрыв-трава имеет два названия: *прыгун*, *скакун*. Это растение столь редко, что люди только посвящаемые в таинство чернокнижия могут находить его. Поселяне думают, что тот, кто имеет цвет кочедыжника и у кого есть корень плакуна, того всегда можно поздравить с обладанием этой драгоценной травой.

Чародеи приписывают этой траве разные свойства: разрывать железо, сталь, золото, серебро, медь на мелкие кусочки.

В народных преданиях доселе есть поверие о кладах, скрываемых по разным местам. В старину, говорят старики, разбойники зарывали награбленное имущество в землю на известное число лет, запирали железными дверьми с огромными замками, а ключи бросали в воду. Сила человеческая недостаточна бывает для разрушения этих дверей и замков, потому что нечистая сила, которой поручено стеречь клад, защищает его своею спиною. Кто же может бороться с нечистою силою? Русский поселянин бежит от такой борьбы. Кладокопатели издерживают большие суммы на получение разрыв-травы.

8) ТРАВА ПЛАКУН

Трава плакун пользуется во всех деревнях и селах уважением и страхом. Чародеи создали об ней особенный миф, противный религии, и обставили обрядами, достойными сожаления.

Чародеи, сбирая плакун-траву в Иванов день, утреннею зарею, без всяких железных орудий выкапывают ее корень. Простолюдины полагают, что это растение обладает удивительною силою: приводить в страх нечистых духов, смирять их и приводить в покорность. Этою силою обладают только

корень и цветы. Знахари употребляют корень плакуна для изгнания домовых, ведьм и нечистой силы, стерегущих клады.

С горестию упоминаем о суевериях наших поселян над этою травою. Может быть, наши слова дойдут до сердец благодетельных помещиков и, может быть, принесут пользу истреблением народного зла в верование этой траве. Наши суеверы до того простерли свою дерзость, что раскрытие их проказ невольно приводит в негодование. Выкопавши траву плакун с корнем, являются в церковь, стараются с сею травою стоять в алтаре, держа в руке корень, обращенный на восток. В это время они произносят заговор:

«Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам киевским. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преисподние. Будь мое слово при тебе крепко и твердо. Век веком!»

Для них бывает недовольно этих вздорных слов; они вздумали еще одним обрядом придать особенную силу этой траве, о котором невозможно и упоминать.

Чародейский травник, занесенный в Русскую землю из Белоруссии и Польши, говорит о многих обрядах над травою плакуном, обрядах, противных христианской религии. У записных знахарей травники сохраняются письменные, польскими буквами. Не умея их читать, они точь-в-точь произносят их, не упуская даже ни одной буквы. Этот новый источник сельского заблуждения, вероятно, зашел в наше отечество во время самозванцев. Кто бы не пожелал, чтобы эти травники были уничтожены или, по крайней мере, чтобы простолюдины уверились в их ничтожности?

9) ТРАВА НЕЧУЙ-ВЕТЕР

Трава нечуй-ветер, по сказанию чародеев, растет зимою по берегам и озерам. Простолюдины думают, что тот, кто обладает этою травою, всегда может: остановить ветер на воде, избавить себя и судно от потопления, наконец ловить рыбу без

неводов. День для собирания травы нечуй-ветер назначается у поселян 1 января, под Васильев вечер, в глухую полночь. Они думают, что в это время нечистая сила, прогуливаясь по озерам и рекам, бросает траву нечуй-ветер для уничтожения бури. При всем том люди зрячие не могут находить это растение; одни только слепые от рождения чувствуют присутствие его. Когда они наступают на эту траву, тогда их в слепые глаза кто-то колет иглами. Если они успеют поднять и схватить не руками, а ртом, тогда они обладают ее силою.

Рассматривая возможность получения этой травы одними только слепыми, мы смело можем сказать, что изобретатели этого чарования суть слепцы, бродящие по деревням, кочующие всю жизнь на счет ближнего. Доверенность к словам слепых людей и жалкое состояние привлекали на их сторону сердца простодушных поселян. Вот где возникло верование в траву нечуй-ветер, принимаемое всеми поселянами за непреложную истину.

Заклинательная песнь над духами

Говорят, что заклинательные песни зашли в Русскую землю из Белоруссии, Польши, Остзейских губерний и Швеции. Основательных доказательств на это нет, а рассказам не верят. Без сомнения, можно полагать, что они представляют собою только остаток древней восточной жизни, переходивший во все народы и здесь доживший до наших времен. Пересказываю одну песню:

С. .... А. .... Т. .... О. .... Р.
А. .... Р. .... Е. .... П. .... О.
Т. .... Е. .... Н. .... Е. .... Т.
О. .... П. .... Е. .... Р. .... А.
Р. .... О. .... Т. .... А. .... С.

Что значит эта песня, до сих пор еще никто удовлетворительного не сказал. Наши поселяне знают только ее слова,

но не понимают ее значения. Говорят, чтобы узнать истинный смысл ее, должно переставить все слова по способу, известному одним заклинателям духов. Замечательно, что эта песня имеет такой склад в словах, что можно читать: сверху, снизу, с правой и левой сторон, и все будет одно и то же.

Заклинательная песня над духами вошла в русскую демонологию, и наши ведьмы испытывают ее силу в обряде посвятительном. К удивлению нашего времени, есть еще люди, верующие в эти бредни и страшащиеся их действия.

Антоний Дюбур в сочинении своем: Dictionnaire des menages – repertoire de toutes les connaissances usuelles, Paris, 1836, v. 1, pag. 13, говорит:

Sator arepo tenet opera rotas. Le laboureur Arepo conduit avec soin la charrue.

S a t o r
A r e p o
T e n e t
O p e r a
R o t a s

De quelque coté qu'on lise, on retrouve constamment les memes mots.

В одном сборнике Румянцевского музеума, писанном в XVII веке, на с. 65, находится изображение этих слов, названное:

«*Сия печаль премудраго царя Соломона, протолковася от мудраго некоего ритора. Толк же ея сице расположися, яже зде, ниже сего предложися. Зри опасно, увеждь известно*». В средине страницы изображен круг, в кругу четвероугольник, разделенный на шесть квадратов, в каждом квадрате помещено по одной букве, написанной красными чернилами. На обороте страницы в 25-ти стихах приложено объяснение.

Чародейская песня ведьм

Чародейская песня ведьм поется, говорят опытные в демонологии, при полете ведьм на шабаш к Лысой горе. Русские ведьмы верят безусловно в этот вздор и стараются в нем уверять поселян. В русской демонологии она имеет следующую форму:

А.
А. Б.
А. Б. Р.
А. Б. Р. А.
А. Б. Р. А. К.
А. Б. Р. А. К. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д.
А. Б. Р. А. К. А.
А. Б. Р. А. К.
А. Б. Р. А.
А. Б. Р.
А. Б.
А.

Чародеи уверяют, что будто бы при каждом звуке вылетает по одному духу из ада. Наши поселяне верят и этому вздорному сказанию.

Слово *абракадабра* давно известно в Европе и Азии. Еврейские магики вместо абракадабра принимали слово *авракалан*. Одни производили его от имени сирийского идола, другие

от персидского Авраксакс, означающего бога солнца, митру. Некоторые составляли из этого числа 1, 2, 100, 1, 60, 1, 200 – которые, вместе сложенные, составляют сумму 365, или число дней солнечного года.

Кабалисты и магики полагали, что в слове *абракадабра* скрывается сила исцеления от лихорадки, если произносить его известным таинственным образом. Врач XI столетия, К. Серен Саммоник, говорил: чтобы *абракадабра* имела свою силу, она должна быть написана в виде треугольника прямого или рассеченного. Наши чародеи форму слова *абракадабра* имеют в виде или двух прямых треугольников, или в виде четырех равных треугольников, сложенных вместе.

Песня ведьм на Лысой горе

В заповедных сказаниях поселян есть поверие, что какой-то казак, забравшись на Лысую гору, подслушал песню ведьм; но шабашное сборище, узнавши об открытии, утопило казака в реке. С тех пор она гуляет по белому свету и передается чародеями одним только ведьмам. Нет почти никакой возможности постигнуть смысл этих слов. Это какая-то смесь разнородных звуков языка, никому не известного и, может быть, никогда не бывалого.

Кумара,
Них, них, запалам, бада.
Эшохомо, лаваса, шиббода.
Кумара.
А. а. а. – о. о. о –и. и. и. – э. э. э. – у. у. у. – е. е. е.
Ла, ла, соб, ли, ли, соб, лу, лу, соб!
Жунжан.
Вихада, ксара, гуятун, гуятун.
Лиффа, пррадда, гуятун, гуятун.
Наппалим, вашиба, бухтара.
Мазитан, руахан, гуятун.
Жунжан.
Яндра, кулайнеми, яндра,
Яндра.

Шабашная песня ведьм

Шабашная песня ведьм, говорят поселяне, открыта одною молодою девушкою, обращенною из ведьм в прежнее состояние.

Гутц!
Алегремос!
Астарот, бегемот!
Аксафат, сабатан!
Тенемос!
Гутц!
Маяла, на, да, кагала!
Сагана!
Веда, шуга, ла, на, да, шуга!
Сагана!
Гулла, гуала, на, да, лаффа!
Сагана!
Шиха, эхан, рова!
Чух, чух!
Крыда, эхан, сцоха!
Чух, чух, чух!
Гутц!

Песня ведьм на Роковом шабаше

Вот еще странное смешение звуков, сходное с выговором цыган. Пользуясь этою песнию, наши старухи-колдуньи думают, что обладают несметным богатством, что эта песня в состоянии сейчас обогатить того, кто только может пропеть ее. Замечательно, что эти старухи всегда бывают совершенно нищими, хотя находятся в состоянии петь по сту раз на день.

Шикалу, Ликалу!
Шагадам, магадам, викадам.
Небазгин, доюлазгин, фиказгин.
Бейхамаиш, гейлулашанн, эламаин.
Ликалу!

Шию, шию – ба, ба, бан, ю.,
Шию, шию дан, нетоли, – ба, ба, згин, ю.
Шию, шию, бала, ли, ба, ба, дам, ю.
О вилла, вилла, дам, юхала!
Гираба, наюра, юхала!
Карабша, гултай, юхала!
Захива, ванилши, схабатай, янаха.
Захива, гиряй, гиряй, добила, янаха.
Захива, вилхомай, вилхомай, янаха.
Мяу! згин, згин!
Гааш! згин, згин!
У-у-у! згин, згин!
Бя – бая! – згин, згин!
Кво – кво! згин, згин!
Бду, бду! згин, згин!
Карра! згин, згин!
Тили, тили! згин, згин!
Хив, чив! згин, згин!
Жу, жу! згин, згин!
Згин, згин, згин!

Чародейская песня русалок

Поселяне, приписывая русалкам обаятельную силу над молодыми людьми, скрывают за тайну *чародейскую песню русалок*, приводящую в усыпление. Звук слов этой песни совершенно непонятен, не говоря уже о значении. До сих пор еще люди, знающие *всю подноготную*, не умеют пользоваться этою песней.

Шивда, винза, каланда, миногама!
Ийда, ийда, якуталима, батама!
Нуффаша, зинзама, охуто, ми!
Копоцо, копоцам, копоцама!
Ябудала, викгаза, мейда!
Ио, иа, о–ио, иа, цок! ио, иа, паццо! ио, иа, пипаццо!
Зоокатама, зоосцома, никам, никам, шолда!
Пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац, пац!

Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!
Шоно, пинцо, пинцо, дынза!
Шоно, чиходам, викгаза, мейда!
Боцопо, хондыремо, боцопо, галемо!
Руахадо, рындо, рындо, галемо!
Ио, иа, о! ио, иа, цолк! ио, иа, цолк! ио, иа, цолк!
Ниппуда, боалтамо, гилтовека, шолда!
Коффудамо, шираффо, сцохалемо, шолда!
Шоно, шоно, шоно!
Пинцо, пинцо, пинцо!

Чародейская песня солнцевых дев

Чародейская песня солнцевых дев, по сказанию чародеев, поется при брачной жизни огненного змея с девушкою. Смешение русских слов со звуками совершенно неизвестными заставляет думать, что она переделана русскими на свой лад.

«Во всем доме – гилло магал – сидела солнцева дева. Не терем златой – шингафа – искала дева; не богатырь могуч из Ноугорода подлетал; подлетал огненный змей. – Лиф лиф зауцапа калапуда. – А броня не медяна, не злата; а ширинки на нем не жемчужены; а шлем на нем не из красного уклада; а калена стрела не из дедовского ларца – Пицапо фукадалимо короиталима канафо. – Полкан, Полкан! разбей ты огненного змея; ты соблюди девичью красу солнцевой девы – Вихадима гилло могал дираф. – Из-за Хвалынского моря летел огненный змей по синему небу, во дальнюю деревушку, во терем к деве. Могуч богатырь – Шиялла шибулда кочилла барайчихо дойцофо кирайха дина. – Во малиновом саду камка волжская, а на камке дева мертвая, со живой водой, со лютой свекровью, со злым свекром. Убит огненный змей, рассыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по медяной росе, по утренней заре. – Яниха шойдега бираха вилдо. – А наехал злой татарин и узял во полон солнцеву деву, во золотую орду, к лютому Мамаю, ко нехристу бусурманскому, ко проклятому бархадею. – Уахама широфо».

СКАЗАНИЯ О ЗНАХАРСТВЕ

Пчельное дело

Пчельное дело в селениях почитается самым таинственным, важным и, сверх того, не для всех доступным занятием. Люди зажиточные, хозяйственные, имеющие до ста и более ульев, всегда, по народной молве, состоят в дружественной связи с нечистою силою. Мнения поселян о пчельном деле столь разнообразны, что одни избирают для него покровителями св. угодников, другие обрекают водяному дедушке. Пчельники, приверженцы этого последнего мнения, называются в селениях *ведунами*, *дедами*, *знахарями*. Каждый из них имеет свои собственные понятия, приобретаемые, по преданию, от других, и каждый, в свою очередь, совершает над пчелами свои проказы.

Ведуны думают, что пчелы первоначально образовались в болотах, под рукою водяного дедушки. Матка, как первород этих пчел, была выкуплена злым чародеем за тридцать голов знахарских и передана в улей одного ведуна, по повелению нечистой силы. Этот ведун, из ненависти к людям, научил матку жалить людей, а матка обучила своему ремеслу всех пчел. Когда пчельник-ведун устраивает где-нибудь пасеку, тогда, для хозяйственного благоденствия и медового обилия, обрекает водяному дедушке самый лучший улей. Между ведунами до сих пор еще не решено: оставлять ли этот обреченный улей на пасеке или бросать его в трясинное место в болото? Если которые оставляют обреченный улей на пасеке, то дед охраняет только заведение; если же потопят в болоте этот улей, то он не только доставляет все возможные средства к размножению пчел, но еще заставляет пчел летать на чужую пасеку для похищения меда.

Знахари полагают, что все пчелы первоначально отроились от лошади, заезженной водяным дедушкою и брошенной

в болото. Когда рыболовы опустили невода в это болото, то вместо рыбы вытащили улей с пчелами. От этого улья развелись пчелы по всему свету. Жаленье пчел началось с того времени, они полагают, как один из этих рыболовов хотел украсть матку. Когда уже преступник открылся в своем похищении, то знахари, для исцеления опухоли и боли, решили между собою, что похититель должен съесть матку. За это открытие от ужаления пчел водяной дедушка передал навсегда пчел в руки знахарей. Получив в свое покровительство пчел, они изобрели разные способы для охранения их. Пересчитаем их:

Для размножения пчел знахари советуют поселянам: когда ударят к утрени на Велик день, быть на колокольне и после первого удара отломить кусок меди от колокола. Этот кусок меди приносят на пасеку и кладут в сердовой улей.

Варят растения дурман с тысячелистником, брызгают плетень, деревья, строения, с целью истребить соседних пчел и отучить своих от полета на чужой двор.

Во время роения пчел заблаговременно приготовляют улья, окуренные еловою курушкою, вытертые жгучей крапивою, украшенные разными *приносками*, получаемыми от проходящих бывалых людей, ставят в ряды, на юг, восток, запад – так, чтобы пчелы прямо вылетали на восток. Расположение ульев пчельники считают важным делом и потому, когда желают кому показать свое заведение, изменяют его. Это делается большею частью из подозрения и недоверчивости. Подозрение основывается на том, что могут устроить подобным образом такое же заведение; а от этого опасаются упадка на цены. Опасность зиждется на странном мнении, будто бы пчельник-знахарь может дать приказание своим пчелам вытаскать мед.

Для усыпления чужих пчел знахари сбирают маковые головки и варят их в козьем молоке. Это молоко, всосанное налетною пчелою, может приучать чужих пчел к переселению.

Деды-пчелышки в селениях почитаются несведущими в сношениях с нечистою силою: это просто караульщики. Но простолюдин уважает и боится оскорбить деда-пчельника: он знает, что оскорбление всегда ведет к разрушению хозяйства.

Замечательная черта деда-пчельника заключается в предпочтении водить пчел по лесам.

Сбрызгивание

Сбрызгивание принадлежит к важному роду лечения знахарей. Наши простолюдины так в него верят, что, по их понятию, сбрызгиванием можно исцелить самый опасный недуг. Чтобы получить этот дар, поселяне прибегают к знахарям с просьбою: передать им наговоры над водою. Откровенность знахарей приобретается хлебом, овсом, домашними животными. Передача наговоров сопровождается смешными обрядами. Приведем их здесь.

Поселянин, желающий получить право от знахаря на сбрызгивание, должен три вечера париться в бане, три дня говеть, три дня ходить по улице с открытою головою, а последние три дня посещать знахаря. В пустой избе знахарь ставит мису с водою, по углам кладет соль. Поселянин, пришедши к нему за передачею, должен лизать языком раскладенные по углам соль, золу, уголь и при каждом глотке прихлебывать из мисы воду. В это время знахарь читает про себя наговоры. На третий день вручается поселянину громовая стрела и передаются словесно наговоры. Вот один из наговоров:

«Соль солена, зола горька, уголь черен. Нашепчите, наговорите мою воду в мисе для такого-то дела. Ты, соль, услади, ты, зола, огорчи, ты, уголь, очерни. Моя соль крепка, моя зола горька, мой уголь черен. Кто выпьет мою воду, отпадут все недуги; кто съест мою соль, от того откачнутся все болести; кто полижет мою золу, от того отбегут лихие болести; кто сотрет зубами уголь, от того отлетят узороки со всеми призороками».

Поселянин, наученный сбрызгиванию, принимается лечить все болезни. Когда старушка придет к нему с просьбою пособить от недуга ее внучке, он прежде всего торгуется, потом берет кнут, как принадлежность знахаря, и идет в дом больной. При входе его все встают с почтением, сажают его в передний угол, и начинается угощение. Молчаливость на

вопросы, закаченные глаза под лоб, махание кнутом, голова, подпертая локтем,– суть верные ручательства в его звании. В полном разгуле, он просит показать больную, и какая бы то ни была с нею болезнь, решает одним названием: *недуг*. Это слово понятно поселянам. Требует в ковш воды, читает про себя наговоры, потом сбрызгивает больную, и тем оканчивается все дело. Уходя, он дает приказание на пороге, прислонясь к притолке, пить остальную воду по зарям.

Болезни, лечимые знахарями, суть следующие:

Лихоманки-лихорадки, *лихия болести* – судорги, *родимец*, *колотье*, *потрясиха* – ревматизм тельный, *зазноба молодеческая*, *тоска наносная*, *ушибиха* – падучая болезнь, *черная немочь*, *узороки*, *призороки*. Все эти болезни именуются у знахарей, как выше сказано; одним именем: *недуг*.

Переполог

Переполог, по значению знахарей, есть *отгад всякого испуга*, совершенного добром и злом. Наши поселяне думают, что испуг всегда случается от людской ненависти; но не зная, кто бывает причиною испуга, прибегают к знахарям. Знахарь непременно должен одолеть ненавистника, хотя бы он был за тридесять земель, в тридесятом царстве. На то он и знахарь. Да ему ли в трудном положении оставаться? Все знахари говорят условно, высказывают иносказательно одни приметы и всегда стараются показать *на убылаго*. При том, прежде нежели произнесут отгад, выспрашивают наперед у приходящего о всех домашних обстоятельствах. Из этих рассказов они извлекают для себя все нужное.

Знахарь, призванный в дом для совершения переполога, требует: мису воды, олова и богоявленскую свечу, а когда испуганные бывают еще женатыми, и обручальную свечу, если эта особа не будет овдовевшая. Над обручального свечою растапливает олово, выливает его в воду. Как скоро начнут отделяться из воды пары, он говорит окружающим: «Смотрите – вот бежит нечистая сила!» Простодушные посе-

ляне, не знающие законов физических, слепо верят в рассказы знахаря. После того начинается отгад. Показывая на фигуру остывшего олова, при тусклой свече, говорит: «Вот кто испугал вашего больного!» Потом подводит больного смотреть на приметы. Призванный на смотр должен непременно согласиться с рассказом знахаря, хотя бы он ровно ничего не видал и не примечал. После этого подходят смотреть, по одному, все домашние, с подтверждением слов о рассказе знахаря. Поселяне стараются отыскивать по этим приметам ненавистника. Если они его отыщут, то испуг с больного спадет, как вода с гуся; в противном же случае больной должен страдать во всю свою жизнь таким недугом.

Переполог, кроме явного обмана знахарей, оставляет ужасные последствия. Семейства, отыскивая ненавистного, заводят раздоры непримиримые, вражду вечную и мстительную. Одно уже семейное несчастие заставляет желать истребления переполога по селам.

Соняшница

Соняшница, как врачевание, составляет в руках знахарей важное лекарство в брюшных болезнях. В действительности соняшницы поселяне твердо уверены, несмотря на мучения, претерпеваемые от нее больными.

Призванный знахарь к совершению соняшницы требует: миску, в которую бы вошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску с водою ставит больной на живот; пеньку зажигает. Как скоро загорится пенька, он обматывает ею больную. Часто случается, что больная после того остается обожженною в разных местах. Раны, полученные от обжога, знахари приписывают выхождению болезни из тела. Пеньку после сего кладет в кружку, а кружку ставит в миску. В это время начинаются наговоры, между тем как больная вопит от болезни, а окружающие считают вопль страдалицы удалением нечистой силы из больной. Прочитавши наговоры, знахарь дает больной пить воду и удаляется.

Выздоровеет ли больная или нет, знахарю все равно; он получит плату, наградит уверением и скроется. Вся беда лежит на больной. Если она не выздоравливает, знахарь говорит, что на нее напущен после соняшницы новый недуг. Его опять приглашают; он снова приступает к обряду и снова получает деньги.

Открытие колдуна

Суеверные поселяне полагают, что колдун есть существо, отрекшееся от людей, Бога и сроднившееся с нечистою силою на пагубу людей. Но как колдуны скрывают свое искусство и только вредят тайно, то простолюдины решились открыть своих губителей. Знахари предложили средства для узнания.

Поселянин, подозревая своего соседа в колдовстве, приходит к знахарю за советами. Большая часть людей, впадающих в это подозрение, бывают семейные, имеющие больных дочерей и сыновей.

Знахарь, договорившись за большую цену, советует ему дожидаться 25 марта. В роковой день он должен, после утрени, сесть на лошадь, *какую не жаль*, лицом к хвосту, ездить по селению, не оборачиваясь назад. Когда выедет за околицу, то должен смотреть на трубы. В это время нечистая сила проветривает колдунов, висящих на воздухе вниз головой. Если поселянин обратится назад, то нечистая сила разрывает лошадь на части, а он сам остается или вечно сумасшедшим, или умирает от страха. Но как последнее условие слишком тяготит воображение суеверного, то он не решается на такую поездку и просит поездить за себя знахаря. Знахарь долго отговаривается, потом торгуется за поездку и, получивши подарки, обещается открыть злого колдуна. Жребий открытия всегда падает на того, кого подозревает поселянин, хотя знахарь никогда и не думал ездить по селу за открытием колдуна.

Открытие колдуна почитается верхом искусства знахаря, и поселяне, рассказывая о его могуществе, говорят: «Он так силен, что узнает все мысли и выскажет все дела твои, отцовы, дедовы». К счастию человечества, что наши знахари –

люди безграмотные, закоренелые в предрассудках, люди, помешанные на своем могуществе, столько ничтожном и обманчивом для них и всех других.

Стень

Простолюдин, не понимая законов происхождения болезней, законов, основанных на точном познании природы и человека, почитает все болезни, сопровождаемые ужасными страданиями и продолжительностью, жертвою злых людей, завистливых к его благосостоянию. *Изнурительная сухотка детей* – Tabes, *детская чахлость* – Atrophia infantum называют в селах – *стень*. Не прибегая с доверенностью к врачебным средствам, более надежным, они находят утешение в тайнах, им не понятных, в чудесном веровании, вовсе для них непостижимом, и от них ожидают избавления от бед семейных, от горестей сердечных, близких его простой и кроткой душе. Бродящие обманщики, успевшие овладеть воображением наших поселян, жестоко играют сельским простодушием и не только мучат людей, им верящих, но варварски их терзают. Надобно видеть каждому это жалкое состояние, чтобы оценить вполне семейные бедствия, проистекающие от разных толков знахарей, кудесников, ведунов, ворожей, чародеев. Напрасно в городах думают, что поселяне не лечатся, что одним сердечным соболезнованием услаждают болезни домашних. Бродячий знахарь укажет им средство, уверит в его полезности, и оно переходит из рода в род, как зло потомственное. Средства, предложенного ему за тайну от знахаря, он не разбирает: вредно ли оно? полезно ли оно? Для его ограниченного познания довольно, что есть возможность излечения.

В селах дитя, страдающее стенью, почитается уже не жильцом земным, когда благоразумный отец прибегает только с теплою мольбою к Царю царей о помиловании. Растерзанное сердце матерей страдальческим томлением, воображение, напитанное ложными чудесами, заставляет целые семейства искать отрады в суеверии, умолять об исцелении

знахарей. Призванный знахарь, как дока, как знающий всю подноготную, берется за врачевание. Больное дитя, по его совету, несут в лес, ищут раздвоенного дерева, кладут его в этот промежуток на трое или менее суток, сорочку вешают на дерево, потом вынимают его и ходят трижды девять кругом дерева. После этого приносят домой, купают в воде, собранной из девяти рек или колодцев, обсыпают золою, собранною из семи печей, кладут на печь. Если дитя после сего засыпает, то это верный признак исцеления, а если оно кричит, то должно умереть. Часто случается, что дитя умирает в лесу, оставленное обнаженным на открытом воздухе, или испускает дыхание под обливанием холодной водою. Совет знахаря, это явное убийство, почитается в деревнях благодеянием.

С глазу

Восток древней жизни, отживая свое бытие, передал народам вместе с мифами и разные заблуждения. Народное поверие: будто взгляд человека лихого, злобного, хитрого сообщает болезни, будто в глазах этих людей заключается яд,– перешло в Русскую землю с Востока, по преданию, от других народов. На Руси это поверие названо: *с глазу*. Наши простолюдины не имеют еще понятия о глазном месмеризме.

В деревнях всякое первоначальное образование болезни почитается *порождением с глаза*. Нет недуга, который бы не происходил от этого зла. Знахари выдумали против всего средства, употребляемые в сельской и городской жизни, и их средства по большей части приводятся в действие пожилыми людьми, старухами следующим образом.

Берут: воды непитой, не отведанной никем, вынимают из печи три уголька, достают четверговой соли. Все это кладут в стакан, дуют над ним три раза, потом плюют три раза в сторону. После сего нечаянно сбрызгивают больного три раза, дают три раза хлебнуть, вытирают грудь против сердца; заставляют рубашкою обтирать лицо, а остальную воду выливают под притолоку. Некоторые к такому составу прибавляют клочок

моху, вынутый из угла, другие читают над водою молитвы. Этим оканчивается лечение с глазу.

Хлебная завязка

Хлебная завязка почитается грозящим бедствием хозяину той поляны, где она будет замечена. Народ думает, что это сделано злыми людьми на сокрушение всего семейства и родни.

Для отвращения бедствий от хлебной завязки знахари велят хозяевам полей брать из хлева то место, где почивают свиньи, положить на телегу, запрячь неезженую лошадь и скакать к полю во весь скок. Если поклажа упадет с телеги, то это недобрый признак. Приехавши в поле, надобно накрыть хлебную завязку сею поклажею, не касаясь рукою. Прикосновение рукою предвещает худой сбыт будущего хлеба. Потом должно ехать домой не оглядываясь назад, а иначе нечистая сила свернет на сторону голову. После этого запрягают езжалую лошадь, кладут лошадиный навоз и едут к полю. Такою поклажею обсыпают кругом всю завязку.

Знахари, заставляя совершать такой обряд, уверяют поселян, что от этого все беды, замышляемые злыми людьми, обращаются на их головы. Часто случается, что поселяне, из ненависти к своему соседу, подкупают знахаря сделать завязку. В таком случае он пользуется от обеих сторон.

Зубы лечить

Верование в симпатии так усилилось в сельской и городской жизни, что все особенное подчиняют этому значению. Симпатия, по народному понятию, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дела по воле людей. К числу симпатических средств народ принял, от знахарей, лечение зубов прикосновением пальца. Обманщики, прикрывая себя симпатиями, обмазывают палец наркотическими мазями, известными им одним, а простодушные верят их рассказам, хотя и не видят пользы.

Лечение зубов прикосновением пальца будто зависит от таинственного обряда. Знахари ловят для сего зверька *крота* и умерщвляют его указательным пальцем правой руки, без всякого орудия, приговаривая шепотом следующий наговор:

«Кротик, ты кротик! Я пальцем своим из тебя всю кровь испускаю и им больные зубы излечаю».

Когда призывают знахарей лечить зубы, они этот указательный палец кладут на больные зубы и читают шепотом приведенный наговор. После сего заставляют полоскать рот поутру и ввечеру кислым уксусом. Конечно, что здесь действуют наркотические вещества в соединении с уксусом притуплением возвысившейся раздражительности, а не палец, умертвивший крота.

Куриная слепота

Болезнь, поражающая поселян, работающих перед огнем, или на солнце, или перед водою, названа знахарями куриною слепотою. Для обольщения поселян они создали поверие, будто куриная слепота есть напущение злых людей, что она соскабливается ножом, которым зарезывают старых куриц, и что эту слепоту злодеи пускают по ветру, кому хотят отомстить. Такое заблуждение легко объяснить: органическо-динамические явления природы, непонятные простолюдинам, производят *ночную слепоту* – hemeralopiam, болезнь, переименованную знахарями в *куриную.*

Люди, страждущие куриною слепотою, по совету знахарей, выходят в лавку, нагибаются над дегтярного кадушкою и говорят шепотом наговор: «Деготь, деготь! Возьми от меня куриную слепоту, а мне дай светлые глазушки».

Народ думает, что деготь доводится сродни куриной слепоте, и только из жалости берет он в свое призрение бродягу-слепоту. После сего больной должен идти на перекресток, сесть на дорогу и искать что-нибудь. Если его кто из проходящих будет спрашивать, то он должен сказать: «Что найду, то тебе отдам». Потом утирает рукою глаза и махает в проходящего. От исполнения этого обряда исчезает куриная слепота.

Мороз

В деревнях думают, что неурожаи льна, овса и конопли происходят от мороза. Мороз же олицетворяют следующим поверием:

В русской народной символике принято за основание, что мороз происходит от выхождения злых духов. Зимою, когда установятся большие морозы, злым духам становится тесное житье. В это время они вылетают на белый свет, бегают по полям и дуют себе в кулак. От такой прогулки мороз сдавливает снегом жито, от пяток духов отдается треск и от подутия в кулак бывает или ветер с метелью, или иней садится на дерева. Для отвращения сего зла знахари выдумали проклятие на мороз, с совершением обряда.

Под Велик день поселяне, наученные знахарями, приступают к заклятию мороза. Старик семейства берет ложку овсяного киселя, взлезает с ним на печь, просовывает голову в волоковое окно и там говорит:

Мороз, мороз! приходи кисель есть.
Мороз, мороз! не бей наш овес.
Лен да конопли в землю вколоти.

Окончив эти слова, он оборачивается в избу, и старшая из женщин в доме окачивает его водою, в то самое время, когда он слезает с печи. Старушки уверяют, что проклятие, высказанное стариком на лен и конопли, замирает на его устах от воды. Мороз же, удовольствованный киселем, не убивает ни льна, ни конопли, ни овса.

Неразменный рубль

Обманщики, живущие на счет ближнего, в деревнях понимаются с другой стороны. Народ думает, что они получают все с избытком, не трудясь, от нечистой силы, которая вручает

им на траты неразменный рубль. Прельщаясь такою разгульною жизнью, простодушные прибегают к знахарям для приобретения рубля. Кажется, что и наши поселяне, в свою очередь, ищут философского камня.

Искатель неразменного рубля идет на базар, не говоря ни с кем и не оглядываясь назад, и покупает там гусака, с первого запроса, без всякого торга. Принесши его домой, он так сдавливает ему шею, что гусак задыхается, кладет неочищенного в печь и жарит до полуночи. В 12 часов ночи вынимает из печи и идет с ним на развилину дорожную. Там он должен говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряный». В это время нечистая сила является в виде покупателей, с предложением разной цены. Искатель должен быть тверд, а иначе его задавит нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряный рубль, то он должен ему продавать. Получивший желаемый рубль должен идти прямо домой, не оглядываясь, и ни с кем не говорить. В это время нечистая сила, желая возвратить рубль, кричит за ним вслед: «Ты обманул нас! твой гусак мертвый! Зачем же оторвал ему голову, уверяя, что он живой?» Искатель не должен слушать таких рассказов; он обязан скорее бежать от нечистой силы. Если он обернется или будет говорить с нею, то рубль исчезнет из его рук, а он сам очутится в болоте по горло. Когда же возвратится целым в дом, тогда этот рубль будет его продовольствовать всю жизнь.

Знахари советуют таким обладателям никогда не брать сдачи при покупке вещей: а иначе рубль погибнет. Когда они покупают, то будто нечистая сила взлезает в купца и дает сдачи, хотя бы не следовало ничего. Только этот рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила обольстит обладателя, и тогда вместо рубля открывается черепок глиняный. В другой же раз неразменный рубль не дается в руки.

Здесь знахари совершают явный обман над поселянами. Часто этот неразменный рубль уводит со двора лошадь или корову к дворам обманщиков: знахари без этого подарка не открывают способа приобретения.

Кость-невидимка

Кость-невидимка соделывает своего хозяина всюду невидимым, хотя бы за ним смотрели во сто глаз. Кому не нравится быть невидимым? Чего бы ревнивый муж в городе пожалел для отыскания такой кости? Чего бы не дал влюбленный и охотник до всяких свиданий с любезным предметом за кость-невидимку? Это или что-нибудь другое заставило наших поселян отыскивать невидимку. Без чудес и здесь не обошлось! Знахари составили обряды, наговоры, видения.

Кость-невидимка, по рассказу знахарей, заключается в черной кошке. Искатели сего тайного открытия крадут кошек в соседних деревнях и избирают из них такую, в которой бы не было ни одного белого волоска: вся шерсть должна быть черная. В этом поселяне наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать одношерстной кошки, а если и придется, то знахарь уже найдет худые приметы. В таком случае он берет к себе кошку, обещает выщипать белую шерсть и держать до тех пор, пока вырастет новая. Само собою разумеется, что это все делается из подарков, что та же кошка возвращается обратно и что хоть сто раз вари – в кошке не отыщется кости-невидимки. Искатель всегда остается виноватым, а знахарь правым. Кошка, признанная знахарем за одношерстную, варится в чугунном котле, по полуночам, до тех пор, пока истают все кости, кроме одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но как варение продолжается многие ночи, то искатели теряют терпение, а особливо если знахарь вздумает представить из себя нечистую силу. Между тем есть и такие, которые с большим терпением просиживают ночей по двадцати, но кости-невидимки не остается. В таком случае остается виновным искатель: он или бранил в это время нечистую силу, или опоздал прийти одною минутою, или не досидел сколько-нибудь, или вздремнул, или вспомнил о семье своей, или не так прочитал наговоры, или вздумал утаить что-нибудь от знахаря, или, торгуясь с знахарем, пожалел барана, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадет у искателя, как

недостойного, кость-невидимку. В другой раз невозможно выварить из одношерстной кошки такой кости. Кому на роду написано достать, тот и с первого разу достанет; а кому нет, тот хоть сто кошек вывари, все не будет ничего, говорят знахари.

Искатели всегда остаются в разорении от кости-невидимки и с надеждою, укрепляемою знахарем, приступают к другим исканиям. С этою уверенностью они проводят целую жизнь, оставляя все прежние хозяйственные занятия.

Свадебная поруха

Нигде торжество знахарей так не прославляется, как в сельских свадьбах. Благополучная семейная жизнь, вечные раздоры, болезни первых годов, домашние беды – все зависит от знахарей. Поселянин, затевая свадьбу, особливо зажиточный, идет к знахарю с большими подарками, поклонами, с просьбами – защитить его молодых от свадебной порухи. Здесь-то знахарь высказывает все свое могущество; здесь-то робкий поселянин, устрашенный до последней возможности, делает несчетные посулы за спасение своего семейства. Знахарь в сельской свадьбе есть первый гость: его зовут на пирушку прежде всех; ему принадлежит первая чарка зеленого вина; ему пекут пирог: ему отсылают первые подарки; его все боятся; при нем все покойны. Удивительно ли, что после этого все свадебные проказы знахарей обольщают воображение поселян, когда ему присвоены такие преимущества в сельской жизни.

Свадебная поруха состоит в соблюдении многих обрядов для будущего благополучия «князя и княгини». Так величают в деревне новобрачных. Знахарь осматривает все углы, притолоки, пороги, читает наговоры, поит наговорною водою, дует на скатерти, вертит кругом стол, обметает потолок, оскабливает вереи, кладет ключ под порог, выгоняет черных собак со двора, осматривает метлы, сжигает голики, окуривает баню, пересчитывает плиты в печи, сбрызгивает кушанья, вяжет снопы спальные, ездит в лес за бунзою и вручает свату ветку девятизернового стручка. Эта ветка есть верх искусства. Если ее

будут держать за пазухой попеременно то сват, то сваха, то все умыслы врагов обратятся ни во что. Если поедет поезд, забьют лошади от злобного наговора, то стоит только махнуть этою веткою, и все будет спокойно. Случись беда на пирушке, развяжись кушак у молодого, отвались что-нибудь от кики молодой, оторвись супонь у лошади, все исправит эта одна ветка. На третий день знахарь берет свата с собою в баню, и здесь происходит рассчет в посулах. Если получит все уговорное, тогда эту ветку сжигают. Этим оканчивается обряд свадебной порухи.

Выведывание жены

Знахари присвоили себе право выведывать семейные тайны. К числу важных открытий принадлежит выведывание жены. Кажется, можно утвердительно сказать, что от этого происходит особенная приверженность сельских женщин к знахарям. Привожу здесь два способа выведывания, замечательные только по особенной хитрости знахаря.

Старухи-свекрови всегда бывают нерасположены к невесткам, а особливо, если находятся в семье старые, незамужние девицы. Внушая всегда сыновьям о строгом содержании жен, они прибегают за откровенными советами к знахарям: попытать жену в верности. Для этого употребляют траву *канупер*, имеющую свойство усыплять женщин под вечер, по сказанию знахарей. Свекровь тотчас открывает какой-нибудь недуг в своей невестке. Не послушаться свекрови, отвергать присутствие недуга – есть смертельная обида в сельской жизни. Вечером варят канупер, недужную кладут на печь. Свекровь с зажженною лучиною пробует свою невестку по пятке: спит ли она? Муж обязан молчать. Если спит, то свекровь начинает шептать на ухо, выспрашивая на разные способы былое и небылое. Муж таких расспросов не обязан слушать. После этого идут ночью к знахарю, и свекровь, во услышание мужа, рассказывает, что отвечала ей сонная жена. Знахарь, задобренный наперед от свекрови, рассказывает по воде приметы обольстителя. С этого времени начинается *семейная разладица*.

В старину русские бояре содержали обширную дворню, среди которой всегда затевались раздоры, занимавшие собою большую часть жизни дворовых людей. Частые отлучки мужей, по барскому приказу, наводили подозрения на жен. Таскаясь по дорогам, они выведывали от бывалых людей разные способы к открытию верности своих жен. Бывалые люди всегда советуют: мыться в бане, потом спотеть на полку, и после обтереть все тело полотенцем. Когда же приедет домой, то потное полотенце положить тайно от жены под подушку. Едва жена засыпает, уже муж слышит, как она, сонная, рассказывает про свою жизнь. Воображение, наперед настроенное, порождает такие подозрения, о которых женщина никогда и не воображает. Утром муж идет к знахарю для расспросов о приметах обольстителя. К счастию своему, догадливые жены наперед проведывают знахарей с поклонами и подарками. Знахарь решает по большинству подарков.

Разменный колпак

В деревнях есть тайное поверие, что злые духи научают людей чернокнижию. Эту страшную тайну поселяне узнают из вечерних рассказов знахарей, верят ей и передают потомству. В сельских рассказах всегда приводятся примеры, случившиеся с разными людьми при научении чернокнижию. Здесь приводим для любопытства один сельский рассказ, записанный слово в слово.

«В нашей деревне жил один удалой малый. Собой не велик, а прыти в нем было возов на десять. Уж коли вздумает, бывало, потешиться, то вся деревня стоном стонет. Живал не трудясь, а хлебец белый едал; зато одежда на нем была больно не мудра. Он был всем с руки. Пропадет ли корова, лошадка, все идут к нему. Просватают ли кого, он первый гость. Загрустует ли кто, посылают к нему на утеху. Одна беда с ним была: попался в некрутчину. Да и тут откашлялся. Наш мир больно на него зубы грыз. Делать в огласку никто не посмел; оттого-то он и жил припеваючи. На Святках он пропал без вести. Тут-то

заговорили старики. Один из них знал, как он спознался с нечистою силою. Дело, вишь, как было.

В деревне зимовали солдаты. Он был и им под руку. Солдаты, видишь, научили его, как спознаться с нечистою силою. Повели его на остров, а лесник шел за ними издали, невдомек им. Ходили, ходили по лесу и напали на козюльку. Долго шептали на ней, окаянные; потом сорвали ей голову. Лесник-то был не промах: залез на дуб, да и давай посматривать на них. Вот, как сорвали голову да набили в нее гороху, давай зарывать в землю, давай класть приметы. Лесник давай себе запримечать. Прошла зима. Вырос горох. Наш малый похаживает себе в лес да любуется себе горохом. А лесник все за ним примечает. Вот зацвел горох. Удалой наш пришел полюбоваться. Как заметил цвет, и ну кривляться кругом. Кривлялся, кривлялся, да и давай вырывать горох с корнем. Как выдернул, ну свивать кольцо из травы. Вот он, видишь, себе и пошел в стадо. Лесник выскочил из дупла, да и себе свил кольцо. Вот как удалой пришел в стадо, прищурил левый глаз, а правым ну смотреть в кольцо. Лесник себе то же делает. Вишь, как саранча подлетела к удалому нечистая сила. Все были в шапках, а один в красном колпаке. Все подобран молодец к молодцу. Лесник было и струсил, да спасибо у него в голове закачено было. Подбежал в красном колпаке и долго спорил с удалым. Чуть было дело не дошло до драки. В красном колпаке заплясал себе трепака. Удалой тут-то вскочил на цыпочки, подкрался, тяп да ляп, и сорвал красный колпак. Как взмолился он, как начал просить свой колпак. Удалой ни гугу. Стоит, да и только. Вот и давай твердить о посулах. Удалой запросил Черную книжку, что заперта на Сухаревой башне. Долго отнекивался он от мены; однако поскакал за лес. Удалой похаживает себе да любуется колпаком. Видно, жаль стало, а променять его больно нужно. Вот идет весь избитый. Видишь, нечистая-то сила долго не впускала его на башню, а он пробрался сквозь щелочку; хоть изодрал себе морду, да зато достал. Видно, без колпака тошное житье. Давай колпак, а тот давай себе требовать книжку. Маяли, маяли друг друга, да и разменялись. Нечистая сила скрылась с колпаком разменным; а наш удалой зажил

с Черною книжкою. С тех-то пор он овладел нечистою силою, хитрил по-своему над православными, да и пропал без вести. Лесник-то было себе задумал, ан не тут-то было: ничего не выждал; только у него во дворе вся скотина перевелась».

Ведьмино селение

В деревнях верят какому-то особенному предчувствию, по которому поселяне будто бы узнают о пребывании среди их ведьмы. Люди, сведущие в приметах, люди, умеющие все растолковать, придумали признаки, указывающие прямо не на людей, а на землю. По этим признакам владетель земли или сам имеет сообщение с духами, или его жена есть ведьма. Такие признаки, по уверению знахарей, суть следующие:

В летнее время поселяне, выходя на работу, часто замечают на лугах или зеленые, или желтые круги. Увидевши это, они прежде всего узнают: чье это поле? Много ли изломалось на нем кос? Потом распускают молву, что круги появились недавно, а прежде их не бывало; что сам хозяин, если он старик, поверстался в колдуны на этих кругах; что старшая женщина в семействе его покумилась с ведьмами; что ведьмы сбираются сюда каждую ночь плясать. Но как мужчины всегда скоро избавляются от нареканий, то вся вина падает на женщин. Следствием такого подозрения бывают вообще отчуждение, ненависть, мщение, худые толки, пересуды. Такая новость для знахарей есть золотой клад. Людей, прибегающих к ним за советами, они предостерегают от бед, их ожидающих, уверяя, что они сами видели, как их новая ведьма хочет известь всю деревню. Распуская такие слухи, знахари каждый вечер принимают посетителей с поклонами, с подарками и просьбою защитить их от ведьмы. Знахарь, собравши со всей деревни приносы, идет в поле, скапывает круги с землею, и тем дело оканчивается.

Сожалея об этом заблуждении поселян, мы смело их уверяем, что эти круги суть обыкновенные явления в природе и происходят по определенным физическим законам. Земля, на которой в летнее время появляются зеленые круги, имеет под-

земные источники. От отделения влажности земля всегда покрывается зеленою травою, совершенно отличною от близких мест. Утром, еще до восхода солнечного, пары, отделяясь от влажной земли, сгущаются, оставляют после себя на траве круги; но при восходе солнечном, когда лучи изрежают атмосферу, они исчезают. Это-то действие природы знахари выставляют за пляску ведьм. Желтые круги, также появляющиеся летом, в утреннее время, происходят от так называемой медяной росы. Эта роса, признаваемая за ядовитую, скопляется на древесных листьях в виде клейкой и смолистой материи и, по своей тяжести, стекая, образует около себя круг, сообразный высоте. Все поселяне знают, что в природе существует медяная роса, но никогда не обращают внимания, как она стекает с дерев на землю; иначе они, вероятно, не решились бы оскорблять своего ближнего.

Собачья старость

Собачья старость будто нападает в деревнях на детей-одногодок, пред прорезыванием зубов, по большей части летом. Старушки лечейки, заметивши больное дитя, объявляют, что дитя, не доживя веку, умрет; что к нему прикачнулась злая болесть – собачья старость. Несчастные родители верят этому вздору и просят лечейку избавить от болести.

К назначенному дню отыскивают маленькую собачку, однолетку, белошерстную; топят к ночи печь *жарко-на-жарко* и с пением первых петухов приступают к делу. Лечейка связывает собаке ноги и кладет в топленую печь, потом принимает из полы от матери больное дитя и кладет рядом с собакою. После этого начинает парить дитя и собаку.

Родители уверены, что чем больше дитя кричит, тем скорее с него сходит болезнь. Парение кончилось. Дитя передается матери также на полу, полубольное, полуизмученное и нередко умирающее. Собаку всегда стараются в эту же ночь утопить.

СКАЗАНИЯ О ВОРОЖБЕ

Гадание на картах

Ворожба на картах так усилилась в городской жизни, что сделалась особенною принадлежностью людей, посвятивших такому занятию всю свою жизнь. В селах ворожба сего рода известна более в разговорах, нежели на самом деле. Там занимаются ею более дворовые люди, заезжие из городов, по привычке; но поселяне не верят этой ворожбе. Здесь нет чудесного, увлекательного для их воображения; здесь нет олицетворения, могущего потрясти их дух; здесь рассказы не проникают их грубую жизнь такими утонченными страстями, как это бывает в городской жизни. Следовательно, ворожба на картах родилась в городах.

Приступая к открытию гадания на картах, мы не намерены входить в объяснение разных способов, употребляемых гадателями. Это суть предметы условные, всегда .изменяемые по воле людей и разнообразные до бесконечности. Мы только скажем здесь о главном характере гадания на картах.

Гадание на картах присвоили себе женщины, записные гадальщицы, люди, имеющие связь со всеми дворовыми людьми, с торговками, посещающими многие дома, с разносчиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сосредоточиваясь всегда в этой сфере, они ежедневно сбирают от них сведения о домашней жизни городских людей. Толпа людей, посещающих дома гадальщиц, всегда бывает известна ворожеям. Соображаясь с получаемыми сведениями, они наперед знают: кто и зачем пришел? что должно сказать каждому? Все посетители верят им на слово, не требуя

никаких доказательств. Зато все ответы ворожеек бывают двусмысленны. Главные основания гадания на картах сосредоточиваются на следующих наблюдениях:

1. Люди, посещающие ворожеек, по большей части, бывают влюбленные, люди, имеющие в виду надежду и отчаяние. Таким людям ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказывают отгад благоприятный. Люди, отчаянные в своей любви, разгоряченные, несвязные в разговорах, сами говорят о себе ворожейкам в худую сторону.

2. Второй разряд людей, посещающих ворожеек, состоит из мужчин и женщин, лишенных собственности разным образом. Как не узнать этих людей! Томность, горесть, отчаяние, минутная надежда, выражаемая улыбкою при добром для них рассказе, нетерпеливость, беспрерывные разговоры об одних себе, удаление от людей веселых, отчуждение от любопытных предметов всегда указывают ворожейкам: зачем явились к ним люди, носящие на себе отпечаток своих несчастий!

3. Третий разряд людей состоит из особ, желающих знать: каким образом улучшить свои домашние обстоятельства? Одежда, не предвещающая большого достатка; разговоры о трудностях домашней жизни; расспросы о должностях легких, покойных, выгодных; разные предприятия, невольно высказываемые; радость и отчаяние, беспрерывно сменяемые при раскидывании карт, – вот верные указатели для ворожеек.

На этих-то признаках и на собираемых сведениях совершается гадание на картах. Удачное открытие ворожейки всюду разносится и притом всегда в увеличенном виде; неудача же скрывается от стыда и слабости. Страсти везде берут перевес; но в картах еще более видно их владычество. Люди, обманутые ворожейками несколько раз, не картам приписывают свои неудачи, но всегда посторонним обстоятельствам, и при первом слухе о новой, чудесной ворожейке толпами бегут в покои обманщицы и верят в карты.

Доверие к картам, проистекая от страстей и худого направления духа, может быть только истреблено одним истинным, верным образованием ума и удалением страстей. Все

предприятия для этого будут тщетны, если люди будут чуждаться умственного образования.

Гадание на кофе

Гадание на кофе образовалось в городах и из них еще не перешло в селения. Доверие к такому роду ворожбы гораздо сильнее, нежели к картам; оттого-то люди как-то неохотно приступают к гаданию на кофе; одно отчаяние, редко крайность отваживают на это. Поверие, что гадание на кофе всегда сбывается, отклоняет многих от такой ворожбы.

Главные основания ворожбы на кофе также основаны на знании семейных дел и страстей. Кофейницы, как записные ворожейки, должны быть женщины пожилых лет, говорливые, расторопные и часто пьяные, по русскому народному поверию, пьющие от ума.

Кофейницы свою ворожбу производят открыто, одною густотою вареного кофе. Принимая к себе посетителей, они эту густоту кладут в чайную чашку, накрывают чайным блюдечком; потом опрокидывают чашку вверх для того, чтобы кофейная густота пристала к стенкам чашки. Засим снимают блюдечко, чашку ставят поодаль на столе, на блюдечко наливают воды; взявши чашку за дно, опускают на блюдечко, погружая троекратно, при произношении слов: *верность, дружба и согласие.*

После этого поднимают чашечку, и начинается гадание, сообразно теням и знакам, отражающимся на кофейной густоте. Тени и знаки, как приметы условные, изъясняются следующим образом:

Тень человека имеет два значения: влюбленным предсказывает свидание, лишенным имущества – вечную пропажу.

Тени зданий всегда предсказывают: богатым счастливые предвещания, бедным худые ожидания, щедрым нечаянное обогащение.

Тени земель и растений предсказывают: вечные раздоры, худые замыслы, разрыв любовных связей, неудачи в делах, худые обороты, тоску, грусть.

Тени животных предсказывают опасность от злых людей, неблагоприятную дорогу, огорчительные письма, известия о расстройстве имений, опасность за друзей и влюбленных.

Гадание на Псалтыре

Гадание на Псалтыре принадлежит вместе и сельской, и городской жизни. Люди боятся гаданий этого рода, страшась их сбывчивости; но при всем том ворожба эта производится явно, с совершением каких-то молитв.

Записных гадателей на Псалтыре редко встречаем. Этим занимаются по большей части домашние люди, своего рода, старушки, знающие всю подноготную. Приступая к ворожбе, они берут ключ, пишут записочки, требуют Псалтырь. Записочки вкладывают в Псалтырь, ключ винтовым концом вкладывают также в Псалтырь, а круговой конец связывают веревочкою с Псалтырем. Потом заставляют постороннего человека держать на указательном пальце ключ с Псалтырем. После этого ворожея читает тайно какой-то псалом. Если в это время завертится Псалтырь на пальце, то означает хороший признак – и гадание бывает удовлетворительное. Если Псалтырь не вертится, то это худой признак – гадание, не обещающее хорошего.

Основание этой ворожбы заключается в соблюдении равновесия. Малейшая неосторожность служит в пользу обманщиков. Такой род гадания производится еще другим образом: открывают по произволу Псалтырь и заставляют приходящих читать. После каждого чтения начинается толкование. Всякий благоразумный человек может наперед представить, какое бывает толкование. Обманщики, соображаясь с обстоятельствами, приискивают такие псалмы, какие ближе к обстоятельствам жизни приходящего человека.

Сей способ гадания перешел к нам с Запада. Шмидт, в своей истории о германцах, упоминая о соборе епископа Бургарда, приводит вопросные пункты о гадании на Псалтыре. Следовательно, это гадание не принадлежит собственно

русской жизни, но оно переделано на свой лад, по подобию других гаданий.

Гадание на решете

Гадание на решете существует более в деревнях, нежели в городах. Доступное всем возрастам и состояниям, оно принимается с большою доверенностью при пропаже домашних вещей и животных. Дворовые люди в селениях почитаются самыми искусными в гадании на решете. Замечательно здесь особенное исключение: сельских девушек отлучают от решета; его непременно должна совершать замужняя женщина.

Основное положение гадания на решете состоит в соблюдении равновесия. Чем более попыток делается, тем решето скорее теряет равновесие. Ворожейки, для увеличения обмана, прежде сеют этим решетом снег, потом вытрясают его при лунном свете. Такое решето, по рассказам поселян, имеет более действия.

Способ гадания на решете совершается двояким образом. Берут решето, утверждают его на указательном пальце, вытягивают руку в сторону и потом начинают причитывать имена тех людей, на кого падает подозрение. Если при чьем имени посетитель и ворожея заметят, что решето повернулось, тот почитается вором.

Второй способ гадания совершается несколько иначе. На верху решета привязывают ножницы. Приглашают в свидетели двух посторонних человек. Эти свидетели ставят концы ножниц на своих средних пальцах. В это время ворожейка начинает причитывать: «Белый украл? Черный украл? Рыжий украл? Седой украл? Светлорусый украл? Темнорусый украл?» При каждом вопросе замечают: не завертелось ли решето? Если решето завертелось при вопросе: белый украл? – то похититель есть белый человек. После чего начинается толкование, что этот белый имеет такие-то приметы. Само собою разумеется, что описание примет делается со слов приходящих или производится сообразно обстоятельствам и времени.

Гадание на яйцах

Гадание на яйцах принадлежит в сельской жизни одним девицам; но в городах оно имеет разные приноровления. Таким производством почти всегда занимаются бродящие старухи, а из домашних няньки. Толкования старух и нянек принимаются за сущую правду.

Приступая к гаданию, старухи берут теплую воду в стакан и распускают в нем яичный белок. При выпускании белка отражаются различные *фигуры*. По этим-то фигурам начинается гадание.

Фигура, выражающая церковь, предвещает: девушке скорую свадьбу, пожилой – смерть.

Фигура, отражающая корабль с парусами, предвещает: замужней женщине скорое прибытие мужа, девушке – отдачу замуж на чужую сторону, молодому мужчине – отдаленное путешествие.

Если белок вдруг опустится на дно стакана, то это угрожает опасным бедствием, смертью, пожаром, вечною незамужнею жизнью.

Объяснение сего гадания основывается на простом химическом законе, на соединении двух разнородных веществ. Люди, не слыхавшие об этом законе, верят безусловно в толкование ворожеек.

Гадание на иглах

Гадание на иглах так обыкновенно в кругу девичьей жизни, что если какая девушка не попросит об этом ворожейку, то всегда поносится от своих подруг. Кто знаком с сельским воспитанием, кто знает, с какими предрассудками воспитываются эти девицы, тот легко поймет происхождение гадания на иглах.

Сельские девушки, решаясь гадать на иглах, просят или ворожеек, или нянек; сами же гадать не должны: правда не

сбывается. Ворожейки берут две иглы, натирают салом, опускают их в стакан с водою.

Если иглы потонут, то это худой признак; если они сошлись вместе, то это предвещает скорое вступление в замужество; если они разошлись одна против другой, то это означает, что есть препятствия к свадьбе со стороны недоброжелателей; если они разошлись в разные стороны, то это предсказывает вечную незамужнюю жизнь.

Всякое явление сопровождается намеками на известных женихов, и при каждом разе выпытывают от девушек семейные тайны и передают их женихам.

Гадание на воске

Гадание на воске употребляется сельскими и городскими девушками во время святочных вечеров, по совету нянек и ворожеек. Желая узнать своего суженого в глаза, отчаянные девушки это гадание совершают в бане, в полуночные часы. Явление наяву суженого совершается по милости услужливых нянюшек. Расторопный суженый, подкупая няньку, с вечера переселяется в баню и дожидается прихода суженой. Когда же суженая хочет гадать, он предстает ей, вручает кольцо и скрывается.

Девушка от испуга ахает, падает в обморок, а после подсылаются свахи, жених является на *смотрины*, и дело слаживается без дальних хлопот.

Гадание на воске, производимое в присутствии многих в доме, совершается следующим образом: растапливают воск и вливают его в стакан с холодною водою. В это время опытные няньки начинают делать предсказания по отражающимся фигурам. Знакомым и тороватым девушкам предсказывают все хорошее, благоприятное; напротив того, бедным, незнатным, отгадывают все худое, оскорбительное.

Часто между девушками заводятся интриги. Из ненависти к своей подруге подкупают ворожейку, которая выска-

зывает нелепости разного рода. От этого иногда происходят вечные семейные раздоры.

Гадание на свинце

Гадание на свинце принадлежит к святочным тайнам, производится в городах и селах, под рукою нянек. В этом гадании участвуют только девицы, переиспытавшие все прочие роды гаданий. Общее народное замечание для этого гадания есть: скрытность от отца и матери, а с тем вместе и уединенность для занятия.

Ворожеи растапливают свинец, вливают его в холодную воду и делают свои наблюдательные замечания. На какую сторону будут отделяться пары, на той стороне быть девице замужем. Если свинец будет представлять церковь, то это означает скорую свадьбу; если будет показывать гроб, то это предвещает скорую смерть.

Гадание в зеркале

Самое действительное гадание в зеркале совершается на дворе при лунном сиянии, во время святочных вечеров. Впрочем, по необходимости, совершается и в доме, и притом во всякое время. Лучшим временем для этого гадания признается полночь, при тусклом комнатном свете, при всеобщем молчании.

Гадание в зеркале не принадлежит к кругу изобретений русских ворожеек; оно перешло в наше отечество из других земель. Суеверные греки, получившие это завещание от древней восточной жизни, осуществляли его своими таинствами, приноравливали к разным обстоятельствам и потом, вместе с просвещением, передали его разным народам. Как чудесный вымысел, как обольстительное обаяние, оно пережило века, нравилось всем народам, изменялось по прихоти каждой ворожеи. Наконец довелось участвовать в нем и русской жизни.

Наши ворожеи, сбираясь гадать в зеркале, избирают уединенную комнату, берут два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно в 12 часов ночи начинается гадание. Большое зеркало ставят на столе, против него маленькое; гадающая садится пред зеркалом, обставленным свечами. Все окружающие наблюдают глубокое молчание, сидя в стороне; одна только гадающая смотрит в зеркало. В это время в большом зеркале начинают показываться одно за другим 12 зеркал. Как скоро будут *наведены зеркала*, то в последнем из них отражается загадываемый предмет. Но как явление не всегда показывается, то начинают другие наводить. Верный признак наведения есть тусклость зеркала, которое протирают полотенцем. Наши ворожеи думают, что суженый, вызванный поневоле этим гаданием, приходит в гадательную комнату и смотрит в зеркало через плечо своей суженой. Суженая, бодрая и смелая, всегда рассматривает все черты лица, платье и другие его приметы. Когда она кончит свой обзор, тогда кричит: «Чур сего места!» При этом чурании привидение вдруг исчезает. Старушки уверяют, что, если суженая не зачурает привидение, тогда оно садится за стол, вынимает из кармана что-нибудь, кладет на стол. Догадливые гадательницы в роковой миг начинают чурать; привидение исчезает, а оставленная на столе вещь остается в ее пользу. Последствия оправдывают ожидание ворожеек: оставленная вещь будто всегда похищается у жениха, в то самое время, когда его суженая наводит зеркала. Самое важное обстоятельство в этом гадании есть слова: «Суженой, ряженой! Покажись мне в зеркале», и мысль об нем до появления двенадцатого зеркала.

Почти всеобщая уверенность в действительности сего гадания заслуживает сожаления о заблуждении людей, доступных этому верованию. Установка зеркал, отражающих мелькающие тени присутствующих людей при гадании, сообразно законам оптики; разгорячаемое воображение, устремляемое на известный предмет; вера в действительность сего гадания, подтверждаемая рассказами старух; воспитание, не очищенное от предрассудков, – служат основными началами этой ворожбы.

Истинное образование ума, непреложная вера в бога, усилия людей благомыслящих, может быть, со временем, избавят наших соотечественников от явного заблуждения.

Гадание черной курицей

Гадание черною курицею принадлежит векам всеобщего европейского суеверия, когда слова людей виновных не имели верности в суде, когда пустые испытания винили правого, оправдывали виновного, когда дерзкий преступник, одаренный физическою силою, с мечом в руке защищал свою правоту. Когда это гадание зашло в Русскую землю – доказать невозможно. Наши ворожеи употребляют его для открытия похитителей.

В семействе, где случилось похищение, всегда подозревают многих, особенно в деревнях. Там правых и виноватых сбирают вечером в одну избу, тушат огонь и впускают курицу, осыпанную сажею. Курица, обходя правых, прикасается к ним; но, подходя к вору, будто кричит, бежит прочь и не подпускает его к себе. В этом случае все правые, по необходимости, окрашиваются сажею; один только похититель не удостоивается этой почести. Потом вносят огонь и смотрят: кто окрашен сажею и кто нет? Если есть человек, свободный от этого, то он признается виноватым.

Этот способ, открывающий похитителя в деревнях, всем известен. Виновный, зная следствия, неужели не захочет оправдать себя? Он, способный на все роды хищения, неужели будет равнодушен к курице? неужели побоится ее прикосновения, особливо поселянин, грубый и бесстрашный? Мне известен случай, где производилось открытие похитителя таким гаданием. У одного крестьянина были сведены лошади. Подозрение пало на живущего работника. Прибегли к гаданию курицею. Все собранные были окрашены сажею; один только четырехлетний мальчик был пощажен курицею.

Истинный похититель-работник был избавлен от подозрения, а мальчика вся деревня признавала виновным дотоле,

пока открылось, через восемь месяцев, что работник был похитителем. Между тем явное открытие не могло облагоразумить поселян в ослеплении своего поступка. Так сильно действуют предрассудки над грубыми поселянами и так могут быть иногда вредны их поверия.

Водогадание

Водогадание в русской семейной жизни присвоили себе ворожейки, женщины, распоряжающиеся всеми домашними сплетнями. Суеверные люди, допускающие всевозможные вздоры, находят утешение в беседах с ворожейками, сами поддерживают их ремесло. Записные ворожейки, выдавая водогадание как действительное средство для отгадывания семейных тайн, всегда говорят, что они научены этому от страшного колдуна и могут верно все отгадывать на воде, что бы им ни предлагали. В звание водогадательниц всегда вступают женщины, ни к чему не способные, по большей части вольноотпущенные, солдатки и особенный класс «кумушек», известных на Руси своею расторопностью в свадебных и похоронных делах. В деревнях говорят, что *это ремесло на роду не приходит*, а только передается. За *передачею* женщины прибегают к знахарю или старой колдунье. Знахарь требует посулов: штоф вина, скатерть, две рубашки, кушак и полотенце.

Это все заранее приносится, потому что требование знахаря известно всему селению. Знахарь становит будущую водогадательницу к загнетке, накрывает лицо полотенцем, ставит на стол мису с водою, садится на лавке и дует на воду; потом снимает полотенце с водогадательницы. Наговоренная вода выливается под верею, а в мису вливается вино. Знахарь, накрывший мису скатертью, приказывает, чтобы она явилась «во саму утренню зорю». Водогадательница является не с пустыми руками, а с двумя штофами вина. Здесь уже знахарь научает водогадательницу всем премудростям.

Русские водогадательницы всегда избирают один день в неделе: четверг, а другие предпочитают понедельник. Веро-

ятно, что это предпочтение ведется по преданию, без всякого отчета. Русские люди водогадание распространяют на многие виды; но его, по большей части, употребляют для открытия похитителей в наших степных селениях.

Там, где случилось похищение, собирают подозрительных людей, призывают грамотного, пишут имя каждого на особенных лоскутках, ставят на стол огромную чашку с водою. Ворожея берет записки и бросает по одной в воду. Чья именная бумажка выпрыгнет из воды, тот признается виноватым. Большая часть поселян не доверяет вполне этому гаданию; другие считают его тогда только действительным, когда производят на студенце, ознаменованном каким-нибудь важным событием.

Неосновательность такого гадания представляется так очевидною, что самое поверхностное знание физических законов объясняет его. Если бумажка будет брошена углом в воду, то удобно может скользить по поверхности, точно так же, как скользит камень, брошенный в реку углом.

Гадание на бобах

Гадание на бобах принадлежит записным городским гадательницам. В селах занимаются этим более дворовые люди, а особливо клюшницы, няньки и экономки, *по воле или неволе барской*. Олицетворяя бобы частями человеческого тела, они разрешают вопросы, предлагаемые боярами, боярынями и боярчатами, всегда в благую пользу. Городские же гадательщицы соображаются в этом случае с собранными сведениями и лицами, к ним приходящими. Замечательно, что в гадании на бобах ворожеи всегда отвечают одними мнениями. Постоянство гадания заставляет думать, что все ответы, излагаемые ими, изучаются по преданию.

Ворожейки для этого гадания берут *сорок один боб* и разделяют их, без счету, на три части. Берут первую часть в одну руку, а другою начинают отсчитывать по четыре бобинки, откладывая их в сторону, до тех пор, пока в руке будет оставаться

три, два или один боб. Этот остаток кладут в *первую линию*, подле первой части. Потом берут третью часть, отсчитывают также, остаток кладут в *первую линию*, подле третьей части. После того составляют *вторую линию* из бобов, отлагаемых в сторону, также в три порядка. *Третья линия* составляется без счету в три порядка, из бобов, оставшихся от первой и второй линии. Таким образом, устроивши три линии, в каждой по три порядка, приступают к отгаду на бобах.

Второй порядок в первой линии ворожеи называют *головою*, третий в этой же линии *рукою*, второй порядок во второй линии *сердцем*, третий порядок в третьей линии *ногою на походе*.

Голова предвещает: мысли, веселости, быстроту, состояние ученое; *рука* предзнаменует: богатство, бедность; *сердце* говорит: печаль или радость; *ноги на походе* означают: приезд и отправку в путешествие, получение, посылку, исполнение желания.

Равное число бобов в порядках означает препятствие к исполнению всех желаний. Ворожеи в этом случае говорят: «*Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги в остановке*». Неровное число бобов – *нечет* в порядке предвещает все доброе, хорошее, благоприятное. Ворожеи тогда говорят: «*Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походе*».

В этом заключается все таинство гадания на бобах; ворожеи так разнообразят его, что посетители всегда изменяют свои намерения. То говорят, что ваши желания в этот день не могут быть разгаданы от возмущения духа, то желания высказываются не от всего сердца, то они не по мысли. Все это они разгадыванием подтверждают, и оканчивается тем, что только могут сказать ворожеи.

Святочные гадания

Никогда русская семейная жизнь не живет в таком раздолье, как на святках. Здесь все возрасты принимают участие в веселости, особенно женский пол. Молодые люди среди игр

и веселий выбирают для себя суженых; старики рассказывают про старину; старушки подтверждают разными опытами достоверность гаданий. И все это совершается вечерами, в полном собрании многих семейств. Женщины *позыватки* обходят дома с приглашением, где есть девушки, в семейство зажиточное, где лелеется ненаглядное дитятко, краса девичья, зазноба молодеческая.

Вся важность святочных вечеров заключается в гаданиях, передаваемых из рода в род. Отыскивать первоначальное появление этих гаданий нет никакой возможности. Предания наших предков, письменные и словесные, ничего не говорят об этом. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали их существование временам нехристианским русского народа, как доселе делают с предметами, не вполне объяснимыми. Мы останемся при одном мнении, что святочные гадания усвоивались русской жизни в продолжение многих веков, при постоянном или временном сношении наших предков с соседними народами. Если бы была возможность тщательно проследовать отдельные поверия по пограничным местам в разных веках, потом следить их распространение по внутренним городам, тогда бы мы могли с точностью означить: из какой страны, из какого города, от какого народа перешли к нам суеверные поверия, где они были приняты, где нет, где исчезли, где и доселе существуют. Мысль едва исполнимая, едва возможная в своем осуществлении; но, как вероятная, она проистекает из действительного бытия мифов древней восточной жизни, столь редко переживавших свои периоды, столь явно переходивших от одного народа к другому. Мы знаем быт великоруссов, мы постигаем быт малоруссов, мы верим в отдельное существование быта белоруссов; но можем ли мы смело сказать, что они отделены один от другого? Их разнообразные проявления заставляют думать, будто они никогда не сливались один с другим, будто никогда жизнь великорусская не селилась на полях малорусских, если бы история не указывала нам на постепенные возрасты того и другого, если бы не говорили нам дела, что каждый из них

осуществлял свою данную мысль при содействии другого. Отчего мифы, поверья, семейные сказания Белоруссии отличаются от мифов, поверьев, семейных сказаний Великоруссии? Отчего малорусе верит в поверие, едва известное великоруссу и о котором совершенно не знает белорусе? В чем заключается основная причина переселения мифов от одного народа к другому? Отчего происходит их усвоение той или другой общественной жизни? Подробное обозрение общественной и семейной жизни решительно оправдывает предположение о переходе поверий в русскую жизнь в продолжение многих неков и от многих народов.

Святочные гадания, совершаемые доселе в русской семейной жизни, производятся вечерами, с 25 декабря по 5 января, и притом в разное время. Так, одни совершаются вечером, другие в полночь, а третьи приготовляются ко сну.

Вечерние гадания обыкновенно начинаются с той минуты, как скоро освещают огнем комнаты. Исчисляем здесь некоторые из них.

Собравшись все вместе, в один дом, девицы выходят на улицу: здесь каждая из них должна спрашивать об имени первого встретившегося ей человека. Они верят, что таким именем будет называться их суженый. Это самое *окликание* производится под Новый год; девушки тогда выходят на перекресток с пирогом.

Ходят слушать под окна чужих домов и, внимая разговору веселому или скучному, предрекают себе такую же жизнь в замужестве.

Ходят в темноте в дровяной сарай, берут полено из поленницы и потом в покоях смотрят: если оно гладкое, то муж будет хороший; а если кому попадется суковатое, особенно с трещинами, то он будет дурной и сердитый.

Выводят из конюшни лошадей через оглоблю. Если которая зацепит оглоблю ногами, то муж будет сердитый; если же перескочит чрез нее, то муж будет тихий и смирный.

Подходят к амбарам: если услышат пересыпку хлеба, то уверяют себя, что их замужняя жизнь будет достаточная.

Слушают под церковным замком: если подслушают пение – «со святыми упокой», то это предвещает смерть; если услышат что-нибудь свадебное, то означает, что в том же году выйдут замуж.

Снимают с насести кур и приносят в ту горницу, где ранее приготовлено в трех местах: вода, хлеб, кольцы юлотые, серебряные, медные. Если чья курица будет нить воду, то муж будет пьяница; если будет есть хлеб, то муж будет бедняк; если возьмет кольцо золотое, то муж будет богач; если серебряное, то муж будет ни богат, ни беден; если же сдвинет с места медное, то будет нищий.

Пересчитывают в лестницах балясы, говоря: «Вдовец, молодец», и, доходя до последней, смотрят: на каком слове остановились, такой будет и муж.

Выходят к забору и говорят: «Залай, залай, собаченька, залай, серенький волчок». В которой стороне услышит девушка лай, в той стороне будет жить замужем. Если лай раздается близ дома, то это показывает, что отдадут замуж не в дальнюю сторону; если же лай будет тихий, едва слышный, то будет выдана замуж на чужую сторону.

Бросают башмаки чрез ворота на улицу, потом выходят сами на улицу и смотрят: в которую сторону он обращен носком, там и быть замужем. Худой признак для девушки, когда ее башмак лежит обращенный к домашним воротам: в этот год не быть ей замужем.

Ходят смотреть в окна соседей во время ужина. Если заметят сидящих за столом с головами, то предвещают себе, что будущие родные все будут живы; если же видят без голов, то думают, что они скоро все вымрут.

После подблюдных песней выносят воду на двор, и каждая из девушек, отливая несколько этой воды под верею, берет в горсть снегу. Приходя в покой, смотрят: какого цвета снег, таков будет и суженый.

Полуночные гадания всегда начинаются после ужина, с 12 часа ночи. В них участвуют взрослые девицы, в присутствии опытных старушек. Исчисляем эти гадания.

Гадающие девушки садятся у окон, выговаривая каждая: «Суженый, ряженый! поезжай мимо окна». Если которая услышит поезд с криком, с свистом, то предрекает себе жизнь веселую и хорошую; а когда поезд будет тихий, то предрекает себе замужнюю жизнь в бедности.

Вывешивают за окно ключи, щетку. Кто из проходящих их пошевелит, спрашивают его: «Как звать?» Думают, что этим именем будет называться суженый.

Берут скорлупы грецких орехов, режут восковые свечи на маленькие кусочки, вставляют в скорлупы, пускают плавать в чашку, наполненную водою. Потом каждая из девушек зажигает свечки своей скорлупы. Здесь замечают: которая потонет, та умрет незамужнею; у которой скорее сгорят свечки, та прежде всех выйдет замуж; а у которой будет гореть долее всех, той не бывать замужем.

Отчаянная девушка накрывает в пустой комнате стол скатертью, кладет прибор, кроме ножа и вилки, и говорит: «Суженый, ряженый! приди ко мне поужинать». Все окружающие выходят в ближние покои, а она, оставшись одна, запирает двери, окна, садится за стол с ожиданием суженого. Признаки приближения суженого суть следующие: ветер жужжит под окнами, с свистом; удары в окна, в дверь; смрадный запах. Потом является суженый. Девушка должна сидеть на своем месте, молчать на все вопросы, замечать черты лица и платье. Суженый садится за стол, начинает говорить. Девушка вместо ответа спрашивает: «Как звать?» Суженый сказывает имя, вынимает что-нибудь из кармана. В этот миг девушка должна говорить: «Чур моего места! чур моей загадки!» Суженый исчезает, оставляя на столе вещь, им принесенную. Если она сробеет и не зачурает, то суженый производит разные проказы.

Девушки выходят на двор, берут скатерть за края, старушка всыпает снег. Раскачивая скатерть, приговаривают: «Полю, полю бел снег среди поля. Залай, залай, собаченька; дознай, дознай, суженый!» В это время каждая девушка прислушивается, как лают собаки. Хриплый лай означает суженого старика, звонкий– молодого, толстый – вдовца.

Делают с вечера из воску стадо лебедей по числу девиц. Лебедку окрашивают румянами, а лебедь остается белым. Гадальщицы выбирают для себя лебедя с лебедкою, опускают в чашку с водою и накрывают платком. Пред тем временем, как ложиться спать, смотрят, как плавает лебедь с лебедкою? Если плавает вместе, то замужняя жизнь будет согласная; если разошлись порознь, то будет вражда.

Самые отчаянные и пожилые девушки выходят в лунную ночь на реку послушать в прорубь. Нянюшки стелют воловью шкуру. Девушки садятся слушать и смотреть в воду. Которая выйдет в этот год замуж, та увидит своего суженого в воде, точно в таком наряде, в каком он придет на сговор; которой же сидеть в девках, та только услышит один стук из воды.

Наливают с вечера в рюмку воды, опускают кольцо и выставляют на мороз. Перед сном нянюшки приносят рюмку и смотрят: сколько бугорков, столько родится сынков, а сколько ямок, столько дочек.

Нянюшки с вечера обсевают золой башмаки и прячут под кровати, будто скрытно от девушек, между тем как каждая наперед договаривается об этом. Девушки встают и смотрят: на чьих башмаках будет больше золы, тем предрекается большое богатство.

Берут вечером, впотьмах, с кудели пряжу, начесывают на гребень и спускают за окно. Пред сном смотрят: какие волосы на гребне, такие будут и у суженого.

Гадания на сон совершаются девушками по указанию старушек и, для большей действительности, людьми посторонними.

Собирают из прутиков мостик, кладут под подушку. Девушка, ложась спать, говорит: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тот переведет меня чрез мост». Суженый является во сне и переводит за руку чрез мост.

Кладут под подушку гребенку, говоря: «*Суженый, ряженый! причеши мне голову*». Суженый является во сне и чешет голову.

Берут наперсток соли, наперсток воды, смешивают и едят. Ложась спать, девушка говорит: «Кто мой суженый, кто

мой ряженый, тот пить мне подаст». Суженый является во сне и подает пить.

Кладут под подушку четырех королей и говорят: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тот приснись мне во сне». Суженый снится во сне в виде какого-нибудь короля.

Снотолкования

Нет женщины, нет девушки в наших городах и селениях, которая бы не верила снам. В старину, бывало, со всяким сном хаживали женщины к ворожейкам. И тогда русские сны можно было назвать по справедливости чудными снами. Все, что ни увидят во сне, все сбывалось наяву. И как таким снам не верить! Ныне уже совсем не то. Увидят ли что во сне, сейчас наводят справку с Московским оракулом, чудным оракулом. В нем объяснены все сновидения. Не оттого-то наши современные сны никогда не сбываются.

Наши старушки различали сны по времени их появления. У них сны бывали: *вечерние, полуночные, утренние.* Вечерний сон не имел никакой важности; ему мало верили, об нем даже не ворожили. Сон полуночный почитался важным; об нем-то заботились более всего; он-то и привлекал женщин к ворожейкам. Сон утренний был особенною принадлежностью *молодых*, мужа с женою, на первом году их бракосочетания. Этим сном только забавлялись старики, когда *молодая* начнет, бывало, рассказывать своим родным. Сон девушки уважался только во время святочных ночей.

Разгадыванием русских снов промышляли кумушки, старые няньки, соседки-старухи, живущие в одиночестве, и особенный класс людей – лечейки, женщины, бродящие с узелками трав по улицам в селах и городах, а по субботам исправляющие звание акушерок в банях. Сны разгадывались всегда по образу жизни людей и подаркам. Богатым всегда снились сны хорошие, а бедные – что ни увидят, все оканчивалось бедою. Мы приводим здесь городские сны, записанные слово в слове с объяснениями ворожеек.

Сон молодой богатой русской женщины. «Вот как теперь, вижу гору высокую. Гора та не то, что наши горы земляные; не то что мой Парамон Филимоныч делал для Миши прошлою зимою; гора была вся хрустальная; на горе стоял терем. Да какой же терем-то? Весь золотой, весь горит, как солнышко, весь полон людей. Вот и думаю: идти ли мне во терем? Пойду же, когда так придумалось. Иду по дорожке, а гора растет выше, терем выше того. Билась, билась, а все стою на одном месте. Придумала снова, как делу быть. Не пойду, когда так! Сказала – и сделала. Вдруг вижу – и что же? С горы идет мой Парамон Филимоныч. Я было его и не узнала. Да и как было узнать? Видишь, он был молодец молодцом; кафтан на нем золотой парчи, шапка черного бобра; кудри русые развевались по плечам ключевой волной. А идет-то он не по сырой земле, а по ковру узорчату. Как подошел ко мне, да и раскланялся, да и взял за руку. Я, де, тебя давно жду, – молвил он. Как пошли мы, гора стала опускаться, терем стал растворяться, весь народ поклоняться. Тут-то я проснулась».

Разгадывание сна молодой богатой женщине. «Ах ты, моя дорогая голубушка! Да какой же сон твой славный. Видно, кому счастье на роду написано, тому и на яву и во сне сладкое житье. Гора-то твоя хрустальная, то богачество твоего Парамона Филимоныча. Коли ты вздумаешь, взгадаешь сосчитать его, то вырастет выше нашей поповой горы. Что терем-то золотой, то торг Парамона Филимоныча. А что народ во тереме, то товар золотой во торгу Парамона Филимоныча. А что твой Парамон Филимоныч – молодец молодцом, во кафтане золотой парчи, то утеха твоя, то молодости твоей прикраса. Что золот терем растворяется, что народ поклоняется, то богачество расширяется, то дороги товары сбываются. А все-то сон твой, любовь да согласие с Парамоном Филимонычем».

Сон старой богатой женщины. «Живу будто я, как было прежде, с своим Агафоном Карпычем, на первом году, во любви, во согласии. Дом наш полным-полон; семья-то все красная и почетная. Гостей-то, гостей-то, что и боже упаси! В каких нарядах уж не было! Были молодые молодушки, были пожи-

лые в мою пору, были и старые старушки. Ни одной-то не было красной девушки. Уж мой ли Агафон Карпыч не сидит, не ходит, а все гостей потчует; уж и я ли молода за столом не сижу, а все гостей потчую. Вдруг на дворе стемнуло, и во покоях тож. Не вижу гостей и своего Агафона Карпыча. Осталась одна-одинехочка. Тошным-тошно стало мне в одиночестве. Вдруг солнышко засветило на дворе. Гляжу – уж в зеленом саду, вокруг меня, калина с малиной да розовый куст. Тут я и проснулась. Ко добру ли, к радости мой сон, ума не приложу».

Разгадывание сна старой богатой женщине. «К добру и к радости твой дорогой сон, золотая моя голубушка. А виделато ты все старое житье, когда здравствовал твой Агафон Карпыч. Что семья-то красная, то твоя почетная родня. Что молодые молодушки, твои замужние дочки; что пожилые, в твою пору, то родимые сестрицы твои; что старые старушки, то твои сватьюшки; что не было ни одной красной девушки, то ты одна во дому. А что на дворе затемнелось и во покоях тож, то твое вдовство, золотая моя голубушка. Уж как солнышко взошло, то на радость тебе, во твоем одиночестве. А зелен твой сад, то красная семья, то радость твоя. Калина с малиной, то твой сын со невесткой, то утеха твоя. Уж как розовый куст, то все внучки твои, то прилука твоя. Хорош твой сон, и не всем на роду написано таково счастье. Много радостей было во твоей жизни, а еще больше будет их. Береги свой куст, покой калину с малиной. Счастье твое при тебе».

ДОПОЛНЕНИЯ

I. КНИГИ СИВИЛЛ

Книги Сивилл, известные нашим предкам, доселе сохраняются в списках, различных по содержанию и по составу. Обращаем внимание наших читателей на старые списки.

1. ТРОИЦКИЙ СПИСОК: О СИВИЛЛАХ, колико их было. Историограф Н. М. Карамзин полагал, что этот список написан Максимом Греком (И. Г. Р., т. VIII, прим. 241). Он находится в библиотеке Московской Троицкой Лавры.

2. РУМЯНЦЕВСКИЙ список, находящийся в сем Музеуме, отличается изяществом изображений Сивилл и письмом. Заглавие его: *«Книга о Сивиллах, колика быша, и киими имяны и о предречениях их».*

ТОЛСТОВСКИЕ СПИСКИ, числом семь, находятся в Императорской Публичной Библиотеке. Из них:

1. ПРОРИЦАНИЕ СИВИЛЛ. Список помещен в хронографе отдельною статьею на 938 листе. См. Росп. Толст. отдел. I, № 129.

2. СКАЗАНИЕ О ДВУНАДЕСЯТИ СИВИЛЛАХ, СИРЕЧЬ ПРОРОЧИЦАХ. Список помещен отдельною статьею в рукописи на 306 листу. См. Росп. отдел. I, № 141.

3. СКАЗАНИЕ О ДВУНАДЕСЯТИ СИВИЛЛАХ, СИРЕЧЬ ПРОРОЧИЦАХ. Список помещен в полууставной рукописи отдельною статью на 177 листу. См. Росп. отдел. II, № 65.

4. ИЗ КНИГИ МУДРЕЦА МАРКУСА О ДВУНАДЕСЯТИ СИВИЛЛАХ. Список помещен отдельною статьею в рукописи на 260 листу. См. Росп. отдел. II, № 140.

5. ИЗ КНИГИ МУДРЕЦА МАРКУСА О ДЕСЯТИ СИВИЛЛАХ. Список помещен отдельною статьею в рукописи на 237 листу. См. Росп. отдел. II, № 18.

6. ПРОРИЦАНИЯ ДРЕВНИХ СИВИЛЛ, с раскрашенными их изображениями. Список помещен отдельною статьею в рукописи на 413 листу. См. Росп. отдел. II, № 217.

7. МУДРЕЦА МАРКУСА ИЗ ЕГО КНИГИ О ДЕСЯТИ СИВИЛЛАХ. Список помещен отдельною статьею в рукописи на 48 листу. См. Росп. отдел. III, № 86.

Список Румянцевский писан на толстой Александрийской бумаге, в поллист, крупным полууставом. Заглавные буквы в отдельных описаниях нарисованы золотом, а в средине киноварью. При этом списке приложены изображения двенадцати Сивилл, писанные масляными красками на холсте, с золотыми полями. В конце книги, на листу 92, находится следующее послесловие:

«Богу в Троице славимому, благопоспешествующему, совершися и издася сия новая книга повелением Великого нашего монарха, Царя и Августа Алексея Михайловича, всея Великие и Малые и Белые России Самодержца, в лето 715, месяца Октобрия в 1 день».

Судя по этому послесловию, кажется, можно предполагать, что эту книгу хотели печатать. Эпиграф, писанный на обороте заглавного листа, объясняет побудительные причины к изданию:

Сивилля Ерифреа предрече:

Горе, горе тебе Гог, и всем вкупе родо Магог.
Марсон и Аггон, еликая зла вам жребий воздаст.

Толкование.

Горе тебе Гог: сиречь Скифе, Татаре, Варваре.
Горе тебе Магог: сиречь неверный Варваре, Турче.
И тебе Марсон и Аггон: сиречь Сарацыне и Арапе.
Жреби бо вам – многие зла всем неверным уготовляется,

Северный уже двоеглавый орел и благоверный
Поразит вас всех Махметанов, поганов,
И оружием креста царства и стран ваших возодолеет.

Содержание этого списка следующее: *Предисловие*, писанное на 14 поллистах, вмещает в себе мнения разных писателей о Сивиллах; с 15 поллиста начинается: *О Сивиллях предглаголание.* Текст начинается:

«Преизрядное видится быти древнее оное верховного Аристотеля речение, еже пишет во своих Метафисиках: се есть еси человецы естественно ведати желают желание сие о сведении всех вещей, аще и многообразно бывает, обаче Философи в четыре определения вопросительная собирают, сиречь: аще есть? что есть? каково? и чего ради есть? Сицевым образом и нам начинать предложение наше о Сивиллях подобает, яко да чиновне и несмешена будет повесть наша. Чин бо свят есть по Философу всех вещей. Сего ради, что не чиновно пишется, то зело темно и неудобе разумно является; что же чиновне и во своих местах положено, удобе разумно и безтрудно есть.

«Во первое убо определение философское: аще есть? Сице отвещаем:

«Вопрошается во-первых: аще есть или бысть Сивилля? Понеже о ней, иже не суть бо естество вопрошение, и ответ не дается.

«Во прошедшие времена убо Сивиллям быти и не единой, по различным и различным имянам нарицание яве есть. Быти же ныне жене сицевой Сивилле, аще и не обретается, понеже не требе есть нам их.

«Второе определение есть: что есть Сивилля! Обычай есть у всех Философов, о всех вещах вопросити: что есть? И то имянуется у Греков: орос, у Латинев: дефиницио, сиречь определение, или оканчивание; понеже оканчивает существо и естество вещей.

«Мы о Сивиллях сице отвещаем: Сивилля есть женский пол человек, девственный, чрез мановение предречительный; человека бо имянуем Сивиллу. Понеже и жена, яко Аристотель

во Метафисике пишет: несовершенный мужской пол есть, зане жена студенший имать и мокротийший, нежели мужеский пол сложение. Сего ради скорее растет, и скорее исчезает, и разум имать мягчайший и непостоянший. Девственную имянуем Сивиллу, понеже девицам бытии, еси историцы согласно пишут, и на девический чин удобно дух вселяется, яко пишет Иероним; предречительную же имянуем понеже вси Сивилли предрекоша и предречения их исполняхуся.

«Третье определение: каково есть Сивилля имянуется: Феовули; у Римлянских языков: пророчица имянуется, сего ради пророчицы Сивиллы нарицахуся. Сама Сивилля Ерифреа о себе еще рече, глаголют нецыи: яко Сивилля ложная и юрода есть, егда же всякая исполнена будут, тогда паки воспомянут о мне.

«Четвертое определение: чего ради есть Сивилля? Отвещаем сице: яко да вящше пострамлены будут, не токмо Евреи, пророков своих ныне зле толкуют и превращено разумеют, но и язычнии, иже на богов своих и волхов великую надежду имеша. Сице Родигин во книзе 14 пишет: яко Даруин Царь изыде от острова Самоса, и дщери Пивкра Царя в жены поя, именем: Нису и Ватию; от первые родися ему дщи, именем Сивилля, от нее же имя тое в всех умножися и дадеся. В древние времена книги Сивилл и их предречения в сокровищах Римских Царей хранишася, яко пишет Иоанн Зонорас, историк Греческий истинный; яко и во сокровищах Греческих Царей хранении быша книги Сивилльские, в них же беша написаны не токмо стихи, но и образы различные человеком и зверем.

«Понеже убо зело древле выша тыя Сивилли, того ради и смущение великое есть, не токмо между стихов и предречениях, но и между имен их, яко мудрии вси древни имена Сивилл воспоминаху, и в них же обретается предречение. Славнейшая и благороднейшая Сивилля Ерифреа, яко нецыи глаголют: тогда нача пророчествовати, егда нача созидатися славный град Гроада. Многие убо и различные Сивилли обретаются во историях, та же и стихи и предречения их не исчислена суть. Сочисляются же между иных Сивилл: Родий-

ская Сикелийская, Левканийская, Сардинская, та же Сивилля имянуется Феспротийская, и Кассандра, и Евреенина, и Халдейская, и Елиса, и Фетталийская, и Тараксандра, и Самонея, иже пророчествова, егда Византия созиздашеся. Многая же тая имена им обретаются, понеже каяждо от них многими и различными имяны имянуется. Древнии убо вси число всех Сивилл и имяна их на десятое число сочисляют; нынешние же последнии мудрии даже до двенадесятого числа их простирают; сего ради и мы последуем той проходный путь, и даже до двенадесятого числа их простираем».

На 25 поллисте начинается: *повесть о Сивиллях и о именех и о пророчении их. Глава I, Сивилля 1 Персидская*. Извлекаем описание этой Сивиллы:

«Аще убо и многие и различные Сивилли быша в различных временах и странах, обаче между всех древнейшая и славнейшая Персидская бысть, яже и Халдейская нарицается. Свойственное же имя ей бе Самвифи, яко Суида во своих Лексиконах пишет, во речении Сивилля повествует: Персидская же нарицается, понеже от страны Персидские бысть; инии же нарицают ее Халдейскою; от неких же имянуется и Евреенина. Отец же бысть тоя Сивилли именем: Виросос, иже Халдейскую Историю написа, мати же ея бе: Ериманфа. Ходила во златых ризах, зраку была младообразного, красотою зело добра. А было проречение ее до Р. Х. за 1248 лет. Книги ж от нея написаны суть числом 24, о всех языцех и странах объявляющие. Иустин Филосов, в слове своем к языком, пишет: сия Сивилла от Вавилона родословитися глаголет, сущая дщи Вироса Халдеянина; не ведаю убо, каково она в страну Италийскую во Камбанию прииде, проречение предглагола, в некий град имянован Кума, иде же есть бани, сиречь теплые источники. Мы же сами пришли в той град, и зряху некое место, в нем же палата Царская велика, из единого камени усечена видехом: вещь величайшая и всякаго чуда достойная, иде же проречения оная Сивилла содела, яко глаголаху нам граждане того града, яко они от праотец своих от предания слышаху. Посреде же палаты тоя Царские

показаша нам три корыта, из того же камени резаных, иже исполены водою, глаголаше: яко оная в них умывашеся, и одеждою одеянная во внутреннейший палаты тоя входяше. Посреде же храма того на высокий степень и престол седе, и проречение глагола. Показаша нам место то, иде же Сивилла проречения деяша, и сосуд некий от меди сотворен, в нем же остатки тела ея хранятся, глаголаху. Во книзе же нарицаемой Туркогреции, о месте обитания тоя же Сивиллы сице пишет: следует древний храм языческий и потом озеро, иже именуется Аверн, близ же его, на оную страну, гору предлежит, бо той же горе пещера сице пространна, яко мало что не в милю Итальянскую усечена есть; в ней же множайше храмы суть малотеплии, яко в неких и потствовать возможно. Тамо обитание Сивилли быти глаголют».

На листах 31, 32 и 33 помещены стихи этой Сивиллы, а на 35 листе начинается описание второй Сивиллы: *Ливика*.

«Вторая Сивилла Ливианина, или Ливика имянуется, понеже от Ливии бе, яже есть третья часть вселенные, Африка от Латинов имянуется, ныне же Барбария от Турков речется; была взору среднего и зело черна, нося же всегда в руце масляную ветвь. Сия Сивилля сице чрез стихи глагола:

Придет день светлости,
И разгонит вся темности,
За вся грехи послан будет,
И на вселенную новый дар да будет,
Придите и не ищите темности и мрака.
Солнце сладкозрачное, се свет изрядно сияет».

Все эти стихи, как сказано, выписаны из сочинений Климента Александрийского.

На 37 листе следует описание: *Сивилля третья Делфика*.

«Сивилля Делфика или Делфийская имянуется, понеже во Делфии, Греческом граде родися, иде же великое и славное волхвище Аполлоново бысть. Свойственное же имя Артемис наречена есть. Бысть же прежде Троадские брани, и писа про-

речения чрез стихи, от нея же большую часть стихов Омир, славный стихотворец, во своих книгах сложи. Сия Сивилля носяше во своих руках всегда ветвь Дафнию, сиречь Бобковиное древо, имела главу связану власы своими, была младообразного лица. Бысть же от страны Фригии и во волхвища Делфийская прииде, и сице поя чрез стихи:

О Делфии служители, далекострельному Аполлону,
Приидох аз пророчествовати Зевсови ум страшнощитному.
Возъярихся бо на своего брата Аполлона.

«Климент Александрийский, во книгах своих Строматах, пишет: есть же иная Сивилля Ерифреа, именоватая Ерофилли, ея же воспоминает Ираклий Понтийский, во книзе своей о пророчениях. Во Делфисе же показуется камень, на нем же глаголется перво сидети Сивилле, яже от Геликона горы прииде, идеже от Муссы воспитана бысть. Инии глаголют яко от градов малых прииде, и бед щи Ламиа Сидонианина».

На листу 41 следует описание: *Сивилля четвертая Химерийская*.

«Четвертая Сивилля Химерийская, или Химерия имянуется, понеже в Химерии граде Итальянские страны родися. Климент Александрийский во книзе первой Строматах своих пишет: яко обита в Римской горе, именем Кармал, и сын ея бысть Евандр, иже храм Пану созда, иже Илуперкалион имянуется. Сия Сивилля всегда в руках своих цвет рожу нося. Историцы повествуют, яко Никифор Царь Греческий послом Одона, Кесаря Немецкого, сицевое предложение между иных предложил: обретаются ли во их странах Онагри, сиречь осли дивии? Послы же отвещаху: яко у них, во странах их, Онагри не обретаются, но токмо славное пророчение Сивиллское есть, в нем же написано: яко Онагри суть Ассирияне и Срацыни, сиречь Турки, против же тых Римляно-Греки не могут брани творити, яко Ипполит Сикеманин согласуется с Сивиллскою речбою, иже рече: Лев и Скимн, сиречь Львовы дети, вкупе изогоняют Онагру. Вы

убо, Греки, Льва мните бытии вашего Самодержца, а Скимна краля Французского, есть же не тако; понеже вси Онагра толкуют Князя Срацынского, его же мы, Французы, во последнее время покорити будем. Сице послы глаголали».

На листу 43 начинается описание: *Сивилля пятая Ерифреа*.

«Пятая Сивилля Ерифреа, яже от иных имянуется Ерофилля; родители же ея быша Аполлон и Ламиа; инии же глаголют быти отца ея Кринагора, инии же, яко Ермин пишет, Феодору матерь ея имянуют. Сия же Сивилля прорече Греком о Троадской брани, яко Троада погибнет и Омир творец ложная писать будет. Ерифреа же имянуется понеже родися во веси Ерифрон, иже именовашеся быти, сиречь купина, не далеко от острова Хио. Ныне же тая весь во граде устроена есть, имянуется Ерифри. Инии же глаголют яко она в Вавилоне родися, и того ради Ерифреа имянуется, понеже в том острове и веси стихи ея изобретены суть. Многоименитая сия Сивилля есть: понеже ея Сикилийскою имянуют, инии же Сардиану, инии же Гергифу, инии же Родийскою, инии Ливийскою, инии же Левканийскою, инии же Самию нарицаху. Бысть же она прежде пленения Троадского града за 483 лета. Пишут оней яко житием разумна и честна бысть, носила же в руках своих агнца; инии же пишут яко в руках носила всегда меч голый и яблоко кругло, яко звездами украшено; мечем же подпирашеся, а яблоко всегда под ноги свои метала; сложила же книги различные, и вид гуслей треугольный во первых она избрете, и многие стихи сложи, обаче между всех стихов ее 33 стихи Иростии суть преславны, иже по своем имени, перва краеграние собирает на Греческий язык; на Славенский же язык тому бытии не возможно, скудости ради стихомерия; сего ради и Греческие тыя древние и истинные стихи против Славянских стихов предлагаем. Написаны суть стихи тыя из древния харатейные книги Еллинския. Аще убо нецыи глаголют тым стихам бытии Кумейские Сивилли, мы большей части последуем и Ерифреи воздаем».

В Румянцевском списке написаны греческие изречения Сивиллы вместе с славянским переводом, на четырех листах.

На 53 листу следует описание: *Сивилля шестая Самийская*.

«Шестая Сивилля Самийская, или Самиа нарицается, свойственное же имя ей бысть Фито и Самонота; Самийская же имянуется, понеже от острова Греческого, иже Самос имянуется, рождена бысть. Самос же есть и ныне Греческий остров славный во Белом море.

«О сей Сивилле писал Ератостен Философ, и зело ея похваляет. Ходила же во цветном одеянии, и книгу и венец терновый в руцех нося. Была до воплощения Божия слова за 2 тысячи лет.

«Сия Сивилля 9 родов человеческих предрече, иже Сивилля Ерифреа и Кумеа иначе истолковаша; она сицевый толк сложи: яко 9 родов человеческих на 9 руд отнесе, сиречь: 1 род златый, 2 род серебряный, 3 медный, 4 род оловянный, 5 род железный, и прочих по числом руд».

На 57 листу находится описание *Сивилля Кумийская*.

«Седьмая Сивилля Кумийская, иже Аманфиа и Ерофилля нарицается, Кумейская же имянуется понеже от града Кума, иже есть во Камбании, во стране Итальянской; написа же она многое проречение, сего ради и живописуется: носяше в руце книгу и знамя. О ней пишет Авл Геллий в первой книзе повести своея, сицевым образом: Старица некая, незнамая, яж Сивилла Кумейская быша, ко Тарквинию древнему Царю Римскому три книги, или девять, яко инии историцы пишут, принесе. В тых же книгах написано бысть предречение о будущих вещех и о правилех Римских. Цену же за оные книги 300 златых проси; или яко инии пишут: 300 пенязей Филиппийских златых, иже сочисляют 10,000 златых; инии же пишут яко тысячу златых проси. Царь же Тарквиний небреже о книгах тех, ради великия цены. Она же возъярися и при бытии зрения его сожже 3 книги. И за прочия книги ту же цену проси. Понеже убо она, видя от Царя яко юрода поругается, паки иные три книги сожже. И тую же цену за остатные три книги просила есть. Инии пишут яко четырежды по две книги сожже и остася токмо едина книга. И тую жде цену Царь даде единыя книги ради, яже она о первых

всех просила. Царь же, видя великодушие жены, три остатные книги за триста Филиппийских златых покупи. И повеле тыя книги во Капитолии сохранити. Капитолия же бе в Риме славный храм бога Зевсова. И повеле Царь, яко в тыя книги во делех нужных и сумнительных от 15 мужей первых из Синклиту смотритися».

На 71 листу начинается описание: *Сивилля осьмая Елиспондийская*.

«Осьмая Сивилля Еллиспондийская, или Еллиспондика, имянуется же Еллиспондийская, понеже от Еллиспондос Греческие страны бысть; Еллиспондос же есть поток или гортань Белого моря, недалеко от Царяграда. Родися же от веси Мармисо, недалеко от града Троады; бысть же во время Кира Царя и Солона философа; была до воплощения Божия за 530 лет; в руках своих носила класы житнии».

На 73 листу следует описание: *Сивилля девятая Фригианина*.

«Девятая Сивилля Фригианина, или Фрига, яже и Колофонская, от града Греческого Колофона наречеся. Свойственное емя ей бысть: Ламбуса, от родословия Калхандо волхва, иже бысть во брани Греческой, против града Троады, и о сем предрече. Обита же и предрече во граде Ангире, иже есть во Асии; в руках же своих нося всегда голый меч. Вид же ее бысть старообразен, суть же и стихи ея нецыи древнии, пройстии, их же она написана о девятописменном имени».

На листу 78 находится описание: *Сивилля десятая Тивуртиа*.

«Десятая Сивилля Тивуртиа, или Тивуртина, свойственное же имя ей бысть Альвуна, была же во время Августа Кесаря, до Р. Х. за 19 лет; родом от страны Итальянския, носила в руках своих ветвь финиковую».

На листу 82 следует описание: *Сивилля первая-надесять Египтианина*.

«Первая-надесять Сивилля Египтианина, или Египтиа, имянуется же Египтиа, понеже во Египетстей стране родися, свойственное же имя ей бе: Агрипина, или Тараксандра; но-

сила же в руках своих книгу; возраста была средняго, ходила во одеянии красном».

На листу 86 находится описание: *Сивилля вторая-надесять Европеа*.

«Вторая-надесять Сивилля Европеа или Европеанина, свойственное же имя ей бысть Самонеа, была до Р. Х. за 133 лета, лицеем красна, ходила во златом одеянии, власы имела распростерты, носила в руце своей книгу и скипетр.

«Сия Сивилля о пленении Царяграда от Италианов и Французов предрече чрез сии стихи:

Сынов Ении слава во Византию придет,
И Еллины будут во мягкой силе,
Даже до льва ног шестьдесят,
Даже до того времени, яко пищу его медведь пояст;
На сего же медведя небрегаемый орел возрит,
И орла козел осемит и птица орла низвержет,
И некое знамение великое будет;
Собрание во Адриадское море,
И под слепым вождем козу изгонит,
Византию осквернит, и козел большое не возопиет,
Ниже алектор возгласит,
Даже егда шестьдесят и три ноги
И девять перстов сочислятся.

«Сии стихи знаменуют пришествие Французов и Венецианов, егда Царьград плениша. Толкуют ся же сице: яко Римское Царство преведено будет от великого Константина во Византий и пребудет во мире, даже до времени Греческого Царя Мануила, иже поживе шестьдесят лет. Егда убо дети его оскудеют, и Андроник к себе Царство привлечет, и Исака внука Мануилова, иже ни в чем сочислен бе. Прежде Андроникова сына убиет и Алексиа брата Исакова, великою брадою преукрашенна, наветует, и ослепит и во темницу затворит, от связания же разрешится связанный Алексий, и ко владетелю Адриадскому Белого моря пойдет, и Венецияны с Французы совокуплени будут, и кора-

бленачальствующему Дандулу, его же лукавство Мануила Царя ослепи, и во Грецию придут, и Византием возвладеют, и Греков от Царства отгонят, и тогда ниже Царь будет. Но Француз, иже яко козел толкуется, и ино глаголательно наречется, и пребудут Грецы вне от Царяграда 63 лета и 9 месяц.

«Сия вся исполнися тогда, егда Царьград от Французов пленися. Паки сия же Сивилля произвествова, яко во время пленения Царяграда от Турков кроволитие неисчисленное будет, и о сем чрез сия стихи прорече:

Не умолчу, но объявлю ум отца
Словеса безсмертная тленным ведати:
Фракиа родит великий вред.
Род же ея несть далек,
И возбодит чадо злое, и злая рана будет,
И зело возпухнет, и скоро раздерется,
И великая кровь возтечет.

«Сии стихи предзнаменоваша пленение Цареградское от Султана Мехмета Турского и кровопролитие, яже тогда неисчисленное бысть».

Обращаем внимание на три Толстовские списка, замечательные уже только по переводу и по языку.

В третьем Толстовском списке, писанном полууставом, в XVII веке, помещено о Сивиллах:

«Сии пророчествоваша в различные времена до Р. Х.; аще суть и невернии, но чистаго ради жития их открылося им земных ради глаголати предбудущая.

«Первая Сивилла, именем Персика, яже от Перския страны бысть, ходила во златых ризах или одеянии, зрака была младообразного, красотою зело добра, а было пророчество ея до Р. Х. за 248 лет.

«Вторая Сивилла, именем Любика, яже от страны Африкийския, от града Любека. Взору была средняго, ходила в зеленом венце, а была радостна, и смеялася всегда.

«Третья Сивилла, именем Делвика, была младообразного лица, ходила во одеянии черном, имела главу обязану власы своими и в руках всегда носила воловий рог.

«Четвертая Сивилла, именем Хивика, или Химера, родом страны Волоцския, ходила распустив власы свои, в синем одеянии.

«Пятая Сивилла, именем Самия, ходила во цветном одеянии и меч голой под ноги метала, а была до воплощенья Божия слова за 2 тысячи лет.

«Шестая Сивилла, именем Демофила, была старообразна лицеем, ходила в простом одеянии.

«Седьмая Сивилла, именем Еллисиона, была в Троядской стране, возраста средняго, ходила в простом одеянии, а была до воплощения слова Божия за 530 лет.

«Осьмая Сивилла, именем Фригиата, была от града Трои, до Р. Х. за 1005 лет; лицем была старообразна, и нравом гневлива, а ходила просто, власы свои роспустя.

«Девятая Сивилла, именем Европия, была до Р. Х. 133 лета, лицем красна, ходила во златом одеянии.

«Десятая Сивилла, именем Тыбуртыня, родом страны Волоцския, ходила в красном одеянии, а на главе своей носила козловую кожу, а была до Р. Х. за 19 лет.

«Первая-надесять Сивилла, именем Агрифа, возраста была средняго, ходила во одеянии красном, и прижав держала к грудем руце сови.

«Вторая-надесять Сивилла, именем Естрия, или Ерофилия. Пушит о ней, что житием разумна была и честна, а ходила в черном одеянии, а в руках всегда носила меч голой и яблоко кругло, аки звездами украшено, мечем ся подпирала, а яблоко всегда под ноги себе метала, а была в лето Гедеона Судьи, иже во Израиле».

Шестой Толстовский список, писанный в XVI веке, полууставом, не имеет ни заглавия, ни начальных листов. Первый лист представляет изображение Сивиллы, писанное, как и все другие, самым грубым образом, водяными красками. Описание начинается с 414 листа:

«А была всеродович; ходила в червчатой одежде, руки приимаючи к сердцу, кабы задумалася, писала, что есть, так се полюбило, чтобы ее слово телом стало, что человек уродился, а грешники вместе были».

На обороте этого же листа находится изображение второй Сивиллы, также без подписи, а на 415 листу описание:

«Из всех лучши была. Про тою сказывал Аполодорус Ерытрейс, что из его города посадскаго человека жинка была; писала та много о городе Трое, что было тому городу взяту быти, и выпустошену. Ходила в хитон одеянии, была всеродович и кручиновата; а под ногами яблоко круглое звездами, тем образом, что небо».

На обороте 417 листа находится третье изображение Сивиллы, с подписью вверху: *Персика:*

«Персика наречена бысть, родом из Персия земли, которая была в третьем веку света, как пишет о ней Философ Мирайдиле, до Р. Х. за 1248 лет. О ней писал Философ Никанор Греческий, которой великого Александра деяние писал: ходила в золотом одеянии, свету умильново и хороша лицем, была молода, красоту свою с чистотою держала».

На обороте 419 листа находится четвертое изображение Сивиллы, без подписи, а на 418 описание:

«Того для ее называют Либикою, что была из Либии и из Африи, в те поры, как Персика, и о ней говорит книжник Еврипидес: была всеродович, ходила в венцу цвету зеленаго, в ризе белой и в честной седине, была весела».

На обороте 421 листа находится изображение пятой Сивиллы, без подписи, а на 420 описание:

«А зовут ее потому, что и она в костеле Аполлоновом уродилась, у Дельфу, то иная, а не та, которая людем чрез черту указывала, была она в третьем веку света до Троянской войны, и та Троянскую войну преж объявила, и сказала, что королевство Троянское будет разорено. И о той Сивилле писал Кризин во своих книгах, что она, будучи молода, ходила в черном платье, обвязав волосы около главы, а в руках держала рог. А иные пишут так об ней: что и сватался на ней король, имя

ему Отреус, и посылал к ней кубок золот в поминках, и она за него не похотела, и не пошла».

На обороте 423 листа находится шестое изображение Сивиллы, без подписи, а на 424 описание:

«Сивилла Хелеспоньска родилася на Троянской вотчине, в месте Герцию, в те поры жила, как был Цырюс Король Перский. Была женщина стара, не хороша, в простой одежде, охульна. О той писал Хераклид Понтыкус».

На обороте 425 листа находится седьмое изображение Сивиллы, без подписи, а на 426 листу описание:

«А была со Фрадеи, где была Троя, а была стара, кручиновата, жалостна, ходила оголив плеча, распустив волосы, голову наклоняя, пальцем указывала».

На обороте 427 листа находится осьмое изображение Сивиллы, без подписи, а на 428 описание:

«Пишут о ней се, что родилась во втором веку света до Р. Х. за 2000 лет, при философе добр ученом, неверном, имя ему Трезмис Гитана, ходила нарядно и хорошею наметкою голову покрыв, а под ногами меч имела без ножен, для того знамени, что быти войнам на свете. О том писал философ Еростотарнес, что нашел в ея книгах о Александре Македонском».

На обороте 429 листа находится девятое изображение Сивиллы, без подписи, а на 430 описание:

«Умия Сивилла, или Демофила, неведомо отколева была, а была она в четвертом веку света. Была стара, ходила в платье простом, не хороша лицем была, а взгляд был кручиноватой. Та однаго часу пришла до Короля Тарквиниуса, и принесла ему девять книг писаны на харатьи, а говорила ему, чтоб он купил книги. И спросил ее король: что за них хочешь? И она ему молвила: триста золотых великих. И король разсмеялся. И она сделала огонь пред его очами и сожгла их трои книги. И молвила опять Королю: Король, купи ты другие трои книги? И пытал ее. Молвила ему за триста золотых великих. И Король разсмеялся, и думал, что она шальна. И она другия трои книги сожгла. И молвит опять: Король, купи ты трои книги;

будет тебе после того жаль. И попытал ее, что дать. И молвила: триста золотых великих. Король видел ее крепость и мудрость, что хотела остаточные трои книги сжечь, и дал ей триста золотых, а книги взял. И как стал в них честь, и тужил о том Король, что всех не купил, и схоронил те книги».

На обороте 432 листа находится десятое изображение Сивиллы, а на 433 описание:

«А се родилася во Уропеи до Р. Х. лет за 133, была возраста хорошаго, плоти румяной, лицем чиста, ходила в золотом бархате».

На обороте 433 листа находится одиннадцатое изображение Сивиллы, без подписи, а на 434 описание:

«Наипоследнейшая та была родом из Итальянския земли, только до Р. Х. была в Риме за 19 лет, при Октовьяне Цысаре. О той-то Соликус пишет: коли Римляне хотели хвалить Цысаря Октовьяна, что при нем был покой во всем свете, и хотели другой костел поставити ему. И позвал к себе Сивиллу Тыбуртину, и сказал ей ту речь. И она у него просила сроку до трех дней не сказывати ему. Пишут: ходила она в красной одежи, а кожу козлову носила на плечах».

«Пятый Толстовский список, писанный скорописью в XVII веке, содержит в себе краткие выписки из книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллах. Выписываем:

«Первая именем Персика от страны Персидския, ходила во златом одеянии до веку своего в доброй красоте, за 1148 лет до Христова воплощения.

«Вторая Сивилла из Аврипии, града Любска, имя ей было Любика, а была веку средняго, ходила в венце зеленом, а всегда была радостна, смеялася.

«Третья Сивилла имя ей Делфика, а была младообразна, ходила в черном одеянии, обвязав свои власы около головы своея, а в руках своих носила рог.

«Четвертая Сивилла, именем Хибика, или Химера, родом Словенской земли, ходила в синем одеянии, и власы распустив.

«Пятая Сивилла, именем Самия, ходила нарядясь цветно, а меч голой под ноги метала.

«Шестая Сивилла, имя ей Демофила, стара и ходила в простом одеянии. Принесла к Царю Тарквинию 9 книг, чтобы у нея те книги Царь купил. И Царь вопросил у нее: чего за книги хощет? И она сказала цену 3 ста злотых великих. И царь тому посмеялся. И она сожгла три книги. И о тех книгах говорила Царю, чтобы у нея Царь и остаточныя 6 книг купил, а просила ту же цену. И Царь ей опять посмеялся. И она сожгла другия три книги. И о тех книгах говорила Царю, чтобы у нея купил последния 3 книги, а дал бы ту же цену, а не даст на них тех златых великих, и она и те сожжет. Царь же удивился тому, и призва философов, и вопроси их о книгах тех: который разум имеют? Они же сказаша Царю, что те книги проречения Сивилл, разум велик имут о ближнех делах и нашему учению. Царь же много оскорбися о сожжении ради книг, и повеле ей дати цену, еже сперва просила.

Седьмая Сивилла Еллиспонтийская была с Троянской земли за 53 лета до Р. Х.; а была женщина простая, ходила в платье простом.

Осьмая Сивилла именем Фригия. И та была от Тройска града; была стара, кручиновата, сердита, ходила власы распустя.

Сивилла девятая была в Европии за 133 года до Р. Х.; ростом была красна, а ходила в золоте.

Десятая Сивилла именем Тибуртина, была из Волог, а была до Р. Х. за 19 лет, при Октовьяне Царе, ходила в красном одеянии, а носила на главе козловую кожу.

Первая-надесять Сивилла была средняго веку, ходила в красном одеянии, руки держала на грудех.

Вторая-надесять Сивилла, именем Еритрия или Ерофиля, была всех честнее, а была еще при Израильстем Судье Гедеоне, средняго веку, а носила платье черное, кручина обычаем была, а в руках носила голой меч, и подпиралась им, держала яблоко круглое со звездами».

Вот что думали о Сивиллах наши старики по западным сказаниям. С чего переведен текст Румянцевского списка, до-

селе еще неизвестно; но текст одного Толстовского списка переведен из Хроники Бельского.

II. БАШ И БАШИХА

Уважение ко всему необыкновенному, огромному в природе, начавшееся на востоке, перешло и в Русскую землю. У нас есть свои идеалы для поселян: *Конь камень, Корочунов камень, Тучеев камень* – два камня *Баш и Башиха*. Каждый из сих камней имеет свой миф семейный, указывающий прямо, что он не наш, доставшийся нам по наследству. У литовцев, финнов, немцев – язычников – огромные камни заменяли кумиры и служили требищами для богов. Если бы наши камни имели такое же назначение у славяно-руссов, то мы вместо мифа семейного об них знали бы миф религиозный. Этого нет у нас.

Камни Баш и Башиха находятся в Одоевском уезде Тульской губернии, в селе Башеве, в 25 верстах от Одоева, близ дороги, среди поля. Фигура камней почти квадратная, небольшого размера. Лежит один от другого на $1^1/_2$ аршина. Поселяне не запахивают место кругом камней, опасаясь бед.

Семейный миф о камнях Баш и Башиха состоит в следующем: Баш был татарин, а Башиха жена его. Другие же говорят, что они были кум и кума. Баши переселились на Русь, жили и померли. Добрые люди схоронили их на этом месте. Вскоре после того приплыли два камня из Оки в Упу, а из Упы пришли прямо на их могилы и остановились тут. То были тени Башей, не желавшие расстаться с ними и по смерти. Когда-то рассердился Баш на Башиху и ударил ее сапогом. На камне Башихи осталась ступня. Было время, когда любопытные хотели вырыть камни и посмотреть на них со всех сторон. Баши не желали этого; а когда начали отрывать их, они уходили в землю. Православные, сколько не трудились, бросили с досады. Один из них с горя начал рубить камни топором, и вскоре показались пятна красные. За такую дерзость Баши начали мстить: поля не плодородили, животные умира-

ли, люди беднели. С тех пор Баши начали людям являются во сне и помогать им уже добром, если думали об них хорошее.

Почтенный наш археолог И. М. Снегирев говорит: «…сия чета литоморфов двойственностью своей соответствует дуализму в славянской мифологии, а по приписываемым им чудесным свойствам, представляет какие-то божества… Название же Баши Татарское, или монгольское; ибо у монголов, бывших Ламайской веры, баш и башка значили голову, начало. И так Баши есть остаток от татарщины (выпуск IV, с. 74)».

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ИГРЫ

Голуби

«Голуби», любимая игра детей, представляет собою пленительную картину семейной жизни русского народа. Голубь, голубка, дети их – вот существа, оживляющие эту игру. Наши предки в олицетворении этой группы изобразили семейство: *красное – дочерьми, почетное – сыновьями*. Нет сомнения, что глубокая предусмотрительность отца увлекла в старину детей с ранних лет к домашним занятиям, не имея в виду изменений своего быта. Чем же мы более можем заохотить детей к таким занятиям? Дети любят играть. Дайте им такие игры, в которых бы отражались: или их будущая жизнь, или занятия, ожидающие их. Наши предки заботились о нравственном воспитании и вот почему подарили детей такою прелестною игрою.

В игре «Голуби» дети избирают: *голубя, голубку*, а все прочие остаются под именем детей их. Голубь с голубкою свивают гнездо, живут любовно, на потешение всем. Кругом их бродят дети. Голубь отлетает на промысел, а голубка остается с детьми. С добычею голубь прилетает в семейство и разделяет с ним пищу. Дети-голуби оперились, взросли, летают уже по белому свету. Люди добрые – по народному присловью – имеют врагов. То же самое создала фантазия и в этой игре. Здесь является врагом *ястреб*. Как он страшит голубиное семейство! Как он живо изображает собою нарушителя семейного благополучия, врага благоденствия добрых людей! Ястреб в этой игре бывает: *вечный*, несменяемый до конца игры, или *с хвостиком*, сменяемым при каждой добыче. Он должен: переловить всех детей-голубков, известь мать-голубку, разбить на лету отца-голубя. Как жалобно тоскует голубка о потере своих детей! Как уныло воркует голубь о расхищении своего семейства! Русское се-

мейное горе выражается здесь в ярких красках. Игра кончается истреблением гнезда. Нередко случается, что отважный ястреб, залетевший в голубиное гнездо, делается добычею голубя. Как ужасно победитель-ястреб развевает голубиные перья – доказывают остатки изорванного платья и побои вечного ястреба.

Кума

«Кума» – игра пожилых женщин и девиц – живо обрисовывает собою сельский обычай – *кумиться*. В русской жизни кумовство столь бывает почтительно, что без *кума* и *кумы* не существует семейного веселия. Для кума всегда есть брага, для кума есть *мед сотовый*, а для кумы водятся в куте *пареные груши*, для кумы есть *квас сыченой*, *мак поджаренный* и *черные прянички*. Настал прощеный день. Кум является к куме с мылом, а кума идет к нему с пряниками. Кум может целовать куму при всей деревне, и все это сочтется почтением, дружбою, приветом. Что знает кум, то знает кумова жена, то же самое знает и вся деревня. Без кумы не ладится свадьба, без кума не совершают похорон. Вот быт *русского кумовства*! Вероятно, игра «Кума» изобретена в честь этого важного обычая, которому никто и никогда не изменял в семейной жизни наших предков.

Поселяне говорят, что *городские кумы спесивы, а водить кумовство в городах стало не в обычай*; но игра «Кума» тешит горожан не менее всякой. Старая Русь не умерла; ее быт во всех видоизменениях существует в современной нашей жизни. Летописцы записали жизнь политическую наших предков, а предания и обычаи сохранились в жизни семейной без записей, пережили века и существуют доселе.

Напрасно говорят, что русская история многого лишилась: этой немецкой песне доселе еще многие верят. Мы не только не успели осмотреть свои материалы – письменные и словесные,– но не знаем еще всего, что и как писали чужеземцы об наших предках. Чужеземные описания требуют

строгой поверки. Они, как люди мимоезжие, незнакомые с русским языком, не могли верно передать всего, виденного ими. За ними строго смотрели, держали взаперти, чуждались с ними слов и дел. Не мы, люди XIX века, виноваты в отчуждении от предков, родины и обычаев. Были задолго люди до нас, успевшие заглянуть в чужие земли; с ними пришли к нам чужие обычаи и мало-помалу вытеснили старую нашу семейную жизнь из городов в села.

Игра «Кума» совершается двумя отдельными пированиями. Одно бывает в определенное время и с особенным торжеством, другое же может происходить во всякое время, и притом во многочисленности.

Поселяне Тульской губернии, на третьей неделе по Пасхе, в день жен-мироносиц, выходят в лес, как они говорят – *кукушку кстить*. Две подруги, обреченные в кумовство, нагибают молодые березки, связывают их ветвями, платками, полотенцами. Сделавши из ветвей венок, привязывают к нему два креста, сделанные из ветвей. В то самое время, как кумы ходят вокруг венка в разные стороны и целуются сквозь венок крестообразно, по три раза, прочие женщины поют:

Ты, кукушка, ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить любовно,
Жить, не браниться.

Окончивши песнь, кумы меняются крестами, величаются подругами, живут в мире и согласии. В этой игре не участвуют мужчины; одни только женщины присутствуют. Кумовство заключается завтраком и хороводными песнями.

В селениях Московской, Рязанской и частию Тульской губерний совершается игра «Кума» в семик. Там в это время поселяне собираются в рощи, нагибают молодые березы – *плакучие*, – свивают из них венки, обвешивая их разноцветны-

ми лоскутами и лентами. Потом подходят попарно, целуются сквозь венки, приговаривая:

Покумимся, кума,
Покумимся.
Нам с тобою не браниться,
Вечно дружиться.

В это время дарят друг друга желтыми яйцами. В Костромской губернии вместо этих слов говорят: «Здравствуй, кумушка, березку завивши!» Замечательно, что здесь, в этой игре, участвуют и молодые люди, неженатые, вместе с девицами. Веселые песни и вечно одинакие пляски сопровождают и здесь игру «Кума». После того собираются: *развивать венки* те, которые *покумились семицкою березкою*, и сходятся в лес *раскумитъся*. Тогда кумовья, развивая венки с поцелуями, поют:

Раскумимся, кума,
Раскумимся.
Не сварясь,
Не бранясь,
Ладно живучи,
Припеваючи.

Кроме этого рода игры «Кума», поселяне отправляют еще другой вид, совершенно непохожий на вышеписанный. Сбираясь играть, поселяне выбирают куму, садятся по два в ряд, кругами. Кума охаживает круг, выглядывая пригожих и миловидных. Едва она своим *сердцем выведала Доброхотную, и уже заводит с нею речи*:

Кума. Что это за дитя!

В это время Доброхотная встает и, указывая на сидящую с ней особу, говорит:

Доброхотная. Твое и мое.
Кума. Кому его кстить?
Доброхотная. Тебе и мне.
Кума. Что ты мне за это дашь?
Доброхотная. Шильце, мыльце.
Белое белильце,
Да зеркальце;
Рубль да денежку,
Да красную девушку.

С окончанием этих слов *Кума* и *Доброхотная* разбегаются в противоположные стороны и, обежав три раза кругом сидящих, останавливаются. Та, которая успеет из них занять прежде место, остается в выигрыше – сидеть спокойно, а другая опять идет *заводить речи*. В этой игре кума должна быть сметлива: здесь есть обман. В то время, как кума с кумою *кумятся*, другие соседи успевают пересесть на порожнее место. Если одна из них, не заметившая соседнего обмана, сядет на чужое место, тогда со всех сторон начинается *чуранье*: «*Чур с места! Чур с места!*» От этого часто случается, что в большом кругу ходят по две и по четыре кумы.

Для кумы в селах поется особенная песня:

Как кума-то к куме в решете приплыла,
А я так ухом не веду, я так глазами не гляжу.
Еще чем-то мне кумушку подчевати?
Да как есть про куму воробей во саду,
Воробей во саду, и тот без заду;
Разложу я воробья на двенадцать блюд:
Душку, головку в пирог загну,
Я зашейную часть наперед пошлю,
Самого воробья жарким наряжу.
Еще кушай-ка, кума, не засаливай уса;
Не верти, кума, в руках, не носи, кума, домой.

Горелки

Резвое, милое создание – девушка в 16 лет – получила завидную долю в русской семейной жизни. Краса семьи, утеха отца и матери, девица красная жила на устах молодых и старых. Целый летний день сиденья в светелках, где только одна необозримая даль веселит ее сердце, прискучит всякому, прискучит даже самой старушке. Не за то ли самое наши старушки-бабушки предоставили своим детям самую резвую, милую игру – *Горелки* – порхать по лугу с подругами и молодцами? Любовь, столь бесщадно отгоняемая бабушками, вкралась здесь. Для ней не существует рокового: *нет*! Во всей Великоруссии отдают преимущество этой игре. Наши сородичи – от поселянина до боярина – равно забавляются «Горелками». С тех пор, как чужеземщина заполонила наших детей, отбила у нас воспитание русское, родное, благочестивое, все наши народные игры опостылели людям, чуждающимся родного языка. В современной жизни мы часто слышим, как русские игры называют *мужицкими*, те самые игры, которые в старой жизни забавляли русских, наших предков, отцов и матерей. Во многом потомство будет обвинять наших сородичей.

Напрасно мы будем воображать, что старая русская жизнь существовала без отрады: тогда увеселений еще было более, и притом увеселений общественных. Правда, тогда не было театров; но зато целая площадь, усеянная народом, была свободною для увеселений, для забав, для восторгов; зато целые дворы наполнялись веселыми игроками, которых радушно сзывал отец к своей семье, которых приветливо встречала мать, которых ласково принимали дети. На площадях веселились люди всех сословий; здесь были игры затейливые, обширные; на дворах забавлялись бояре, люди торговые, более всех девушки богатых отцов. Всем было весело, все жили раздольно, по-русски.

«Горелки», называемые в других местах: *Разлуками*, *Разгарами*, отправляются летом. *Играть в Горелки* сбирают-

ся более вечернею порою, на широкий двор, или на луг, или на улицу перед домом. Люди молодые, более девицы и *холостые* мужчины, берут первенство в этой игре. Игроки обрекают одного из среди себя, по жребию, *гореть* – в должность тяжкую. Все прочие *спариваются*, т. е. становятся парами, одна за другою. Горельщик становится впереди пар, неподвижно, не обращаясь ни взад, ни вперед, ни набок. В это время игроки разбегаются в разные стороны. *Горельщик* преследует их. Если он успеет разлучить их, схватить оплошного, то его должность более не продолжается, или, за свою неудачу, он должен вновь гореть, хотя бы игра повторилась до 100 раз. «В игре не без обману»,– говорят старушки – и точно так! Сколько хитростей придумано для несчастного горельщика: его можно обмануть каждую минуту.

Сельская жизнь, соединяя в этой игре людей разного возраста, сблизила заветные тайны любви. *Здесь люди молодые*, *слюбляясь*, смело рассказывают все сердечные тайны, несмотря на то, что старики, со всех сторон, сторожат их забавы.

Мышка

«Мышка» составляет домашнюю вечернюю игру детей и взрослых, увеселение, повсюду употребляемое в Великоруссии. С давних времен, говорят старушки, установлен в этой игре *нечет*, по которому приходится насчитывать игроков – *троих*, *пятерых.* Если нечет состоит из троих игроков, то двое становятся по углам, представляя каждый из себя *Мышку.* Третий, признанный по жеребию, – водырем, обязан ходить по углам и говорить: «*Мышка, мышка! продай уголок*». В воле всякой мышки находится, продавать ли свой угол или удерживать за собою. Если водырь услышит: «*Не продажен*» – звук довольно для него тягостный, то он должен переходить к другому углу. Когда же здесь ответят на его вопрос: «*Обернись задом*», он тотчас обертывается к этим углам задом и, едва касаясь ногами пола, готов, при первом шорохе, лететь в чужой уголок. Мышка, решившаяся продать свой уголок, должна иметь про-

ворство самое отважное, должна быть уверена в готовности своей соседки, также готовой перемениться с нею углами. Внимательный водырь всегда успевает захватить угол. Мышка, прогулявшая свое место, принимает на себя должность водыря, а с этим вместе начинается опять та же игра – *Мышка*.

Без соли соль

«Без соли соль» есть любимая игра городских девушек, управляемых в своих забавах пожилыми нянюшками. Эта игра выказывает какую-то игривость предков, теперь нам непонятную.

Девушки, собравшиеся в *досужий час порезвиться*, мечут жеребьи: *кому сидеть*. Среди широкого двора или обширной поляны садятся две девушки, одна против другой, с протянутыми ногами. Все прочие *столпляются* на одну сторону. Старушка, распоряжающая игрою, наблюдает, чтобы сидели девушки с руками, сложенными за спиною, и с зажмуренными глазами. Девушки, переходя одна за другою чрез ноги сидящих, приговаривают: «*Без соли соль*». Сделавши три перехода, останавливаются. В это время передняя девушка с быстротою молнии, перескакивает чрез ноги сидящих, а за нею и все другие. Часто случается, что сидящие ловят девушек на всем их лету. От этой проворности заводятся споры, споры кончаются ссорами, ссоры переходят в брань и слезы.

«Она поймала меня оттого, – говорит огорченная, – что смотрела глазами и прямо метила в меня». Добросовестная победительница всегда бывает уступчива; одни только вздорные спорят. *Пойманная* девушка садится на место победительницы – и игра начинается снова.

Жмурки

«Жмурки», или «*Слепой козел*», есть игра домашняя, игра девушек и молодых мужчин, в большие зимние вечера. Девушки, с завязанными глазами, как бы лишенные зрения,

стараются более *поддаваться* в руки любезных молодых мужчин, а о мужчинах и говорить нечего. Влюбленные, под видом оплошности, только одни и играют во весь вечер эту игру, тогда как другие только посмеиваются их незнанию прятаться от поисков Козла. Нет сомнения, что эту игру изобрела любовь: ведь наши предки любили не хуже нас.

Игроки «Слепого козла», обреченного в это звание по жеребью, подводят, с завязанными глазами, к запертой двери, где он начинает стучать. Игроки спрашивают: «*Кто здесь*?» Его ответ: «*Слепой козел*». Тогда один из отважных игроков подходит к козлу и говорит:

Слепой козел!
Не ходи к нам ногой.
Поди в кут,
Где холсты ткут,
Там тебе холстик дадут.

Козел, недовольный сим ответом, начинает бить в дверь ногами. Игроки снова спрашивают: «*Кто здесь?*» Слышен ответ: «*Афанас*!» Тогда все игроки говорят:

Афанас! Не бей нас. Афанас! Ходи по нас!

С последним словом отважный игрок ударяет ладонью козла по спине и бежит прочь. Обиженный начинает искать виноватого по углам, по столам, стульям. Всякий, пойманный козлом, считается виноватым и за свою оплошность должен играть слепого козла.

Кулючки

Игра «Кулючки» также принадлежит к числу тех домашних увеселений, в коих любовь наших предков успела скрыть себя от укоризненных очей. Как игра домашняя, более зимняя, она всегда считается возможною; в ней уча-

ствуют и мужчины, и девицы, говорят тайно, что хотят, идут прятаться также вместе, и никто никого не думает подозревать. Все говорят одно: «*Этого требует игра*», и всякое сомнение уничтожается.

Один из игроков садится в угол – *кулюкать*; другие закрывают ему лицо, глаза, всего самого – платками, разными платьями, а он скороговоркою причитывает:

Кулю, кулю – баба!
Не выколи глаза,
Сын под окошком,
Свинья под лукошком.
Пора, что ли?

В это время все другие игроки скрывают себя во всевозможные, незаметные места. Когда же услышат: «*Пора, что ли*?»– отвечают ему только: «*Нет*!» Снова начинается кулюкание, снова вопрос: «*Пора, что ли*?» – снова ответ: «*Нет*!» Это продолжается до трех раз, а иногда и более, пока все игроки успеют скрыться. Не получая ответа на свое: «*Пора, что ли*?», он отправляется в поиск. Первый, отысканный им, должен сменять его. Часто случается, что играющие, по ненависти к кулючке, заставляют его отыскивать всех до одного.

Сорока

«Сорока», как игра детская, увеселяет только детей и матерей и свято соблюдается в семейной жизни.

Няня берет руку дитяти, водит своим указательным пальцем по его ладони. Нетерпеливое дитя, приученное к этой игре, стоит в радостном томлении, а нежная мать говорит:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На порог поскакивала,
Гостей посматривала:

Не едут ли гости?
Не везут ли гостинцы?
Приехали гости,
Привезли гостинцы.

После того действие игры переносится с ладони на пальцы. Указывая на каждый из них, мать говорит:

Этому кашки,
Этому бражки,
Этому пивца,
Этому винца,
А этому недостало.
Поди, там есть колодец,
Напейся водицы.

Потом, указывая на ладонь, говорит: Тут пень,
Показывая на место кисти: Тут колода,
Подвигаясь к локотному сгибу: Тут мох,
Приближаясь к подмышке: Тут болото,
Щекоча под мышкою: Тут студеная водица.

Смех дитяти, ласковые поцелуи нянюшки, нежность маменьки оканчивают игру.

Веревочка

«Верёвочка», старинная свадебная игра, увеселяет на *сговорах* людей женатых и семейных, на *посиделках* и *молодечнике* девушек, одних, без мужчин. Но это бывало прежде; ныне забавляются веревочкою без разбора все *свадебные сговорщики*. Сваха вносит в горницу *верёвочку*, концы которой *сват* или *дружка* завязывают одним узлом. Игроки *хватаются* за эту веревку обеими руками, составляя из себя круг около ее. В средину круга становится сват или сваха для *зачину*. Обходя кругом всех, сваха – кому говорит *красное словцо*,

кому поет *присказку* или заводит *сказк*у, стараясь высказать в ней характеры сговорщиков. Ее словам, хотя иногда довольно обидным, отвечают похвалою, улыбкою и добрым молодечеством. *Круговой* – так называют свата, стоящего в средине игроков – среди *россказней*, замечает: кто смотрит по сторонам, и, подкараулив, тотчас бьет его по руке. *Оплошный* становится в круг, при всеобщем смехе, и заводит свои россказни. Иногда, вместо *побасенок*, игроки поют свадебные песни. Игра оканчивается по желанию игроков.

Серый Волк

«Серый Волк», игра олицетворенная, носит на себе отпечаток древности. Волк, выражая собою нарушителя увеселений, есть лицо семейное из старой русской жизни. Не выражалось ли этим олицетворением в семействе строгое взыскание старейшин? Время все скрыло. Пред нами осталось одно: игра «Серый Волк».

В игре «Серый Волк» участвуют только дети. Кто-нибудь из них, по жеребью, играет *волка*, а все прочие *деток*. Волк, поджав руками лицо, сидит сгорбившись на бугорке и молчит. Детки щиплют перед ним траву и, все вместе, скороговоркою причитывают:

Щипу, щипу по ягодку,
По черную смородинку;
Батюшке в ставчик,
Матушке в рукавчик,
Серому волку
Травки на лопату.
Дай бог умыться,
Дай бог убраться,
Дай бог бежать!

С последним словом детки встают, бросают в волка траву и бегут. Волк, обиженный долею, бросается за детками. Детки

разными *увертками* обманывают волка, а он своею хитростью ловит их. Пойманный играет серого волка.

Первенчики

«Первенчики», игра девушек-невест, есть в полной мере игра от нечего делать. Встарь наши бабушки не любили гулять по проспектам и бульварам, которых тогда и не бывало, а сиживали с своими внучками в светелках и вышках. Когда в праздничные дни все покоилось, затворницам надобно было дать какое-нибудь занятие – и вот наши бабушки обучили своих внучек *Первенчикам*. Спасибо бабушкам и за это утешение.

Четыре и более девушек садятся на полу, в кружок. Каждая из них кладет на колени к одной по два пальца. Тогда старшая начинает скороговоркою *поговаривать*:

Первенчики,
Друженчики,
Трынцы,
Волынцы,
Поповы
Ладанцы,
Цыкень,
Выкень.

Произнося каждое из этих слов, она указывает на один из протянутых пальцев, и на который *достается* слово *выкень*, тот палец и *выкидывается*. Внимательные девушки успевают прятать свой палец прежде, нежели будет произнесено роковое: *выкень*. Отклоняя таким образом приговор, они мучат девушку над одною очередью часа по два и более. Знающие эту игру в одну очередь успевают отсчитывать все пальцы, и чей останется один палец, та должна и начинать игру.

Старушки рассказывают, что в этой игре девушки часто засыпали вместе с своими бабушками. Верно им, бедным, было усладительно!

Камушки

«Камушки» есть игра летняя, занимающая собою всегда девиц по полдням, редко вечерами. Вероятно, что и эта игра изобретена бабушками: она так скучна, что утомляет собою самую бодрую девицу. В Туле, на Оружейной стороне, целые семейства сидят по улицам *кружками* занимаясь усердно «Камушками». Там, в Гончарской слободе, поставляется в достоинство играть удачно в эту игру, а знание ее ставилось наравне с женскими искусствами. Замечательно одно: в позор и в поношение ставили мужчине, когда он играл в «Камушки». Укоризненные слова, произносимые девушками, выражают какую-то зависть.

Сбираясь играть в «Камушки», девушки приносят с собой по пяти глиняных камушков, гладких, округленных, расписанных разными красками. Эти камушки продаются в числе других товаров на городских ярмарках. Голышевые камушки считаются роскошью: их приносят в подарки богомольщики из Киева и Ростова. Готовые играть по двое и более суток, девицы садятся у ворот кружками и причитывают: «*Уговорец, родной брат всем делам*». Чудесное дело: это род какой-то клятвы, свято хранимой девушками. Вот он:

Чур! Играть, Не воровать, Без вороху, Без промаху, Без щелку.

Камушки есть игра самая многосложная. Разделяясь на несколько *приемов*, она имеет особенные действия. Первый прием называют: *пять просфоров*, второй: *четыре просфора*, третий: *три просфора*, четвертый: *два просфора*, пятый: *один просфор*, и последний: *отбиваться*.

Девушки, играющие в пять просфоров, берут в правую руку все пять камней, из коих один бросают вверх, а другие четыре кладут на землю, и в тот же миг ловят на лету брошенный вверх камень, потом опять бросают этот же камень,

схватывают с земли прежние четыре и с ними подхватывают на лету брошенный вверх камень. Это действие девушки называют *просфор*. Добродушные греки – кто вас здесь не узнает! Вы, изгнанные из Царьграда, несли на запад Европы всю ученость эллинскую, избегая побоев мусульман, а к нам являлись с камушками, хотя наши деды выкупали ваши подарки дорогою ценою! Второе действие этого же приема называют: *Тройки*. Здесь один камушек бросают вверх, а другие раскидывают так, чтобы один ложился в сторону, а прочие три вместе. Игральщицы бросают вверх один камень, потом схватывают с земли один и ловят брошенный; далее снова бросают вверх, схватывают с земли три камня и ловят брошенный. Третье действие этого приема называют: *Двойки*.

Здесь один камень бросается вверх, другие же раскидываются попарно и схватываются точно так же, как в первом действии. Четвертое действие называется: *Одиночки*. Здесь один камень бросается вверх, все прочие разбрасываются порознь и точно таким же образом схватываются, как в прежних действиях.

Прием в *четыре просфора* отличается от первого тем, что в нем вместо того, чтобы бросать пять раз боевой камень вверх, бросают только четыре. Прочее все остается то же.

Прием в *три просфора* отличается от второго тем, что здесь боевой камень бросается вверх только три раза. Прочее все то же.

Прием в *два просфора* состоит в двукратном бросании камня вверх. Все прочее сходно с другими приемами.

Прием в *один просфор* заключается только в единовременном бросании камня вверх.

Отбиваться составляет особенный, окончательный прием игры. Здесь девушка, за один *присест*, должна бросить двадцать раз камень вверх и двадцать раз схватить его на лету, не считая уже просфоров.

Если в игре этих приемов девушка сделает промах или неосторожно зацепит за другой камень, то лишается права играть далее. Соседка вместо ее начинает по новую свою игру.

В игре счастливой, удачной, завистливые девушки стараются развлечь внимание своей *подруги*; они разными приговорами *подкрикивают* под руку. Игральщица негодует, руки трясутся, камни падают. Проигрыш производит невыносимую досаду, ссоры, *упреки*. Ссоры всегда оканчиваются прекращением игры и становятся предметами раздора многих семейств. Для любопытных выписываем приговоры, приводящие игроков в неистовство, а семейства в многолетние раздоры:

Кума тарара,
Не съезжай со двора,
Съедешь, потужишь,
Домой не приедешь.
Гуси-лебеди летели,
Чрез камушки глядели.
Либо ворох, либо промах,
Либо отщелк.
Бара, барабашки,
На сивой кудряшки,
И туды и сюды,
И взад и вперед,
Идут, скачут,
С печи не слезут.
Стой! Стой! Стой!
Не бывать,
Не видать,
Чужой доли не едать;
Приходили,
Прилетали,
Камни растеряли.
У! взяли, взяли.
Ни туды, ни сюды;
Вот ни так,
Вот ни сяк,
Ни направо, ни налево;

Бух, бух,
Камень вдруг!
Полетели в кут:
Э! что взяли?
Э! что взяли?

Захарка

«Захарка» – игра детская, веселит детей и *из ума выживших старушек*. Не имея ни одной самобытной идеи, она зато и не выражает ни одной любопытной черты из семейной жизни. Кажется, что она родилась в русских селениях, где зимними вечерами хижины поселян освещаются горящими лучинами. Может быть, предки имели свою цель, изобретая эту игру, теперь нам непонятную. Оттого мы в ней теперь видим какую-то безотчетливость, указывающую прямо на детские шалости и на неосторожную беззаботность дряхлеющих людей.

Старушка в семействе, желая потешить детей, берет пук лучины, сажает их около огня и каждому дитяти дает по лучине. Дети зажигают концы лучинок, махают ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарко!
Приехал Захарка,
Сам на тележке,
Жена на кобылке,
Детки на санках,
В черных шапках.

Все эти слова повторяются до тех пор, пока сгорят лучины или пока крик детей, обожженных лучинами, произведет порядочную суматоху. В селениях бабушки для этого только и сбирают детей в зимние вечера в одну избу *позабавиться Захаркою*.

Дергачи

«Дергачи» есть игра зимняя, увеселяющая молодежь в скучные осенние вечера, в кругу всех возрастов. В этой игре есть много сходного с жмурками и много отличного. *Посмеяться от безделья* – любимая поговорка наших предков – кажется, изобрела эту игру.

Собираясь играть в «Дергачи», игроки садятся по местам около стен, а водырь, обреченный по жеребью, с завязанными глазами, ходит по комнате. От игроков требуется: *не сходить с места*. Нарушитель этого постановления занимает место водыря. Как скоро все уселись, а это дело очень трудное и, при множестве споров, едва выносимое для посторонних зрителей, начинается игра. В одной стороне игроки говорят: «Дерг! Дерг!», а в другой шевелят ногами по полу и, если можно, *дергают* водыря за полы платья. Он, ходя по комнате, должен отгадывать – кто говорит: «*Дерг*!», назвать по имени того, кто дернул за полы. Счастливое открытие избавляет его от долгих поисков. Тогда он передает игру *дергальщику*.

Жгуты

Какая-то непостижимая затейливость изобрела русскую игру «Жгуты», игру *битую*, от которой часто игроки дня по три и по четыре лежат битыми и разбитыми на печах. Надобно иметь отчаянное терпение, чтобы выдержать эту игру. Пускай бы одни мужчины веселились, а то и женский пол садится за эту игру с восторгом. Русская жизнь есть еще загадка.

В зимние *долгие* вечера, когда сбираются в деревнях на посиделки в одну избу, затевают в это время *Жгуты*. Все садятся *в кружок* на полу. В средине лежит шапка, которую должно доставать игрокам с огорода. За спинами игроков ходит *жгутовка* со жгутом и караулит на дороге воров. Как добрый сторож, она весело кричит:

Кому раз,
Кому два,
Кому ничего.

Едва лишь кто протянет руку за шапкою, жгутовка того бьет жгутом по спине. Кто задремлет сидя, она кладет за его спиною жгут, а бодрый сосед учит его хорошими ударами бодрствовать. Когда пойдет кутерьма во время бросания жгута, жгутовка берет шапку и надевает на кого-нибудь. *Кого окликнут* в шапке, тот делается жгутовкою. Если же игроки похитят с огорода шапку, тогда каждый из них, смотря по сделанному условию, делает *расправу с жгутовкою* несколькими ударами.

Чижик

«Чижик» – игра детская, веселит детей удачно и печалит нечаянными побоями. Основная мысль этой игры проста – утешить; но она далеко не достигает своей цели. Вообще все детские игры сопряжены на Руси с опасностями, и кажется, что только одни колыбельные песни показывают превосходство семейных увеселений.

Старший из детей очерчивает на полу мелком четвероугольник – *клетку*, в средину кладет камень, на который по отвесу полагается палочка – *чижик* длиною в одну четверть. Кто-нибудь из детей подходит с другою длинною палочкою к клетке, бьет по чижику, который от удара летит вверх. Тогда другие дети стараются бить чижика на лету, и тот остается в стороне, кто успеет загнать его в клетку. Игра продолжается дотоле, пока явится кто-нибудь из игроков с разбитым лицом и с криком начинает доискиваться виноватого. Но как побои скоро забываются детьми, то игра «Чижик» скоро возобновляется.

Ужище

Игра «Ужище» составляет самое веселое раздолье поселян и поселянок Костромской и Тульской губерний. Нигде

нельзя видеть такой русской *оборотливости*, как в этой игре. Здесь желание выказать свое удальство подчиняет себе все движения, и скачки столь бывают удачны, что превосходят всякое вероятие. Глядя на игру «Ужище», невольно скажешь, что русская неустрашимость свыкается со всем; ей все бывает свое, все близкое; она ко всему влечет русского мужика, готового спорить своим терпением со всею природою.

Сбираясь *играть «Ужище»,* костромитяне берут веревку – ужище – и толпами отправляются на пустошь. Там двое держат веревку за концы и вертят ею вокруг по воздуху. В средине их становится третий и, не сходя с места, прыгает вверх тогда, когда другие из веревки делают круги. Это занятие издали показывает, что человек стоит как бы в круге. Чтобы сыграть «Ужище», надобно иметь ловкость своего рода: уметь вовремя прыгнуть, уметь кстати согнуть голову, уметь приседать.

Неопытные возвращаются с разбитою головою и расшибленными ногами. Более всего страдают костромские уши.

В Тульской губернии эту же самую игру совершает один мальчик, без всякого вреда. Берет в руки коротенькую веревочку, голову сгибает к коленям, делает вверх прыжки и в то же самое время вертит веревку кругом себя. Издали эта игра представляет вид обращающегося колеса.

Коршун

Какой-то добрый гений внушил нашим предкам «Коршуна», игру, любимую всеми сословиями. Может быть, олицетворение, переданное в этой игре, веселит русское сердце. *Коршун* – строгий, взыскательный семьянин, *Наседка* – сердолюбивая мать, скрывающая все недостатки своих детей, *Цыплята* – шаловливые, миловидные дети – вполне выражают старую русскую жизнь. Основная мысль этой игры есть самобытная: это собственность русской народности.

В хороший летний вечер, когда семейства *столпляются* у ворот, молодежь начинает игру «Коршун». Без затей в рус-

ских играх ничего не бывает. Выбирают Коршуна с большими затеями и спорами – всякому хочется *поважничать*; менее всех кричат о выборе Наседки – это должность тягостная. Все прочие поневоле играют из себя Цыплят. Коршун сидит *один-одинехонек*, в отдаленном месте, в положении довольно любопытном. Он должен со злобою смотреть на наседку с детьми, скрежетать зубами, кусать себе пальцы и покрикивать, довольно неудачно, по-птичьи, как коршун. Матка подходит к Коршуну, за нею вытягивается длинный ряд детей. Картина русская, неподдельная! Это народ всех возрастов, это сцепление существ, забывших все земное, существ – игривых, добрых, людей семейных, русских. Коршун роет землю; наседка *заводит с ним речи*:

Н. Коршун, Коршун! Что ты делаешь?

К. Что? Рою землю да ямку.

Н. На что роешь ямку?

К. Чтобы денежку найти.

Н. На что тебе денежку?

К. Иголку купить.

Н. На что тебе иголку?

К. Мешочек сшить.

Н. На что тебе мешочек?

К. Соли купить.

Н. На что тебе соли купить?

К. Щи посолить.

Н. На что тебе щи солить?

К. Одну половину съесть, а другою твоим детям глаза залить.

Н. Фуу! Фуу! За что? Про что?

К. Они мою городьбу разломали.

Н. А как высока была твоя городьба?

К. Вот смотри.

Коршун бросает вверх камень так высоко, сколько позволяют силы.

Н. Мою городьбу козел бородой достанет, да и той они не могут разломать.

К. Они буяны. Я их истреблю.

Н. Они мои. Не дам. Ши! Ши! Злой Коршун! Долой, злой Коршун! Ши! Ши! Ши!

Раздосадованный Коршун слетает с места и начинает ловить детей. Наседка защищает их, дети укрываются за матерью. Шум, крик, визг, беганье; все меры малосильной Наседки против похитителя остаются ничтожными. Коршун утаскивает детей в свое гнездо. Переловив детей, он с ними кидается на Наседку щипать – за ее строптивый нрав. Этим оканчивается игра.

Лапта

Игра «Лапта» составляет особенное увеселение мужчин преимущественно летом. Женский пол здесь отчужден – *всеобщий смех огласил бы девушку* в глазах подруг, если бы разнеслись об этом вести в *околодке*. Игру «Лапту» мы должны отличать от всех других: это особенный род какой-то войны, где проворство, ловкость, быстрота почитаются отличными качествами игрока. Молва народная признает эту игру за старинную, давность которой незапамятна дедам и прадедам. Археография, при всех открытиях, ничего не говорит о письменах, сохранивших следы игр. Русская народность сосредоточивалась в жизни семейной и изменялась только тогда, когда изменялась самая жизнь. В ком течет русская кровь, в ком бьется русское сердце, тот с гордостью укажет чужеземцу на старую русскую жизнь, существующую в быту семейном. Конечно, многие семейства удалили от себя много русского, старого; но оно переселилось в селения и города, где еще современные обновления не касались семейной жизни, где изменения почитаются святотатством, где блюдут старину, как святыню. Вся лестная надежда чужеземцев разобрать исторически русскую народность доселе остается без исполнения.

Это происходило единственно оттого, что думали отыскать народность в письменных памятниках. Простим чужеземцам их незнание нашей русской жизни. Мы знаем, что наши предки записывали только исторические события; все прочее хранилось в семейной жизни по обычаю и преданиям, из рода в род. Пока мы не изучим семейной жизни, мы не узнаем русской народности. Самое же изучение должно совершиться наиподробнейшим описанием обычаев и поверий. Без этого все будет ничтожно; без этого всегда истории русского народа будут без общественной русской жизни.

Игра «Лапта», кажется, получила свое название от деревянной маленькой лопаточки, употребляемой игроками, а *лапта* и *мяч*, как принадлежности игры, составляют главные орудия. Чтобы разыграть «Лапту», игроки разделяются, под управлением *маток*, на *две половины*, из коих одна *служит*, а другая *водит*.

Прежде всего выбирают маток, после всех возможных споров. Берут лапту, плюют на одну ее сторону, бросают вверх, говоря: «*Сухого или мокрого тебе надобно?*» Если лапта упадет на землю стороною сообразно требованию, тогда этого игрока величают маткою. Матки набирают свою половину. Игроки рассыпаются в стороны для *сговаривания*. Подходя попарно к маткам, они заставляют их выбирать из себя только по условным словам, не выражая именно, кому они принадлежат. Это делается для того, чтобы матка не могла *подобрать свою половину* из лучших игроков. Набравши половины, матки начинают метать жребий: *кому служить? кому водить? где быть чертам для игры?*

Половина, обреченная жеребьем *служить*, рассыпается по разным местам: один становится у *игральной* черты – он должен *подавать* мяч; другой идет на *сердовину* – ловить мяч; третий становится по *ловлям* – бокам – также ловить мяч; четвертый караулит последнюю *коновую* черту. Первый, стоящий на игральной черте, бросает только мяч вверх игрокам; все прочие, поймавши мяч, должны бить игроков, бегущих к новой черте.

Половина, обреченная по жеребью *водить*, становится в кружок на игральной черте. Один берет лапту и бьет ею на лету мяч. Пробивши, идет назад. На его место становится другой и то же делает. В то самое время, когда мяч от удара второго бойца летает по поляне, первый боец бежит к коновой черте, избегая всячески, чтобы ловильщики не поймали его ударом этого мяча. Если это случится, игра кончается.

Каждая половина обязана в строгости исполнять свои условия.

Половине служить вменяется: подавать мяч бойцу только до трех раз, если он не успевает его подбивать лаптою; стараться мяч ловить на лету: в этом заключается польза всей половины – *передача служить*. Если успевают поймать мяч на лету, то стараются схватить его как можно скорее и бить им бегущих игроков.

Половине водить вменяется: бить по мячу лаптою несколько вкось и как можно сильнее: от этого зависит неудача ловилыциков. Бежать от черты до черты скорее; не поддаваться мячу; в неудачах обращаться назад, пока ловцы передадут подавальщику мяч. Если боец получит мячом удар на черте, то это считать *не в почет*; удар на дороге заставляет принимать передачу.

Пыж

«Пыж» – игра опасная, служит летним увеселением для мальчиков. Эта игра, отпечаток какого-то боя, вероятно, занесена к нам соседями. Не татары ли принесли этот гостинец нашим детям?

Выходя на луг или пустошь, мальчики вооружаются палками, длиною в 12 вершков, довольно толстыми. Для кона очерчивается четвероугольное место, в средине которого становится *пыж*, палочка отрубленная, в 3 вершка длиною. В этой игре участвуют *игроки* и *вожатый*. Выбор *в вожатые* производится по особенному жеребью: каждый игрок должен взять в правую руку свою палку, а в левую пыж; потом,

бросив на палку пыж, начинает *чаковать*, и тот, кто сделает больше ударов палкою о пыж, остается игроком, а кто меньше всех, тот вожатым.

Игроки становятся на одну сторону – *на черту*, условленную от кона. Вожатый отходит в сторону. Игрок бросает палку в пыж, а вожатый бежит за пыжом, чтобы не допустить игрока взять палку и скорее воротиться к кону. В этой игре соблюдаются свои условия:

Игрок должен так сбивать пыж, чтобы он, не оставаясь в четвероугольнике, летел в сторону. Нарушитель сего условия делается вожатым.

Сбивши пыж, игрок должен бежать за своею палкою, чтобы поднять ее и возвратиться к кону до прихода вожатого; если он не надеется сделать этого, то должен отбрасывать палку на дальнее расстояние и выжидать счастья.

Вожатый не должен допускать к кону игрока с палкою; он должен скорее бросить на кон пыж.

Вожатый должен замечать: кто из игроков, после пробития, возвращается *на черту от кона, не обмочивши палку в четвероугольник*?

Выжидающий счастья игрок не должен брать палку прежде пробития другого, а иначе он сделается вожатым.

Если все игроки не успеют сбить с кона пыж, тогда вожатый берет его из четвероугольника, отмеряет шаги по условию и бросает его в палки. На чью палку упадет пыж, тот делается вожатым.

Если бы кто из игроков задумал спорить, то из него *выжимают масло*. Это делается так: один из игроков прижимает спорщика к себе, а другой к себе – палками. Спорщик сквозь слезы соглашается продолжать игру.

При *чаковании* пыжом игрок должен говорить:

Чаки, чаковочки,
Маковы головочки.
Малечина, Калечина.
Сколько часов

До вечера, до зимнего.
Раз, два, три
(и далее).

Свайка

Игра «Свайка», кажется, одолжена своим бытием Тульской Оружейной Слободе, живущей отдельною сферою от всех других сословий, имеющей свой особенный выговор слов, свои привычки, незаметные в других местах, свои увеселительные занятия, недоступные другим людям. В редких местах других губерний можно слышать об этой игре.

Игроки запасаются для этой игры: *свайкою*, орудием, сделанным из железа в виде острого гвоздя, с толстою головкою, весом от 1 до 20 фунтов, и *кольцом железным*. В Туле игроки сбираются у ворот и, избравши мягкое место, начинают игру. Вся игра заключается в условленных приемах:

Бросать свайку так, чтобы она прямо упала в центр кольца или, воткнувшись в землю, оттолкнула бы его на дальнее расстояние.

Свайка, воткнутая в землю с ударом о кольцо, считается за один раз, в самое кольцо – за два раза, а если она отбросит его далеко, тогда пространство от свайки до кольца измеряется *пирогами* – пяденью.

Если свайка попадает в кольцо и с ним упадет, не воткнувшись в землю, тогда игрок лишается всех выигрышей. Эту неудачу игроки называют: *захлебнулся, хомут на отца надел.*

Выигрыш считается до десяти и более раз, смотря по сделанному условию, и кто их более сделает – говорят: *вышел*. Но кто не сделает десятка, тогда как другие *вышли*, должен *подавать свайку.*

Подавать свайку – значит: каждому игроку он должен, как виноватый, подавать это орудие до десяти раз, а тот, как ему только лучше, берется за свайку и глубоко вбивает в землю. Если игрок после подачи попадает в кольцо, тогда проигравшийся снова должен подавать свайку до тех пор, пока

все игроки пробьют *уроненные разы*, пока никто из них не попадет в кольцо.

Проигравшийся подвергается большим насмешкам. Ему говорят: «*масло потекло*» – когда он от больших усилий запотеет; «*шильцо к бильцу подползло*» – когда он не может вытащить свайку, глубоко забитую в землю; «*потей, Фатей, до звезды говей, а леща подавай*» – когда он выбьется из сил и отказывается от игры; «*не тюрюкай тюрю, проползай в пору*» – когда он берет щепку или что-нибудь другое для раскапывания земли вокруг свайки; сбыл беду, «*как соседову жену*» – когда окончит свои труды. Глубоко вонзившаяся в землю свайка называется *редькой*.

Агарушик

Всматриваясь в игру «Агарушик» («Огарышек?»), мы невольно робеем за девиц старой русской жизни. Зависть, злая утеха пожилых и некрасивых девиц, кажется, изобрела эту игру. Девицы, сбираясь играть в «Агарушик», наперед обрекают для себя *посмешище* – тихих, скромных, сиротливых подруг. Видно, что интриги и в старину волновали сердца наших бабушек.

Молодые девицы и женщины сходятся играть на пустошь перед вечером. Садясь в кружок, одна подле другой, выбирают из среды себя рассказчицу, по большей части из богатых, которая, обхаживая их, приговаривает:

За черемя,
За беремя,
За старого,
Петр,
Петрович,
Егорыч,
Труса,
Пеня,
Князь.

На которую достается слово «*Князь*», та выходит из *седалок*. Рассказчица снова обходит их с присказкою, пока останется одна, с которою она должна говорить по очереди. И та, которая из них последняя произнесет: «*Князь*», бежит. Подруги оставшуюся величают:

Агарушик!
Черный камушик,
Ненаедушик,
А последушик!
Агарушик!

Девица-Агарушик, осмеиваемая игроками, бегает за ними и ловит их. Пойманная девица делается помощницею ловли. В воле игроков бывает: переловить ли всех или только двух.

Ветчинка

Игра «Ветчинка» олицетворяет собою какое-то народное поучение. Не хотели ли этою игрою наши предки отучить молодежь от похищения? Если она введена была в старую русскую жизнь с этою нравственною целью, то мы должны иметь высокое понятие о семейной жизни наших предков.

В этой игре молодежь прежде всего вбивает в землю *колышек* и к нему привязывает *веревочку* длиною до 2 и более аршин. Около колышка кладут разные старые вещи. В деревнях употребляют для этого всегда старые лапти. *Водырь*, обреченный по жеребью *водить*, берет в одну руку веревку, а в другую – прут. Игроки, подходя к водырю, спрашивают:

Игроки. Поспела ли Ветчинка?
Водырь. Нет!
И. Поспела ли Ветчинка?
В. Нет!
И. Поспела ли Ветчинка?
В. Кипит.

Игроки. Поспела ли Ветчинка?
Водырь. Кипит.
Шевелит,
Продаваться
Велит.

С последним словом начинается расхищение Ветчинки. Водырь, вытянувши веревку, старается изловить похитителей прутом. Если кто получит удар, тот заступает место водыря. Игра продолжается до тех пор, пока игроки растаскают всю Ветчинку. Когда же не будет *открыто до пряма* похитителей, а Ветчинка неведомо кем растаскана, тогда последует *порушание водырю* – наказание. Все игроки берут по пруту, становятся в два ряда. Водырь бежит по ширинке, преследуемый игроками. Пощады в этой игре никогда не бывает.

Сучка

Играть в «Сучку», вероятно, ввели наши предки с тем намерением, чтобы приучить детей своих к борьбе с врагом. Здесь все говорит о войне. *Яма* изображает собою *город*, *лунка – жилище*, *игроки – жителей*, защищающих свою собственность, *палки – оружие* вообще, *вожатый – неприятеля*, *сучка* – какое-то *орудие* неприятельское. Немного русских игр, которые бы выражали так отчетливо защиту собственности от пришельца, как эта.

Игроки выкапывают на пустоши яму, глубиною в пол-аршина и столько же в поперечнике. По краям ямы *лунку.* Игроки все должны быть вооружены палками, каждый игрок выкапывает для себя маленькую ямку длиною в $1\,^{1}/_{2}$ аршина. Выкапывание ямы и ямок совершается без домашних орудий. Двое из игроков *скрещают* в земле палки и кружатся до тех пор, пока концами палок выроют яму. Для игры приготовляют еще маленький чурбачок – *Сучку.* Вся эта игра, заключаясь в нападении и защите, состоит в строгом соблюдении правил своего рода.

Для избрания вожатого игроки ставят палку на ногу и потом бросают ее с ноги вдаль, как казаки пику. Чья палка ляжет дальше, тот игрок, а чья ближе, тот вожатый.

Игроки обязаны стоять у своих лунок, с опущенными в них палками.

Вожатый стоит на условной черте, бросает в яму сучку, говоря: «Овсы!»

Игроки отбивают сучку на условленной черте палками. Этот отбой они называют: *чаковка*!

Если вожатый так будет счастлив, что с первого раза попадет в яму, то он сменяется другим.

Если игроки *не дадут вожатому на лету чаковки* и в это время кто-нибудь из них побежит от лунки отбивать сучку, тогда вожатый вправе занять чужую, пустую лунку и быть игроком.

Игроки, из сострадания, сменяют вожатого, если он, по неловкости своей, бывает причиною долгой игры. Это называется *выпущалкою*.

Яша

Свободные люди в селениях с большим удовольствием посвящают время игре «*Яша*». *Молодчики, красные молодушки, сенные девушки* только допускаются в эту игру; старики, старушки, дети стоят и радуются на *потеху девушек*. Люди опытные замечают, что из этой игры невидимо *как-то стряпаются свадьбы к Великоденскому мясоеду*.

«Яшу» разыгрывают почти всегда осенью, иногда и весною, на лугу. Яша, избираемый всегда из молодчиков, садится на землю; кругом его игроки, схватясь рука с рукою, ходят и приговаривают:

Сиди, сиди, Яша,
В ракитовом кусте;
Грызи, грызи, Яша,
Ореховы зерны.

Лови себе, Яша,
Кого тебе надо;
Лови девку
За русую косу,
Лови красну
За алую ленту.

Игроки, проговорив, разбегаются. Яша встает и выбирает себе девицу с русою косою, с алою лентою. Игроки, окружив Яшу, начинают смеяться над его выбором, приговаривая:

Выбрал себе Яша
Рябую кукушку;
Выбрал себе Яша
Черную кошку.
Уф! черную кошку!

Бабки

По милости греков русские обучились играть в «Бабки». Древняя игра их «Астрагалос» приняла у русских свое значение и переиначена в разные приемы. В русской семейной жизни эта игра занимает самое почетное место, и нет местечка, где бы она не существовала. Разнородность игры, своеместные названия выказывают вполне изобретательность наших предков усвоивать себе чужое.

В игре в бабки русские употребляют надкопытную говяжью кость, которая по городам и селам составляет особенный род промышленности мальчиков. При продаже они считают бабки: *гнездами* – по две кости, *шестерами* – по шести костей, *битками* – самую большую бабку, *свинчатками* – бабки, налитые свинцом для тяжести и ловкости, *чугунками* – вылитые из чугуна наподобие бабок, *кудачками* – обтесанные костяные бабки для особенной игры. Самые игры бабки разделяются на бесчисленные виды. Исчисляем некоторые из них.

Кон за кон. Игроки ставят на ровном месте *по гнезду на битку*. Потом определяют условное расстояние – *коны*. Кому прежде начинать игру – *бить* и кому после, о том мечут жеребьи. Для этого игроки бросают вверх бабки с особенными уловками – *выстилкою*. Если бабка, упавшая на землю, ляжет на правый бок, то это будет *плоцка* – старшая по игре; если ляжет на спину, то будет *жог* – вторая по игре; если ляжет бабка на левый бок, то это будет *ничка*, моложе всех. Игроки, становясь на черту, бьют битками по старшинству. Если сшибут бабки, на кону стоящие, то их считают своим выигрышем. Когда они все пробьют, тогда каждый переходит за кон к своим биткам и бьет с того места, где лежит его биток; чья далее лежит, тот прежде начинает и бить, а остальные доканчивают игру по расстоянию своих битков.

Плоцки. Игроки ставят на кон по гнезду на битку и потом мечут битками, у кого ляжет – плоцка, жог, ничка. Игроки здесь плоцку называют *правиком*, ничку *левиком*. Если битка ляжет ничкою, то игрок должен бить ею в кон *с левой руки*. Дальняя плоцка дает право игроку на первенство бить прежде всех других. В этой игре игроки не переходят на кон бить во второй раз.

Кудачек. Игроки сбирают вместе битки, потом мечут их вверх, и чья ляжет жогом, то хозяин этой начинает *отбивать чужие битки*. При отбивке он говорит: «*Раз на кудак, два на кудак, три на кудак*». Если он ударит, по неосторожности, другие битки, тогда переметывают снова бабки, а если сделает промах, то считают проигрыш.

Об стенку. Игроки приходят к забору и ударяют по очереди бабками об стенку. Если второй игрок положит бабку так близко к чужой, что пространство будет на одну *пяту*, тогда он выиграл.

У кону. Игроки ставят на кон на каждую битку по *шестеру* бабок, потом мечут битки, и чьих больше ляжет жогов, тот первый подходит к кону и бьет по гнездам. Все им сбитые бабки считаются его выигрышем. Успех в этой игре зависит от подтесанной битки.

Городок. Игроки ставят по гнезду из бабок – *городок*, в виде *шестиугольника*, а в середине его помещают три гнезда – *сердцевину.* После сего идут к черте и мечут битки. Плоцка, жог дают право играть, а ничка оставляет игрока в *домоседах*, т. е. без ничего. Здесь употребляют свинчатки и чугунки.

Игрок должен сбить прежде от черты городню, а если он *дотронет сердцевину*, тогда платит *пеню* пошестеру. Сердцевина, если останется по разбитии городка *непочатою*, предоставляется в пользу домоседов.

Кулачный бой

Кулачный бой в русской семейной жизни считался удальством, приводившим некогда в гордость и раздоры целые селения и города. Подвергать себя из доброй воли побоям, бить других без пощады было роскошным веселием для наших отцов и дедов. Давность этой жестокой потехи остается на Руси незапамятною, так что старшинство ее усвоялось прежде многим городам. Было время, когда русские бояре, собравшись повеселиться, свозили из разных городов бойцов для потешения. *Бойцы казанские, калужские, тульские* славились пред прочими, выдерживали сильный бой пред татарами приезжавшими в Москву с икрою и рыбами, выигрывали большие залоги, платили нередко за свою отважность жизнью. Кулачные бои начинались с *зимнего Николы* и продолжались до *Сборного Воскресения*; но самый веселый разгул бывал на Масленице. Летом редко бывали бои, и то по приглашению бояр. Городские бойцы всегда брали преимущество пред сельскими.

Кулачные бои совершались разными видами. Более всех почитался: *бой один на один*, за ним – *стена на стену*, а менее всех *сцеплялка-свалка*.

Лучшими бойцами один на один считались тульские: *Алеша Родимый, Никита Долговяз, братья Походкины, семейство Зубовых, Тереша Кункин* почитались чудо-богатырями и с почестью развозились по городам. Они *меряли свои силы* с

татарами, калужанами, москвичами. Замечательная черта этих бойцов состояла в том: пить вино, за бесчестье почитать подарки, предлагаемые боярами, и *не ходить стена на стену.*

Лучшими бойцами стена на стену доселе прославляются казанские суконщики. Всегдашние их враги были татары. В Туле бои стена на стену бывали только у оружейников с посадскими. Бои формально назначались по дням. Охотники задолго поили бойцов, одних *сманивали* подарками на свою сторону, других *стращивали* угрозами. Охота к такому бою походила на отъявленную страсть. Старики *подзадоривали* молодых рассказами и обещанием биться, молодые, в ожидании *испить винца*, переходили с вестями из двора во двор, дети выходили *на затравку* и составляли предвестников *сцеплялки* из старых и молодых бойцов. Когда бились стена на стену, тогда записные бойцы *выдерживались* в стороне с толпою людей, уговаривавших стоять за их стену, и выпускались только тогда, когда неприятели пробивали стену. *Надежа боец* летел с шапкою в зубах, бил груды на обе стороны, *лежачего* не трогал; а, пробивши стену, возвращался, с толпою льстецов, прямо к кабаку.

Часто случалось, что хитрые и слабые бойцы закладывали в рукавицы бабки-чугунки для поражения противников.

Редька

«Редька» считается любимою игрою женщин, девиц и молодчиков, после Фоминой недели, до Петрова дня. Любовь втерлась и здесь. Посидеть на коленях у милой женщины здесь не считается в позор, и муж равнодушно смотрит, когда его жена сидит у *молодого парня* на коленях, когда он крепко сжимает его жену. Этого требует игра.

Любители игры выходят на луг, садятся один к другому на колени, сцепляясь один с другим в виде длинной гряды. Передний получает название *бабушки*, а все прочие считаются *за редьку.* Является купец покупать редьку.

Купец. Бабушка! Продай редички!

Бабушка. Купи, батюшка.

Купец осматривает редьку, пробует на все манеры, ощупывает и старается выдернуть.

Купец. Бабушка! Нет ли щуплавой редьки?

Бабушка. Что ты, батюшка, вся молодая, горькая, одна к одной; выдерни себе любую на пробу.

Купец начинает выдергивать – сколько есть силы.

Купец. Бабушка! Твою редьку не выдернуть по доброй воле: уросла. Дай-ка косарик выкопать с корнем.

Бабушка. Что ты, свет мой, позоришь мою гряду. Потряси: выплывет, словно как из воды.

Купец начинает трясти игроков, кого за голову, кого за волосы, кого за руку. Выдернувши кого-либо из игроков, начинает стряхивать об землю, вытрясая, будто из него сор. В это время встают все игроки и прогоняют побоями купца.

Крыночки

«Крыночки» – игра сельская, затейливая и чудная, изображает собою детские проказы. Здесь олицетворение высказало полную сельскую жизнь и сохранило занятия отжившего поколения.

Действующие лица в этой игре: *кот, котова бабушка, детки*; предметы: *крыночки с молоком, изба, баня*. Котова бабушка, старая *доможилка*, сидит с котом и караулит молоко. Голодные детки, ее внучата, увиваются вокруг крыночек; но надежда тщетная. Детки прибегают к обману. Одни подходят к бабушке, а другие садятся на полатях.

Детки. Бабушка! Где твой кот?

Бабушка. Пошел глодать кости на попов двор.

Детки. Чья это нога?

Бабушка. Натальина жениха, вора-плута.

Детки. Бабушка! Не хочешь ли ты в баньку?

Бабушка. Какая у вас банька?

Детки. Наша баня золотая, каменка кафлинная, топили ребята по семи дней, а пару в ней для семи деревень.

Бабушка. Какой веник?

Детки. Веник шелковый, шелку шамаханского, отбит у татарина в орде, заброшен на боярский двор, с боярского принес земчий.

Детки снимают котову бабушку с печки и относят в баню. Бабушка парится; детки выпивают молоко и бьют крыночки. Приходит кот и мяучит. Бабушка почуяла беду и бежит из бани. Детки разбегаются. Бабушка ловит их с котом. Кого прежде поймают, тот делается бабушкою; а потом ловят другого, и этот превращается в кота.

Ласы

Игра «Ласы» занимает детей зимою, когда кончаются все летние увеселения. Эта игра выражает род какой-то странной промышленности.

Когда выпадет первый снег, дети выделывают из снегу шары и обливают их водою. Эти шары называются ласами. Соскучившись сидеть дома, дети выходят на улицу и *похваляются ласами. Замысловатые парни* продают свои ласы *дурням* за бабки, по два и по три тестера за каждую. Потом начинают играть. Избравши место, торгуются: «*Продай коровку*?» – «*Продажна*», – отвечает игрок. Потом бросает каждый из них ногою свою ласу. После этого с дальнею ласою начинают по договору за удар бить в чужие ласы. Если он попадет, то берет за выигрыш условленную плату бабками; если же сделает промах, то сам платит вдвое. Игра продолжается по желанию, всегда более до чистого проигрыша.

Сижу-посижу

Стелется на полу ковер, сестрицы с братцами садятся в кружок. Девушка, с завязанными глазами, ходит в средине и приговаривает:

Братцы, сестрицы!
Примите меня.
Братцы, сестрицы!
Возьмите меня.

Девушки отвечают ей: «*Иди по нас*». Девушка подходит и садится к кому-нибудь на колени, приговаривая: «*Сижу-посижу*». У кого она сидит, тот должен молчать. Посторонние спрашивают: «*У кого*?» Если девушка отгадает это лицо, то ему передает свою обязанность. Часто случается, что девушка *сидит да посиживает* на чужих коленях, особенно на братцевых, притворяясь недогадливою.

Чёт-нечет

Гостинцы, приносимые от матушек, накопляются в таком количестве, что девушки решаются проигрывать их будто на те, каких у одной нет, а у другой много. Девушки садятся за стол, раскладывают гостинцы кучками и накрывают их платком. Начинается розыгрыш. Одна спрашивает: «*Чёт или нечет?*» Если другая отгадает то или другое, тогда берет гостинцы себе, как выигрыш, если не отгадает, то сама отвечает платежом в таком же количестве. Затейливые иногда закрывают пустое место, и та, которая не заметит обмана, расплачивается всеми гостинцами.

Чётки

Нянюшки приносят пук тростниковых палочек, по числу девиц, и раздают девушкам для заметок. Опытная в этой игре

обирает палочки *у подруг* и складывает их вместе *с шутом* – палочкою длиннее прочих; девицы садятся на пол в кружок. В средине ставят пук палочек вертикально, придерживая его за средину правою рукою, а левою за верхушку *шута*, потом принимают вдруг правую руку, и палочки рассыпаются в разные стороны. Игра требует, чтобы девица поднимала *поодиночке* все палочки, не трогая других. *Удача* сбирать осторожно палочки почитается *девичьим проворством*. Завистливые находят время говорить *разные разности*, с намерением отвлечь ловкую девушку Проигравших в этой игре наказывают чем-нибудь смотря по тому, какое наперед было сделано условие.

Колечко

Одна из девушек снимает с руки кольцо и отдает нянюшке, которая в кольцо продевает ленту и связывает концы. Девушки становятся в кружок и держатся своими руками за связку. Девушка, обреченная по жеребью кружиться, ходит в середине, отыскивать: «У кого кольцо?» Девушки потихоньку передают кольцо из рук в руки. В это время для развлечения отыскивающей кольцо производят беспрерывное движение ленточкой. У кого будет открыто кольцо, тот сменяет кружившуюся девушку.

Коза

Девушки выбирают из среды себе одну подругу – *Козу*, которая, отделяясь от толпы, приближается к стене в задумчивости. Игроки, подходя к ней, *заводят речи:*

Девушки. Коза, коза бя;
Где ты была?
Коза. Коней стерегла.
Девушки. И где кони?
Коза. Они в лес ушли.
Девушки. И где тот лес?

Коза. Черви выточили.
Девушки. И где черви?
Коза. Они в гору ушли.
Девушки. И где гора?
Коза. Быки выкопали.
Девушки. И где быки?
Коза. В воду ушли.
Девушки. И где вода?
Коза. Гуси выпили.
Девушки. И где гуси?
Коза. В тростник ушли.
Девушки. И где тростник?
Коза. Девки выломали.
Девушки. И где девки?
Коза. Замуж вышли.
Девушки. И где мужья?
Коза. Они померли.
Девушки. И где гроба?
Коза. Они погнили.

Девушки разбегаются в разные стороны; коза преследует их. Если она которую-нибудь из них поймает за ленту косы, тогда пойманная получает название козы, и игра начинается снова.

Гусёк

«Гусёк» составляет отрадное утешение пожилых людей летом и зимою. Охотники до этой игры предпочитают ее всем другим, даже шахматной, наслаждаются «Гуськом» лучше всех утешений. Для игры «Гусёк» охотники покупают в щепных рядах готовую доску, на которой красками изображена двойною линиею извилистая дорога, в виде улитки. Между линиею, на условных местах, означены в кружках предметы: числа, гуси, постоялый двор, темница, кружало. Пред началом игры игроки мечут костями: кому сколько достанется очков.

Большинство очков дает право игроку ходить прежде, и ежели он успеет поставить шашку на Гуська, тогда может ходить взад и вперед, сколько есть знаков. Меньшее число очков заставляет часто заходить игрока или на постоялый двор, или в темницу. Если он зайдет на постоялый двор, то обязан платить пеню за постой по условию; если же очутится в темнице, то лишается уже очереди метать костями и обязан оставаться без игры до тех пор, когда то же сделается с другим. Выигрыш всегда остается за тем, кто по определенному числу очков, имея право ходить взад и вперед, дойдет до последнего знака.

Без всякого сомнения, «Гусёк» занесен к нам с чужой стороны и, как кажется, подарен нам немцами. Здесь только и есть русского: постоялый двор и кружало, в которых заметно русское удальство.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ И ПРИТЧИ

– Загадать ли тебе, девица, семь загадок?
– Загадай, ты, сын гостиной, хоть десяток.

Все загадки и притчи, помещенные здесь, были собраны мною в Туле и Москве; но не все собранное можно было печатать. Кому известна русская жизнь на просторе, кто знает русскую жизнь в ее веселом разгуле, тот уже знает, почему нельзя было всего напечатать.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ

1) *Смерть*.

На море на Окиане,
На острове на Буяне,
Сидит птица Юстрида,
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала,
Всего много едала.
Видала царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в кельи,
Дитя в колыбели;
И того не едала,
Чего в море не достало.

2) *Роза-шиповник*.

Древо древоданское,
Листья лихоханские,
Цветы ангельские,
Когти дьявольские.

3) *Бумага и писец*.

Ни небо, ни земля,
Видом светла,
Садятся на ней
Тенообразные птицы.
Два созирают,
Два сожидают,
Один повелевает.

4) *Буйный ветер, туча грозная, солнце ясное, сердце страстное*.

Без крыл летит,
Без ног бежит,
Без огня горит,
Без ран болит.

5) *Улей, пчелы, жало, воск, мед.*

Стоит град на восток
Широкими дверьми,
Около его много воинства,
У каждого воина по копью.
Идет род Адамля,
Отнял у них все имение.
Вышнему слава, земному
также!

6) *Грудной младенец*.

Живая живулечка,
Сидит на живом стулечке,
Живое мясцо теребит.

7) *Груди.*

Белый лебедь,
На блюде не был,
Ножом не рушен,
А всяк его кушал.

8) *Мак.*

Маленький крошка
Сквозь землю прошел,
Красну шапочку нашел.

9) *Перо.*

Летел пан,
На воду пал,
Воды не взмутил.

10) *Небо, звезды, месяц.*

Взгляну я в окошко,
Раскину рогожку,
Посею горошку,
Положу хлеба краюшку.
Всякий видит,
Да не всякий чует.
Кому светло,
Кому темно,
А мне голубо.

11) *Похороны.*

Бегут бегунчики,
Ревут ревунчики,
Не дышат,
Не пышат,
По сухому берегу бежат.

12) *Кочан капусты.*

Под дубком, дубком,
Под карандышком,
Свилось клубком,
Да не камышком.

13) *Белок с желтком.*

Во белом городе,
Во темном подвале,
Стоят в одной бочке:
Царево вино, Царицын мед,
Розно, не смешано.

14) *Наперсток.*

Шла свинья из болота,
Вся исколота.

15) *Серьги.*

Под лесом, лесом
Колесы висят.
Девиц красят,
Молодцов пленят.

16) *Мышь.*

Под полом, полом
Ходит барыня с колом.

17) *Веник.*

Скручен, связан,
По избе пляшет.

18) *Пчела и восковая свеча.*

Летит зверек
Чрез божий домок,

Сам с собой говорит:
«Вот моя силка горит».

19) *Огурец.*

Без окон, без дверей
Полна храмина людей.

20) *Орехи*

Махотка маленька,
Кашка сладенька.

21) *Сито.*

Сивая кобыла
По торгу ходила,
К нам пришла,
По рукам пошла.

22) *Понева.*

От поясницы до ног
Семьдесят пять дорог.

23) *Колесы.*

Четыре брата на свете:
Два меньшие впереди,
Два большие позади,
Спешат, бегут,
Друг друга не догонят.

24) *Лодка.*

Еду, еду,
Следа нету;
Режу, режу,
Крови нету.

25) *Звон колокольный.*

Звонко звякнет,
Утка крякнет,
Сбирайтесь, детки,
К одной матке.

26) *Притолоки.*

Две сестры страдают,
В каморку зазирают,
Взойти не смеют.

27) *Печь, огонь, дым.*

Мать толста,
Дочь красна,
Сын храбер,
Под небеса ушел.

28) *Крестины.*

Под городом под Брянским,
Под дубом под царским,
Два орла орлуют,
Одно яичко балуют.

29) *Зубы.*

Около прорубки
Стоят белые голубки.

30) *Орехи, скорлупа, зубы.*

Стоит крепко,
Висит слабко,
Около их гладко,
У всех есть снасть,
Им же есть сласть.

31) *Часы*.

Стучит, гремит, вертится,
Никого не боится,
Считает свой век,
Сам не человек.

32) *Великий пост*.

Стоит мост
На семь верст,
На мосту столб,
На столбу цвет
Во весь свет.

33) *Дверь с притолоками*.

Двое стоят,
Двое лежат,
Пятый ходит,
Шестой водит.

34) *Звон церковный*.

Выду на вывой,
Ударю во билиберды,
Утешу царя в Москве,
Разбужу короля в Литве,
Мертвеца в земле,
Игуменью в келье,
Малу дитю в колыбели.

35) *Ножницы*.

Два конца,
Два кольца,
Посредине гвоздь.

36) *Игла с ниткой*.

Бежит свинка,
Золотая спинка,
Льняной хвосток.

37) *Хлеб*.

Загадаю я загадку,
Брошу за грядку,
В год пущу,
Годовик рощу.

38) *Ток*.

Дедушка лыс
На небо глядит,
Внучек чернобрыс
По лысине хлыст.

39) *Вилы*.

Шла свинья из овину,
Размыкавши сено по рылу.

40) *Варьги*.

Размых, размых
Малу махнушку,
Пущу белу голышку.

41) *Кочан*.

Стоит попок,
Сам низок,
Сто на нем ризок.

42) *Стол*.

На широком дворе,
На гладком поле,
Стоят четыре попа
Под одною шляпою.

43) *Корова*.

Четыре четырки,
Две растопырки,
Седьмой вертун,
Два стеклышка в нем.

44) *Свеча*.

Сам наг,
Рубашка в пазушке;
Сам бел,
Детки красны.

45) *Жук*.

Черен, да не ворон,
Рогат, да не бык,
Шесть ног без копыт,
Идет – земли не дерет.

46) *Красны*.

Раскинуты тенетки,
Прилетели лебедки,
Трут, мнут,
Раздвинут, воткнут.

47) *Пары водяные*.

Без рук, без ног
Не мал клочок
Кверху ползет.

48) *Веник*.

Стоит Ерофейка,
Подпоясан коротенько.

49) *Рукомойник*.

Над кислой рекой
Колокольчики звонки.

50) *Солнце*.

Из окна в окно
Золото бревно.

51) *Паутина*.

Старик метет по горнице,
Метлы летят по околице.

52) *Лошадь, корова, лодка*.

Прилетели на хоромы
Три вороны;
Одна говорит:
Мне в зиме добро,
Другая – мне в лете добро,
А третья – мне всегда добро.

53) *Котел с водою.*

Под клетом, под наметом,
Стоит бочка с вороньим салом.

54) *Год.*

Один до двенадцати родил,
А двенадцать семь породило,
Из семерых четыре выросло.

55) *Мутовина*.

Стоит ивина
Вся в сучьях.

56) *Книга*.

Идет ни мужик, ни баба,
Несет ни сгибень, ни пирог.

57) *Замок*.

Маленький да гнутенький
Весь дом стережет.

58) *Зеленый лук*.

Сидит баба на грядах,
Вся одежда в заплатах.
Кто ни взглянет,
Тот всплачет.

59) *Коса*.

Маленький да гнутенький
Весь луг обошел.

60) *Перо писчее*.

Сорву косматому голову,
Выну сердце,
Дам пить,
Станет говорить.

61) *Бочка с краном*.

Стоит старик над рекой,
Сам не пьет, других поит;
Воду льет ни ртом,
Ни ковшом, а долотом.

62) *Овин*.

Стоит Мирон,
Полна голова ворон.

63) *Гречиха*.

Черно расколано,
Берет оскомина.

64) *Сон*.

Мила, перемила,
Свои очи надсадила,
Хоть грех, хоть два,
А смерть хочется.

65) *Черемуха*.

Черненька, маленька,
Всему свету миленька.

66) *Вино и похмелье*.

Стоит море
На пяти столбах,
Царь говорит:
«Потеха моя»;
Царица говорит:
«Погибель моя».

67) *Сорока*.

Бела – как снег,
Зелена – как луг,
Черна – как жук,
Поет – как бык,
Повертка в лес.

68) *Горшок*.

Жил нероня,
Умер нероня.

Никто его не хороня,
Ни попы, ни дьяки,
Ни мы, дураки.

69) *Соль.*

На воде родится,
На огне вырастет,
С матерью увидится,
Опять умрет.

70) *Лен прядут.*

Пять овечек стог подъедают,
Пять овечек прочь отбегают.

71) *Табак.*

Не пекут, не жуют,
Не глотают, а все вкусно едят.

72) *Колокол.*

Кричит без языка,
Поет без горла,
Радует и бедует,
А сердце не чует.

73) *Рак.*

Идет в баню черен,
Выходит красен.

74) *Тень.*

Ходит без ног,
Рукава без рук,
Уста без речи.

75) *Деньги.*

Кругло, мало,
Всякому мило.

76) *Комар.*

Остро, нековано,
Коснусь – поколано.

77) *Вишня.*

Сижу на тереме,
Мала, как мышь,
Красна, как кровь,
Вкусна, как мед.

78) *Эхо.*

Живет без тела,
Говорит без языка,
Никто его не видит,
А всякий слышит.

79) *Шиповник.*

Сидит колюка на вилах,
Одета во багрянец,
Кто пойдет,
Того кольнет.

80) *Ум.*

Ни тело, ни дух,
А с крыльями вокруг,
К кому подлечу,
Как раз научу.

81) *Муха*.

Легко порхает,
Сама не знает;
Кто взглянет,
Всякий угадает.

82) *Орехи.*

Росло, повыросло,
Из куста повылезло,
По рукам покатилось,
На зубах очутилось.

83) *Солнечный свет из окна*.

Мету, мету,
Не вымету,
Несу, несу,
Не вынесу.

84) *Рыдван с дышлом*.

Едет орда,
Оглобля одна,
А дуги ни одной.

85) *Коса, трава, копна сена*.

Щука двинет,
Лес вянет,
На том месте город станет.

86) *Корова, ноги, рога, хвост*.

Четыре ходоста,
Два бодоста,
Седьмой хлебестун.

87) *Безмен*.

Сам худ,
А голова с пуд.

88) *Щи*.

Дорогой капитал
Все души напитал.

89) *Репа*.

Кругла, да не девка,
С хвостом, да не мышь.

90) *Люлька*.

Без рук, без ног,
На все стороны клонится.

91) *Птица в клетке.*

Не грешна,
А повешена.

92) *Церковь.*

Клеть плетена,
Она вверх сведена,
Сто рублей дана.

93) *Окошко.*

Дерну, подерну
По белому полотну.

94) *Месяц*.

Сивый жеребец
Под вороты глядит.

95) *Корзина*.

Висит баба на грядах,
Вся в заплатах.

96) *В огороде рожь.*

Косо, не прямо,
Куда ты идешь?
Тебя стерещи,
Зелено, кудряво,
Тебя стерещи.

97) *Игла*.

Маленький, сухенький
Всех одевает.

98) *Задвижка*.

У нас, у вас
Поросенок увяз.

99) *Имя*.

На воде не тонет.
На огне не горит,
В земле не гниет.

100) *Вилы*.

Бегуньки бегут,
Скрыпульки скрьшят,
Роговатики везут,
Маховатики колотят.

101) *Решето.*

Дыр много
Вылезть некуды.

102) *Сопли.*

Бедный на земь кидает,
Богатый с собой сбирает.

103) *Почта.*

В городах рубят,
В деревню щепки летят.

104) *Глаза.*

Брат с братом
Через дорожку живут.
Один другого не видят.

105) *Ложки к чашке щей.*

Бегут голубочки
К одной пролубочке.

106) *Кочан капусты.*

Лапик на лапику.
А игла не была.

107) *Письмо.*

Белое поле,
Черное семя,
Кто его съест,
Тот разумеет.

108) *Сердцевина древесная.*

Равен со светом.
А свету не видит.

109) *Перо.*

Чего через избу не перекинешь?

110) *Дрова.*

Чего к избе не приставишь?

111) *Вода в решете.*

Чего кругом избы не обнесешь?

112) *Береза: 1. лучина; 2. сок; 3. веник; 4. береста для оплетения горшка.*

С одного дерева
Да четыре угодья:
Первое – от темной ночи свет,
Второе – некопаный колодец,
Третье – старому здоровье,
Четвертое – разбитому связь.

113) *Серп.*

Маленький, горбатенький –
Все поле проскакал.

114) *Ночвы, лоток.*

Лежит свинья
О двух рылах.

115) *Веник.*

Под лавкой гудок,
На полу гудок,
Наиграется гудок,
Сядет в уголок.

116) *Лапти.*

В лес иду клетки.
Из лесу иду клетки.

117) *Вино.*

Стоит голенище,
В голенище суслое масло.
Смелость, бодрость
И смерть недалеко.

118) *Блоха.*

Милой мой,
Спит со мной,
В трауре ходит,
Не знает по ком.

119) *Чужой ключ.*

Стоит Сидора,
Просит стоя,
Мой кулик велик,
А дыра мала.

120) *Бедность.*

Ни дров, ни свечей,
Чем истопить печей,
В правом сочельник,
В левом чистой понедельник.

121) *Блины.*

По плешивому хлопну,
На плешивого капну,
Выну сто холстов,
На сто концов.

122) *Жернова.*

Два барашка грызутся,
Промеж их пена валит.

123) *Масло коровье.*

Желтенька собачка
В промежуточке лежит.

124) *Молоко.*

Чиста да не вода,
Клейна да не смола,
С трудом достают,
У кого нет – раздают.

125) *Лук.*

Возьму я зелье,
Брошу в землю,
Как вверх побежит,
Тут его буду косить.

126) *Дерево.*

И летом весело,
И осенью сытно,
И зимой тепло.

127) *Петух.*

Не княженецкой породы,
А ходит с короной,
Не ратной ездок,
А с ремнем на ноге,
Не сторожем стоит,
А всех рано будит.

128) *Каша.*

Черна, мала крошка,
А угодья много в ней,
В воде поварят,
Ребята съедят.

129) *Ружье.*

Летит орел,
Дышит огнем,
По конец хвоста
Человечья смерть.

130) *Хрящ.*

Собою не орган,
А в зубах играет.

131) *Собака.*

На дворе калачом,
А в избе пирогом.

132) *Прозвание.*

Как не брошу,
Ко всему льнет.

133) *Снег.*

Зимою греет,
Весною тлеет,
Летом умирает,
Осенью оживает.

134) *Блоха.*

Мала, а проворна,
Где бывает,
Там повелевает;
В шатер взойдет,
Богатыря перевернет.

135) *Пирог.*

Возьму пыльно,
Сделаю жидко,

Брошу в пламень,
Будет как камень.

136) *Солнце.*

Чего со стены не вырубишь?

137) *Звезды.*

Взгляну в окошко,
Стоит репы лукошко.

138) *Яйцо.*

Кругла соловейка,
Кто тебя гладил?
Я сама гладка.

139) *Матица.*

Лютая свекровь,
Семейство стережет,
Свекровь рассердится,
Все семейство разбежится.

140) *Огонь от свечи.*

Днем спит,
Ночью глядит,
Утром умирает,
Другой его сменяет.

141) *Хлеб.*

Временем рассеваю,
Временем собираю,
Сам сыт бываю,
И людей кормлю.

142) *Миса с ложками.*

Полно корыто
Людей набито.

143) *Бочонок.*

Без души родился,
Народу пригодился.
Дам пить – пьет,
Попрошу – отдает.

144) *Собака.*

Собой не птица,
Петь не поет,
Кто к хозяину идет,
Она знать дает.

145) *Подарки куме на прощеный день.*

Сем пересем,
Семушку носил,
Травушку купил,
Кумушку дарил.

146) *Квасная кадка в подвале.*

Под полом полом
Стоит бабушка с котлом.

147) *Заслонка печная.*

Двое парятся,
Третий толкается,
Когда открывается,
Вся сласть подымается.

148) *Глаза.*

Сидит птица Салоса,
Без крыльев, без хвоста,
И космата и горбата,
Куда ни взглянет,
Правду скажет.

149) *Яйцо.*

Что в стену не воткнешь?

150) *Ухват.*

Рогат да не бык,
Хватает да не сыт,
Людям отдает,
А сам на отдых идет.

151) *Садиться верхом на лошадь.*

Лезу
По железу
На мягкую гору.

152) *Безмен.*

У деда под крыльцом
Висит дубина с кольцом
Налита свинцом.

153) *Лен.*

Били меня,
Колотили меня,
Во все чины производили
И на стол посадили.

154) *Чело у печки.*

По сторону белец,
По другую белец,
Посередке чернец.

155) *Рукомойник над лоханкою.*

На море невестка колеблется,
На небе деревья дивуются:
Как она, черт, не оборвется?

156) *Топор.*

В лесу идет, светит,
Из лесу идет, светит.

157) *Дверь.*

Елка смахнется,
Все люди оглянутся.

158) *Корец.*

Щука на море,
Хвост на горе.

159) *Уголья в жаровне.*

Полный засечек,
Красных яичек.

160) *Человек.*

Стоят вилы,
На вилах бочка,
На бочке кивало,
На кивале зевало,
На зевале мигало,
На мигале остров,
На острове козы ходят.

161) *Мороз.*

Сам Самсон,
Сам мост мостил,
Без топора, без клинья,
Без подклинья.

162) *Озимь.*

Под мостом,
Под ярустом
Лежит сукно однорядошно.

163) *Комар.*

Летит птица,
Не крылата,
Не горбата,
Носик долгой,
Голос тонкой,
Кто ее убьет,
Человечью кровь прольет.

164) *Дорога.*

А се!
Я разлеглася.
Кабы я встала,
Так небо достала,
Кабы руки да ноги,
Я бы вора связала,
Кабы рот да глаза,
Я бы все рассказала.

165) *Роса.*

Заря заряница,
Красная девица,
К церкви ходила,
Ключи обронила,
Месяц увидел,
Солнце скрало.

166) *Рукомойник.*

Курица с хохлом,
Всякому поклон.

167) *Год.*

Стоит дуб,
На нем двенадцать гнезд,
В каждом гнезде
По четыре яйца,
В каждом яйце
По семи цыпленков.

168) *Ласточка и гнездо.*

Шило,
Мотрошило,
Без углов избу сомшило.

169) *Река.*

Между гор
Бежит конь вороной.

170) *Звезды на небе.*

Рассыпался корабль
По мхам, по морям,
По всем городам;
Не собрать того корабля
Ни князьям, ни попам,
Ни думным дьякам.

171) *Зубы.*

Полно подполье
Белых лебедей.

172) *Дом, бревна, мох.*

На поле на Романове
Стоят кони отобраны.
Пьют воду ключевую,
Едят траву болотную.

173) *Глаза.*

Кругло, горбато,
Около мохнато,
Придет беда,
Потечет вода.

174) *Сапог на ноге.*

Кожана квашонка,
Мутовка мясна.

175) *Мутовка.*

Ходит баран по подполью,
Тычет рогом по уголью.

176) *Груди и дитя.*

Два комка,
Третья лакомка.

177) *Прорубь.*

Шуба нова,
На подоле дыра.

178) *Шитье сапог.*

Сквозь коня и коров
Свиньи лен волочат.

179) *Городьба.*

Три брата
За панибрата.

180) *Вороба для размотки пряжи.*

Четыре сестры
Бегать шустры,
Одна за другой
Не догонят одной.

181) *Скоба в дверях.*

Стару бабу
За пуб да за пуп.

182) *Горшок.*

Вился, родился,
Мучился, кстился,
Пошел, запялся,
Весь мир засмеялся.

183) *Дуга.*

Стану – так выше коня,
А лягу – так ниже кота.

184) *Мельница.*

Залаяла собачка
На Мурманском,
Заревел медведь
На Романском,
Затопали кони
На Кириловом поле.

185) *Хлебы в печи.*

В печурке
Две чурки,
Два гуся, две утки,
Два тетерева.

186) *Вьют веревки.*

У нашего Дениса
Сломилась ось.
И таратайка брось.

187) *Пряжа с куделью.*

По локоть горбато.
По локоть мохнато,
По локоть в кулак ушло.

188) *Гром.*

Мотовило,
Котовило,
По поднебесью ходило,
Всех устрашило.

189) *Птичье гнездо.*

Без рук, без топоренка
Состроена избенка.

190) *Оконница*

Полосы оловянны,
А межи деревянны.

191) *Ружье*

Дудка, дуда,
На дудке дыра,
Дуда затрещит,
Свинья убежит.

192) *Хлеб.*

Комовато, ноздревато,
И губато, и горбато,
И тяскло, и кисло,
И пресно, и вкусно,
И красно, и кругло,
И легко, и мягко,
И твердо, и ломко,
И черно, и бело,
И всем людям мило.

193) *Снег, земля, ветер.*

Отцова сундука не поднять,
Сестрина точива не сорвать,
Братнина коня не поймать.

194) *Глаза.*

Возжечки не долги,
Не коротки,
Круг поля встали,
А круг головы не достали.

195) *Овод.*

Летит по-птичьи,
Ревет по-бычьи.

196) *Ночь.*

Не стукнет,
Не брякнет,
Ко всякому подойдет.

197) *Сенокос и стога.*

Щука конура
По леса губила,
Леса пали,
Горы встали.

198) *Месяц.*

Шел я мимо,
Видел диво,
Висит котел
О девяносто ведер.

199) *Век человеческий.*

Стоит столб,
На столбе цветы,

Под цветом котел,
Над цветом орел,
Цветы срывает,
В котел бросает,
Цветок не убывает,
И в котле не прибывает.

200) *Ведро с коромыслом.*

Двое купаются,
Третий дивуется.

201) *Рукомойник.*

Села уточка на вяз,
Кто попросит, тому даст.

202) *Берега и лед.*

Оглобли остались,
А дровни помчались.

203) *Веник.*

Днем курица ребрится,
А к ночи в угол садится.

204) *Игла.*

Маленька боярынька
Весь мир покручает.

205) *Змей и ружье.*

Ползло зло,
Зло схватилось,
У зла жизнь прекратилась.

206) *Год, месяц, неделя, день, ночь.*

Вырос куст из четырех мест,
На том кусту двенадцать гнезд,
В каждом гнезде по четыре синицы,
У каждой синицы по четырнадцать яиц:
Семь беленьких да семь черненьких.

207) *Небо и земля, солнце и месяц, день и ночь, огонь и вода.*

Двое стоячих,
Да двое лежачих,
Да два озорника,
Да два разбойника,
Разорителя.

208) *Веник.*

Маленький, горбатенький,
Весь пол обегал.

209) *Кисель гороховый.*

В печь понесут жидко-горячо,
Из печи несут густо-холодно.

210) *Плотина, вода, работа.*

Замок водяной,
Ключ древяной,
Заяц ушел,
Ловец утонул.

211) *Пост, мясоед, Пасха.*

Полдуба сухого,
Полдуба сырого,
Да макушка золотая.

Варианты русских народных загадок

Для 14.

Шла коза из Питера,
Вся спина истыкана.

Для 30.

Кругом гладко,
В середке сладко,
На ту сласть
У всех есть снасть.

Для 34.

Взойду я, взойду на гой, гой,
гой.
Ударю я, ударю во бирюль,
рюль, рюль.
Утешу я, утешу Царя в Москве,
Царя в Москве, Короля в Литве.

Выйду я, на гой, гой, гой,
И ударю я гой, гой, гой!
Разбужу Царя в Москве,
Короля в Литве,
Старца в келье,
Дитю в колыбели,
Попа в терему.

Для 36.

Штучка одноручка,
Носичек стальной.
А хвостик льняной.

Для 37.

Загану загадку,
Кину чрез грядку,
Год я жду,
Годовик возьму.

Для 58.

Стоит чудо
В семи углах,
Кто не взглянет,
Тот заплачет.

Для 98.

Клеть плетена,
Вверх ведена,
На сто углов,
На полтретьяста рублев.

Для 108.

С лесом равен,
А не видно его.

Для 129.

Летит птица орел.
Несет в зубах огонь,
Поперек хвоста
Человечья смерть.

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРИТЧИ

Горшок

Взят от земли, яко Адам,
Ввержен в пещь, яко три отрока,
Посажен на колесницу, яко фараон,
Повезен на торжище, яко раб,
Продан за две лепты, яко хворост,
Пострадал от братии, яко Иосиф,
Вывезен на дорогу, яко зелие страдное,
И повержен в ров на посмеяние, яко Даниил.
Шла некая вдовица, зело убогая,
Подняла его и принесла в дом,
Облекла его в пеструю одежду,
Дала пить, и стал жить.

Притча Дария, Царя Персидского

И поведа Царь Перский притчу во все страны:

«Стоит щит, на щите сидит заяц; прилетел сокол и взял зайца; прилетела сова на щит и села вместо зайца».

«Аще вгадаете, людие, мою притчу, дам вам три кади злата и сребра». И не вгада сию притчу ни един от человек. Прииде бес о едином оке, поведая всем сущим на земле: «Поведаю притчу вам, людие, за кадь сребра и злата». И приступиша людие к бесу. И глагола им бес о едином оке:

«Щит бо – есть земля; на щите сидит заяц, то есть правда на земле; прилетел сокол и взял зайца – то взята правда с земли на небо; прилетела сова вместо зайца на щит – то села на земле кривда».

Послаша людие к Дарию, глагола: «Се ответ наш!» И присла Дарий людям три кади злата и сребра.

И почаша людие делити злато и сребро по кадям, а бесу зде предстоящу. Насыпаша людие едину кадь злата и рекоша бесу: «Се наша кадь есть». – «Добро есть ваше, людие»,– отвещава им бес. Насыпаша людие другую кадь злата и рекоша бесу: «Се наша

кадь есть». – «Добро есть ваше, людие», – отвещава им бес. Насыпаша людие едину кадь сребра и рекоша бесу: «Се наша кадь есть». – «Добро есть ваше, людие», – отвещава им бес. Поделиша людие добро: ов злато взя, ов сребро. И ничто же остася бесу. И обратиша людие кадь, сущу пусту, вверх дном, и посыпаша златом дно, и рекоша: «Се твое есть добро». Видя бес толику хитрость, отвещава: «Кривду деете, людие». И рекоша людие: «Кривой бес! сам рек еси ты, что взята бысть правда на небо, а зде кривда остася».

Трое

Батька с сыном, да батька с сыном, да дедушка со внуком. Много ли стало?

Четверо

Мать с дочкой, муж с женой, бабушка со внуком, отец с сыном. Много ли стало?

Кум

Здравствуйте, братцы, моей жены детки. Кланяйтеся своему отцу и моему отцу; скажите, что его жены муж пришел.

Сын

Шуринов племянник, какая зятю родня?

Замыслы

Звал Ячмень Пшеничку: «Пойдем туда, где золото родится; мы там будем с тобою водиться». Пшеничка сказала: «У тебя, Ячмень, длинен ус, да ум короток; зачем нам с золотом водиться? оно к нам само привалится».

Благоразумие

Шел мужик. Навстречу ему идут мужики: Солнце, Ветер и Мороз. Мужик мужикам поклонился, посеред дороги становился. После того мужик снял шапку долой, да и Ветру поклон. Солнце сказало: «Постой, мужик, вот я те сожгу!» А Ветер молвил: «Я тебя не допущу». Мороз промолвил: «Постой, мужик, я те заморожу». А Ветер молвил: «Я тебя отдую».

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРИСЛОВЬЯ

Кабы тот приговор
Да тебе во двор.

Народные предания о старой русской жизни сохранили нам и быт семейный, и заповеданные тайны наших отцов. В старые времена наши деды жили просто, без затей, жили по-своему, не зная, что делается в другом городе, не заботились о том, что говорят о них другие люди. Такая жизнь в свою очередь сопровождалась приключениями, и что ни город, то был норов. Смешное и любопытное резко разграничивалось и выставлялось напоказ. В делах домашних, где не касалось чужих людей, где каждый думал и гадал о себе, все было скрыто; но когда дела выходили из обыкновенного круга, тогда они были общественными, явными во всей Русской земле. Тогда-то заповедные тайны разглашались повсюду, как укоризна, как городское посмешаще. Из этого источника родились народные присловья.

В наше время трудно доказывать, когда начались в Русской земле народные присловья. Народные предания указывают только, что они когда-то существовали в Русской земле. Предания не История, указывают на былое, но не назначают времени. Достоверность их не подвержена сомнению. То, что переходит столетия без изменений, что говорит, былое без преувеличений, всегда справедливо. Таковы предания.

История нашей Родины указывает нам, что междоусобные войны удельных князей доводили города до непримиримой вражды: ожесточение и ненависть превосходили тогда всякое вероятие. Обратите внимание на войны москвичей с новгородцами, рязанцами и тверянами, когда народная ненависть управляла духом войны, и вы найдете в них источники народных присловий. В эти-то несчастные времена озлобленные, бессильные горожане выдумывали присловия про другие города. «У них сильный князь и защита крепкая», – говорили старики, когда им рассказывали о тишине другого города. «Да можно им жить с татарами в ладу, имея в кладовых награбленное богатство», – говаривали тверитяне, стесненные поборами, не могшие удовлетворять татарских баскаков, как Рязань и Москва. Городские ожесточения начинались всегда с того времени, когда дьяки приезжали с разменными грамотами. Нарушение мира предоставляло полную свободу горожанам доискиваться чужих пороков.

В наше время народные присловья принадлежат уже истории. Народные предания сохранили их как былое, как когда-то волновавшее сердца наших предков. Смешно было бы, если мы принимали их за современный нам быт, когда они не только не принадлежали нашей жизни, но и всему нашему времени. Нельзя уже верить, что ослепленное самолюбие могло еще дорожить ими и усваивать их в своей местности: для них время прошло. История чуждается всяких мелочей, равнодушно смотрит на ослепление современника и одну быль передает потомству. Для народных присловий давно наступило потомство.

Не я первый принялся за обозрение народный присловий; задолго до меня были люди, старавшиеся приурочить их к истории. В XVIII веке рассказывал о них моим сородичам Березайский в анекдотах пошехонцев, в XIX – И. М. Снегирев в своих «Пословицах». Оба они глядели на этот предмет с различных точек зрения, и каждый из них достиг своей цели. Я же, что слышал про старину от стариков, то и рассказываю для будущих времен.

АРЗАМАСЦЫ

Гусятники.

АРХАНГЕЛЬЦЫ

Моржееды. – Иванович, Иванович! Слезь с крыши; я к тебе приехала.

Жена какого-то архангельского поселянина, соскучась по мужу, решилась искать его в Петербурге. Зная, что ее муж промышляет кровлею крышек, она не спрашивала его в дворах и домах, а высматривала все по крышам. Вдруг ей показалось, что на одной крыше стоит ее муж. «Да, это он, точно он, как живой стоит»,– думает она. «Иванович, Иванович! Слезь с крыши; я к тебе приехала». Проходящие будто едва могли уверить, что на крыше стоит не муж, а статуя.

БОЛХОВИТЯНЕ

Рака с звоном встречали. Вот воевода к нам ползет, щетинку в зубах несет.

БОРИСОГЛЕБЦЫ

Кислогнездые.

Большая часть жителей Борисоглебска состояла прежде из скорняков и клейщиков. Дома и дворы их, наполненные сими фабричными заведениями, издавали самый неприятный запах. Прохожие, проходя Борисоглебск, с досады говаривали: «Кислогнездые!» Ныне этот попрек совершенно уничтожился, и осталось одно предание.

БОРОВИЧИ

Луконики. – Луку, луку зеленого!

Поселяне Боровского уезда искони занимались огородною промышленностью и осенью, проезжая по селениям с своими товарами, кричали во услышание всех: «Луку, луку зеленого!»

БРЯНЦЫ

Куралес. – Брянская коза.

В старину брянские поселяне считались странными людьми у наших стариков. Бывало, поедут ли на торг, а приедут или к кружалу, или на гумно. В этом виноваты были их лошадки, а поселянин, как выезжал из двора, так уже спокойно засыпал. Проезжие, видя их беспечность, прозвали их куралесами.

БЕЖЕЧАНЕ

Колокольню рожком подколотили.

В незапамятное время, по рассказам стариков, поселяне Бежецкого уезда были страстные охотники до табаку и держали его в роге. Когда же хотели нюхать табак, то вынимали рожок и били им о ладонь или сапог. Кажется, что этот попрек приписали бежечанам раскольники, гонители табака.

БЕЛОЗЕРЦЫ

Белозерские снетки.

Известные белозерские снетки, продаваемые по русским городам, доставили белозерцам его прозвание.

БУЕВЦЫ

Буй да Кадуй черт три года искал, а Буй да Кадуй у ворот сидел. – Буй-городок, отбей кошелек. – Домоседы. Лесники.

Есть народное предание, что когда-то татары хотели разорить город Буй; но, не зная к нему дороги, шатались из леса в лес. Буевцы, смеясь татарским баскакам в Москве, говорили им: «Буй да Кадуй черт три года искал, а Буй да Кадуй у ворот сидел».

ВАЛДАЙЦЫ

Колокольники. – Молодец, купи баранок, а поцелуй в придачу.

ВАРНАВИНЦЫ

Медовики.

ВЕТЛУЖАНЕ

Санники. – Санник да тележник, а выехать не на чем.

ВИЛЬЯНЕ

Кто в Вильне не бывал, тот чудес не видал. – В Вильне семь дорог для жида, да три для поляка.

ВИТЕБЦЫ

Волынка и гудок, сбереги наш домок; соха и борона, разорили наши дома.

ВИЧУГОВЦЫ

Салфетошники.

ВЛАДИМИРЦЫ

Клюковники. – По клюкву, по клюкву, по красную клюкву.

Многие из владимирских поселян хаживали зимою по городам с клюквою и причитывали разные присказки о своей клюкве. Горожане подметили их слова и обрекли в попрек.

Собирались кулики, на болоте сидючи, они суздалъцы и володимирцы, и волынка и гудок.

Это присловье составилось из народной песни в селении Гуслицы про владимирцев.

Деревянные печи, золотые вороты, железные церкви.

Есть народное предание, что владимирцы приехали когда-то в Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвальбы володимирские, да с досады и говорили: «Ох вы, плотники! У вас и всего-де: деревянные печи, золотые ворота, железные церкви». Деревянная печь действительно находилась в старом архиерейском доме близ Успенского собора; золотые владимирские ворота получили свое название от золотой главы; железная церковь, стоявшая там близ Рождественского монастыря, уничтожена была в конце XVIII века.

ВОЛОГЖАНЕ

На словах, как на масле, а на деле, как на Вологде.

ВОЛОГОДЦЫ

Теленка с подковой съели. – Толоконники. – Толокном Волгу замесили.

Старинная сказка о вологодцах – как они толокно месили в Волге – доселе сохраняется в народных преданиях. Говорят, что когда-то они собрались в дорогу и взяли с собой вместо хлеба толокна. Подходят к Волге; время было обеденное. Вот и расположились на берегу обедать. Кашевар вынул мешок с толокном и стал разводить дежень в Волге. Мешал, мешал ложкой и стал потчевать земляков. Взяли ложки дружно вологодцы, принагнулись и полезли в Волгу за деженем. Попробуют – вода водой. Где дежень? Никто не знает, не ведает. Пристали к кашевару. Бедный, сколько ни уверял, а должен был, опустясь в Волгу, отыскивать толокно. Опустится на дно Волги и вынырнет ни с чем. Земляки не пускают его на берег. Догадался кашевар, что делать, а догадавшись, сказал: «Водяной съел». «На водяном не будешь отыскивать», – сказали вологодцы и воротились обедать в свою деревню. Ведь не голодным же было идти в путь?

ВЯТИЧАНЕ

Вятская баталия. – Слепороды. – Вятка всему богатству матка.

Вятская баталия, говорят, происходила между вятичанами и морским чудовищем. Неизвестно, кто эту баталию перенес на лубочные картинки.

Слепородами вятичан прозвали после несчастной их битвы с устюжанами. Это было в 1480 году, когда к ним они пришли, как соседи, на помощь против татар. Вятичане открыли сражение против устюжан ночью, под предводительством Михаила Рассохина, а устюжанами управлял новогородский выходец Анфал. С рассветом дня увидели они, что били своих соседей, а не татар.

ВЫТЕГОРЫ

Камзольники.

ГАЛИЧАНЕ

Корову на баню тащили. – Город Галивонь, озеро Миронь, а люди кривичи. – Овчинники. – Толокно веслом в реке мешали, а толокна не достали.

Галичан наши деды называли кривичами, по их хитрости и оборотливости в торговых делах. Сказка о толокне почти одинаковая с вологодскою.

ГЛУХОВЦЫ

Попушный табачок.

ДАНИЛОВЦЫ

Любимые ловцы даниловцы невыдавцы. – Кошкодавы: кошку не купили, а на базаре задавили.

ДЕДНОВЦЫ

Макары.

Есть народное предание, что дедновцы Рязанской губернии отправили своего старосту с выборными людьми от всего мира встретить Петра Великого с хлебом и солью. Государь, принимая от них приношение, спросил старосту об имени. Староста огласил себя Макаром. Государь сказал: «Хорошо».

Потом спросил и других об имени. Дедновцы будто вообразили, что имя старосты их понравилось царю, все до одного назвались Макарами. Государь, смеясь, сказал: «Будьте же вы все Макарами». С тех пор дедновцы слывут Макарами.

ДМИТРОВЦЫ

Лягушечники.

Болота, окружающие Дмитров, всегда бывают наполнены лягушками. Прохожие и проезжие, проезжая чрез сей город, бывали оглушены кваканием лягушек и в негодовании прозвали и самих жителей лягушечниками.

ЕГОРЬЕВЦЫ

Сам нож точит, а говорит: не бось! – Рудометы.

ЕЛЬЧАНЕ

Сычужники. – Радуга ушат воды выпила. – У нас, в Ельце, на Сосне реце, курица втенка (утенка) вывела.

Одна ельчанка когда-то летом поставила на дворе ушат воды, чтобы солнышко нагрело воду, а сама занялась хозяйством. В это время пришла корова и выпила воду. Приходит сын с базара. Мать посылает его посмотреть воду. Сын выходит на двор и видит: воды нет, а радуга распространилась над ушатом. Вот он и кричит своей матери: «Матушка, матушка! Радуга ушат воды выпила».

ЕФРЕМОВЦЫ

В кашеле кашу варили.

Ефремовцы зимою ходят с обозами в Москву, и всю съестную провизию кладут в лычные, плетенные кашели. Когда-то у них вышел весь запас каши, а без каши, известное дело, мужику жить нельзя. «В чем же варить? Где горшок взять?» – думали мужики, собравшись в кружок. Вот и придумала одна умная голова: «Будем же, ребята, варить кашу в кашеле». Сдуманное дело тут же затеялось. Нальют воды в кашель, засыпят круп, посмотрят: крупы целы, воды нет. Снова нальют воды, а вода опять

пропадет. Выбились ефремовцы из сил. Вот и придумала одна умная голова: «А що, ребята, неволить себя! будем варить кашу без воды?» Сдуманное дело тут же затеялось. Разложили огонь, повесили над ним кашель, а сами пошли спать на воза. Соснули по-русски, вспомнили про кашу, да и все пошли к огню. Приходят – нет ни каши, ни кашеля – все сгорело. Головотяпы.

ЗАДНЕПРОВЦЫ

Задрипанцы.

Так киевляне в старину величали запорожцев за их неопрятность.

ИВАНОВЦЫ

Богат и хвастлив, как ивановский мужик.

КАДУЕВЦЫ

Кадошники.

КАЗАНЦЫ

Казань прогребли и орду прошли.

КАЛУЖАНЕ

Калужанин поужинает, а туляк так ляжет. – Щаголь-ники: щагол щаглует на осиновом дубе да воскогурнет: ткау! ткау! – Наша Калузя Москвы болей не болей, а калачами да квасом удалей. – Козла в тесте соложеном утопили.

Говорят, что старые калужане, сбираясь когда-то в дорогу, дожидались благоприятной погоды. Сбираться русскому мужику недолго; другое дело бабьи сборы. Скоро собрались мужики калужане. Всякий гадал о погоде по-своему. Вот досталось одному по жеребью посмотреть: куда дует ветер? Выходит на двор, ветра нет; идет на улицу, ветра нет; подходит к погосту, сидит ворона на осиновом дереве и кричит. Тут мужик вспомнил приметы старых людей и бежит к избе с криком: «О ребята, буде, буде ведрышко. Щагол щаглует на осиновом дубе, а воскогурнет: ткау! ткау!»

КАЛЯЗИНЦЫ

Свинью за бобра купили. – У нашего Макарьи по три деньги Натальи, а грош дай, любую выбирай.

КАШИНЦЫ

Собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Когда-то кашинцы собрались поохотиться. Сборы были долги: да зато собрались всем городом. Вот и спрашивают друг у друга: что бить? что ловить? Мир придумал, пригадал: бить волков. Далеко ходить было некуда; лес рос под ногами. Стали по облавам и ждут зверя. Бежит зверь немудрый. Кашинцы вскрикнули, разом подняли дубину, да и давай мочалить зверя. Лежит зверь убитый, а какой? Тут только мир спознал, что убита воеводина собака. С воеводой даром не сладишь; собрали со всех дворов окуп, да и помирились с ним.

КАШИРЦЫ

Шапку долой. А що? Глянь: все бо бояре.

Каширские поселяне, проезжая с барщины по Каширской дороге, повсюду встречали избы с трубами, ворота с растворами, сани с козырями, точь-в-точь как на барском дворе. Староста Артема отдал приказ мужикам: «Когда въедут в таку деревню, то снимать всем шапки». Староста был мужик смышленый и догадливый; он прежде слыхал, что в таких деревнях живут только господа, и потому-то велел мужикам снимать шапки. Лишь только въедут в деревню, мужики уж друг другу кричат: «Шапку долой. А що? Глянь: все бо бояре». После открылось дело, что в таких деревнях жили не бояре, а однодворцы.

Про каширских однодворцев в народе известна старинная сказка. Когда-то однодворцы провинились перед чертом. Черт, собравши виноватых со всех деревень, положил их в решето да и понес на базар продавать. Известное дело, что он не ходит, не ездит, а только летает. Поднялась буря. Черт давай разгонять бурю. В это время решето повернулось, а однодворцы посыпались на каширские поля. С тех пор, говорят, они живут там целыми селениями.

КАПОРЦЫ

Крошевники. – Капорское крошево и кисло, и дешево.

КАРГОПОЛЬЦЫ

Чудь белоглазая. – Сыроеды.

КИЖАНЕ

Золотую грамоту просили.

КИМРЯКИ

Петуха на канате кормили, чтоб на чужую землю не перешел.

КИНЕШЕМЦЫ

Суконщики. – Кинешма да Решма кутит да мутит, а Сологда убытки платит.

КЛИНОВЦЫ

Лапотники.

КОСТРОМИЧИ

Лучше бы три раза погорела, чем раз овдовела. – Костромичи в кучу, ярославцы прочь; они на руку нечисты; лапти растеряли, по дворам искали: было шесть, сыскали семь.

КОЛОГРИВЦЫ

Дегтярники.

КОЛОМЕНЦЫ

Чернонебые.

КРАПИВЕНЦЫ

Сено с колокольным звоном встречали, а воеводы не видали.

Прослышали крапивенцы, что с Соловы поднялся к ним воевода. Нарядились миряне в праздничные кафтаны и сели по лавкам. А чтобы знать, когда встречать воеводу, то послали

десятского на колокольню, с наказом: «Как будет подъезжать воевода, звони». Заклубилась пыль по дороге. Десятский затрезвонил. Вышли миряне с хлебом-солью. Глядят: едет мужик с сеном. Ему-то миряне и ударили челом.

КРОМЛЯНЕ

Живет в кромах в разных домах.

ЛАДОЖАНЕ

Щуку с яиц согнали.

ЛУГОВЦЫ

Разносчики.

ЛИВЕНЦЫ

Саламатой мост обломили.

В какое-то незапамятное время приехал в Ливны на воеводство воевода. Ливенцы наварили саламаты по горшку с двора и повезли в подарок воеводичу. Поехал обоз с саламатой по мосту, а мост, некрытый, нешитый, из тычинок собранный, хворостом прикрытый, под саламатой провалился.

ЛИХВИНЦЫ

Лихвинские горы да новосильские воры злее всех.

ЛЮБИМЦЫ

Козу пряником кормили. – Водохлебы. – Не учи козу, сама стянет с воза, а пречиста рука все причистит. – Двенадцатый час, а матушка с миру не бывала.

В старину любимские поселяне не живали дома, а переселялись в подносчики по кружалам и харчевням, где они, как страстные любители чаю, получили прозвание водохлебов и бухвалов.

В незапамятную старину двое любимских поселян собрались покататься на масленице. Заложили лошадь в сани. У обоих были одни сапоги, да и те надели на разные ноги. Выехала

лошадь. Дуга золоченая, сбруя ременная, лошадь некормленная. Едут да остановятся: будто конь из хомута вон, будто конь горяч; а конь от голоду ни с места и без хомута. Принялись мужики за кнутья: под гору бьют в четыре кнута, а с горы в десять. Конь все стоит тут же.

МАЛОРОССИЯНЕ

Мазепинцы. – Хохлы. – Чубы. – Хохол глупее вороны, а хитрее черта. – Москаль продал с хохла пояс на ярмарке за три деньги, а хохол в придачу пошел ни за калач, ни за денежку. – Цап ведет сто баранов на базар, а татарин сто хохлов в Крым. – Что вы за люди? Мы бо не люди, а малороссияне. Казак, коли ни пье, так воши бье, а все-таки не гуляе.

МОЖАЙЦЫ

Можайский ветер.

Москвичи доселе так величают можайских поселян людьми ветреными в торговых делах. Кажется, что это присловье дано было можайцам еще в старину, когда они переходили от москвичей к Шемяке и полякам против князя Василия Васильевича Темного.

МОСАЛИ

Гуторы: гуторили, гуторили, да и загуторили воеводу. – Матушка Заугра! Не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то мосали отправили целым миром своего старосту Гаврюшку проведать в Москву: почему православные принимают людей на заработки? Староста выехал на санях, прямо по реке Угре. Время было на ростопели; река Угра поднималась из берегов. Староста долго не думал: сел в сани, махнул кнутом по лошади, да и въехал прямо на льдину, а мосали провожали его всем миром. Вдруг вода поднялась из берегов; икры пошли за икрами; старосту затерло во льдинах. Взахались мосали, припали к берегу и стали голосить: «Матушка Заугра! не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку».

МЕЦНЯНЕ

Амчинина бы те во двор!

Когда-то мецняне, обиженные летом проезжими, вздумали зимой отыскивать виноватых. Летом было не до того им: то сенокос, то жатва. Зимой другое дело: с печи да на полати, с полатей да на печь. Собрались миром и стали толковать: где же искать проезжих? Известное дело: на постоялых дворах. Долго не думали: собрались всем миром на одних санях да отправились в дорогу. Куда ни приедут, везде находят виноватых. Расправа коротка: в кнуты да в дубины. С тех пор мценские дворники не могут равнодушно слушать, когда им говорят: «Амчинина бы те во двор!»

МОСКВИЧИ

Рака с звоном встречали. – Московский час подожди. – С москалем дружи, а камень за пазухой держи. – Москаль не велик человек, да бя (опасен)! – Правда московская. – Москаля верти (обманывай). – Видь москаля, полы срижи, да втекай. – Мать: кто иде? Дочь: Черт. Мать: Добре, дочушка, а бы не москаль. – От черта открестишься, а от москаля дубиной не отобьешься. – В Москве толсто звонят, да тонко едят. – Москва стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а больше деревенского едят. – Вин как намоскалился, що из-пид живаго пьяты режит. – Видно, велик город, что семь воевод. – В Москве недороду хлеба не бывает. – Живет в Москве не в малой тоске. – Два брата с Арбата, а оба горбаты. – С Москвы, с посада, с овощного ряда.

Многие московские присловья принадлежат временам историческим. Так присловье: *Правда московская* вышло от псковичей, когда москвичи взяли Псков, когда они на Москве били челом в своей покорности. *Видно, велик город, что семь воевод* – указывает прямо на Семибоярщину. Другие же выдуманы малороссиянами. Так присловье: *Московский час* подожди – произошло от медленности в делах. Поговорка москвичей: сейчас! – надоела малороссиянам.

МУРОМЦЫ

Калашники. – Вертячие бобы. – Святогоны.

Последнее присловье осталось за муромцами с того времени, когда они выгнали из своего города епископа Василия, в XIII веке.

НЕРЕХОНЦЫ

Село Лупино, Арменки глупые, а Нерехта на ум наставит. – Не бойся по Армейской дороге воров, а бойся в Нерехте каменных домов. – Нерехонтские бегуны.

Нерехонтские поселяне получили прозвание бегунов оттого, что они зимою ходят с безменом по селам покупать пряжу.

НИЖЕГОРОДЦЫ

Бородка нижегородка, а ус макарьевский.

Дома каменные, люди железные. – Татинец да Слопинец ворам кормилец. – Нижегороды не уроды.

Селения Татинец и Слопинец, находящиеся от Нижнего Новгорода в 60 верстах, были в старину опасными местами для проезжающих. Сюда, по народным преданиям, заезжали позабавиться волжские разбойники, о которых ныне остались одни воспоминания.

Другие это присловье изменяют иначе: ус макарьевский – ус астраханец.

НОВГОРОДЦЫ

Долбежники. – Гущееды. – Упрям, как новгородец. – Ты ведь не новгородский дворянин.

Долбежниками москвичи называли новгородцев по их дубинкам, с которыми они в старину ходили на бой. Гущеедами прозвали новгородцев за постное кушанье, во время поста приготовляемое из ободранного ячменя, сваренного в одной воде. В старину хлебосольные москвичи, выговаривая спесивому гостю, что он не приезжал к обеду, говорили: «Ты ведь не новгородский дворянин».

НОВОТОРЫ

Города Коростеня, владыче Олгино, народ кривичи.

В Новоторжске есть близ города городище, а жители, желая оставить за собою старшинство, говорят: «Мы люди старые; прежде были посадские города Коростеня, владенье Олгино, народ кривичи».

Новоторы воры.

Так с незапамятных времен новоторов величают осташи, а новоторы отвечают им тогда на этот попрек: «И осташи хороши!»

ОДОЕВЦЫ

Молодец, молодец! Продай за грош постных яиц!

Когда-то одоевцы приехали в Москву за товарами. Пришло время обеденное, вот они и нарядили молодца – купить все нужное к обеду. Молодец идет на рынок и видит огурцы. Дивится одоевец огурцам, а не знает, как их назвать. «Молодец! что то за товар?» – спрашивал одоевец у москвича. Москаль догадался, что птица налетела заезжая, и давай говорить: «Постные яйцы, снесли птицы заморские, а к нам в Москву приплыли по Москве-реке». «Да! – подумал одоевец. – Теперь Петровки; оно и кстати, куплю же их». И стал торговать: «Молодец, молодец, продай за грош постных яиц!»

ОЛОНЧАНЕ

Олонцы – добры молодцы. – Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съест, тот и молодец. – У нас один молодец съел тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом. – Один молодец ел хлеба мягка, ножа был востра, а как шапка свалилась, на пол покатилась, до реки пихал ногой, а войдя в реку, почуял, что-то лопнуло. «Не брюхо ли лопнуло?» – подумал. Глядит: брюхо цело, ремень лопнул! Голову нагнул и шапку надел.

Все эти старинные присловья остались только в народных преданиях москвичей. Ныне только за олончанами осталось одно присловье: добры молодцы.

ОНЕЖАНЕ

Прохоровы дети. Прохоряты. – *Прохор письмо прислал, а лободырному велел деньги сбирать. – Во всей Онеги нет телеги. – Летом воеводу на санях возили по городу. – На рогах онучи сушили.*

ОРЛОВЦЫ

Проломленные головы. – Орел да Кромы первые воры, да и Карачи на поддачу.

ОСТАШИ

Волчьи объедки. – Ершееды. – Опозорили, опозорили. Да чем оке? Уж и не говори.

ПИНЕЖАНЕ

Покупала по цетыри денецки, продавала по дви грошики. Барыша куца – куцей, а денег ни копиецки.

Одна пинежанская крестьянка приехала когда-то из деревни в город Пинегу торговать рыбою. Накупила товару, продала весь его, да возвратилась домой. Когда муж спрашивал у ней, что она делала в городе, – жена ему отвечала вышеприведенными словами.

ПЕНЗЯНЕ

Сура речка у нас важная, течет потихоньку, донышко у нее серебряное, круты бережка озолоченые.

ПЕТРОЗАВОДЦЫ

Качу лавочку, качу мытной двор, качу свой торжок. – Боску съели. – Боска, боска, на тебе костку!

ПОШЕХОНЦЫ

Слепороды: в трех соснах заблудились. – За семь верст комара искали, а комар у пошехонца сидел на носу. – На сосну лазили Москву смотреть.

О старинных проказах пошехонцев у нас, на Руси, была издана особенная книга: «Анекдоты древних пошехонцев. Соч. Василия Березайского. Спб., 1798». Второе издание было напечатано в 1821 году, с прибавлением словаря. Но это собрание пошехонских анекдотов состоит большею частию из произвольных вымыслов, а часть даже переведена с польского.

ПСКОВИЧИ

Небо кольями подпирали.

Когда-то во Пскове было долго ненастное время, тучи ходили низко, так низко, что православные думали – небо валится на землю. Собрались на мирскую сходку подумать – как бы отбыть беду? Три дня псковичи думали, а на четвертый приладили дело: разобрать городьбы да кольями подпереть небо. Разобрали городьбы и стали с кольями по всем концам города. Наступило ведрушко, прошли тучи. Идет посадский по городу, сам бороду покручивает, на народ поглядывает, посередь площади становится, а сам говорит: «Здорово-те, православные! Отбыла беда; идите по домам».

Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу.

Будто в старину, когда просватывали невесту, мать делала из пояса круг посередь полу, а невеста становилась на лавку. Отец с матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвечать: «Хоцу, вскоцу; не хоцу, не вскоцу». Если она соглашалась, то становилась в круг; а если нет, то начинала плакать.

РЖЕВЦЫ

Батьку на кобеля променяли.

РОМАНОВЦЫ

Схорони концы. – Барана в зыбке качали.

Когда-то в старину один из романовских поселян украл ягненка. Встосковался хозяин по ягненку! «Нельзя жить без него», – всем он говорил. «Наложу руки на себя», – кричала его жена. Сжалились православные над бедняками, ударили в набат. Сошлись миряне на сходку. Вот мир и придумал: идти

с повальным обыском по домам, а как виноватого найдут – так без пощады в реке утопить. Приходят к вору с обыском. Романовец, прослыша про мирской приговор, спеленал ягненка и положил в колыбель. Входят миряне. Романовец качает барана, будто свое дитя. «А где, родимый, ты спрятал-то барана?» – говорили ему старики. «Вот вам правая рука! даю чрез милое дитя, и чтобы ему с матерью на ноже поторчать», – отвечал романовец старикам.

РОСТОВЦЫ

Вислоухие. Лапшееды. – Озеро соломой зажигали. – У нас-ти, в Ростове, чесноку-ти, лука-ти много, а навоз-ти все коневий.

Вислоухими старики прозвали ростовцев за зимнюю шапку с длинными ушами; лапшеедами – за любимое их кушанье, лапшу.

Когда-то в Москве понадобилось много рыбы. Послали батраков с наказом по городам: свозить рыбу в Москву. Такие прибыльные вести дошли до Ростова. В то время на дворе стояли крещенские морозы. Озера все замерзли. Думают ростовцы: где же взять рыбы? Не стать из снегу валять. Думали день – не придумали; на другой собрались и порешили: снять с крыш солому, да соломой и растопить озеро. Снесли солому с крыш и принесли на озеро. «Ну, ребята, –говорит староста, – зажигай на счастливую!» Запылала солома, что твой Иванов день. Озера не растопили, только деревню спалили.

РЯЗАНЦЫ

Кособрюхие. – Мешком солнышко ловили. – Блинами острог конопатили.

Когда-то рязанцы воевали с москвичами. Сошлись стена со стеной, а драться никому не хочется. Вот москвичи и догадались: пустить солнышко на рязанцев: ослепнут, де, они: тогда и без бою одолеем их. Засветило солнышко с утра, а москвичи и стали махать шапками на рязанскую сторону. Ровно в полдень солнце поворотило свой лик на рязанцев. Догада-

лись и рязанцы: высыпали из мешков толокно и стали ловить солнышко. Поднимут мешки вверх, наведут на солнышко да и тотчас завяжут. Поглядят вверх, а солнышко все на небе стоит как вкопанное. «Несдобровать нам, – говорили рязанцы, – попросим миру у москвичей; пускай солнце возьмут назад». Сдумали и сделали.

Когда-то прогневался воевода на рязанцев и грозил им большой бедой. Проходит год, проходит два; а воевода все не выдумает большой беды. Наступила Масленица. Запировали рязанцы. Бьет воевода в набат; сбираются православные на базар. Идет воевода –не кланяется, а подошел к людям, молвил: «Вы, де, и забыли, что острог не замшен. Конопатить скорей». До того ли рязанцам было; у всех одно на уме: блины. Вот и придумали мужики: всех блинов не поедим; пост на носу. Законопатим острог блинами. Сдумали и сделали. Идет воевода смотреть острог. Смотрит: везде крепко. «Давно бы так-то, – говорил воевода рязанцам, – слушались меня».

СЕРПУХОВЦЫ

Дядя едет из Серпухова, бороду гладит, а денег нет.

СИБИРЯКИ

Сибирь Золотое Дно.

СМОЛЬЯНЕ

Якой губерни? Смоленской. Якого уезда? Города Драгобужска. Якой волости? Демьяновой посады. Якого села? С Ивановой усадьбы. Якого барина? Про то не ведам.

СОЛИГАЛИЧАНЕ

Бревенщики. – Известняки.

СПАСЦЫ

Откуда ты, молодец? Спасский купец. Чем торгуешь? Красным товаром: сальными свечами и чистым дегтем.

СТАРИЧАНЕ

Петуха встречали с хлебом с солью.

Прослышали старичане, что в их город Старицу идет грозен посол. «Надо умилостивить грозного посла», – говорили старики на мирской сходке. «Вы, люди старые, придумайте, пригадайте, а мы, молодые, не прочь от вас». Придумали старики: напечь пирогов с яйцами и идти за город с поклоном на встречу к послу. По сказанному, как по писаному, все было сделано. Прибежали ребята с поля, поведали всем: «Пришел грозен посол; стоит у города; шуба навыворот; сам низенек, а поперек о пяти охват, словечка не молвит, а шипит только». То не грозен посол подходит к Старице, а залетел индейский петух. Вышли старичане встречать грозна посла. Встречали по-старому, все без шапок, а старики говорили петуху: «Вот тебе пирог и яйцы, не погуби наш город Старицы».

СТАРОРУСЦЫ

Лошадь съели, да в Новгород писали, чтоб еще прислали.

СУДИСЛАВЦЫ

Грибовики.

СУЗДАЛЬЦЫ

Мизенники. – Мазалы.

В Суздале да в Муроме Богу помолиться, в Вязниках погулять, в Шуе напиться.

ТАМБОВЦЫ

Молоканы. – Хрептуки степные.

ТВЕРИТЯНЕ

Рапушники. – Забегай, забегай! А что? Не видишь, что куница бежит. Это собака с Клементьева двора. Ну, так пускай себе бежит. – Новоприведенная девонька. – Цуканы.

ТИХВИНЦЫ

Свято то место, где тихвинца нет. – Козу на колокольню тащили.

ТОРОПЧАНЕ

Таботеры. – Торопчанина обманет цыган, цыгана жид, жида грек, а грека черт.

Говорят старики, что такое новогородское присловье о торопчанах разошлось из Новгорода по всем городам, когда цыган выменял лошадей на лапти во всем Торопце.

ТРОИЧАНЕ

Поляки с пушками, а мы с клюшками. Это относится к осаде Троицкой Сергиевой лавры при тушинском самозванце.

ТУЛЯКИ

Стальная душа. – Блоху на цепь приковали. – Бачика, присядь, присядь, чижи летят. – Хорош заяц, да тумак; хорош малой, да туляк. – Живет в Туле да ест дули. – Бей челом на Туле, ищи на Москве.

Очень-очень давно было, когда тульские оружейники занимались разными проказами, а этого времени, по всем расспросам, никто уже не помнит: тогда, говорят старожилы, они любили сидеть под мостом и встречать проезжих гостей. В эти-то времена они заслужили себе присловье: «Хорош малой, да туляк».

В старину тульские оружейники бывали большие охотники до чижей и соловьев. С начала весны они отправлялись ловить по лесам певчих птиц. Когда-то отец с сыном долго бродили по лесам, без всякой удачи. Отец влез на дерево посмотреть, а сын расставлял тенета и сыпал для приманки семячко. Вдруг полетели чижи. Отец этого не видал. Сын кричит ему: «Бачика! присядь, присядь, чижи летят». Отец все посматривает вдаль. С досады и отчаяния потерять чижей сын берет дубинку и сталкивает отца с дерева.

УСОЛЬЦЫ

Огуречники.

УСТЮЖАНЕ

Красноязыки. – Черносеребрянники. – Мазы.

УГЛИЧАНЕ

Не босъ, не бось, батька! Ведь это не наше.

Было время, говорят старики, которого давно никто не помнит, ненастное и голодное; в это-то время собрались углицкие мужики, отец с сыном, поворовать с горя. Ночь была темная, а отец, на беду, еще был и подслеповат. Как вышли из двора, то и дорога пропала. Пропели третьи петухи, и дорога сыскалась, когда уже прошло золотое время. «Поди, батько, – так говорил сын отцу, – ты посмелей меня». Как на беду, отец куда ни придет, везде мерещится ему свой дом. Сын указал отцу чужой дом. Лезет старик на сыниных плечах, и за что ни дотронется, все как будто свое берет, а сын ему кричит: «Не бось, не бось, батько! Ведь это не наше!»

ХОЛМОГОРЦЫ

Заугольники.

Как-то раз Петр Великий проезжал в Архангельске; холмогорские староверы, из страха, боясь приблизиться к государю, смотрели на него из-за угла. С тех пор будто соседи стали их называть заугольниками.

ЧУХЛОМЦЫ

Чухломском рукосуй! Рукавицы за пазухой, а других ищет.

ШУЯНЕ

Кабы мне крепкого мыльца.

ЮРЬЕВЦЫ

Китаешники.

ЯРОСЛАВЦЫ

Белотельцы. Ярославль городок, Москвы уголок. – Пуд мыла извели, а родимого пятна у сестры не смыли.

СВАДЬБЫ РУССКИХ ЛЮДЕЙ

РУССКИЕ ДРЕВНИЕ СВАДЬБЫ

Приготовление к свадьбе; благословление жениха; выбор невесты; смотры; нарекание венценосной невесты. – Наряды к свадьбе; тысяцкий и тысяцкого жена; посаженый отец и посаженая мать; дружки; свахи; выдающий молодую; вскрывающий молодую; поезжане; бояре и боярыни сидячие; конюший; ясельничий; свечники; фонарщики; коровайники; мовники; носильщики: с ковром, с подножиями, со скляницею, с платьем к бане, с скамейкою; держащие осыпало, чару, гребень, сороки соболей; сидельщика на княжьем месте. – Наряды в избе: место чертожное; столы; размещение гостей; осыпало; свечи; фонари; короваи. – Сенник: уборка стен; кадь; оловянники; оберегатели. – Яствы: кушанья, короваи; вина; перепеча; каша; куря. – Сбор в палате: выход жениха; посылка за невестою; выход невесты; посылка от посаженого отца за женихом; чесание головы; опахивание; подарки. – Поезд к венчанию: выход из палаты; аргамак; сани; поезд к церкви; обряды. – Поезд от венчания, шествие в палату; столование; выход в сенник; выдача невесты; кормление; вскрытие невесты. – Второй день свадьбы: мыльня; кормление новобрачных; рассылка каши; поздравления; поезд новобрачного; пирование княжое; зов; дары. – Третий день свадьбы: пирование; награды.

Русские свадьбы представляют самые лучшие минуты в нашей семейной жизни. В эти краткие дни, но полные жизнью и наслаждениями, русские люди приветствуют в новобрачной чете грядущее поколение. В эти счастливые дни родители испытывают вполне наслаждение за все семейные горести и вместе с благословением передают детям все, что только было лучшего в их жизни. В эти дни юное поколение, дотоле безза-

ботное, лелеянное негою родителей, вступает в свои права и, с именем супружества, связывается со всеми семейными обязанностями. Русские люди это семейное торжество назвали: «вторым земным почетом».

Немного дошло до нас памятников, сохранивших сведения о старых свадьбах русских людей; но и в этой малости мы видим все величие нашей семейной жизни; и в этих остатках мы узнаем свой родной дух, дух наших предков, которым отличается русская жизнь среди славянских племен. Сожалеть ли нам о том, что подробности свадебных дней для вас неизвестны? Или, с полною надеждою, искать нам старых обычаев среди своей жизни? Конечно, о многом мы должны сожалеть, но большая часть из них еще существует вместе с нами и, вероятно, долго будет утешать русскую жизнь, пока будут существовать русские люди.

Предки наши, собираясь играть свадьбу, задолго озабачивались разными приготовлениями; но в числе самых важных видов было: назначение времени женить сына, выдать дочь замуж. Вероятно, что все это решалось глубокими соображениями отца, обстоятельствами, сопровождавшими семейную жизнь. Свадьбы старых людей всегда приготовлялись к двум уложенным срокам: к Великоденскому и Рождественскому мясоедам. Эти времена на Руси назывались: «свадебными». Благословение родителей предшествовало всем свадебным обрядам, если они были живы; совещание родных одинокому молодому человеку, если он спросил в своем семействе. Впрочем, это дело было домашнее, в кругу самых близких родных, скрываемое от всех посторонних. Молодого человека, обреченного уже согласием родителей и родственников, приводили в благословение к духовному лицу. На великокняжеских и царских свадьбах благословление митрополита, патриарха полагало уже начало предпринимаемому делу и совершалось следующим образом:

Великий Князь Василий Иоаннович, расторгнувший брак с Соломониею, испрашивал, в 1526 году, разрешение для второго брака у духовенства.

Старицкий князь Андрей Иванович, испросивший разрешение для своей свадьбы у Великого Князя Василия Иоанновича, отправился с ним в Успенский собор, слушал литургию и потом вместе испрашивали благословения у митрополита Даниила. Великий Князь говорил: «Брат мой младший, князь Андрей Иванович, хочет жениться».

Первая свадьба царя Ивана IV Васильевича была делом государственным, заранее обдуманная царедворцами. Митрополит Макарий после тайного совещания с царем созвал, 15 декабря 1546 года, в Успенский собор царедворцев, и здесь, тайно от всех, предложено было царю Ивану Васильевичу избрать для себя подругу. 17 декабря возвещена была тайна царева народу, что царь, вступая в лета мужества, намерен искать для себя супругу.

Царь Иван IV Васильевич, приговоривший женить брата своего, князя Юрия Васильевича, сам ходил с ним для благословения к митрополиту Макарию.

Когда царь Иван IV Васильевич приговорил женить казанского царя Симеона, то, для испрашивания благословения, посылал с ним к митрополиту боярина своего, князя Ивана Васильевича Шуйского.

В 1626 году государь Михаил Федорович, желая вступить во второй брак, советовался с отцом своим патриархом Филаретом, и матерью своею, инокинею Марфою Ивановною. 5 февраля государь пришел в Успенский собор и торжественно просил благословения говоря:

«Великий государь наш, святейший патриарх Филарет, Московский и всея России! По воле всеблагого и всесильного в Троице славимого Бога нашего, и по совету и благословению вас, великого государя, отца нашего, и матери нашей, великой государыни, инокини Марфы Ивановны, произволили есми сочетаться законному браку, по Апостольскому преданию и святых отец правилам»

Патриарх Филарет, благословляя государя, отвечал:

«Благочестивый и Христолюбивый сын наш, Великий Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович, всей Руси!

Всемогущий и неизреченный в милости, в Троице славимый Бог наш, тебя, Великого Государя, от чрева матери вашей, за благочестие царством послати и почти вас; Той и ныне прославить тебя, Великого Государя, причтитися законному браку, по Апостольскому преданию и св. отцов правилам; и подаст тебе, Государю, и супруге, царице Евдокии, долгому лету живота вашего и благословит вас благословением последним, ему же несть применения, и подаст вам благородные чада, яко же Аврааму и Саре Исаака, Исааку Иакова, Иелкану и Анне чудного Самуила, и прочим древним отцам, Богу угодившим, и да узриши сыны сынов твоих и дщери дщерей своих, и благочестивое царство соблюдет от всех ваших врагов ненаветно и распространить и умножить от моря и до моря, и от реки до конца вселенной».

По окончании речи патриарх благословил государя иконою. В то же самое время государь испрашивал благословение и у матери своей, инокини Марфы Ивановны, и при благословении получил две иконы.

Государь Алексей Михайлович в 1648 году советовался с патриархом Иосифом и с боярами, «чтобы ему сочетаться законным браком, в наследие его государского рода». За день до бракосочетания, 15 февраля, вечером, в седьмом часу, государь пришел в Успенский пост. Испрашивая благословение у патриарха Иосифа, царь говорил:

«Великий господин, отец наш и богомолец, святейший Иосиф, патриарх Московский и всея Руси! По милости всеблагого и всесильного в Троице славимого Бога нашего, и по благословению и по совету нас, великого господина, произволили есми законному браку сочетаться, и день радости нашей быть завтра, и тебе, великому господину, отцу нашему и богомольцу, нас, Великого Государя, благословите сочетаться законным браком по Апостольскому преданию и святых отцов правилам, и тебе, великому святителю, о нас помолиться».

Патриарх, благословляя государя, говорил: «Благочестивый и Христолюбивый Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всей Руси Самодержец! Всемогущий, неизреченный в милости, в Троице славимый Бог наш,

иже соблюдается вас, Великого Государя, от чрева матери вашей, и благочестиво царством прослави и почти вас. Той и ныне прославит тебя, Великого Государя, причтитися законному браку по Апостольскому преданию и святых отцов правилам, и подаст тебе, Государю, и супруге твоей, Царице Марье Ильиничне, долготу лет живота вашего, и благословит вас благословением крайним, ему же нет применения, и подаст вам благородные чада, яко же Аврааму и Саре Исаака, Исааку Иакова; Челкану и Анне Самуила, и прочим древним отцам Богоугодившим; и да узриши сыны сынов твоих, и дщери дщерей твоих; и благочестивое ваше царство соблюдет от всех ваших врагов ненаветно, и распространить и умножить от моря и до моря и от рек до конца вселенной». По окончании речи патриарх благословлял государя образом. После благословления первым делом считалось избрать невесту. Венценосные женихи рассылали указы по своим владениям для сбора девушек – невест, и этот выбор часто падал только на девиц княжеских и боярских, известных красотою. Девиц привозили во дворец. Жених с избранными людьми смотрел ночью спящих невест.

Царь Иван IV Васильевич, вступая в первый брак, разослал указы в разные места для собирания невест. Бояре отправлялись с указом в сборные места, где осматривали девиц, и самых лучших красавиц отправляли к царю. Мы имеем замечательную грамоту, писанную в 1546 году к новгородским князьям и боярам.

«От Великого Князя Ивана Васильевича всея Руси, в нашу отчизну, в великий Новгород, в Бежецкую пятину, от Новгорода верст за 100, и за 150, и за 200, князям и боярам.

«Послал есми в свою отчизну, в великий Новгород, окольничего своего Ивана Дмитриевича Шеина, а велели есми боярам своим и наместникам, князю Юрию Михайловичу Булгакову, да Василию Дмитриевичу, да окольничему своему Ивану смотреть у вас дочерей девок, нам в невесты. И как к вам наша грамота придет, и у которых у вас будут дочери девки, и вы б с ними числа того ехали в великий Новгород, и дочерей вы имеющихся у себя девок однолично не таили, а везли бы есте в Новгород

часа того не медля. А который из вас дочь девку у себя утаит, и к боярам нашим и к наместникам, к князю Юрию Михайловичу и к Василию Дмитриевичу и к окольничему нашему к Ивану не повезет, и тому от меня быть в великой опале и в казни.

А посылайте меж себя сами, не держав ни часу».

В свадебной записи князя Юрия Васильевича записано: «Царь и Великий Князь Иван Васильевич всем боярам и князьям дочерей девок своих велел привести в свой царский двор. И как девок привезли на княгинину половину, и в те поры Царь и Великий Князь Иван Васильевич и князь Юрий Васильевич пошли девок смотреть. И полюбил князь Юрий Васильевич князя Дмитрия Федоровича дочь, княгиню Ульяну».

В 1550 году царь Иван IV Васильевич, согласившись женить князя Владимира Андреевича, «приговорил прописать у бояр и князей дочерей девок. И смотрел Царь и Великий Князь Иван Васильевич и князь Владимир Андреевич девок, и полюбил девку Авдотью Александровну дочь Михайловича Нагого».

Избранная невеста для венценосного жениха привозилась пред свадьбою из дома своих родителей в царский дворец. При бракосочетании казанского царя Симеона царь Иван Васильевич «приговорил девку привести вечер на дворе, накануне того дни, которого дни свадьбе быть». В свадебной записи государя Михаила Феодоровича сказано: «И наперед Государевой радости, за три дни, ввели Государыню в царские хоромы и нарекли царевною». То же самое было и на свадьбе государя Алексея Михайловича, только невеста привезена была за дни и прямо в царицыны хоромы.

В то самое время, как свершалось избрание невесты, в советах княжеских приготовлялись свадебные наряды. Дьяки по великокняжескому или царскому приказанию составляли *разряды*. В этих разрядах вписывались по статьям все лица поименно, долженствовавшие находиться при свадебном торжестве. Избранные люди для сего торжества имели свои особенные названия, установленные исстари, и считались в самых почетных должностях, принимая свой наряд за царскую милость. Нередко бывало, что, среди свадебных увеселений, гор-

дые бояре заводили споры о месте и своими жалобами производили судебные процессы. На седьмой свадьбе царя Ивана IV Васильевича заспорили Панкратий Салтыков с Борисом Годуновым. Государь велел судить спорщиков. Борис Годунов, потомок татарский, родственник Малюты Скуратова, был оправдан, занял место старшего дружки, а Салтыков был обвинен. В то же самое время Зюзин спорил с Алферьевым: кому из них выше сидеть за столом? И Зюзин был обвинен. На свадьбе царя Василия Иоанновича Шуйского заспорили князья Пронский и Одоевский. Государь Пронского отставил от должности. Но самые замечательные споры были на свадьбе царевича Кайбулина, где спорились между собою Бутурлины, Гагарины и Плещеевы за своих жен. Государи Михаил Федорович и Алексей Михайлович, пред своими свадьбами, издавали особенные указы, запрещавшие спорить боярам; но несмотря на все это, князь Иван Васильевич Голицын заспорил на первой свадьбе царя Михаила Феодоровича с Шуйским и Трубецким. Разгневанный государь послал Голицына с брачного пира в Пермь.

Особы, назначенные по разрядам на великокняжеские и царские свадьбы, были известны под следующими именами:

1. *Тысяцкий.* Это звание считалось самым важным и в свадебное время предоставлялось или царским родственникам, или первейшим сановникам. На свадьбах: у Великого Князя Василия Иоанновича тысяцким был брат его, князь Андрей Иванович; у царя Ивана IV Васильевича на первой свадьбе был князь Владимир Андреевич, а на второй – сын его, царевич Иван Иванович. Обязанность тысяцкого состояла: быть неотлучно при женихе; водить его под руку во время переходов из одной палаты в вдругую. На свадьбах Холмского и Великого Князя Василия Иоанновича тысяцкий занимал первое место; что впоследствии он был вторым лицом, после посаженого отца.

2. *Тысяцкого жена.* Эту особу только встречаем на одной свадьбе Великого Князя Василия Иоанновича. Находясь безотлучно при невесте, она чесала голову, осыпала жениха с невестою и сопровождала всюду невесту, где свадебные обряды требовали ее присутствия. В других свадьбах это звание уже

не встречается: старшие свахи исполняли все обряды, предоставляемые в распоряжение тысяцкого жене.

3. *Посаженый отец.* Это лицо заседало за столом на большом месте и, как старшее по своему званию, занимало место отца новобрачных. На свадьбах удельных князей посаженными отцами бывали великие князья и цари. На свадьбах великокняжеских и царских избирались в это звание царские родственники. Так, на первой свадьбе царя Ивана IV Васильевича был брат его, князь Юрий Васильевич; на свадьбах князей Юрия Васильевича и Владимира Андреевича был сам царь Иван IV Васильевич; на седьмой свадьбе царя Ивана IV Васильевича был отцом сын его, князь Федор Иванович. Посаженый отец всегда бывал со стороны жениха, и только в первой свадьбе царя Михаила Феодоровича был другой отец с невестиной стороны. Обязанность посаженого отца состояла: быть при женихе, когда он входил в столовую избу; потом, когда получали известие о прибытии невесты в палату, отправлялся от имени жениха к невесте, в сопровождении бояр. Входя передовым в палату, посаженый отец молился перед св. иконами на все четыре стороны, бил челом невесте, садился за стол в большое место и указывал места боярам, за ним пришедшим. После сего посылал боярина к жениху с речью: «Великий Князь, Государь! Князь Юрий Иванович велел тебе говорить взем Бога на помощь, время тебе, Государю, идти по своему делу». Удельные князья посылали посаженому отцу с этим боярином челобитье.

4. *Посаженая мать.* В это звание избиралась всегда ближайшая родственница. Посаженая мать встречается в свадебных обрядах только с первой свадьбы Ивана IV Васильевича. Находясь всегда при невесте, она сидела подле ее, в большом месте. В последних свадьбах посаженая мать кормила государыню в сеннике кашею и осыпала осыпалом.

5. *Дружки.* В свадебных обрядах дружки выбирались с обеих сторон: с жениховой и невестиной, по два с каждой. Они назывались: дружки старшие и меньшие. Старый дружка резал в палате перепечу, сыр, а младший разносил их царю, боярам и поезжанам вместе с ширинками. Дружки предшествовали при

выходе жениха и невесты. Для посылок к ним определялись дети боярские. Когда жених приходил в Золотую палату, тогда дружки посылались к невесте. Входя в царицыны хоромы, они кланялись св. иконам и били челом государыне невесте. Старший говаривал по обыкновению речь: «Великий Государь и Великий Князь N N **всея Руси Самодержец, велел тебе, Ца**ревне, N N идти в Грановитую палату на место».

6. *Сваха.* В это звание избирались боярыни, преимущественно жены дружек, и разделялись на старших и младших. Обязанность свах состояла: быть неотлучно при невесте, вести невесту под руку к чертожному месту, расчесывать ей голову, сопровождать в поезде, усаживать за стол после венчания. На свадьбе царя Ивана IV Васильевича показалась еще пятая сваха; в числе свашеских обязанностей ей предоставлено было держать кику.

7. *Выдающий молодую.* Выдавать новобрачную молодому мужу было в числе самых важных должностей. Этим заведовали или особенно родственники, или посаженый отец по обыкновению. Обряд выдавания совершался в первый день брака.

8. *Вскрывающий молодую.* В этом странном обряде всегда участвовали ближайшие особы при государе. Назначенный к совершению сего обряда отправлялся в сопровождении тысяцкого, боярынь и свах со стрелою поднимать покров.

9. *Поезжане.* В поезжане наряжались: бояре и дети боярские, дворяне городовые и сверстные, с их женами. Собранные окольничим или дьяком по разрядной описи, они дожидались выхода государева у Красного крыльца. При выходе жениха из дворца одни из них ехали впереди его до церкви; другие следовали за санями невесты. Поезжан всегда набирали в большем количестве для увеличения свадебного блеска.

10. *Бояре и боярыни сидячие.* В числе свадебных должностных людей бояре сидячие находились с обеих сторон и, как лица почетные, сидели за столом в особенных местах. Боярыни сидячие назначались только с одной невестиной стороны и сидели также на особенных местах. Они в первый раз появились на свадьбе короля Арцымагнуса.

11. *Конюший.* Старинная почетная должность конюшего поручалась первостепенным боярам. Конюший приводил аргамака к Красному крыльцу, в сопровождении особенных людей. При выходе государя из дворца он предоставлял ему коня и после следовал за поезжанами до церкви. Во время венчания он стерег коня; когда государь выходил из церкви, он также подводил коня, а принимал опять его у Красного крыльца. Ночью конюший ездил на государевом коне вокруг подклети с обнаженным мечом.

12. *Ясельничий.* Свадебный чин ясельничего вверялся боярину. Окруженный боярскими детьми, он приезжал в санях к Красному крыльцу; когда невеста выходила из дворца, то садилась в сани, привезенные ясельничим; после этого он шел за поездом до церкви; и когда невеста выходила из саней, он садился в сани. Окружающие его стерегли пути между санями и аргамаком, не дозволяя никому переходить. После венчания, при выходе новобрачных из церкви, он вставал с саней и шел за поездом до Красного крыльца. Здесь они садился в порожние сани и ехал уже прямо к Колымажному двору.

13. *Свечники.* В свечники назначались дети боярские. Вся обязанность их состояла – нести за поездом огромные свечи, женихову и невестину. Для них хранились особенные платья в государственной казне, выдаваемые им только пред венчанием.

14. *Фонарщики.* В фонарщики также выбирались из боярских детей. Наряженные в парадное казенное платье, они несли пред поездом огромные фонари на носилках, с зажженными свечами царя и царицы.

15. *Коровайники.* В коровайники назначались дети боярские. Они должны были во время поезда нести короваи на носилках.

16. *Мовники.* В этот чин избирались всегда люди приближенные к государю, известные своими доблестями. Когда новобрачный мылся в бане, тогда они присутствовали при мытье, мыли и одевали молодого. После бани мовников всегда угощали. Мовники разделялись на разряды: одни мылись с князем, другие приходили в баню с платьем и поясом, третьи принима-

ли платье у приносящих и передавали новобрачному; четвертые смотрели за топлением бани; пятые наблюдали за водою.

Кроме сих главных свадебных чинов, находились еще другие, возлагаемые на людей нижних чинов. В таких чинах считались:

Носильщики: с ковром, подножием царевым, скляницею, скамейкою и с зголовьями. Первые обязаны были носить ковры пред выходом царским, расстилали их по приходным местам; вторые выходили с поездом из царских палат с подножием и постилали его в церкви. На второй свадьбе царя Михаила Феодоровича постилал подножие князь Сицкой – червчатую камку и кафтуфер, длиною в три аршина, вдвое свивши; на камку положил сорок соболей, по двадцати соболей на каждое место. Третьи приходили в церковь со скляницей, наполненной вином. На второй свадьбе царя Михаила Феодоровича держал в склянице фряжское вино боярин Морозов. В церковь приносили вино со скляницею два погребных ключника, одетые в золото, и наливали вино в скляницу с отливкою. Четвертые приносили в церковь скамейку и ставили в церкви у левого столба и покрывали ее персидскими золотыми коврами. Пятые приходили в церковь с зголовьями, до выхода государева в церковь, и клали их на скамейку.

Держальщики. Держальщики разделялись на семь отдельных статей. Людям первой статьи вверялось *осыпало*, второй – *чара*, третьей – *гребень*, четвертой – *три сорока соболей*, пятой – *кика*, шестой – *колпак*, седьмой – *ширинки*. В держальщики осыпала всегда почти наряжались дьяки. С этим осыпалом они стояли в уборной палате и приходили к сеннику пред выдачею невесты. В уборной палате, после наряда невесты в кику, большая сваха принимала от дьяка осыпало для исполнения обряда. На свадьбе Бельского осыпало держал Петр Копьев; на свадьбе старицкого князя Владимира Андреевича дьяк Борис Щетинин; на третьей свадьбе царя Ивана Васильевича осыпало находилось в руках Собакина. В держальщики чары с медом также наряжались дьяки. Они в уборной палате становились с левой стороны, позади свах. Когда сваха сбира-

лась расчесывать головы, дьяк передавал ей чару. На свадьбе казанского царя Симеона чару с медом держал дьяк Скрипицын. В держальщики гребня наряжались дьяки, стоявшие на уборной палате вместе с держащими чару. Когда сваха поднималась убирать невесту, дьяк передавал ей гребень. На свадьбе углицкого князя Юрия Васильевича гребень держал дьяк Бокан Митрофанов; на свадьбе старицкого князя Владимира Андреевича гребень держал дьяк Щелкалов. В держальщики соболей наряжались четыре дьяка. Один держал сорок соболей для покрытия женихова зголовья, другой для невестина зголовья, третий для опахивания, четвертый для покрытия головы в церкви. Первые два держальщика стояли у чертожного места, третий стоял за свахами, четвертый выходил с поездом в церковь. Пред приходом жениха и невесты в уборную палату первые два клали свои соболи на зголовья. Когда приходил жених, тысяцкий, или посаженый отец снимал с зголовья сорок и передавал его держальщику. То же бывало и с приходом невесты. Когда же отправлялись к венчанию, тогда складывали соболи вместе, на одном зголовье, крестнакрест. На свадьбе короля Магнуса женихов сорок держал Андрей Яров, а невестин Семен Михайлов, а для опахивания Семен Бостанов. Держальщик соболей для опахивания стоял позади свахи. На третьей свадьбе царя Иоанна Васильевича соболи держал Собакин. К первой свадьбе царя Алексея Михайловича были выбраны сороки соболей каждый во сто рублей. В держальщики кики избирались прежде свахи, а потом дьяки; они становились также с левой стороны. При уборе невесты кика передавалась свахе. В держальщики колпака выбирались люди почетные, из князей и бояр. Колпак всегда носили за государем. На свадьбе старицкого князя В. А. держал колпак князь Лыков, а на третьей свадьбе царя Ивана Васильевича он находился в руках князя И. В. Борисова-Сабурова. В держальщики ширинок избирались из разных лиц. Они являлись в уборную палату с золотою мисою и становились позади свах. После убора невесты ширинки раздавались всем лицам, участвовавшим в свадебном наряде. На свадьбе царя

Алексея Михайловича держали мисы с ширинками дьяки Хватов, Крылов, Панкратьев, Чернышев и Валуев.

Сидельщик на княжем месте до прихода жениха – составлял важное лицо. Когда приводили в уборную палату невесту, сидельщика сажал невестин дружка, а когда входил в ту же палату жених, то поднимал его за руку женихов дружка. На второй свадьбе Великого Князя Василия Иоанновича с Глинскою сидела на княжем месте княжна Настасья, меньшая сестра невесты. На свадьбе у старицкого князя В. А. сидел князь Борис Васильевич Серебряной; на седьмой свадьбе царя Ивана Васильевича сидел К. С. Бельской; на второй свадьбе царя Михаила Феодоровича сидел князь Як. Куденетович Черкасский.

Свадебный наряд для прихода жениха и невесты пред поездом к венчанию состоял: из убора *Средней палаты, Брусяной избы, Грановитой палаты, Чертожного места, столов и скамеек.*

Для свадьбы Великого Князя Василия Иоанновича с Глинскою наряжали Среднюю палату по старому обычаю. Для свадьбы углицкого князя Юрия Васильевича также убиралась Средняя палата. На всех стенах были поставлены иконы Пресвятой Богородицы. Для второй свадьбы царя Михаила Феодоровича наряжали Золотую палату. Для свадьбы царя Алексея Михайловича наряжалась Грановитая палата. Наряд Брусяной избы приготовлялся для прихода жениха, когда невеста приходила в Среднюю или Золотую палату. Из Брусяной избы жених, после объявления тысяцкого или посаженого отца, переходил в Среднюю палату.

Чертожное место приготовлялось в Средней палате для жениха и невесты. Для свадьбы В. К. Василия Иоанновича чертожное место обито было бархатом с камками, на местах положены были зголовья шитые. Для второй свадьбы Михаила Феодоровича чертожное место было устроено в Грановитой палате; его обили червчатым бархатом; на места положили бархатные золотые зголовья в один узор, выданные из государевой казны. Для второй свадьбы царя Алексея Михайлови-

ча чертожное место было изготовлено на рундуке; его обили червчатым бархатом; на места положили бархатные золотые зголовья, в один узор, по червчатой земле.

Столы ставились в Средней палате, в Брусяной избе и в Грановитой палате. За одними столами сидели все лица, назначенные по наряду, за другим новобрачные. Стол для перепечи и сыра покрывался тремя скатертями; на него ставили перепечу, сыр и солонину с солью; на других свадьбах подавали на этот же стол и калачи. Для обедов ставились столы: прямой, кривой, приставок, княжий стол. В большем столе сидел тысяцкий с товарищами и боярынями. Бояре садились против боярынь. За кривым столом сидели бояре, а около них поезжане, стольники и дворяне.

Лавка покрывалась полавошниками разных нарядов. Первый наряд был суконный со львами; другой наряд также был суконный с разводами. Лавки помещались во всех палатах. В Грановитой палате они покрывались полавошниками первого разряда, а в других покрывались вторым разрядом.

Свадебный наряд для исполнения обрядов состоял из приготовления: *осыпала, сечей, фонаря, кики с убрусом и фатою, ширинок, короваев, перепечи, каши и куря печеного.*

К свадьбе В. В. Василия Иоанновича велено «снарядить осыпало на мисе золотой, а на ней наперво хмелю всыпать по три угла, в трех местах, и на местах положить три девять соболей на каждом месте по девяти, да три девять платков бархатных, камчатых, атласных, с золотом и без золота, и всякие девять платков были бы разных шелков, и отмерить те платки длиною в четверть с вершком аршина, да поперек в четверть, да на тех же местах положить по девяти меньших пенязей, а были бы пенязи величиною с золотой, а иной и меньше. Таковую же мису снарядить в постель. На второй свадьбе царя Михаила Феодоровича осыпало изготовлено иначе: «На мису положено было на три угла хмелю, да тридевять соболей да тридевять платков золотых участковых, длина пять вершков, а ширины пол аршина, да тридевять белок, да осьмнадцать пенязей золотых, да девять золотых Угорских».

Для жениха и невесты приготовлялось по особенной свече. Ко второй свадьбе царя Михаила Феодоровича указано, чтоб «свечи были бы свеча Государева в три пуда, а Государынина в два пуда; а на свечах были бы обручи большие, широкие, чеканные, края обои золочены». От венца свечи вносились в сенник, где обе вместе ставились в одну кадь. Здесь они находились три дня; после того их соединяли вместе и относили в церковь: где они стояли под местными образами. К первой свадьбе царя Алексея Михайловича государеву свечу изготовили в два пуда, а государынину в полтора пуда. Свечники, выносившие свечи, обертывали их еще соболями. Над ними фонарщики держали фонари. Как эти свечи, так и обручальные зажигали вместе с *водокрещеною* свечею.

Для свечей приготовлялись два *фонаря*; один был со стороны жениха, другой со стороны невесты. Носильщики несли фонари пред женихом и невестою во всех входах и выходах. С фонарями всегда становились по левую сторону, вместе с короваями.

Кика, известная нам доселе в сельских нарядах разным устройством, возлагалась на венценосную невесту пред венчанием в Грановитой палате. Ни время, ни предания не сохранили нам, из чего делались кики для царских невест. Евдокии Лукьяновне и Марфе Ильинишне убрусец был приготовлен низанный жемчугом с золотыми дробницами. Мы не знаем также, какое покрывало возлагалось на кику? Меньшая сваха выносила кику за невестою из терема в Среднюю палату. Прежде появления убрусов невесту покрывали фатою, и только эта перемена заметна со второй свадьбы царя Михаила Феодоровича.

Ширинки и *убрусы*, раздававшиеся младшим царицыным дружкою от имени невесты, состояли из платков и полотенец, вынизанных жемчугом и шитых золотом и шелками. Обряд раздавания ширинок и убрусов описан в свадебном чиноположении царя Алексея Михайловича.

Короваи приготовились с большими обрядами. Сельские, современные свадьбы сохраняют доселе все древние обряды печения коровая. На царских и великокняжеских свадьбах

печением коровая занимались боярыни. В свадебном чиноположении В. К. Василия Иоанновича о коровае сказано: «…а тысяцкий поведал в разряде: боярыни де приготовили свои речи о кораваях. Кораваи нести утром рано из той избы, где их пекли, и принести их в наугольную палату от Пречистой. А класть кораваи со шлейками на носило, и свечи принести. Как княжну нарядят, а уже будет время пойти на место, ино те кораваи нести со свечи, да и перед нее нести». На второй свадьбе царя Михаила Феодоровича положено: «Кораваи были б обшиты камкою червчатою, а Государев коровай был бы покрыт бархатом золотым Турецким, а Царицын атласом золотым участковым; а носила были б обиты бархатом червчатым гладким; да на кораваях же нашиты были б сверху по тридевять пенязей, серебристых золочены: с одной стороны золоченой и чеканной, а с другой стороны белой и гладкой». На первой свадьбе царя Алексея Михайловича указано: «Кораваи обшить камкою червчатою и покрыть Государев коровай бархатом золотым Турецким, а Царевнин атласом золотым. А носила обшить бархатом червчатым гладким; да на кораваях нашить на верху, на покровах: по три девять пенязей серебристых с одной стороны золочено и чеканено, с другой бело и гладко; да на кораваи ж положить по четыре пары соболей на коровай, по 10 рублей пара». «Нашивку пенязей» мы встречаем еще в свадебном чиноположении В. К. Василия Иоанновича, где было указано: «и положить по девяти пенязей больших серебряных, широких, а были бы пенязи на один лик золочен, а на другой бел гладок».

Перепеча приготовлялась из сдобного хлебного теста, в виде конуса, с гранью, похожею на ананасную. Изображение перепечи сохранилось в издании Бекетова – описание в лицах свадьбы царя Михаила Феодоровича. Перепеча приносилась заранее в Среднюю палату и ставилась на особом столе пред новобрачными, вместе с сыром и солью. В определенное время старший дружка, благословляясь у посаженого отца и матери, резал перепечу для раздачи.

Каша изготовлялась для новобрачных с особенными обрядами. Следы этих обрядов доселе видим в сельских свадь-

бах. На второй свадьбе царя Михаила Феодоровича каша была изготовлена в двух фарфоровых горшочках. Большой государев дружка вносил кашу на блюде, обогнувши горшки двумя парами соболей.

Куря верченое приготовлялось для новобрачных с особенными обрядами. Куриц жарили не на противне, а на вертеле. После венчания, когда новобрачные садились за стол и когда в столе доканчивали *третье яство*, куря ставилась на столе перед царем и царицей. Большой государев дружка обертывал куря скатертью вместе с перепечею и солонкою и относил в сенник, где принимал от него на руки оберегатель сенника.

Убор сенника считался весьма важным делом, и его поручали приближенным боярам и боярыням. Они должны были убрать стены, поставить постель, разместить оловянники и кадь и сдать сенник оберегателям.

Для свадьбы В. К. Василия Иоанновича сенник убирали по стенам законами шидяными, по четырем углам воткнули четыре стрелы, на каждой стреле повесили по сороку соболей да по калачу; по углам на лавках поставили оловянники с медом. На всех четырех стенах, над дверью и над окнами, изнутри и с надворья, поставили по иконе с изображением Пречистой Богородицы. Уборкой сенника на этой свадьбе занимались: князь Иван Немой, князь Борис Щепин, князь Петр Репнин, князь Осип Тростенский, Константин и Дмитрий Курлятьев, Федор Кучецкой, Казарин Буруков, Андрей Квашнин, князь Петр Немой и боярыни. На первой свадьбе царя Иоанна Васильевича сенник убирали: князь Юрий Глинский, казначей Сукин, братья Адашевы, Алексей и Даниил, братья Постниковы – Никита, Федор и Алексей, Игнатий Вешняков и боярыни. Сенник для царя Алексея Михайловича подбивали золотыми коврами и вверили его оберегателям: Федору Ивановичу Шереметеву, Льву Ивановичу Долматову-Карпову и Лукьяну Степановичу Стрешневу. Такой же сенник был изготовлен и для царя Алексея Михайловича, а сберегателями и постельниками были: Глеб Иванович Морозов и Илья Данилович Милославский. Сенник всегда был холодный; его на этот случай не топили.

Постельщики стлали *постель* в сеннике с левой стороны на тридевяти ржаных снопах. Этот обычай доселе сохраняется в сельских свадьбах. Сверх снопов клали семь перин и бумажников; на перины клали столовья баргатные, камчатные и атласные. Все это покрывалось одеялом. Подле постели, на головах, ставили два изголовьица, на них ставили шапки государские; в ногах, у постели расстилали на полу ковер, на него клали кунье одеяло и соболью шубу. Все это покрывали простынею. Так убраны были постели для царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича. Когда вносили в сенник постельные уборы, то прежде всего входили с иконами с изображением Рождества Христова, Рождества Пречистой Богородицы и воздвизальным крестом и ставили их у постели в головах. Оберегатели сенника должны были спать в другой комнате.

В головах у постели ставили *кадь*; в нее насыпали зерновой хлеб, пшеницу. В эту кадь ставили свечи, принесенные от венца.

По исполнении всех обрядов и нарядов в назначенный день свадьбы все люди чиновные и почетные начинали съезжаться к государеву дворцу. С раннего утра каждый спешил к своей должности. Дьяки и бояре по наряду и свадебному чиноположению уряжали людей по местам, и когда все было устроено, извещали великого князя или царя, что приспело время исполнить светлою радость. С этой минуты начинался первый день свадьбы, день, исполненный многочисленных обрядов и торжеств. Все обряды и торжества первого дня мы разделяем на три главные статьи: *на сборы в палатах, на поезд к венчанию и выход из церкви, на столовании и выход в сенник.*

Сборы в палатах состояли: *в выходе жениха, в посылке за невестою, в выходе невесты, в посылке посаженого отца за женихом, в приходе жениха, в уборе невесты и раздаче подарков и перепечи.*

Боярыни, изрядив великокняжескую невесту, по государскому чину, в платье и венец золотой сгороды, с каменьем и жемчугами, сажали ее за стол. С нею садились жена тысяцкого, свахи, боярыни. Пред ними стояли должностные люди

со свечами, короваями и ширинками – в ожидании повестки. Все это происходила в особенных царицыных хоромах, на княжеском дворе.

В это же самое время венценосный жених занимался своим нарядом. Царь Михаил Федорович нарядился в аксамитный золотной кожух на соболях да в русскую соболью шубу, крытую золотым бархатом, *заметав полы назад за плеча*; а пояс на государе был золотой кованый. Государь Алексей Михайлович отменил заметывать полы за плеча, а вместо того велел сделать у шубы долгое и соболье ожерелье. После убора начинался выход жениха.

Великие князья выходили в Брусяную столовую избу, а цари в Среднюю золотую палату. Прежде всего, из государских хором выходили из поезжан стольники и дворяне, за ними шли бояре, за боярами дружки с государевой и государыниной стороны. После их уже выходил государь. Его под руку вел тысяцкий до самой палаты. За государем шли бояре, стольники, окольничие и дворяне, все одеты были в золоте, в черных шапках, в ожерелях стоячих и отложных, низанных. Входя в Золотую палату, государь молился пред святыми иконами и потом садился на своем месте, на лавке, на зголовье бархатном персидском, а колодочка была золотая, участковая. В это время, прежде всего, царь приказывал посаженому отцу, тысяцкому и боярам садиться на большой лавке, а потом указывал сесть и поезжанам. После сего государь приказывал царицыным дружкам отправляться к царевне с повелением идти ей в Грановитую палату на место.

Дружки, входя в царевнины хоромы, молились святым иконам, били челом царевне, и старший дружка говорил речь: «Великий Государь, Царь и Великий Князь велел тебе, Царевне, идти в Грановитую палату на место». Царевна, выслушав речь, поднималась с боярынями с места.

Выход царевны из хором в Грановитую палату происходит по учиненному наряду, из терема выходили в проходную палату, из нее чрез постельное крыльцо входили в Грановитую. Впереди всех шли свечники, коровайники и фонарщики

в терликах золотых на соболях, выданных с казенного двора, в черных горлатных шапках лисьих, опоясанные золотыми кушаками. За ними несли свечи обручальные и Богоявленскую стряпчие в золоте и черных шапках. Потом думный дьяк нес осыпало, а за ним шли царевнины дружки. За ними, по сторонам, шли окольничий и дьяк, оберегая путь, чтобы никто не переходил. После сего шел священник и кропил путь святою водою; за священником большие свахи вели царевну под руки, а для сбережения шли подле нее две большие боярыни. За царевной шли боярыни сидячие, и одна из них несла на серебряном блюде кику царевнину. Вслед за ними постельницы несли на золоченых блюдах убрусцы и ширинки.

На свадьбах старицкого князя Андрея Ивановича 1553 г. и князя Владимира Андреевича 1550 г. в свадебном чиноположении показаны *плясицы*, шествовавшие при выходе из терема; но их не впускали в палату, а оставили в сенях.

Священник, входя в Грановитую палату, кропил чертожное место святой водою, свахи снимали с места сорок соболей и сажали царевну. В это время на царское место садился назначенный по чиноположению. Жена тысяцкого и свахи садились подле невесты, а боярыни за большой стол на лавку. Свечники, фонарщики, коровайники, с ширинками размещались по своим местам. Свечники становились против царского места, у лавки, а все другие становились с левой стороны, за свахами. На свадьбах царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича свахи стояли у царевнина места, а сидели только боярыня и посаженая мать. После размещения посылали к государю с вестию о приходе невесты. Государь отправлял в палату боярина сидеть на большом месте – в отцово место и бояр сидячих с боярскими детьми. Боярин, входя в палату, молился святым иконам, бил челом и садился за стол выше матери, напротив боярынь садились сидячие бояре. Боярин, посидевши, снаряжал большого боярина к царю говорить речь. И боярин, приходя к государю, говорил: «Государь, Царь и Великий князь! Боярин велел тебе, Государю, говорить: прося у Бога помощи, время тебе, Государь, идти к своему делу».

После сей речи государь поднимался с места, молился святым иконам и, благословясь крестом у священника, отправлялся в Грановитую палату. Впереди шли поезжане, потом дружки, за ними бояре, за боярами священник с крестом, а за ним тысяцкий вел государя под руку. Недельный крестовый священник кропил путь святою водою. За государем шел столпник с колпаком, а за ним шли стольники и стряпчие, остававшиеся за чинами до выхода государева из столовой избы. При входе в палату священник благословлял государя крестом. В то время как государь молился святым иконам, женихов дружка поднимал с места сидельщика и отдавал соболи держать дьяку. Царь садился на чертожное место подле царевны и указывал боярам садиться по назначенным местам.

Государь, посидевши, приказывал священнику говорить молитву покровению главы невесты. После того большая сваха приступала к уборке невесты.

Держальщики передавали большой свахе чару и гребень. На великокняжеских свадьбах в чару наливалось вино, а на второй свадьбе царя Михаила Феодоровича в чаре был налит мед. Сваха обмакивала гребень в чару и расчесывала невесте голову. После того надевала на невесту кику и покрывала фатой, а потом убрусцом. За сим подносили к свахе осыпало; тут она осыпала хмелем жениха с невестою, а после опахивала их сороком соболей. В это время зажигали свечи Богоявленскою свечою.

После того выступал дружка на особицу. Старший дружка Государев, благословясь у посаженого отца и матери, резал перепечу и сыр, а царевнин большой дружка подносил государю от царевны убрусцы, коровай, перепечу и сыр, а меньший царевнин дружка разносил ширинки и перепечу всем боярам и боярыням, поезжанам и другим лицам. В то же самое время отправлялись с подарками к царским родственником. На второй свадьбе царя Михаила Феодоровича к патриарху Филарету Никитичу и государыне инокине Марфе Ивановне ходил с убрусом низанным, ширинкою, перепечею и сыром царевнин большой дружка боярин Михаил Борисович Шеин. В то же время послали на Тихвин к царице Дарье со стольником, кня-

зем Гагариным, – убрусец, ширинку, коровай и сыр. Царевнин меньший дружка, князь Роман Пожарский, подавал всем находившимся на свадьбе ширинки, коровай и сыр. На свадьбе царя Алексея Михайловича старший дружка женихов князь Никита Иванович Одоевский резал сыр и перепечу, а царевен дружка боярин М. М. Салтыков подносил к государю от царевны убрусец тафтян, вынизанный жемчугом, ширинку и коровай. После сего отправляли его с такими же подарками к трем царевнам и патриарху Иосифу. После раздачи даров дружка снимал со стола скатерть, завертывал в нее коровай, сыр и перепечу, запечатывал печатью и отдавал на дворец для хранения ключникам с крепким словом. На столе оставались две скатерти.

Поезд к венчанию начинался поднятием государя со своего чертожного места. Прежде всего на великокняжеских свадьбах выходил один жених, а потом уже отправлялась невеста в больших санях с женою тысяцкого и большими свахами. На царских свадьбах государей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича жених и невеста шли вместе. Впереди их стряпчие устилали путь камками червчатыми и желтыми. У Красного крыльца сидел в ожидании выхода на аргамаке конюший, а на санях ясельничий. Когда государь сходил с крыльца, ясельничий, а иногда и сам конюший подводил к нему аргамака. На этом коне он выезжал на площадь к Успенскому собору. Впереди ехали также на конях поезжане. На свадьбе царя Михаила Феодоровича поезд состоял из сорока человек. За поезжанами ехали дружки, за дружками тысяцкий, немного в стороне от государя, конюший шел с оберегателями пешком за аргамаком. Свечи и короваи несли пред государем. Свахи сажали царевну в сани инаяльцовские, обитые золотым атласом. Против царевны в санях садились все четыре свахи. Оберегатели пути, состоявшие из 20 человек боярских детей, занимали места и не допускали переходить между аргамаком и санями. На свадьбе царя Михаила Феодоровича за царевниными санями шли двадцать три человека московских сверстных дворян. Государь, приезжая к собору в сторонние двери от Архангельского собора, сходил с коня на мостик, а на аргамака садился конюший.

Свахи выводили царевну из саней, и ясельничий садился на сани, на государынино место. Впереди государя входили в церковь тысяцкий и дружка, а государыню вели свахи под руку; за ними входили в церковь бояре, записанные по росписи быть пред государем. Свечи, короваи и фонари вносили в церковь прежде входа государева. Оберегатели пути занимали свои места, чтобы никто не переходил между аргамаком и санями. На великокняжеских свадьбах великий князь, входя в Успенский собор, становился на правой стороне у митрополичья места, а княжна становилась на левой. На царских свадьбах царь и царевна становились против царских дверей вместе. Свечи и короваи ставили прежде вместе, у особого столба, а после изменили: со свечами свечники стояли против патриаршего места, а короваи ставили особенно, у левого клироса. Подле левого клироса, у столба, ставили скамейки, покрытые золотым кизылбашским ковром, на которые клали два зголовья, из червчатого бархата с золотом, оба в один цвет. Зголовья приносили в церковь стряпчие, в сопровождении окольничих. На зголовья полагали сороки соболей, под скамью подставляли две колодки, обитые бархатом или золотым участком.

По выходе из Грановитой палаты государя и царевны зголовье царя и великого князя клали на зголовье царевнино, а на них два сорока соболей. Для охранения самих мест оставляли оберегателя, а с опахалом подле него стоят дьяк. Все боярыни удалялись на государынину половину.

На великокняжеских свадьбах великих и удельных князей венчали митрополиты. Царя Симеона венчал Крутицкий владыко Савва. В свадебном чиноположении короля Магнуса указано венчать и переменять кольцы Новгородскому Дмитровскому священнику. На царских свадьбах царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича венчание совершалось протопопом Благовещенского собора, а на клиросах дьяки пели по строкам.

Венчание совершалось после обедни. Так записано в чиноположении старицкого князя Андрея Ивановича, углицкого князя Юрия Васильевича. По окончании обедни дружки

постилали камки против царских дверей и клали на них по 40 соболей. На свадьбе Михаила Феодоровича подножие постилал князь Ф. А. Сицкий – червчатую камку куфтер в три аршина, свивши вдвое, и положил сорок соболей, по двадцати головами вместе. На свадьбе царя Алексея Михайловича сорок соболей были выбраны ценою в 50 рублей. На свадьбе углицкого князя Юрия Васильевича митрополит, взявший князя за руку, поставил его против царских дверей на камке и соболях, а потом рядом с ним ставили княжну. На свадьбе царя Михаила Феодоровича этого уже не было: царь и царевна сами шли к венчанию и стали близко царских дверей, где стоял прежде амвон. В стороне от них держал боярин в склянице вино, а вино наливалось в скляницу с отливкою. Скляницу в церковь приносили два погребных ключника, одетые в золотых кафтанах. В свадебном чиноположении углицкого князя Юрия Васильевича сказано, что после выпития новобрачными вина князь скляницу растоптал ногой. Великий Князь Василий Иоаннович урядил иначе: «…и как митрополит даст пити вино великому князю и великой княжне и как еще великий князь будет допивать вино, и он ударит скляницу о землю, и ногою потопчет сам, а иному не топчать опричь князя после венчания, а собрав кинуть в реку, как прежде велось». Цари Михаил Феодорович и Алексей Михайлович приказывали протопопу относить скляницу в алтарь. На великокняжеских свадьбах после венчания митрополит новобрачных сажал на скамью, где они принимали поздравление. В это время певчие дьяки пели на обоих клиросах многолетие князю и княгине. На свадьбах царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича протопоп после венчания, когда новобрачные садились на скамью, поучал их по священному преданию. После того начиналось поздравление: прежде протопоп, потом тысяцкий, дружки и бояре, бывшие в церкви. В это время дьяки пели многолетие новобрачным большим демевством. Поезд от венчания совершался тем же порядком. По выходе из церкви государь садился на аргамака, а государыня в сани со свахами. По приближении к Красному крыльцу конюший принимал от

государя аргамака, садился на него и отправлялся к сеннику, вокруг которого он должен был ездить во весь день и во всю ночь с голым мечом в руках. В государыни сани садился ясельничий и отправлялся к Колымажному двору. Великие князья при входе во дворец расставались с великими княгинями: князь шел в свои покои завтракать, а княгиню свахи уводили в свои хоромы. Цари, входя на Красное крыльцо, брали цариц за руку и шли так по лестнице, по червчатым и желтым камкам в Грановитую палату, и садились на прежних местах, где, по указанию царя, занимали свои места боярыни и поезжане. На великокняжеских свадьбах свечи и короваи из церкви относились в сенник, а на царских их ставили в Грановитой палате на тех же местах, где стояли до поезда в церковь.

На великокняжеских свадьбах новобрачный после венчания садился завтракать. В это время посылался боярин обвестить поезд по монастырям и церквам. Великий князь выезжал полным поездом по монастырям: с ним выезжали бояре, тысяцкий и другие особы, по его личному назначению. Из церкви он приезжал прямо в Брусяную избу, к обеденному столу, и посылал с вестью к великой княгине – звать к обеденному столу. Великая княгиня выходила из своих хором в сопровождении тысяцкого жены, свах, боярынь и садилась за стол; с нею садилась тысяцкого жена и свахи, а боярыни помещались в большом столе, на лавках. В то же время великий князь приказывал тысяцкому и боярам идти к обеденному столу. Входя в избу, они занимали свои места: чиновные люди садились в большие места, а бояре и дети боярские – за окольным кривым столом. После этого входил уже сам великий князь в столовую избу, садился на своем месте и указывал всем бывшим здесь занимать свои места по назначению. Прежде всего подавали на стол *куря верченое* и ставили на блюде перед новобрачными. Тогда вставал большой дружка со своего места, снимал с отдельного стола скатерть, обертывал ею верченое куря, с калачом и солонкою, и относил в сенник к постели. По совершении сего обряда великий князь приказывал ставить на браные столы яства. В свадебном чиноположении Великого Князя Василия Иоанно-

вича установлено: «…яства подавать по наряду, с благочинием и со вниманием. И кому довелось подавать яствы, те говорят милостивыя речи Великого Князя. И как с яствами пойдут к боярам и детям боярским, и им поступать по старому обычаю. И как пошлет Великий Князь с меды и вины фряжскими, и тогды не чинить споров, а быть во всем, как велось изстари, без спору, а желать во всем добра Великому князю дополна».

На царских свадьбах после венчания начиналось тотчас столование, а поезд по церквам и монастырям был совершаем на другой день. По приказанию царя начинали «в столы ставить яствы и вины фряжския». В свадебном чиноположении царя Алексея Михайловича находится: «и подали Государю три кубка: кубок Романеи, кубок Ренского, кубок Бастры, и теми кубками Государь жаловал бояр: Б. И. Морозову кубок, Григорью Гавриловичу кубок, боярыне Глеба Ивановича Морозова жене кубок». После третьего кушанья ставили на блюде пред царем и царицей *куря верченое*. Большой государев дружка и здесь совершал старый обряд: отнесение куря с солонкою и перепечею в сенник.

Выход в сенник и выдавание молодой совершалось после отнесения куря. На великокняжеских свадьбах великий князь, выходя из стола, брал великую княгиню за руку и шел рядом с нею до сенника. За ними шли: тысяцкий, дружки, свахи. Перед входом в двери начиналось выдавание. На свадьбе старицкого князя Андрея Ивановича выдавал новобрачную княгиню Великий Князь Василий Иоаннович и при выдавании говорил речь: «Брат Андрей! Божьим изволением и нашим жалованием велел Бог тебе жениться, поняти княгиню Евфросинию; и ты, брат Андрей, свою жену, княгиню Евфросинию, держи потому, как Бог устроил». И после того брал за руку князя и отдавал ему княгиню. Углицкий князь Юрий Васильевич стоял за порогом, когда царь Иоанн Васильевич выдавал ему новобрачную. На второй свадьбе царя Михаила Феодоровича выдавал царицу боярин Иван Никитич Романов и, становясь в дверях, говорил речь: «Великий Государь, Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея Руси! По воле всемогущего и всесильного

в Троице славимого Бога, и по благословению отца твоего, Великого Государя, святейшего патриарха Филарета Никитича, Московского и всея Руси, и матери твоей, великой Государыни, инокини Марфы Иоанновны, изволил ты, Государь, по преданию апостольскому и святых отцов правилам, сочетатися законным браком, в наследие вечно нашему Царскому роду, во обладание великих государств ваших: а поняти за себя Царицу и Великую княгиню Евдокию Лукьяновну. И ты, Великий Государь, свою Царицу, а нашу Государыню, приемли и держи, как человеколюбивый Бог в законе нашем истинные христианские веры устроил, и Апостолы и св. отцы предаша».

После выдавания новобрачных провожали до сенника. Здесь посаженая мать, надевши на себя соболью шубу навыворот, осыпала царя и царицу осыпалом. На царских свадьбах свечи и короваи вносили из столовой избы после выдавания в сеннике и ставили их на кадь. На свадьбе Великого Князя Василия Иоанновича «тысяцкого жена положила на себя две шубы, одну по обычаю, а другую наизворот, и из мисы осыпала великого князя и великую княгиню.

В свадебном чиноположении Великого Князя Василия Иоанновича сказано, что «в те поры большая сваха да дружки, развернув скатерть, кормят Великого князя и Великую княгиню курем: и как поедят куряте, и Великий князь велел всем идти».

После провожания царя в сенник бояре и боярыни возвращались в Грановитую палату. Бояре садились за большой стол по правой стороне, поезжане и дворяне по левой стороне, стольники и дворяне, бывшие в поезде за санями царицы – за кривой стол; а посаженая мать и все боярыни отправлялись в царицыны хоромы. На свадьбе царя Михаила Феодоровича «в столы сказывали – в большом столе Иван Петров Шереметев, стольник Григорий Андреев Плещеев, в кривом столе Василий Петрович Шереметев, князь Семен Федоров Волконский. Вина наряжал стольник князь Никита Иванов Одоевский».

Спустя несколько времени государь велел звать посаженого отца с матерью, тысяцкого, дружек, свах и всех ближних бояр, находившихся в комнатах и у постели. Входя в сени пред

сенником, отец и ближние бояре кормили государя, а мать, свахи и боярыни кормили государыню. В свадебном чиноположении царя Алексея Михайловича показаны яства: «…в те поры подавано было к Государю в сенник квас в серебряной лощатой братине, да с кормового дворца приказные ества: папорок Лебедин под шафранным взваром, рябь окрашиван под лимоны, потрох гусиный; а Государыне Царице подавано приказных еств: гусь жаркий, порося жаркое, куря в калье с лимоны, куря в лапше, куря во щах богатых; да про Государя и про Государыню подавали хлебные ествы: перепеча крупчатая в три лопатки недомерок, четь хлеба ситного, курник подсыпан яицы, пирог с бараниною, блюдо блинов тонких, блюдо пирогов с яйцы, блюдо сырников, блюдо карасей с бараниною».

Столование для удельных князей после венчания отправлялось в великокняжеских хоромах. После венца новобрачных привозили во дворец. Князь входил в свои покои, а княгиню отводили к великой княгине. После завтрака новобрачный отправлялся с поездом по церквам и монастырям и по окончании молебствия приезжал во дворец. Когда все сели за стол, новобрачный князь вставал из-за стола и звал к себе великого князя *ясть на завтряе*, в след за ним вставала молодая княгиня и звала к себе великую княгиню *ясть на завтряе*. После стола во дворце отправлялось выдавание молодой княгини. Из дворца они отправлялись со своим поездом в свои хоромы. При встрече их в доме посаженая мать осыпала из мисы осыпалом. При выходе из дворца новобрачный князь вел свою княгиню под руку до саней; то же самое исполнялось при приезде ко двору. На свадьбе казанского царя Симеона укладывали спать царя с княгинею дружки и свахи; и они же спустя несколько времени входили к нему в сенник кормить его.

На второй день брака венценосных молодых происходило*: мытье в бане, кормление кашею, угощение в бане бояр и подарки, обед княжий.*

На свадьбе царя Михаила Феодоровича, с выходом государя в баню и во весь день и ночью на царском дворе играли в *сурны* и в *трубы* и *били по накрам*. Государь Алексей Михай-

лович «на своей Государевой радости накрам и трубам быти не изволил; а велел в Государские столы, вместо труб и органов и всяких свадебных потех, петь своим Государевым певчим дьякам, всем станицам переменяясь, строчные и демественные большие стихи из праздников и из триодей драгие вещи, со всяким благочинием. И по его Государеву, мудрому и благочестивому рассмотрению быть тишина, и радость и благочестие всякое, яко и всем ту сущим дивитися, и воссылати славу превеликому в Троице славимому Богу, и хвалити и удивлятися его Царского Величества разуму и благочинию»

Баня топилась под присмотром особенных бояр. Вероятно, этот обряд, соблюдаемый доселе, состоял более из одних предосторожностей. В свадебном чиноположении мы находим разные должности, назначавшиеся для банного отправления. Одни должны были смотреть *за топлением бани*, другие *быть у воды*, третьи *смотреть за платьем* новобрачного, четвертые *мыться* с ним, пятые исправлять должность *мовников*, шестые *приносить платье и пояс к бане*, седьмые *держать Государев колпак*, восьмые *стоять с полотенцем*.

Великие князья после мытья в бане отправлялись в сенник. На одной только свадьбе царя Михаила Феодоровича мы видим, что в бане было столование. Там *кушал* сам царь и жаловал боярам яствы наряженные, а после посылал боярам и окольничим романею в кубках. На свадьбе царя Алексея Михайловича не было в бане столования; но кушанья, приготовленные для сего стола, были следующие: «…курник подсыпан яицы, пирог россольный, блюда пирогов подовых на торговое дело, блюдо карасей с бараниною, коровай яцкий, блюдо блинов тонких, блюдо пирогов кислых, блюдо сырников, блюдо жаворонков, блюдо пирогов с яйцы». В то самое время, как в бане у царя Михаила Феодоровича происходило столование, царица Евдокия Лукьяновна *кушала в избушке*. Царица Марья Ильинична завтракала у *себя в хоромах*; для нее, кроме яств наряженных, были принесены: *кулич недомерок, кольцо* и *похлебка*.

Великие князья посылали удельным в баню подарки. Так, Великий Князь Василий Иоаннович посылал своему брату,

старицкому князю Андрею Ивановичу: платье, ставовой кафтан, да пояс, да далматик. После бани новобрачный приходил в сенник. Сюда приходили: посаженый отец и мать, тысяцкий, ближние боярыни и свахи. В это время посаженый отец совершал обряд вскрытия новобрачной, поднимая стрелою покров.

После совершения обряда вскрытия государь приказывал видеть царские и царицыны очи всем окольничим и думным людям в сеннике. По окончании поздравлений новобрачных кормили кашею. На свадьбах царей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича приносили кашу в двух фарфоровых горшочках, обогнутых двумя парами соболей. Большой дружка держал кашу пред государем, а большая сваха пред государынею. Важность свадебной каши была известна на Руси в начале XIII века. В летописи под годом 1239 находим: «…оженися князь Александр Ярославович, поя в Полотске у Брячислава дщерь и венчашася в Торопце: ту кашу чине, а в Новгороде другую». На свадьбе казанского царя Симеона княгинины дружки ходили с кашею к царю Ивану Васильевичу, к царице, к князю Юрию Васильевичу, к княгине Евфросинии, к князю Владимиру Андреевичу.

Цари после завтрака в сеннике отправлялись с поездом по монастырям и церквам. По возвращении с богомолья приезжали в Грановитую палату. Здесь отправлялось столование новобрачных за *золотым столом*, близ стены. У стола государева пред новобрачными стояли дружки, а пред царицею свахи. Во время стола за большим столом сидели бояре, окольничие и думные люди *в шубах нагольных да в горлатных шапках*; в кривом столе сидели стольники, стряпчие и дворяне московские *в охабнях*, а свечники, фонарщики и коровайники сидели за столом *в терликах*. Царица Марья Ильинична не находилась за золотым столом; она справляла у себя особый стол для боярынь. Тогда и для боярынь надобно объявлять указ – *сидеть без места*. Во время столования на свадьбе у царя Алексея Михайловича государевы певчие дьяки пели «многое время», а потом *строчные* и *демественные стихи из владычных праздников и из триодей*. После яств

подавали *в столы овощи на блюдах*. И при этом столе находились особенные люди: одни из стольников сказывали яства в столы у государя, другие на большой стол, третьи по кривой, четвертые наряжали вина и подносили пить государю и гостям, пятые считались в чашниках, шестые носили яствы за столом, седьмые считались в чарошниках, восьмые, считаясь степенными и путными ключниками от сытного и кормового дворов, *стояли у яств и питей*. В свадебном чиноположении царя Алексея Михайловича о столовании второго дня записано: «…и бысть брак честен и пирование велие, яко всем быти веселым и радостным, и благодарите и молите Бога об их Государевом здоровье, и многолетнем пребывании. А бояре, и сокольничьи и думные всяких чинов людей от царского стола разыдошася во свои домы, где кто стоит, славя благодаря Бога о Государской радости, и о таком его Царского Величества благочинии и пространном жалованьи».

Удельные князья после завтрака в сеннике ожидали от великого князя повеления: *делати поезд*. Когда об этом приходил боярин с вестию, тогда новобрачный посылал Великому Князю челобитье, а потом и сам новобрачный отправлялся к нему. Старицкий князь Андрей Иванович, по приезде своем во дворец, был пожалован от великой княгини; пред него ставили овощи и подавали вино фряжское. Новобрачная княгиня была угощаема «великим угощением». После того молодой князь отправлялся *на поклон* к митрополиту и по своим родным. Во время обеда он стоял пред великим князем, а его молодая сидела вместе с великою княгинею. По обычаю новобрачный должен был «бить челом великому князю, чтобы великий князь был бы весел да жаловал его своею радостию» В то же самое и те же речи говорила новобрачная великой княгине. После обеда новобрачные дарили своих высоких гостей дарами. Веселье второго дня оканчивалось в великокняжеском дворце, где молодые получали подарки. Казанский царь Симеон на своей свадьбе поднес следующие дары царю Ивану Васильевичу: «Бархат бурский, червчат с золотом; бархат бурский на черни, шелк алой с золотом, бархат бурский шелк

червляной да зеленой с золотом; бархат бурский на зеленой земле шелк червчат да бел с золотом; алтабас венедицкий червчат с золотом; алтабас венедицкий на червце, золото да серебро двоеморок; камка венедицкая червчата, камка венедицкая рудожелта; камка венедицкая зеленая; камка венедицкая рукожелтая шелк червчат; камка бурская червчата; камка бурская зеленая; камка бурская желтая; камка бурская лазорева; три сорока соболей; да сто золотых». Взамен сих даров царь жаловал Симеона кубком. Третий день свадьбы состоял в Грановитой палате, где на столах ставили также яствы и подавали пить те же питья. Царь сидел в палате с теми же боярами, окольничими и думными людьми; а царица угощала в своих хоромах. На этом обеде царь Алексей Михайлович после стола «жаловал овощами многих из своих рук, и подавали овощи всем людям, которые были у стола, не скудно по целому блюду, а иным и по два. И радость была всем людям, и благодарение воздав, и прославляя Бога о Государской неизреченной радости, пойдоша в домы свои, кто, где стоял».

Четвертый день свадьбы назначался для столования духовных особ и челобитья всех лиц. На свадьбе царя Михаила Феодоровича для них изготовлена была меньшая Золотая палата. Государь встречал своего родителя, патриарха Филарета в сенях, а патриарх благословлял его воздвизальным крестом и кропил святой водой. После благословения образом государь и патриарх взошли в Золотую палату и сели на золотых изголовьях. Здесь представляли дары по росписи царю от патриарха. За ним государь принимал поздравление от всего духовенства и от них представлялись подарки по чину: кубки серебряные и стопы, атласы золотые и соболи. После них входили с челобитьем бояре, думные, гости всех сотен с дарами; «но Государь даров не принимал ни у кого». Из Золотой палаты государь отправлялся со всеми в царицыны хоромы, где было благословение от патриарха и всего духовенства, потом челобитье от всех людей и предъявление даров царице. Столование для патриарха и всех властей происходило в Грановитой палате «по обычаю, без свадебных чинов; а взвары и овощи подавали

Государю и в столы ставили по свадебному обычаю». На свадьбе царя Алексея Михайловича патриарх Иосиф, благословляя государя и государыню, говорил речь:

«Богом венчанный, и Богом почтенный, и Богом украшенный, и Богом превознесенный и благочестием во все концы воссиявший, наипаче во Царех в благочестивой, православной христианской вере все изрядно цветущий, пресветлейший и преславный, и благоверный, и христолюбивый, Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси самодержец! По благодати Святого Духа и по преданию Апостолов и святых отцов наших правилам, венчалися есте и сочетатися законому браку с благоверною и христолюбивою Царицею и Великою Княгинею Мариею Ильиничной, и чтоб подал Бог вам, Великим Государем, благочестивые чада, в наследие рода вашего; да узрите сыны сынов и дщери дщерей ваших, и благочестивое царствование соблюдет Бог от всяких ваших врагов и супостатов здраво и ненаветно, и распространить Господа Бога и умножить от моря и до моря и от рек до конец вселенныя».

Вот что сохранилось нам в свадебных чиноположениях о великокняжеских и царских свадьбах. Теперь обращаемся к другим источникам.

Котошихин в своих записках о России в царствование Алексея Михайловича представлял особенные известия о царских свадьбах, которых в чиноположениях нет.

«Как приспеет день женитьбе царской, и в навечерии того дня бывает у Царя стол на бояр и боярынь, и на отца и мать невестиных; и сидят Царь с невестою за столом, а бояре и боярыни за розными особыми столами. И предествою царский духовник, протопоп, Царя и Царицу благословляет крестом, и велит им меж себя учинить целование, и потом бояре и боярыни Царя и Царевну поздравляют обручався. И евши и пивши, Царь Царевну отпустит к сестрам своим по прежнему, а бояре и жены их разъедутся по домам. И утром третьего дня, в который была женитьба, бывает Царь в первой соборной церкви и молебствует, и по молебствовании па-

триарх благословляет Царя крестом и кропит святою водою, и Царь прикладывается к образом святым и к мощем, а потом благословляется у патриарха о женитьбе своей, и патриарх его благословляет словом. И пойдет Царь из церкви в другую соборную церковь, где погребены прежние цари, и в то время отправит по мертвым пение; и учиня у гроба прощение, пойдет к себе. Царь в то время устраивается в свое царское одеяние, так же как и при короновании; а новую царевну прикажет нарядити во все царственное одеяние, оприч короны, а положат на нее венец девичий».

Далее Котошихин представляет, кажется, невероятные сведения; он говорит, что в то время как соберутся в Грановитую палату пред венчанием и сядут за столы: «учнут пред Царя и Царевну и пред свадебной чин носити есть стольники и ставити ествы по одному блюду на столы, ставится одной ествы блюд по пяти, потому что иные сидят от первых людей один от другого вдали; а как есту испоставят, и в то время встав духовник начнет пред ествою говорити молитву: «Отче наш», а соверша молитву садятся по местам, и потом дружки и подружья начнут благословляться у отца и матери, новобрачной косу чесать, а *протопоп и свадебный чин начнут ести и пити не для того чтобы досыта наесться, но для чину такого,* а пред Царя есть ставят и разрезывают и отдают со стола, а он не ест». Котошихин принял раздачу перепечи за обед и заставил всех присутствующих есть, чего в чиноположениях нет. Духовник говорил молитву покровения главы невесты, так по крайней мере записано в чиноположении; а Котошихин заставляет его говорить молитву пред яствою. Он добавляет, что, когда начнут царевне чесать косу и укручивать, будто в то время закрывали царя и царевну покровом, который держали свечники. Этого также никогда не бывало.

В числе других сведений находим у Котошихина, что пред поездом к венчанию отец и мать разрешают царю с царевною идти к венчанию и потом благословляют складными образами, отдают царевну в руки царю и прощаются. Заметим, что в свадебном чиноположении именно сказано, что отец не

благословлял Алексея Михайловича образом, как прежде бывало. Далее он рассказывает, что будто царь идет из палаты к церкви с царевною вместе – и это не во всем справедливо. Так шли они только до Красного крыльца, где царь садился на своего аргамака, а царевна садилась со свахами в сани, и розно ехали до церкви. В его известиях находим, что после венчания тысяцкий посылал дружку известить отца и мать, сидячих бояр и боярынь, что бракосочетание совершалось благополучно и новобрачные идут к ним и что они должны были отвечать на то, что прешествия их ожидают. Дружка возвращается с этою вестию к тысяцкому. У Котошихина находим, что третье яство, подаваемое на стол в первый день свадьбы, бывало *лебединое*. В свадебных чиноположениях находим, что царь из сенника посылал звать к себе отца, мать и боярынь, а Котошихин говорит: «И спустя большой час, отец и мать и тысяцкой посылают к Царю и к Царице спрашивати о здоровье. И как дружка приходя, спрашивает о здоровье, и в то время Царь отвечает, что в добром здоровье, будет доброе меж ими совершилось; и Царь приказывает приходить в другой ряд, или в третий, а дружка потому ж приходит спрашивать. И будет доброе меж ими учинилось, скажет Царь в добром здоровье, и велит к себе быти всему свадебному чину и отцем и матерем, а протопоп не бывает; а когда доброго ничего не учинится, тогда все бояре и свадебный чин разъедутся в печали, не быв у Царя».

О бане Котошихин добавляет следующее: «Как Царь выходит из мыльни, и в то время возлагают на него срачицу и порты и платье иное, а прежнюю срачицу велит схоронити постельничему; а после того слушает Царь заутрени, доколе Царица в мыльне и как ее в одеяние нарядят, и в то же время и бояре съезжаются к Царю. А как Царица пойдет в мыльню, и с нею мать и иные ближние жены и свахи, и осматривают те сорочки, а осмотря сорочки покажут царской матери и иным сродственным женам немногим, для того что ее девство в целости совершилось, и те сорочки, царскую и царицыну, и простыни, собрав вместе, сохранят в тайное место, доколе веселие минется; и потом из мыльни выходит в свои палаты.

А как Царю о том ведомо учинится, что уж из мыльни вышла и по чину изготовилась, и в то время Царь со всем своим поездом ходит к Царице, а Царица в то время бывает во всем своем одеянии и в венце царском; и чиновные люди Царя и Царицу поздравляют, а потом Царица подносит Царю, и боярам и всему свадебному чину сорочки и порты, а бывают те сорочки и порты тафтяные и полотняные, шиты золотом и серебром. И потом Царь с поезжаны ходит к патриарху, и патриарх его благословляет, и от патриарха ходит Царь по церквам своим и молебствует, и по молебствовании прикладывается к образам». На третий день свадьбы, говорит Котошихин, *бывает стол от новобрачной царицы на бояр же и на свадебный чин, а называется тот стол княгинин, и обедают против прежнего ж.* После стола будто царицын отец и мать и родные, сидячие бояре и боярыни благословляли царя и царицу образами.

Кроме столов, отправляемых в известные свадебные дни, говорит Котошихин, бывают еще «в иные дни на стольников, и на стряпчих, и на дворян Московских, и на гостей, и на сотенных людей старост и на городовых выборных посадских людей. Все эти люди подносили Царю и Царице дары по своему состоянию. Для священников, дьяконов и служебников соборных церквей бывали столы на царском дворе, и после стола раздавались деньги, “чтоб они за их государское здоровье молили Бога. В то же самое время отправляли с Москвы стольников, стряпчих и жильцов с милостынею и молебными деньгами по монастырям”».

После всех веселий царь с царицей путешествовали по московским монастырям, где кормили чернецов и раздавали милостыню: архимандритам, игуменам, келарям – по 20 и по 15, и по 10 рублей человеку, соборным и рядовым по 5 и по 4, и по 3, и по 2, и по рублю человеку, да по полотенцу, да по два платка; наконец хождение царя с царицею по богадельням и тюрьмам для раздачи милостыни оканчивало все свадебные торжества и обряды.

СВАДЬБЫ ЧАСТНЫХ ЛЮДЕЙ В XVII ВЕКЕ

Источники для описания частных свадеб. Сватанье; смотры; сговор; условия; свадебный поезд; обед; баня для новобрачных; поезд с челобитьем; свадебные пиры.

Единственный русский источник для описания свадеб частных людей в XVII веке заключается в записках Котошихина. В самых кратких известиях он описывает свадебные обряды, а всего более занимают его свадебные обманы. Иностранные источники содержат в себе большие невероятности. Казалось бы, что чужеземцам как очевидцам, всматривавшимся в наши народные обряды, должно быть справедливыми и верными описывателями; но мы встречаем в их известиях суждения превратные, описания небывалые. Из чужеземцев, бывших в России и видевших наши свадьбы, мы приводим указания на: Ченслера, Флетчера, Рейтенфельса, Маржерета, Петрея, Корба и Олеария.

Котошихин говорит, что если боярину или ближнему человеку случиться женить своего сына, или племянника, или захочет сам жениться, то разведывают прежде о невестах, а потом посылают друзей своих к отцу или родным невесты с предложением: не желают ли выдать свою дочь замуж за него или за сына? Потом спрашивают: сколько за невестою приданого – платьем, деньгами, вотчинами и дворовыми людьми? Если отец согласен выдать свою дочь, то на предложение отвечает, что рад выдать свою дочь, но только прежде желает подумать об этом с женою и родными и что тогда только будет прямо отвечать. Если же знают, что жених пьяница, или шаль-

ной человек, или имеет худые пороки за собою, то отказывают на предложение под каким-нибудь предлогом.

Когда на домашнем совете решатся выдавать дочь, то прежде составляют роспись, означая, сколько могут дать приданого – денег, серебряной посуды, платья, вотчин и дворовых людей. Роспись препровождатся к свату, а сват уже передает жениху. Сватовство скрывают как от невесты, так и от всех других. Если же жених по росписи соглашается на приданом, то посылает свата к невестиному отцу и матери говорить, чтобы показывали ему невесту. На предложение свата отвечают, что показать свою дочь рады, но только не самому жениху, а отцу и матери, сестре или другим родственникам, кому это дело поверит жених. В назначенный день доверенное лицо является от жениха смотреть невесту. Невесту одевают в хорошее платье, сзывают близких родных и садятся за стол. С честию встречают *смотрельщицу* и сажают за стол, рядом с невестою. Здесь она переговаривается с невестою о всяких делах, изведывает ее разум и речи, всматривается в лицо, в очи и в приметы. Все это делается для того, чтобы рассказать жениху, какова его невеста. Когда смотрельщице *не полюбится* невеста, то она говорит жениху, чтобы он больше к ней не сватался, потому что, по ее досмотру, она глупа, на лицо дурна, или на очи не добра, или хрома, и безъязычна. По этим вестям – жених отказывается от сватовства. Когда же невеста полюбится смотрельщице, то говорит жениху, что невеста добра и разумна, и речью и всем исполнена. После сего жених отправляет сватов с вестию к невестиному отцу, что он *излюбил* невесту и желает учинить сговор, написать записи, и жениться в назначенный срок, и чтобы в тот срок выдали за него невесту. Отец и мать отвечают сватам, чтобы жених приезжал для сговора *с небольшими людьми* в назначенный день.

Жених в назначенный срок с близкими родными отправляется в дом невесты. Здесь его встречали невестин отец и родные с честию, *как водится*, вводили в покои *и сажали по чину.* Посидев несколько, от имени жениха начинает говорить отец или кто-нибудь из родственников, что они приехали к ним для

доброго дела, по его приказу. Отец невесты отвечает, что он рад их приезду и хочет с ними *делать сговорное дело*. После сего начинают договариваться с обеих сторон о всяких свадебных статьях: какой срок положить свадьбе? Потом начинают писать записи – по тому сговору жениху взять невесту на установленный срок без отмены, и невестину отцу выдать за жениха невесту в тот же срок. Здесь назначают неустойку: сколько брать с виноватого, если к сроку не будет выполнено по записи. После сего начинают угощать приезжих гостей. В то время невесту не показывают жениху, а от ее имени выходит дарить жениха ширинками или мать или родственница.

Котошихин подробно описывает свадебные обманы, происходившие со стороны жениха или невестиного отца. Пользуясь строгим народным обычаем скрывать невесту до бракосочетания, родители некрасивых и увечных невест дозволяли себе употреблять хитрости при сватовстве. Старики наши любили покупать и продавать товар лицом, и потому-то худой товар всячески старались прикрывать.

Когда у отца были две или три дочери, и если одна из них – старшая была *увечна очами*, или *рукой и ногою*, или *глуха и нема*, а другие сестры были красивы и *речью исполнены*, то старались сбыть, прежде всего, старшую. Ежели же начинали присватываться женихи, то на смотринах вместо увечной дочери показывали другую, здоровую, выдавая за настоящую невесту. Смотрительница видит девицу здоровую и советует жениху жениться, не подозревая обмана. Когда же придет время венчания, и тогда выдают другую, увечную, которой имя было написано в записи, а не ту, которая была показана. Лицо невесты, покрытое фатою, никто не мог видеть; говорить с нею никто ни дерзал; хромоту ее никто не мог заметить потому, что искусные свахи, ведя невесту под руку, умели скрывать всякий порок; весь обман открывался после венчания. Отсюда возникали судебные дела. Обиженный муж являлся к патриарху с челобитьем и просил защиты. По рядовой записи производилось следствие, допрашивали соседей и дворовых. В случае открытого обмана расторгался брак и женатый получал пеню

за обман и вознаграждение за все убытки. Другие мужья прибегали к домашним расправам, били и мучили своих жен, чтобы они постриглись в монашество. Родные вступались за жену, и дело доходило до патриарха и властей. По суду и следствию обвиненного ссылали в монастырь на смирение. С другой стороны, возникали дела за смотры невест. Если отец соглашался допускать самого жениха на смотр своей дочери, то твердо уже был уверен, что ее *показать пред людьми не в стыд*. Если же жених, согласившийся взять его дочь, почему-нибудь будет поносить невесту *худыми и позорными словесами* и отбивает других женихов, тогда обиженный отец отправлялся на него с жалобою к патриарху. Когда же по суду будет доказано, что жених действительно поносил невесту, тогда его заставляли против воли жениться; а если уже он был женатый, то взыскивали только с него за бесчестие.

За день до свадьбы отправлялось в дом жениха приданое в сопровождении свахи. Брачное ложе везли к боярам в колымагах; другие вещи неслись усердными людьми на головах. Сваха убирала брачное ложе на сорока ржаных снопах, а подле него ставилось несколько кадей с пшеницею, ячменем и овсом. Флетчер говорит, что мать невесты со своими приятельницами оставалась при брачном ложе на всю ночь. Заметим, что это бывало тогда, когда невесту отдавали в замужество за Великого Князя, или Удельного, когда самую невесту привозили за день до свадьбы в дом жениха. Олеарий рассказывает, что за день до свадьбы жених посылал своей невесте платье, кику, пару черевик, ларец с румянами, гребнем и зеркалом. Это обыкновение продолжается и доселе. Ченселор и Флетчер говорит, что в ларчике были иголки, булавки, ножницы, шелк и *новая плеть*. Рейтенфельс писал, что женихов отец в день свадьбы разделял стрелою у невесты волосы. Подобного известия не находил ни у кого. Мы знаем только, что на великокняжеских свадьбах стрела втыкалась в стену сенника и на нее вешали калач.

В день свадьбы жених отправлялся из своего дома с поезжанами за невестою. Впереди поезда всегда ехал священник с крестом. С обеих сторон изготовлялись столы. Среди дво-

ра отец невестин встречал гостей, с почестию, вводил их в покой и с поклонами усаживал за стол. На жениховом месте сидел уже мальчик. Жених должен был поднять мальчика и занять свое место. Рядом с женихом сажали невесту, убранную в богатое платье. Олеарий говорит, чтобы жених и невеста не смотрели друг на друга, то два мальчика держали между ними кусок красной тафты. Вслед за сим приступали к чесанию головы. Сваха сбирала по плечам распущенные волосы и заплетала их в две косы; потом клали на голову венец, сделанный из тонкой золотой или серебряной нити. Между тем женщины, сидевшие по лавкам, пели свадебные песни. В то же время вносили двое мужчин под соболиною покрышкою коровай, сыр, хлеб, которые благословлял приехавший священник. Потом ставили на стол мису серебряную с ширинками и мису с осыпалом. После покрытия невесты фатою сваха осыпала ее хмелем, и раздавали поезду ширинки. На отпуске отец и мать благословляли жениха и невесту образами, и потом отец, взяв дочь свою за руку, отдавал в руки жениху. После чего весь свадебный чин поднимался в поезд. Впереди шел священник с крестом, за ними жених с невестою, вместе рука с рукою, а после них выходили все поезжане. У ворот жених садился на коня, а невесту со свахами сажали в колымагу или каптану. Грива у лошади и дуга обвешивались лентами и лисьими хвостами. Отец невестин, мать и все гости возвращались в хоромы и садились за стол ожидать вести от жениха. После венчания посылали с вестию в женихов дом, что *обвенчались в добром здравии*. При въезде молодых на двор встречали новобрачных с хлебом-солью, благословляли образами и осыпали зерновым хлебом. Весь свадебный поезд садился за столы, и начиналось пирование. Котошихин говорил, что в это время открывали невесту. Рейтенфельс писал, что невеста оставалась до третьей яствы и во время стола оплакивала свое девической состояние. После третьей яствы дружки *благословляются у отца и матери идти новобрачным опочивать*. Молодые встают из-за стола и отправляются в спальню в сопровождении свах и дружек. Олеарий заставляет жениха сидеть за столом с гостями,

а свахе раздевать молодую в спальне и укладывать в постель. Заметим, что Олеарий смешал здесь два обстоятельства: невесту точно свахи раздевали прежде и ныне раздевают; но здесь переменялось одно *венечное платье*. Этого никогда не бывало на Руси, чтобы в первый день брака молодая легла одна на постель и потом пред приходом его вставала, надевала соболью шубу и встречала с поникшею головою. Он еще выдумывает, что будто мальчики сопровождали жениха *с факелами* в спальню и оставляли их в кадях с пшеницею. Вероятно, что кто-нибудь на досуге пересказывал Олеарию, а он, не понявши дела, рассказал небывалую сказку. Олеарий этих факелоносцев заставляет дарить по паре соболей. Так чужеземец говорит и о наших брачных свечах, с которыми отправляли молодых в церковь. Олеарий забыл сказать или не знал, что молодая должна была разувать своего мужа; не знал, что она должна была снять с него шапку и пояс. Один Ченслер упоминает о разувании, но и то в превратном виде: «Если посчастливится молодой снять сапог с деньгами, то она на всю жизнь свободна от разувания мужа; если же случится напротив, то она должна всю жизнь разувать его». Наш самый древний обряд разувания молодого в первый вечер брака еще с X века. Еще Рогнеда, гордая своим происхождением, не желая вступить в брак с Владимиром, говорила: «Не хочу разути рабичича». Обряд разувания сохранился и доселе. Как жениху в сапоги, так и невесте в башмаки пред венчанием кладут деньги. После венчания, когда уже входят спальню, жених или садится на лавку, или на постель, а молодая начинает разувать мужа, с левой ноги. В старину муж вынимал из-за кушака плеть и слегка по спине отсчитывать несколько ударов. Об этой плети говорит и Корб. После плеть начали постепенно удалять, и молодой вместо нее бил свою жену голенищем по спине. Только Корб передал это в другом виде. Он говорит: «…после всех обрядов, отец молодой, в присутствии ее мужа, спрашивает дочь, закрытую покрывалом: хочет ли она быть его женою? После решительного ответа, отец берет новую плеть и бьет ею свою дочь, говоря: “Да вспомнишь ты, любезная дочь, по сим

ударам власть отца, в которой ты находилась; она и доселе над тобою, только переходит в другие руки. За ослушание своего мужа вместо меня будешь наказана этой плетью". После сего отец передавал плеть зятю; а сей принимал от тестя плеть, говорил, что он и не думает иметь в ней нужды, но берет как дорогой подарок и обещает хранить. Следуя обычаю, молодой полученную от тестя плеть запрятывал за кушак».

Котошихин говорит, что спустя боевой час после отхода из спальни молодых посылают дружку спрашивать о их здоровье. Когда молодой скажет, что он в добром здравии, и тогда отправляются к спальне поздравлять молодых и пить заздравную чашу. В это время тысяцкий посылает сказать отцу и матери новобрачной, что молодые в добром здравии. Дружку за добрые вести потчуют и дарят ширинками.

На другой день, после бани, по словам Котошихина, новобрачный с дружкою ездил сзывать к обеду гостей, своих и невестиных. Тестю и теще бил челом за то, что вскормили, вспоили и замуж выдали в целости и добром здравии. После съезда всех гостей новобрачный подносил всем свадебным людям подарки.

Перед обедом новобрачный из бояр отправлялся со всем поездом ударить челом государю. Входя в палату, молодой со всем поездом кланялся царю до земли. Государь спрашивал о здоровье молодых и поздравлял с законным браком и потом благословлял молодых окладными образами и дарил подарками. В то самое время и молодая посылала к царице и царевнам дары – убрусы тафтяные шитые золотом и серебром с жемчугом. Царица и царевны, принимая дары, спрашивали о здоровье молодой.

На третий день свадьбы, говорит Котошихин, бывал обед про молодых и всех гостей у тестя и тещи. После обеда тесть и теща и родные дарят новобрачных подарками.

На свадебных пирах чужеземцы видели музыкальные инструменты. Олеарий наши *гусли* называет *Псалтырем* и говорит: его держат близ груди и пальцами перебирают струны, как на арфе.

РУССКИЕ СВАДЕБНЫЕ ЧИНОПОЛОЖЕНИЯ

Время сберегло для нас чиноположения старых русских свадеб как единственные остатки нашей старой семейной жизни. Свадебные чиноположения начинаются с конца XV столетия и в самой сущности своей есть не что иное, как наставления, кому и что делать в суетливые свадебные часы. Подробности семейные, обычай старины не записывались; этим более распоряжались люди старые, опытные в свадебных делах. К сожалению, мы не имеем сведений о многих свадьбах; свадьбы частных людей исчезли вместе с их жизнью.

Для полного собрания русских свадебных чиноположений употреблены были мною следующие списки:

1. *Чины свадьбам царей и великих князей всея Руси.*

Описание этих свадеб помещено в сборник, писанный в 1624 году. В этом собрании находятся только описания 15-ти свадеб; свадебные чиноположения изложены здесь верно и полно против других списков, доселе известных.

2. *Како благослови всемилосердный Бог сочетатися благоверному Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу.*

Здесь, под этим заглавием, находятся описания двух свадеб Государя Михаила Феодоровича, помещенных в сборнике, писанном в первой половине XVII столетия.

3. *Список русским свадьбам*, находящийся в Императорской публичной библиотеке, принадлежал прежде <...> Флорову. Здесь помещено только описание 11-ти свадеб. Этого списка, как видно из чтения, придерживался Комаров.

Кроме сих списков, я имел в соображении еще другие, печатные:

1. *Описание тринадцати старинных свадеб Российских князей и Государей, какие во время оных по тогдашнему обыкновению происходили обряды. В том числе находится свадьба Казанского пленного Царя Симеона и самозванца Гришки Расстриги, изданное в Москве М. К* .1785.

Это описание, изданное Комаровым, составлено с большими пропусками и во многих местах переделано.

2. *Свадьбы*, помещенные в средней Российской Вивлиофике, изданной Новиковым, в XIII томе. Список неполный, местами переделанный, вмещает в себе описание 19-ти свадеб. На этот список, как более других исправный, ссылались Н. М. Карамзин и Н. А. Полевой – в своих Историях.

3. *Описание в лицах торжества, происходившего в 1626 году, Февраля 5 дня, при бракосочетании Государя, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича с Государыню Царицею Евдокиею Лукьяновною, из рода Стрешневых. Москва, 1810.*

Это описание было издано П. П. Бекетовым со списка, внесенного в Библиотеку Государственной коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновским. Издатель говорит, что он поверял рукопись со многими старыми списками. Один бекетовский список с рисунками свадьбы находится в библиотеке графа В. А. Сологуба.

4. Описание первой свадьбы Царя Алексея Михайловича в 1648 году, Января в 14 день. Соч. И. Терново-Орловского. М., 1797.

Кроме этих списков и печатных изданий русских старинных свадеб мне не были известны другие. Я слышал от одного очевидца, что в Архиве Коллегии иностранных дел сохраняются подлинники свадебных разрядов, доселе неизданных. Те ли они, что помещены в Вивлиофике Новикова? с которого времени начинаются? Мне неизвестно. Дождемся ли мы когданибудь, что они будут изданы?

Для издания русских свадебных чиноположений приняты были мною в основание два списка, помещенные в сборни-

ках № 1 и 2, как содержащие в себе описания полные и верные. По этим спискам напечатаны здесь русские свадебные чиноположения, в сличении со списками Комарова и Новикова, в следующем порядке:

1. Чиноположение о свадьбе Великой Княжны Елены Иоанновны с литовским князем Александром, в 1495 году.

2. Путешествие Великой Княжны Елены Иоанновны в Вильну для бракосочетания с литовским князем Александром.

3. Свадьба князя Василия Даниловича Холмского с Великой Княжной Софией Иоанновной в 1500 году.

4. Свадьба вторая Великого Князя Василия Иоанновича с княжной Еленой Васильевной Глинской в 1526 году.

5. Свадьба Удельного Старицкого князя Андрея Иоанновича с княжной Ефросиньей Андреевной Хованскою в 1533 году.

6. Свадьба первая Царя и Великого Князя Иоанна IV Васильевича с Анастасией Романовной Юрьево-Захарьиной в 1547 году.

7. Свадьба Удельного Углицкого князя Юрия Васильевича с княжной Ульянией Дмитриевной Палецкой в 1548 году.

8. Свадьба первая удельного старицкого князя Владимира Андреевича с Евдокией Александровной Нагой в 1550 году.

9. Свадьба Казанского Царя Симеона с Марией Андреевной Кутузовой-Клеопиной в 1553 году.

10. Свадьба князя Иоанна Дмитриевича Бельского с княжной Марфой Васильевной Шуйскою в 1555 году.

11. Свадьба вторая удельного старицкого князя Владимира Андреевича с княжной Евдокией Романовной Одоевской в 1558 году.

12. Свадьба третья Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича с Марфой Васильевной Собакиной в 1572 году.

13. Свадьба короля Магнуса с княжной Марией Владимировной Старицкой в 1573 году.

14. Свадьба седьмая Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича с Марией Нагой в 1581 году.

15. Свадьба первого самозванца Дмитрия с Мариной Мнишек в 1606 году.

16. Свадьба Царя и Великого Князя Василия Иоанновича Шуйского с княжной Марией Петровной Буйносово-Ростовской в 1608 году.

17. Свадьба Царевича Михаила Канбулина с Марией Григорьевной Лаповой в 1623 году.

18. Свадьба первая Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича с княжной Марией Владимировной Долгорукой в 1625 году.

19. Свадьба вторая Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой в 1626 году.

20. Свадьба первая Царя и Великого Князя Алексея Михайловича с Марией Ильиничной Милославской в 1648 году.

21. Свадьба вторая Царя и Великого Князя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной в 1671 году.

Кроме этих исторических источников, мы имеем еще другие записи, помещенные в наших летописях; но это число ограниченное, скудное и неполное. Сюда должно отнести также русские дипломатические акты о свадьбах.

Запись о свадьбе московской Великой Княжны Елены Иоанновны с литовским князем Александром в 1495 году

Лета 7003, Января в 6 день. Прислал послов князь великий Александр Алексеевич Литовский к Великому Князю Ивану Васильевичу, всея Руси, для великого внязя дочери, чтобы Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, дочь свою, Великую Княжну Елену за великого князя Александра Литовского дал.

А послы приходили от великого князя Литовского: князь Александр Олшанский, да пан Ян Забережский, да пан Юрий Зиновьевич.

И Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, дочь свою, великую княжну Елену за великого князя литовского Александра дал, а княжну Елену в Литву отпустил,

и с нею послов своих отпустил к великому князю Александру: князя Симеона Ивановича Ряполовского, да Михайла Яковлевича Русалку, да дьяка Василия Крушинина, и иных многих князей и детей боярских двора своего отпустил, а с великою княжною отпустил жен их.

И пришла великая княжна Елена в Вильну, февраля в 15 день, в неделю о блудном сыне. И венчали в Вильне великого князя Александра Литовского в церкви Станислава римского закона Бискуп Виленский по римскому закону, а великую княжну Елену в той же церкви венчал великого князя Московского поп Фома по греческому закону.

Послано зятю великого князя Александру на свадьбу: крест золотой, а на нем писаны святые; у него 2 зерна жемчуга Гурнунского; а весу в нем полгривенки без 2 золотников, пол-2 рубли.

Да с великою княжною великого князя дьяк отпущен для всяких дел обиходных, и дары отдавати ему ж великому князю Александру Литовскому, и на свадьбе ведать ему всякие дела, да дьяку Василию Жукову. Да с Василием послан бархат атласный бурский червчат. Дано 50 коп. грошей, на что будет ему надобно, что прикупить или кому дать.

И как великий князь Александр встретит великую княжну Елену, и как великой княжне выйти из тапканы, и Василию бархат послать пред княжной, почему из тапканы великой княжне выйти.

Да с великою княжною отправлен великого князя дворецкий, Дмитрий Семенович Немков. А приказ великого князя послан с Дмитрием. А кто отпущен с великою княжною бояре, и дворяне, и всяких чинов люди, и то не описано. А что даров отпущено от великого князя великому князю Александру Литовскому, что великой княжне дано с казны платья и даров, и то записано на казенном дворе.

Из Вильно великий князь Александр отпустил послов и дворян великого князя и детей боярских с великою честию; а у себя великая княгиня Елена оставила в Вильне князя Василия Ромодановского да Прокофья Скупатова, да Дмитрия Пешка.

И князь великий Александр князя Василия Ромодановского в Москву отпустил. А великую княгиню Елену великий князь Александр почал нудить по римскому закону. И Великий Князь Иван Васильевич, всея России, послал послов своих в Литву к зятю своему, к великому князю Александру, Бориса Васильевича Кутузова, да дьяка Андрея Малка, чтобы дочь его, великую княгиню Елену, не нудил бы от греческого закона к римскому закону.

Путешествие Великой Княжны Елены Иоанновны в Вильну для бракосочетания с великим князем литовским Александром

Лета 7003, приехала великая княжна на Дуброву, едучи к Вязьме, и тут встретили великую княжну князи Вяземские все; а привезли ей поминков: семь камок бурских легких, да за двенадцать золотых 300 грошей, по полутретьятцати грошей за золотой, да три золотые. А в Смоленске встретили великую княжну князь Александр от Окста, да Юрий Зиновьев, да Юрий Глебович наместник Смоленский, за 5 верст от Смоленска, и с ними все люди смоляне, бояре и мещане, да сойдя с коней пришли ко князю к Семену. И князь вышел против их саней, да придя с ними к тапкане, явил их великой княжне; челом ударили. И Ян встретил великую княжну у посадов, да с ним человек с 50. А как поехала великая княжна в посады и дети боярские сошли с коней, да шли у тапканы пеши; а как приехала к мосту, и бояре, князь Семен и Михайло, вышли из саней, да шли у тапканы пеши и до Пречистой; а владыка великую княжну встретил, выйдя из Пречистой, с крестом и со всеми священниками, и благословил великую княжну крестом, и княжна великая пошла в церковь, а владыка молебен начал петь; а как отпели молебен, и великая княжна пошла в тапкану и поехала к себе на двор; а бояре и панове проводили великую княжну до светлицы, и великая княжна приказала панам принести вина в кубках, и подавал им вино от великой

княжны князь Семен. А назавтра великая княжна у Пречистой слушала обедню, а владыко служил обедню сам; а уборы были на великой княжне по записи. А после обедни, как приехала великая княжна в светлицу; после к ней пани пришли челом бить: Юрьева жена Глебова со своею падчерицей, да Ивашкова жена Кошкина Маршалкина; а великая княжна велела им сесть на правой стороне на другой лавке; а поминков не принесли. А владыка Смоленский ударил челом великой княжне и принес ей поминки: икону золоту с цепочкою – Воплощение Пречистой на доске, да камку бурскую с золотом; и великая княжна велела ему сесть на той же лавке, на которой лавке пани сидят, выше паней от себя; и велела великая княжна вина принести в кубках; и подавал вино от великой княжны владыке князь Семен, и паньям подавала великая княжна сама вино, а к великой княжне вино приносила княгиня Марья князя Семенова. А как поехала великая княжна из Смоленска, и пан Юрий Глебов проводил ее за город с версту. А в Витебске встретил великую княжну наместник Витебский, князь Михайло князь Иванов сын Юрьевича Пжеславского, за 2 версты от Витебска, со всеми Виделяны, и князь Семен его явил великой княжне; а в посадах дети боярские шли у тапканы потому же, как и в Смоленске. А как приехала к месту, к верхнему городку, и бояре, князь Семен и Михайло, шли у тапканы пеши до Архангела; а у Архангела встретил великую княжну архимандрит с крестом и со всеми священниками, и благословил великую княжну крестом. И княжна великая в церковь не пошла, а пошла в горницу, а бояре проводили ее до горницы. А назавтра слушала великая княжна у Архангела молебен и обедню, да слушав обедню, тут хлеба не ела, поехала прочь, а князь Михайло великую княжну проводил со всеми виделяны с версту за город; а князя Александра и Яна и Юрия Зиновьева в Витебске не было; приехали раньше в Полоцк. И в Полоцке княжну великую встретил князь Александр от Окста, да пан Ян, да Юрий Зиновьев, за полверсты от посада, со всеми полочаны; и в посадах шли дети боярские у тапканы пеши потому же, как и в Витебске. А как приехала великая княжна к мосту,

и бояре, князь Семен и Михайло, шли у тапканы пеши и до великого собора Софии; а владыка встретил великую княжну перед церковью с крестами и со всеми священниками и благословил ее владыко крестом, и великая княжна пошла в церковь, а владыка молебен начал петь, а как отпели молебен, и великая княжна пошла в тапкану и поехала к себе на двор, а бояре, князь Семен и Михайло, и панове, князь Александр, и Ян, и Юрий, проводили великую княжну до горницы. И панам великая княжна велела вино подавати; а подавал вино панам от великой княжны князь Семен. И того же дня пришла к великой княжне панья Янова с дочерью челом били; а принесла поминки: две камки бурские с золотом; и великая княжна звала их к себе целоваться, и есть их к себе звала; и велела им сесть на правой стороне, в другой лавке, и велела взять великая княжна вино в кубках, и подавала великая княжна вино им сама, к великой княжне вино приносила княгиня Марья князя Семенова. А назавтра слушала великая княжна обедню у великой Софии, и обедню служил владыка сам, а панья Янова слушала обедню с великой княжной в Софии великой; а от обедни приехала великая княжна к себе в горницу, а пани Янова с великою княжною. А владыка челом ударил великой княжне после обедни, а принес поминки: камку бурскую с золотом; и княжна великая велела ему сесть в той же лавке, выше паней, и велела вина подать в кубках; а подавал вино от великой княжны князь Семен.

А о венчании бояре с панами начали говорить еще от Смоленска едучи, чтоб им учинили ведомо, чтобы венчанию быть в греческой церкви, и венчал бы их митрополит или владыко, или Макарий; и паны им ответа не учинили до Медников, а сказывают: обсылались с великим князем о том не единожды, и князь великий об этом ответа не учинил.

А в Вязьме встретил великую княжну от великого князя дворянин Николай Семенович Андушов и правил великой княжне от великого князя поклон, да поминки привез: четыре бареллы вина, да три бочки изюбряны; и великая княжна велела ему дать сорок соболей меньших и пять рублей.

А в Маркове встретили великую княжну от великого князя: Станислав Стромилов, да с ним князь Константин Острожский, да князь Иван, да князь Василий Глинские, а с ними человек с 60; а привез от великого князя великой княжне воз оболочек скорлатом, а положен аксамит зелен, а к возу 6 сголовий аксамитных, да впряжено в возу восемь жеребцов серых, а на жеребце шлей бархат багрец, а упряжи кольца и пупыты на шлеях и на уздах золочены; а сказал: прислал его великий князь служить и до Вильны. И говорили панове, чтобы великая княжна шла в воз; и великая княгиня в воз не пошла, а велела боярам то им отговорить.

А в Креве великую княжну встретили пани: пани Мартынова Анна, да пани Богданова Анна же, а приехали к великой княжне без поминков, а челом ей ударили на стану в избе; да в этот день у великой княжны и ели. Назавтра великая княжна поехала из Кревы в Ошмон и велела у себя в тапкане сесть пани Мартыновой до Ошмоны; а из Ошмоны до Медников ехала у великой княжны пани Богданова в тапкане.

А в Медниках бояре начали спорить с панами, что им ответа никакого о венчании; и паны, поговоря между собой, да отпустили к великому князю пана Яна.

И Ян приехал из Вильно от великого князя, и встретил великую княжну в Намежах в субботу, да с ним приехал Юрий Пицчович, а говорил боярам от великого князя, что ся ему с великою княжной венчати в Римской церкви, а не в Греческой. И бояре о том с ним говорили добре, что ся ему венчати в Греческой церкви, а не в Римской, да того у него не отмолвили. И пан Ян боярам говорил, что великой княжне ехать в город по гану, как от великого князя к ней весть будет, а до вести ей к себе ездить не велел, а боярам к себе ездить до венчания не велел же; а как приедет великая княжна в город, и ей первое идти в Русскую церковь, да и молебен слушать, да потом с ним идти в Римскую церковь, да там и венчаться; а сам князь великий великую княжну хочет встретить. Да пан Ян боярам говорил, что великой княжне до вести в город ездить не велел, доколе князь великий к ней в Немеж весть пришлет, и ей в город ехать.

Да как к ней порану в Немеж весть пришла, и велено ей в город ехать, и пан Ян к ней тут в Немежи приехал же, а привезли великой княжне от великого князя тот же воз, чтобы великая княжна на воз пошла, и великая княжна в воз не пошла, а пошла в тапкану, да в город и поехала.

И князь великий великую княжну встретил из города за три версты, да тут жеребец стал, и тапкана стала также. И тут от великого князя послали к тапкане постав сукна червленого, а у тапканы послали по сукну великого же князя камку бурскую с золотом. И великая княжна из тапканы на камку вышла, а за нею боярыни вышли же, а князь великий на сукно с жеребца сошел, да по сукну к великой княжне пошел, да великой княжне дал руку, да и к себе ее принял, да и о здоровее ее спросил, да великой княжне велел опять пойти в тапкану, а боярыням, княгине Марье да Русалкин жене, руку дал же; а сам князь великий на жеребце пошел, да поехал возле тапканы и до города.

А как к городу приезжает, и он велел своим княжатам, да и панским детям с коней сойти, да велел пойти у великой княжны у тапканы с правую сторону, а княжнины дети боярские пошли с левой стороны, а сам великий князь поехал перед тапканою и до города, да и в городе въехали вместе до Русской церкви, до Рождества Пречистой. И великая княжна пошла в церковь к Рождеству Пречистой, и сам князь великий пошел в свою божницу в Станислав. И великую княжну тут встретил архимандрит Макарий, что взведен на митрополичье место, с крестами и со священниками; да тут в Рождество Пречистой и молен, пели, а обедни уже отпели. И великой княжне тут княгиня Марья да Русалкина жена косу расплели, и голову чесали, и кику на нее положили, да и в покровом покрыли, да и хмелью осыпали: а поп Фома молитвы говорил, да и крестом ее благословил.

И великая княжна из церкви пошла к великому князю в его божницу; а пред нею шел поп Фома с крестом да и крестом ее благословлял; а у божницы великую княжну встретил бискуп с крыжем, ее не благословлял, да опять пошел в божницу, да стал на своем месте; князь великий с великою

княжной стали в божнице на своем месте, а под княжну послали бархат, который был послан у тапканы под ноги, да на место положили сорочек соболей меньшой. И бискуп говорил великому князю молитвы, а поп Фома говорил великой княжне молитвы; а княгиня Марья над нею венец держала, а Кулешин вино держал в склянице, а поп Фома великой княжне давал нити, да скляницу и растоптали. И бискуп да и князь великий о том крепко поспорили, чтоб поп Фома молитв не говорил, а княгиня Марья венца не держала; и князь Семен у них то отговаривал, а поп Фома таки молитвы говорил, а княжна Марья венец держала. Архимандрит Макарий тут же был в божнице, да великой княжне молитв не смел говорить великого князя. И после венчания князь великий пошел к себе в гридню, а великая княгиня пошла себе в иную горницу за боярынями.

И князь великий, придя от венчания, да прислал по бояр, а велел им у себя быть с поминки, да и речь говорить. И бояре, к великому князю придя, поминки являли, да и речь говорили, да и ели у великого князя. А княжна великая венчалась в своих портех, да и нынеча, уже четвертый день, после венчания, и великая княгиня так и ходит в своей портех да и в кике. А назавтра князь великий боярам велел себе являть крест с цепью, да и порты, которым было портам быть после венчания, да и после мыльны; а мыльни у великого князя не было, и бояре ему то являли, да и речь говорили.

Свадьба князя Василия Даниловича Холмского с великою княжною Софией Ивановной в 1500 году

Лета 7008, февраля в 13 день. Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, пожаловал своим великим жалованьем князя Василия Даниловича, княж Холмского, за его радение и многие службы.

А в жалованье своем великий князь приговорил: за князя Василия Даниловича, князя Холмского, дать дочь свою великую Софью.

Наряд Великого Князя Ивана Васильевича, как быти по тому на свадьбе князя Василия Даниловича, княж Холмского

Великий Князь Иван Васильевич велел урядить наряд на свадьбу князя Василия Даниловича, княж Холмского, как велось исстари, при князе великом Симеоне Ивановиче, при Великом Князе Василии Васильевиче, при отце великого князя, а велел быть не поруша ничем. А в наряде указал великий князь быти в тысяцких у князя Василия боярину князю Данилу Александровичу Пенька да и его жене сказать особый наряд. И в наряде указал великий князь быть в дружках у князя Василия: боярину князю Петру Васильевичу Чоботу да и жене его сказать особый наряд; а быть ему у князя Петра в податных. А что им надобе будет на посылку, им отданы: Иван, да Никон, да Петр Осокин. И указал великий князь быть по наряду Микуле Анчелову да Ивану Иванову, сыну Баршову, а держать им ковер княжей. А с крестом от Пречистой указал великий князь быть по наряду попу Афанасию да быть ему ж с крестом у постели. А в конюших указал великий князь быть Гриде Афанасьеву да ему же ездить на жеребце, а у него быть детям боярским 15 человек, кому довелось. А наряд боярам и детям боярским, кому быть в свечниках, коровайниках и фонарщиках, и кому стоять у местных сголовей, и кому нет сголовья в церкви, и кому нести камки, и тому всему писано особо, и наряд ведать князю Андрею Михайловичу Оболенскому, и наряд объявить дьяку порознь, по статьям. А что указал великий князь и великая княгиня даров князю Василию Даниловичу Холмскому, то писано в особых статьях, а статьи посланы с дьяков на казенный двор.

Наряд Великого Князя Ивана Васильевича, как быть при великой княгине Софье в поезде

И Великий Князь Иван Васильевич указал особый наряд, а в наряде написано:

А у великой княгини у Софьи быть у саней ее боярам: Дмитрию да Юрию Грекам, да Юшке Малому, да окольничему Даниле Иванову, да Григорию Мамонову. А дьякам Ивану Кобяку да Василию Ефимову ходить у саней великой княгини и людей собирать им по нарядам. И великой княгине Елене быть с великою княгинею Софиею в одних санях. А опричь сего сказать наряд у великой княгини, у Софьи у саней, а в наряде ходить у саней довелось: князю Ивану Смоле, князю Андрею Михайловичу Оболенскому, князю Дмитрию Владимировичу, сыну его Петру, князю Дмитрию Курбскому, князю Федору Юхоцкому, Федору Беззубову, князю Ивану Кубенскому большому, Семену Воронцову, Ивану Гаврилову, князю Ивану Кемскому, Юряте Товаркову, Скрябе Травину, Клянику Еропкину, Якову Змееву, Гришке Матвееву Денисьеву, Олферию Филипову, Юшке Владыкину, Федору Голохвастову, Ивану Васильчикову, Федору Васильчикову, Ивану Ченец-Кушелеву, Ваське Пушечникову, Федору Песенникову, Ивану Слободкину, Андрею Шок, Алексею Огрофенину, Ивану Ромоданову, Ивану Кропотову, Тишке Лихареву, Федору Коверя-Умрыха, Тювец Васильевы, дети Зиновьева, Нащок Мотякину, Мишке Афремову, дьяку Сухому, Тимофею Михайлову Афанасьеву, Обляз Триторкову, сыну Немого, Михайле Беклемишеву, Захару Щулеппикову, Володе да Мите Зверевым, Бурецу Пикину, Сукману Топоркову, Самаре, да Розладе, да Пищале Родионовым, Андрею Чупа-Хорошеву, Тимофею Васильеву сыну Челюсткину, Волку Борисову.

Разряд Великого Князя Ивана Васильевича,
а в нем писано, кому ходить с князем Васильем

А в разряде великого князя писано быть с князем Васильем в поезде детям боярским:

Князь Иван Реппя, князь Федор Телепен, князь Тимофей Тростенский, князь Федор Голубой, Василий да Михайло, да Федор княж Ивановы дети Лыкова, князь Михайло, да Андрей, да Дмитрий, князь Ивановы дети Булгакова, Иван княж Дмитриев сын Пронского, Никита княж Васильев сын Микитича

князя Михайло Карамышева-Курской, Михайло Львов сын Романова, Дмитрий княж Феодоров сын Юхоцкого, Александр княж Феодоров сын Сицкого, князь Василий, да князь Дмитрий княж Васильевы дети Шуйского, князь Иван княж Васильев сын Шуйского, Володя княж Иванов сын Барабашин, Феодор Стрига, да Петр Лобан княж Семеновы дети Ряполовского, Юрий, да Михайло, да Борис, княж Васильевы дети Ромодановского, Иван княж Феодоров сын Пестрого, Иван Слепой Осиповский Голенищев-Ондомский, Иван Семенов сын Морозов, Михайло Васильев сын Тучков, Василий, да Яков Григорьевы дети Морозовы, Иван, да Василий, да Борис дети Шереметева, Петр Федоров сын Давидова, князь Федор Хромой, князь Иван Кубенский Меньшой, Дмитрий княж Иванов сын Янов, княж Федор Голубой, Иван княж Федоров сын Алабашев, Семен Функов сын Кемского, Андрей Белкин, Петр Григорьев сын Феодор Пешков, Тимофей Вельяминов сын Глазов, Григорий Очин Плещеев, Дмитрий да Федор Даниловы дети Иванова, Яков Замятин, Семен Мяслев сын Слизнева, Михайло да Василий Вялловы, Олябий Емельянов, Пешок Борисов сын Синего, Иван да Василий дети Дмитриевы Давыдова, Федор да Иван Спячие-Беклемишевы, Василий Плотов, Степан Сидоров, Борис Морев, Семен Угримов сын Заболоцкого, Иван да Степан, да Григорий Васильевы дети Даниловы, Афанасий Сакмышев, Иван Скрябин сын Морозова, Василий княж Иванов сын Тулупов, Иван Михайлов сын Зворыкин, Александр Кривоборский, Феодор Киселев, Семен Иванов сын Борисова Муромец, князь Василий, да княж Иван Лапа Иванов сын Гаврилов, Иван Микулин сын Ярого, Ярец да Ушак Зайцовы.

Свадьба вторая Великого Князя Василия Иоанновича с княжною Еленою Васильевною Глинскою в 1526 году

Наряд великого князя в Брусяной избе

Лета 7034, января в 21 день, в воскресенье, Великий Князь Василий Иоаннович повелел быть большему наряду

для своей, великого князя, свадьбы в Брусяной избе. А как великий князь, нарядясь, поедет в Брусяную избу, за стол, и брату его, князю Андрею Ивановичу быть тысяцким, а поезд изготовить из бояр, кому великий князь укажет. Среднюю палату нарядить по старому обычаю, а место оболочи бархатом с камками, как князь великий велит. А сголовья на месте положить шитые, а на сголовьях класть по сороку соболей, а третий сорок держать, кому укажет великий князь, чем бы опахивать великого князя и великую княгиню. А в Средней палате, у того же места, поставить стол, и скатерть послать, на столе калачи, соль поставить на блюдо деда князева, Великого Князя Василия Васильевича, что в кладовой.

Наряд, как идти княжне Елене Васильевне на свое место

Княжну Елену Васильевну нарядить в большой убор, как ей идти на место, и сидеть ей в своих хоромах. А тысяцкого жене, свахам и боярыням быть у ней во всем готовым, как исстари уряжено.

Как изготовят каравай, также тут поставить обе свечи. А князь великий пришлет к боярыням, а велит княжне идти на свое место, и княжне пойти из своих хором в Среднюю палату, направо, в сенные двери, а с ней идти тысяцкого жене, обеим свахам и боярыням. Перед княжною идти боярам, кому великий князь велит, а за боярами перед княжной нести свечи: князя великого свечу и княжнину свечу, да еще два коровая, а на них положить по девять пенязей больших серебряных, широких, а были бы пенязи на один лик золочен, а на другой бел и гладок. А придя в Среднюю палату, княжну посадить на место, а на великого князя место посадить княжну Настасью, меньшую сестру; тысяцкого жене и свахам и боярыням всем сесть по своим местам у княжны Елены. А кому довелось быть с свечами и короваи, и им стать поодаль у свахи, на левой стороне, а боярыням всем сесть за большим столом, на лавке. А как все рассядутся, и тогда им обослатися вестию к великому князю.

Наряд, как идти великому князю из Брусяной избы в Среднюю палату с поездом и с боярами

И как придет весть от боярынь к великому князю, и великий князь пошлет по князя Юрия Ивановича, по брата своего, сидеть на большом месте и по разряду рассаживать бояр и детей боярских. И как князь Юрий Иванович придет в Среднюю палату, сядет на большом месте и бояре и детей боярских рассаживает, и он шлет за великим князем боярина большого звать его.

А боярину большему прийти к великому князю и говорить речи:

«Великий князь, Государь! Князь Юрий Иванович велел тебе говорить: взем Бога в помощь, время тебе, Государю, великому князю идтить к своему делу».

И князь великий пойдет из Брусяной избы в Среднюю палату, а с ним тысяцкий, и в поезд и все бояре. А как великий князь взойдет в Среднюю палату, и он, великий князь, помолится святым образам, и, дойдя до своего места, великой княжне Настасье встать, и тогда сядет на своем месте. А в те поры велит позвать от Пречистой священника, и как он придет, немного посидев, ему молитву говорит; а в те поры великий князь велит тысяцкого жене княжне Елене голову чесать. А кому довелось быть со свечами, и им, в те поры, свечу великого князя и княжнину зажечь водоосвященными свечами, что приносят с навечерья Богоявления Христова, и положить на них по обручу, и обогнуть их соболями. А как великой княжне голову исчешут и на княжну кику возложат и фату навесят, и тысяцкого жене осыпать великого князя и великую княгиню, а после осыпания соболями опахивать.

А снарядить осыпало на мисе золотой, а на ней перво хмелю всыпать по три угла, в трех местах, и на местах положить по тридевять соболей, на каждом месте по девяти, да три девять платков бархатных, камчатных и атласных с золотом, и без золота, и всякие девять платков были бы разных шелков, и отмерить те платки длиною в четверть с вершком аршина, да

поперек в четверть, да на тех же местах положить по девяти меньших пенязей, а были бы пенязи величиною с золотой, а иной и меньше. Таковую ж мису снарядить к постеле. И дружка великого князя, благословясь, начнет резать перепечу и сыры, и все уставит на блюде перед великого князя и княжну, тако ж и на все столы учнет рассылку посылать. А в те поры княжнин дружка начнет подавать ширинки. И в те поры великий князь повелит известить поезд к венчанию к Пречистой.

Наряд, как Великому Князю Василию Ивановичу и княжне Елене Васильевне ехать на венчание к Пречистой

И как придет время ехать к венчанию к Пречистой, и великий князь встанет к поезду, а на место его, где было сголовье, положить сорок соболей. А как придет к Пречистой, и великому князю идти в церковь сторонними дверьми, от площади, а за ним идут великого князя братья, тысяцкой, бояре и весь поезд. А княжна Елена едет к церкви в санях за великим князем. И как княжна Елена встанет с места и пойдет к саням, и, в те поры, на княжнино сголовье положить два сорока соболей. А княжне Елене ехать в церковь с тысяцкого женою, а свахам большим сидеть в тех же санях с княжной Еленой Васильевною. А меньшие свахи сядут в опричные сани и едут за княжною Еленою; а за санями у княжны Елены пойдут: бояре, дети боярские и дьяки, кому великий князь велит. А свечи и короваи несут пред санями. Княжна Настасья и боярыня идут из Средней палаты в великие княжны хоромы. И как приедет княжна Елена ко Пречистой, и, выйдя из саней, пойдет в те сторонние двери, от площади.

Наряд, как быть у Пречистой Великому Князю Василию Ивановичу и княжне Елене Васильевне

А у церкви у Пречистой великий князь станет на правой стороне у столпа, у митрополитова места, по левую сторону, а княжна Елена станет там же, на левой стороне от великого кня-

зя. А кому довелось быть со свечами и короваями, и им стать у того столба, по правую сторону. А скамью ставить у правого столба, а на скамью послать ковер, на ковре положить два красных сголовья. И в те поры, как великий князь и княжна пойдут к венчанию, и им дружки стелют под ноги камку, да сорок соболей кладут, кому довелось по разряду. И как великий князь и княжна Елена станут к венчанию на месте, и в те поры митрополит будет их венчать, а другие, кому довелось, держать поодаль вино фряжское. И как митрополит даст пить вино великому князю и великой княгине, и как еще великий князь будет допивать вино, и он ударит скляницу о землю, и ногой топчет сам, а иному никому не топтать, кроме князя, а после венчания, собрав, кинуть в реку, как прежде велось. И как великий князь пойдет от венчания, и сядет у столба, на левой стороне, на сголовьи, с правой стороны, а великая княгиня пойдет за ним и сядет рядом, с левой стороны. И в те поры к великому князю и к великой княгине идут, кому довелось, по свое. Митрополит придет к великому князю и великой княгине со здоровьем на многие лета. За ним здоровают великому князю и великой княгине братья великого князя. За братьями великого князя здоровают великому князю и великой княгине бояре и дети боярские. И в те поры поют многолетия великому князю и великой княгине дьяки и певчие, на обоих клиросах. А как отздоровают великому князю и великий князь пойдет в те де двери сторонние, что на площадь, а великая княгиня пойдет из церкви и сядет в тех же санях, а с ней сядут тысяцкого жена и большие свахи. И приедут сани с княгинею, и великая княгиня пойдет в свои хоромы. А в те поры ясельничий сядет в сани на место великой княгини и поедет в конюшню. А кому довелось держать свечи и короваи, и им идти в сенник, к постели.

Наряд, как устроить сенник постельный и как устроить короваи

А кому по разряду довелось устроить сенник постельный великому князю и великой княгине, и им сенник по-

стельный оболочи внутри запонами шидяными, по углам четырем воткнуть четыре стрелы, и на каждой стреле по сороку соболей, как угодно будет великому князю, и тут положить по калачу, а ино и более, да тут же поставить по углам на лавках по оловяннику меду. А постели слати, кому довелось, по обычаю, в сеннике, на ржаных снопах, входя в сеннике на правой стороне. А постели слать как завелось исстари, и брать ржаных снопов тридевять, а прочее все по разряду. А как от венчания принесут короваи и свечи, и свечи поставить в кадь, что с пшеницею, у постели в головах, а обручей со свечи не снимать во все три дня, и в те поры, как пройдут три дня, и те свечи обе соткати, да поставить в церкви. А кому довелось постелю слати, и в те поры пойти в сенник с постелею, а перед постелью понесут два образа: Рождество Христово и Рождество Пречистой Богородицы, да еще крест воздвизальный, и поставить у постели в головах. А кроме сего уставить в сеннике и другие образа, четыре иконы Пречистой Богородицы. Первую икону Пречистой Богородицы с младенцем поставить в сеннике, среди стены на левой строне; а лик Пречистой изукрашен: венцы гладкие, с каменьями и с подсвечником, а застенок и убрус из тафты червчатой, саженой жемчугом с дробницами. Другая икона Пречистой Богородицы с младенцем, а поставить, кому довелось, на правой стороне; а лик Пречистой обложен серебром, с венцами с цаты яхонтовые, убрусец из червчатой тафты саженой, а застенок с разными шелками. Третья икона Пречистой Богородицы с младенцем; а поставить, кому довелось, на правую сторону; а лик обложен золотом, оклад басмян, венец, подвенечники, травы выделаны сканью, с камнями, убрусец саженой жемчугом, застенок камка червчата с золотом. Четвертая икона Пречистой Богородицы с младенцем; а поставить, кому довелось, на правую сторону, от великой княгини плат, среди стены. А лик Пречистой обложен яхонты с бирюзою, убрусец тафта червчата, по концам сажена жемчугом, а застенок бархат бурский с золотом. И как иконы расставят на всех четырех стенах по иконе, да на двери изнутри и с надворья, так же и над

окнами в сеннике кресты поставить, и в те поры у постели поставить в головах две подушки, в ногах же на ковре одеяло кунье да шубу и покрыть простыней. А тысяцкий поведал в разряде: боярышни де приговорили свои речи о короваях. Короваи нести утром рано из той избы, где их пекли, и принести их в наугольную палату от Пречистой. А класть короваи со шлейками на носило, и свечи принести. Как княгиню наряд-ят, и уже будет время пойти на место, ино те короваи нести со свечами, да и вперед нее нести. И в те поры, как нести короваи, великий князь велит, кому довелось, взять новую свечу у ключника да зажечь и нести в фонаре. А свечу зажечь, по слову княжью, великого князя водокрещенною свечой, а ею все зажечь большие свечи.

Наряд, как идти Великому Князю Василию Ивановичу по монастырям и звать на большой обед своих братий и бояр

И как великий князь сядет за стол и учнет брать за завтрак и в те поры пошлет обвестить свой поезд по монастырям и церквам. И как поедет великий князь по монастырям и церквам, и с ним поедут братья его, тысяцкий, и весь поезд, и бояре, как укажет великий князь. И как великий князь объедет монастыри и церкви, приедет в Брусяную избу, и он пошлет весть, кому довелось, а велит великий князь идти к столу. И как придет весть от великого князя, и великая княгиня из своих хором выйдет к столу, и за нею тысяцкого жена, свахи и боярыни. И великая княгиня прийдя, помолясь, сядет к столу на своем месте, а с нею тысяцкого жена, свахи, по своим местам, другие же боярыни все за большим столом, по лавке. И великий князь пошлет весть князю Юрию Ивановичу, а велит ему идти впереди себя, да с ним, кому велит, бояр и детей боярских. И как Юрий Иванович придет и сядет за стол на большом месте, боярам же и детям боярским сесть на окольном кривом столе. И как великий князь приедет и с коня сойдет и велит на своего коня сесть конюшему, и ездить

ему от обеда вплоть, кругом и подальше, с голою саблею. И как великий князь сядет на своем месте и велит тысяцким и дружкам сесть по своим местам, а бояр и детей боярских посадить по своим местам, а князем, где довелось. И как великий князь рассадит всех, и как поставят пред великими князем и княгинею куря верченое, и тогда большой дружка, встав с места, обертывает верченое куря, с блюдом, с калачем, с солонкою, и понесет к постели. В то время великий князь велит ставить на брачные столы яства, а кому довелось, подавать по наряду, со благочинием и с вниманием. И кому довелось подавать яства, и те говорят яствам, поодиночке, молитвы, и кому подавать, те говорят милостивые речи великого князя. И как с яствами пойдут к боярам и детям боярским, и им поступать по старому обычаю, как бывало перед сего на свадьбе у Великого Князя Семеона Ивановича и как было на первой свадьбе у Великого Князя Василия Иоанновича. И как пошлет великий князь с медом и винами фряжскими, и тогда не чинить споров, а было во всем как велось исстари, без спору, а желать во всем добра великому князю до полна. И как великий князь выйдет из-за стола и пойдет к постели, и в те поры великий князь примет великую княгиню за руку. А за великим князем и великою княгинею пойдут тысяцкий, дружки, свахи и все, кому укажет великий князь. И кому довелось княгиню выдавать, пойдет с князем вместе, до двери той палаты. И как великий князь и великая княгиня придут к дверям и станут в в дверях, и кому довелось выдавать великую княгиню, и тут будет выдавать и говорить речи. А как дойдут до постели, и в те поры тысяцкого жена положит на себя две шубы, одну по обычаю, а другую наизворот, и будет из мисы осыпать великого князя и великую княгиню у дверей сенника. И в те поры большая сваха да дружки, развернув скатерть, кормят великого князя и великую княгиню курем. И как поедят куряте, и великий князь велит всем идти. И кому великий князь укажет и повелит назавтра вскрывать княгиню, а после мыльны кормить кашею великого князя и великую княгиню, и им быть в готове.

Разряд боярам и детям боярским, как быть на свадьбе у Великого Князя Василия Иоанновича

Указал великий князь составить боярам и детям боярским разряд, по статьям, и каждой статье учинить опись, и по описям ведать разряд. А описи велел великий князь читать в Брусяной избе дьяком пред собою, да оттоле велел сказать боярам и детям боярским наряд, кому что довелось.

А в разряде писано по статьям, кому что довелось, а статьи отданы дьякам.

Статья 1. У великого князя на свадьбе князь Юрий Иванович, да князь Андрей Иванович на первый день сядут в большом месте за столом. У великого князя на свадьбе в дружках быть: князю Дмитрию Федоровичу Бельскому, а другому дружке быть Михайлу Юрьевичу Захарьину. А с великой княгини стороны быть дружкам: князю Михайлу Васильевичу Горбатому, да князю Борису Ивановичу Горбатому с княгинею. А в свахах быть князя Ивана Шуйского княгине Авдотье, да Юрия Малова жене Варваре. За столом сидеть боярыням: князя Федора Ивановича Бельского княгине Анне, да князя Семенова-Холмского княгине Марье, да Петрове жене Яковлева Анне, да Михайлова жене Юрьева Арине. Бояре и дети боярские едут с великим князем, кому где довелось. И что писано в сей статье, и то ведает дьяк Афанасий Курицын.

Статья 2. Детей боярских собирают и выдают окольничие: Иван Ляцкий, Василий Яковлев, князь Иван Палецкий, князь Андрей, сын княж Петра. И ведает их по сей статье дьяк Афанасий Курицын. А князь Михайло Юрьевич Кубенский и Шигоня Поджогин ходят перед великим князем. А собирать боярских детей окольничему Михаилу Васильевичу Тучкову, да с ними ходить у саней великой княгини Якову Мансурову да Балобану Кушинову ходить за санями и быть в хоромах у платья великой княгини. А сему делу ведать дьяку Елизару Цыулеву.

Статья 3. А стояти у местных сголовий по наряду: у сголовья великого князя быть Василию Стрешневу, у сголовья

великой княгини князю Александру Кашину. А стоять у места: Ивану Третьякову; а у постели быть боярам: князю Ивану Васильевичу Немому Телепневу, да князю Семену Дмитриевичу Серебрякову. А боярыням стоять у постели: Марье Григорьевой жене Федоровича, Елене Ивановне жене Андреевича, Аграфене жене Василия Андреевича. А детям боярским быть у постели: князю Борису Щенину, Князю Петру Репнину, князю Осипу Тростенскому, князю Ивану Овчине, княж Федорову сыну Телепневу, Косте да Дмитрию Курлятевым. А князю Михаилу Кубенскому стоять у постели и ездить с великим князем. И как короваи отнесут, и стол отстоят, и в те поры быть у постели князю Петру, княж Иванову, сыну Немова. А как коровай отнесет, то быть у постели князю Ивану Горенскому, да Федору Немому Михайлову сыну Нагова, оприч князя Михаила и князя Петра Немова. А быть на рассылках у князя Ивана Немова: Левке, Федьке, Петру да Ивашке, Григорьевым детям Мансурова, Олферу Семенову сыну Мансурову Василью княж Борисову сыну Константинова, Сеньке Офцыну и Ваньке Зуй-Бурухину, и Ваньке Казаринову. А ведают по сей статье дела постельные дьяки: меньшой Путятин да Трифон, а меньшой Путятин ходит к великому князю за разрядными списками, как ему придет время идти к венчанию.

Статья 4. А постелю слать: князю Ивану Немову, князю Борису Щенину, князю Петру Репнину, князю Осипу Тростенскому, Косте да Дмитрию Курлятевым, Федору Кучецкому, Казарину Бурукову, Андрею Квашнину, князю Петру Немову да боярыням. А мыльню топить и быть у мыльни: Андрею Квашнину, да Казарину Бурукову. А у воды быть Федору Кокошкину, Матвею Буруну да с ним двум подьячим. А у платья великого князя быть: Федору Кучецкому да Федору Мишурину. А колпак держать у великого князя князю Ивану княж Федорову сынуТелепневу и спать у постели. А в мыльне мыться с великим князем: князю Ивану Немову, князю Михаилу Кубенскому, Казарину Бурукову, князю Ивану Овчине, княж Федорову сыну Телепневу. А с платьем белым и с поясами к мыльне идти Федору Кучецкому; а у мыльни платье иметь у Федора и

великому князю подавать князю Петру Репину, Борису Щекину и Дмитрию Курлятеву. А ведать разрядом, кому что довелось по сей статье, дьяку Афанасию Курицыну.

Статья 5. А как великий князь выйдет из мыльни, стрянать у великого князя из тех же, кои были у постели, кому великий князь укажет. У коня быть и ездить около подклети князю Федору Васильевичу Телепневу, а вино нести к церкви в склянице, к венчанию, князю Ивану Кубенскому. А свечи великого князя нести к месту из церкви князю Петру Одольце, княж Иванову сыну Телепневу Немова, да Ивану Семенову сыну Карпова; а другую свечу нести Василию Ложке Семенову сыну Карпова, да князю Ивану Горенскому. А фонарь великого князя со свечою носить: Володе Васильеву сыну Поплевина – Морозову, да Ивану Федорову сыну Карпова; а над другою свечою фонарь нести Алеше да Василько Михайловым детям Нагого. А короваи нести великого князя: князю Игнатию Жулебину, Ивану Михайлову сыну Тютчеву, Василию Волынскому, Михальцу Нагому; а другой коровай нести: Василью Михайлову сыну Тютчеву, Семенке Жеребину, Федьке Немому Михайлова сына Нагова, да Юшке княж Иванову сыну Кашину. А сголовья великого князя нести к церкви князю Андрею, княж Иванову, сыну Холмского; а другое сголовье нести Ивану Михайлову сыну Захарьина. А скамью и ковер нести к церкви Баскак да Чудину Митрофановым детям Карочаровым, да с ними податчики до истопники. А ведать разрядом, кому что довелось по сей статье, дьяку меньшему Путятину.

Свадьба удельного старицкого князя Андрея Ивановича с Хованскою княжной Ефросиньею Андреевной в 1553 году

Челобитье старицкого князя Андрея Ивановича Великому Князю Василию Ивановичу.

Лето 7041, января в 10 день: Бил челом великому князю Василию Ивановичу, всея Руси; моложий брат его, Андрей

Иванович; а в челобитье своем просил, чтобы великий князь пожаловал, велел ему жениться. И великий князь, выслушав речи, велел моложему брату своему, князю Андрею Ивановичу, искать себе девку. И князь Андрей Иванович в челобитье своем говорил: полюбил девку князя Андрееву дочь Хованского. И великий князь велел быть свадьбе, как было исстари, не поруша ни в чем. И как пришло уреченное время быть свадьбе, и великий князь, в те поры, за неделю до того, пришел ко Пречистой, и моложий брат его, князь Андрей Иванович. И отслужив обедню, великий князь пришел с братом своим благословитися у Данилы митрополита, и по благословении великий князь сказал: «Брат мой моложей, князь Андрей Иванович, хочет жениться». И князь Андрей просил митрополита благословить. Митрополит благословил великого князя и князя Андрея. И великий князь велел моложему брату своему, Андрею Михайловичу наряжатися. И великий князь послал в Дмитров по князя Юрия Михайловича, князя Ивана, княж Иванова, сына Пронского, а велел ему говорить: «Хотим Андрея брата женить. И ты б, брат наш поехал ко мне и к Андрею брату на свадьбе».

И князь Юрий Иванович к великому князю приехал.

Наряд Великого Князя Василия Иоанновича, как быть на свадьбе у брата своего князя Андрея Ивановича

И как приспел день, в которой уряжено быть свадьбе, и великий князь повелел устроить наряд, и в наряд, кому что довелось, писано: Великий Князь велел ехать с князем Андреем в тысяцких князю Ивану Федоровичу Бельскому. А в дружках быть велел у него князю Ивану Даниловичу Пенькову-Хомяку да боярину своему Михаилу Семеновичу Воронцову. А в свахах велел быть у князя жене Пенькова княгине Марье да жене Воронцова Аграфене. А в дружках у княжны велел быть Василию Петровичу сына Борисова да Тимофею Васильеву сыну Борисова же; а женам их быть в свахах. А в поезде велел быть с князем стольникам многим и детям боярским.

И велел великий князь нарядить у себя Среднюю палату. Да велел поставить образы Пречистой Богородицы на всех четырех стенах. А в палате велел урядить место, где сидеть князю и княгине. А на княжом и на княгинином местах на сголовья местные положити по сороку соболей. А на дворе князя Андрея указал великий князь быть постели. А князю Андрею велел великий князь быть у себя на дворе, пока все на его дворе уладят. А на княж Андреев двор послал князь великий слать постелю Василия Петрова сына Борисова да Тимофея Васильева сына Борисова же, а с ним жен их. А у постели велел быть: боярам князю Федору Пронскому да князю Юрию, княж Андрееву, сыну Оболенскому. А у коня князя Андреева велел быть князю Борису, княж Иванову, сыну Палецкого. А колпак велел дердать у князя Андрея князю Ивану Федорову сыну Пронского.

Наряд великого князя в Средней палате

А велел великий князь идти великой княгине из своих деревянных хором в свою великого князя палату, супротив Брусяной избы, а с нею идти боярам. А как урядили на двор князя Андреева, а князь Андрей был готов, и великий князь велел сказать брату, князю Юрию Ивановичу. И как пришел князь Юрий Иванович, и великий князь пошел в Среднюю палату, а с ним пошел Юрий Иванович да бояре и дети боярские. И великий князь сел на своем месте, а с ним брат его, Юрий Иванович да бояре и дети боярские, кому довелось быть на свадьбе, тут были. И великий князь послал весть к великой княгине, а велел сказать великий князь: «…время де идти тебе, великой княгине, в Среднюю палату». И как пришла весть от великого князя к великой княгине, и великая княгиня урядила идти в Среднюю палату. А прежде велела великая княгиня идти детям боярским, за детьми боярскими указала священнику с крестом и святой водою, за ним со свечами и с короваями, кому довелось, а за свечьми и короваями пошли свахи, с княжной пошла сама великая княгиня Елена.

А наперед вошел в палату священник, за ним свахи с княжною, а за княжною вошла великая княгиня, а с нею боярыни. И великий князь указал великой княжне сесть на свое место, и великая княгиня села у великого князя. И великая княгиня посадила княжну на место, и у нее сели свахи. А на княжее место велел великий князь посадить князя Ивана, княж Васильева, сына Пенькова. А кому довелось быть со свечами и короваями, и им стать за свахами, на левой стороне. И как все урядилось в средней палате, и великий князь посылал звать князя Андрея Ивановича на свое место. А посылал великий князь на двор князя Андрея Ивановича боярина своего, князя Ивана Васильевича Шуйского с речами:

«Князь великий тебе, князь Андрей Иванович, говорить: время тебе, князь Андрей Иванович поехать к нам на свое место, для своего великого дела.

И князь Андрей Иванович приказывал боярину Ивану Васильевичу Шуйскому к великому князю отнести челобитье. И поехал князь Андрей Иванович со своим поездом к великому князю в Среднюю палату. И как приехал князь Андрей Иванович, и великий князь посылал к нему встречу. А велел великий князь встречать Андрея Ивановича свахам: Васильевой жене Борисова да Тимофеевой жене Борисова ж, и с его свечою и с короваями. А велел великий князь им дождаться князя Андрея у крыльца, у большой палаты, и идти с князем Андреем вместе в палату; а с свечою и с короваями идти пред князем. А когда придут в палату со свечою и с короваями, и стать им на свое место за свахами. А как князь Андрей придет, и ударит челом великому князю, и как приступя к великому князю благословится, и молвит: «Благослови, Государь, на место». И князь великий благословит его на место, и священник благословит его на место. И как сядет на место, великая княгиня Елена и будет чесать голову князю Андрею и княгине его. А у великой княгини будет держать чару с медом и гребень князя Иванова жена Пенькова княгиня Марья и свахи. И будет осыпать великая княгиня князя Андрея и княгиню его. И великая княгиня подаст ширинки великому

князю, и князю Юрью Ивановичу, и боярам и детям боярским – великого князя стороне и всему поезду. И посидев, великий князь будет благословлять князя Андрея к венчанию, и отпускать его наперед ко Пречистой. И велит великий князь идти в церковь в передние двери да стать ему у столба, на правой стороне, у митрополичьего места. И как пойдет князь Андрей, и великий князь будет отпущать княгиню его, Ефросинью, да и коровай нести перед ней со свечами; а стать княгине, войдя в передние двери, стать налево у стены, напротив столба; а со свечами и с короваями велеть стоять перед нею. А с коврами великий князь указал идти Чудину Митрофанову сыну Карочарову, а с сголовьем князя Андреевым идти Ивану Борисову Холызину Колычеву.

Наряд у венчания князя Андрея Ивановича

И как великий князь пришел со своими боярами, с князем Юрием Ивановичем и с князем Андреем Ивановичем, да с великою княгинею Еленою и со княжною, да с боярами и детьми боярскими, со всем поездом, ко Пречистой, и митрополит начал служить обедню, всем собором. И как обедню отпели, и послали против царских детей камку, да положили по сороку соболей, в те поры митрополит взял князя Андрея за руку да поставил на место против царских дверей на камке и соболях, а за ними княжну взял за руку и поставил по ряду с князем Андреем. И митрополит, сняв перстни золотые, да положил их на Евангелие. И сам митрополит говорил молитвы, обручал князя Андрея Ивановича и княжну Ефросинью, и венчал.

Обвенчав же их, посадил и дал князю Андрею и княгине его вина в склянице; а князь Андрей, выпив вино, склянницу растоптал ногою. Потом митрополит велел поставить скамейку против северных дверей. А в те поры князь Андрей Лыков князя Андрея Ивановича сголовье положил; а Иван Борисов сын Холызин-Колычев положил княгинино сголовье. И как князь Андрей Иванович и княгиня его сели на свое

место, и митрополит здоровался и целовался с ними. И великий князь, придя к князю Андрею и к его княгине, здоровал и целовался с ними. И великая княгиня Елена, придя к князю Андрею и к его княгине, здоровала и целовалась с ними. И князь Юрий Иванович, придя ко князю Андрею и к его княгине, и их здоровал и целовался с ними. И бояре и все, кому довелось, приходили ко князю Андрею и к его княгине и им здоровались. И как великий князь поехал от церкви к себе, а князь Андрей Иванович поехал к себе на подворье, и княгиня Ефросинья поехала к великой княгине, и свечи и короваи понесли в постель.

Наряд обеденный у великого князя

И как князь Андрей завтракал у себя, а после ездил по монастырям с боярами и со всем поездом, а в те поры великий князь завтракал у себя. И как пришла весть к великому князю, что князь Андрей приехал от монастырей, и великий князь пошел за стол и с великою княгинею. А посылал великий князь за князем Андреем да за княгинею Ефросинью, а пришел князь Андрей и княгиня его, и свахи сели за стол. А князь Андрей Иванович встал из-за стола и звал великого князя есть на завтрее, и за ним встала из-за стола княгиня Андреева и звала великую княгиню есть на завтрее. А сидели тут в столе от великой княгини боярыни: князя Дмитриева Бельского княгиня Марфа, Юрьева жена Захарьина Арина, Иванова жена Андреевичева Елена, Васильева жена Андреевичева – Аграфена, князя Иванова жена Палецкого княгиня Агафья. А против боярынь сидели бояре: князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Василий Васильевич Шуйский, князь Борис Иванович Горбатый, князь Иван Васильевич Хобарь, Михайло Юрьевич Захарьин. А в кривом столе сидели: князь Михаил Глинский с боярами. А в окольном столе сидели: князь Василий Микулинский, Иван Григорьевич Морозов, Михаил Васильевич Тючков, Василий Григорьевич Морозов. И в те поры, как куря подали, и великий князь велел князю Андрею

встать и идти перед собою до палатных дверей; а княгиню его взял за руку и привел к тем же палатным дверям. В те поры князь Андрей стал за порогом, и великий князь ему говорит: «Брат Андрей! Божиим изволением и нашим жалованием, велел Бог тебе жениться, поняти княгиню Ефросинью, а ты, брат Андрей, свою жену, княгиню Ефросинью, держи по тому, как Бог устроил». И великий князь взял князя Андрея за руку и дал ему княгиню; а велел ему идти в верх. В дверях осыпала его сваха княгиня Марья, князя Ивана Пенькова жена. И после великий князь велел: как будет князь Андрей в мыльне, послать свое жалованье: платье становой кафтан, да пояс да далматик. И наутро велел князь идти князю Дмитрию Феодоровичу Бельскому вскрыть княгиню Ефросинью.

Поезд князя Андрея Ивановича и княгини Ефросиньи к великому князю и как был наряд обеденный у князя Андрея Ивановича

И велел великий князь князю Андрею делать поезд, чтобы Андрей приехал к великому князю. А как пришел боярин от великого князя с вестью, и князь Андрей посылал великому князю челобитье. И как князь Андрей приехал к великому князю, и в те поры великая княгиня жаловала его, князя Андрея, а велела ставить пред него овощи да подавала ему вино фряжское.

И княгиня Ефросинья приезжала к великой княгине со своим местом, и великая княгиня угощала великим угощением. И великий князь велел князю Андрею ехать к митрополиту, а сам сел у него в палате. И в те поры, как надобе обедать, великая княгиня посадила княгиню Ефросинью с собою, а князь Андрей стоял пред великим князем. И как стол отстоял, и князь Андрей бил челом великому князю, чтобы великий князь был бы весел да жаловал его своею радостию, и дарил великого князя и великую княгиню. И князь великий принял от князя Андрея вино и пил, и пошел в постельные хоромы. И княгиня Ефросинья била челом великой княгине,

чтобы великая княгиня была весела да жаловала бы ее своею радостию. И великая княгиня пошла к себе да княгиню Ефросинью взяла с собою. И князь великий жаловал князя Андрея великим жалованьем, а дал ему шубу. На третий день был обед у великого князя, и ел за столом князь Андрей с великим князем, а после сидел у великой княгини. И в те поры князя Андреева жена, княгиня Ефросинья кормила у себя, на самой семье, корм большой. А на большом корму у князя Андрея сидели: княгиня его Ефросинья, а подле князя Андреевы княгини сидела князя Иванова Пенькова княгиня Марья, Васильева жена Борисова ж. А под ними сидели боярыни, со княжую сторону: князя Дмитрия Федоровича Бельского княгиня Марфа, Юрьева жена Захарьева Арина, Васильева жена Андреева, князя Ивана Палецкого княгиня Агафья.

А против боярынь сидели бояре: князь Иван Федорович Бельский, Михайло Воронцов, князь Иван Пеньков, князь Дмитрий Федорович Бельский, князь Василий Васильевич Шуйский, Иван Васильевич Хобар, Михайло Юрьевич Захарьин. А в кривом столе сидел: князь Михайло Глинский с боярами. А на окольном месте сидели: князь Василий Андреевич Микулинский, Иван Григорьевич Морозов, Василий Васильевич Тючков.

Свадьба первая Царя и Великого Князя Иоанна IV Васильевича с Анастасией Романовной Юрьево-Захарьиной в 1547 году

Лета 7055, февраля в 3 день, в четверг, женился Царь и великий князь Иван Васильевич, всея Руси. А понял Романову дочь Юрьева-Захарьина Анастасию. А чин свадебный указал тот же, как было при свадьбе отца его, великого князя Василия Иоанновича, всея Руси. А на свадьбе у Царя и Великого Князя Ивана Васильевича был брат его, Юрий Васильевич, и на первый день сидел за столом в отцово место в большом месте; а в материно место была князя Андрея Ивановича Ста-

рицкого княгиня Ефросинья, а в тысяцких был князь Владимир Андреевич, брат великого князя. А в дружках были с великого князя стороны: боярин князь Дмитрий Федорович Бельский со княгинею, да боярин Иван Михайлович Юрьев с женою. А с великой княгини стороны дружки были: боярин князь Иван Иванович Пронский с княгинею да быть было Василью Михайловичу Тючкову с женою, и Василий не был за тем, что убился с коня, а была жена его, а в Васильево место был дружка Михайло Яковлевич Морозов; а в свахах была Федорова жена Михайловича Нагова Авдотья; кику держала Федорова жена Ивановича Сукина; а за столом сидели боярыни: князя Васильева Львовича Лыкова княгиня Анна да Петрова жена Яковлевича Анна ж. А от князя Юрия Васильевича был зван на место великого князя боярин, князь Иван Михайлович Шуйский, а молвил: «Царь, Государь и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси! Князь Юрий Васильевич велел тебе говорить: взем Бога на помощь, время тебе, Государю, идти к своему делу». А от князя Юрия был боярин, князь Данило Дмитриевич Пронской; а речь говорил во княжое место князь Данило ж: «Государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси! Велением Божим, и Пречистой Богородицы и Великих Чудотворцев, и родителей твоих государских молитвами, изволи Бог тебе, Государю, сочетатися законному браку, понятии великую княгиню, Анастасию, а нашу государыню. Держи ее, как Бог в законе Православной Веры устроил». А с великим государем к церкви ехали, и ездили по церквам все бояре и поездные дети боярские, которым государь велел ехать. А собирал детей боярских и ведал окольничий Иван Иванович Беззубов да с ним дьяк Иван Курицын; а перед великим князем ходили окольничий Данило Романович Юрьев да Андрей Иванович Квашнин. А за великою княгинею ходили у саней и детей боярских сбирали: боярин Василий Юрьевич Малов-Трахониотов, князь Дмитрий Михайлович Жижемской да дьяк Иван Елизаров сын Циплятев. А в казне были, и в хоромах великие княгини сидели, и у платья великой княгини были: дьяк Борис Иванов сын Сукин да Василий Григорьев сын Захаров.

А к венчанию у великой княгини шел за санями Борис-же Сукин, а у завтраков во все три дня был Борис-же, и свадебные списки были у него, Бориса да у Бокана Митрофанова. А на великого князя месте сидел князь Дмитриев сын Федоровича Бельского Иван; а у места князя великого с чарками стоял, из которых голову чешут, дьяк Бокан Митрофанов, и как голову чесали, за венец держал он же. И у сголовий у местных были: у великого князя сголовья Василий Петров сын Борисов; а у великой княгини сголовья был князь Василий, княж Михайлов, Жижемской; а сорок соболей нес к месту и у места держал, которыми опахивали свахи, дьяк Василий Захаров; а у постели был боярин, князь Юрий Васильевич Глинский да казначей Федор Иванов сын Сукин. А боярыни были у постели: князя Василия Васильевича Шуйского княгиня Анастасия да князя Юрьева Васильевича Глинского Ксения. А дети боярские были у постели: князь Михайло да князь Юрий Петровы дети Репнина, да князь Федор, княж Иванов, сын Татев. А князь Иван Федорович Мстиславский да Никита Романович Юрьев спали, ездили и в мыльне мылись с великим князем. Да у постели были дьяки: Постник Губин да Яков Григорьев сын Захарьин. А на рассылке у князя Юрия Глинского были Алексей Скрябин, Степан Морозов, князь Федор Сысоев, Иванец Яковлев сын Мансуров, Гришка Сукин, Федор Алексеев сын Чулков, Алешка да Михайла Жижемские, Пантелей Захаров. А постелю слал боярин, князь Юрий Васильевич Глинский да казначей Федор Иванов сын Сукин; да со князем Юрием тут же были Алексей да Данило, Федоровы дети Адашева, Никита, Федор да Алексей Постниковы дети Сатина, да Игнатий Вешняков и боярыни. А мыльню топили и были у мыльни: Иван Яковлевич Чеботов да постельничий Матвей Федоров сын Бухурин; а у воды были: Иван Казаринов сын Буруков, да Леонтий Володимиров сын Мансуров, да с ним два подьячих. У платья великого князя были: постельничий Андрей Владимиров сын Мансуров да дьяк Никита Фуников. Колпак великого князя держал Юрий, княж Иванов, сын Шамякин, и у постели спал он же. А в мыльне мылись с великим

князем: боярин, князь Юрий Васильевич Глинский, и казначей Федор Иванов сын Сукин, да спальники и мовники: князь Иван Федорович Мстиславский, да князь Юрий Шемякин, да Никита Романов, да Алексей Адашев. С белым платьем и с поясами ходил к мыльне постельничий Андрей Мансуров; а у мыльни платье имели у Андрея и великому князю подавали, и стряпали у великого князя, как из мыльни вышел, из тех же, которые у постели были.

А у коня был и ездил около подклети боярин и конюший, князь Михайло Васильевич Глинский. У князя Михайлы был ясельничий и дети боярские, которые у коня стряпают. Вино нес к церкви к венчанию в скляницу боярин дворецкий Иван Иванович Хабаров. Свечу великого князя несли к месту из церкви: Иван меньшой Михайлов сын Юрьевича да князь Петр, княж Иванов, сын Горенский; а другую свечу несли: Антон Ромодановский да Гришка Григорьев сын Плещеев; а над великого князя свечою фонарь несли: Иван Александров сын Упин да Федор Васильев сын Коробов а над другою свечою фонарь несли: Бориско да Андрейко Михайловы дети Нагова. А великого князя коровай несли: Михайло да Федор Игнатьевы дети Салтыкова, Борис Иванов сын Салтыков, да Лев Андреев сын Салтыков; а другой коровай несли: Василий Петров, сын Карпов, Иван да Василий Федоровы дети Карповы да Василий Васильев сын Коробов. А сголовье великого князя нес к церкви Долмат Федорович Карпов. А камки несли к церкви, на которых венчали, с князем Иваном Дмитриевичем Бельским князь Симеон, княж Данилов сын Пронский; а со князем Иваном Ивановичем Турунтаем нес камки князь Иван Шемякин-Пронской. А слали камку перед великим князем, как шел князь великий и великая княгиня к венчанию и от венчания к столу: Василий Пестров сын Яковлев, Симеон, Федька, да Фонька Федоровы дети Нагова. А миндер носил за свахою великой княгини сын боярский Андрюшка Языков, а клал его под ноги свахи Левка Калитин. Скамью и ковер несли в церковь Гришка да Левка Калитины, а поддатни им были истопники.

Свадьба удельного углицкого князя Юрия Васильевича с княжной Улианиею Дмитриевною Палецкою в 1548 году

Челобитье князя Юрия Васильевича Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу

Лета 7056 сентября в 18 день. Бил челом князь Юрий Васильевич Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу, а в челобитье своем говорил: «Время де мне, князю, жениться, а одному жить не мочно». И Царь и Великий Князь Иван Васильевич приговорил брата своего, князя Юрия, женить, а для того наперед приговорил спросить у митрополита благословение.

И Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, ходил с братом своим, с князем Юрием, к Макарию митрополиту, чтобы он князя Юрия Васильевича жениться благословил. И Макарий митрополит князя Юрия благословил жениться. И Царь, и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, всем боярам и князям дочерей девок своих велеть привести на свой царский двор.

И как девок привезли в княгинину половину, и в те поры Царь и Великий Князь Иван Васильевич и князь Юрий Васильевич пошли девок смотреть. И полюбил князь Юрий Васильевич князя Дмитриеву дочь Федоровича Палецкого, княжну Ульяну.

Наряд Царя и Великого Князя Ивана Васильевича на свадьбу князя Юрия Васильевича

И приговорил Царь и Великий Князь свадьбе быть ноября в 3 день, в среду. И как пришел день свадьбы, Царь и Великий Князь повелел устроить наряд на свадьбу князя Юрия Васильевича.

И в место отцово у князя Юрия пожаловал быть сам Царь и Великий Князь Иван Васильевич. А в тысяцких велел ехать

за князем Юрием Васильевичем: князю Владимиру Андреевичу. А на свадьбе указал быть князя Володимирова Андреевича княгине Евфросинье. А в дружках велел быть боярину своему, Ивану Григорьевичу Морозову, да Василию Семеновичу Карпову. А в свахах велел быть: Иванове жене Григорьевича Морозова Аграфене да Васильевой жене Семеновича Карпова Авдотье. А по княжнину сторону велел быть дружкам: Семену Ивановичу Морозову с женою да дворецкому Долмату Карповичу с женою. А с князем Юрием Васильевичем велел ехать к венчанию и по монастырям боярину, князю Михаилу Ивановичу Кубенскому. А во княжое место звать великого князя и ясти велел ему ж, князю Михайлу Кубенскому, а зову быть после трех дней, а ему ж со князем ходить. А у постели велел быть: тверскому дворецкому Василию Михайловичу Юрьеву да казначею Федору Ивановичу Сукину. А детям боярским у постели велел быть: Алексею Скрябину, князю Юрию Репнину, Степану Морозову, князю Дмитрию Сысоеву, князю Федору Татеву; а дьякам велел быть у постели ж: Постнику Губину, сыну Маклакову, да Якову Григорьеву, сыну Захарьину. А спать у постели, ездить с князем и в мыльне мыться: князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, Никите Романовичу Юрьеву, князю Юрию Ивановичу Шемякину, Ивану Петровичу Яковлеву. А боярыням велел царь и великий князь быть у постели: Романове жене Юрьевича Ульяне, да Данилове жене Романовича Анне, да Никитине жене Романовича Варваре, да Алексееве жене Адашева Настасье. На рассылке быть у постели, у Василия Михайловича: Ивану Яковлеву сыну Мансурову, Ивану Иванову сыну Чулкову, Григорию Никитину сыну Сукину, Семену Юрьеву сыну Нармецкова. У коня княжева велел ездить: конюшему Ивану Ивановичу Умному-Колычеву да ясельничему и детям боярским. А колпак велел держать у князя Юрия Ивану Петровичу Яковлеву. И велел царь и великий князь нарядить Среднюю палату. Образы Пречистой Богородицы велел поставить на всех стенах и места велел поставить и нарядить, где сидеть князю и княжне; и велел положить на княжем и княгинином месте сголовья местные да по сороку

соболей. И как устроить место, велел быть у места Семену Васильевичу Яковлеву да Ивану Михайловичу Юрьеву. И царь и великий князь велел постелю слать: дворецкому тверскому Василию Михайловичу, да казначею Федору Ивановичу Сукину, да с Василием стряпчим: Алексею да Даниле Федоровым детям Адашева, Алексею Сатину да боярыням.

Наряд к венчанию князя Юрия Васильевича

И как пришла весть, что постели послали, и в те поры Царь пошел в заднюю палату, и с ним бояре, да и детям боярским велел за собою идти. И как пришел в заднюю палату, велел царице и великой княгине и свахам идти в Среднюю палату. И как пришла весть от царя и царица устроила, как идти в Среднюю палату: наперед шли дети боярские, а за детьми боярскими шел поп с крестом, за попом понесли короваи и свечи, за короваями и свечами пошли свахи с княжной, за княжною шел поп с крестом и святой водой перед царицею и великой княгиней, а за ней указала идти боярыням. А в палату пошел поп наперед всех, за попом свахи со княжною, за княжною входил поп с крестом, за попом вошла царица, и с нею боярыни. И войдя, царица и великая княгиня пошла на свое место, а княжну посадили на место, а у нее сели свахи; а на княжое место посадили князя Никиту, княж Романова, сына Одоевского; а со свечами и с короваями стояли за свахами, по левой стороне у места. И как царица и великая княгиня села, а княжну на место посадила, и построились, и в те поры царь и великий князь вошел и сел на своем месте, возле великой княгини. И посылал царь и великий князь по князя Юрия Васильевича звать на место боярина, князя Федора Ивановича Шуйского; а велел ему молить:

«Царь и великий князь велел тебе говорить: время де тебе, князь Юрий Васильевич, идти на свое место».

И князь Юрий Васильевич послал к царю и великому князю челобитье с боярином, а сам пошел на свое место, и вошел боярин, царю справил челобитье от князя Юрия. И князь

Юрий Васильевич, войдя, царю и великому князю челом ударил да приступил, и у царя благословился, и молвил: «Благослови Государь на место?» И царь, и великий князь на место его благословил, и священник его благословлял же. И как князь Юрий Васильевич сел на место, и, встав, царица и великая княгиня голову чесала князю и княгине. А у нее чару держал с вином и гребень держал дьяк Бокан Митрофанов, а осыпала князя Юрия Васильевича и княгиню его царица и великая княгиня, и сороком соболей опахивала царица и великая княгиня. А от княгини давали ширинки, а ширинки носили: царю и великому князю, царице и великой княгине, и князю Юрию, и боярам, и детям боярским великого князя стороне и всему поезду. А сорок соболей нес к месту дьяк Василий Захаров. И посидев, Царь и Великий Князь Иван Васильевич велел князю Юрию идти к венчанию и благословил его иконою, и отпустил его наперед ко Пречистой, в сторонние двери с площади, да и велел стать у столба на правой стороне, у митрополичья места. А княгиню Ульяну отпустил царь и великий князь опосле, а велел с короваями и со свечами идти перед княгинею. И княгиня вошла в церковь, в передние двери, и стала налево, у стены, против столба; а с короваями и свечами стали пред нею; а с коврами пошел Петр Жуков да Лев Калитин; а с князем Юрьевым Зиновьем шел Федор Иванов Умново-Колычев: с княгининым сголовьем шел Никита Иванов сын Очин-Плещеев; а вино нес в склянице дворецкий Даниил Романович. А обедню служил митрополит со всем собором, и как обедню отпели, и послали против царских дверей камки, да положили по 40 соболей, и митрополит взял князя Юрия за руку, да поставил на месте против царских дверей на камке и 40 соболях; да княгиню взял за руку и поставил рядом, с князем Юрием; да взял у них персти золотны, да положил на Евангелие, да говорил молитву и обручал их перстнями. А венчав их, посадил, да дал пить князю Юрию и княгине его вина в склянице, да скляницу растоптал князь ногою; и венчав их, митрополит велел поставить скамейку против северных дверей, и велел положить сголовья, и посадил их митрополит,

князя и княгиню, да им здоровал, да с князем и княгинею целовался; и бояре и князи, которые были, здоровали ж князю и княгине его. И от церкви князь Юрий поехал к царю, а княгиня его поехала к царице и великой княгине; а свечи и короваи понесли в постель. И царь и великий князь Юрия здоровал и целовался, и боярыни здоровали ж; а князь Юрий завтракал, поехал по монастырям; а царь и великий князь завтракал же, да пошел царь и великий князь за стол с царицею и с великою княгинею. А княгиня князя Юрьева и свахи сели на месте, да звал князь Юрий на завтра царя и великого князя хлеба есть. А сидели в стороне от царицы и великой княгини боярыни: князя Дмитрия Федоровича Бельского княгиня Марфа, да князя Ивана Федоровича Мстиславского княгиня Арина, да Петрова жена Яковлевича Анна, да Васильева жена Яковлевича Анна ж, да Федорова жена Ивановича Сукина Фетинья; а против боярынь сидели бояре в кривом столе, а на окольничем месте никто не сидел. И как куря подали, и царь и великий князь велел князю Юрию встать, да велел идти ему пред собою до палатных дверей, а княгиню его царь и великий князь взял за руку и повел к палатным дверям. А князь Юрий встал за порогом, а царь и великий князь ему говорил речи:

«Юрий, брат! Божим изволением, а нашим жалованьем, велел тебе Бог жениться, а поняти жену княгиню Ульяну, и ты, брат Юрий, свою жену, княгиню Ульяну, держи по тому, как Бог устроил».

И взял царь и великий князь княгиню Ульяну за руку, дал князю Юрию княгиню Ульяну, а велел идти с нею: а во дворе их осыпала царица и великая княгиня. А назавтра князь Юрий, как был в мыльне, и царь и великий князь посылал к нему свое жалование, шубу, а княгиню его шел вскрывать сам царь и великий князь. А как князь Юрий пришел к царю и великому князю, и царица и великая княгиня Юрия жаловала, велела ставить перед князем Юрием овощи и подавала вино. А княгиня его пошла к царице и великой княгине, и царь и великий князь велел князю Юрию ехать к митрополиту благословляться. И того же дня ел царь и великий князь у князя

Юрия в Средней палате с царицею и великой княгинею. А после стола князь Юрий просил царя и великого князя, и бил челом царю и великому князю, чтобы царь и великий князь пожаловал, был весел. И дарил князь Юрий царя и великого князя и царицу и великую княгиню. И царь и великий князь, пировав, пошел в постельные палаты, а князя Юрия взял за собою. А царица и великая княгиня пошла к себе, а княгиню князя Юрия с собою взяла. И царь и великий князь князя Юрия пожаловал, дал ему шубу. А на третий день князь Юрий ел у царя и великого князя, а сидел князь Юрий у царицы и великой княгини, а у князя Юрия сидела княгиня его, а у князя Юрия княгини сидели свахи, а у них сидели боярыни: князя Дмитрия Федоровича Бельского княгиня Марфа, да князя Ивана Федоровича Мстиславского княгиня Арина, Петрова жена Яковлевича Анна, Федоровича жена Сукина Фетинья; а против боярынь сидел тысяцкий, да дружка.

Роспись по наряду

А за княгиней ходить у саней дворецкому князя Юрьеву, Семену Ивановичу Жулебину, да дьяку Ивану Елизарьевичу Цыплятеву, да князьям и детям боярским, кому довелось; а в казне великой княгини быть, и в хоромах сидеть и у платья быть: дьякам Борису Иванову сыну Сукину да Василию Григорьеву сыну Захарову; а у яств во все три дня и у завтраков стоять дьяку Борису Сукину. А мыльню топить и быть у мыльни: постельничему Матвею Бурухину да Леонтью Мансурову; а у воды быть: Петру Шетневу да Игнатию Вешнякову; а у платья у княжова быть: постельничему Андрею Мансурову, а с белым бельем и с поясами ходить Андрею же. А свечу княжую нести к месту из церкви: Василию Петровичу Яковлеву да князю Петру Горенскому; а другую свечу нести: князю Антону Романову Ромодановскому да Григорию Плещееву; а фонарь над княжою свечою нести: Федору Коробову да Василию Замыцкому; а над другою свечой нести фонарь: Борису да Андрею Михайловым детям Нагова; а княжой коровай нести: Степану Морозову, да

князю Федору Кашину, да Василию Мухину Корпова, да Фоме Иванову сыну Головина Третьякова.

Свадьба первая удельного старицкого князя Владимира Андреевича с Евдокией Александровною Нагою в 1550 году

Лета 7038, сентября в 1 день. Бил челом князь Владимир Андреевич Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу, а в челобитье своем говорил: «Чтобы Царь и Великий Князь пожаловал, велел ему жениться». И царь и великий князь, выслушав реки, приговорил женить брата своего, князя Владимира Андреевича удельного; и приговорил прописать у бояр и князей дочерей девок, и по времени их пересмотреть; и тогда свадьбу государь царь отложил для своего похода к Казани, и приговорил смотреть девок после Казанского дела. И мая в 24 день, в неделю, смотрел Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, и князь Владимир Андреевич девок, и полюбил девку Авдотью дочь Михайлы Нагова.

Наряд Государя, Царя и Великого Князя на свадьбу князя Владимира Андреевича

А, уже Бог даст, свадьбе быть в неделю, мая в 31 день; и как приспел день быть свадьбе и приговорил царь и великий князь на свадьбе быть но отцово место у князя Владимира Андреевича самому царю и великому князю; да на свадьбе же быть князю Юрию Васильевичу, а сидеть князю Юрию Васильевичу по конец стола, у князя Андреева княгини Ивановича Евфросиньи. А в тысяцких государь велел быть у князя Владимира: боярину своему, князю Юрию Михайловичу Булгакову; а в дружках велел государь быть у князя Владимира: боярину своему князю Петру Михайловичу Щенятеву, да боярину Василию Михайловичу Юрьеву; а в свахах велел быть у князя Владимира: князя Юрьева княгине Булгаковой

да Васильевой жене Юрьева Настасье; а по княгинину сторону велел государь быть дружкам: боярину Михайлу Яковлевичу Морозову да окольничему Федору Михайловичу Нагому с женами; а постель княжой велел быть государь на князя Владимира дворе; а у постели быть: боярину княжому князю Юрию Андреевичу Пекинскому-Меншему, да князю Андрею Лыкову, да Ивану Семенову сыну Ступишину. Да велел государь и великий князь нарядить Среднюю палату, и образы Пречистой Богородицы поставить велел на всех стенах, да и место велел нарядить, где сидеть князю и княгине, а на место князя и княгинино положить сголовья местные, а на сголовья положить по 40 соболей. А у места государь велел быть для сбереженья дьяку Михайле Дмитриевичу сыну Лыскареву да княжему сыну боярскому Ивану Савину.

Роспись наряда, кому у чего быть на свадьбе

У княжего коня быть: конюшему сыну боярскому князю Юрию Лыкову; а колпак держать княжий: сыну боярскому, Григорию Тимофееву сыну Борисова; а княжье сголовье нести к церкви: князю Федору Иванову сыну Лыкову; а княгинино сголовье нести: Ивану Тимофееву сыну Борисова; а короваи нести к церкви княжим детям боярским: Григорию Тимофееву сыну Борисова, Федору Савину сына Волынского, Ивану да Федору Романова детям Образцова, Тимофею да Ивану князя Иванова детям Рошкова-Долгорукова, Борису Алферьеву сыну Плещееву, князю Семену, княж Андреева, сыну Кропоткину; а свечи нести: князю Дмитрию да князю Осипу, княж Михайлова, детям Щербатова, Ивану да Никите, княж Григорьева, детям Щербатова; а фонари над свечами нести: Андрею Андрееву сыну Мансурову, Митьке Кашинцову, Ваське Шевригину, Митьке Сатину; а вино нести к церкви: царя и великого князя стольнику князю Юрию Шемякину-Пронскому; а камки нести и слати: царя и великого князя детям боярским, недорослям: Юшке Федорову сыну Нагого да Данилке Сицкому; а ковры нести: Гришке да Левке Калитиным; да скамейку за ним

понесут истопники: а миндер, на котором стоять будет сваха, нести истопникам, а на постельном дворе быть дьякам: Постнику Путятину, да Путиле Нечаеву; а у решетки со двора быть дьяку Борису Щекину да пищальному прикащику Салтану Засецкому; а в сенях перед Среднею палатою быть: Шермету Галкину да Григорию Игумнову; а у Флоровских ворот быть: Семену Чертову, да Надежи Капнину; а у Никольских ворот быть Ивану Черкину, Федору Баранову; а у Ризположенских быть Тимофею Аблязову да Луке Темереву; а у Боровицких ворот быть: дьякам Борису Щекину да Шеремету Билибину с женами. А поезд ведать и собирать окольничему Владимиру Васильевичу Морозову да дьяку. А в поезде быть княжим детям боярским у князя Владимира Андреевича: князю Василию, княж Васильева, сына Пенкова, князю Василию княж Андреева, сына Сицкого, князю Григорию, княж Иванова, сына Темкина, Семену Иванову сыну Морозову, Василию да Михайле Петровым детям Головина, Фоме Иванову сыну Третьякову, Ивану Юрьеву сыну Грязнову, Андрею Микулину сыну Юрьеву, Ивану Михайлову сыну Воронцову, князю Петру, княж Данилова, сына Пронского, князю Ивану, княж Александрова, сына Кашина, Михайле да Худяку Игнатьева детям Салтанова, князю Ивану Шемякину Пронскому, князю Ивану, княж Дмитриева, сына Бельского, князю Федору Немому, Федору Игнатьеву сыну Салтыкова, Василию Федорову сыну Карпову, князю Ивану, княж Юрьева, сыну Хилкову, Андрею Васильеву сыну Елизарову, Ивану Васильеву сыну Жулебину.

Наряд на свадьбу князя Владимира Андреевича

Велел государь и великий князь царице и великой княгине идти в палату; а на двор князя Владимирова послал дружек княгининых слати постелю: боярина Михайло Яковлевича Морозова да окольничего Федора Михайловича Нагова; да с ним же велел слать: боярину княжому, князю Юрию Андреевичу Пекинскому да князю Юрию Лыкову. И как постелю послали, и царь и великий князь пошел в Среднюю палату, и сел

царь и великий князь на свое место, а с ним брат, князь Юрий, а боярам и детям боярским велел сесть же; и велел царице идти к себе в Среднюю палату. И как царица и великая княгиня пошла, а перед нею шел поп с крестом и со святой водою, перед попом со свечами и с короваями дети боярские; и пошли вперед в палату свахи с княжною, и за княжною вошла царица. А пошла царица и великая княгиня на свое место, и села царица у царя и великого князя, а у царицы села князя Юрия Васильевича княгиня Ульяна, и от княжны Ульяны подалее сели боярыни: Юрьева жена Дмитриевича жена Стефанида, да князя Дмитрия Федоровича Палецкого княгиня Марья, да княгиня Васильева Чулкова-Ушкова княгиня Фетинья; а на княжое место велел государь посадить Ваську Федорова сына Воронцова; а с свечами и с короваями стали направо против места, на рундуке, у кривого стола; а плясицы стали в сенях. И царь и великий князь послал боярина своего князя Ивана Андреевича Ростовского звать князя Владимира на место, и велел молвить: «Царь и великий князь велел тебе говорить: взем Бога в помощь, время де, князь, выехать на место». И князь Владимир Андреевич приказал к царю челобитье. И приехал князь Владимир к государю и великому князю, а с ним тысяцкий, дружки и поезд. И царь и великий князь послал к князю Владимиру навстречу свах его, а со свахами вместе велел идти с княжою свечою и с короваем. И встретили князя свахи на крыльце у большой палаты, и пошли с князем Владимиром вместе, а с свечою и короваем шли пред князем; и войдя со свечою и с короваем, стали на своем месте, на рундуке, а князь Владимир Андреевич, войдя, царю и великому князю челом ударил, да приступя, у царя и великого князя благословился, а молил: «Благослови, Государь, на место!» И царь и великий князь его на место благословил, и священник благословил его на место крестом. И князь Володимир сел на место. И, встав, царица и великая княгиня чесала голову князю Владимиру Андреевичу и княгине его, а чару с вином и гребень держал дьяк Яков Щелкалов до чесания; а как начала чесать великая княгиня, и в те поры держала сваха, и осыпала на месте князя Владимира

Андреевича. Царица же и великая княгиня и сороком собольими опахивала. И давала царица и великая княгиня ширинки государю и великому князю, и князю Юрию, и боярам, и детям боярским, и всему поезду. И посидев, благословил царь и великий князь иконою князя Владимира к венчанию, и отпустил его ко Пречистой и княгиню его; а ос свечами и с короваями велел идти перед княгинею. И князь Владимир Андреевич и княгиня его шли в церковь в сторонние двери с площади; а стал князь Владимир у столба на правой стороне, у митрополичьего места, а княгиня его стала у другого столба, у заднего. И послали против царских дверей камку, положили сорок соболей на камку. И митрополит взял князя Владимира за руку и поставить его на место, против царских дверей, на камке и соболях; да взял княгиню за руку и поставил рядом с князем; да взял у них перстни и положил на Евангелие, да говорил молитву, и обручал, и венчал их, и посадив, давал князю Владимиру и княгине его пить вино в склянице. И князь Владимир с княжною выпили вино, а скляницу Владимир растоптал ногою. И поставили скамью против северных дверей, и положили на скамью два сголовья, и митрополит князя и княжну посадил, да здоровал им, да с князем и княгинею целовался. И пришел царь и великий князь, князю Владимиру и княгине его здоровал, и целовал их, и князь Юрий Васильевич целовался и здоровал, и бояре, придя, князю Владимиру и княгине его здоровали. И от церкви царь и великий князь поехал к себе, а князь Владимир Андреевич поехал к себе на подворье, а княгиня его поехала к царице и великой княгине. А свечи и короваи понесли в постель. А князь Владимир Андреевич у себя завтракал и поехал по монастырям; а царь и великий князь у себя завтракал же. И как, по времени, царь и великий князь пошел за столом и с царицею и великою княгинею, а княгиня князя Владимирова и свахи сели на место. И князь Владимир приехал, и сел на месте ж; и начал князь Владимир звать царя и великого князя хлеб есть утром. Как куря подали, царь и великий князь велел князю Владимиру встать, да велел ему идти пред собою до палатных дверей, и княгиню его царь и великий князь взял за

руку и пришел к палатным дверям; а князь Владимир стал за порогом. И царь и великий князь Владимиру молвил: «Князь Владимир! Божим изволением, а нашим жалованием, велел тебе Бог жениться, поняти княгиню Авдотью; и ты держи ее по тому, как Бог устроил». А взял его за руку, дал ему княгиню Авдотью и велел ему за ней идти до саней, не распущаясь, а из саней выйдя, велел ему, князю, взять за руку и идти с нею вверх вместе. И как пришел вверх Владимир к себе, и в дверях осыпала его сваха большая. Назавтра к мыльне послал царь и великий князь ко князю Владимиру свое жалованье, к мыльне платье. А княгиню его послал вскрыть боярина своего, князя Дмитрия Федоровича Бельского. А после мыльни приехал князь Владимир к царице и великой княгине, и царица велела перед ним овощи ставить. И после того князь Владимир ездил к митрополиту благословиться. И с того дня царь и великий князь ездил, и у князя Владимира пировал, а князь Владимир пред великим князем стоял и дарил великого князя; а пировав, пошел государь в хоромы, и князь Владимир пошел за ним и государя потчевал; и государь пожаловал, дал ему шубу. А на первый день свадьбы сидели за столом, в большем месте, против боярынь: князь Дмитрий Федорович Бельский, Иван Петрович Палецкой, окольничий Андрей Александрович Квашнин, а от них сидели дети боярские и поезд. А в кривом столе сидели бояре: князь Андрей Дмитриевич Ростовский, князь Василий Семенович Серебряной, дворецкий Дмитровский Далмат Федорович Карпов; а в скамье сидели: казначей Иван Петров сын Головин, да Федор Иванов сын Сукин, а от них сидели дьяки. А на окольном столу сидели: боярин князь Дмитрий Иванович Курлятев, окольничий Владимир Васильевич Морозов, дворецкий рязанский Петр Васильевич Морозов, окольничий Иван Федорович Карпов; а от них сидели дети боярские. А на другой день сидели за столом в большом столе: от князя Владимировой княгини в лавке сидели свахи княжие, а напротив свах и бояр сидели княгинины дружки. А у них сидели бояре: князь Дмитрий Федорович Горлетев, князь Дмитрий Федорович Палецкий, окольничий Андрей Александрович Квашнин.

В кривом столе сидели бояре: князь Андрей Дмитриевич Ростовский, Иван Васильевич Шереметев, дворецкий Дмитровский Далмат Федорович Карпов. А против бояре в скамье сидели: казначей Фома Петров сын Головин да Федор Сукин; а на окольничем месте сидели: боярин Иван Петрович Федоров, окольничий Владимир Васильевич Морозов, Петр Морозов, Иван Карпов. А на третий день князь Владимир с матерью и княгинею ели <...> царя и великого князя, и князь великий их дарил. А на третий же день, у князя Владимирова у княгини сидели свахи княжие, а у княжих свах сидели княжнины свахи, а от них сидели боярыни, а навстречу свахам сидел тысяцкий да дружки княгинины, а от них сидели бояре во всех столах.

Свадьба Казанского Царя Симеона с Марией Андреевной Кутузовою-Клеопиною в 1554 году

Жалование Царя и Великого Князя Ивана Васильевича на челобитье Казанского Царя Симеона

Лета 7026, октября в 5 день. Бил челом Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу, всея Руси, Казанский Царь Симеон, а в челобитье своем говорил: «Царь и Великий Князь Иван Васильевич пожалуй меня, холопа твоего, повели снарядить мне свадьбу; а полюбил я девку, дочь Андрееву Кутузова-Клеопина Марью; и вели, Государь, дати за меня». И Царь и Великий Князь Иван Васильевич возлюбил речи Царя Казанского Симеона, и приговорил его женить; и дать за него, как челом бил царь Симеон, Андрееву дочь Кутузова-Клеопина, Марью. А своему великому жалованию, быть свадьбе, оже даст Бога, велел в неделю, ноября в 5 день. И в те поры, как наставал день свадьбы, и царь и великий князь велел царю Симеону идти к митрополиту, а с царем послал боярина своего, князя Ивана Михайловича Шуйского, а велел бить челом митрополиту, чтобы митрополит благословил царю Симеону жениться. И митрополиту бил челом царь Симеон, а боярин князь Иван

Михайлович Шуйский говорил митрополиту царские речи. И митрополит, похваляя царское жалование к царю Симеону, царя Симеона жениться благословил. Царь и великий князь велел царю Симеону наряжаться во всем, как указано будет в нарядах, а свадьбе велел быть завтра.

Наряд Царя и Великого Князя
Ивана Васильевича на свадьбу царя Симеона

И царь и великий князь повелел устроить наряды, как быть на свадьбе у царя Симеона; а по наряду довелось быть: в тысяцких князю Михаилу Ивановичу Воротынскому; а наряд Воротынскому править словом царевым; в дружках с цареву сторону: окольничим Владимиру Васильевичу Морозову да Федору Михайловичу Нагому; а со княгинину сторону велел быть в дружках: окольничему Ивану Яковлевичу Чеботову да казначею Федору Ивановичу Сукину, а свахам с княгининой стороны велел быть женам их; а постель царевой быть на цареве Симеонове дворе; а у постели быть: Федору Ильину сыну Челищеву да дьяку Борису Щекину; а место приговорил государь быть в столовой избе. А девку приговорил государь привести на двор вечером, накануне дня свадьбы. А у царя велел быть на царевом дворе: боярину своему, князю Михайлу Васильевичу Глинскому, да боярину князю Дмитрию Ивановичу Немому, да окольничему Алексею Федоровичу Адашеву, да печатнику и дьяку Никите Фуникову сыну Карцова. А в поезде быть по особому наряду, а в наряде, кому что довелось быть, писано: в поезде у царя Симеона быть: князю Петру да князю Ивану, княж Андреевича, детям Куракиным, князю Григорию, княж Иванову, сыну Темкину, Ивану, Федулу, Федору Наумову, Данилу Федорову сыну Адашеву, Семену Ярцеву сыну Нармацкого, Алексею Постникову, князю Давыду, княж Васильеву, сыну Гундурову, князю Михайлу, княж Федорову, сыну Прозоровскому, Петру да Михайлу Петровым детям Головиным, Ивану Андрееву сыну Годунову, князю Семену, княж Михайлову, сыну Мезецкому, Михайлу Дмитриеву сыну Лыскареву, князю

Дмитрию, княж Семенову, сыну Шестунову, князю Василию да князю Никите, княж Андреевым, детям Трубецким, князю Андрею, княж Федорову, сыну Алекину, Василию Константинову сыну Замыцкому, князю Василью, княж Семенову, сыну Кольцу-Масальскому, Ивану Степанову сыну Злобину, князю Никите, княж Федорову, сыну Прозоровскому-Хозетютину; да в поезде велел государь быть с крестом Никольскому протопопу Амосу. В конюших быть Степану Морозову, а с ним у коня быть детям боярским: Никите Савину, да Третьяку Висковатову, да двум сынам боярским, царевым Симеоновым, которые у него коня стряпают, Степану Лутовинину, да Ивану Томиле, да пяти конюхам стремянным у коня стряпать и ковер носить. А у царя быть: Ивану Петрову сыну Заболоцкому, да с ним царевым детям боярским: Алексею Колычеву да Якову Плещееву. А у стола на цареве дворе стоять: князю Федору Васильеву сыну Сикьеву; а стольникам государь приговорил у царя Симеона на его двор быть: Жицкому Ивану Клушину, Степану Белоусову, Тихону да Федору Заболоцким, Шемяке да князю Григорию Гагариным, князю Афанасию Вяземскому, князю Юрию Нерыцкому. А у платья царева быть: царевым Симеоновым детям боярским: Ивану Гребушину сыну Сатину да с ним стряпчим Царевым Симеоновым. А у княгини царевы Симеонове были на свадьбе, на цареве Симеонов двор: Федору Чиркину с женою, Иванове жене Чиркина, Борисове жене Щекина. И в неделю, в которой день быть свадьбе, велел царь и великий князь нарядить столовую избу, и образы Пречистой велел поставить на всех четырех стенах, и места велел нарядить, где сидеть царю Симеону, и его княгине; а на царево и на княгинино место велел поположить сголовья местные, а на сголовья веле положить по сороку соболей; а у места велел государь быть: князю Ивану, княж Дмитриеву, сыну Ростовскому, да Ивану Юрьеву сыну Малаво-Трахониотову; а на царев двор послал государь дружек княгининых: окольничаго Ивана Чеботова да казначея Федора Сукина с женами; а велел им с государева двора ехать к Авдотье Кутузовой по постелю и, взяв постелю, велел слати на царев Симеонов двор.

Наряд в столовой избе к венчанию

И как царю и великому князю сказали, что постель послали, и царь и великий князь пошел в столовую избу, и с ним брат его, князь Юрий, а боярам и детям боярским велел идти за собою немногим. И сел царь и великий князь на своем месте, и с ним брат его, князь Юрий, а боярам и детям боярским велел государь сесть: в большом столе против боярынь боярам: князю Ивану Михайловичу Шуйскому, Ивану Петровичу Федорову, Михайло Яковлевичу Морозову; в окольничем: Ивану Михайловичу Воронцову, Андрею Александровичу Квашнину; в кривом столе: князю Ивану Ивановичу Пронскому-Турунтаю, Ивану Дмитриевичу Шеину, Василию Яковлевичу Малаво-Трахониотову, да постельничему Ивану Вешнякову, да дьяку Ивану Бессонову; да окольничим и боярам: князю Дмитрию Федоровичу Палецкому, Федору Григорьевичу Адашеву, да окольничему Алексею Федоровичу Адашеву, да дьякам: Ивану Елизарову, да Ивану Выдранному, да Постнику Губину, да Константину Фуникову; а у боярынь: печатнику и дьяку Никите Фуникову, да дьяку Ивану Михайлову, да Андрею Васильеву; а за приставною окольничим: Семену Ивановичу Морозову да Алексею Даниловичу Басманову. И велел царь и великий князь идти царице и великой княгине к себе в столовую избу. И как царица и великая княгиня пошла, и пред царицею и великою княгинею поп шел со крестом и водою святою, а перед попом свахи со княгинею, а перед свахами со свечами и короваями, а свечи несли царевы Симеоновы дети боярские: первую свечу Степан Лыков, другую свечу Меншак Колычев; а фонари несли над свечами царевы великого князя дети боярские: Игнатий Заболоцкий да Гришка Долгоруков; а другой фонарь несли царевы Симеоновы дети боярские: Федор Григорьев сын Колычев да Меншак Ивачев; а короваи несли царевы Симеоновы дети боярские: Никифор Иванов сын Заболоцкого да Андрей Намазов; другой коровай несли царевы ж Симеоновы дети боярские: Борис да Безсон Колычевы; а перед свечами и перед короваями шли дети боярские.

И пошли вперед в столовую избу свахи со княгинею, а за княгинею вошла царица и великая княгиня, а с нею князя Юрия Васильевича княгиня Ульяна да боярыни. И пошла царица и великая княгиня на свое место, и села у царя и великого князя; а у царицы и великой княгини села князя Юрьева Васильевича княгиня Ульяна; подале сели боярыни: Аграфена Иванова жена Григория Морозова со снохою, Семеновою женою Морозова, Юрьева жена Малова, Фетинья Лыкова, княгиня Марья Чеснокова, Акулина Заболоцкого, Настасья Захарова, Варвара Ярцова; а княгиню посадили на место, а у ней свахи. А на цареве месте велел царь и великий князь посадить княж Васильева сына Сицкого; а за свечами и с короваями стали на правой стороне, против места, на рундук у кривого стола. И царь и великий князь послал звать царя Симеона на место; а велел молвить царю Симеону: «Царь и Великий Князь велел тебе говорить, чтобы еси поехал на место». И царь Симеон приказал царю и великому князю челобитье. И приехал царь Симеон к царю и великому князю, а с ним тысяцкий, и дружки, и поезд. И как царь Симеон вошел, и царю и великому князю ударил челом, да приступясь, у царя и великого князя благословился, а молвил: «Благослови, Государь, на место!» И царь и великий князь на место его благословил, а протопоп Амос благословил его на место крестом. И царь Симеон сел на место; а колпак государев держал князь Данило Сицкий. И встала сваха, Володимирова жена Морозова, чесала голову царю Симеону и княгине его; а чару с вином и гребень держал дьяк Дмитрий Скрипицын до чесания, а как начала чесать, ино держала сваха; а осыпало держал дьяк Тимофей Горюшкин, и осыпала царя Симеона и сороком соболей опахивала сваха большая, и давали от царицы и великой княгини ширинки царю и великому князю, и князю Юрию и царю Симеону, и боярам и детям боярским и всему поезду. И посидев, царь и великий князь благословил царя Симеона к венчанию иконою и отпустил его и княгиню его к Благовещению; а с свечами и с короваями шли пред ним. И Царь Симеон и княгиня его шли в церковь в передние двери, и стал Царь Симеон у столба на

правой стороне, а княгиня стала на левой стороне, а со свечами и короваями стали на левой стороне пред княгинею; вино в склянице принес князь Василий Прозоровский; а соболи на подножие принес князь Юрий Нырецкий; а камку на подножие к церкви принес Федор Замыцкий. И владыко Крутицкий Савва взял царя Симеона за руку и поставил его на место против царских дверей; да взял княгиню за руку и поставил с царем поряду; да поймав у них перстни, да положил на Евангелие; да говорил молитву, да обручал и венчал их, и давал царю и княгине вино; да пив вино, Царь скляницу растоптал ногою. И принесли в церковь истопники скамейку да ковер и поставили скамью против царских дверей да на скамью ковер раскинули, да принесли два сголовья: Царево принес Степан Белоусов, а княгинино принес Иван Мячков, да положили те сголовья на скамью. И владыко, царя и княгиню посадив, да им здоровал, да с царем и с княгиней целовался. И от венчания царь и с княгинею и со всем поездом пришли в столовую избу. И царь и великий князь царю Симеону и княгине его здоровал и целовался, и князь Юрий Васильевич здоровал и целовался; а бояре царю Симеону и княгине его здоровали; да сел царь и с княгинею на свое место, а тысяцкому и всему поезду велел государь сесть за стол. И как стол отошел, и царь и великий князь велел царю Симеону встать, да велел ему идти пред собой до дверей столовой избы; а княгиню его царь и великий князь взял за руку и пришел к дверям столовой избы; а Царь стал за порогом. И царь и великий князь молвил: «Царь Симеон! Божим велением, а нашим жалованием, велел тебе Бог жениться, поняти жену Марью; и ты царь Симеон, свою жену княгиню Марью, держи по тому, как Бог устроил, по Христианскому закону». Да взяв его за руку, дал ему княгиню, а велел ему с нею пойти до саней, не распущаясь. А от столовой избы до саней велел слать камку Михалке Ржевскому да Замятне Кочергину. А из саней выйдя, велел царь и великий князь царю, взяв княгиню за руку, да идти с нею вверх к постели вместе; а камки велел слать от саней до постели. И как Симеон к себе приехал, в дверях осыпала сваха большая,

Володимирова жена Морозова, и положили царя со княгинею дружки да свахи; и, подождав немного, дружки и свахи пошли к царю. И царь встал, да кушал, да, покушав, опять лег. А назавтра, в понедельник с утра, вошли к царю Симеону дружки и свахи и молвили царю, чтобы шел в мыльню, и царь Симеон в мыльне был; а у мыльни был царев сын боярский, Зинон Алехнов; а платье к мыльне прислала теща его, Авдотья Кутузова. И как царь из мыльни вышел, да пошел со княгинею в подклет, да сели на постели, да кушав, послал дружек княгининых, Ивана Чеботова да Федора Сукиных, с кашею к царю и великому князю, и к царице и великой княгине, и к князю Юрию Васильевичу, и к княгине его, и к князя Владимировой матери Андреевича ко княгине Ефросинье, и к князю Владимиру Андреевичу. А царь, государь и великий князь послал к царю Симеону боярина своего, Михаила Яковлевича Морозова; а велел княгиню его вскрыть; а царю Симеону сказать государево жалованье; город Рузу в вотчину со всем.

Поезд царя Симеона

И того дни царь Симеон у себя кушал, да после кушанья поехал к царю государю челом ударить. И бил челом государю, чтоб его пожаловал: у него того дня хлеба ел; да на его, государеве, жалование бил челом; а поезд весь у государя с царем был. И царь государь и великий князь царя Симеона жаловал, подал вина, и, подав вина, велел ему государь идти к царице и великой княгине челом ударить. И царь Симеон государыне, царице и великой княгине челом ударил, и бил челом великой княгине, чтобы его государыня пожаловала, того дни у него хлеба ела. И царица и великая княгиня велела царю сесть да велела ставить овощи. И кушав овощи, царь Симеон ударил челом царице и великой княгине и поехал. И ездил царь Симеон благословился у митрополита; а от митрополита ездил ко княгине Ефросинье и ко князю Владимиру Андреевичу челом ударить, и бил челом, чтобы князь Владимир Андреевич и княгиня Ефросинья хлеба ели.

Обед у Царя Симеона

И того же дня царь, государь и великий князь, и царица и великая княгиня, и князь Юрий Васильевич, и княгиня его у царя Симеона ели; и царева Симеона княгиня тут же ела. А стол был в Столовой избе. А царь Симеон перед царем и великим князем стоял, а с ним тысяцкий князь Михайло Воротынский, да дружки Владимир Морозов да Федор Нагой. А сидел царь государь на своем месте, а царица и великая княгиня сидела у царя и великого князя, а у царицы и великой княгини сидела князя Юрия Васильевича княгиня Ульяна; а у князя Юрия Васильевича княгиня сидела царева Симеона княгиня Марья; а пониже княгини свахи большие, а по за тем меньшие; а под свахами сидели боярыни: Иванова жена Морозова Аграфена с снохою, Васильева жена Юрьева Малова; а под нею царицыны княгини Марьи боярыни сенные: Фетинья Лыкова, княгиня Марья Чеснокова, Акулина Заболоцкая, Настасья Захарова, Варвара Ярцова; а против свах сидели дружки: Иван Чеботов, Федор Сукин; а под ними бояре: князь Иван Шуйский с товарищами. А после стола царь Симеон бил челом государю, чтоб государь пожаловал, был весел; и царь, государь царя Симеона пожаловал, пировал, и царь Симеон на пиру царя государя дарил: бархат бурский червчат с золотом; бархат бурский на черни шелк алой, с золотом; бархат бурский шелк червляной да зеленый с золотом; бархат бурский на зеленой земле шелк червчат да бел с золотом; алтабас венедицкий на червце золото да серебро двоеморк; алтабас венедицкий червчат с золотом; камка венедицкая червчата; камка венедицкая рудожелтая; камка венедицкая зеленая; камка венедицкая рудожелтая шелк червчат; камка бурская червчата; камка бурская желтая; камка бурская лазоревая; три сорока соболей; да сто золотых. А царице и великой княгине Анастасии дары: бархат венедицкий червчат с золотом; бархат венедицкий зеленый с золотом; бархат венедицкий лазорев с золотом; бархат венедицкий червчат с золотом; камка венедицкая червчата; камка венедицкая зеленая, камка вене-

дицкая желтая; камка бурская червчата; камка бурская желтая; камка бурская желк червчат да желт, да бел, с змейками; два сорока соболей; да 80 золотых. Князю Юрию Васильевичу дары: бархат бурский червчат с золотом; бархат бурский на червце с золотом: атлас венедицкий червчат с золотом; камка венедицкая алая, шелк червчат да желт; камка бурская червчата; камка бурская шелк червчат да желт: камка бурская желтая; два сорока соболей; да 60 золотых. А князя Юрия Васильевича дары: бархат бурский червчат с золотом; атлас венедицкий зеленый с золотом; камка венедицкая шелк бел да червчат, камка бурская желтая, сорок соболей, 50 золотых. А, пировав, царь и великий князь пошел к себе в хоромы; а царица и великая княгиня, и князь Юрий Васильевич, и княгиня его пошли к себе в хоромы, а за царицею и вели кой княгинею пошла царева Симеонова княгиня; а царь Симеон пошел к царю и великому князю, и к царице и великой княгине, и к князю Юрию Васильевичу, и к княгине его с оловянниками бить челом, подчивать. Царь и великий князь царя Симеона жаловал, дал кубок; а царица и великая княгиня пожаловала его ковшем серебряным, а князь Юрий Васильевич дал царю Симеону ковш серебряный; а княгиня Ульяна дала ему чарку. Да бил челом царю, государю и великому князю, и царице и великой княгине, и князю Юрию Васильевичу, и княгине его, и царь Симеон поехал к себе на двор. А на третий день свадьбы, во вторник, царь Симеон поехал к царю и великому князю челом ударить. И царь и великий князь жаловал царя Симеона, звал есть, а стол был того дня в Столовой избе. И сел царь и великий князь, да царица и великая княгиня, да князь Юрий Васильевич с княгинею, да князя Андрея Ивановича княгиня Ефросинья, да князь Владимир Андреевич, да царь Семеон с княгинею; и сидели за столом: князь Юрий Васильевич у государя в правую сторону, а от князя Юрия Васильевича князь Владимир Андреевич, а подле его, на конце стола, царь Симеон; а царица и великая княгиня сидела у царя и великого князя; а у царицы и великой княгини сидела князя Юрьева Васильевича княгиня Ульяна; а у княгини

Ульяны сидела князя Анреева Ивановича княгиня Ефросинья да княгиня царева Семена; а подле нее свахи четыре большие и меньшие; а под ними боярыни Аграфена Морозова со снохой да Васильева жена Трахониотова, да боярыни сенные; а против свах на скамье: тысяцкий, да дружки все, да бояре князь Иван Шуйский с товарищами. А за столом бил челом государю царю и великому князю царь Симеон, чтоб его государь царь пожаловал, завтра, в среду ел хлеб у него.

Свадьба князя Ивана Дмитриевича Бельского с княжною Марфою Васильевною Шуйскою в 1555 году

Лета 7063, ноября в 8 день. Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, женил князя Ивана Дмитриевича Бельского, а дал за него княжну Марфу Васильевну дочь Васильевича Шуйского, а внуку по матери Петру царевичу, а давал от себя.

Наряд на свадьбу князя Ивана Дмитриевича Бельского

Государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич приговорил быть наряду, а в наряде, кому что довелось, писано: а на свадьбе князя Ивана Бельского быть в тысяцких: князю Петру Ивановичу Шуйскому; в княжих дружках; боярину Василию Михайловичу Юрьеву, окольничему Федору Михайловичу Нагому; в княжниных дружках: окольничему Ивану Яковлевичу Чеботову, казначею Федору Ивановичу Сукину; а в свахах женам их; а поезду сбираться на княж Иванов двор. А на дворе князя Иванова быть: князю Ивану Федоровичу Мстиславскому с женой Ариной, Михаилу Яковлевичу Морозову с женою Авдотьей, Льву Сергеевичу Салтыкову с женою Анною; да у князя Ивана быть князьям и детям боярским: князю Дмитрию Александровичу Куракину, Михайлу Головину, князю Александру Ивановичу Воротынскому, а дворянам быть без мест, а из стольников в поезде быть: князю Андрею Ивановичу Шуйскому, князю Ивану Юрьевичу Голицыну, и быть без мест;

а в конюших быть Ивану Сотницыну сыну Клобукову. А месту быть в столовой избе; а на княжем месте сидеть Ивану Львову сыну Салтыкову; а боярам у царя и великого князя сидеть в большом месте против боярынь на скамье: князю Ивану Васильевичу Шуйскому, Василию Юрьевичу Трахониотову, тверскому дворецкому Никите Афанасьевичу Карцову; в кривом столе боярам сидеть: князю Юрию Михайловичу Голицыну да Ивану Михайловичу Воронцову; на окольничем месте сидеть: боярину князю Дмитрию Ивановичу Курлятеву, окольничему Андрею Александровичу Квашнину: а за приставкою сидеть: окольничему Семену Ивановичу Морозову, да Алексею Даниловичу Плещееву, Алексею Федоровичу Адашеву; а боярыням сидеть: княж Юрьевой Михайловича Голицына княгине Аксинье, да Семеновой жене Ивановича Морозова Марье; да царицы и великие княгини боярыням сенным: Ульяне Михайловой жене Бутурлина, Настасье Григорьевой жене Захарова, Варваре Данилова жене Ярцова; а у боярынь сидеть дьякам: Ивану Михайлову да Андрею Васильеву.

Наряд в столовой избе

А как избу устроили и по местам сели, царь и великий князь по князя Ивана послал князя Михайла Репнина, а велел князю Ивану ехать на место; а у места были и на сгловьях соболи держали: дьяки Ивана Клобуков да Дятел Мошков; а чару с вином держал дьяк Федор Огарев; кику держал дьяк Борис Щекин; а осыпало держал дьяк Петр Копьев, да они же были с осыпалом в подклете на княжом дворе; а колпак держал Лука Раков; а короваи держали и свечи в столовой, на левой стороне, под окольничим, и у короваем были: Иван Мячков, Михаил Тетерин; а у других короваев Тихон Тырков и Ванько Ушаков; а у свечей были: Михалец Беклемишев и Ванько Погожей; а с фонарями были: Федор Зезевитов, Сенька Мишурин, Тимошка Дементьев Клобуков; а с вином у венчанья были: Семен Нагой; а камки в церковь несли и слали Юшка Нерыцкой, Афонька Загряжской, и от венчания к подклету на княжой двор несли и

слали они ж; а соболи и подножья несли к венчанию: Михайло Ржевский да Сенька Колменцев; а сголовья несли к церкви Андрюшка Зачисловский, а на место князя звал: князь Михайло Репнин; а голову князю и княгине чесала осыпала сваха большая, Васильева жена Михайловича Юрьевича. А как от венчания князь и княгиня пришли, и поезду велел государь сесть потому ж. А как князь Иван с княгинею приехали к себе на подворье, и осыпала их у постели княж Ивана Мстиславского княгиня Арина; а у постели был дьяк Тимофей Горышкин, а с ним княж Ивановы люди. А князя Иванову княгиню вскрывал боярин Иван Михайлович Воронцов.

Наряд обеденный

А стол был в Столовой палате; а у яств стояли на княж Ивановом дворе Андрей Иванов сын Шеин; а стольники из жильцов: князь Никита Мезецкий, князь Федор Хворостинин. В пятницу царь и великий князь ел в Столовой избе. А под княгинею молодою сидели свахи меньшие, да свахи княжие; а под княжими свахами сидели: князя Ивана Мстиславского княгиня Арина, да князя Юрия Голицына княгиня Аксинья, да Семенова жена Морозова Марья, да Михайлова жена Салтыкова Анна; да сенные боярыни: Ульяна Бутурлина, Клобукова Марфа, да Варвара Ярцова; а в большем столе против боярынь сидели княгинины дружки, а под ними боярин князь Иван Михайлович Шуйский. А князь Иван Дмитриевич Бельский перед царем и великим князем стоял. А после стола чашу цареву и великого князя подавал князь Иван Бельский.

Вторая свадьба удельного старицкого князя Владимира Андреевича с княжною Евдокиею Романовной Одоевской в 1558 году

Лета 7066, марта в 28 день. Приговорил Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, князя Владимира Андре-

евича женить, а поняти ему княжну Авдотью князя Романова дочь Ивановича Одоевского.

Разряд свадьбы

И приговорил царь и великий князь свадьбе быть апреля в 22 день, неделю вторую по Пасхе; а жаловал царь и великий князь князя Владимира Андреевича быть на свадьбе у него в отцово место; а в тысяцких быть: царю Симеону Касаевичу; а в дружках быть: боярину князю Ивану да князю Андрею Ивановичам Булгаковым, да окольничему Ивану Яковлевичу Пронскому с женой, да окольничему Ивану Яковлевичу Чеботову с женой; а с княгининой стороны быть дружкам: окольничему Михайлу Васильевичу Яковлеву, окольничему Далмату Федоровичу Карпову с женою; а у места быть: Данилу Григорьеву сыну Фомину, да княжому сыну боярскому князю Андрею Данилову сыну Шестунову; а чару с вином нести к месту и держать у места дьяку Ивану Клобукову; а кику нести к месту и держать у места дьяку царицы и великой княгини, Тимофею Горышкину; а осыпало держать дьяку Борису Щекину; а сорок соболей держать у места и опахивать дьяку Петру Данилову. А кому сидеть за столом и то писано в наряде; а в наряде довелось быть: боярыням князя Ивана Дмитриевича Бельского княгине Марфе, да князя Юрия Михайловича княгине Аксиньи, да Васильеве жене Юрьевича Малаго Аграфене; а против боярынь сидеть боярам: князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, да князю Юрию Михайловичу Булгакову, да князю Петру Ивановичу Немому, да казначеям: Федору Сукину, да Хозюну-Тютину; и им сидеть все три дня потому; а от боярынь сидеть дьякам: Ивану Михайлову да Андрею Васильеву. А в кривом столе сидеть: князю Федору Ивановичу Шуйскому, Михаилу Яковлевичу Морозову, постельничему Игнатию Вешнякову, князя Владимиру Андреевича боярину князю Василию Темкину, окольничим боярам Юрию да Ивану Михайловичам Воронцовым; а на другой день си-

деть на окольничем месте Михайлу Яковлевичу Морозову; а Юрию Михайловичу Воронцову сидеть на кривом столе у Шуйского; а на третий день переменяться, Михаилу сидеть на кривом столе, а Юрию на окольничем месте, а в приставке сидеть окольничим: Льву Андреевичу Салтыкову да Алексею Федоровичу Адашеву; а у княжего стола быть конюшему княжому, князю Борису Хованскому.

Наряд на венчание

А государь, царь и великий князь приготовил посылать звать на место князя Владимира Андреевича князя Юрия Михайловича Булгакова; а поезд ведать и собирать окольничему Льву Андреевичу Салтыкову да дьяку Андрею Васильеву; а на княжом месте велел посадить князя Бориса Васильевича Серебрянного; в сенях пред палатою быть дьякам: Шестаку Воропину да Льву Футину; а колпак держать: князю Ивану, княж Иванову, сыну Лыкову, да князю Михайлу Лыкову; а княжое сголовье нести к церкви: Петру Ивановичу Волынскому; а княгинино сголовье нести Якову Судимонтову, а короваи нести к церкви: Ивану Романовичу сыну Образцову да князю Симену, княж Андрееву, сыну Кропоткину, князю Тимофею, княж Иванову, сыну Рышкову, князю Осипу Щербатову, Никите Житову, князю Федору Лыкову, князю Ивану Волконскому; а свечи нести к церкви: князю Ивану да князю Никите Григорьевым детям Щербатовым, Никону Никитину, да Нилу Владимирову сыну Заболоцкому; а фонари над свечами нести: Якову Васькову, Андрею Мансурову, Федору Львову, Ваське Кашинцеву; а вино нести к церкви в склянице стольнику царя и великого князя Ивану Петровичу; а камки нести и слать недорослям: Ивану Федорову, Ивану сыну Старкову, князю Борису, княж Петрову, сыну Ромодановскому; а подножие к церкви нести княжим детям: Луке Новосильцову да Федору Загряжскому; а от Благовещения по крыльцу к набережной палате береч ход: дьяку Федору Фатьянову да Ляпику Ковезиму.

Свадьба третья Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича с Марфою Васильевною Собакиной в 1572 году

Лета 7080, октября в …день. Государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всей Руси, повелел снарядить большой наряд для своей, великого князя, свадьбы.

Наряд свадьбы

А разряд Государя, Царя и Великого Князя свадьба сказывал Малюта Скуратов, а разряд писан по статям, и кому что довелось быть, и то сказано в наряде.

Статья 1. В большом месте сидеть у государя, царя и великого князя за столом: сыну его, царевичу Феодору; а в тысяцких быть: сыну ж его, царевичу Ивану Ивановичу; а за столом сидеть у государя: царевичу Михаилу.

Статья 2. А в дружках быть с государевой стороны Ивану Сабурову да жене его в свахе; а другому дружке Каллисту Собакину да жене его Софье в свахе; а с царицыной и великой княгини стороны: дружке Борису Годунову, да жене его Марье в свахе, другому дружке Малюте Скуратову; а пятая сваха, Андреева жена Игнатьева Софья, понесет к месту кику, со всем нарядом, на серебряном блюде; а Андрею Игнатьеву идти с чарою да с гребнем; а с осыпалом пред государем идти Ивану Дмитриеву сыну Собакину.

Статья 3. А за столом сидеть боярыням: князя Михайлова княгине Андреевича Трубецкого Аксинье, князя Васильева княгине Андреевича Трубецкого Настасье, да князя Федорова Михайловича Трубецкого княгине Настасье, да князя Давыда Ивановича Тулупова княгине Анне, да Андрееве жене Судимонтова Марфе, Семенове жене Лыкова Федосье, Василеве жене Воейкова Афимье, Лаврова жене Ладыженского Дарье; а против боярыне сидеть князю Петру Тутаевичу Шейдякову, боярам князю Федору Михайловичу Трубецко-

му, Ивану меньшому Васильевичу Шереметеву, окольничему Дмитрию Матвеевичу Бутурлину; дворянам: Григорию Панину сыну Сабурову, Тимофею Плещееву, Ивану Черемисову; а в кривом столе сидеть: боярину Василию Степановичу Собакину, окольничему Григорию Васильевичу Собакину; а на месте государеве царя и великого князя сидеть Богдановой жене дочери Сабуровой, Домне.

Статья 4. Звать государя, царя и великого князя на место боярину Ивану меньшому Васильевичу Шереметеву. Собирать детей боярских и ведать их князю Ивану Тебенелеву, дьяку Василию Дядину; а ходить пред государем, царем и великим князем Борису Васильевичу Собакину, Парфену Ивановичу Собакину, Степану Васильевичу Собакину, Андрею Игнатьеву, за санями государя, царя и великого князя ходить: Дмитрию Годунову, Никите Дмитриеву сыну Собакину, Григорию Хитрово, да детям боярским царицы и великой княгини; а в ясельничего места быть: Ивану Дмитриеву сыну Овцыну, а с ним конюхам быть по росписи.

Статья 5. А списки носить и раздавать по приказам дьяку Василию Щелкалову; у платья царицы и великой княгини быть дьяку Афанасью Бахтееву, и отпущать платье по нарядам Афанасию ж; а постелю слать, кому царь и великий князь велит, а мыльню топить Петру Собакину да Богдану Бельскому; а у воды быть Петру Собакину да царице и великой княгини детям боярским, Андрею Мещерскому да Ивану Никифорову сыну Коростелеву; а платья государя, царя и великого князя быть: князю Ивану Жирову-Засекину; а князю Ивану быть у мастеров в избе, и только платье государю отпущать; а колпак держать государя, царя и великого князя Ивану Васильеву сыну Борисову-Сабурову, Семена Васильевича сыну Собакину; да Семену ж идти к месту, и нести свечу, которыми свечами государя царя и царицу обручать, а как от того отделается, и ему быть по старому у колпака. А в мыльне быть с государем, царем и великим князем: Борису Васильеву сыну Собакину, Каллисту Васильеву сыну Собакину, Парфену Иванову сыну Собакину, Борису Годунову, Богдану Бельскому; а у коня

государева быть и ездить около подклети Булату Арцыбашеву; а вино вести в склянице к церкви Григорию Осипову сыну Полеву; у сголовья местного государя, царя и великого князя быть Ивану Козловскому; а у царицы и великой княгини сголовья быть Юрию Дмитриеву сыну Овцыну; у места держать сорок соболей, которыми опахивать государя и царицу, Петру Собакину; а как отделается от того дела, и быть ему у мыльни по-старому; место ведать и всякую рухлядь столовую Осорьину Субоске; а у постели быть: Дмитрию Годунову да Никите Дмитриеву сыну Собакину; а свечу государя, царя и великого князя нести: Степану Волкову да брату его Федору, а другую свечу нести Семену Велину да Ивану Бибикову; а коровай нести: товарищу Грирорьеву сыну Велину, Луке да Ивану Кузьминским, да Матвею Воейкову; а другой коровай нести: Минаю Кузьминскому, Федору Ельчанинову, да Ивану Григорьеву сыну Хитрово, да обоим Воейковым; над царевой свечою фонари нести: Даниле Мурзе Купкеву да Неустрою Мокееву; а над царициною свечою нести: фонарь Саввину Мокееву да Никите Панину; а с обручальными свечами идти Семену Собакину; а сголовья нести к церкви: Степану Васильеву сыну Собакину да Парфену Иванову сыну Собакину; с царевым подножием в церкви быть: Тимофею Трубецкому да Василию Федорову сыну Годунову; а с другим подножием: князю Андрею Тулупову да Богдашке Бельскому, а скамейку с ковром нести: Гришке Овчине да Афоньке Головленкову; скамейку же за ними нести истопникам: а на государеве, цареве дворе от огня беречь и на двор не пущать: Никифору Ульянову да Леонтию Велину; у ворот государевых больших на государеве дворе стоять: Семену Овчине да Фоме Велину; а у других ворот за царицыными хоромами быть царицыным детям боярским, Ивану Унковскому да Андрею Бокееву; у ворот, которые у новой мыльни: детям боярским царицыным; Тархану Иванову сыну Булгакову да Ивану Дмитриеву сыну Сидорову; у ворот, что у церкви на дворец, к сеннику: Ивану Иванову сыну Булгакову да Кишмане Танееву; у ворот, что на малой дворец к избушкам: Федьке Панину да царицыну сыну

боярскому Афанасию Коровину; на лестнице, мимо царевичевых хором от сенника, стоять: истопничему Семену Якушину да царицыну сыну боярскому; а у больших у городовых ворот быть: Семену Тимофееву Булгакову; а у других городских ворот, сторонних, направо: Мельбеншину Губатову сыну Бельскому; а у третьих городовых ворот, у Богоявленских: Ивану Семенову сыну Овцыну; у четвертых ворот у Богоявленских: Максиму Судимонтову; у пятых ворот ведать: ему ж, Максиму и ворота городовые идти запирать.

Свадьба короля Магнуса с княжной Марией Владимировной Старицкой в 1573 году

Лета 7071. Пожаловал Государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всея Руси, короля Арцымагнуса женить и приговорил за него дать князя Владимира Андреевича дочь, княжну Марью.

Наряд на свадьбу

И указал царь и великий князь месту быть на государевом дворе, и жаловал быть на свадьбе самому Государю, Царю и Великому Князю Ивану Васильевичу, и сыну своему Ивану Ивановичу. А быть в отцово место у княжны: брату ее, князю Василию Владимировичу; а в материно место: Васильевой княжне Володимировича Марье; а в тысяцких: царевичу Михаила Канбулатовичу; а боярыням сидячим быть: князя Петра Тутаевича Шендякова княгине Арине да князя Василия княгине Юрьевича Голицына Дарье, князя Дмитрия княгине Ивановича Мезецкого Марье, князя Осипа Михайловича Щербатова княгине Василисе, князя Григория княгине Путятино-Отолкова, жене Квашнина; а боярам сидеть: князю Петру Тутаевичу Шендякову, князю Василию Юрьевичу Голицыну, Никите Романовичу Юрьеву, окольничему Василию Ивановичу Умному-Колычеву, князю Юрию Ивановичу Ток-

макову, князю Борису Ивановичу Тулупову, Михайлу Тимофеевичу Плещееву, Григорию да Василию Собакиным, князю Дмитрию Ивановичу Мезецкому, князю Осипу Михайловичу Щербатову да дьяку Василию Щелкалову. А в дружках быть с королевской стороны: боярину Петру Васильевичу Морозову, а в свахах Борисова княгине Хованского; а другому дружке Денису Вранбегу, а в свахах жене его; а в дружках быть с княгининой стороны: князю Василию Андреевичу Сицкому, а жене его в свахах. У места быть дьяку Нардукову; сорок соболей держать Андрею Микулину сыну Ярову, сорок княжнин держать Семену Михайлову сыну Пушкину; а соболи, чем опахивать, держать Пантелею Бастанову.

Наряд и чин свадьбы

А венчаться на Пробойной улице, на Славнове, у Дмитрия Святого; а с королем ехать римскому попу; а королю стать в паперти, а венчать короля по его закону, а княжну по Христианскому закону; а обучать и переменять перстни на месте: у короля попу римскому, а у княжны попу дмитровскому; а приехав к венчанию к Дмитрию Святому, королю стать в паперти, а с ним короваи и свечи держать; а княжне идти в церковь, а с короваем и свечами и фонарем стать с левой стороны у княжны. А с кикою идти к месту свахе Семенове Мишурина; а чару с вином и гребень держать дьяку Семену Мишурину; а осыпало нести к месту Ивану Константинову сыну Скобельницыну, а другое осыпало, сделав, отослать к постеле, а осыпать короля и княжну Иванове княгине Федоровича Мстиславского; с фонарем идти и в фонаре свечи зажигать большие Василию Невежину Капнину, а брату его Илье нести свечи малые, которыми обручать: у коровая быть: Елизару Благово, Никите Богданову сыну Сунакову, Неустрою Мокееву, Шемяке Солнцеву, а с другим фонарем Богдану Дмитриеву да Никодиму Бабкину; вино нести в склянице к церкви: Василию Семенову сыну Овцыну; а с подножием да с соболями Богданке да Казарину Редриковым; а с подножием

от венчания: Ереме Григорьеву сыну Скобелицыну да Ванька Иванову сыну Молчанову. У королевы у саней идут Яков Федорович Волынский, князь Василий Васильевич Мосальский-Литвинов, Иван Квашнин да князь Андрей Большой Отолык; да за ними прибрать дворцовых детей 30 человек из городов; а в ясельничего место быть Облязе Воронову.

Наряд к поезду

А по наряду довелось быть в поезде князю Роману Туменскому, князю Василию Скопину-Шуйскому, князю Ивану Глинскому, князю Ивану Келмамееву, князю Семену Черкасскому, Евставью Пушкину, князю Данилу Ногтеву, Дмитрию Елизарову, Григорию Лушкину, князю Ивану Васильевичу Мосальскому, Игнатию Федоровичу сыну Колычеву, Семену Нагому, князю Ивану Григорьевичу Темкину-Ростовскому, Льву Григорьеву сыну Морозову, Дмитрию Борисову сыну Салтыкову, Василию Зюзину, князю Ивану Козловскому, Байму Воейкову, Федору Волкову, Петру Степанову сыну Собакину, князю Ивану Тулупову, князю Ивану Щитову, Степану да Ивану Дмитриевым детям Собакиным, Никите Дмитриеву сыну Собакину, Роману Пивову, а с ним 15-ти человекам дворянам королевским.

Наряд обеденный

С королевской стороны сидеть в большом месте царевичеве Михайлове княжне, а подле ее сидеть князя Иванова княгине Федоровича Мстиславского да князя Андрея княгини Ивановича Суздальского, а у них сидеть боярыням королевым; а встречу боярынь сидети боярам: князю Ивану Федоровичу Мстиславскому, князю Петру Даниловичу Пронскому, князю Борису Хованскому, дьяку Андрею Щелкалову; да бояре королевские: тысяцкий Михаил Канбулович, дружки и свахи; а у яствы сидеть: князю Михаилу Барятинскому, да стольнику князю Федору Шестунову, Леонтию Бутурлину;

а есть ставить на столы: Никите Маклакову, Алешке да Ваське Бастановым, Богдану да Черемису Куташевым; а у княгини у яствы быть князю Ивану Лыкову; а есть ставят пред нею Гаврилова жена Михеева, да Алабышева жена Дербенева, да девки королевские.

Наряд постельный

Постелю нарядить по чину, а за постелью идти Якову Волынскому с товарищами, а дружкам княгининым ехать вперед, а за постелью ехать в санях княгининым свахам. А у постели быть князю Афанасию Гагарину с женою да с ним двум королевским людям.

Свадьба седьмая Государя, Царя и Великого Князя Ивана IV Васильевича с Марией Федоровною Нагою в 1581 году

Лета 7080, изволил Государь, Царь и Великий Князь Иван Васильевич, всея России, жениться, а поняти Федора Федоровича Нагова девицу, Марью Федоровну.

А на свадьбе у себя указал государь быть по росписи: во отцово место: сыну своему царевичу, князю Федору Ивановичу; в материно место: царевича Федорова царице Ирине Федоровне; а в тысяцких: царевичу Ивану Ивановичу; а дружкам у государя быть: князю Василию Ивановичу Шуйскому да Панкратию Салтыкову, и Панкратий не был, а был в его место Богдан Яковлевич Бельский; а у царицы быть дружкам: боярину Борису Федоровичу Годунову, Михайлу Александровичу Нагому; а в свахах у государя князя Василия Иоанновича Шуйского княгиня Елена да Панкратьева жена Яковлевича Салтыкова; а в свахах у царицы Борисова жена Федоровича Годунова Марья да Михайлова жена Александровича Нагова Марья; а с кикой быть пятой свахе: Игнатьевой жене Петровича Татищева.

Наряд венечный

А коровай государев нести: Якову да Константину Михайловичам Годуновым, Никите да Петру Васильевичам Годуновым; а царицын коровай нести: князю Андрею Дмитриевичу Хилкову, да Андрею Никитичу Годунову, Михайле Салтыкову, Давыду Гельскому; а колпак государев держать: Невеже Яковлевичу Бельскому, да Михайле Федоровичу Нагому, князю Петру Александровичу Нагому; а колпак держать у царевича Ивана Ивановича: Федору да Ивану Константиновым, детям Сафоновым; а сголовье государево вести: Панкратию Яковлевичу Салтыкову; а сголовье царицыно нести: Петру Афанасьеву сыну Злобину Нащекину; а у места государева быть: Матвею Холопову; а на месте государевом сидеть: Богдану Сидоровичу Бельскому; а сорок соболей держать, чем государя на месте опахивать: Григорию Афанасьеву сыну Нащокину; а царицыны сорок соболей держать Матвею Воейкову; а с большим подножием, на чем государю венчаться в церкви, за дружкой за большим государевым нести: князю Якову Андреевичу Телятевскому; за дружкою за царицыным большим нести подножие к церкви: Семену Романову сыну Алферьеву; а слати бархаты от места до церкви, и от церкви; князю Андрею Андреевичу Телятевскому, Матвею Васильеву сыну Бутурлину, князю Исаку Андрееву сыну Татищеву, Ивану Осипову Благово; а сголовье государево венчальное нести к церкви: Андрею Александровичу Нагому; Государя звать на место: боярину Дмитрию Ивановичу Годунову; а у государыни у саней быть: Ивану Васильевичу Годунову, Матвею Васильевичу Воейкову, дьяку Афанасию Демянову; чарку золотую нести к церкви: дворецкому князю Федору Ивановичу Хворостинину, скляницу с вином нести: Вереге Третьякову; в конюших у государя быть: князю Ивану Михайловичу Глинскому; на жеребце государевом у подклета ездить: Афанасию Александровичу Нагому; а в конюших у царевича Ивана Ивановича быть: князю Тимофею Романовичу Трубецкому.

Наряд обеденный

За столом боярыням сидеть: князя Василия Андреевича Трубецкого жене, князя Федора Михайловича жене, Дмитрия Ивановича жене Годунова Аграфене, Василия Годунова Асанова жене Афимье, Степана Васильевича Годунова жене Пелагее, Лавра Ладыженского жене Дарье; а против боярынь сидеть на скамейке боярам: князю Федору Михайловичу Трубецкому, Дмитрию Ивановичу Годунову, окольничему Степану Васильевичу Годунову, печатнику Роману Васильевичу Алферьеву, думному дворянину Василию Григорьевичу Зюзину, думному дворянину Дементию Ивановичу Черемисинову; на окольничем месте сидеть: Семену, Федору, Афанасию, Андрею Федоровичам Нагим да Ивану Григорьевичу Нагому. А указал государь быть на своей, государевой свадьбе во всех чинах всем без места.

Свадьба первого самозванца Дмитрия с Мариною Мнишек в 1606 году

Лета 7114, мая в 8 день. Женился расстрига на Марине, дочери польского воеводы Мнишка Сендомирского. А венчал его в Пречистой соборной церкви патриарх Игнатий, а в отцово место был: боярин князь Федор Иванович Мстиславский; а в материно место была: боярыня князя Федорова княгиня Ивановича Мстиславского, Прасковья Иванова, в тысяцких: боярин князь Василий Иоаннович Шуйский. А в поезде были дворяне московские: князь Федор да князь Семен Андреевич Татевы, князь Андрей Жекла Васильевич Сицкий, князь Иван Петрович Ромодановский, князь Андрей Данилович Сицкий, князь Яков Петрович Барятинский, Иван Васильевич Головин; князь Иван Михайлович Барятинский, Владимир Петрович Головин, князь Александр Данилович Приамов-Ростовский, князь Василий Федорович Мосальский, князь Михаил Федорович Долгорукий, Юрий Григорьевич Пильемов, а князь

Савва Дмитриевич Щербатой, князь Григорий Тимофеевич Долгорукий, князь Иван Григорьевич Щербатой, князь Иван Мосальский, Борис Иванович Долматов-Карпов, Григорий Григорьевич Пушкин, князь Григорий Петрович Шаховской; а были поезжане без мест. А дружки княжие были бояре: князь Дмитрий Иванович Шуйский да Григорий Федорович Нагой; а свахи были княжие: боярыня князя Дмитриева Ивановича Шуйского, княгиня Екатерина Григорьева, да боярыня Григорьева жена Федоровича Нагова Марья Андреевна; а княгинины дружки были: Михаил Александрович Нагой да пан Тарло; а у княгини свахи были: боярыня Михайлова жена Александровича Нагова, Арина Александрова, да пана Тарлина панья; а свечник был: Василий Васильевич Нагой. А рынды были на свадьбе, в белом платье: князь Юрий Никитич Трубецкой, да князь Иван, да Андрей Владимирович Кольцевы-Мосальские, да князь Юрий Юрьевич Мещерский; а с мечом стоял: князь Михаил Васильевич Шуйский-Скопин. Да на свадьбе были польского и литовского короля Жигимонта послы: Николай Олесницкий да Александр Гонсевский. И Николай сидел за одним столом, а Александр сидел в кривом столе, по-прежнему, как послы садятся; а сидели с ними и потчевали их: князь Иван Петрович Ромодановский, да пристав его князь Григорий Константинович Волконский, да дьяк Андрей Иванов; а звать за стол послов ходил: князь Василий Федорович Литвин-Мосальский; а встреча была первая послом на крыльце: князь Иван Петрович Ромодановский да дьяк Андрей Кобляев; другая встреча была в сенях: князь Иван Андреевич Татев; да дьяк Иван Сафонов; а объявлял послов окольничий: князь Дмитрий Васильевич Туренин; а за кушаньем сидел: боярин и дворецкий князь Василий Михайлович Мосальский да думный дворянин Артемий Васильевич Измайлов; а у послов за яствами сидят: стольник князь Дмитрий Михайлович Пожарский; а у стола стояли: кравчий князь Иван Мезецкий, да князь Алексей Юрьевич Сицкий; а пить наливали: князь Иван Иванович Курлятев да князь Григорий Федорович Хворостинин; а в столы сказывали столь-

ники: князь Иван Федорович Хованский да Степан Иванович Волынский; а вина наряжали стольники: князь Иван Петрович Шереметев да Василий Иоаннович Бутурлин; а после стола ездил потчевать послов: чашник князь Иван Иванович Курлятев. А на свадьбе боярыни сидели на лавке, в большом столе: боярина князя Федора княгиня Иванова Мстиславского Прасковья Иванова, боярина князя Васильева княгиня Федоровича Шуйского-Скопина Елена Петровна; свахи: боярина князя Дмитриева княгиня Ивановича Шуйского Екатерина Григорьевна, боярина Михайлова жена Александровича Нагова Ирина Александровна, боярина Григорьева жена Федоровича Нагова Мария Андреевна да пана Тарлина панья. Да под свахами сидели боярыни: боярина князя Никитина княгиня Романовича Трубецкого Авдотья Михайловна, боярина Андреева жена Александровича Нагова Зиновия Абросимова, боярина Афанасьева жена Александровича Нагова Марья, боярина князя Михайлова княгиня Васильевича Мосальского Марья Ивановна, боярина Владимира княгиня князя Васильевича Кольцова-Мосальского Марфа Ивановна, думного дворянина Яковлева жена Васильевича Зюзина Анна Михайловна. В скамье сидели против боярынь бояре: князь Федор Иванович Мстиславский, князь Василий Иоаннович Шуйский, дружки: боярин князь Дмитрий Иванович Шуйский; Михаил Александрович Нагой, Григорий Федорович Нагой да пан Тарло. А под дружками сидели бояре: князь Иван Михайлович Воротынский, Михаил Федорович Нагой, князь Василий Васильевич Голицын, Петр Федорович Басманов, князь Данил Борисович Приимков-Ростовский, окольничий Иван Федорович Крюков-Колычев, Иван Петрович большой Головин, Василий Яковлевич Щелкалов, окольничий и думные дворяне: Гавриил Григорьевич Пушкин, Яков Васильевич Зюзин. Сидели под боярынями на лавке бояре: князь Никита Романович Трубецкой, Андрей Александрович Нагой, Иван большой Никитич Одоевский, Афанасий Александрович Нагой, князь Иван да князь Андрей Васильевичи Голицыны, Петр Никитич Шереметев, князь Семен Ан-

дреевич Куракин, князь Борис Петрович Татев, князь Борис Михайлович Лыков, князь Федор Тимофеевич Долгорукий, окольничий князь Дмитрий Васильевич Туренин, печатник и думный дьяк Богдан Иванович Сукин, казначей и посольский дьяк Афанасий Иванович Власьев, думные дьяки: Василий Яковлев, Иван Граматин. А под ними сидели бояре: Андрей Александрович Нагой, да князь Владимир Васильевич Кольцев-Мосальский, да постельничий Семен Иванович Шапкин, да стряпчие с ключом: Кузьма Осипов Безобразов да Михаил Федорович Толочанов. А у воды и у мыльни быть: боярин Афанасий Александрович Нагой да окольничий Иван Федорович Крюков-Колычев. А в мыльню ходили: боярин Петр Федорович Крюков-Колычев, чашник князь Иван Иванович Курлятев, кравчий князь Иван Андреевич Хворостинин; мовники и пред ним с сокольничим они ж ходили: князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский, князь Юрий да князь Федор Никитич Трубецкие, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, Василий Михайлович Нагой, князь Юрий Дмитриевич Хворостинин, князь Григорий Федорович Хворостинин, князь Иван да князь Андрей Владимировичи Кольцевы-Мосальские, князь Василий да князь Андрей Федорович Литвиновы-Мосальские, Федор Богданович Полев.

Свадьба Царя и Великого Князя Василия Иоанновича Шуйского с княжной Марией Петровной Буйносово-Ростовской в 1608 году

Лета 7016, января в 17 день. Женился Царь и Великий Князь Василий Иоаннович, всея Руси, а понял за себя князя Петрову дочь Ивановича Буйносова-Ростовского, княжну Марью Петровну. А в чинах указал государь быть на своей государской радости: в отцово место: князю Ивану Ивановичу Шуйскому; на материнском месте: боярыне князя Дмитрия Ивановича Шуйского жене, княгине Екатерине Григорьев-

не; из тысяцких у царя: боярину князю Федору Ивановичу Мстиславскому; в дружках у государя быть князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому да Ивану Федоровичу Крюкову-Колычеву; в дружках у государыни: князю Никите Андреевичу Хованскому да Ивану большому Михайлова сыну Пушкину; в свахах у государя быть: князя Михайлова княгине Васильевича Шуйского Александре, Иванова жене Федоровича Колычева Анне; в свахах у государыни князя Никиты Андреевича Хованского княгине Федоре да Ивановой жене Пушкина Елене; а с кикой быть Ивановой жене Одадуровой Ульяне. В поезде: князь Иван да князь Андрей, княж Васильеву, дети Голицыны, Иван Никитич Романов, князь Иван, княж Михайлов сын Катырев, князь Юрий, княж Никитин, сын Трубецкой, князь Иван, княж Борисов, сын Черкасский, князь Иван, княж Андреев, сын большой Хованский, князь Михаил, княж Андреев, сын Куракин, Василий Иванов сын Бутурлин, князь Семен, княж Васильев, сын Прозоровский, князь Григорий, княж Федоров, сын Хворостинин, Федор да Иван Васильевы дети Голованы, Наум Михайлов сын Плещеев, Иван Никифоров сын Чепчугов, князь Михайло да князь Никита, княж Петровы, дети Барятинского, князь Иван да князь Михайло Волконские, Иван да Григорий Никитины дети Ржевские, Федор да Василий Осиповы дети Яновы, Семенка Григорьев сын Одадуров. А быть всем по списку без мест. Колпак у царя и великого князя держать: князю Ивану, княж Петрову сыну Буйносову-Ростовскому; у большой свечи быть: князю Ивану, княж Михайлову сыну Одоевскому, да тут же сказано быть князю Борису Хилкову; а у другой свечи: князю Петру, княж Иванову, сыну Пронскому, да князю Михаилу Мезецкому; а с князем Иваном Одоевским быть князю Михаилу, княж Михаилу сыну Мезецкому; у фонаря большого быть сказано: Леонтью Воронцову-Вельяминову, да Дмитрию Семенову сыну Погожеву; у другого фонаря быть сказано князю Андрею, княж Петрову, сыну Горчакову, да Исааку Семенову сыну Погожеву. Свечи обручальные нести: Василию Артемьеву сыну

Измайлову да Ивану Воейкову; а у коровая большого быть: Ивану Иванову сыну Слизневу-Колычеву, Андрею Петрову сыну Савину, Ивану Гаврилову сыну Коробьину да Абросиму Ладыженскому; у другого коровая быть: Федору Васильеву сыну Клепикову-Бутурлину, князю Василию княж Семенову, сыну Болховскому, Александру Богданову сыну Воейкову да Василию Елизарьеву сыну Протопопову. Конюшие были у царя: боярин князь Иван Михайлович Воротынский да Иван Измайлов. У царицы у саней были: князь Василий Михайлович Лобанов-Ростовский да ясельничий Иван Васильев сын Измайлов. У постели были: князь Владимир Тимофеевич Долгорукий да Иван Федоров. У места были: Андрей Федоров сын Колычев, да Алексей Иванов сын Зюзин. А за большим столом сидели бояре: князь Никита Романович Трубецкой, князь Иван Васильевич Голицын, Василий Петрович Морозов да окольничий Иван Петрович Оловин. Боярыни сидели за большим столом: князя Васильева княгиня Федоровича Скопина Елена, князя Федорова княгиня Ивановича Хворостинина Антонида да князя Володимирова Тимофеевича Долгорукого княгиня Марья. В кривом столе сидели боярин князь Иван большой Никитич Одоевский, окольничий Михаил Михайлович Кривой Салтыков, казначей Василий Петрович Головин да окольничий князь Григорий Васильевич Долгорукий. Боярыни в кривом столе сидели: князя Иванова большого Никитича Одоевского княгиня Агафья да князя Васильева Михайловича Лобанова княгиня Соломонида. У царя у яствы сидел: окольничий князь Данила Иванович Мезецкий; у государыни у яствы сидел: князь Василий Иоаннович Буйносов. В столы смотрели: в большом столе князь Юрий Никитич Трубецкой, в кривом столе Василий Иванов сын Бутурлин. Вина наряжал князь Семен, княж Васильев, сын Прозоровский. Окольничие пред государем ходили: князь Дмитрий Васильевич Туренин да Артемий Васильевич Измайлов. В городе, в Кремле по воротам были дворяне, а с ними дьяки; а по воротам в Кремле ездил надзирать окольничий князь Григорий Петрович Ромодановский.

Свадьба царевича Михаила Кайбулина с Мариею Григорьевною Ляпуновою в 1623 году

Лета 7131, Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея Руси, и отец его Государев, великий Государь, святейший Филарет Никитич, патриарх Московский и всея Руси, указали женить царевича Михаила Кайбулина, а дать за него Григорьеву дочь Ляпунова, Марью.

И указал государь, царь и великий князь и отец его государев, великий государь, патриарх: быть у царевича в отцово место: боярину Федору Ивановичу Шереметеву; в материно место быть: Юрьеве жене Григорьевича Пильемова Настасье Алексеевне; а в отцово место у княгини быть: окольничему Федору Леонтьеву сыну Бутурлину; а в материно место быть: Матвея Григорьева жене Петрова Ляпунова. А в сидячих у царевича по государеву слову довелось быть: Ивану Дмитриевичу Заец-Плещееву, да князю Роману Ивановичу Гагарину, да князю Никите Никитичу Гагарину; да боярыням: Иванове жене Дмитриевича Плещеева Настасье Семеновне, Иванове жене Яковлевича Вельяминова, князя Романова княгини Ивановича Гагарина Екатерине Матвеевне, князя Никитина княгине Гагарина Марье Михайловне; а в сидячих с княгининой стороны быть боярыням: Васильеве жене Клепикова Федоровича Бутурлина Марье. Да Леонтьевой жене Григорьева Загряжского Дарье, да Тимофея Иванове жене Бегичева. А в тысяцких у царевича по государеву слову довелось быть: боярину Ивану Петровичу Шереметеву; а в дружках со царевичева сторону быть: княжому дьяку Дементию Образцову; а жене его Ульяне быть в свахах; а в дружках с княгининой стороной быть: дьяку Ивану Михайлову; да жене его Марье в свахах. А в поезде у царевича по государеву слову довелось быть стольникам и стряпчим: князю Юрию, княж Андрееву, сыну Звенигородскому, князю Даниле, княж Григорьеву, сыну Гагарину, Емельяну Иванову сыну Бутурлину, князю Дмитрию, княж Петрову, сыну Львову, Матвею Тимофееву сыну Измайлову, Осипу Иванову сыну Чемоданову, Григорию Алексе-

еву сыну Зюзину, князю Федору да князю Ивану, княж Федорова, детям Волконского, Дмитрию Баймову сыну Воейкову.

Свадьба первая Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича с княжной Марией Владимировной Долгорукой в 1625 году

Лета 7133 сентября в 19 день. Женился Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея Руси; а понял боярина князя Владимира Тимофеевича Долгорукова дочь, девку, княжну Марью Владимировну.

Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович велел составить разряд; а в разряде довелось быть: во отцово место: дяди его, государеву, боярину Ивану Никитичу Романову; в материно место: боярыне Иванове жене Никитича Романова Ульяне Федоровне; а у царице на отцовом месте: отцу ее боярину князю Владимиру Тимофеевичу Долгорукову, а в материно место: князя Андреева жене Даниловича Сицкого княгине Федоре; а в тысяцких быть боярину князю Ивану Борисовичу Черкасскому; а в дружках с государевой стороны: князю Дмитрию Мамстрюковичу Черкасскому да князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому; а с великой княжны стороны в дружках: боярину Михаилу Борисовичу Шеину да князю Роману Петровичу Пожарскому; а в свахах с государевой стороны: боярыне князя Дмитриева жене Мамстрюковича Черкасского княгине Елене Александровне да окольничего князя Данилова жене Ивановича Долгорукого, княгине Марье Алексеевне; а со стороны великой княгини в свахах: боярыне князя Романа жене Петровича Пожарского, княгине Авдотье Андреевне, а с кикой в свахах быть: постельничего Константинова жене Ивановича Михалкова, Арине Абрамьевне.

Наряд свадебный, кому быть довелось на свадьбе

У белого платья быть: с ключом стряпчему Ивану Иванову да Федору Михайлову сыну Толочанову; а с полотен-

цем с запасным: Никите Иванову сыну Заболоцкому; а на постельном крыльце, к патриаршему двору, у дверей быть: Семену Яковлеву сыну Молвянинову; у мыльни быть: князю Петру Андреевичу Хилкову, да князю Андрею Васильевичу Хилкову, да постельничему Константину Ивановичу Михалкову, у воды быть: Дмитрию Васильевичу Лодыгину да Василию Иванову сыну Полтеву; а у Золотой палаты быть у дверей: Афанасию Михайлову сыну Толочанову; а в сенях у Золотой палаты быть: Михайлу Игнатьеву сыну Новосильцову да дьяку Андрею Подлесову; а от Столовой избы, к сборной палате, у дверей быть: Баиму Федорову сыну Болтину; а с постельного крыльца у подклета, у решетки внизу, быть Никите Смирнову сыну Мотовилову; а на Красном крыльце быть: голове стрелецкой Лукьяну Иванову сыну Мясному да дьяку Александру Иванову; а на Красном крыльце быть: Богдану Воейкову; а перед великим князем ходить в окольничих князю Ивану Никитичу Одоевскому да князю Андрею Васильевичу Сицкому да окольничему князю Григорию Константиновичу Волконскому; а великого князя звать ходить на место боярину Петру Петровичу Головину, а у сголовий у местных быть: у великого князя князю Андрею Андреевичу Хованскому, а у великой княгини князю Андрею Даниловичу Сицкому; а у постели быть боярам: Федору Ивановичу Шереметеву да князю Владимиру Тимофеевичу Долгорукову; а боярыням быть у постели: боярыне Федорова жене Ивановича Шереметева Марье Петровне, да князя Владимирова княгини Тимофеевича Долгорукого Марье Васильевне; а у великого князя конюшему быть: боярину князю Борису Михайловичу Лыкову да ясельничему Богдану Матвеевичу Глебову; а у великой княгини у саней быть: окольничему князю Даниилу Ивановичу Долгорукому; а с осыпалом быть думному дьяку Федору Лихачеву; а чару держать дьяку Дементию Образцову; а соболи великого князя держать за местом: дьяку Андрею Подлесову; а скляницу нести к венчанью: боярину Василию Петровичу Морозову; а подножие нести княжое: стольнику князю Борису Александровичу Репнину да Никите Богданову

сыну Глебову; а с колпаком с княжим быть: стольнику князю Федору Борисовичу Татеву; а свечу великого князя нести Михайлу Васильеву сыну Алферьеву да Ивану Петрову сыну Чихачеву; а фонарь великого князя нести: Дмитрию Ефимьеву сыну Воейкову да Нефеду Кузьмину сыну Минину; а княгинин фонарь нести князю Федору Андрееву сыну Абляеву да Михаилу Василеву сыну Ларионову; а короваи великого князя нести князю Федору да князю Петру, княж Федоровым, детям Волконского, Осипу да Ивану Ивановым детям Чемодановым; а княгинин коровай нести Богдану Алексееву сыну Голохвастову, да Богдану Андрееву сыну Мусину, да Юрию, да Степану детям Телепневым; а свечу обручальную княжую нести: Илье сыну Безобразову; а княгинину свечу нести: Никите Федорову сыну Шушерину; а сголовья великого князя нести: Якову Михайлову сыну Толчанову; а великой княгине сголовья нести: Федору Жданову сыну Шипову; а как государь и великий князь пойдет из Грановитой палаты к венчанию, и тут слать подножие до церкви: Андрею Иванову сыну Чеплугову, да князю Дмитрию, княж Александрову, сыну Ростовскому, да Петру Никитичу сыну Измайлову, да Ивану Иванову сыну Карамышеву, да Ивану Иванову сыну Апухтину, да Михаилу Ефимову сыну Телепневу.

Наряд Государя, Царя и Великого Князя, кому довелось быть в поезжанах

Князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому, князю Алексею Никитичу Трубецкому, князю Никите Ивановичу Одоевскому, князю Василию Яншевичу Суелешову, Борису да Глебу Ивановичам Морозовым, князю Федору да князю Григорию Семеновичу Куракиным, Ивану Михайловичу Шейну, Ивану Васильевичу Морозову, князю Ивану да князю Юрию Петровичам Буйносово-Ростовским, князю Федору Андреевичу Телятевскому, князю Ивану Никитичу Хованскому, князю Ивану Васильевичу Кашину, князю Матвею Никитичу Прозоровскому, князю Алексею Федоровичу

Шереметеву, князю Юрию Андреевичу Сицкому, князю Федору Алексеевичу Сицкому, Петру Александровичу Репнину, князю Ивану Борисовичу Татеву, Михаилу да Федору Матвеевы Бутурлиным, Петру Григорьевичу Овчине-Плещееву, Льву да Ивану Афанасьевичам Плещеевым, князю Петру да князю Федору Дмитриевичам Пожарским, Павлу Ивановичу Волынскому, Василию Ивановичу Нагому, князю Ивану Ивановичу Ромодановскому, князю Андрею Федоровичу Литвину Мосальскому, Василию да Андрею Артемьевичам Измайловым, Григорью Григорьевичу Образцову, князю Дмитрию Петровичу Львову. У поезжания в урядничих быть: окольничему князю Федору Ивановичу Лыкову.

Наряд Государя, Царя и Великого Князя, кому довелось быть за столом

В первый день сидеть за столом: боярину князю Ивану Ивановичу Шуйскому, князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, князю Ивану Васильевичу Голицыну, князю Ивану Ивановичу Одоевскому, князю Алексею Юрьевичу Шуйскому, князю Алексею Юрьевичу Сицкому, окольничему Федору Леонтьевичу Бутурлину; а против бояр сидеть за тем же столом боярыням: боярыне князя Иванова княгине Ивановича Шуйского Марье Васильевне, боярыне князя Дмитриева Тимофеевича Трубецкого княгине Анне Васильевне, боярыне князя Ивана Ивановича Одоевского княгине Марье Михайловне, боярыне князя Алексеева Юрьевича Сицкого княгине Авдотье, окольничева Федорова жене Леонтьева Бутурлина Анне Савиновне. У места стоять: Льву Ивановичу Долматову-Карпову, а в столы смотреть стольникам: в большом столе Ивану Петровичу Шереметеву да Григорию Андреевичу Плещееву; а в кривом столе: Борису Петровичу Шереметеву да князю Федору Федоровичу Шерих-Волконскому; а за кушаньями сидеть боярам: князю Даниилу Ивановичу Мезецкому; а у царицы сидеть за кушаньем Степану Ивановичу Волынскому.

Свадьба вторая Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой в 1626 году*

Лето 7134, января в 29 день. Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея Руси Самодержец, советовал с отцом своим, великим государем, святейшим патриархом, Филаретом Никитичем, Московским и всея Руси, и с матерью своею, великою государынею, инокою Марфою Ивановною, чтобы ему, государю, сочетаться законному браку, в наследие роду его царского. И великий государь, святейший патриарх, Филарет Никитич, Московский и всея Руси, и великая государыня, инока, Марфа Ивановна, сына своего, великого Государя, Царя и Великого Князя, Михаила Феодоровича, всея Руси,сочетаться законному браку благословили. И произволил государь взять за себя, государя, Лукьяна Степановича дщерь Евдокию Стрешнева. А радость их государева была в Воскресенье, февраля в 5 день. А наперед государской радости, за три дня ввели государыню в царские хоромы и нарекли царевною. И советовал Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович всея Руси, с отцом своим, с Великим Государем, святейшим патриархом Филаретом Никитичем, Московским и всея Руси, и указали: на их царской радости боярам, и окольничим, и дворянам, и стольникам, и стряпчим, которым в чинах быть,быть без мест, и свой, государев, указ боярам и окольничим и всяким людям, которым быть в чинах, велел сказать. И велели: тот указ подписать думным дьякам, Ивану Граматину да Федору Лихачеву, и к тому приговору свою государскую печать приложить, для того, чтобы впредь теми случаи никому в отечестве не считаться, и случаев ни у кого не принимать, и в место того никому не ставить. И февраль в 5 день, в неделю, Государь, Царь и Великий Князь, Михаил Феодорович, всея Руси, после ранней обедни, благословился у отца своего, у великого государя, святейшего патриарха и говорил речь:

* Приводится в сокр. – *Прим. сост.*

«Великий Государь, отец наш, святейший патриарх, Филарет Никитич, Московский и всея Руси! По воле всеблагого и всесильного в Троице славимого Бога нашего, и по совету и по благословению вас, великого Государя, отца нашего, и матери нашей великой Государыни, иноки Марфы Иоанновны, произволили есмы сочетаться законному браку, и день радости нашей ныне. И тебе бы, великому Государю, отцу нашему, нас, сына своего, благословити сочетатися законному браку по Апостольскому преданию и святых отцов правилу». И великий государь, святейший патриарх, Филарет Никитич, Московский и всея Руси, сына своего, великого Государя и Великого Князя, Михаила Феодоровича, всея Руси, женитися благословил, и говорил речь: «Благочестивый и Христолюбивый сын наш, великий Государь, и Великий Князь Михаил Феодорович, всея Руси! Всемогущий и неизреченный в милости, в Троице славимый Бог наш, иже соблюдая вас, великого Государя, от чрева и матери нашей, за благочестие царством прослави и почти нас; Той и ныне благословить тя, великого Государя, причтитися законному браку, по Апостольскому преданию и святых отец правилу; и подаст тебе, Государю, и супруге твоей, Царице Евдокии, долготу лет живота вашего, и благословит вас благословением последним, ему же несть применения; и подаст вам благородная чада, яко же Аврааму и Саре Исаака, Исааку Иакова, Иелкану и Анне чудесного Самуила, и прочим древним отцам, Богу угодившим; и да узриш сыны сынов твоих, и дщери дщерей твоих, и благочестивое твое царство соблюдет от всех ваших врагов ненаветно, и распространить и умножить от моря до моря и от рек до конца вселенной». А сказав, благословил государя образом Пресвятой Богородицы с Превечным Младенцем Корсунским, обложен серебром со сканью. А после того ходил государь молиться в Чудов монастырь к архистратигу Михаилу и чудотворцу Алексею, да к Вознесению Христову и к Пречистой Богородице в монастырь; а за ним, государем, ехали бояре, окольничие, думные и дворяне. А после того благословился государь жениться у матери своей, благородной государыни, инокини

Марфы Ивановны, потому ж как и у отца своего, великого государя, святейшего патриарха. И благородная государыня инока Марфа Ивановна сына своего, великого государя жениться благословила; и его государыня благословила: образом Спаса, обложен серебром, да образом Пресвятой Богородицы Одигитрии, обложен с каменьем. И приказал государь нарядить Золотую палату: поставить образы в палате на большом месте и по стенать на четырех стенах с застенками низанными; полавошники урядить в особой наряде первого на ряду, суконные со львами; а место чертожное, на котором сидеть государю и государыне, устроить в Грановитой палате, обить бархатом червчатым, и на нем два сголовья бархатных золотых в один узор, каковы государь указал выдать из своей казны: а на сголовьи положить по сороку соболей; а третий сорок, которым государя и государыню опахивати, держать у места дьяку Андрею Подлесову; да у места поставить стол, а на столе послать три скатерти, да положить перепечу, которую подносить государю, и государыне и к боярам с ширинками, да сыр, да солоницу; да в столы положить перепечу и солонину с солью; а судок на первой день не ставить; а короваи были б обшиты камкою червчатою, а государев коровай был бы покрыт бархатом золотным турецким, а царицын атласом золотым участковым; а носила были б обиты бархатом червчатым гладким; да на короваях же нашиты были бы сверху по тридесять пенязей серебристых золочены: с одной стороны золоченой и чеканной; а с другой стороны белой и гладкой; а свечи были бы: свеча государева в три пуда, а государынина в два пуда; а на свечах были бы обручи большие, широкие, чеканные, края обои золочены; а в свечниках быть у свеч: у государевой стольникам: Михаилу Васильеву сыну Алферову да Дмитрию Михайлову сыну Толочанову; у царицыной стольникам: Василию Иванову сыну Стрешневу да Якову Михайлову сыну Толочанову; а над свечами у фонарей быть: у государева фонаря стряпчему Дмитрию Баймову сыну Воейкову, Нефеду Кузьмину сыну Минину; а у государынина фонаря стряпчему Федору Андрееву сыну Алябьеву, Дорофею Иванову; а в коровайни-

ках у государева коровая быть стольникам князю Федору да князю Петру, княж Федоровым, детям Волконского, Ивану Иванову сыну Чемоданову да стряпчему Юрию Васильеву сыну Телепневу, Михаилу меньшему сыну Дурново; а обручальные свечи нести: стряпчему Никите Федорову сыну Шушурину, а Богоявленскую свечу нести стряпчему Илье Козьмину Безобразову. А как все изготовили, а государь пришел из своих хором в золотую среднюю палату, нарядился в кожух золотой, аксамитной на соболях, да в шубу русскую соболью, крыта бархатом золотым, заметав полы назад за плеча, а пояс на государе был кованой золотой: а пред ним, государем, шли из хором стольники и дворяне, которые были в подъезжанах; а за ними шли бояре: князь Иван Никитич Одоевский, князь Андрей Васильевич Сицкой, князь Андрей Васильевич Хилков, окольничий Артемий Васильевич Измайлов, думной дьяк Иван Граматин; а за ними шли пред государем дружки с государевой стороны: боярин князь Дмитрий Мастрюкович Черкасский; а с государыниной стороны дружки: боярин Михаил Борисович Шеин да князь Роман, княж Петров, сын Пожарский. А государя вел тысяцкий, боярин князь Иван Борисович Черкасский. А шли бояре, и стольники, и окольничие, и дворяне – все в золоте и в черных шапках, и в ожерельях стоячих и отложных. И пришел государь в Золотую палату, и поклонился образам, сел на своем месте, на сголовье бархатном персидском. И велел государь боярину Ивану Никитичу и тысяцкому князю Ивану Борисовичу, и дружкам, и боярам сесть в большой лавке, а поезжанам в другой. А государыню, царевну Евдокию нарядили по их государскому чину, как ей, государыне, идти на место, в ее царицыных хоромах, в платье и венец золотой с городы, с каменьями и жемчугом. И сидела государыня до времени в своих хоромах, а у ней были свахи и боярыни. В свахах были с государевой стороны: боярыня князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского княгиня Елена Алексеевна, боярыня князя Дмитрия Михайловича Пожарского княгиня Прасковья Варфоломеевна; а с государыниной стороны свахи были: боярыня Михаила Борисовича Шеина Мария Михай-

ловна, княгиня Романова жена княж Петрова, сына Пожарского, княгиня Авдотья Андреевна. А как Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея Руси, придя в Золотую палату, иссажал всех и послал царицыных дружек, а велел царевне Евдокии идти на место в Грановитую палату. А государыня, царевна шла из своих палат через палату проходную, да постельным крыльцом; а наперед шли свешники и коровайники и фонарщики в терликах золотых на соболях, а терлики даны им с казенного двора, и в шапках черных лисьих; а Богоявленскую свечу и обручальные свечи несли стряпчие, в золотом и в черных шапках; за ним нес осыпало на золотой мисе думный дьяк Федор Лихачев; а положено было на мису на три угла хмелю, да тридевять соболей, да тридевять платков, золотых участковых, длина пять вершков, а ширины поларшина, да тридевять белок, да осьмнадцать пенязей золоченых угорских; а затем шли царевнины дружки: боярин Михаил Борисович Шеин да князь Роман, княж Петров, сын Пожарский; да пред государынею шли впереди, по сторонам: окольничий князь Григорий Константинович Волконский да дьяк Иван Болотников, и берегли пути, чтоб никто не переходил; а за ними шел Благовещенский протопоп Иван Наседка и кропил путь святою водою, а с государынею царевною шли и вели под руку свахи большие; да подле ее, государыни, для сбережения шли с правую сторону боярыня Иванова жена Никитича Романова Ульяна Федоровна, а с левой – князя Андреева княгиня Даниловича Сицкого Федора Семеновна; а за государынею шли боярыни; а с кикою шла постельничего Константинова жена Ивановича Михалкова Арина Абрамьевна; а за боярынями несли убрусцы и ширинки: государевы, патриарши великие, старицы инокини Марфы Ивановны, на золоченных блюдах; и придя в Грановитую палату, Благовещенский поп черторжное место накропил святою водою, и царевну посадили на ее место, на сголовье; а сорок соболей дали держать дьяку Андрею Варьеву; а на царя и великого князя место посадили Якова Куденетовича Черкасского; а свахи все стояли у государынина места, у стола; а боярыни сели по местам: в большой лавке за столом

в материно место боярыня Иванова жена Никитича Романова Ульяна Федоровна, подле ее князя Андрея Дмитриевича Сицкого княгиня Федора Семеновна, боярыня князя Ивана Ивановича Шуйского княгиня Евдокия Васильевна, боярыня князя Юрия Яншеевича Сушелева княгиня Марфа Михайловна, боярыня князя Алексеева Юрьевича Сицкого княгиня Авдотья Дмитриевна, окольничего Федорова жена Леонтьевича Бутурлина Анна Саввиновна, Тимофеева жена Бутурлина Евфросинья Никифоровна: а со свечами придя в палату, стали направо, против государева места, у лавки; а с короваями и с фонарями стали по левой стороне, поотодвинувся, подале поставца. А как государыню посадили на место и боярыни сели по местам, и государю о том учинили весть. И царь государь послал, кому сидеть на большом месте, в отцово место, боярина Ивана Никитича Романова, да бояр, кому сидеть в сидячих, князя Ивана Ивановича Шуйского. И боярин Иван Никитич, войдя в палату, и поклонился образам на все стороны, и челом ударяя государыне, царевне, сел за столом на большом месте в лавке, выше матери, а сидел в золотом платье, а подле его – жена его Ульяна Федоровна, а подле ее боярыни, по росписи, как писано выше сего; а напротив их в скамье бояре, князь Иван Никитич Романов с товарищами. А посидя немного, боярин Иван Никитич послал к Царю, Государю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу, всея Руси, боярина князя Даниила Ивановича Мезецкого и велел государю говорить речь. И боярин князь Даниил Иванович, придя к государю, говорил: «Государь, Царь и Великий Князь Михаил Феодорович, всея Руси! Боярин Иван Никитич велел тебе говорить, прося у Бога помощи, время тебе, Государю, идти к своему делу». И государь, царь и великий князь, поклонився образам и благословясь крестом у протопопа Благовещенского, пошел в Грановитую палату; а перед ним, государем, шли наперед поезжане, а за ними дружки, а за дружками шли пред государем бояре, князь Иван Никитич Одоевский с товарищами да думный дьяк Иван Граматин, а государя вел под руку тысяцкий боярин князя Иван Борисович Черкасский, а протопоп Благовещенский шел пред государем

с крестом, а путь пред государем кропил святою водою крестовой недельный поп; а за государем шел с колпаком стольник князь Федор, княж Борисов сын Татев, а за ним шли стольники и стряпчие, которые остались за чинами; а чины свадебные уряжал думный дьяк Иван Курбатов сын Граматин, да дьяк Михаил Данилов; а поезжан и дворян, которые у царицыных саней ведали, сбирал окольничий дьяк Данил Иванович Долгорукий, да дьяк Петр Евдокимов. А как царь вошел в Грановитую палату, и протопоп говорил: «достойно есть», и благословил государя крестом, и поклонился государь образам, шел к своему месту; а государев дружка большой, боярин князь Дмитрий, поднял с места князя Якова Черкасского. А государь сел на своем месте, подле царевны, от Благовещения Пресвятой Богородицы, а сорок соболей с государева места сняв, дали держать дьяку Андрею Подлесову. А боярину Ивану Никитичу Романову с товарищами велел государь сесть на большом месте в лавке; а подле его – жене его, а подле ее князя Андреева Даниловича Сицкого княгиня Федоре Семеновне и иным боярыням с государевой и с государыниной стороны по местам; а против князя Андрея Даниловича княгини в скамье сидел: тысяцкий, боярин князь Иван Борисович Черкасский, а подле него в скамье бояре: князь Иван Иванович Шуйский, князь Юрий Яншевич Сушелев, князь Иван Иванович Одоевский, князь Алексей Юрьевич Сицкий, окольничий Федор Леонтьевич Бутурлин; а в кривом столе сидели в лавке бояре: князь Иван Никитич Одоевский со товарищами; а в скамье благовещенский протопоп Максим; а у бояр на лавке и у протопопов на скамье сидели поезжане. А посидев немного, говорил протопоп Максим молитву покровению главы; а после этого сваха большая царю и великому князю и царевне чесала голову; а мису с осыпалом в то время держал думный дьяк Федот Лихачев; а чарку с медом, во что гребешок обмачивали, держал дьяк Дементий Образцов; а свечи царя и великого князя и царевнину в то время зажигали Богоявленскими вечерними свечами. Да как государынь головы зачесали, а на государыню кику и покров положили и покрыли убрусом, а убрус

был унизан жемчугом с дробницами золотыми, а после того сваха большая осыпала царя и великого князя и царевну Евдокию осыпалом, а другое такое же осыпало было готово у сенника, на такой же мисе; а после того царя и великого князя первый дружка, благословясь у отца и матери, резал перепечу и сыр; а царицын большой дружка подносил государю от царевны и великой княгини убрусец тафтян, низан жемчугом, и ширинку и коровай. А к великому государю, святейшему патриарху Филарету Никитичу, Московскому и всея Руси, и к великой государыни, инокине Марфе Ивановне от царевны и великой княжны ходил с убрусом с низанным, и ширинкою, и перепечею, и с сыром царицын большой дружка, боярин Михайло Борисович Шеин. У Царя и Великого Князя Ивана Васильевича, всей Руси, к царице Дарье, в Тихвин, убрусец, и ширинку, и коровай, и сыр посланы со стольником, с князем Данилом Гагариным. А царицын меньший дружка, князь Роман Пожарский подавал от царевны и великой княжны ширинки и короваи и сыр отцу и матери, и тысяцкому, и боярыням сидячим, и боярам, и окольничим, которые в чинах, и поезжанам; а в царевнины хоромы к боярыням, которые в комнате, и к боярам и к боярыням, которые у постели, относил ширинки царицын же дружка князь Роман Пожарский. А после того царь и великий князь и царевна Евдокия пошли к венчанью, к Успению Пресвятой Богородицы в соборную церковь; и в то время первую скатерть, на которой резали коровай и сыр, сняв, отдали на дворец ключникам именно, и велено беречь; запечатав; а на столе остались две скатерти. И как царь и великий князь, встав со своего места, пошел из палаты, и царя и великого князя сголовье, на чем сидел, положили тогда на царицыно сголовье. А у места государева и государынина для бережения был князь Андрей, княж Данилов, сын Сицкий: а сорок соболей, чем государя опахивали, дан был дьяку Андрею Подлесову на держание. А из палаты шли государь и государыня сенями да лестницею, что у Грановитой палаты, до аргамака и до саней, а под ними государи, слали путь камками червчатыми стряпчие: князь Дмитрий, княж Александров, сын Ростовский,

Петр Никитин сын Измайлов, Иван Михайлов сын Толочанов, Андрей Иванов сын Чеплугов, Иван Агеев сын Апухтин, Михайло Ефимов сын Телепнев; а аргамака государева в то время привели с конюшни, и сани государынины привезли к лестнице; и сел на аргамака и боярин князь Борис Михайлович Лыков, а до лестницы из конюшни аргамака вели. И как государь пришел к аргамаку, ясельничий Богдан Матвеев сын Глебов подвел аргамака и, сев на аргрмака, ехал к Пречистой Богородицы площадью, а перед ним, государем, ехали поезжане, стольники и дворяне большие, сорок человек. А в поезде были: кравчий князь Василий Яншин Мурзин сын Сулешев, стольники Борис да Глеб Ивановы дети Морозовы, Иван Михайлов сын Шеин, князь Федор, княж Семенов, сын Куракин, Иван Васильев сын Морозов, Иван Иванович сын Салтыков, князь Петр Мурзин сын Урусов, князь Михайло княж Михайлов, сын Темкин-Ростовский, князь Федор, княж Федоров, сын Куракин, князь Иван, княж Никитин, сын Хованский, князь Михайло, княж Петров, сын Пронский, князь Иван княж Борисов, сын Татев, Лев Афанасьев сын Плещеев, князь Петр да князь Борис, княж Александровы, дети Репнина, князь Петр да князь Федор, княж Дмитриевы, дети Пожарского, князь Иван, княж Михайлов, сын Кашин, князь Иван, княж Андреев, сын Хилков, князь Матвей, княж Васильев, сын Прозоровский, Федор Матвеев сын Бутурлин, Петр Григорьев сын Образцов, князь Никита, княж Иванов, сын Егупо-Черкасский, Тимофей Федоров сын Бутурлин, Степан Яковлев сын Милюков, князь Юрий, княж Андреев, сын Звенигородский, Исай Семенов сын Погожий, Григорий Гаврилов сын Пушкин, князь Иван, княж Иванов, сын Ромодановский, Григорий Алексеев сын Зюзин, Семен Артемьев сын Измайлов, князь Федор, княж Андреев, сын Хилков младший, Федор Михайлов сын Толочинов; дворяне: князь Иван, княж Михайлов, сын Катырев Ростовский, князь Алексей, княж Никитин, сын Трубецкой, Павел меньший сын Волынский, Иван Волынский, Иван Васильев сын Измайлов, Яков Михайлов, сын Боборыкин; а за ними ехали дружки, за дружками тысяцкий немного впереди государя в стороне: а боя-

рин князь Борис Михайлович Лыков шел пеш у государя подле коня. А государыня ехала на санях больших инаяльцовских, обиты атласами золотыми, а против же сидели свахи, все четыре, а до тех мест сидел в санях ясельничий Богдан Глебов. И как государыня пришла к саням, и Богдан, встав, шел у государева коня, а государыня, сев в сани, ехала за государем. А за государынею за санями шел окольничий князь Григорий Константинович Волконский, да дьяк Иван Болотников, да дворяне московские сверстные, двадцать три человека; а дворяне были за санями: князь Алексей, княж Васильев, сын Приимков-Ростовский, князь Лука, княж Осипов, сын Щербатов, князь Семен, княж Григорьев, сын Барятинский, князь Роман, княж Иванов сын Гагарин, Сергей Степанов сын Стрешнев, Тимофей Васильев сын Измайлов, Иван Матвеев сын Бутурлин, Федор Кириллов сын Плещеев, князь Семен, княж Никитин, сын Гагарин, Томило Юдин сын Луговский, Иван Константинов сын Карамышев, Илья Афанасьев сын Стрешнев, Федор Семенов сын Пушкин, Степан Иванов сын Волынский, Степан Федоров сын Стрешнев, Николай Никитин сын Новокщенов, Иван Филипов сын Стрешнев, Степан Федоров сын Караулов, Иван Романов сын Безобразов. А с ними для сбережения, чтобы никто между государева и государынина пути не переходил, шли царицыны дети боярские 20 человек. А приехав к церкви Пресвятой Богородицы, сошед государь с коня на мостик, и государыня вошла из сеней, и шли государь и государыня в церковь в сторонние двери, что от Архангела; а тысяцкий и дружка шли пред ним, государем. А государыню в церковь ввели под руки свахи большие; а меньшие свахи шли за государынею, царевною, а поезжане в то время ехали на конях. А с государем в церковь шли бояре, которые написаны пред государем. А на государева аргамака сел в то время конюший боярин князь Борис Михайлович Лыков; а в сани на государынино место сел окольничий князь Григорий Константинович Волконский. А царицыны дети боярские в то время берегли путь, чтоб между государева коня и царицыных саней не переходил никто. А свечи, и короваи, и фонари несли в цер-

ковь перед государем. А войдя в церковь, царь и великий князь и царевна стали против царицыных дверей; а со свечами стали направо, напротив патриаршего места; а с короваями стали близко клироса левого; а у левого столба поставлены были скамейки, на скамье послан был ковер казылбашский золотной; да положены два сголовья, бархат червчат с золотом в один цвет; а сголовья несли наперед государева прихода в церковь, и положили на место, и покрыли сукном; а перед сголовьями шли: пред государевым князь Петр, княже Иванов, сын Пронский, а за ним стряпчий Григорий Домашев сын Луговского; а перед государыниным сголовьем шел Тимофей Васильев сын Бабарыкин, а за ними стряпчий Алексей Саввин сын Романчуков; а скамью поставили и ковер послали, да под ноги поставили две колодки, обиты участком золотым. А после того царь и великий князь и царевна шли к венчанию и стали близко царских дверей на том месте, где стоял амвон, а амвона в то время не было. А подножие под государя и под государыню слал стольник князь Федор, княж Алексеев, сын Сицкого, камку червчатую кафтеря три аршина, свив вдвое, а на ней положено было сорок соболей, по двадцати соболей, головами вместе; а к церкви то подножие за князь Федором несли стряпчие Иван Иванов сын Новокщенов да Иван Андреев сын Вариев. И Благовещенский протопоп Максим обручал государя и царицу и венчал по священному преданию. А на клиросах дьяки пели строками; а с протопопом действовал протодиакон, да два ключаря; а вино фряжское держал в скляницах боярин Василий Петрович Морозов: а несли за ним-то вино и скляницу два человека погребных ключников; а шли все в золоте; а наливали вино в скляницу с отливкою, а после венчания подносил протопоп вино пить к царю и великому князю, а после того к царице, переменяя по трижды, да опять к государю. А выпив царь и великий князь вино, велел скляницу в алтаре взять протопопу. А после венчанья царь и великий князь сел у левого клироса, у столба, на сголовье, с правой стороны, а государыню царицу посадили у него, государя, с левой стороне. И поучал их, государей, Благовещенский протопоп по священному

преданию. И после того протопоп Максим, придя к царю и великому князю и к его царице, и им, государем, здравствовал, и потом здравствовали и государю и царице тысяцкий и дружки и бояре, которые были в церкви; а певчие пели многолетие Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу, всея Руси, и его Царице и Великой Княгине Евдокии Лукьяновне, демевство большое. А после венчанья царь и великий князь взял царицу за руку, шел от церкви в те же сторонние двери и, сев на аргамака, ехал на двор, а царица и великая княгиня от церкви ехала к себе на тех же санях; а свахи обеи сидели с царицею в санях; а путь государю и государыне до аргамака и до саней слали те же стряпчие. А как царь и великий князь приехал от церкви, сошел с коня у лестницы, что подле Грановитой палаты, и царица и великая княгиня вышла из саней, и царь и великий князь взял царицу за руку, шел с нею той же лестницею в Грановитую палату. А путь под ними, государи, слали те же стряпчие камками червчатыми. А в то время на аргамака сел конюший, боярин князь Борис Михайлович Лыков, и поехал к сеннику, и ездил около сенника в то время, как государь был в сеннике, с голым мечем, а на царицыно место в сани сел ясельничий Богдан Глебов и отвез на конюшню. А свечи и короваи несли пред государем и стали на прежних местах. А пришед царь и великий князь и его царица в Грановитую палату и сели на прежних местах; а боярыням и поезжанам велел государь сесть по своим местам. И после того царь и великий князь перед собой, государем, велел на столы ставить яства и подавать вина фряжские. А после третьей перемены поставили перед царем и великим князем и перед царицей и великою княгиней куря верченое; и больший государев дружка, обвертев куря, с блюдом, и с перепечью и солонкою, скатертью другою, отнес к сеннику, а отдал именно боярину Федору Ивановичу Шереметеву. И после того царь и великий князь, встав из-за стола, и шел к сеннику с царицею, взял ее, государыню, за руку; и с ним, государем, и с государынею шли: тысяцкий, и дружки и свахи; и боярину Ивану Никитичу велел государь идти перед собою до дверей палаты. А как царь и великий

князь пришел к дверям, и боярин Иван Никитич в то время отдавал государю царицу в дверях и говорил речь: «Великий Государь, Царь и великий князь,Михаил Феодорович всея Руси. По воле всемогущего и всесильного в Троице славимого Бога нашего, и по благословению отца твоего, великого Государя, святейшего патриарха, Филарета Никитича, Московского и всея Руси, и матери твоей, великой Государыни, инокини Марфы Ивановны, изволил ты, Государь, по преданию Апостольскому и святых отцов правилам сочетаться законному браку, в наследие вечно нашему Царскому роду, во обладание великих Государств наших; а поняти за себя царицу и великую княгиню, Евдокию Лукьяновну. И ты, великий Государь, свою Царицу, а нашу Государыню, приемли и держи, как человеколюбивый Бог в законе нашем истинные Христианские Веры устроил, и Апостолы и Св. отцы предаша». А сказав, поклонился; а образами государя и государыню не благословлял. А бояре и боярыни сидячие провожали государя и государыню до сенника; и как государь пришел к сеннику, и боярыня Иванова жена Никитича Романова, что в материно место, положа на себя шубу соболью шерстью вверх, осыпала царя и великого князя и его царицу осыпалом; а свечи и короваи несли пред государем к сеннику ж; да поставили к сеннику обе свечи вместе в одну кадь во пшеницу, у постели в головах; а обручи со свеч не снимали три дня, и свечи обе соединили вместе, и поставили в церковь. А сенник устраивали и подбивали коврами золотыми, и для сбережения были у сенника: боярин Федор Иванович Шереметев, да окольничий Лев Иванович Долматов-Карпов, да Лукьян Степанович Стрешнев. А в хоромах и в сенях во всех, куда государь и государыня приходят, и у сенника поставлены были во всех четырех стенах по иконе, обложены серебром. А в сеннике на всех четырех стенах по иконе, с низанными застенками, с нарядными. Да над дверьми внутри и с подворья и над окнами в сеннике поставлены были кресты золотые с мощами. У постели в ногах положены были два сголовьица, и на них шапки государевы; а в ногах положен ковер да одеяло, да шуба соболья, и покрыта простынею. А как несли в

сенник постели государские, и в то время несли пред постелью два образа: Рождество Христово да Рождество Пресвятой Богородицы, да крест воздвизательный, и <…> поставили у постели в головах; да в сеннике ж у государя в голодели на большом столе по местам, потому ж, как и в первый день. А от них, поотодвинувся сажень с пять, сидели дворяне сверстные, которые были у царицы у саней. А в другом столе сидели бояре да протопоп Благовещенский, и окольничие, и думные люди, и поезжане, и дьяки, которые стояли у дверей для сбережения. А после стола подавали государю овощи и в столы ставили. А после стола царица и великая княгиня пошла в свои хоромы и стол был у царицы большой в ее хоромах. А в третий день чины были потому ж, как в другой день. А в четвертый день, в среду, в третьем часу дня, велел государь изготовить золотую палату меньшую и послал весть к отцу своему, великому государю, святейшему патриарху Филарету, Филарету Никитичу, Московскому и всея Руси. И великий государь, святейший патриарх, пришел к государю в палату со всеми властями. И государь, царь и великий князь встретил отца своего, великого государя, в сенях. И придя, великий государь, святейший патриарх, говорил: «Достойно есть» и благословил крестом воздвизальным, и кропил святою водою, и здравствовал ему государю с царицею. А после того благословил государя образом Пречистой Богородицы, обложен чеканом да крестом золотым, с каменьями и с жемчугами. И сели государь и святейший патриарх по местам на золотых сголовьях. А после того являл государю князь Алексей Лыков государя святейшего патриарха дары по росписи, а что было даров и тому записка на казенном дворе. А после того благословляли государя образами: митрополит Крутицкий да епископ Иосиф; и архимандриты и игумены, и дары носили государю по чину, кубки серебряные, и стопы, и атласы золотые и соболи. А после ходили к государю с дарами бояре и думные люди, а после бояр ходили с дарами гости, и гостиные и суконные и черные сотни торговые люди; а даров государь не принимал ни у кого. А после того государь, царь и великий князь, и светлейший патриарх шли

вместе к царице и великой княгине Евдокии, в ее хоромы. И благословил великий государь, святейший патриарх, великую государыню крестом воздвизальным, и кропил святою водою, потому ж как и государя, и здравствовал государыню с государем; а после того государыню царицу благословил образом да крестом золотым. А вместе и бояре здравствовали государыню и дары носили государыне потому ж, как и государю. И того дня великий Государь, святейший патриарх, Филарет Никитич, Московский и всея Руси, ел у государя со всеми властями. А стол был в Грановитой палате по обычаю, без свадебных чинов. А взвары и овощи подавали государю и в столы ставили, по свадебному обычаю.

Свадьба первая Царя и Великого Князя Алексея Михайловича с Царицей Марьей Ильиничной Милославской в 1648 году

Лета 7156. Милостью всесильного и всеблагого в Троице славимого Бога нашего, помощью Пречистой Богородицы и молитвами святых изволил великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович советовать с отцом своим и богомольцем, с великим господином, святейшим Иосифом, патриархом Московским и всея Руси, и со своими государевыми боярами, чтобы ему, государю, сочетатися законному браку, в наследие его Государского рода. И произволил государь взять за себя, государя, Ильи Даниловича Милославского дочь, Марью Ильиничну. И указал государь на своей государевой радости: боярам и окольничим, и думным людям, и стольникам, и стряпчим, и дворянам, и приказным людям в чинах всем быть без мест. И тот свой государский указ велел государь записать, и закрепить думных людей руками, и запечатать своею государской печатью. И кто чрез сей государев указ учнет на кого бить челом государю во отечество и в место ставить, и тем попрекать, и тому от Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Руси, быть в великой опале. А в чинах,

по той его, государевой радости, по его государеву указу быть: в отцово место: боярину Борису Ивановичу Морозорову; в материно место: боярыне Глеба Ивановича Морозова жене Авдотье Алексеевне; в тысяцких: боярину князю Якову Куденетовичу Черкасскому; в дружках с государевой стороны: боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому да окольничему князю Василию Григорьевичу Ромодановскому, с государыниной стороны: боярину Михаилу Михайловичу Салтыкову да стольнику Василию Голохвастову; а в свахах с государевой стороны: боярина князя Никиты Ивановича Одоевского жене, княгине Авдотье Федоровне, да окольничего князя Василия Григорьевича Ромодановского жене, княгине Авдотье Афанасьевне; с государыниной стороны: боярина Михаила Михайловича Салтыкова жене, Прасковье Ивановне, да Васильевой жене Голохвастовой, Матрене Алексеевне; в сидячих боярах с государевой стороны: боярин князь Алексей Никитич Трубецкой, боярин князь Семен Васильевич Прозоровский; с государыниной стороны: боярин князь Михаил Михайлович Темкин-Ростовский, боярин и оруженичий Григорий Гаврилович Пушкин; боярыни сидячие с государевой стороны: боярина князя Алексей Никитича Трубецкого жене, княгине Екатерине Ивановне, да боярина князя Семена Васильевича Прозоровского жене, княгине Марье Семеновне; с государыниной стороны: боярина князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского жене, княгине Марье Ивановне, да боярина и оружейничего Григория Гавриловича Пушкина жена Ульяна Осиповна; а в конюших: боярину Ивану Васильевичу Морозову. За государем быть: боярину князю Петру Ивановичу Пронскому, боярину и дворецкому князю Алексею Михайловичу Львову, боярину Борису Петровичу Шереметеву; окольничим: князю Василию Петровичу Ахамушукову-Черкасскому, князю Дмитрию Петровичу Львову, князю Василию Петровичу Львову, князю Ивану Ивановичу Ромодановскому, Богдану Матвеевичу Хитрово, князю Федору Федоровичу Волконскому, князю Петру Федоровичу Волконскому, Степану Матвеевичу Проестеву, князю Семену Романовичу Пожарскому, думному дьяку Михайло Дмитриеву сыну

Волконскому. У сенника: боярину Глебу Ивановичу Морозову, Илье Даниловичу Милославскому; на месте возле царевны сидеть на сголовье князю Ивану Александровну Воротынскому; поезд строить боярину Василию Ивановичу Стрешневу да думному дьяку Федору Елизарову. Государя на место звать: окольничему Борису Ивановичу Пушкину. За государынею за санями ведать дворянам: окольничему князю Ивану Васильевичу Хилкову да дьяку Мине Грязеву. У саней в ясельничих: Ждану Васильевичу Кандыреву. Вино фряжское в церковь нести: окольничему Петру Тихоновичу Траханиоту. Город Кремль ведать и над головами по воротам смотреть: окольничему князю Семену Романовичу Пожарскому да Дьяку Степану Чернышеву, чины свадебные уряжать: думным дьякам Назару Ивановичу Чистому да Михаилу Волошенинову; да с ними быть у ширинок дьяку Григорию Ларионову. А ширинки держать на золотых мисах дьякам Артемию Хватову, да Меркурию Крылову, да Григорию Панкратьеву, да Степану Чернышову, да Никифору Валуеву. И января в 14 день, в пятницу, наперед его государской радости за два дня, по его государеву указу, введена государыня Марья Ильинична в царицыны хоромы и напекли ее Государынею Царевною. А потом великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, к своей государской радости велел нарядить свои государские хоромы и сенник устроить, по своему государскому царскому чину. И по его государеву указу велено устроить в Грановитой палате, на большом месте, над государевым местом, и по стенам на четыре стороны поставить святые иконы с застенками низанными, первого наряда, а по лавкам полавошникам быть первого наряда, суконным со львами. В меньшей Золотой палате на большом месте и по стенам на четырех странах поставить святые иконы с низанными застенками, и по лавкам положить полавочники другого наряда. А место чертожное, на котором сидеть великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Руси Самодержцу, и Государыне Царице Марье Ильиничне, устроить в Грановитой палате на рундуке, где государь садится

при послах, отодвинув от лавки подале, лицом к столбу, и обить бархатом червчатым: а на нем положить два сголовья бархатные золотые, в один узор, по червчатой земле; а на сголовьях положить по сороку соболей на сголовье, по сту рублей сорок, а третий сорок, чем государя и государыню опахивать, был б во сто рублей. А держать те соболи дьякам: Ивану Федорову да Исааку Кудрину. Да у места поставить стол, а на столе послать три скатерти; и положить перепечу да сыр, которые подносит дружка к государю, и к государыне, и к боярам с ширинками, да солоницу с солью; а судков не ставить. Да в столы положить перепечу, да поставить солоницу с солью; а короваи обшить камкою червчатою, и покрыть государев коровай бархатом золотым турецким, а царевнин атласом золотым. А носила обшить бархатом червчатым гладким; да на короваях нашить на верху, на покровах: по три девять пенязей серебряных с одной стороны золочено и чеканено, с другой бело и гладко; да на короваи ж положить по четыре пары соболей на коровай по 10 рублей пара, а свечи изготовить: государеву свечу в два пуда, царицыну в полтора пуда; а на свечах положить обручи большие, широкие, чеканные, а края оба золочены. А сенник устраивать и подбивать коврами золотыми спальникам; а для бережения быть у сенника боярину Глебу Ивановичу Морозову да Илье Даниловичу Милославскому, с товарищами; а постель слать в сеннике боярину Глебу же Ивановичу Морозову да Илье Даниловичу, войдя в сенник на левой стороне, а послать постель на семь перин, и бумажников, и сголовий бархатных и камчатных и атласных, и покрытых одеялом; а у постели в головах два сголовьица, а на них поставить шапки государские, и в ногах положить ковер, да одеяло, да шубу соболью, и покрыть простынею; а в хоромах и в сенях во всех, куда государю и государыне ходить, и у сенника поставить на всех четырех стенах по иконе, обложены серебром, и в сеннике на всех четырех стенах поставить на стене по иконе с низаными застенками с нарядными; да над дверями, внутри и с надворья, и над окнами в сеннике, поставили кресты золотые, с мощами; а как понесут в сенник постель государскую, и в то

время нести пред постелью два образа: Спасов да Пречистые Богородицы, да крест воздвизальный, и поставить у постели в головах; да в сеннике ж у государя в головах поставить образ Пречистой Богородицы с Превечным Младенцем, письмо чудотворца Петра. И как все изготовили и великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, изволил своей государской радости быть января в 15 день, в неделю. В субботу, января в 14 день, в вечеру, в седьмой час дня, великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, пошел в соборную и Апостольскую церковь Пречистой Богородицы честного и славного ее Успения, и благословился у святейшего Иосифа, патриарха Московского и всея Руси, в соборе; а говорил государь патриарху речь: «Великий господин, отец наш и богомолец, святейший Иосиф, патриарх Московский и всея Руси! По милости всеблагого и всесильного в Троице славимого Бога нашего и по благословению и по совету вас, великого господина, произволили есмы законному браку сочетаться, и день радости нашей быть завтра, и тебе, великому господину, отцу нашему и богомольцу, нас, великого Государя, благословить сочетаться законным браком по Апостольскому преданию и святых Отцов правилам, а тебе, великому святителю о нас помолиться». И великий господин, святейший Иосиф, париарх Московский и всея Руси, великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Руси, жениться благословил и говорил речь: «Благочестивый и Христолюбивый великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец! Всемогущий и неизреченный в милости в Троице славимый Бог наш, иже соблюдая вас, великого Государя, от чрева матери нашей, и за благочестие Царством прослави и почти вас, Той и ныне благословить тя, великого Государя, причаститися законному браку по Апостольскому преданию и святых Отцов правилам; и подаст тебе, Государю, и супруге твоей, Царевне Марье Ильиничне, долготу лет живота вашего и благословит вас благословением крайним, ему же несть применения; и подаст вам благородная чада, яко же Аврааму и Сарре

Исаака, Исааку Иакова, Иеклану и Анне Чудного Самуила, и прочим древним отцам Богоугодившим; и да узриши сыны сынов твоих, дщери дщерей твоих; и благочестивое ваше царство соблюдает от всех ваших врагов ненаветно, и распространит и умножит от моря и до моря, и от рек и до конца вселенной». А изговоря, благословил государя образом. А стоял, в те поры, святейший патриарх у своего святительского места, у решетки. А после того пошел государь из собора в Чудов монастырь к архистратигу Михаилу и к чудотворцу Алексию, да к Вознесению Христову, и ко Пречистой Богородицы в монастырь и к Благовещению. А за ним, государем, ехали бояре, и окольничие, и думные люди, и дворяне. А из монастыря пришел государь в свои царские хоромы. А января в 15 день, с утра, с Божиею помощью, изволил великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, сочетатися законным браком с нареченною Царевною Марьею. И велел государь царевну Марью Ильиничну нарядить по своему царскому чину, как ей, государыне, идти на место в ее царицыных хоромах в платье, и в венец золотой с городами, с каменьем и жемчугом. И по тому государеву велению царевну Марью Ильиничну нарядили, и сидела государыня до времени в своих царевниных хоромах. У нее были свахи и боярыни. Да как приспело время, и в пятом часу дня, великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, пришел из своих царских хором в Золотую среднюю палату, нарядився в кожух золотный, аксамитный, на соболях, да в шубу русскую соболью: а пояс был на государе кованый золотой. А что бывало в прежних государских радостях, чтобы у шубы заметать полы назад за плечи, и того государь учинить не изволил, а в то место велел государь сделать у шубы ожерелье долгое, соболье, большое. А перед государем из хором шли стольники и дворяне, которые записаны в поезжанах, а за ними шли дружки. А государя под руку вел тысяцкий, боярин князь Яков Куденетович Черкасский. А за ним, государем, шли бояре и окольничие, и стряпчие, и миряне, все в золотных и в черных шапках, и в низанных ожерельях стоячих, и отложных низан-

ных. А пришел государь в Золотую палату и, поклонившись образам, сел на лавке, на своем царском месте, на сголовье бархатном персидском, а колодочка была золотая, участковая. И велел государь отцу, боярину Борису Ивановичу Морозову, и тысяцкому, боярину князю Якову Куденетовичу Черкасскому и дружкам, и боярам сесть на большой лавке, а поезжанам в другой лавке. И послал Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, црицыных дружек боярина Михаила Михайловича Салтыкова да Василия Голохвастова, а велел царевне Марье идти в Грановитую палату на место. И дружки, Михаил Михайлович и Василий, войдя в хоромы к царевне, поклонились святым иконам и царевне Марии челом ударили, по обычаю, и говорил Михаил Михайлович речь: «Великий Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, велел тебе, Царевне Марье Ильиничне, идти в Грановитую палату на место». И государыня царевна пошла из своих хором через палату проходную, да постельным крыльцом, да в Грановитую палату к месту. А перед государынею шли свечники, коровайники, в терликах золотых, на соболях, подпоясався кушаками золотыми, в шапках лисьих горлатных. Свечники были у государевой свечи: стольники – князь Василий, княж Борисов, сын Хилков, да Михаил Семенов сын Волынский; у государыниной свечи свечниками были: стольники – князь Андрей, княж Иванов, сын Хилков, да Василий Семенов сын Волынский; у фонарей были у государева: стольник князь Данил да князь Борис, княж Евфимиевы, дети Мышецкого; у государынина фонаря: стряпчие Михаил Васильев сын Тихменев, да Юрий Петров сын Лутохин; в коровайниках были: у государева коровая стольники – Григорий Васильев, да Лука, да Василий Владимировы дети Ляпуновы, да Петр Дмитриев сын Курбатов; у государынина коровая: стольники – Петр Федоров сын Беклемишев, да Иван Федоров сын Голенищев; да Григорий Федоров сын Борщев, да Даниил Богданов сын Лихачев: а на них были терлики золотые, на соболях, и шапки черные лисьи горлатные, да кушаками подпоясаны золотыми; а даны им те терлики с казенного

двора, а шапки и кушаки были свои, и ходили они в терликах, подпоясаны кушаками, по три дня, и за столы садились в терликах. Обручальные свечи нес стольник Иван Иванов сын Гавренев. Богоявленскую свечу нес стряпчий Михаил Наумов. А затем шли царевнины дружки, Михаил Михайлович Салтыков да Василий Яковлевич сын Голохвастов. А перед царевною шли наперед, по сторонам: окольничий Борис Иванович Пушкин да дьяк Давид Дерябин, и берегли пути, чтобы никто не переходил. А за ними перед царевною шел Рождественский протопоп Андриан и кропил путь святою водою. А с государынею царевною шли и ее, государыню, под руки вели свахи большие, да подле ее, государыни, для бережения шла, с правой стороны, Глеба Ивановича Морозова жена Авдотья Алексеевна. А за нею, государынею, шли боярыни сидячие. А с кикою шла Иевлева жена Голохвастова Матрена Алексеевна. А за боярынями несли убрусцы и ширинки государевы и патриарховы на золоченых блюдах постельницы. А придя в Грановитую палату, протопоп Адриан чертожное место покропил святою водою; а царевна села на своем чертожном месте, на сголовье, а сорок соболей сняв, дали держать дьяку Ивану Федорову; а на царя и великого князя место посадили князя Ивана Михайловича Воротынского; а свахи все стояли у государынина места, а боярыни сели по местам, на большой лавке за столом. А в материно место села боярина Глеба Ивановича Морозова жена Авдотья Алексеевна; а подле ее села боярина князя Алексея Никитича Трубецкого жена княгиня Екатерина Ивановна, а подле ее боярина князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского жена князя Марья Ивановна, да боярина князя Семена Васильевича Прозоровского жена княгиня Марья Семеновна, да боярина и оружейничего Григория Гавриловича Пушкина жена Ульяна Осиповна. А со свечами, придя в палату, стали направо, против государева места у лавки; а с короваями и с фонарями стали по левой, поотодвинувся подале, подле поставца. А как государыню посадили на место, и боярыни по местам сели, и государю о том учинил весть дружка, Василий Голохвастов. И Государь Царь и Великий Князь

Алексей Михайлович, всей Руси Самодержец, послал, кому сидеть на большом месте в отцовом месте, боярина Бориса Ивановича Морозова, да бояр, которым быть в сидячих: боярина князя Алексея Никитича Трубецкого, боярина князя Михайла Михайловича Темкина-Ростовского, боярина князя Семена Васильевича Прозоровского, боярина и оружничего, Григория Гавриловича Пушкина. И боярин Борис Иванович, войдя в палату, поклонился образам на все стороны и, челом ударяя государыне царице, сел за столом на большом месте в лавке, выше матери, в золотом платье. А против боярынь в скамье сели: боярин князь Алексей Никитич Трубецкой, боярин князь Михаил Михайлович Темкин-Ростовский, боярин князь Семен Васильевич Прозоровский, боярин и оружейничий Григорий Гаврилович Пушкин. А посидя немного, боярин Борис Иванович послал к Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Руси Самодержцу, окольничего Бориса Ивановича Пушкина и велел государю говорить речь. И окольничий Борис Иванович, придя к Государю в Золотую палату, говорил: «Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Великие и Малые и Белые Руси Самодержец! Боярин Борис Иванович велел тебе, Государю, говорить: прося у Бога помощи, время тебе, Государю, идти к своему Государеву делу». И Государь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси, поклонився образам и благословясь крестом у протопопа Благовещенского, пошел в Грановитую палату. А перед ним, государем, шли дружки, а за дружками шли пред государем бояре: боярин князь Петр Иванович Пронский, боярин князь Михаил Петрович Пронский, боярин и дворецкий князь Алексей Михайлович Лыков, боярин Борис Петрович Шереметев; да окольничие: князь Василий Петрович Ахамашуков-Черкасский, князь Дмитрий Петрович Львов, князь Иван Иванович Ромадановский, Богдан Матвеевич Хитрово, Степан Матвеевич Проестев, князь Федор Федорович Волконский, князь Петр Федорович Волконский, князь Семен Романович Пожарский; думные дьяки: Назарий Иванов сын Чистово да Михаил Дмитриевич Волшенинов. Государя вел под руку тысяцкий, боярин

князь Яков Куденетович Черкасский. А Благовещенский протопоп Стефан шел пред государем, святою водою кропил протопоп Адриан. С колпаком за государем шел стольник Михаил Иванов сын Морозов; а за ним, государем, шли стольники и стряпчие, которые остались за чинами; а до тех мест те стольники и стряпчие были в столовой избе и дожидались государева выхода из золотой палаты. А как государь вошел в Грановитую палату, и протопоп Стефан говорил: «Достойно есть», и благословил государя крестом, и Государь поклонился образам, пошел к своему государеву месту, а больший государева дружка, боярин князь Никита Иванович Одоевский, поднял с места князя Ивана Алексеевича Воротынского, а сорок соболей сголовья снял и отдал держать дьяку Ивану Федорову. А государь сел на своем государевом чертожном месте, подле царевны, от Благовещения Пречистой Богородицы; а боярину Борису Ивановичу Морозову велел государь сесть в большом месте в лавке; а подле него государь велел сесть боярыне, которая была на материном месте, боярыне Глеба Ивановича жене Авдотье Алексеевне, а подле ее велел государь сесть боярина князя Алексея Никитича Трубецкого жене, княгине Екатерине Ивановне; а подле ее боярина князя Михаила Михайловича Темкина-Ростовского жене, княгине Марье Ивановне, боярина князя Семена Васильевича Прозоровского жене, княгине Марье Семеновне, да боярина и оружейничего Григория Гавриловича Пушкина жене, Ульяне Осиповне, а в скамье сел тысяцкий боярин князь Яков Куденетович; а подле его сели в скамье ж, по государеву указу, боярин князь Алексей Никитич Трубецкой, боярин Михаил Михайлович Темкин-Ростовский, боярин князь Семен Васильевич Прозоровский, боярин и оружейничий Григорий Гаврилович Пушкин. А в кривом столе сели в лавке: боярин князь Петр Иванович Пронский с товарищами; а в скамье Благовещенский протопоп Стефан; а у бояр в лавке и у протопопа на скамье сидели поезжане. А посидев немного, говорил протопоп Стефан молитву покровению главе царевне Марье. А после того большая сваха великому Государю, Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея

Руси, и Государыне Царевне Марье Ильиничне чесала голову; да в то же время свечи царя и великого князя и царевнину зажгли Богоявленскими вечерними свечами. Да как государю и государыне голову зачесали и на государыню царевну кику и покров положили и покрыли убрусцем, а убрусец был низан жемчугом, с дробницами золотыми, и после того царя и великого князя первый дружка, боярин князь Никита Иванович Одоевский, благославлявся у отца и матери, резал перепечу и сыр. А царевнин большой дружка, боярин Михаил Михайлович Салтыков, подносил к государю от государыни царевны убрусец тафтян, низан жемчугом, и ширинку и коровай. К Царевне и Великой Княжне Ирине Михайловне, к Царевне и Великой Княжне Анне Михайловне, к Царевне и Великой Княжне Татьяне Михайловне от царевны ходил с убрусцами низанными, и с ширинками, и с короваями государынин большой дружка, боярин Михаил Михайлович Салтыков. И к святейшему Иосифу, патриарху Московскому и всея Руси, от Государыни Царевны Марьи Ильиничны ходил с убрусцем с низанным, и с перепечею и с сыром царевнин дружка больший, он же боярин Михаил Михайлович. А царевнин меньший дружка Василий подавал от царевны и великой княжны ширинки и короваи и сыр отцу, и матери, и тысяцкому, и боярам, и окольничим, которые не в чинах, и поезжанам. И в царевнины хоромы к боярыням, которые в комнате, и боярам и боярыням, которые у постели, относил ширинки царевнин дружка, он же Василий. А после того великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси, и Государыня Царевна Марья Ильинична, встав со своего места, пошли из Грановитой палаты к венчанию к Успению Пресвятой Богородицы, в соборную церковь. А дружка первую скатерть, на которой резаны были коровай и сыр, снял и, запечатав, отдал на дворец ключникам именно и велел беречь; а на столе оставил две скатерти. А сголовье Царя Государя и Великого Князя, на чем он, государь, сидел, положили на царицыно сголовье, а два сорока соболей положили поверх сголовья. А у места государева и у государынина, как государь царь и великий князь и государы-

ня царевна были у венчания для бережения был Иван Никитич сын Головин, а сорок соболей, чем государя опахивали, держал дьяк Исак Кудрин. А шли государь и государыня царевна и из палаты сенями да лестницею, что у Грановитой палаты, до аргамака и до саней; а путь пред ними, государи, слали камками червчатыми да желтыми стольники: князь Дмитрий, княж Васильев, сын Ромодановский, да Федор Михайлов сын Ртищев меньший, да Михаил сын Доримонтов, да Федор Михайлов сын Еропкин. А аргамака государева в то время привели с конюшни, и сани государынины привезли к лестнице, а сел на аргамака конюший, боярин Иван Васильевич Морозов. А как государь пришел к аргамаку, а конюший боярин Иван Васильевич подвел к государю аргамака, и государь севши на аргамака, поехал ко Пречистой Богородице площадью. А пред ним, государем, ехали поезжане; а поезжан строил и уряжал боярин Василий Иоаннович Стрешнев да думный дьяк Федор Елизаров. А в поезде были стольники: князь Григорий княж Сунчальев, сын Черкасский, князь Василий да князь Иван, княж Андреевы, дети Голицыны, Семен Иванов сын Шеин, князь Михайло, да сын Федор, княж Никитины, дети Одоевского, князь Григорий, княж Семенов, сын Куракин, Петр Михайлов сын Салтыков, Василий Иванов сын Шереметев, Василий Борисов сын Шереметев, князь Иван, княж Петров, сын, князь Андрей, княж Иванов, сын Буйносов-Ростовский князь Борис, княж Иванов, сын Троекуров, князь Федор, княж Юрьев, сын Хворостинин, князь Иван Арасланов сын Черкасский, князь Иван да князь Петр, княж Семеновы, дети Прозоровские, Василий Власьев сын Бутурлин, князь Петр, княж Григорьев, сын Львов, князь Иван, княж Григорьев, сын Пожарский, князь Юрий, княж Иванов, сын Ромодановский, князь Семен, княж Иванов, сын Львов, Иван Васильев сын Бутурлин, Петр Михайлов сын Пушкин, князь Василий Темрюкович сын Черкасский, Никита Воинов сын Пушкин, князь Юрий, княж Юрьев, сын Звенигородский, Иван Иванов сын Колычев, Петр Иванов сын Пушкин, Родион Матвеев сын Стрешнев, Андрей Васильев сын Бутурлин, Никита да Иван Ивановы дети Головина,

Семен Юрьев сын Милославский, Лев Демидов сын Голохвастов, Афанасий Иванов сын Матюшкин, Петр Иванов сын Матюшкин, Давыд Иванов сын Доримонтов, Федор да Григорий дети Яковлевы Милославские, Федор Прокофьевич сын Соковнин. А за поезжанами ехали дружки, а за дружками ехал тысяцкий немного впереди государя, в стороне. А конюший, боярин Иван Васильевич, шел пеш у государя подле аргамака. А государыня царевна ехала в санях больших ипальцовских, и сани обиты атласами зелеными; а против ее, государыни, сидели свахи, все четыре: и до тех мест, покаместа государыня царевна в сани села, сидел в санях окольничий, князь Иван Васильевич Хилков. И как государыня пришла к саням, и окольничий, в то время, встал и пошел за санями пеш. И государыня царевна, севши в сани, поехала за государем. А за государынею за санями шли из дворян, которые у государыниных царевниных саней ведали; а собирали дворян: окольничий князь Иван Васильевич Хилков, ясельничий Ждан Васильевич да дьяк Мина Грязев, и конюшенные дьяки, Томило Истомин да Петр Лутохин. А дворяне с ними были сверстные Федор Васильев сын Бутурлин, Иван Павлов сын Матюшкин, Степан Иванов сын Годунов, князь Евфим Мышецкий, Уар Гаврилов сын Лодыгин, князь Григорий, княж Петров, сын Барятинский, Петр Григорьев сын Овчин-Плещеев, Иван Иванов сын Бутурлин, Михаил Петров сын Волынский, Иван Тихонов, сын Траханиотов, князь Федор, княж Тимофеев, сын Оболенский, Никита Борисов сын Колычев, князь Василий, княж Петров, сын Кропоткин, Алексей Дмитриев сын Колычев, князь Федор, княж Андреев, сын Шелешпанский, Иван да Михайло дети Дмитриевы-Колычевы, Андрей Андреев сын Племянников, Прокопий Федоров сын Соковнин, Иван Андреев сын Милославский. А с ними для сбережения, чтоб меж государя, царя и великого князя и государыни царевны пути не переходил никто, шли царицына чина дети боярские 20 человек. А приехав к соборной церкви Пречистой Богородицы, государь и великий князь слез с коня, и государыня царевна из саней вышла на мост, и шли государь и государыня в церковь, в широкие крас-

ные двери, что от Архангела; а тысяцкий и дружки шли пред ним, государем, а государыню в церковь вели под руки свахи большие; а меньшие свахи шли за государынею царевною; а поезжане в то время стояли от лестницы и до соборной церкви по обе стороны, на конях; а за государем шли в церковь бояре, которые написаны пред государем; а на государева аргамака сел в то время конюший, боярин Иван Васильевич Морозов; а в сани на государынино место сел окольничий, князь Иван Васильевич Хилков; а царицына чина дети боярские в то время берегли пути, чтоб меж государева коня и царицыных саней не переходил никто. А свечи, и фонари и короваи несли в церковь пред государем. А войдя в церковь, царь и великий князь и царевна стали против царских дверей; а со свечами стали направо, против патриаршего места; а с короваем стали близко левого клироса; а у левого клироса, у столба, поставлена скамейка, а на скамье был послан ковер казылбашский золотой да положены были два сголовья, бархат червчат в один цвет с золотом; а сголовья принесли перед государевым приходом в церковь и положили на место и покрыли сукном; а перед сголовьями шли: пред государевым окольничий князь Федор Андреевич Хилков, а нес за ним стряпчий Петр Андреев сын Бунаков; а перед государыниным сголовьем шли Никита Михайлов сын Боборыкин, а за ним нес стряпчий Петр Богданов сын Лихачев; а скамью поставили и ковер послали шетерничие; а под ноги изготовили две колодки, обитые бархатом участковым. А как Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси, и Царевна Марья Ильинична пошли в церковь и стали около царских дверей, на том месте, где прежде стоял амвон, а в те поры амвона не было; а под государя и под государыню послал подножие стольник Матвей Богданов сын Сабуров, камку червчату куфтер, в длину 3 аршина, сшив вдвое, а на нее положил 40 соболей, по 20 соболей головами вместе, цена 50 рублей. А в церковь подножие за Матвеем нес стряпчий Алексей Богданов сын Луговский, а сорок соболей нес Бахтеяр Федоров сын Мякинин. А обручал и венчал в соборной церкви Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Руси, с

Государынею Царицею и Великою Княжною Марьею Ильиничною Благовещенский протопоп Стефан по священному преданию; а в то время на клиросах пели государевы певчие дьяки строками, а с протопопом действовал протодьякон да два ключаря. А вино фряжское держал в склянице окольничий Петр Траханиотов; а несли за ним то вино и скляницу два человека, погребные ключники; а шли все в золоте, и наливали вино в скляницу с отливкою. И после венчания поднес протопоп вино пить к царю и великому князю, а после того царице, переменяя трижды, да опять государю; и выпив царь и великий князь вино, велел скляницу взять на алтарь протопопу Стефану. А после венчания царь и великий князь сел у левого клироса, у столба, на сголовье, в правую сторону, а государыню царицу посадили свахи у него, государя, с левой стороны. И научал их Благовещенский протопоп Стефан по священному преданию. И после того протопоп Стефан пришел к Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Руси, и к его Царице и Великой Княгине Марье Ильиничне, и им, государем, здравствовал. А потом здравствовали государю царю и государыне царице тысяцкий и дружки и бояре, которые были в церкви. А дьяки певчие пели многолетие Государю Царю и Великому Князю Алексею Михайловичу, всея Руси Самодержцу, и его Государыне Царице и Великой Княгине Марье Ильиничне, демество большое. А после венчания царь и великий князь, взяв царицу и великую княгиню Марью Ильиничну за руку, шел от церкви в те же боковые двери и, сев на аргамака, ехал на двор; а царица и великая княгиня от церкви ехала к себе в санях тех же, а свахи сидели с царицею в санях. А как царь и великий князь приехал от церкви, слез с коня у лестницы, что подле Грановитой палаты; а царица и великая княгиня вышла из саней тут же, и царь и великий князь, взяв Царицу и великую княгиню за руку, и шел с нею тою же лестницею в Грановитую палату; а путь под ними, государями, слали те же стольники, камками червчатыми и желтыми; а в то время сел на аргамака конюший боярин Иван Васильевич Морозов, и поехал к сеннику, и ездил около сенника в то время, как государь

был в сеннике, и во всю ночь с голым мечом, а на царицыно место в сани сел ясельничий и отвез на конюшню. А свечи и короваи несли пред государем в палату и стали на прежних местах. А придя, царь и великий князь и его государева царица в Грановитую палату сели на прежнем месте, а боярам и боярыням и поезжанам велел государь сесть по своим местам. И после того царь и великий князь велел пред собой, государем, и в столы ставить яства и подавать вины фряжские. И подали государю три кубка: кубок Романеи, кубок Ренского, кубок Бастры, и теми кубками государь пожаловал бояр: Борису Ивановичу Морозову кубок, Григорию Гавриловичу кубок, боярыне Глеба Ивановича Морозова жене кубок. А после третьей яствы подали пред царем и великим князем и пред царицей и великой княгиней куря жаркое, и большой государев дружка, обернув куря с блюдом, и с перепечью, и солонкою, и с скатертью другою, отнес к сеннику, и отдал именно боярину Глебу Ивановичу Морозову. А после того царь и великий князь, из-за стола встав, пошел к сеннику и с царицею великою княгинею Марьею Ильиничною, взяв ее, государыню, за руку; а с ним, государем, и с царицею шли: тысяцкий и дружки и свахи все; а боярин Борис Иванович Морозов шел пред государем и провожал государя до Грановитой палаты; а путь пред государем и царицею слали те же стольники. И как царь и великий князь и царица пришли ко дверям, и боярин Борис Иванович в то время отдавал государю царицу в дверях да и говорил речь: «Великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец! По воле всемогущего и всесильного в Троице славимого Бога нашего и по благословению отца нашего и великого господина, святейшего Иосифа, патриарха Московского и всея Руси, изволил ты, великий Государь, по преданию Апостольскому и святых Отцов правилам, сочетатись законному браку, в наследие вечно вашему, Царскому роду, во обладание великих государств наших, а понял за себя Царицу и Великую Княгиню, Марью Ильиничну; и ты, великий Государь свою Царицу и Великую Княгиню, Марию Ильиничну, а нашу Государыню, приемли и

содержи, как человеколюбивый Бог в законе нашей истиной православной Христианской Веры устроил и святые Апостолы и Отцы предаша». А изговоря, поклонился, и пошел назад, и сел, и бояре все сели за стол; а образами государя и государыню боярин Борис Иванович в то время не благословлял; а бояре и боярыни сидячие провожали государя и государыню до сенника; а свечи и короваи наперед государских радостей внесли в сенник и поставили в сеннике свечи обе вместе в одну кадь, во пшеницу, у постели в головах; а обручей со свеч не снимали три дня, а как пройдут три дня, и свечи обе сотканы вместе, и поставят в церкви у местных образов. А проводив государя и государыню бояре и боярыни сидячие от сенника, пошли в Грановитую палату и сели за стол по чину; а поезжане и дворяне, которые у дел, сели за столы ж; а боярыни шли от сенника в царицыны хоромы и начали кушать. А у яств у государыни царицы сидел Тимофей Дмитриевич Лодыгин. А в те поры подавано было к государю в сенник квас в серебрянной лощатой братине да с кормового дворца приказных яств: попорок лебедин под шафрановым взваром, ряб окрашиван под лимоны, потрох гусиный; да государыне царице подано приказных яств: гусь жаркий, порося жаркое, куря в калье с лимоны, куря в лапше, куря во щах богатых; да про государя и про государыню поданы хлебные яства: перепеча крупчатая в три лопатки недомерок, четь хлеба ситного, курник осыпан яйцами, пирог с бараниною, блюдо пирогов кислых с сыром, блюдо жаворонков, блюдо блинов тонких, блюдо пирогов с яйцами, блюдо сырников, блюдо карасей с бараниною. И после того, по времени, велел государь бояр, отца и мать, и тысяцкого, и дружек, и свах, и боярынь и ближних, которые в комнате, и которые у постели, позвать к себе, государю, к сеннику. И боярин Борис Иванович Морозов, и тысяцкий, и дружки пошли из Грановитой палаты, а мать, Глебова жена Ивановича, и свахи и боярыни ближние, которые в комнате, пошли из царицыных хором, и придя к государю, и кормили государя в сенях пред сенником отец и бояре ближние, а государыню кормили в сеннике мать и свахи и боярыни, которые были в комнате. А боя-

рыни были у царицы и великой княгини в комнате: боярина Ивана Никитича Романова жена Ульяна Федоровна, боярина Ивана Васильевича Морозова жена Степанида Семеновна, боярина князя Бориса Михайловича Лыкова жена княгиня Настасья Никитична, Ильи Даниловича Милославского жена Екатерина Федоровна. А назавтра, в понедельник, Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси, выйдя из сенника, был в мыленке; а с ним, государем, были в мыленке стольники: Михаил Морозов, Семен Шеин, князь Иван Голицын, Петр Салтыков, князь Михайло да князь Федор Одоевские, князь Борис Троекуров, Василий Бутурлин, Иван Колычев, Родион Стрешнев, Василий Голохвастов, Афанасий Матюшкин, Иев Голохвастов. И кушал государь в мыленке, а Государыня, Царица и Великая Княгиня Марья Ильинична кушала в избушке; а яства были у государя и у государыни царицы приказные. И жаловал государь, подавал ближним боярам яства, а бояр и окольничих жаловал государь, подавал романею в кубках. А у мыльни были: князь Петр, княж Андреев сын Хилков, да постельничий Михаил Алексеевич Ртищев, да стряпчий с ключом Федор Михайлов сын Ртищев. У воды у выемки были печатник Федор Федоров сын Лихачев да думный дьяк Михаил Данилов. А после кушанья государь и государыня были в сеннике, а с ними, государи, были: боярин Борис Иванович, да тысяцкий, да дружки, да бояре ближние, да свахи. И раскрывал государыню царицу боярин Борис Иванович, а покров поднял стрелою. А после того пожаловал государь, велел видеть свои государевы и царицыны очи всем боярам и окольничим, и думным людям в сеннике. А после сего кормили государя и государыню кашею, каша была в двух горшечках фарфоровых на одном блюде, обогнуты двумя парами соболей; а пары взяты с казенного двора, по десяти рублей пара. А держал кашу государеву большой дружка, боярин князь Никита Иванович Одоевский; а перед государынею держала большая сваха, боярина князя Никиты Ивановича Одоевского жена, княгиня Авдотья Федоровна. Да на прежних государских радостях бывало в то время, как государь пойдет в мыленку, во

весь день до вечера и в ночи на дворце играли в сурны, и в трубы, и били по накрам; а ныне великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси, на своей государевой радости накрам и трубам быть не изволил. А велел государь в свои государские столы, вместо труб и органов и всяких свадебных потех, петь своим государевым певчим дьякам, всем станицам, переменяясь, строчные и демественные большие стихи из праздников и из триодей драгие вещи, со всяким благочинием. И по его, государеву, мудрому и благочестивому рассмотрению быть тишина и радость, и благочиние всякое, яко и всем ту сущим дивиться и воссылать славу превеликому в Троице славимому Богу, и хвалить и удивляться о премудром его Царского Величества разуме и благочинии. И как у сенника и у мыльни, по его государеву чину, с Божьей помощию все совершилося, и Государь Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, от сенника пришел в Грановитую палату, и сел в своем государеве и царском месте, за золотым столом, а перед ним, государем, стояли дружки; а боярам и окольничим, и думным людям, которые у него, государя, в чинах, велел государь сесть в большом столе; а поезжанам и дворянам и приказным людям, которые были у государыни царицы у саней, и в иных чинах, и у дверей, и у решеток, велел государь сесть за столы по чинам. И по его государеву указу сели за большим столом, от государева места: боярин Борис Иванович Морозов, против его боярин князь Алексей Никитич Трубецкой, а подле их бояре, и окольничие и думные люди; а в другом и в кривом столе сидели стольники, и стряпчие, и дворяне московские, которые были у государя в поезде и за царицыными санями, и в иных чинах, и по дверям и по решеткам. А сидели бояре и думные люди в шубах нагольных да в горлатных шапках; а стольники и дворяне и всяких чинов люди сидели в охабнях; а свечники и фонарники и коровайники сидели за столом во все три дня в терликах. А в столы у государя сказывали стольники, в большой стол: князь Иван, княж Семенов, сын Прозоровский да Лев Андреевич сын Плещеев; в кривой стол: князь Петр, княж Семенов, сын Прозоров-

ский да Федор Львов сын Плещеев; вина наряжал и государю пить наливал: князь Михайло, княж Никитин, сын Одоевский; чашники пред государя пить носили: князь Семен, княж Васильев, сын Клобуков-Мосальский, князь Василий, княж Иванов, сын Хилков, князь Никита, княж Иванов, сын Лобанов-Ростовский, князь Александр, княж Иванов, сын Лобанов-Ростовский; стольники, которые пред государя есть ставили: князь Михайло, княж Андреевич, сын Кольцов-Мосальский, князь Степан, княж Иванов, сын Татев, князь Иван, княж Иванов, сын Дашков, Емельян Иванов сын Бутурлин, Афанасий Григорьев сын Образцов, Петр Иванов сын Годунов, Иван Андреев сын Полев, князь Михайло, княж Иванов, сын Щетинин, Никита Алексеев сын Зюзин, князь Тимофей, княж Иванов, сын Щербатой, князь Михайло, княж Никитин, сын Егупов-Черкасский, Андрей Иванов сын Пушкин, князь Никита, княж Михайлов, сын Приимков, князь Григорий, княж Афанасьев, сын Козловский, Михаил Михайлов сын Дмитриев, Иван Яковлев сын Колтовский, князь Степан, княж Михайлов, сын Львов, Никифор Федоров сын Леонтьев, князь Василий, княж Богданов, сын Волконский, князь Иван, княж Петров, сын Борятинский, Семен Семенов сын Коробьин, Андрей Иванов сын Колычев, Иван Федоров сын Бутурлин; стольники пить носили пред боярами в большом столе: Кондратий Гаврилов сын Лодыгин, Михаил Тимофеев сын Измайлов, Иван Иванов сын Чемоданов, Осип Иванов сын Сукин, Михайло Юрьев сын Татищев, князь Иван, княж Федоров, сын Засекин, князь Петр, княж Иванов, сын Шаховской; стольники пить носили в кривой стол: Яков Семенов сын Волынский, Иван Васильев сын Янов, Иван Богданов сын Хитрово, Андрей Тимофеев сын Племянников, Петр Тимофеев сын Измайлов, Василий Григорьев Феофилактов, Михаил Жданов сын Колычев, князь Семен, княж Юрьев, сын Звенигородский; стольники боярам есть ставили в большой стол: князь Василий, княж Андреев, сын Горчаков, князь Дмитрий, княж Андреев, сын Волконский, Иван Богданов сын Комынин, Мирон Лаврентьев сын Кологривов, Василий Яковлев сын Колтовский, Трофим Степанов

сын Хрущов, Артемий Богданов сын Камынин, Михаил Лукьянов сын Васильчиков, Осип Михайлов сын Квашнин, Иван Павлов сын Акинфов; стольники, которые боярам есть ставили в кривой стол: Петр Жданов сын Кондырев, Иван Афанасьев сын Прончищев, Семен Жданов сын Кондырев, Степан Григорьев сын Алябьев, Федор Алексеев сын Полтев, Иван Иванов сын Леонтьев, Иван Никитин сын Лихарев, Алексей Павлов сын Еропкин, Василий Григорьев сын Нечаев, князь Иванов, княж Тимофеев, сын Волконский, Кирилл Осипов сын Хлопов; у питья и яств были: сытного двора степенный ключник Никифор Логинов сын Веревкин, путные ключники: Василий Гаврилов сын Угрюмов, Константин Иванов сын Лихачев, Денис Евстафьев сын Крюков; чарочники: Поздей Михайлов сын Рудаков, Никита Яковлев сын Шапкин, Афанасий Тимофеев сын Лихачев; с кормового двора степенный ключник Андрей Никитин сын Суворов; да с ним путные ключники: Федор Федоров сын Якимов, Федор Иванов сын Раков; с хлебенного двора: степенной ключник Смирной Дмитриев сын Порошин; да с ним путные ключники: Василий Андроников сын Малово, Никон Евстафьев сын Простолопов. А у Государыни, Царицы и Великой Княгини Марьи Ильиничны был стол для боярынь особый, у нее, государыни, в ее государыниных хоромах. Сидела государыня за столом, во своем царском месте, а пред нею, государынею, стояли свахи; а в Грановитой палате государыня царица не была. А боярыни, которые у ней, государыни, были в чинах и в комнате, сидели у ней, государыни, за столом по ее, государынину, указу, без мест. А как яствы все издали, а после яств ставили пред государя и в столы овощи на блюдах; а яства и питья в столах было много и всем довольно. А в которую пору у государя был стол, и после стола перед государем пели «многое лета» его государевы дьяки певчие, строчные и демественные стихи из владычных праздников и из триодей. И бысть брак честен и пирование великое, яко всем быть веселым и радостным, и благодарить и молить Бога о их государском здоровье и о многолетнем пребывании. А после того Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михай-

лович, всея Руси, пошел из Грановитой палаты в свои государские хоромы, а бояре, и окольничие и думные всяких чинов люди от царского стола, разойдясь в свои дома, где кто стоит, славя и благодаря Бога о государской радости и о таком его, Царского Величества, благочинии и пространном жалованьи. А в третий день, во вторник, Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Руси Самодержца, стол был в Грановитой же палате, а сам государь сидел в своем царском месте, за столом золотым; а бояре, и окольничие, и думные люди, и стольники, и стряпчие и дворяне московские, которые были у государя в поезде, и у государыни царицы за санями, и у иных дел в чинах, и которые дворяне и приказные люди были в верху у дверей и решеток, все сидели за столом, как во второй день без мест. А в столы смотрели и стольники есть ставили, и пить подавали те же, которые были прежде. А перед государем во весь стол пели дьяки, певчие государевы, станицы все, переменяясь. И были благочиние и тишина великие. А после стола жаловал государь овощами многих из своих рук, и подавали овощи всем людям, которые были у стола, от государя, нескудно, по целому блюду, а иным и по два. И радость была всем людям; и благодарение воздав, и прославляя Бога о государской неизреченной радости, пошли в свои дома, где кто стоял. А государыня царица за столом с государем не была: стол был у Государыни Царицы и Великой Княгини Марьи Ильиничны у нее, государыни, в хоромах, по ее государыниному чину. В четвертый день, в среду, Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец, в третьем часу дня, выйдя из своих государевых хором в Золотую палату, а послал государь весть к патриарху. И по вести к государю пришел святейший Иосиф, патриарх Московский и всея Руси, а за ним пришли митрополиты и архиепископы, и епископы, и прочие власти. А ехал Иосиф патриарх со своего патриаршего двора в санях, да к Благовещению, а за ним митрополиты, архиепископы и черные власти шли все пеши; и выйдя из саней у Благовещенской лестницы, и шел Благовещенскою папертью, да по красному крыльцу, да в Золотую палату. И Государь,

Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси, встретил патриарха, выйдя из Золотой палаты, по прежнему чину, и пошел государь в Золотую палату, а за ним шел патриарх. И войдя в палату, святейший Иосиф патриарх говорил: «Достойно есть» – и благословил государя крестом животворящим, и кропил святые иконы, и его великого государя, и стряпню святою водою. И велел государь патриарху сесть на лавке, по прежнему чину; и посидев мало, встал государь, пошел из Золотой палаты в царицыны палаты, а с собою велел государь идти к царице святейшему Иосифу патриарху и властям, и боярам и думным людям. А как Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси, и святейший патриарх к Государыне, Царице и Великой Княгине Марье Ильиничне вошли в хоромы, и святейший патриарх говорил: «Достойно есть» – и благословил государыню, царицу и великую княгиню крестом воздвизательным и поздравлял Государыню Царицу с Государем, Царем и Великим Князем Алексеем Михайловичем, всея Руси Самодержцем. А государь, царь и великий князь сел на своем государевом месте, подле государыни царицы. И святейший патриарх Иосиф, Московский и всея Руси, великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Руси Самодержца, и Государыню, Царицу и Великую Княгиню Марью Ильиничну поздравлял и говорил речь: «Богом венчанный, и Богом почтенный, и Богом превознесенный, и благочестием во все концы вселенной возсиявший, наипаче во Царях в благочестивой православной Христианской Вере, всеизрядно цветущий пресветлейший, и преславный, и благоверный, и христолюбивый, великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, всея Руси Самодержец! По благодати Св. Духа, и по преданию Св. Апостолов, и Св. Отцов правилам, венчалися есте и сочетатися законному браку с благоверною и христолюбивою Царицею, и Великою Княгинею Мариею Ильиничною, и чтоб подал Бог вам, великим Государем, благородные чада, в наследие рода вашего; да узрите сыны сынов, и дщери дщерей ваших и благословенное царство ваше соблюдет Бог от всяких ваших врагов и супоста-

тов, здраво и ненаветно, и распространит Господь Бог и умножит от моря до моря и от рек до конца вселенной». А после поздравления благословлял Государя Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Руси, светлейший Иосиф патриарх образом, да крестом золотым с мощами, украшен камень каменьями и жемчугами. А после благословления подносил государю патриарх дары. А после того святейший патриарх Иосиф благословил Государыню, Царицу и Великую Княгиню Марью Ильиничну образом, да крестом золотым с мощами, украшен каменьями и жемчугами. А после того подносил государыне царице светлейший патриарх дары. А после патриарха благословляли государя и государыню царицу образами митрополиты, архиепископы, епископы и прочие власти и подносили дары. А кто именно власти государя царя и великого князя и государыню царицу образами благословляли и что поднесли в дарах, и то все принимали в его, государеву, казну казенные дьяки. Всего в 7156 году у великого государя в радости в чинах были: бояр 14, окольничих 16, стольников <1…7>, думных дьяков 6, стряпчих 6, дворян 21, печатник 1, постельничий 1, стряпчий с ключом 1, ясельничий 1, боярынь 12, окольничего жена 1, стрельникова жена 1, дьяков 15, дворцовых степенных ключников и чарочников 14, царицыных детей боярских 20. Да по особому наряду довелось смотреть и городовые ворота дозирать окольничему князю Семену Романовичу Пожарскому, дьяку Степану Чернышеву; у решетки, что на красное крыльцо: Богдану Каковинскому да подьячему Василию Брехову; у другой решетки, что подле Грановитой палаты: голове Ивану Головленкову, дьяку Никите Головину, да 200 стрельцам; у дверей, что к Благовещению на паперть: Федору Севастьяновичу сыну Колтовскому да подьячему Дмитрию Брянцову; у дверей, что на постельное крыльцо, с красного крыльца: Федору Михайловичу сыну Микинину да дьяку Ивану Бибикову; у дверей, что с постельного крыльца, к Грановитой палате в сени: Ивану Михайлову сыну Новосильцеву да дьяку Никифорову Вилкову; у дверей, что на красного крыльца Грановитой палаты в сени ж: Дми-

трию Иванову сыну Горихвостову, подьячему Федору Дурышкину; у дверей, что с постельного крыльца на лестницу, во дворец: Афанасию Богданову сыну Заболоцкому да дьяку Василию Ушакову; у дверей, что с постельного крыльца, в проходные сени, что бывала жилецкая палата: Григорию Караулову да подъячему Ефиму Юрьеву; у дверей, что за верандой с постельного крыльца: Афанасию Жедринскому да дьяку Григорию Протопопову; двери, что в палату к государеву к патриаршему двору: замкнуть и запечатать те двери Афанасию ж да дьяку Григорию; у дверей и у прохода сеней, что была жилецкая палата, в проходные сени пред золотою палатою: Алексею Киреевскому да дьяку Томиле Перфильеву; у дверей, что из проходной палаты в золотую палату: Артемию Огибалову да дьяку Ивану Пескову; у дверей, что из проходной палаты, направо из столовой избы: Андрею Андрееву сыну Бумакову да подьячему Сергею Иванову; у дверей, что в столовые сени: Степану Михайлову сыну Чирикову да подьячему Ивану Фомину; у дверей, что со столового крыльца, по крыльцу к сборной палате: Якову Соловцову да подьячему Дмитрию Шубину; у дверей, что в сени к сборной и к ответной палате: Даниле Иванову сыну Зубову да подьячему Максиму Винюкову; у дверей, что на лестницу во дворец, да из тех же дверей переходы к Сретенью и к набережной палате: Матвею Иванову сыну Милюкову да подьячему Дмитрию Васильеву; у дверей, что из проходных сеней от Золотой палаты, налево, на крыльцо: Константину Чирикову да подьячему Ивану Никитину; у дверей, что с постельного крыльца к государыниным хоромам: истопничему Александру Баркову; двери проходные к царицыным хоромам, что от Екатерины, на лестницу, что на дворец, замкнуть и стеречь сыну боярскому; у крыльца, что от Рождества, у дверей, что с кормового дворца вверх: Проверишину да дьяку Михаилу Неверову; двери, что от мастерских палат на государынины переходы, что к Рождеству, и те палаты, что под государыниными верхними хоромами, замкнуть, чтоб в них никто не ходил, а у них не быть никому: у дверей, что у дворца к Рождеству, в придел

к Лазарю, поставить истопников; у дверей, что от Рождества из придела Никиты Столпника, к государынину крыльцу, что к верхним хоромам быть истопнику; у дверей что от Лазорева Воскресенья на переход, к государевым хоромам быть истопнику. Да смотреть по Кремлю городу в воротах: у Флоровских ворот: голове стрелецкомуАлексею Полтеву, да подьячему Сергею Дмитриеву, да сотнику, да 100 стрельцам; у Никольских ворот: голове Леонтию Назарьеву, да подьячему Дмитрию Молчанову, да 30 стрельцам, а ворота запереть; у ворот, что на каменный мост: голове Абраму Лопухину, да подьячему Сидору Давыдову, да сотнику, да 100 стрельцам; у Боровицких ворот: голове Симону Коровинскому, да подьячему Ивану Михайлову, да 50 стрельцам, и ворота запереть; у Тайницких ворот водяных: Петру Лаврову, да 2 сотникам, да подьячему Кондратию Минину, да 100 стрельцам; у дворца у Курятных ворот: голове Гавриле Бокину, да 2 сотникам, да подьячему Ивану Степанову, да 10 стрельцам; у ворот, что от конюшен на дворец: голове Артамону Матвееву, 2 сотникам, да подьячему Ивану Брянцову, да 50 стрельцам; у ворот, что под крыльцо: 2 сотникам, да 50 стрельцам; у ворот, что под Сретением: быть 10 стрельцам; да и ворота запереть; у Портомойных ворот: 2 сотникам, да 30 стрельцам. Всего у дверей, и у решеток и по городу: 17 дворян, 7 дьяков, 8 голов стрелецких, 12 сотников, подьячих 8, стрельцов 570.

Свадьба вторая Царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной в 1677 году

Лето 7179. Милостию всещедрого Бога и помощью Пресвятой нашей Владычицы Богородицы, и молитвам святых, великий Государь, Царь и Великий Князь Алексей Михайлович, все великие, и Малые, и Белые Руси Самодержец изволил сочетаться законным браком и поняти Кириллову дочь Полуехтовича Нарышкина, девицу Наталью Кирилловну; а своей государской радости изволил быть в 22 день, в воскресенье.

А в чинах великий Государь указал быть боярам, и окольничим, и думным людям, и иным чинам без мест. Во отцово место: боярину князю Никите Ивановичу Одоевскому; в материно место… тысяцкий грузинский царевич Никул Давидович, дружка у государя боярин князь Яков Никитич Одоевской да стольник князь Иванов сын Хилков. У государыни царицы Иев Демидов сын Голохвастов. Свахи: боярина князя Яковлева жена Никитича боярыня княгиня Анна Михайловна, окольничего князя Бориса Ивановича жена княгиня… Михайловна, князя Васильева жена Хилкова, Иевлева жена Голохвастова. В сидячих у государя царевич Василий Арасланов Касимовский да царевич Петр Алексеевич Сибирский. У государыни царицы в сидячих: царевич Алексей Алексеевич Сибирский, окольничий князь Борис Иванович Троеруков. У государевой свечи стольник князь Федор Андреев сын Хилков да Петр Андреев сын Волынский. Поезд наряжал окольничий Родион Матвеевич Стрешнев да думный дьяк Семен Титов, конюший боярин князь Григорий Черкасский, у царицы у саней сокольничий князь Дмитрий Алексеевич Долгоруков, да с ним дворяне по списку. У сенника боярин князь Иван Алексеевич Воротынский да думный дворянин Артамон Матвеевич Матвеев. В Кремль по воротам дозирал окольничий Василий Семенович Волынский да дьяк Афанасий Зыков.

Свадьба первая Царя Федора Алексеевича с Царицей Агафьей Семеновной

В 1680 году июля в 18 день Благоверный Царь Федор Алексеевич браком сочетался с Царицею Агафьею Семеновною, венчал в день недельный по святой литургии в соборной великой церкви святейший Иоаким патриарх, при нем были только два ключаря, иных же церковников никого не было; читали и пели в действо венчания ключари, за патриархом был соборный дьякон, иных не было; а сверху пред государем в соборную церковь с крестом шел духовник, а кропил Спасский протопоп.

Свадьба вторая Царя Федора Алексеевича с Царицей Марфой Матвеевной

В 1682 году февраля в 15 день Благоверный Царь Федор Алексеевич сочетался вторым браком с Царицею Марфою Матвеевною, венчан духовником в верху, а не в соборной великой церкви, на последней неделе Мясоеда, в среду, а венцы иманы из собора, а город заперли в заутрени, а венечные памяти по государеву указу отпущать велено из Тиунской избы; а молебен был на Сырной неделе, во вторник, благовест был к молебну в новой большой колокол в два часа дня, и звон с ним, после молебна патриарха со властями в соборе литургию слушал, служил соборный священник со диаконом, службу пели рядовую без прилога, к литургии звон был в три колокола, а ко словесам благовест во вседневной. А после литургии патриарх со властями ходили к государю с дарами.

Свадьба первая Царя и Великого Князя Петра Алексеевича с Царицей Евдокией Федоровной

В 1689 году января в 27 день, в неделю Блудного, Благоверный Царь и Великий Князь Петр Алексеевич сочетался законным браком с Царицею Евдокиею Федоровною, венчан в верху в церкви святых апостолов Петра и Павла, от своего духовника протопопа Меркурия, во втором часу ночи. И в 28 день из утра в час дня благовест был в Успенский колокол, и архиереи все съезжались в Крестовую, святейший патриарх за скорбию в Крестовую и к молебну не выходил, указал архиереям всем быть у молебна и стоять по своим местам; а патриарху амвон и стул и ковер уготовить, и подле амвона ризничий и протодьяконы стояли без облачения, а в облачении был архидиакон и соборные все. И архидиакон, поклонясь мало месту патриарха, начинал, и первый митрополит

начинал и возглас говорил *яко твое есть*, по третьей песни ектению говорил архидиакон, а на ектении после Цариц и Царевен о Царях и о их Царицах, о еже послати им чада возгласил митрополит первой, второй архиерей по шестой песни, и прочее по чину. Свечи архиереям свои диаконы подносили, архимандритам и игуменам каждой начальной архиерей своей стороне подавал, последние возгласы начальной митрополит говорил, и молитву читал пред образом Богородицыным, и по отпусте титла к поздравлению все подошли власти и бояре; а звонить во все ключари приказали в ясак ударить, и как бояре пришли в церковь, а звонить перестать велели, как стали первую песнь петь. Тропарь пели певчие *повеленное тайно*, и канон пели певчие седьмого гласа, отпели в четвертом часу в начале, по отпусте благовест к обедне во вседневной и звон по обычаю. А власти после молебна пошли восвояси; а из бояр был князь Иван Борисович Троекуров, окольничий князь Петр Лукич Львов, думный дьяк Автамон Иванов, пришли от Ризположения, и пошли такожде.

Свадьба Царя Иоанна Алексеевича с Царицей Параскевой Федоровной

В 1648 году января в 9 день, в среду, Благоверный Царь наш Иван Алексеевич сочетался с Царицею Параскевою Федоровною, венчан в соборной великой церкви по божественной литургии святейшим Иоакимом патриархом, при нем были только два ключаря, они ж и пели в действии венчания, да два дьякона святейшего патриарха, да третий соборной. А молебен был января ж в 13 день в недельный день по литургии, благовест был в новый большой колокол, и пришествию государеву в соборную церковь звон был со всеми, и, не переставая, звонили к молебну до третьей песни канона, певчие пели *тропарь повеленное тайно*, а канон седьмого гласа из Октоиха, что в субботу повечерия. А с дарами ходили на Всеясной неделе, в среду, января в 23 день после литургии;

в соборе служил очередный свещенник, а в прибавку властей не было; пред патриархом по обычаю крест со святою водою носится от ключаря, да с ним протодиакон, и вверху быв, по обычаю сходят и ожидают вести к столу. А стол бывает того дня, в который день с дарами ходят.

СВАДЕБНЫЙ ПОЕЗД ЦАРЕВНЫ СОФЬИ ФОМИНИЧНЫ ОТ ПСКОВА ДО МОСКВЫ 1437 ГОДА

Месяца октября в 1 день, пригнав во Псков Николай Лях от моря и с Колывани, а повестяя Пскову: что Царевна, переехав море да едет на Москву, дши Фомина Князя Аморейского, а Цареградского Царя Константинова и Калуянова братана, а внука Иоанна Палеологова, а Князя Великого Василья Дмитриевича зятя, нарицаемая Софья; сия вам будет Государыня, а Великому Князю Ивану Васильевичу жена и Княгиня Великая. И вы бы есте ее сустречише, приняли честно. И того же дни сам поеха к Новугороду Великому, а оттоле на Москву. И оттоле Псковичи начали мед сытити и корм збирати; и послаша гонцов своих нольна и до Кирипиге, а посадников и бояр ис концов Избореск честно встретити. И бывшим им тамо мало не с неделю, и се пригнаша гонец от нее из Юрьева на Озеро в судах, и выб есте ее встретили на Измене. И Псковичи в те часы 6 насадов уготоваша великих, и во всяком насаде посадники Псковские и бояре и гребцы с великою честию поехаша в субботу в 10-й день, и приехаша скоро пред обедом в неделю в 11-й день на Измену; аже она на только ни приезжает к берегу; бе бо там мало, несть тая честь якоже зде. И со всех 6 насадов Псковских и лодия многие, якоже езеру возмутитися, тут же начали к берегу приставати; и посадники Псковские и бояре вышедшие из насадов, и наливши кубцы и роги позолоченные с медом и с вином, и пришедши к ней, челом ударили. Она же при-

емши от них в честь и в любовь велику. И теми часы восхоте сама с Измены и до обеда вдаль ехати: бе бо ей еще се хощет от Немцы отъехати. И приемши ее посадник с тою же честью в насады, и ее приятелей и казну. И на Щертове ночеваша, и потом у Святого Николая в Устьях другую ночь. От Святого ж Николы из Устей в 13-й день Карпа и Памфила приехавше ко Пресвятой Богородицы, и пеша за нее игумен и со всеми старцы молебен. Она же оттоле порты царские надевши и поеде ко Пскову. Також и ту предо Псковом ей велика честь: священники бо противу ее со кресты, и посадником Псковским вышедшим. Она же из насада выйдя на Новгородский берег, и от священников благословение приемши, також и от посадников и от всего Пскова челобитие, и пойде в дом Святой Троицы и со своими приятелями. И в бо в ней свой Владыка с нею, не по чину нашему оболчен в весь червленым платьем, имеи на собе кукол червлен же, на главе обвит глухо, якож Каптур Литовский, только лицо его знати, и перстатицы на руках его имея непременно, яко рек, ему никому не видети, в той благословляет; да також и крест пред ним и распятие осяза ему, якоже всем человеком видети вылитое пред ним носят на высокое древо восткнуто горе; не имеяж поклонения ко Святым иконам и креста на собе рукою не прекрестяся и в дому Святой Троицы, только знаменася к Пречистой и то по повелению Царевны. Бувшу же Царевне в дому Святой Троицы и священником молебен за ней певшим и знаменовавшусь крестом Животворящим и у Пресвятой и пойде на княжий двор своего Государя. Тутож ее паки посадники Псковские и бояре и весь Псков честь сотвориша вином и медом и всяческим кормом самой и всем ее приятелям и слугам и коням; кони бо их вси приведени быша горою. Посадникиж Псковские вси ее дароваша; також и от бояр и от купцов, чья како в сила, також и весь Псков ей дароваша в почесть 50 рублев: а Ивану Фризину 10 рублев. И она Царица сице видевши почесть в великого князя отчине в своего Государя, как от посадников Псковских, тако и от бояр и послов от всего Пскова, и рече посадникам Псковским и боя-

рам и всему Пскову: я Царевна повестую, что есть ныне на дорогу ехати хощу к своему и вашему Государю на Москву: ино ныне посадникам Псковским и боярам и всему великому Пскову отчине Государя моего и вашего повестую; на вашем честно приятии и на вашем хлебе и на вологи и на вине и на меду кланяюся. Аще ми паки, оже ми даст Бог, а буду на Москве у своего и у вашего Государя, а где паки вам надобе будет, ина аз паки Царевна о ваших делех хощу печаловати вельми. И поклонившеся посадникам Псковским и всему Пскову и с единого вси на коний вшедше; також и Царевна вшедше в воз, и приехавши в дом Живоначальной Троицы, и благословения от священников приемшиши, и знаменавшися у Пресвятой в дому Живоначальной Троицы, и також вшедши в воз, и поеде с великою честию изо Пскова А посадники Псковские и бояре проводиша ее ее до Старого Вознесения, и потом из воза вышедши и седе в болках и поеде к рубежу и посадники Псковские и весь Псков, и тама приставиша проводити ее и за рубеж в Новгородскую волость посадников Псковских и бояр с вином и с медом и с хлебом, и по всем станам коням довольно корму давати и самим. И тако препроводиша ее за рубеж с великою честию нольна к ней приехавши Новгородцкие приставы, и взяша казну ее на свои подводы у наших подвощиков. А была в Пскове 5 дней; во вторник к обеду приехала, а в субботу тогож месяца в 17 день выехала, на память святого пророка Иосифа пред обедом, а уже по обедне, иже поздно. Такоже и в Великом Новгороде бывши и от Владыки Феофила благословение приемши, и от посадников и от тысяцких и от всего Великого Новгорода честь и дарове, и поеха скорее к Москве. Тояж осени месяца Ноября в 10 день, на память Преподобного Иоанна милостивого приеха к Москве; князь же великой Иван Васильевич приготовил пирование и честь велику. И тако взя с нее венчание и прием чертог, и тако с нею нача жити, еже о Бозе; и возрадовашася с ним вси князи и бояре и вся земля Руская. А Ивана Фрязина сослал на Коломно, оковал.

СВАДЕБНЫЕ ДОГОВОРЫ

1. Рядная роспись на приданое княгини Соломониды Пронской, 1542 года

Се яз княгиня Марья, княж Иванова дочь Кемского княж Константинова жена Ахметековича Согорского, даю дочерь свою княгиню Соломониду княж Андреевскую жену Юрьевича Пронского за князя за Данила Васильевича Хованского; благословляю зятя своего князя Данила Васильевича: образ Спасов обложен со вкладками пелена жемчугом сажена с дробницами, да образ Рождества Пречистой обложен три гривны серебряны, да серьга жемчужная пелена жемчугом сажена, да икона воротная серебряная с мощами; да даю зятю своему князю Данилу Васильевичу, в приданые, вотчину государя своего князя Костантина Ахметековича, в Согорзе, в Пошехонском уезде, по отца его духовной по Ахметекове: село Тутаново, а в нем церковь Ильи Пророка, и к селу деревень: деревня Телешево, дер. Воронково, дер. Дуброва, дер. Демидково, дер. Климово, дер. Прибытково, дер. Дубовица, дер. Ванино, дер. Клементьево, дер. Матиево, дер. Серково, дер. Шылово, дер. Липовка Микиткина, дер. Липовка Медведева, дер. Олексейков Починок, дер. Кишкино, дер. Денисово, дер. Огорок, дер. Семенцово, дер. Жилково, дер. Завражье Занино, дер. Игнатцево, дер. Шишкино, дер. Завражье Пашуково, дер. Юдино да починок пустошь Рыжунина. Да по отца своего духовной грамоте, дал князь Константин из своей половины матери своей княгине Марье десять деревень, до ее живота, дер. Росолово, дер. Погорелово, дер. Брагино, дер. Слугинское, дер. Беляев Починок, дер. Попково, дер. Митрошово, дер. Семенцово, дер. Сырнево, дер. Терпичево, а после матери моей живота и те десять деревень зятю же моему князю Данилу Васильевичу; да десять голов людей служивых и деловых; да пятьдесят рублев денег, за платье, и за саженье, и за манисто, за серьги, и за запястье. И на то послуси: князь Петр княж Александров сын Ухтомского, да отец наш душевный

игумен Макарий Семеновский, да поп Терентий Троецкий Софонов сын, да поп Григорий Алексеев сын Ильинский. А рядную писал мой человек Сухой, лета 7050.

К сей рядной я князь Петр княж Александров сын послух и руку приложил. А по сей рядной я игумен Макарий руку свою приложил, отец их душевный. К сей рядной я поп Тереньтей послух руку свою приложил. К сей рядной поп Григорей руку свою приложил.

2. Рядная роспись о женитьбе крестьянина Скоровского на Милаве Окинфиевой, 1612 года

Се яз Марко Иванов сын Скоровской, крестьянин Прилуцкого монастыря, сговорил есмя с Епестемией Окинфиевой дочерью, прозвище Милава: взяти мне Марку за себя Епистемию; а с нею Спасовы земли, в Выпрягве, полплуга земли, с двором и с насеянною рожью, да сухого хлеба, ржи и овса и ячменя, сорок четвертей; да платья с нею: сукно на однорядку настрафил синее, да шушун студеной сукно зелено, ношен, да однорядка держана, да шушун теплый ношен, да ожерелье жемчужное, а у него шесть пугвиц, да две шапки женских камчатых лазорева да красная, одна с кружевом с жемчужным, да двои серги серебряных с жемчугом золочены, да у четырех дочерей по двоим сергам; да с нею же сын Василий, да две кобылы, да жеребчик лонской, да семь овец с ягняты, да одиннадцать рублев денег, да купленная пожня Житушка, да пятеро свиней, да корова бура; да у меня у Марка живота пришло в дом к ней: два мерина, одна седлом да кобыла лонская, да десять рублев денег, да две овцы, да баран, да тридцать четвертей хлеба, ржи и овса и ячменя, да однорядка настрафиль синий, да серьги двоичны да одинцы красное каменье серебряных позолоченных. А дочери выдавать замуж извобча, по изможеному. А буде сын богоданной Василей захочет прочь, ино ему Спасовы земли четверть плуга, в Выпрягове, и с насеянною рожью, да четверть из всего живота ему; и буде Марку случится смерть, ино его детям, трема сыновьям, половины живота.

А не возму я Марко за себя Епестемии на срок после Великого дня нынешнего 120 году в первое воскресенье, и на мне на Марке взяти, по сей записи, Епистемие десять рублев денег. – А в мужьях у записей сидели: Никольской священник Василей Якимов сын, да Дружина Григорьев сын, да Овдоким Абросимов сын, да Гридя Семенов ссн деревни Боранова Кубенской волости. А записи писал по противнем Иванко Дмитриев; дьяк и мужи одни. Лета 7120 году.

К сей записи поп Василий руку приложил. Послух Ондимко руку приложил.

3. Рядная роспись о женитьбе Григория Бухвостова на девице Матрене Ушаковой 1691 года

Се яз Тимофей Осипов сын Ушаков, сговорил я Тимофей дочь свою девицу Матрену Тимофеевну замуж за Григория Васильева сына Бухвостова; а благословляю я, Тимофей, его зятя своего Спасовым образом, а дочь свою благословляю образом пресвятой Богородицы Успение под окладом; да приданого даю за нее дочерью своею Матреною, жемчужного низанья, и серебряной кузни, и платья, на сто рублев; да за ней же даю в приданые, к ларцу, старинную свою дворовую девку Пелагейцу Васильеву дочь; да в приданое даю за ней дочерью своею, из вотчины своей, в Шелонской пятине в Доворетцком погосте две пустоши, пустошь Раменье да пустошь Замошье, пашню, и с сенными покосами и всеми угодьями. А выдать мне, Тимофею Ушакову, та дочь своя девица Матрена замуж за него, Григория Бухвостова, в нынешнем во сто девяносто девятом году, на срок, Февраля во второй – надесять день; а будет и Тимофей Ушаков против сей рядной записи в чем нибуди хотя в едином в котором слове своем не устою, или той дочери своей на тот вышеписанный срок не выдам, и на мне Тимофеев взять ему Григорию Бухвостову за мою неустойку и за свадебный подъем денег двести рублев, по сей записи. И ся запись и впредь в запись и сговор в сговор. – А у сей записи послуси площадные подьячие, Данила Викулин, Федор

Прокофьев, Иван Федоров, Андриан Клементьев, Борис Федосьев, Филип Иванов. А записи писал Похвалские площади подьячей Стенка Белозеров, лета 7199 году Февраля в 9 день.

По сей рядной записи Софийского дому сын боярской Григорий Бухвостов приданого за женою своею Матреною, жемчужного, и изафья, и серебряные кузни, и платья, на сто рублев принял и приданую девку взял и росписался. К сей записи Тимофей Ушаков руку приложил. Послух Данилка руку приложил. Послух Федька руку приложил. Послух Ивашко руку приложил. Послух Андреяшко руку приложил. Послух Бориско Куклин руку приложил. Послух Филка руку приложил.

4. Рядная роспись о женитьбе Ефима Иванова на девице Вассе Михайловой, 1670 года

Се аз Василей Васильев сын, в нынешнем во сто 78 году Февраля пятого числа сговорил я Василей внуку свою, девицу Вассу Михайлову дочерю за муж за Ефима Ивановича, а благословляю я Василей внуку свою: образом Всемилостивого Спаса Преображения обложен серебром, образ Умиления Пречистой Богородицы обложен серебром, да приданого платья даю я же Василий: летник камчат, цена двадцать рублев, опашень червчет багрецовой, пуговицы серебряные, цена 20 р. да охабень желт, пуговицы серебряные, цена 6 р., да шуба белая под дорогими червчатыми, пуговицы серебряные, цена 5 р., шапка вершок низанной жемчугом с каменьем, цена 30 р., да ожерелья жемчужные, да переденка жемчужная ж, цена 30 р., да серьги каменья с жемчуги, цена 5 р., да чепь серебряная позолоченна с кресты и с прописками и с перснями, цена 6 р., да охабень желт камчат, кружева серебряные, пуговицы серебряные позолоченные, цена 20 р., да постель с изголовьем и с подушками и с одеялом, цена 8 р., да приданого же даю государева жалования поместье... двадцать четвертей в поле, а в дву потому ж, да крестьянина Ерошку с женою и с матерью и с дочерью, да полонного человека Ивашку с же-

ною и с детьми саму пяту, а выдать мне Василею внуку свою Вассу за него Ефима Ивановича нынешнего ж сто семьдесят восьмого года после Крещения в первое воскресенье, а буде я Василей внуки своей Вассы за него Ефима на тот срок не выдам и приданого платья и поместья и крестьянина, и людей или челобитной на поместья к росписке не дам, и на мне на Василью взять ему Ефиму по сей рядной записи за ряду пять сот рублев. А у сей рядной записи сидели: Анофрий Андреевич, да Ерофей Васильевич. А рядную запись писал Андрей Ерофеев сын, лета 7178 году. К сей рядной записи Михайла Михайлов сын руку приложил по велению деда своего Василия Васильевича. Андрей Андреев сын руку приложил. Ерофей Васильев сын руку приложил.

5. Рядная роспись о женитьбе Севастьяна Макарьева на девице Ирине Григорьевой, 1672 года

Се аз вдова Анна Тихонова дочь, Резанца Григория Левонтьевича жена зговорила я, вдова Анна, дочь свою Арину Григорьеву дочерю замуж в нынешнем во ста восьмидесятом году за резанца за Савастьяна Макарьева сына, и благословляю я дочерь свою Арину образом Знамения Пресвятой Богородицы в окладе, да даю я Анна за дочерью своею Ариною приданова платья: шапка, цена 7 рублев, да кокошник низан жемчугом, цена 4 р., серьги двои, цена 2 р., ожерелья жемчужные, цена 8 р., кусьнь со кресты, цена 4 р., охобенек тафтяной, цена 7 р., телогрея кумачная, цена 2 р., телогрея киндячная, цена полтора рубля, постель с одеялом, цена 4 р., да даю ж я за дочерью своею Ариною в приданое ему Севастьяну дворовых своих людей вдову Федору Данилову дочь с детьми своими с Симеонком, да к ларцу девку Солошку, Степановых детей, да дворового же своего человека Петрушку Мартынова сына; а выдать мне Анне дочь свою Арину за него Севастьяна Макарьева на срок нынешнего же восьмидесятого году месяца Февраля в девятый день; а не выдам я Анна дочери своей Арины за него Севастьяна, али приданого платья и придан-

ных людей, кои в сей записи писаны на тот срок и на мне Анне взять двести рублев. А запись писал церковный дьячек Ивашка Иванов лета 7180 году месяца Февраля в день. К сей рядной записи Никольский поп Сафрон вместо вдовы Анны Тихоновой дочери по ее велению руку приложил*.

СВАДЕБНЫЕ ЧИНОПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТНЫХ ЛЮДЕЙ

1. Чин свадебный**

Поставить место, и место обить бархатом или ковром, на месте положить подушку атласную или бархат золотной. У места держать двум людям по сороку соболей; у места же поставить стол, на стол послать две скатерти. Да тут же поставить судцы, и положить перепечи и калачи. На блюде поставить сыр да перепечу положить, которую резать. Да на другом блюде поставить осыпной хмель, да деньги золотые и Новгородки золоченые, да десять соболей, да камки и тафты всякие. Да на третьем блюде поставить ширинки. На четвертом блюде положить кику; да положить под кикою подзатыльник, да подбрусник, да волосник, да покрывало. Да поставить чарку золотую или серебряную; а в чарки поставить меду немного, да хмельку, да две маковицы.

Да гребешок положить у кики на блюде. Да по стороне у места поставить две скамейки, где бы сидеть на одной тысяцкому, а на другой свахе. Да у места стоять двум людям,

* *Примечание.* Свадебные договоры № 1; 2 и 3 взяты из собрания Юридических актов (Т. 1. № 392, 395, 400), последние два из «Сына Отечества» (1836. Ч. 180. С. 33). Свадебный поезд Царевны Софьи Фоминичны взят из «Псковской летописи», изданной М. П. Погодиным (с. 125).

** Взято из рукописи «Книга, глаголемая Домострой», где чин свадебный составляет 67 главу. *Домострой* есть замечательное произведение в старой литературе. Она верно показывает состояние хозяйства старой Русской жизни. Это обрядник всего, что делать и как жить. Рукопись получена от Воронцова из Вельска.

а держать им носилы с кораваем да с сыром, покрывши атласом или бархатом золотным, а рукояти у носил и шлейки опушить камкою или атласом. Да третьему человеку держать свечу в кошелке, а кошелек был бы атлас или бархат золотой, да шлейку опушить атласом же. Да двум людям держать фонарь. А те все люди были бы в кафтанах и в терликах бархатных, и в камчатных, и в атласных золотных да в шапках черных лисьих.

И как новобрачный приедет с поездом, и коровайники и свечники приедут потому ж. И как Бог даст новобрачный сядет на место, и посидев мало, сваха станет благословляться у отца и матери, новобрачному князю и княгини голову чесать. Возьмет соболи, которые держат, и обносит теми соболями около голов новобрачному князю и новобрачной княгине по трижды. А дружка в те поры благословляется перепечи и сыр рушить. И подносит сыр и перепечу ко всем, к отцу и к матери, и новобрачному князю и ко княгине и ко всему поезду, и к сидячим ко всем, кто будет в избе. Да послать перепечу и с сыром к отцу и к матери новобрачного князя, и кто будет в сидячих у новобрачного князя, и тем по тому же посылать с сыром и перепечею. И как Бог даст, на новобрачную княгиню положат кику и покроют покрывалом, и встает сваха благословиться у отца и матери, осыпать новобрачного князя и новобрачную княгиню. А дружка понесет в ту пору новобрачному князю и ко всему поезду ширинки на блюде; а к отцу и к жене его от новобрачной княгини послать с ширинками же. Как Бог даст, новобрачный князь и княгиня встанут с места и выступят в сени, и в те поры стелют камки и тафты, по чему идти новобрачному князю до аргамака, а новобрачной княгине до саней.

А новобрачной княгине ехать к венчанию в санях. Сани поволочить атласом или тафтою, а в сани положить подушку бархатную или атлас золотной на миндере. Да в сани послать ковер. А миндер сукно червчато. Да у саней держать сорок соболей. Как новобрачная княгиня пойдет к венчанию, и те соболи держать на месте в санях.

И как новобрачный князь у церкви сойдет с аргамака, а новобрачная княгиня выйдет из саней, и стелют камки и тафты до церковнях дверей. А у венчания послать под новобрачного князя и под княгиню камки из атласа золотного да положить два соболя под ноги. И как пойдет новобрачный князь от венчанья до аргамака, а новобрачная княгиня до саней, ино постилать пред ними по тому же. А сойдет новобрачный князь с аргамака, а новобрачная княгиня выйдет из саней, и пойдут на место за стол, и под новобрачного князя и под княгиню постилать по тому же. И встанут из-за стола и выступят из горницы, и подстилать под новобрачного князя и княгиню по тому же. И как приедет новобрачный князь к себе на подворье и сойдет с аргамака, а новобрачная княгиня выйдет из саней, и постилать под новобрачного князя и под княгиню до сенника по тому же.

2. Ин чин свадебный

Как придет князь молодой на двор за посад, а княгиня бы в те поры на месте сидела, а сваха бы сидела подле ее. Да отец бы и мать, и бояре и боярыни сидели наготове. А князя бы молодого бояре сидячие встретили на дворе. И как князь молодой войдет в горницу, и в те поры отец и мать, и сваха и боярыни встают; а княгиня бы сидела на месте и не вставала, и покрывалась бы она камкою. И князь молодой сядет подле ее; а отец и мать, и тысяцкий и бояре сядут по своим местам. И маленько посидят, и тогда дружка придя, благословляется у отца и матери; а сваха встала бы, а в те поры ничего свахе не говорить, и из-за стола свахе не выходить же, и кланяться своим образом, на все четыре стороны, как дружка же. И как соймет дружка покрывало с блюда, и в те поры завесят покрывалом княгиню от князя молодого. И завесив, с княгини снять шапку. И через завес начнет сваха чесать у князя молодого голову гребнем; да после того у княгини молодой голову чесать по трижды. И как сваха станет у князя и у княгини голову зачесывать, а в те поры дружка сыр

разнимает и перепечю режет. И как зачесана будет голова, у княгини молодой расплести косу, и крутить княгиню молодую, а окрутя, покрыть покрывалом; а на покрывале нашить крест. И как покроют, кланяться своим образом и благословиться у отца и матери, и осыпать осыпалом. И после осыпала ширинки давать. А после того священник обручает князя и княгиню. А в сенях поставить поставец, а в нем держать питье, меды, и вино, и пиво, и квас добрый; и были бы в поставце чары, и судцы, и ковши, чем бы угощать. Да у поставца поставить двух человек и приказать им, как и чем и кого угощать. А как боярские люди в сенях сядут, и тут потчивать их питьем, вдоволь, кому чего пригоже.

3. Наряд, как охранять дом и все жилое у молодого князя*

Урядить ясельничего из старых людей да в помощь ему дать двух молодых. По наряду ясельничий держит дом и все жилое, с утра и до утра. Да ему же, ясельничему, поставить челядь у саней, в чем молодую повезут, и приказать накрепко, чтобы недобрые люди не учинили тут какого лиха. А молодым, что при ясельничем, стеречь накрепко коня да баню, чтобы не учинили тут какого лиха. Да дать ясельничему булатной мечь, чтобы с тем мечем караулить клеть, где будет почивать князь с княгиней, чтобы не учинили какого лиха. А как поезд привезет к дому молодого князя с княгиней, и в те поры ясельничий повелит играть потешникам в сурмы и бубны тихо, чинно, немятежно, благолепно, доброгласно. Да ему, ясельничему, устроить по всему двору крепкие караулы из добрых людей, чтобы не было какой порухи от злых людей. А за все за то, после пирования, молодой князь со княгиней дарят ясельничего ширинкой золотой и чествуют за столом питьем и яствами вдоволь; а в доме к нему тысяцкий посылает коровай с двумя поддатнями, во славу ясельничего.

* Взято из одного сборника, находящегося в моей библиотеке.

4. Обиход всякому столовому наряду, яствам и питиям на весь год, в научению молодому князю с княгинею*

1. Обиход, что в столы ясти подавать, а се тому роспись

С великого дня, с мясоеда, в столе яству подают: лебедь, потрох лебяжий, журавли, чапли, утки, тетерева, ряби, почки заячьи верченые, куры рассольные, пупки, шейки, печенцы курячьи, баранина рассольная, баранина печеная, ухи курячьи, каши путные, солонина полотки, языки, лосина, зайцы в сковородках, зайцы рассольные, молочки заячьи, куры верченые, курячие черевца, пупки и печенцы, жаворонки, потрошек бараний, сандрик, свинина, ветчина, караси, сморчки, кундюмы, шти.

На ужин подают: студень, рябь, зайцы печеные, утки, куры и тетерева верченые, баранина полотки, зайцы рассольные, свинина, ветчина.

*В великоденский мясоед по постным дням в столе яства подают:*сельди паровые, щуки паровые, лещи паровые, лососина сухая, белая рыбица сухая, осетрина сухая, спинки стерляжие, белужина сухая, спинки белужьи, спинки белой рыбицы, пареные лещи паровые, уха шафранная и черная, уха окуневая, уха плотничья, уха щучья, уха лещевая, уха карасевая. Из рассольного: белая рыбица свежая, стерлядиная свежая, осетрина свежая, осетрина шехонская, осетрина косячная, головы щучьи с чесноком, гольцы.

В великоденском мясоеде в столе подают: пирог подовый, оладьи, котломы, пироги пряженые кислые, пироги пряженые с яйцами и с сыром, сырники с яйцами и с сыром, пироги с пшеном да с везигою, пироги с горохом, караси со пшеном да с везигою, пироги с рыбой, пироги подовые с бараниною.

В Петрово говейно в столе яству подают: сельди паровые, щуки паровые, сухая рыба лососина, белая рыбица, осе-

* *Обиход всякому столовому наряду* взят из книги: *Домострой*, из глав: 64 и 68, и особенного обрядника – *Вождя по жизни.*

трина, спинки стерляжьи, пруты белужьи, спинки белой рыбицы пареные, уха щучья с шафраном, уха черная векошники, печеные окуни, векошники плотничьи, уха лещевая, уха карасевая, тавранчук осетровой, тавранчук стерляжий. Из рассольного: белая рыбица свежая, стерлядина свежая, стерлядина просольная, осетрина свежая, осетрина просольная, щучина свежепросольная, головы щучьи с чесноком, гольцы, осетрина шехонская, осетрина косячная, грибы вареные и печеные; шти, караси, раки, пироги с пшеном и с везигою и горохом, караси с пшеном да с везигою и рыбою, и вишнье.

В Петров мясоед в столе яства подают: лебедь, потрох лебяжий, журавли, чапли, утки, почки заячьи да части верченые, языки говяжьи верченые, груди бараньи верченые, куры рассольные, пупки и шейки курячьи, баранина печеная, говядина рассольная, юрмы, солонина с чесноком, солонина с зельем, гужи с чесноком, гужи с зельем, полотки гусиные, полотки утячьи сухие, солонина старая, языки говяжьи сухие, зайцы ярые в сковородках, зайцы в лапше, зайцы в рассоле, почки заячьи в рассоле, куры верченые молодые, короваи, курники, пироги слоеватые, сальники, листники, говядина шестная, смолочи говяжьи вепревина, ветчина, смолочи свиные, рубцы с кашкой, двои сычуги, минты кривые, тукмачи, кундюмы, шти кочневые, блины сырные, пироги, оладьи, кисели, каши, сливки, сыры губчаты, молоки вареные, молоки с хреном, короваи ставленые, короваи блинчатые, короваи битые, короваи яцкие.

В Госпожино говейно в столе яству подают рыбную. Дается капуста кислая с сельдьми и икру всякую ставить рядом, белужья спина ветреная, лососина с чесноком дается зубками, осетрина шехонская, белая рыбица, семга привесная, спины осетрьи, спины стерляжьи, сельди паровые, щуки паровые, стерляди паровые, лещь паровой, спина семжья, спины рыбные всяких рыб даются после парового, ухи рядовые горячие, уха щучья, уха стерляжья, уха карасевая, уха плотничья, уха лещевая, уха окуневая черная, тавранчук осетрей, меж ухами даются: коровай тельной, стерлядь

и кружки, пирожки в масле ореховом, пряженые с горошком, оладейки в ореховом масле кисленькие, пироги подовые кисленькие с горошком, пироги с маком большие, пряженые в конопляном масле с горошком, да большой пирог с маковым соком да с сочнями, пирог с везигою большой, пирог с сигами, пирог с сельдьми, пирог с сочни, а меж пересыпают блинки. Из рассольного: щука под чесноком, окунь в рассоле, щука живопросольная, белужина ветреная в рассоле под взваром, осетрина в рассоле под взваром, лососина в рассоле под взваром, семга в рассоле под взваром, сиговина в рассоле под взваром, ладожина под взваром в рассоле.

В Госпожин мясоед в столе яства подаются: лебедь, потрох лебяжий, журавли, чапли, утки, грудь баранья верченая с шафраном, части говяжьи верченые, языки верченые; середки свиные, куры рассольные, говядина да свинина рассольная, юрмы, лососина, солонина с чесноком и с зельем, зайцы сковородные, зайцы в репе, зайцы рассольные, куры верченые, печени бараньи с перцом и шафраном, говядина да свинина шестные, колбасы, желудки, рубцы, кишки, куры шестные, кундюмы, шти.

На ужин в Госпожин мясоед в стол яства подают: зайцы печеные, буженина, квашенина, головы и ноги свиные, полотки зайцы соленые, свинина, ветчина.

А что когда подавать в столы, тому роспись:

Заяц черный дается всегда; голова под чесноком с Покрова дня; буженина с самого Госпожина дня промеж говения до Семена дня; ноги говяжие, тетерев под шафраном, лебедь медвяной взвар под шафраном с Покрова дня; потрох лебяжий с шафраном с тапешками, шейка лебяжья с шафраном, а кладутся по ней тапешки; а по-нашему тапешки: калач в масле пряжен ломтями; а гусь дикой так же дается, что и лебедь; гусь кормленый дается с Покрова дня; журавли под взваром с шафраном даются с Покрова дня; части под взваром с шафраном дается с Покрова дня; утка верченая с простым взваром дается с Порова дня; грудь баранья верченая с шафраном дается до Семена дня; язык верченой под простым взваром до Семена дня; середки

верченые свиные под взваром простым даются с Покрова дня; почки заячьи с простым взваром всегда даются; ушное зайцы в рассоле даются всегда; куры под брынцем с шафраном, зайцы в лапше, зайцы в репе, куры в лапше, осерьдье, уха в зверине, а делается в груди говяжей и в лосине, с Семена дня; потрох гусиный, калья куричья, или тетеревиная, или утичья, с Покрова дня; пироги сухарные делаются в брынце; пирог подовой мясной делается с блинцы; пироги кислые большие пряжат в масле с сыром; оладьи большие даются с медом; коровай блинчатой большой, да пироги пресные с сыром даются промеж ух; и последним блюдом подаются оладьи сахарные. После Семена дня сухие рыбы не подают. С Дмитриева дня прибудут яства рыбные – ухи назимные всякие.

В Филипово говение яствы на стол подают: сельди паровые, сельди свежие застуженные, лещи паровые, спины белой рыбицы, спины лососьи, спины пельмежьи, спины семжьи, стерляди паровые, сиги, ладоги, ухи назимые, короваи, уха шафранная, уха черная, уха линевая, печени и молоки линевые, уха окуневая, уха плотичья, уха лещевая, уха карасевая, тавранчук белужий, тавранчук осетрий, тавранчук севрюжий, тавранчук стерляжий, ухи с мешечки, ухи с толчаники, ухи стерляжьи, ухи судачьи, ухи черевци стерляжьи. Из рассольного: белая рыбица, лососина, пелмина, стерляди, осетрина, головы стерляжьи, головы щучьи с чесноком и с хреном, стерляди жареные, щуки отворачиванные, лини, окуни, плотицы, лещи рассольные, трубы с хабы белужьи, сельди жареные, осетрина шехонская, осетрина сосячная, осетрина длинная, шти с ухою свежею да с ухою осетрею.

В мясоед после Рождества Христова в стол подают: лебеди, потрох лебяжий, гуси верченые, тетерева, куропатки, ряби, поросята верченые, баранина рассольная, баранина печеная, поросята рассольные, потрох поросячий, ухи курячьи, солонина с чесноком и с зелием, лосина, осердие лошье в рассоле и крошеное, губа лошья, печень и мозги лошьи, зайцы рассольные и сковородные, куры верченые, потрох гусиный, говядина шестная, свинина шестная, ветчина, колбасы, же-

лудки, гуси шестные, куры шестные, минты кривые, тукмачи, лапши, караси, кундюмы, шти.

В мясоед после Рождества Христова по постным дням в столе яству подают: сельди паровые, сельди свежие и застуженные, лещи паровые; спины: белой рыбицы, лососьи, пелмежьи, семжьи, стерляди паровые, сиги, ладоги паровые; ухи назимые: шефранная, черная, линевая, щучьи с перцем, окуневые, плотичьи, лещевые, карасевые, стерляжьи, судачьи ухи из черевец стерляжьих, ухи с мешечки, ухи с толчаники, молоки и печенцы линевые, тавранчуки белужьи и стерляжьи. Из рассольного: белая рыбица, лососина, пелмина, стерлядь, осетрина; головы: стерляжьи, щучья с чесноком, кружек стерляди, щука отворачиванная, окуни, плотицы рассольные, лещевина, щучина рассольная с хреном, трубы с хабы белужьи, сельди жареные, осетрина шехонская, осетрина косячная, осетрина длинная, шти.

На масляной неделе в стол яства подают: хворосты, орехи, елцы, ядра мсенные, шишки, сыры губчатые, молочи вареные, сыры сметаные сухие, блины, оладьи.

В великое говение в столе яствы подают: хлебы постные, лапша гороховая, яглы с маковым маслом, горох четцкой, горох битой, шти, луковники, левашники, пироги подовые с маком, кисели сладкие, преснечки, рыжики сухие, рыжики в масле, пряженые пироги с пшеном и горохом, блины с маковым творогом и с маслом.

По субботам и воскресеньям в великое говение в стол яствы подают: икра щучья, икра паюсная, икра осетровая свежая, икра осенняя, стерляжья, ксени щучьи черные и белые, осетрьи, белужьи, сухие и мокрые, лосочьи, пироги с пшеном и везигою, караси с пшеном и везигою, кашка с икрою осетровою, икра отваренная в уксусе и маковом молоке, кашка с белой рыбицей, кашка судачья, кашка стерляжья, кашка севрюжья, кашка белужья, кашка с снетками, пласти карасевые и язевые, пупки сухие осетрьи, пупки пресносольные, везига в уксусе, стерлядина бочечная, языки мокрые; шти: осетровые, белужьи, осетрина шехонская.

2. Обиход о всяких питиях, что в столе подавать, и се тому роспись

Обарной мед сытить

Взять меду сырцу и на него влить теплой воды в семеро, да розсытя, мед процедить ситом начисто, без вощин. Да положить в тот мед хмельного вару на всякий пуд по полумерке хмелю. А варя тот мед, пену снимать ситом, чтобы было в котле чисто. Да уварить того меда с хмелем до половины. И в те поры сливать из котла в мерник. А после укрой хлеба натерти дрожжами с патокою, да припечь у печи, и положить в мерник. А как соймется мед киснути гораздо, ино его сливать тотчас в бочки, чтоб не окис.

Белый мед сытить

А кому белый мед сытить, выбирать белую чистую патоку да убить патоку мутовкою, чтобы не было кусья мелкого. А ту патоку разсытити вчетверо теплою водою, а хмелевого вару положить на всяк пуд по четверти мерки хмелю да дрожжами наквасити. А как мед киснет, ино дрожжи снимать с меда ситом дочиста. И как поспеет, так и сливать в бочки.

Паточный мед сытить

Взять патоки да розсытить впятеро водою, а воду лить теплую, да процедить чисто, да слить в мерник, а хмелевого вару положить на три пуда одну мерку да дрожжами наквасить. А как мед укиснет, и дрожжи снимать с меда ситом дочиста. А как поспеет мед, так и сливай в бочки.

Боярский мед сытить

А боярский мед сытить, ино снять вощину с патоки, да взять вшестеро воды, да розсытить горячей водою, а вару положить на всякий пуд по мерке да наквасить дрожжами, а процедить чисто, без вощин. А киснуть в мерниках неделю, да слить в бочки без дрожжей, да подсытить патокою.

Мед с зельем ставить

А с зельем мед ставить с мушкатом и с гвоздикою; а как будет, разлить в бочки, да тот мед подкормить сытой. Да те зелия утереть мелко и класть в мешочки платяные, да те мешочки положить в бочки с медом, а воронки закрывать накрепко, чтобы из бочек дух не выходил.

Ягодный мед ставить

Какие ягоды ни буди, положить ягоды в котел да с ними же положить в котел кислой мед простой, чтобы ягоды в котле поняло и чтобы ягоды в котле не пригорели, да варить ягоды в котле гораздо, покамест раскипятся, как ягоды раскипятся, ино оставить на ночь. Как ся отстоит мед ягодный от гущи начисто, ино слить его в тот мед в бочки, в какой мед произволишь и сколь густо захочешь взять. Ино бы в тех бочках и в меду дрожжей не было.

О морсе ягодном

А ставить морс ягодный из каких ягод ни буди. Ягоды положить в котел с водой, чтобы их поняло и к котлу не пригорели, да варить в котле гораздо, покамест ягоды раскипяся, да, отваря, так оставить на ночь. А как ся отстоит морс ягодный от гущи начисто, ино слить в бочки, в которой бы бочке дрожжей не было.

Как квас простой медвяной сытить

А повелишь квас простой медвяной сытить, и взять меду патоки да вчетверо воды и розсытить, да процедить ситом чисто, да влить в мерник. А квасить калачом простым мягким, без дрожжей. А как укиснет, ино сливай в бочки.

Как пиво подсытить

И как сварится пиво, и как сцедится с дрожжей, ино пива того ведро влить в котел, да на всякое ведро, сколько в той бочке пива, положить патоки по гривенке большой, да варить ту

патоку с пивом в котле до кипятка, чтобы патока с пивом смешалась, да после простудить, да слить то с патокой в бочку.

5. Наряд гостиной, кого как чествовати*

Молодому князю с княгиней подобает вопрошать старых людей: как и что в добрых людях ведется, кого как чествовать и про какой случай? Всему тому есть обычай испоконь века; да и дело то не писаное, а уложено старыми людьми недаром, и должно вершиться без всякой порухи, чтобы не было на смех и позор.

Буде молодой князь и его княгиня похотят отправлять свадебный отвод, и то подобает накрепко размыслить: есть ли припасы, кого чем потчивать? Есть ли достаток на все харчи и проторы? Делать то по силе и остаткам, чтобы не было в надсаду и на свой истинник, а не в долг. Как все размыслят и уладят, ино и приступать к делу с толком и с разумом.

Прежде всего сыскать зватого, человека старого, которой бы смыслил свое дело, знал кого и как позывать по старому обычаю. А зватаго призывать, поставить пред него угощение по среднему наряду, посадить с почетом за стол и чествовать, чем Бог послал. После чествования говорить молодому князю наказ: придумалось де мне со княгиней справить свадебный отвод про родных и добрых людей, как ведется исстари. А на тот отвод просим позывать, сватушка, дорогих гостей. Тут вымолвить прежде всего тестя с тещей, по имени и по отечеству, с поклоном и почетом. Далей того молвить про кресного отца с матерью, про деда и бабку: а то все говорить по имени и по отчеству. Да как все изговорить, и в те поры подать княгине зватому хлеб с солью на полотенце. Княгине молвить только поклон отцу с матерью. Ино-то не женское дело, кого звать, а кого чествовать и как чему быть; да и не стать вслух, при людях, своим умом наказывать. На то есть глава, муж законный; на то есть совет без людей, се очи на очи.

Да как отпустят зватого, и в те поры призвать стряпуху, да и пытать накрепко ее: где как водится? Что делается в боль-

* Взято из рукописи: *Вождь по жизни*.

шом доме и что чинят люди средней руки? А изговоря, что и чему быть, выдать припасы, что Бог послал. Да и чествовать княгине стряпуху по женскому обычаю, чтобы ей было всего вдоволь и чтобы от ней в людях слава была хорошая.

После того умом размыслить: станет ли из своей челяди на чествование гостей или нет? Буде нет, то сыскать проворных людей, непитующих, незазорных и не воров. Худ человек и сворует, и хозяйскова добра не сбережет, и в позор вдаст хозяина и гостей. Молодой княгине снаряжать дубовы столы и полавошники, доставать бранные скатерти и всякую рухлядь из своего приданого, чтобы гости видели, чем наделил родимой батюшка с матушкой в замужество. А изготовив всякий снаряд, чинить совет со стряпухой: чему и как быть?

Молодому князю убрать поставец про вино, пиво и мед сыченой. Да поставить у поставца стол, да накрыть его скатертью; на столе поставить братину про веселых гостей и чары для добрых людей; да тут же поставить яндову с пивом и ковшика два в честь гостей и веселие. А все то было бы доброе, чтобы тестю с тещей на радость, себе на славу, людям на утешение.

Приспеть день отвода, и князю с княгиней встречать дорогих гостей с почетом и поклоном и сажать по старшинству, чтобы никому не было обидно. И чествовать князю весьма женину родню; тако же чествовать и княгине мужнину родню. А самим, князю с княгиней, за дубовы столы не садиться; иното будет в людях покор. Да и ходить князю с чарою от верхнего кута до нижнего, бить челом и кланяться, просить дорогих гостей: хлеба-соли кушать, не спесивиться, зелно вино выпивать с отрадою, мед сыченой вкушать с забавою. Да тутo же вымолвлять: «Дорогие наши гости! Всего нам Бог послал, всем наделили нас родители, да ум наш не созрел. Буде, что состряпано и сварено не по обычаю, ино нам простите для радости и молодости. Состареемся, научимся». Княгине молодой подобает видеть, что есть по женскому нраву, по обычаю, кого чем чествовать и как старую и как молодую. Старой гостье подносить чару при всех: ей-то чара не в укор. Молодую гостью вызвать после обеда, будто на совет, да и тут одной подносить

чару с поклоном и почетом. А то все делать в утай, чтоб было без зазора и без укора от злых людей.

Да как отойдет стол обеденной, и в те поры урядить княгинин стол с яствами сахорными, со сластями и вареньями. А князю знать свое дело: усаживать гостей у поставца и чествовать их напитками вдоволь и по рассудку, на славу и на почесть.

Да как приспеет время ухода, и в те поры провожать дорогих гостей с двора с почетом с поклоном, бить челом за неоставление на-предки и кланяться за великую честь всем и каждому.

6. Наказ молодому князю и его молодой княгине

Как, милостию Божиею, совершится свадьба, и молодой князь с княгиней вступят в домашнюю жизнь, и в те поры подобает совершить благодарение родным и почетным гостям. Большие родные: крестный отец и крестная мать. Им-то подобает чинить особый почет: подарки по силе, поклон до земли и пирог большой в именины, а на маслянице пряники. Женин брат и женина сестра родня почетная: им-то подобает чинить свой почет: подарки средние, поклон до пояса, на маслянице пряники, в именины ходить с поклоном. Ащо здравствуют дед и бабка, сват и сватьюшки и другие старые люди в жениной родне: им свой почет. Подарки дарить в именины, на маслянице пряники, на святой ездить с почетным поклоном да и в свои имянины чествовать их пирами. Тысяцкий, подружка, ясельничий, сваха сходатая – то гости почетные; дарить их единожды на маслянице пряниками. Без времени молодой княгине не учащать по гостям: в том молодому князю накрепко блюсти. В воскресный день да едет молодая княгиня к своему отцу и к матери; а к другим родным ходить по зову, в дни имянинные и крестинные. А молодой княгине одной в гости не ходить, а брать провожатых, кого похочет князь дать. Молодому князю чтить тысяцкого и подружку, аки близких родных, и спрашивать совета, как жить и домом править. Все то будет старым людям в почет, а себе доброе имя.

7. Наказ тестю и теще при отпуске приданого

Как скоро приспеет день свадебный, и в те поры снаряжать приданое в большой палате. Прежде поставить столы дубовые да покрыть их скатертьми бранными. В переднем углу на столе положить на блюдо хлеб с солью и покрыть ширинкою. Далее того уложить по чину приданое. Да как изготовят все, послать сваху, сходатую к женихову отцу с матерью, и велеть де говорить: «Просим жаловать на смотрины приданого». И как придут поезжане от отца с матерью, и в те поры сажать их с почетом, где хлеб-соль, да и учать показывать доброе чинно, неспешно, распорядительно, благолепно. Да как досмотрят поезжане, и в те поры укладывать в сундуки и шкатулы, и коробьи, где чему быть. Невестин отец всегда подаст тысяцкому роспись приданому, а теща тысяцкого жене подаст на блюде ключи от сундуков. Да как все устроят, и теща просит гостей садиться, а тесть спрашивает поезжан: «Все ли в угоду вам наше доброе и не забыто ли чего?» Тысяцкий встает и кланяется, а сам говорит: «Спасибо вам, Иван Иванович и Марья Андреевна, на вашем добре. Умели вспоить, вскормить Настасью Ивановну, умели и приданым наделить». И в те поры тесть подносит гостям зелено вино, просит выкушать и не взыскать, что доспеяно не так. После того снимает сваха со стола хлеб-соль, а отец с матерью чинят отпуск приданого. Тысяцкий вперед с поезжанами едут к женихову отцу в дом; а после их едет сваха сходатая с приданым. Впереди выходят с Божиим благословением, а там несут клад с приданым. Весь тот чин и порядок устроены старыми людьми не даром, а с добрым смыслом, чтоб лихие люди не сказали: «Что де у молодой есть? И приданое де не казано тысяцкому и по росписи не сдано».

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ГОДОВЩИНА

Русская народная годовщина разделена мной на два отделения: в первом помещен народный *Дневник*, а во втором – народные *Праздники и обычаи*. Дневник расположен по месяцам и дням в продолжение всего года. Наши народные обряды, поверья и приметы отправляются в определенные дни и не подвержены изменением года и самой местности. Праздники и обычаи потому отделены мной от Дневника, что они отправляются народом в неопределенное время и зависят от изменяемости нашего мясецеслова и местных обрядов. Некоторые из наших старинарей (археологов) разделяют наши народные праздники: на весенние, летние, осенние и зимние; но такое разделение, по изменяемости местных обрядов, не имеет правильного значения. Праздники и обычаи расположены мною по неделям и дням.

НАРОДНЫЙ ДНЕВНИК*

Месяц январь

Слово: *январь*, или *генварь*, или *иануарий* – нерусское; оно зашло к нашим отцам из Византии, вместе с юлианским календарем. Коренные славянские названия сего месяца были другие, и эта разность принадлежала каждому поколению. *Наши предки* называли его: просинец, *малоруссы* и *иллирийцы*: сечень, *поляки*: стычень, *венды*: новолетник, первник, зимец и прозимец, *чехи и словаки*: ледень, грудень, *карниольцы*: просинец, *кроаты*: просинец, малибожняк. Грамотные люди XI века январь писали: еноуар (по Остромирову Евангелию), и как будто для пояснения чужого слова прибавляли: «рекомаго просинца». Все эти названия книжные; народ забыл, как его предки называли прежде январь. Время скрыло от нас, каким месяцем считался просинец у наших отцов. В христианской жизни русского народа совершились три перемены: 1) по старому русскому счету, когда год начинали с марта, январь был одиннадцатым месяцем; 2) когда год начинали с сентября, он был пятым; 3) с 1700 года он постоянно считается первым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В ЯНВАРЕ МЕСЯЦЕ

1 января. *Васильев день. – Васильев вечер. – Авсень. – Гадания. – Проказы ведьм*

Васильев день у наших поселян считается особенным времясчислением. Так они, желая напомнить что-нибудь

* Дни месяцев приведены по старому стилю.

былое, говорят: «а это было об Васильев день»; или: «случилось на Васильев день»; или: «на ту пору был Васильев день»; или «он нанялся от Васильева дня до Евдокей», то есть с 1 января по 1 марта.

Васильев вечер для русских девиц был весьма важным днем; он приходился на восьмой день святок, когда святочные гадания были во всем разгуле. Наши бабушки думали, что святочные гадания на Васильев вечер всегда сбывались и что в этот вечер, что бы по гаданию ни вышло, уж всегда так и случится. Поверье старое, с незапамятных времен соблюдается на Руси.

На Васильев день совершаются обряды какого-то непонятного народного праздника. Из слов песен и причитаний мы узнаем его название: это авсень, или овсень, усень, таусень, говсень. Был ли это действительно праздник, какая была цель его, или это только соединение нескольких обрядов – решительно отвечать невозможно. Из оставшихся обрядов мы видим ныне *варение каши, засевание зерен, обряд хождения по домам*. Ко всем этим обрядам присоединяются и песни. Наши археологи считали авсень «земледельческим праздником, преобразовательным обрядом обсевания»; отыскивали по обрядам сходство авсеня с колядою. Могло ли быть на самом деле, чтобы зимою на Руси праздновал народ земледельческий праздник? Это предположение ученых останется навсегда без доказательств. Одним только ученым могло взойти в голову, что авсень и коляда указывают «на соединение мифов разноплеменных народов на Руси». Мы уже не говорим о том, что об авсене нет помина ни в летописях, ни в актах; не упоминаем о том, чтобы народ помнил об этом празднике из преданий; скажем только одно: что нет ни одного места в Русской земле, где бы все обряды совершали вместе. В одном месте варят кашу, в другом происходит засевание зерен, в третьем хождение по домам. Есть и обряды, но нет помина об слове «авсень». Кажется, что без песен это слово навсегда могло бы исчезнуть из русского языка. Вот обряды, которые совершаются на Васильев день по разным местам.

1) *Варение каши.* Варение каши совершается до света. Старшая в доме из женщин ровно в два часа утра приносит из амбара круп. Старший из мужчин приносит воды из реки или колодезя. Крупа и вода стоят на столе до тех пор, пока истопится печь; до них никто не касается, иначе это сочтется худым признаком. Когда нужно затирать кашу, все семейство садится за стол, а старшая женщина причитывает, размешивая кашу: «Сеяли, ростили гречу во все лето; уродилась наша греча и крупна, и румяна; звали-позывали нашу гречу во Царьград побывать, на княжой пир пировать; поехала греча во Царьград побывать со князьями, со боярами, с честным овсом, золотым ячменем; ждали гречу, дожидали у каменных врат; встречали гречу князья и бояре, сажали гречу за дубовый стол пир пировать; приехала наша греча к нам гостевать». После сего все встают из-за стола, а хозяйка с поклонами ставит кашу в печь. Потом снова садятся за стол в ожидании каши. Когда поспеет каша, тогда, вынимая горшок из печи, хозяйка говорит: «Милости просим к нам во двор со своим добром». Прежде всего осматривают: полон ли горшок? Нет более несчастия, если каша вылезет из горшка вон. Это явная беда всему дому. Худое предвещает, если треснул горшок. Потом снимают ножом пенку: каша красная, полная, предвещает счастие всему дому, будущий урожай и талантливую дочь. Каша мелкая, белая, угрожает бедами. Завтрак из каши оканчивает добрые предвестия: при худых признаках кашу выбрасывают в реку.

2) *Засевание зерен* – отправляется в Великоруссии и Малоруссии с различными обрядами.

В селениях Тульской губернии совершают обряд засевания без песен, с одними приговорками. Дети, рассыпая зерна ярового хлеба, говорят: «Уроди, боже, всякого жита по закрому, что по закрому, да по великому, а и стало бы жита на весь мир крещеный». Старшая женщина в доме сбирает на полу зерны и хранит до посева.

В Малоруссии обряд засевания совершается с приговорками и песнями. Там дети поселян, перед обеднею, ходи-

ли по домам сеять из рукава, другие из мешка разные семена. В это время они певали особенную засевальную песню:

Ходит Илья
На Василья,
Носит пугу
Житяную.
Де замахне –
Жито росте,
Житу пшеницю
Всяку пашницю.
У поле ядро,
А в доме добро.

Другие при засевании зерен говорят: «На счастье, на здоровье, на новое лето, роди, боже, жито, пшеницю и всякую пашницю». Вероятно, что эта приговорка составилась из засевальной песни. Тождество слов доказывает это очевидно.

3) *Обряд хождения* по домам мне известен только в двух губерниях, Костромской и Рязанской.

В Костромской губернии для Васильева вечера варят свиные ноги. Там поселяне ходят в этот вечер под окна, сбирать пироги и свиные ноги, приговаривая: «Свинку да боровка выдай для Васильева вечерка». В Рязанской губернии ходят толпами под окна просить пирогов. Впереди всех идет девица, называемая маханоскою; она-то несет кошель для пирожного сбора; она-то предводит толпу и распоряжает дележом сбора. Подходя к окнам, толпа причитывает: «Кишку да ножки в верхнее окошко».

В великорусских губерниях наблюдательные старики и старушки говорят, что «на Васильев вечер день прибывает на куричий шаг».

В Тульской губернии есть предание, что на Васильев вечер ведьмы скрадывают месяц из опасения, чтобы он не освещал их ночных прогулок с нечистыми духами (см. подробности сего верования в демонологии).

2 января. *Святочные гадания. – Почетные проводы гостей. – Предосторожности. – Смывание.*

Старые люди в Тульской губернии считают весьма важным делом окуривать курники смолою с девясилом; эта предосторожность, как они думают, спасает кур от лихого домового. Обряд совершается старшею женщиною в доме, скрытно от всех, на рассвете. Иначе предосторожность будет без успеха.

Старушки, известные на Руси под именем *бабушек-повитушек,* справляют в этот день *смывание лихоманок*. Обряд и верование заключается в следующем.

В селах думают, что лихоманки выгоняются из ада морозом, ищут пристанища по теплым избам, где уже всегда есть люди виноватые. А лихоманки только и знают, что искать людей виноватых; а если уже и сыщут виноватого, то сумеют и потрясть, и познобить. Ведь на то она и лихоманка. Бабушки-повитушки уверяют заподлинно, что они видали их сами и знают их в лицо. Послушайте их, и они вам расскажут, что за штуки лихоманки. От них только вы узнаете, что наши лихоманки бывают тощие, слепые, безрукие, уроды такие, что хуже смерти; не умеют ни войти в избу, ни отворить дверей; если голодны, то смирны и пошлы до того, что как сироточки стоят, пригорюнясь у притолоки, выжидая, не выйдет ли кто из виноватых. Заботливые бабушки, спасая людей от лихоманок, ходят по домам смывать притолоки. Все это делается потихоньку от мужчин. Зоркий глаз старика здесь считается опасным, а молодым нет доверия. Рано, на заре, бабушка является, по приглашению, во двор. С нею всегда есть запас: четверговая соль, зола из семи печей, земляной уголь, выкапываемый на Иванов день из-под чернобыльника. Старшая женщина в доме встречает бабушку у ворот с хлебом-солью, с низким поклоном, с ласковым словом «добро пожаловать». Не входя в избу, бабушка начинает обмывать своим снадобьем притолок, а после вытирает чистым полотенцем. Подарки и угощения оканчивают обряд смывания. После сего уже на целый год остаются спокой-

ными от посещения лихоманок. Если случится с кем-нибудь беда, то уже за верное полагают, что она была напущена в чужом доме по ненависти злых людей.

Святочные гадания продолжаются и в этот день. Богатых девиц провожают подруги со всем почетом, пред вечером, до ворот. Мать богатой девицы должна у ворот, при прощании, приглашать подруг взойти в дом; девицы должны выискивать причины, что они теперь не могут быть по разным делам. Это так исстари ведется, хотя бы были самые близкие родные.

3 января. *Святочные гаданья. – Предосторожности. – Отчитывания*

Между поселянами Калужской и Тульской губерний есть поверье, что в этот день голодные ведьмы, возвращаясь с гулянья, задаивают коров. Поселяне, для избежания от такой беды, привязывают над воротами сальную свечу. Говорят, что будто в старину те только и были счастливы, которые принимали такие предосторожности. Это поверье существует и в Белоруссии.

В народных поверьях есть предание, что только в этот день можно образумить *каженника*. Мои добрые земляки знают и часто встречают каженников с сожалением и боязнью. Они не то, чтобы их боялись, а так, просто, робеют только; видишь, им страшно смотреть на них. Ведь все человеки.

Раздумается, и страшно станет глядеть на человека. Кажись бы, и беда не велика: всего-то навсего, летом, в лесу обошли лешие. И тот же человек, да не тот; а посмотришь поближе, так он и вышел каженник. Всякий знает, что каженник такой же человек, как и все мы грешные; он и видит и слышит, как и все добрые люди. Все это издали только. Подойдите поближе, и тотчас будет видно всякому, что каженник не то делает, что видит, и не то говорит, что слышит. Задумает ли он что делать, все выходит наоборот. Смотришь: начинает делать по-умному, а к концу уж верно сведет дельцо, хоть брось. Попробуйте заговорить с каженником, то что твой грамот-

ный: так слова рекой и льются. Зато уж и не гневайтесь после, что в его речи нет ни смыслу, ни толку. Ведь за то-то и зовут его каженником. Одного только не знают: отчего каженнику не мил белый свет? отчего он не дорожит своею жизнью? Жить или не жить – ему все равно. Нет ни тоски, ни кручины, а горюет обо всем.

Живет между родными; есть, как и у добрых людей, жена и дети; водится всякое добро больше другого, – а для каженника хоть ничего не будь. Тужит обо всем горемычной сиротой. Знахари открыли тайну, как навести каженника на добрый путь, как научить его уму-разуму. Призванные исцелять каженника, они надевают белую рубашку навыворот, сажают его семь зорь подле вереи, под ветер, поят травяной росой, окачивают водой из нагорного студенца. Знахарь, как знахарь, и отчитывает каженника от лихости и болести, и отыскивает виноватого по приметам между родными и чужими, и сулит здоровье и долголетие, и обирает подарки. Попробуйте прислушаться к заговорам знахаря: говорит он, как и все мы русские говорим; а что он говорит, никто еще из поселян не успел понять. В деревнях правду говорят, на то он и знахарь, чтобы его никто не понял. Мне случалось видеть каженников: это были люди, одержимые меланхолиею.

4 января. *Последние святочные гадания. – Приметы. – Чертополох*

Любопытные девицы, желая испытать действие своих гаданий, выходят вечером на двор примечать звезды. Если увидят, что Сажары будут у них с правой руки, то остаются уверенными, что гадания сбудутся. В таком случае старшая и почетная девушка, всегда дочь богатых родителей, выходит вперед с пирогом, а другие, увиваясь вокруг ее, скороговоркою причитывают:

Ай, звезды, звезды,
Звездочки!

Все вы, звезды,
Одной матушки,
Белорумяны вы
И дородливы.
Засылайте сватей
По миру крещеному;
Состряпайте свадебку
Для мира крещеного,
Для пира гостиного,
Для красной девицы,
Свет родимой
Анны Ивановны.

Когда же заметят, что впереди будут *Девичьи зори* (линия звезд по Млечному Пути), тогда с горем отходят в покои. По преданиям и рассказам, старушки заверяют, что Девичьи зори предвещают еще год девичьей жизни. Отчаяние и грусть девушек, что все гадания были совершены напрасно, – невыразимы.

Уважение нашего народа к *чертополоху* основано на разных поверьях. Старушки говорят, что он и врачует болезни, и утоляет девичьи зазнобы, и отгоняет бесов, и сохраняет в целости домашний скот. Его везде берегут, к нему все имеют доверие. Чертополох, принесенный на север с киевских полей, имеет много чудесного и загадочного. Его приносят женщины-переходницы. Не они ли занесли к нам, на север, и разные поверия? Чего доброго, народ смышленый. С незапамятных времен ведется поверие, что если кто хочет быть цел в дороге, тот запасайся для этого *вощанками*, в которых сварен был чертополох. В великорусских губерниях промышляют вощанками старушки-переходницы, исходившие все пути и дорожки от Москвы-реки до Иордана. Для совершения обряда чертополох предварительно кладется на семь дней и ночей под подушку. Его не должен никто ни видеть, ни трогать. На восьмую ночь, последнюю на святках, при-

носят чертополох к старушке-переходнице. Она варит его, с особенными обрядами, с воском и ладоном. Вываренная вощанка зашивается в ладонку.

5 января. *Крещенский вечер. – Звезды. – Колыхание воды в полночь. – Крещенский снег*

Снег – великое дело для русской земли: он на все пригоден русскому человеку. Уважение к нему в деревнях иногда переходит даже в большие странности. Об нем есть особенное поверие (миф), предания, обряды и обычаи. Обо всем этом будет сказано в своем месте.

В деревнях, под Крещение, старушки сбирают снег с стогов с полною уверенностью, что только он один может выбелить всякую холстину, чего так не сделают солнце и зола.

Снег, собранный в крещенский вечер, говорят поселяне, может сохранить в колодцах воду во весь год. Стоит только с поля принесть снега, опустить его в колодезь, и тогда от него будет спорина и подспорье во весь год, хотя бы во все лето не было ни одной капли дождя.

Снегом, собранным в крещенский вечер, поселяне исцеляют недуги – онемение в ногах, головокружение, судороги.

В Тульской губернии есть поверье, что в этот день где бы ни показался огненный змей, везде найдет свою погибель. Известно всем и каждому на Руси, что такое за диво огненный змей. Все знают, зачем он и куда летает; но вслух об этом никто не решается говорить. Огненный змей не свой брат; у него нет пощады: верная смерть от одного удара. Да и чего ждать от нечистой силы! Казалось бы, что ему незачем летать к красным девицам; но поселяне знают, зачем он летает, и говорят, что если огненный змей полюбит девицу, то ее зазноба неисцелима вовек. Такой зазнобы ни отчитать, ни заговорить, ни отпоить никто не берется. Всякий видит, как огненный змей летает по воздуху и горит огнем неугасимым, а не всякий знает, что он, как скоро спустится в трубу, то очутится в избе молодцом несказанной красоты. Не любя,

полюбишь, не хваля, похвалишь, говорят старушки, когда завидит девица такого молодца. Умеет оморочить он, злодей, душу красной девицы приветами; усладит он, губитель, речью лебединого молоду молодицу; заиграет он, безжалостный, ретивым сердцем девичьим; затомит он, ненасытный, ненаглядную в горючих объятиях; растопит он, варвар, уста алые на меду, на сахаре. От его поцелуев горит красна девица румяной зарей; от его приветов цветет красна девица красным солнышком. Без змея красна девица сидит во тоске, во кручине; без него она не глядит на божий свет; без него она сушит, сушит себя. Посудите же, добрые люди, какое горе для семьи – гость огненный змей! Неизвестно, когда и кем открыто средство – как погубить змея. Пред тем часом, как быть змею, насыпают на загнетку снегу, собранного в крещенский вечер. Говорят, что змей, когда будет опускаться в трубу, погибает от него навсегда.

В степных селениях Тульской губернии старики замечают, что если в крещенский вечер звезды блестят и горят, то предрекают плодородие ягнят. Тогда они говорят: «Ярки звезды породят белые ярки».

6 января. *Водокрещи. – Крещенские морозы. – Встречи. – Предсказание*

Водокрещи – слово старое, осталось только между поселянами Московской, Тульской, Орловской и Киевской губерний. Сим словом они выражают: 1) *Время*. «От оспожинок до водокрещей минуло. – От водокрещей до Евдокей пройдет семь недель с половиной». 2) *Праздник* – когда совершается на реках св. водосвящение.

Крещенские морозы, известные своею жестокостью, по преданию поселян, предвещают плодородие. Киевляне, говоря о сих морозах, прибавляют: «Трещи не трещи, а минули водокрещи».

В великорусских губерниях девушки пекут пироги и выходят с ними, вечером, окликать суженого. Возраст, вид, голос,

имя, платье и разговорчивость – представляют им данные угадывать будущего суженого.

Старики примечают, что если в этот день будет метель, то то же самое будет и на масленице.

8 января. *Приметы. – Обычай*

В Тульской губернии старики примечают, что если в этот день будут сильные ветры от Киева – с юга, то будет лето грозное. Тогда говорят они: «Коли на Амельяна подует с Киева, то быть лету грозному».

В степных местах принято в обычай на этот день угощать кума с кумой. Поселяне думают, что угощение кума с кумою приносит здоровье детям. Кум и кума, приходя в званый дом, приносят в подарок: *брусок мыла* и *полотенце* и, вручая его, говорят: «Вот тебе, кума, мыльцо да белое белильцо для крестника».

10 января. *Приметы*

В Тульской губернии поселяне выходят смотреть на сенные стога и хлебные скирды, и если заметят, что на них есть *иней*, то предрекают, что лето будет сырое и мокрое.

16 января. *Приметы*

Поселяне Костромской губернии на день *Петра Полукорма* выходят осматривать сенники и амбары. В сенниках, осматривая сено и солому, замечают, сколько вышло корму для скотины и сколько его осталось до весны. Поселяне думают, что от этого дня ровно остается половина зимнего корма. Излишний остаток житного хлеба в амбарах предвещает плодородие.

В Псковской губернии поселяне, снаряжая для продажи лен, говорят: «Коли есть метла да костра, то будет хлеба до Петра, а синец и звонец доведут хлебу конец». В этом выражении поселян заключаются свои приметы: метла, или метлина, и ко-

стрика, как предметы малоценные в льняной торговле, не обещают больших барышей и что вырученные деньги от такого льна достаточны только будут на покупку хлеба до дня Петра Полукорма. Лен синий (синец) и издающий звук при трепании (звонец) обещает худой торг, житье голодное и бесхлебное.

18 января. *Афанасьевские морозы. – Изгнание ведьм*

По приметам поселян, на день *Афанасия Ломоноса* всегда бывают сильные морозы. Обозники и ямщики, отправляющиеся из степных мест в Москву, часто подвергаются отмораживанию лица. Другие, глядя на них, говорят: «На Афанасья береги нос».

Верование поселян наших в ведьм есть явление незапамятное и так глубоко укоренилось, что никакие убеждения не в состоянии поколебать его. Там, где пронеслась молва, что завелась ведьма, все соседи в страхе, все ищут избавления. Знахари и колдуны являются к услугам, с обещаниями изгнать и уничтожить ведьм. Избавителей принимают с радостью, с подарками. Знахарь или колдун является ночью; одни только старшие в доме знают о его прибытии. Ровно в полночь он начинает заговаривать трубы – обыкновенный путь ведьм, – забивает клинья под князек, сыплет семипечную золу по загнетке и, наконец, отправляется на край селения, где снова, у изгородья, повторяются те же проказы. По рассказам поселян известно, что ведьмы, желая нанести кому-нибудь вред, влетают в трубу; но как скоро будет труба заговорена, то весь дом и двор уже свободны от ее проказ. Ведьмы, отлетая вдаль, всегда летят прежде на юг, по направлению к Лысой горе, а возвращаются на запад. Западное изгородье заговаривают знахари. Ведьма, подлетая к очарованному изгородью, с досады или убивает себя, или отлетает в другое место. Есть из знахарей такие доки, которые умеют пересадить ведьму за тридевять земель; но такие знахари редки, и труды их оцениваются большими издержками – коровою или лошадью. Знахари уверили поселян, что только на

афанасьевские морозы можно изгонять ведьм; всякое другое время неудобно. Будто в эти дни ведьмы летают на шабаш и там теряют память от излишнего веселья.

20 января. *Приметы*

Если в этот день будет метель, то поселяне замечают, что и вся Масленица будет метельная. В этом случае они говорят: «Помело метлой, на масленицу; приедет осударыня Масленица метельная».

Если же в полдень будет ясное солнце, то примечают, что весна будет ранняя.

22 января. *Тимофеевские морозы. Полузимники*

Сильные морозы, выдаваемые в этот день, получили название Тимофеевских, по дню, празднуемому в этот день Св. Тимофею. Поселяне говорят: «Подожди Тимофеевских морозов – каков на дворе мороз, слышь, Тимофеевской!

В селениях Тульской губернии говорят, что на этот день ровно приходится половина зимы. Тогда говорят они: «Вот и пришли полузимники!» Другие же говорят: «Ползимы стане на Тимофея полузимника».

24 января. *Приметы*

В этот день замечают цены разным хлебам. Если цены на хлеб повышаются, то поселяне уверены, что будущий урожай будет скудный и на хлеб дороговизна; если же цены на хлеб понижаются, то они замечают из этого будущий урожай с избытком. Наблюдательные старики говорят: «Коли до Аксиньи-полухлебницы жита хватит, то до новин станет половина, а до корма треть».

По замечаниям стариков, в северных губерниях на этот день приходится ровно половина зимы. Тогда они говорят: «Вот-те Аксиньи полузимницы».

На Ваге, Шенкурске, Вельске замечают, что если в этот день будет хорошая погода, то говорят, что будет и весна красная.

28 января. *Кудесы*

В селениях Тульской губернии есть поверье, что в этот день если хозяйка не оставит на ночь гостинца для *домового*, то будто он из *доброго* превращается в *лихого*. С этой переменой во дворе и избе все пойдет наизворот: спорина пропадает, скот худеет и чахнет, люди заболевают, беды летят со всех сторон. Суеверные люди твердо уверены, что болезни и несчастья, появляющиеся с этого дня, происходят от лихого домового. Колдуны и знахари, обольщающие поселян, уверили простодушных, что домового можно унять кудесами; а чтобы его всегда держать в смирении, то нужно ставить на ночь гостинцы.

Поселяне, для смирения домового, после ужина оставляют на загнетке горшок каши, обкладывая его вокруг горячими угольями. Будто ровно в полночь домовой выходит из-под печи и ужинает. С той поры он целый год бывает смирен и услужлив.

Кудесы, унимающие лихого домового, заключаются в следующем: колдун, призванный во двор, ровно в полночь зарезывает петуха, выпускает кровь на голик. Этим-то голиком выметает все углы в избе и во дворе, вместе с причитанием разных заговоров. Все это совершается до пения последних петухов. Колдун получает подарки за свои кудесы, а хозяева остаются с уверенностью, что домовой смирится.

Месяц февраль

Слово: *февраль*, или *февруарий* – не русское; оно зашло к нашим отцам также из Византии. Коренные славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки* называли его: сеченъ (по тексту харатейного Вологодского Евангелия) и снежен (по тексту Полотского Евангелия); *малоруссы* и *поляки*:

лютый, *иллирийцы*: вельяча, *кроаты*: свечен и сечен, *карниольцы*: свичан, *венды*: свечник, сечан, друиник, т. е. второй, *сорабы*: свечковний, *чехи* и *словаки*: унор. Название *февраль* в старинных святцах встречается с половины XI века. Поселяне доселе его называют: бокогрей, основываясь на том, что скотина выходит в феврале из хлевов обогревать бока. В наших летописях его называли: свадебным, от зимних свадеб, совершаемых от дня Богоявления до масленицы. Это название доселе удержалось между поселянами Костромской губернии. По новому счету русской годовщины февраль считается вторым, по-старому, когда год считали с марта, он был двенадцатым, а когда с сентября, он был шестым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В ФЕВРАЛЕ МЕСЯЦЕ

1 февраля. *Заклинание. – Приметы*

Есть старое предание у поселян Калужской и Московской губерний, что только на этот день можно заклинать губителей скирдов и стогов – мышей. По их верованию, заклятие не только может сгубить мышей, но и совсем искоренить их из селения. Призванный знахарь вынимает из средины скирда по снопу, со всех четырех сторон, из стогов берет по клоку сена. Все это сносится в печь, зажигается раскаленною кочергою. Зола, оставшаяся от сожжения соломы и сена, всыпается в те места, откуда были вынуты снопы и сено. Знахарь во все время читает заговоры и громко произносит заклятия. Знахаря сопровождает во всех проделках хозяин с хозяйкою с хлебом-солью и чистым полотенцем. Возвращаясь с гумна, знахаря угощают и отдаривают. Для образца мы приводим здесь заклятие знахаря:

«Как железо на воде тонет, так и вам, гадам, сгинуть в преисподнюю, в смолу кипучую, в ад кромешный. Не жить вам на белом свете, не видать вам травы муравой, не топтать вам росы медяной, не есть вам белоярой пшеницы, не таскать вам золотого ячменя, не грызть вам полнотелой ржи, не та-

скать вам пахнучего сена. Заклинаю вас, мышей, моим крепким словом на веки веков. Слово мое ничем же порушится».

Старики примечают в этот вечер: если покажется на небе много звезд, то уверяют, что зима еще долго продолжится и весна будет поздняя.

2 февраля. *Сретенские морозы. – Приметы. – Предания*

Сретенские морозы в Тульской губернии считаются последними, и после их поселяне не решаются пускаться вдаль на санной езде. Там, по преданию, оттепель, появляющаяся в этот день, предвещает худую и гнилую весну.

Приметы, наблюдаемые поселянами в этот день, бывают различны, смотря по местности.

В Костромской губернии, при появлении оттепели, говорят: «На Сретеньев день от воробья стена мокра». С этим вместе они примечают появление ранней весны.

В Рязанской губернии, при выпадении снега, говорят: «На Сретенье снежок, пригонит на весну дожжок». Если появится метель, то говорят: «Коли на Сретенье метель дорогу перемечет, то корма-т подберет». С этой приметою у них соединяется понятие о поздней осени, недостатке корма.

В Тульской и Рязанской губерниях есть поверье, что с этого дня в первый раз появляется весенняя теплота. Для этого у них есть поговорка: «На Сретенье зима с летом встретилась».

В Тульской губернии, когда середь дня появится солнце, говорят: «Солнце идет на лето, а зима на мороз».

В Каширском уезде есть предание о погибшем семействе, предпринявшем в этот день поездку вдаль, за рыбою, к масленице.

Жил когда-то, говорят они, старик с семьею сытно и богато. Всего было у него много и во всем ему была спорина. Наградил его господь детками умными и таланливыми. Чего сам старик не додумает, то детки домыслят, а чего детки не сумеют, то отец научит. Поженил старик всех детей на один день, а пожениви, задумал напоить, накормить всех сватов и сватей,

а корм для них порядил на широкой масленице. Вот и вздумал старик на промысел: съездить вдаль за рыбою, заработать копейку и гостей удоволить. Старик все сбирался, ждал пути и дороги; глядь-поглядь и – Сретенье на дворе, а там и Масленица на носу. И собрался старик всей семьей, оприч баб и ребят, а на поезд снарядил семь подвод. Как прочуяли бабы про наряд за рыбою, так и невесть что вышло. И повоют и поплачут бабы вокруг мужей: не тут-то было. Задумали бабы и свои хитрости: и сны-то им недобрые виделись, и тоска-то на них не к добру нападала, и домовой-то их к худу давил. Известно, бабье дело: не спорь с ними. Нет-таки, старик не слушает их. Поеду-таки, поеду за рыбою, накормлю об масленице сватов и сватей, говорит он им. Ведь не что сделаешь с мужиком: упрям живет и отродясь не слушает. Как на беду, на самое Сретенье началась оттепель. Взвыли бабы пуще прежнего от лихой приметы: «Погляди-ко, родимый, на двор: какая стала оттепель? Ведь морозы-то минули; подуло с весны». Не бывать добру, не видать мужей, голосят бабы. Старик-таки все думает: поеду да поеду. Вот и поехал старик за рыбою на семи подводах, а на тех подводах посажал сыновей, да и сам сел. Ждут бабы своих мужей неделю, а об них и слуху нет; ждут и другую, и никто вести не кажет. Вот и пестрая неделя наступила, а родимых все нет. Подошли и заговины, а с ними и слухи пошли: вот там-то мужик утонул, а там-то двух мужиков замертво нашли. Воют бабы пуще прежнего. Кому Масленица, а бабам великий пост. И прослышали бабы о беде: на Волге, де, их мужья на льду подломились с подводами. Никто-то не спасся. Вестимо дело, у того и беда на носу висит, кто не чтет примет да не слушает старых людей. А и на что было старику ехать на Сретенье, коли на дворе оттепель? Не слушался, так и поминай как звали. Сиротство-то, сиротство какое оставил!

3 февраля. *Починки. – Поверье*

В селениях Тульской губернии, после сретенской оттепели, рачительные хозяева начинают починивать летнюю

сбрую, ездовую и пахатную. С ранней зари, помолясь всей семьей, выходят в сараи и занимаются работой. Для *починок* варится в этот день семейная саломата, дорогое и лакомое кушанье поселян. Тогда-то говорят поселяне: «Приехала саломата на двор, расчинай починки».

В селениях Владимирской губернии есть поверье, что в этот день лихой домовой, ночью, заезжает лошадей. В отвращение зла поселяне, по чьим-то советам, придумали привязывать на шею лошадям кнут и онучи. Все это делается для того, будто домовой тогда не смеет дотронуться до лошади, воображая, что на ней сидит сам хозяин.

5 февраля. *Поверье. – Трубы*

В селениях Нижегородской губернии есть поверье, что на этот день пробегает по селам заморенная *коровья смерть*. Поселяне наши чуму рогатого скота олицетворяли мифом и разными сказаниями. Коровья смерть является людям в виде старой, отвратительной женщины. Это не то, что старая ведьма с хвостом; у коровьей смерти есть своя примета: «руки с граблями». Она сама никогда в село не заходит, а всегда мужики завозят ее с собой. Зато уж как заберется куда эта дорогая гостья, то досыта натешится: переморит всех коров, изведет все племя до конца. Коровья смерть появляется более в конце или в начале осени. Наши поселяне твердо уверены, что одно только *опахиванье*, совершенное с таинственным обрядом, изгоняет коровью смерть. От этого обряда она скрывается по лесам и болотам до тех пор, пока скотина выйдет на солнце обогревать бока. Тогда она, чахлая и заморенная, бегает по селам и с горя скрывается в степи, если не успеет пробраться в хлевы. Робкие поселяне тогда запирают свои хлевы, а дальновидные и опытные убирают хлевы лаптями, обмоченными в деготь, с уверенностью, что такие лапти отгоняют от скота заморенную коровью смерть.

В зажиточных селениях, где печи построены с трубами, происходят в этот день большие хлопоты. С вечера закрыва-

ют трубы крепко-накрепко, замазывают глиною, на загнетках покуривают чертополохом; никто не спит ночью, от малого до большого. И все эти хлопоты для того, что будто в этот день вылетают из ада нечистые духи в виде птиц и заглядывают в трубы. Где оплошают, не примут предосторожностей, там уж наверно поселятся нечистые. Выживай тогда их, отыскивай знахарей. Сколько хлопот и забот с ними. Все лучше, как заранее примешь меры, и после живи, не тужи. Вот если уж куда заберется нечистый, так весь дом поднимет вверх дном. Все перебьет и переколотит; ничего не останется на месте. Хозяева беги вон, если хотят быть живыми. Достается и соседям, и прохожим. Такие беды бывали в старину и в городах. Спросите только, и вам, как по пальцам, расскажут, когда и где это было на самом деле.

6 февраля. *Жуколы*

Жуколами поселяне Костромской губернии называют коров и телят, рождающихся в феврале месяце. Там есть поговорка: «На день святого Вукола – телятся жуколы».

11 февраля. *Власьевские морозы. – Волос. – Опахивание*

Власьевские морозы в Костромской губернии считаются последними. Напротив того, в Тульской губернии эти же самые морозы называются в числе *семи крутых утренников*. От этого самого там говорят: «Власьевские утренники подошли, держи ухо востро!» Счет утренникам наблюдают там: «Три до Власия, да три после Власия, а седьмой на день Власия». Во многих местах о последних власьевских морозах сохранилась народная поговорка: «Власий, сшиби рог с зимы».

Набожные наши поселяне в этот день служат молебны св. мученику Власию и молят его о покровительстве и защите домашнего скота, особливо коров. Во имя его прихожане устраивали в старину приделы и часовни. Прасолы, торгующие скотом, в Зарайске и других городах, перед началом своего торга

служат молебны св. Власию. В Вельском уезде Вологодской губернии, в Ракульском погосте находится древняя церковь, выстроенная в лесу, во имя св. Власия. Сюда съезжаются поселяне для молитвы св. угоднику. Поселянки приносят в храм коровье масло и кладут его пред образом святого угодника. Это масло называется в Вельском, Череповецком и Белозерском уездах: *воложным*. По окончании обедни приходский священник служит общий молебен, а потом, по усердию молебщиков, и частные. В Шенкурском уезде молебствие совершается в субботу перед св. Пятидесятницею. Тогда к церквам приводят коров для окропления св. водою. То же самое отправляют и во время скотского падежа.

В языческой жизни наших отцов было поклонение Волосу, или Велесу, истукану *скотия бога*, находившемуся в числе киевских божеств. Имя его известно нам еще по договорам русских с Царьградом. Так, в договоре Святослава с греками сказано: «Да имеем клятву от бога, в его же веруем, в Перуна и Волоса, скотья бога». По стародавнему *закону наших* отцов видим, что верование в Волоса, распространенное от Киева до Новгорода и Ростова, позднее всех прекратилось. Св. Авраамий Ростовский сокрушил идола Велеса в Ростове уже в XII столетии. Между тем как в Киеве он прекращен был великим Владимиром: «Волоса, его же нменоваху скотья бога, повеле в Почайну реку врещи» (Макарьевская великая Минея рукописная). Наши стародавние поэты, по словам певца Игорева Слова, считались *Велесовыми внуками*. Имя Велеса сохранялось долго в народных памятниках. В Новгороде была *Волосова улица*. В Переяславле-Залесском, при царе Василии Иоанновиче Шуйском, находился *Волосов камень* (житие Иринарха Ростовского в рукописи). В южной России, по рассказам отца Сабинина, перед жнитвою старухи *завивали бороду Волосу* (Журн. мин. народ. просв. 1837, № 11). Собрав горсть колосьев, не вырывая жито из корня, они завивали их между собою и завязывали в узел. Борода Волосова жницами оставлялась неприкосновенною. Верование в Волоса существовало и между другими славянскими племенами. Имя его

известно у иллирийских славян. В Богемии есть гора Велес; на Вардаре есть урочище Велес; в Кроации находятся места: *Велешевец, Велешковец, Велетня*. На латинском языке Велес означает тени усопших, приходящих к живым. И у нас на Руси есть созвучные сему слову места: *Волотя*, деревня близ Тулы, *Волотово поле* под Новгородом, *Вольсница* река. Много существует мнений о происхождении Волоса, но ни одно из них не выражает настоящего значения. Одни отыскивают его в скандинавской мифологии, в словах Vali-ass, Val-ass, и полагают, что этот Вал-асс, покровительствовавший земледелию и скотоводству, есть славянский Волос. Другие отыскивают его в языческом празднике мордвы: *Вел-Оск*, предполагая, что нынешняя мордва, как потомки ростовской мери, переселившейся за Оку, могла сохранить предание о Волосе. Оба эти мнения можно только считать удачными предположениями ученых людей, и никак не более. Третьи производили Волоса от ассирийского Ваала и приписывали ему значение: *бога земных тварей.* Само собою разумеется, что это мнение навсегда будет бесполезным для славянской мифологии. Страннее всего, что никто до сих пор не хотел отличать киевского Волоса от ростовского. В Киеве жили славяне и могли веровать Волосу по-своему. Около Ростова жили мери и могли веровать также по-своему.

Народный обряд *опахивания* принадлежит к остаткам древнего языческого верования наших отцов. Поселяне отправляют его для прекращения *коровьей смерти*. Пораженные ужасными бедствиями, они, после мирского совещания, решаются опахивать землю. Мужья, изъявив свое согласие, предоставляют этот обряд своим женам. *Повещалка*, женщина старая, опытная в подобных проделках, с раннего утра повещает по всем домам: *пора, де, унять лихость коровью.* Входя в избу, она сзывает к себе женщин и открывает им на совете задуманное предприятие. Согласие всегда бывает готово, а уверенность в обряде опахивания придает особенную решимость. В знак согласия женщины обмывают руки водой и утирают их ручником, который носит с собой повещалка.

После сего обряда она строго приказывает всему мужскому полу, от мала до велика: «не выходить из избы ради беды великия». Ровно в полночь повещалка, в одной рубахе, выходит к околице и с диким воплем: «*Ай! ай*!» – бьет в сковороду. На этот вызов выходят все женщины с ухватами, кочергами, помелами, косами, серпами и дубинами. Мужчины запирают ворота, загоняют скот в хлева и привязывают собак. Повещалка, сбросив с себя рубаху, со всевозможным неистовством произносит клятвы на *коровью смерть*. В это время другие женщины подвозят соху, надевают на нее хомут и запрягают. С зажженными лучинами начинается троекратное шествие вокруг всего селения. Впереди всех идет с сохою повещалка и проводит *борозду межеводную*, за ней следуют несколько женщин на помелах, в одних рубашках, с распущенными волосами. Сзади их идет толпа, размахивая по воздуху кочергами, косами, серпами, ухватами и дубинами, с полною уверенностью уничтожить сими действиями носящуюся над селениями коровью смерть. Во время шествия они поют следующую песню:

От Океан-моря глубокого,
От лукоморья ли зеленого
Выходили дванадесять дев.
Шли путем, дорогой немалою,
Ко крутым горам, высокиим,
Ко трем старцам, стариим.
Молились, печаловались,
Просили в упрос
Дванадесять дев:
Ой вы, старцы старые!
Ставьте столы белодубовые,
Стелите скатерти браные,
Точите ножи булатные,
Зажигайте котлы кипучие,
Колите, рубите намертво
Всяк живот поднебесной.

И клали велик обет
Дванадесять дев:
Про живот, про смерть,
Про весь род человечь.
Во ту пору старцы старые
Ставят столы белодубовые,
Стелят скатерти браные,
Колят, рубят намертво
Всяк живот поднебесной.
На крутой горе, высокоей,
Кипят котлы кипучие.
Во тех котлах кипучиих
Горит огнем негасимыим
Всяк живот поднебесной.
Вокруг котлов кипучиих
Стоят старцы старые,
Поют старцы старые
Про живот, про смерть,
Про весь род человечь.
Кладут старцы старые
На живот обет велик,
Сулят старцы старые
Всему миру животы долгие;
Как на ту ли злую смерть
Кладут старцы старые
Проклятьице великое.
Сулят старцы старые
Вековечну жизнь
На весь род человечь.

С окончанием сего обряда все женщины расходятся по домам с полною уверенностью, что за обведенную черту вокруг селения не может пробраться коровья смерть. Горе тому животному, которое попадется в это время навстречу неистовым женщинам: его убивают без пощады, предполагая, что в образе его скрывалась *коровья смерть*.

В великорусских и малорусских селениях есть старые предания, что для истребления *коровьей смерти* обрекали на смерть женщину, заподозренную целым миром в злых умыслах. Женщин, обреченных на смерть в великорусских селениях, завязывали в мешок с кошкою и петухом и живых зарывали в землю. Напротив того, малорусы таких женщин топили в озерах и реках. Оба предания едва ли могли когда-нибудь существовать на самом деле.

15 февраля. *Окличка. – Семенное. – Зорнить пряжу*

В Тульской губернии есть предание, что в этот день овчары *должны окликать звезды* для обильного плодородия овец. Заботливые хозяева заранее уговаривают овчаров на сей подвиг. Вечером, когда появятся звезды, выходят оба за околицы и кладут на все четыре стороны по три поклона. Овчар становится на руно и произносит следующие слова: «Засветись, звезда ясная, но поднебесью на радость миру крещеному; загорись огнем негасимым на утеху православным. Ты заглянь, звезда ясная, на двор к рабу такому-то. Ты освети, звезда ясная, огнем негасимым белояровых овец у раба такого-то. Как по поднебесью звездам несть числа, так бы у раба такого-то уродилось овец более того». После сего окликания хозяин приводит овчара к себе в избу, угощает его вином и наделяет подарками.

В селениях Рязанской и Тульской губерний был обычай исстари сбирать в амбарах разные семена, выставлять их на три утренние зори на мороз и потом откладывать их к будущему посеву. Этот обычай, называемый ими *семенное*, производился с надеждою на обильный урожай.

Рукодельные женщины, оканчивая пряжу льна и конопель, отбирали первый моток, лучший из всей пряжи, и в этот день выставляли его на утреннюю зорю, с уверенностью, что вся пряжа будет бела, чиста и крепка. Этот обычай они называют: зорнить пряжу.

20 февраля. *Маньяк. – Приметы*

Исстари ведется на Руси предание, что в этот день не должно смотреть на падающие звезды с неба. Худая примета заляжет на душу того, кто завидит падающую звезду; она предвещает неизбежную смерть ему или кому-нибудь из его семейства. Простодушные, пренебрегающие старыми приметами, увидевши падающую звезду, говорят: «Маньяк полетел». Опытные люди всегда чуждаются таких людей и даже имеют об них худое понятие. Старушки, опытные в житейских делах, замечают, что если кто заболеет на этот день, то или долго проболеет, или наверно умрет. Не довольствуясь этим наблюдением, они кладут под мышки больного по ломтю хлеба и замечают: если к утру хлеб засохнет, то больной непременно умрет.

25 февраля. *Приметы. – Кумаха*

Поселяне замечают, что с этого дня опасно спать вечером. Недальновидным они тогда говорят: «Кто спит под вечер в феврале, тот наспит кумаху».

За великую беду считают наши поселяне, если в этот день сорвется с крючьев дверь избяная. Эта примета всегда предвещает домашнюю беду, или смерть какого-нибудь из домочадцев, или пожар, или мор оспенный.

Кумаха. Так поселяне Костромской губернии называют лихорадку, появляющуюся в конце февраля. Живет кумаха в дремучем лесу, в непокрытой губе; живет она не одна, а с сестрами. Всех сестер счетом двенадцать. Ростом и дородством сестра в сестру. Что взглянешь на одну, то увидишь и на другой. Нет примет, почему спознать сестру от сестры. Над всеми над ними есть набольшая – старшая сестра; она-то посылает своих сестер в мир – людей знобить, грешное тело мучить, белы кости крушить. Поселяне открыли против кумахи удивительное средство: страждущие кумахою выходят

на то место, где будто поселилась в них кумаха, обсыпают вокруг себя ячневою крупою и, раскланиваясь на все стороны, говорят: «Прости, сторона, мать сыра-земля! вот тебе крупиц на кашу, вот и тебе, кумаха!» Снова раскланиваются на все стороны и идут домой с уверенностью, что они непременно будут здоровы. В Тульской губернии поселяне уверены твердо, что 25 февраля она не смеет нападать на людей: в этот день, де, стережет кумаху домовой.

28 февраля. *Капельник. – Овечья одышка*

С этого дня, по замечаниям поселян, будто начинает таять снег на крышах. Поселяне, обрадованные появлением солнечной теплоты, говорят: «Посмотри на Васильев день, на капельники, и капель пойдет».

Дети, страждущие водяною болезнью, имеют опухлый живот и вместе с тем неизбежно получают тяжелое дыхание. Поселяне, глядя на них, говорят: «Беда нашла на ребят: растут в брюхо». Эту болезнь они называют: *овечьею одышкою*. Детей, страждущих этою болезнью зимою, они придумали 28 февраля избавлять следующим средством: больное дитя, окутав в овчинный тулуп, мать кладет подле порога, а отец в это время загоняет овец в избу, и потом опять из избы. Простодушные поселяне думают, что овцы, переходя через больное дитя, уносят с собою детскую болезнь.

29 февраля. *Опасения*

Исстари заведено на Руси считать високосный год опасным и приписывать ему многие небывалые беды. 29 число февраля високосного года, по их замечанию, есть самый бедственный день для всех возможных несчастий. Тогда будто и скот падает, и дерева засыхают, и повальные болезни появляются, и семейные раздоры заводятся. Из благоговения к нашей религии, мы умалчиваем о суеверных приметах нашего народа; предаем забвению и самую легенду.

Месяц март

Слово: *март* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки* называли его: сухый, сухий, *малорусы*: березозол, *чехи* и *словаки*: бржезень, *поляки*: марзец, *сорабы*: позимский, *карниольцы*, *венды* и *кроаты*: сушец, третник, грегурчак.

С марта месяца начиналось русское пролетие (слово, вышедшее ныне из книжного употребления). Чехи первый день марта называют доселе: *летчицы;* а наши простолюдины: *новичок*. В старой русской жизни март считался первым месяцем в году, и этот счет изменился только в княжение В. К. Василия Димитриевича, в начале XV столетия. Когда год начали считать с сентября, март был уже седьмым. С 1700 года он приходится по счету уже третьим.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В МАРТЕ МЕСЯЦЕ

1 марта. *Наблюдения. – Окличка весны. – Плюшниха. – Сроки. – Снег*

С Евдокей в стоячь собаку заносит снегом. – Откуда на Евдокей повеет ветер, оттуль он подует весной и летом. – Коли на Евдокей новичок с дождем, то быть лету мокрому. – На Евдокей погожо, все лето пригожо. – И март на нос садится, коли на Евдокей мороз прилунится. – Ни в марте воды, ни в апреле травы. – Февраль воду подпущает, а март подбирает.

Поселяне замечают, что со дня Евдокии начинают ветры дуть и *свистать*. Тогда они говорят: «Вот те на! приехала *свистунья*».

В селениях Смоленской губернии в день св. Евдокии *кличут весну*. Женщины, девицы и дети взлезают на кровли амбаров или на пригорки и поют:

Весна красна!
Что ты нам принесла?
Красное летичко.

Плюшниха, плюшки. Так поселяне называют черты, разделяющие лед и снег на клочки – плюшки. Эти плюшки появляются после оттепели. Солнце, пригревая снег, образует ручьи, которые в мартовские утренники, замерзая, оставляют на снегу и льду особенные черты. Тогда старики говорят: «Плюшниха провела плюшки». И иных местах мне случилось слышать, что старушки, припоминая какое-нибудь событие, говорили: «А то было на плюшнихи».

Первым числом марта оканчиваются у наших поселян сроки зимним наймам. С марта начинаются наймы весенние. При новых сроках они говорят: «С Евдокей до Егорья» или «С Евдокей по Петров день, по Аспасов день».

У русских гусятников с первого марта начинаются совещания о гусиной охоте и о назначении дней, когда спущать гусей на бой.

Наш народ думает, что с первого марта снег получает особенную целительную силу. Для больных собирают снег с пригорков и поят их снеговой водой от разных недугов.

4 марта. *Грачевники. – Кикиморы*

По наблюдениям поселян известно, что в этот день прилетают с *теплых стран* на русскую землю *грачи*, первые весенние птицы. Опытные люди замечают, что если грачи прилетят прямо на гнездо, то *весна будет дружная*.

Наши поселяне уверены, что на грачевники кикиморы делаются смирными и ручными и что только в этот день можно их уничтожать. Верование в кикимор нашего народа началось с незапамятных времен и принадлежит к особенному мифу русской демонологии. По понятиям нашего народа, кикиморы представляют собою миф чисто физический, особенный род духов, населяющих воздух, ужасных для семейной жизни, невидимых и мстительных. **Вот рассказы нашего народа о происхождении кикимор.**

«Живет на белом свете нечистая сила сама по себе; ни с кем-то она, проклятая, не роднится; нет у ней ни родного бра-

та, ни родной сестры; нет у ней ни родимого отца, ни родимой матери; нет у ней ни двора, ни поля, а пробивается, бездомовая, где день, где ночь. Без привету, без радости глядит она, нечистая, на добрых людей: все бы ей губить да крушить, все бы ей на зло идти, все бы миром мутить. Есть между ними молодые молодцы, зазорливые. А и те-то, молодые молодцы, прикидываются по-человечью и по-змеиному. По поднебесью летят они, молодые молодцы, по-змеиному, по избе-то ходят они, молодцы, по-человечью. По поднебесью летят, на красных девушек глядят; по избе-то ходят, красных девушек сушат. Полюбит ли красну девицу-душу, загорит он, окаянный, змеем огненным, осветит он, нечистый, дубровы дремучие. По поднебесью летит он, злодей, шаром огненным; по земле рассыпается горючим огнем, во тереме красной девицы становится молодым молодцем несказанной красоты. Сушит, знобит он красну девицу до истомы. От той ли силы нечистые зарожается у девицы детище некошное. С тоски, со кручины надрывается сердце у отца с матерью, что зародилось у красной девицы детище некошное. Клянут, бранят они детище некошное клятвой великою: не жить ему на белом свете, не быть ему в урост человечь; гореть бы ему век в смоле кипучей, в огне негасимом. Со той ли клятвы то детище заклятое, без поры без времени, пропадает из утробы матери. А и его-то, окаянного, уносят нечистые за тридевять земель в тридесятое царство. А и там-то детище заклятое ровно чрез семь недель нарекается Кикиморой. Живет, растет Кикимора у кудесника в каменных горах; поит-холит он Кикимору медяной росой, парит в бане шелковым веником, чешет голову золотым гребнем. От утра до вечера тешит Кикимору кот-баюн, говорит ей сказки заморские про несь род человечь. Со вечера до полуночи заводит кудесник игры молодецкие, веселит Кикимору то слепым козлом, то жмурками. Со полуночи до бела света качают Кикимору во хрустальчатой колыбельке. Ровно через семь лет вырастает Кикимора. Тонешенька, чернешенька та Кикимора; а голова-то у ней малым-малешенька со наперсточек, а туловище не спознать с соломиной. Далеко видит Кикимора по подне-

бесью, скорей того бегает по сырой земле. Не старается Кикимора целый век; без одежи, без обуви бродит она лето и зиму. Никто-то не видит Кикимору ни середь дня белого, ни середь темной ночи. Знает-то она, Кикимора, все города с пригородками, все деревни с приселочками; ведает-то она, Кикимора, про весь род человечь, про все грехи тяжкие. Дружит дружбу Кикимора со кудесниками да с ведьмами. Зло на уме держит на люд честной. Как минут годы уреченные, как придет пора законная, выбегает Кикимора из-за каменных гор на белый свет ко злым кудесникам во пауку. А и те-то кудесники люди хитрые, злогадливые; опосылают они Кикимору ко добрым людям на пагубы. Входит Кикимора во избу никем не знаючи, поселяется она за печку никем не ведаючи. Стучит, гремит Кикимора от утра до вечера; со вечера до полуночи свистит, шипит Кикимора по всем углам и полавочной; со полуночи до бела света прядет кудель конопельную, сучит пряжу пеньковую, снует основу шелковую. На заре-то утренней она, Кикимора, собирает столы дубовые, ставит скамьи кленовые, стелит ручники кумачные для пира неряженого, для гостей незваных. Ничто-то ей, Кикиморе, не по сердцу: а и та печь не на месте, а и тот стол не во том углу, а и та скамья не по стене. Строит Кикимора печь по-своему, ставит стол по-нарядному, убирает скамью запонами шидяными. Выживает она, Кикимора, самого хозяина, изводит она, окаянная, всяк род человечь. А и после того, она, лукавая, мутит миром крещеным: идет ли прохожий по улице, а и тут она ему камень под ноги; едет ли посадский на торг торговать, а и тут она ему камень в голову. Со той беды великие пустеют дома посадские, зарастают дворы травой-муравой».

Если где поселится Кикимора, то поселяне на Грачевники призывают знахарей, которые за великие посулы решаются только изгнать нечистую силу. В этот день, с утра, поселяется знахарь в опустелый дом, осматривает все углы, обметает печь и читает заговоры. К вечеру объявляет в услышание всех, что Кикимора изгнана из дома на времена вековечные.

9 марта. *Сорок сороков. – Окличка весны*

На Сороки – сорок утренников. – Во что Сороки, во то и Петровки. – На Сороки прилетает кулик из-за моря, приносит воду из неволья. – На Сороки прилетают жаворонки.

По замечаниям стариков, с 9 марта начинаются утренники – утренние морозы – и продолжаются ровно сорок дней. Если эти утренники будут продолжаться постоянно, тогда они говорят: лето будет теплое.

Исстари ведется обычай на Руси на день сорока мучеников печь из хлебенного теста жаворонки. Затейливые старушки пекут эти жаворонки с особенными *вычурами*: золотят всю птичку сусальным золотом, голову обмазывают медом и посылают их по родным, в гостинцы детям. С раннего утра торговки продают хлебные жаворонки на торгах и около церквей.

По замечанию поселян, будто с 9 марта наступает весна. Поселяне Смоленской губернии выходят на этот день окликать весну, как делают первого марта. Предвестниками весны, по их словам, бывает полет жаворонков. Это поверие встречать весну по прилетанию птиц перешло к нам от греков, с тою только разницею, что они встречали весну при появлении соловьев (Вест. Европы. 1827 г., № 5, с. 64). Эта ранняя встреча весны, вероятно, есть только предание, занесенное к нам из южных стран. Москвичи говорят: «Одна ласточка весны не делает».

12 марта. *Приметы*

Наши поселянки замечают, если утром появится туман, то в этот год будет большой урожай на лен и конопли. А чтобы примета их сбывалась, то они бросают по двору несколько семян конопляных и льняных для угощения птиц. Рачительные хозяева прилагают особенную заботливость к лошадям. По их замечанию, если на этот день заболит лошадь, то она никуда не годится для летней работы.

17 марта. *Замечания*

С гор вода пролети. – С гор потоки. – Пролей кувшин. – Покинь сани, снаряжай телегу. Поселяне замечают: что если на этот день появятся большие ручьи, то полая вода будет большая и широко разольется по лугам. В Туле на эти дни бывали сборные гусиные бои, оканчивавшиеся пирушками.

19 марта. *Приметы*

Дарьи грязные пролубницы. – Оклади пролуби. – Стели красны по замерзам. С увеличением солнечной теплоты на прорубях рек и прудов делается грязно. Тогда поселяне говорят: «Вот пришли и Дарьи грязные пролубницы».

22 марта. *Замечания*

В селениях Тульской губернии поселяне выходят утром смотреть вокруг солнца красных кругов. Эти круги, по их замечанию, обещают всегда плодородие.

25 марта. *Освобождение птиц. – Капуста. – Сожигание постелей. – Приметы*

На Благовещение и ворон гнезда не свивает. – На Благовещение на суровую пряжу не глядят. – Каково Благовещение, таково и Светлое Воскресенье. – На Благовещение дождь, родится рожь. – На Благовещение весна лето поборала. – До Благовещения зимним путем либо неделю не доедешь, либо переедешь.

Исстари на Руси заведено, чтобы в этот день освобождать птиц на волю. В Москве этот обряд доселе совершается против Охотного ряда. Сюда с утра приходит народ, покупает птиц и своими руками выпускает их из клетки на волю. Прежде на исполнение этого обычая стекались со всех сторон, и только одна темная ночь прекращала сборище.

Под Благовещенский вечер наши поселяне приходят в подвалы с кочаном капусты и кладут на землю, скрытно от всех. Этот кочан должен быть первый, сорванный осенью с гряды. На другой день, возвращаясь от обедни, рассматривают кочан. Говорят, что будто счастливцы находят в нем семена, от которых родившуюся капусту никакой мороз не убивает.

Во многих селениях Тульской губернии осталось верование в огонь. Поселяне под Благовещение, ночью, сожигают свои соломенные постели, скачут чрез огонь и окуривают свои платья. Постелю, говорят они, будто для того сжигают, чтобы истребить болезни; скачут чрез огонь для того, чтобы избавить себя от призора; окуривают платья для того, чтобы предостеречь себя от обаяния. С сего вечера молодые поселяне переселяются с новыми постелями в холодные клети; в избах остаются старики, больные и дети.

Пожилые женщины находят нужным в этот день пережигать соль в печи. Эта соль, по их мнению, оказывает чудеса в разных болезнях. С этой солью они из хлебного теста пекут *бяшки*, небольшие булки, назначаемые ими для излечения скота.

Если на Благовещение будет *день красный*, то наши поселяне предполагают, что этот год будет *пожарный*. Если пойдет дождик, поселяне думают, что год будет *грибной*, а рыболовы надеются на удачный лов рыбы. Если на этот день будет мороз, то они ожидают несколько утренников. В Шенкурске и Ваге насчитывают от сего мороза еще сорок утренников.

У наших поселян есть странное понятие о птицах, свивающих гнезда в сей день. Они полагают, что такие птицы за свой поступок теряют силу в крыльях и в наказание осуждаются ходить по земле. Не отсюда ли произошло замечание: «На Благовещение и ворон гнезда не свивает».

26 марта. *Приметы*

Поселяне замосковных селений, заметив на этот день светлый восход солнца, убирают всю санную сбрую и говорят: «Выверни оглобли».

Между тем женщины на этот день оканчивают последнюю пряжу. Если же которые продолжают еще прясть после сего дня, тем говорят: «Не пойдет впрок».

27 марта. *Наставицы. – Полурепницы*

Слово *наставицы* имеет двойное значение. Пиголки, птицы, прилетающие к этому дню в Нерехту и Кострому, называются там наставицами. Поверхность снега, замерзаемая утренниками после больших оттепелей, называется: *наст*. В это время поселяне наши говорят: «Пойдем по настам – иди по наставице».

В селениях Рязанской губернии этот день называется: *полурепницы*. В этот день они отбирают годные репы для семян, что составляют у них отдельную, неприкосновенную половину.

30 марта. *Беды с домовым*

Многие из наших суеверных поселян, верующие в домовых, боятся в этот день и вечером ходить по двору. Они думают, что домовой в те поры бесится и не узнает своих домашних. С заходом солнца запирают весь домашний скот и птиц, а сами боятся уже подойти и к окну во всю ночь. Вот их рассказы об этом странном положении домового.

Домовой, как и всякая нечистая сила, сумеет сотворить беду православным людям, если против него не будут приняты предосторожности. Ровно целый год он, окаянный, живет смирно, радеет о хозяйском добре пуще заботливого мужика, бережет скот, холит лошадей, смотрит за огородом, не даст потешиться в саду пешему, не даст в обиду злой ведьме коров изуродовать. У доброго домового все в доме исправно, во всем спорина, от всего прибыль, всем сытно. Вдруг встоскуется он, окаянный, невесть почему. В те поры он на всех злится, всех бы рад известь, готов сокрушить весь дом. Одного только за ним не водится: не наложит рук на себя. Зато уж всем домашним от него приходит жутко: лошадей

забьет под ясли, у коров отобьет охоту от еды, перекусает со зла всех собак, раскидает по всему двору сани и телеги, хозяину подкатывается под ноги. И все это бывает 30 марта, с ранней утренней зари, до полуночи, как запоют петухи. Много ходит толков по миру крещеному о такой беде с домовым. Одни говорят, что у него в начале весны спадает старая шкура и от этой боли он бесится.

Другие думают, что на него находит чума, вот хоть бы как на собак или на коров, и оттого он так проказит по всему двору. Третьи считают, наверное, что в этот день бывает им расправа от нечистой силы за целый год. Хоть он и домовой, а все-таки набьют ему спину не хуже виноватого мужика. Ведь тут нечистая сила не дает пощады и своему брату: отваляет на обе корки по-своему. А иначе отчего бы и взбеситься домовому? Четвертые рассказывают за тайну, что хозяин когда-то поссорился с знахарем не шутя и что за такую обиду знахарь и удружил ему лихим домовым. Бывают же такие беды с мужиком: все ладит с знахарем, так вдруг и завеличается: «Я, дескать, и сам не хуже его сумею сделать». Известное дело, где мужику стоять против знахаря? Хоть бы он был и посадский человек: так разве достанет силы тягаться с знахарем? Пятые, люди дальние и посторонние, уверяют со всею правотою, что в этот день приходит домовому смертная охота жениться на ведьме. Известное дело на Руси, что нечистая сила весь свой век живет неженатая; да и где им, бездомовым, будет поселиться с своей семьей, когда шатаются где день, где ночь? Уж и по всему видно, что это неправда. Вот как думают и поговаривают мои земляки об этой беде с домовым; а вы, люди православные, потрудитесь сами добиться правды, если у вас есть охота заниматься с домовым.

Месяц апрель

Слово: *апрель*, или *априллий* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки* назвали его: березо-

золъ, *малорусы* и *поляки*: кветень, цветень, *чехи* и *словаки*: дубень, *сорабы*: налетний, ячман, *венды*: чтерник (четвертый), мал-травен, *кроаты*: травен и джюджревчак (Юрьев день), *иллирийцы*: травяный. В старой русской жизни апрель считался вторым пролетним месяцем; а когда год стали считать с сентября, то он был восьмым. С 1700 года он приходится по счету уже четвертым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В АПРЕЛЕ МЕСЯЦЕ

Наши поселяне говорят*: с апреля земля преет. – Ни в марте воды, ни в апреле травы. – Апрель всех напоит. – Дождались полой водицы, аи да батюшка апрель. – Апрель сипит да дует, бабам тепло сулит, а мужику что-то будет. – Играй, матушка Ока, пока апрель на дворе. – Не ломай печи, еще апрель на дворе.*

1 апреля. *Приметы*

В замосковских селениях замечают, что если на этот день разольется *полая вода*, то будет большая трава и ранний покос.

«Захотел ты в апреле кислых щей». Зимний запас капусты у наших поселян всегда оканчивается в марте. Апрельские щи у них называются *пустыми*. Почему они и говорят тогда: «Пришли на Марью пустые щи».

3 апреля. *Приметы. – Угощение водяного*

Рыболовы на Оке замечают: если лед не пройдет в этот день, то рыбный лов будет самый худой.

Многие суеверные рыболовы приходят в полночь полакомить гостинцами *водяного* дедушку. Это угощение водяного происходит у них следующим порядком.

Покупают у цыган самую негодную лошадь, *не торгуясь*, ровно за три дни. В эти три дни они стараются откормить

ее хлебом и конопляными *жмыхами*. В последний вечер вымазывают у лошади голову медом с солью, в гриву вплетают множество красных лент, ноги спутывают веревками, на шею навязывают два старых жернова. Ровно в полночь отправляются к реке. Если еще лед не прошел, то связанную лошадь опускают в прорубь; если же река очистилась от льда, то сами, садясь на лодки, стараются утопить лошадь середь реки. В то время старший из рыболовов находится на берегу реки, прислушивается к воде и дает знак другим, когда можно утопить лошадь. Большое несчастье бывает для рыболовов, если водяной не желает угощения или он перешел на другую усадьбу. По их замечанию, водяной всю зиму лежит в воде и спит крепким сном. С 1 апреля он просыпается голодным, сердитым. С досады и голода он ломает лед, замучивает мелкую рыбу до смерти, а большие сами убегают в другие реки. Когда же рыболовы задобрят его добрым гостинцем, лошадкою, то он смиряется, стережет рыбу, переманивает к себе больших рыб из других рек, спасает рыболовов от бури и потопления, не рвет неводов и бредней. Во время своего гнева и голода водяной три дня дожидается гостинца, и если рыболовы не поспеют с приносом, то он, по истреблении рыбы, удаляется в соседнюю усадьбу. Желание водяного получить гостинец узнается по сильному колыханию воды и глухому подземному стону. Когда наделят водяного гостинцем, то старший рыболов, выливая в реку масло, говорит: «Вот тебе, дедушка, гостинцу на новоселье. Люби да жалуй нашу семью». Возвращаясь с этой тризны, рыболовы с радостью проводят всю ночь в пьянстве.

5 апреля. *Приметы*

По замечаниям поселян, в этот день начинают дуть теплые, весенние ветры. Тогда они говорят: «Пришел Федул, теплый ветер подул». Или: «На Федула растворяй оконницу».

С первым весенним ветром, говорят поселяне, прилетают *сверчки* и расселяются по огородам.

8 апреля. *Приметы*

В селениях Тульской губернии есть старинная примета, что на этот день солнце встречается с месяцем. По их замечаниям, эти встречи бывают добрые и худые. Добрая встреча обозначается ясным солнцем и светлым днем. Из этого выводят они предположения о хорошем лете. Худая встреча обозначается туманным и пасмурным днем и остается худым предзнаменованием на все лето. По рассказам поселян, солнце и месяц с первого мороза расходятся в дальние стороны: один на восток, другой на запад, и с той поры не встречаются друг с другом до самой весны. Солнце не знает, не ведает, где живет месяц и что он делает; а месяц не более того знает о солнце. Когда же они весною повстречаются, то долго рассказывают о своем житье-бытье, где были, что видели, что поделывали. Часто случается, что месяц с солнцем на этой встрече доходят до ссоры; а это всегда оканчивается землетрясением. Наши поселяне в этой ссоре обвиняют более всего месяц, называя его гордым и задорным.

11 апреля. *Водополы*

В замосковной стороне полагают, что с этого дня должны реки вскрываться и вода выходить из берегов. Из этого наблюдения они выводят свои замечания: вскрытие рек к этому дню обещает хороший урожай, благополучное лето. Позднее вскрытие – всегда обещает худое.

12 апреля. *Приметы*

Наблюдательные поселяне говорят: *на день св. Василия весна землю парит. – На день св. Василия выверни оглобли, закинь сани на поветь.*

Охотники утверждают, что на этот день *медведь* выходит из берлоги и прячется в кустах. Между тем об *зайцах* говорят: «Заяц, заяц, выскочи из куста».

14 апреля. *Приметы*

По приметам охотников, на этот день будто *лисицы* переселяются с старых гнезд на новые и что в первые три дня своего переселения они бывают слепы и глухи. Они пробуждаются из этого усыпления не иначе, как вороны начнут их клевать. Слепота лисиц, по рассказам поселян, происходит от *куричьей слепоты*.

На этот день старожилы из поселян замечают, что ворон купает своих детей и отпускает в отдел, *на особное* семейное житье.

15 апреля. *Пчелы*

Пчельники на этот день осматривают *пасеки* и *амшеники*. Когда бывает ранняя весна, то они вынимают ульи из амшеника. Наш народ сохранил поговорку, вероятно занесенную с юга: «На день святого Пуда вынимай пчел из-под спуда».

16 апреля. *Рассадницы*

Поселяне Московской и Ярославской губерний на этот день сеют рассаду на особенных приготовленных насадах, или срубах. Между тем на севере этот посев, в Шенкурской, Вельской и Важской областях, совершают 5 мая.

По замечанию сибиряков, на этот день вскрывается Иртыш-река.

17 апреля. *Пчелы*

Вынутых пчел из амшеника пчельники выставляют в пасеках; а набожные наши поселяне не принимаются за это дело, как по совершении молебствий святым Зосиме и Савватию.

18 апреля. *Посевы*

Рачительные поселяне засевают на этот день морковь и свеклу. Пред посевом они выходят утром к обетным студен-

цам для смачивания семян и в надежде на будущий урожай бросают медные деньги на дно студенца. Другие считают более приличным вымачивать семена речной водой в продолжение трех утренних зорей. В таком случае скрытность есть важное дело: иначе урожай будет худой. Завистливый глаз здесь много вредит.

19 апреля. *Новины*

Поселянки на этот день, отткавши свои холсты, выходят с обетным *концом* в поле, раскланиваются на все стороны и, обращаясь на восток, говорят: «Вот тебе, матушка-весна, новая новинка!» После сего расстилают конец холстины по лугу, кладут на него пирог и уходят домой с надеждою, что матушка-весна оденется *в новину* и за хлеб-соль уродит в изобилии лен и конопли.

20 апреля. *Окликание родителей*

По какому-то непонятному предчувствию наши поселяне догадываются, что их покойники в этот день скорбят о прежней своей жизни и желают повидаться с родными. Это предчувствие находит только на пожилых женщин и старух.

Рано утром они выходят на могилы и с причитанием окликают родителей. Вот два причитания:

«Родненькие наши батюшки! Не над сажайте своего сердца ретивого, не рудите своего лица белого, не смежите очей горючей слезой. Али вам, родненьким, не стало хлеба-соли, не достало цветна платья? Али вам, родненьким, встосковалося по отцу с матерьей, по милым детушкам, по ласковым невестушкам? И вы, маши родненькие, встаньте, пробудитесь, поглядите на нас, на своих детушек, как мы горе мычем на сем белом свете. Без вас-то, наши родненькие, опустел мысок терем, заглох широк двор; без вас-то, родимые, не цветно цветут в широком поле цветы лазоревы, не

красно растут дубы в дубровушках. Уж вы, наши родненькие, выгляньте на нас, сирот, из своих домков да потешьте словом ласковым».

«Родимые наши батюшки и матушки! Чем-то мы Вас, родимых, прогневали, что нет от вас ни привету, ни радости, ни тоя прилуки родительской? Уж ты, солнце, солнце ясное! Ты взойди, взойди с полуночи, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не во тьме сидеть, не с бедой горевать, не с тоской вековать. Уж ты, месяц, месяц ясный! Ты взойди, взойди со вечера, ты освети светом радостным все могилушки, чтобы нашим покойничкам не крушить во тьме своего сердца ретивого, не скорбеть во тьме по свету белому, не проливать во тьме горючих слез по милым детушкам. Уж ты, ветер, ветер буйный! Ты возвей, возвей со полуночи, ты принеси весть радостну нашим покойничкам, что по них ли все родные в тоске сокрушилися, что по них ли все детушки изныли во кручинушке, что по них ли все невестушки с гореваньица надсадилися».

23 апреля. *Наблюдения. – Обряды. – Угощенья – Сказание о Георгии Храбром*

Наблюдательные поселяне говорят: «*Егорий с теплом, а Никола с кормом. – Сей рассаду до Егорья, будет щей вдоволь. – Коли на Егорьев день мороз, то и под кустом овес. – Коли на Егорьев день лист в полушку, на Ильин день клади хлеб в кладушку. – Пришел бы на Егорий мороз, а то будет просо и овес. – Коли весенний Егорий с кормом, то Никола осенний будет с мостом. – Выгоняй скот на Юрьеву росу. – Егорий с водой, а Никола с травой. – На Руси два Егорья, холодный да голодный, а везде Божья благодать. – Что у волка в зубах, то Егорий дал. – «Он сыт, как Юрьева гора»,* – говорят нерехонцы про богатого мужика. – *«Святый Юрий коров запасает, а Никола коней»,* – говорят белорусы. – *Егорий с полувозом, а Никола с целым возом.* – В Чухломском

и Холмогорском уездах говорят: *«В поле стадо сгонять и Егорья окликать».*

В день святого Георгия выгоняют скот на траву вербою, оставленной от Вербной недели. Рано утром служат молебны на студенцах, реках или лугах от всего мира и после благословения от священника провожают всею деревнею скотину в поле. Здесь угощают пастухов сытною мирскою яичницею, наделяют холстом и деньгами. На этом празднике пастухов веселятся все поселяне.

В Тульской губернии выходят на засеянные поля служить молебны с водоосвящением, окропляют нивы св. водой. После сего мужчины и женщины катаются по полям в надежде быть сильными и здоровыми, как *Юрьева роса.* В Курске на Юрьев день бывает ярмарка, где продают деревянные, глиняные коровки. В Муромском уезде бывали прежде крестные ходы вокруг пашен; а в других местах вокруг сел и всех полей. В Малоруссии 23 апреля бывает крестный ход на жито. Питчане, в память их предков, хлыновцев, одержавших победу над чудью и вотяками, на Юрьев день из села Иолкова приносили в Вятку образ св. Георгия вместе с *железными стрелами.*

На Юрьев день начинаются сельские гулянья. В Шенкурске и Вельском округе разыгрываются вечерние хороводы. В Солигаличе и Буе выходят поселяне ночью петь песни, которые всегда оканчиваются припевами о сохранении стад. Смоленские жители выходят в город освежаться на горах и гуляют до поздней три.

Между знахарками и колдуньями есть тайное предание, что ранняя юрьевская роса бывает чрезвычайно вредна для животных. Для этого самого они выходят на поле сбирать росу. Сбор росы производят напитыванием холстины в утренней росе. По их приметам, юрьевская роса сушит рогатый скот, у коров отнимает молоко, телят ослепляет. Стоит только этой холстиной покрыть рогатый скот, и тогда все беды польются на них рекой. Одно только может не вредить скотине, если поселяне выгоняют ее на Юрьев день вербой.

С Юрьева дня поселяне начинают производить все торговые сделки, назначают сроки. Работники, по старому обычаю, нанимаются: «с весеннего Юрья по Семен день или по Покров». Торговцы говорят: «Выставь к Юрьеву дню – доспею к Юрьеву дню». Для них этот день служит указанием события: «А это было до Юрьева дня – кажись, случилось на Юрьев день».

Наш народ сохранил **древнее сказание о Георгии Храбром** – искоренителе басурманства и поборнике светлой Руси. Приводим здесь это сказание:

Во святой земле, православной,
Нарожается желанное детище
У тоя ли премудрыя Софии;
И нарекает она по имени
Свое то детище Георгий,
По прозваньицу Храброй.
Возростает Георгий Храброй
Промеж трех родных сестер,
От добра дела не отходючи,
Святым словом огражаючи,
Миру крещеному угожаючи.
Как и стал он, Георгий Храброй,
Во матер возраст приходите,
Ум-разум сознавати,
И учал он во те поры,
Думу крепкую оповедати
Своей родимой матушке,
А и ей ли, премудрой Софии:
«Соизволь, родимая матушка,
Осударыня, премудрая София,
Ехать мне ко земле светло-Русской
Утверждать веры христианские».
И дает ему родимая матушка,
Она ли, осударыня премудрая София,
Свое благословение великое:
Ехать ко той земле светло-Русской,

Утверждать веры христианские.
Едет он, Георгий Храброй,
Ко той земле светло-Русской,
От востока до запада поезжаючи,
Святую веру утверждаючи,
Бесерменскую веру побеждаючи.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На те леса, на темные,
На те леса, на дремучие;
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто проторити:
Нельзя Георгию туто проехати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгий Храброй проглаголует:
«Ой вы, леса, леса темные!
Ой вы, леса, леса дремучие!
Зараститеся, леса темные,
По всей земле светло-Русской,
Раскиньтеся, леса дремучие,
По крутым горам, по высокиим,
По божьему все веленью,
По Георгиеву все молению,
По его слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, моленью!»
Зарастали леса темные
По святой земле светло-Русской,
Раскидалися леса дремучие
По крутым горам, по высокиим.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На те горы, на высокие,
На те холмы на широкие;
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто проторити;
Нельзя Георгию туто проехати,
Нельзя Храброму туто подумати
И Георгий Храброй проглаголует:

«Ой вы, горы, горы высокие!
Ой вы, холмы, холмы широкие!
Рассыптеся, горы высокие,
По всей земле светло-Русской,
Становитесь, холмы широкие,
По степям, полям зеленым,
По божьему все велению,
По Георгиеву все молению!»
По его ли слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению,
Рассыпалися горы высокие
По всей земле светло-Русской,
Становилися холмы широкие
По степям, полям зеленым.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На те моря, на глубокие,
На те реки, на широкие;
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто проторити:
Нельзя Георгию туто проехати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгий Храброй проглаголует:
«Ой вы, моря, моря глубокие!
Ой вы, реки, реки широкие!
Потеките, моря глубокие,
По всей земле светло-Русской,
Побегите, реки широкие,
От востока да и до запада,
По божьему все велению,
По Георгиеву все молению!»
По его ли слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению,
Протекали моря глубокие
По всей земле светло-Русской,
Пробегали реки широкие
От востока да и до запада.

Наезжает он, Георгий Храброй,
На тех зверей, на могучиих,
На тех зверей, на рогатыих;
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто проторити:
Нельзя Георгию туто проехати,
Нельзя Храброму туто подумати.
И Георгий Храброй проглаголует:
«Ой вы, звери, звери могучие!
Ой вы, звери, звери рогатые!
Заселитеся, звери могучие,
По всей земле светло-Русской,
Плодитеся, звери рогатые,
По степям, полям без числа,
По божьему все велению,
По Георгиеву все молению!»
И он, Георгий Храброй, заповедует
Всем зверям могучиим,
Всем зверям рогатыим:
«А и есть про вас на съедомое –
Во полях трава муравчата,
А и есть про вас на пойлипо –
Во реках вода студеная».
По его ли слову, Георгиеву,
По его ли, Храброго, молению,
Заселялися звери могучие
По всей земле светло-Русской;
Плодились звери могучие
По степям, полям без числа;
Они пьют, едят повеленное,
Повеленное, заповеданное
От его, Георгия Храброго.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На то стадо, на змииное,
На то стадо, на лютое;
Хочет он, Георгий, туто проехати

Хочет он, Храброй, туто проторити.
И стадо змииное возговорит
Ко тому ли Георгию Храброму:
«А ли ты, Георгий, не ведаешь,
А ли ты, Храброй, не знаешь:
Что та земля словом заказана,
Словом заказана, заповедана.
По той земле, заповеданной,
Пеш человек не прохаживал,
На коню никто не проезживал.
Уйми ты, Георгий, своего коня ретивого,
Воротися ты, Храброй, сам назад».
Вынимал Георгий саблю острую,
Нападал Храброй на стадо змииное.
Ровно три дня и три ночи
Рубит, колет стадо змииное;
А на третий день ко вечеру
Посек, порубил стадо лютое.
Наезжает он, Георгий Храброй,
На ту землю светло-Русскую,
На те поля, реки широкие,
На те высоки терема, златоверхие.
Хочет он, Георгий, туто проехати,
Хочет он, Храброй, туто проторити.
Как и тут ли ему, Георгию,
Выходят навстречу красны девицы,
Как и тут ли ему, Храброму, проглаголуют:
«А и тебя ли мы, Георгий, дожидаючись,
Тридцать три года не вступаючи
С высока терема, златоверхого,
А и тебя ли мы, Храброго, дожидаючись,
Держим на роду велик обет:
Отдать землю светло-Русскую,
Принять от тебя веру крещеную».
Примает он, Георгий Храброй,
Ту землю светло-Русскую

Под свой велик покров,
Утверждает веру крещеную
По всей земле светло-Русской.

Подобная легенда отыскана была Колляром и напечатана в собрании чермно-русских песен, в которой воспевается победа над змием и освобождение девицы. Немцы сохранили старинную рыцарскую песню о сражении Бернского Дидриха с драконом – Dieterichs Drachenkampf.

В Кологривском уезде сохранилось Егорьевское окликанье:

Мы вокруг поля ходили,
Егория окликали,
Макарья величали.
Егорий ты наш Храбрый…
Ты спаси нашу скотинку
В поле и за полем,
В лесу и за лесом,
Под светлым под месяцем,
Под красным солнышком,
От волка от хищного,
От медведя лютого,
От зверя лукавого.

Благоговение к св. Георгию Победоносцу принадлежит всем христианам; но славянский мир более всех ознаменовал себя. Сербы на Юрьев день купаются до восхождения солнца и выгоняют скотину в поле вербою. Они говорят: «Нет лета без Юрьева дни». Сербянки в своих песнях поют: «О праздник св. Георгия, приди и найди меня замужем»! Булгары на Юрьев день шкалают агнца без пролития крови на землю. Этою кровью они мажут у детей чело, ланиты и бороду. Барашка зажаривают при собрании всех домашних и родных неженатых мужчин. После совершения молитвы священником начинается пиршество. Вечером все косточки барашка зарывают в землю. Жарение барашка совершают сербы, босний-

цы и герцеговинцы. В Галиции отправляют на Юрьев день праздник пастухов с конскими ристаниями и песнями.

В старину у наших отцов было предание, что в Лукоморье есть люди, которые 26 ноября умирают, а 23 апреля оживают. Пред смертью будто они сносили свои товары в одно место, где зимою соседи могли их брать за известную цену, без всякого обмана. С бессовестными покупателями они рассчитывались весною, при своем оживлении (Кар. Ист. Т. VII, с. 233). Это предание, известное еще Геродоту, вероятно, было занесено на Русь с востока.

25 апреля. *Приметы*

Заботливые поселяне выходят утром в поле и смотрят: если птицы летят на конопляное поле, то ожидают хорошего урожая конопли. В таком случае они бросают по двору конопляное семя для домашних и залетных птиц.

В замосковных селениях бывало прежде, что поселяне на этот день отправлялись ловить тенетами чижей. В Туле, на оружейной стороне, продолжается этот обычай и доселе. Он часто изменялся временем и появлением самой весны; но старики всегда были неизменны ему, несмотря ни на какую погоду.

28 апреля. *Приметы*

Больных, страждущих весенними лихорадками, в Тульской губернии начинали поить с этого дня березовым соком. Перед этим временем всегда их купали в дождевой воде, а другие вытирали сбереженным мартовским снегом. День ясный и теплый всегда предвещал больным здоровье. В туманные и холодные дни никто не прибегал к этому средству. Суеверные старушки и здесь находили себе дело: с обетными ладонками выходили на перекрестки и дожидались попутного, теплого ветра с юга. По их понятию, ветер южный приносил с собою здоровье и поселялся в обетную ладонку, которую

после надевали на больного. Уверенность в средстве и простая жизнь были лучшими целителями их болезней.

30 апреля. *Наблюдения*

В замосковных селениях в этот день замечали: если вечером взойдут звезды и подует с юга теплый ветер, то оставались с полною уверенностью, что лето будет грозное и теплое, плодородие изобильное. Старики всегда ручаются за эту примету.

В Туле было предание, что на этот день никогда не должно выезжать в дальний путь, не искупавшись наперед в воде из мартовского снега. Старушки уверяли, что с этого дня будто в чужих сторонах начинают бродить тощие, замореные, весенние болезни и что без мартовской воды будто заезжему нет от них спасения. По их понятиям, весенние болезни на зиму запираются в снежные горы, где сидят всю зиму до оттепелей. Когда солнце отогреет землю, растает снег, тогда весенние болезни разбегаются по белому свету и нападают на неосторожных. Один только мартовский снег будто спасает от их нападений.

Наши чадолюбивые старики с этого дня прекращали всякое сватовство. По их понятиям, наступающий май месяц очень невыгоден бывает для новобрачных. Всякое предложение о сватовстве считалось делом обидным и даже зазорным. Худая бы молва пронеслась о том семействе, когда прослышат соседи, что есть люди, помышляющие в это время о свадьбе. В старину строго держались этой приметы.

В селениях Рязанской губернии наблюдали в этот день восход солнца. Если оно восходило на чистом, ясном небе, то ожидали, что все лето будет ясное и ведреное.

Месяц май

Слово: *май*, или *маий,* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные славянские названия сего ме-

сяца были другие. Наши *предки* называли его: травен, травный; *чехи* и *словаки*: кветень или цветень; *кроаты*: розоцвет, розняк, велик травен, шебой или швибан; *сербы*: рожелони, майский; *карниольцы*: велик травен, *венды*: майник, пятник, желто-пушник, цветичнек; *иллирийцы*: швибан, швибаный. В старой русской жизни май считался третьим пролетним месяцем; а когда год считали наши отцы с сентября, он был тогда девятым. С 1700 года, по счету, он приходится уже пятым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В МАЕ МЕСЯЦЕ

В мае добрые люди не женятся. – Рад бы жениться, да май не велит. – Кто в мае женится, тот будет век маяться. – Захотел ты в мае добра. – Живи, веселись, да каково-то будет в мае. – Наш пономарь понадеялся на май, и без коровы стал. – Коли март сух, да мокор май, так будет каша и каравай. – Майская трава и голодного кормит. – Сей и холь яровое в мае, так будет зимой добро. – Понадеялся на май да на сладимой ветерок, вот тебе и хлебец. – Даром, что соловей птица малая, а знает, когда май. – Захотел ты у мужика да в мае перепутья. – Аи, аи, осударь май, тепел да холоден.

1 мая. *Посевы. – Гулянья*

Майское гулянье заведено жителями в позднее время; наши поселяне не знают и не ведают об нем. Этот западный праздник переселился в наши загородные рощи и раскатывается только в экипажах со всеми заморскими причудами. Русские любят гулять пешком, без всяких затей, в кругу своего семейства. Московское майское гулянье отправляется в Сокольницкой роще, где прежде наши цари потешались охотами звериною и соколиною. Простой народ сокольницкое гулянье называет *немецкими станами*. Есть предание, что здесь когда-то были поселены заезжие немцы и что этот праздник выдумали они на помин своей земле. В Петербурге первое майское гулянье отправляется в Екатерингофе и заведено

с недавних времен. Наши старые, школьные майские праздники перешли к нам из Польши и Литвы. Тамошние maiowki, rekreacie maiowe поселились в прежней Киевской академии и оттуда распространились по духовным и светским училищам в XVIII столетии. В *рекреационный день*, т. е. первого мая, в Киеве выходили на гору Скавыку, при урочище Глубочица. Здесь ученики меньшего возраста забавлялись играми, студенты пели канты, разыгрывали *комедии* и *произносили диалоги*. Комедии для рекреационного дня сочиняли учителя поэзии, а диалоги писали учителя философии и риторики. Здесь был зародыш нашего театра.

Наши поселяне с первой майской росы выходят на посевы. Тогда они говорят: подымай сетево – лукошко с семенами. В старину они прихаживали в церковь, служивали молебны св. пророку Иеремии и потом выходили в посев. Вступая в поле, засевальщики молятся на все три стороны, кроме северной, бросают на каждую сторону по горсти жита, с низкими поклонами, и потом уже засевают.

Наблюдательные старики, по своим замечаниям, уверяют: если этот день будет погож, то все время для хлебной уборки будет хорошее. При худой погоде говорят они: «Всю зиму будем маяться».

Воспоминая об этом дне, они обыкновенно говорят: «Посев-то был на Иеремию запрягальника». Опытные наши поселяне иначе не севали хлеб, как при теплой погоде, клали обе руки на землю и замечали, что если земля тепла, то уже нет никакой опасности для посева. По их замечаниям, холодная земля сама сказывается, что она в глубине еще не оттаяла и что будущий рост легко уничтожится в самом зародыше. Знатоки уверяют, что это замечание никогда не обманывало наблюдателей. Посев с первого мая не везде принят поселянами. В Вологодской губернии начинают его с Юрьева дня; в других местах, костромичи и владимирцы, за три дня до пророка Иеремии. Двухнедельный посев есть общий в целой России. Об нем говорят старики: «Сей неделю после Егорья, да другую сей после Иеремия».

О посеве овса и другого ярового хлеба поселяне сохранили свои наблюдения в поговорках: *Раннее яровое сей, когда вода сольет, а позднее, когда цвет калины будет в кругу. – Лягушка квачет, овес скачет. – Когда на дороге грязь, тогда овес князь. – Овес сквозь лапоть прорастает. – Яровой хлеб сей с одышкой и поглядкой. – Рожь говорит: сей меня в золу, да в пору; а овес говорит: топчи меня в грязь, а я буду князь. – Сей овес хоть в воду, да в пору.*

2 мая. *Приметы*

Наши поселяне говорят, что с этого дня начинают петь соловьи. В Нерехте 2 мая называют *соловьиный день*. Тульские оружейники в старину отправлялись в этот день на *соловьиную охоту* в Носильские и Курские леса, с надеждою поймать белого соловья. Странствие их по лесам обыкновенно продолжалось по месяцу и оканчивалось путешествием в Москву для продажи наловленных птиц.

5 мая. *Рассадницы*

В замосковных селениях в этот день начинают рассаживать по грядам рассаду. Предприимчивые старушки с вечера еще выносят на гряды горшок, кладут в него крапиву с корнем и ставят вверх дном на средовую гряду. При сажании рассады приговаривают: «Не будь голенаста, а будь пузаста; не будь пустая, а будь тугая; не будь красна, а будь вкусна; не будь стара, а будь молода; не будь мала, а будь нелика».

6 мая. *Горошники*

С этого дня поселяне начинают сеять горох. Этот день слывет у них под именем *Горошника*; а в других местах говорят: «Приходи работать на белые горохи».

В Тульской губернии сеянье гороха сопровождалось особенным приговором: «Сею, сею бел горох; уродися, мой горох,

и крупен, и бел, и сам тридесят, старым бабам на потеху, молодым ребятам на веселье».

Огородники в этот день замечают росу: если будет большая роса, то ожидают большого рода огурцам. Этот день известен у них под именем Росенника.

8 мая. *Посев*

В степных местах с этого дня начинаются ранние посевы пшеницы, а в Костромской губернии еще только оканчивают паханием под пшеницу. Зажиточные поселяне на этот день пекли обетные пироги и угощали ими бедных соседей и прохожих людей. Старики для встречи прохожего человека выхаживали на большие дороги и перекрестки. Худая примета западала на сердце старика, когда он возвращался назад с пирогом; с отчаянием встречали его все домочадцы. До обетного пирога никто не касался: его отдавали птицам на съедение. Замечательны и слова тоскующего старика над обетным пирогом: «Прогневил я господа создателя при старости лет; не послал мне доброго человека разделить хлеб трудовой; не в угоду Его святой милости было накормить мне горемычного, при истоме усладить мне старого старика в безвременьице. А и как-то будет мне на мир божий глядеть, на добрых людей смотреть! А и как-то мне будет за хлеб приниматься!» Так крепко блюлись заветные обычаи нашей родной старины.

9 мая. *Приметы*

Наши наблюдательные поселяне сохранили свои приметы об этом дне в поговорках: «Никола осенний лошадь на двор загонит, а Никола весенний лошадь откормит. – Егорий с ношей, а Никола с возом. – Никола вешний с теплом. – До Николы крепись, а с Николы живи, не тужи. – Прошел бы Николин день, а то будет тепло. – Городи городьбу после Николина дня. – Не хвались на Юрьев день посевом, а хвались на

Николин травой. – Велика милость мужику на Николин день, когда поле польет дождичком».

В замосковных селениях с этого дня выгоняют лошадей на *ночнину*. Для этого вечера из каждого семейства снаряжаются холостые ребята и всем селом провожают их до поля. Для этого дня пекутся пироги с гречневой кашей. Ребята всю ночь проводят в играх. В белорусских селениях бывает на этот день праздник *конюхов*. Конюхи с подарками и пирогами, после угощений, едут на ночлег с лошадьми и целую ночь проводят в гулянии.

10 мая. *Посев*

В селениях Смоленской и белорусских губерниях сеят на этот день пшеницу. Тамошние поселяне говорят: «Кто сеет пшеницу на день св. Симона Зилота, у того родится пшеница аки золото».

11 мая. *Замечания*

В селениях Костромской губернии «замечают, если этот день будет *мокрый*, то и все лето будет мокрое. В Тульской губернии, по замечаниям поселян, случившиеся в этот день туманы означают также сырое лето. Там же замечают: если солнце восходит в этот день на красном небе, то ожидают лета грозного и пожарного.

13 мая. *Комарницы*

В Рязанской губернии в этот день, говорят поселяне, появляются *комары* вместе с теплым ветром. Этот день у них известен под именем *комарницы*. Наши поселяне думают, что комары пред осенью уносятся ветрами на теплые моря и весною опять приносятся на Русь, где всего урожается вдоволь на все души.

В Москве на этот день, в старину, было гулянье на Девичьем поле.

14 мая. *Прилет птиц*

В Тульской и других смежных губерниях утверждают поселяне, что на этот день прилетают из-за теплых морей *стрижи* и *касаточки*, а с ними приносится тепло.

В селениях: Московской, Ярославской и Костромской губерний полагают, что с этого дня прекращаются северные ветры. Там говорят: «На день св. Исидора отойдут все сиверы» или: «Как пройдет Исидоров день, так пройдут и сиверы».

18 мая. *Приметы*

По медленному развертыванию дубовых листов в Тульской губернии замечают о будущем урожае ярового хлеба. Там говорят: «Сей овес, когда дуб развернется в заячье ухо. – На дубу лист в пятак, быть яровому так. – Коли на день св. Федота на дубу макушка с опушкой, будешь мерить овес кадушкой. – Не сей пшеницу прежде дубового листа». Поселяне на этот день, увидевши совершенно развернутый дуб, предполагают, что земля *принялась за свой род.*

20 мая. *Огуречники*

В Рязанской губернии на день святого Филиппа начинают садить огурцы. Там эти дни известны под именем *огуречников.*

21 мая. *Посев льна*

На день св. Елены поселяне начинают сеять лен. Этот день они называют: *длинные льны*. В надежде на хороший урожай льна старушки с каждой бабы собирают по паре печеных куриных яиц и кладут их тихонько в мешок с се-

менами. Мужик-сеяльщик, хотя бы и знал об этом заранее, но должен молчать – иначе ему не будет житья от баб и на все село прослывет озорником. Выезжая на поле, он прежде всего принимается за завтрак и домой привозит одни только скорлупки.

В Костромской губернии поселяне говорят: «Лен с ярью не ладит». Потому-то самому они никогда *на льнищах* не сеют ярового хлеба, будто другое ничто не родится на них.

23 мая. *Приметы*

В Тульской губернии на день св. Леонтия садят огурцы. Там наблюдают, чтобы первую посадку никто не видал, и потому всегда скрывают первую гряду и первый выросший огурец. Этот первенец тут же зарывается. Огородники думают, что по его только милости могут расти огурцы. Ветви желтые, поблекшие на грядах считают зазозренными от постороннего глаза, подсмотревшего на росту первый огурец.

25 мая. *Приметы*

Поселяне замечают, что с этого дня будто появляются худые, вредные росы. Заболит ли скотина, и они говорят: «Верно напали на *медяную росу*». Заблекнут ли на сухом дереве листья, считают, что завелась медяная роса. Заболит ли ребенок, думают наверное, что он бегал по медяной росе. От медяной росы не скоро избавляется больной: надобно знахаря, да знахаря. В этот день замечают *рябину*. Если на ней бывает много цветов, то полагают, что будет хороший урожай овса. При малом цвете говорят: «Знать рябину на цвету, что идет к мату».

29 мая. *Колосяницы*

По замечанию поселян, на день св. Феодосии начинает рожь колоситься. От этого самого и сей день у них известен

под именем колосяницы. Старики поселяне говорят: рожь две недели зеленится, две недели колосится, две недели отцветает, две недели наливает, две недели подсыхает. В Архангельской губернии говорят: «Хлеб поспевает из закрома в закром в восемь недель».

С этого дня начинают скотину кормить печеными сочнями и хлебными баранками с надеждою, чтобы она более плодилась.

30 мая. *Приметы*

В селениях Тульской губернии замечают, что с этого дня будто бродят змеи по лесам станицами и что их тогда убивать очень опасно. Поселяне думают, что змеи тогда идут поездом на свои свадьбы и что каждому встречному готовы мстить без милосердия, и что от укушения змеи в этот день ни один колдун не может заговорить.

На этот день начинают садить бобы. Дальновидные старушки иначе не приступают к сажанию бобов, как наперед не вымочивши их в озимой воде. Озимую воду для этого собирают в лесных оврагах, где долго лежит снег. При сажании бобов они приговаривают: «Уродитесь, бобы, и крупны и велики, на все доли, на старых и малых, на весь мир крещеный».

Месяц июнь

Слово: *июнь*, или *июний,* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные, славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки* называли его: изок, *поляки*: червец, *чехи* и *словаки*: червень, *иллирийцы*: липань, *кроаты*: розенцвет, иванчак, клисень, *сорабы*: смазник, розовой, *карниольцы*: розенцвет, кресник, *венды*: шестник, прашник, кресник. В старой русской жизни месяц июнь был четвертым. Когда год начинали считать с сентября, он был десятым; а с 1700 года он приходится, по счету, шестым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В ИЮНЕ МЕСЯЦЕ

1 июня. *Приметы*

В селениях Тульской губернии замечают старики восход солнца. Если солнце восходит на чистом небе, ясно освещает поля, то полагают, что будет хороший налив ржи. По дождливому и мрачному дню старушки угадывают о добром урожае льна и конопель.

3 июня. *Наблюдения*

В Владимирской, Ярославской и Тверской губерниях поселяне наблюдают течение ветров: ветер московский или южный приносит с собою скорый рост яровым хлебам; ветер северо-западный предвещает сырую погоду и приносит болезни; ветер восточный, по их замечаниям, всегда уже влечет за собою наносные болезни.

В Тульской губернии поселяне более всего опасаются северо-восточного ветра, который будто бы приносит с собою беспрерывные дожди, вредные при наливании ржи.

8 июня. *Наблюдения*

Гром и молния, появляющиеся с этого дня, по замечанию поселян Тульской губернии, предвещают худую уборку сена. Старушки с этого дня наблюдают восход льна и конопель по утренним росам. Они замечают, что если утренниками появляются большие росы, хотя бы лето было и сухое, урожай будет хороший и выгодный для сбыта.

Колодезники, особенный класс народа на Руси, выводящие начало своего искусства из Вологодской и Пермской губерний, считают сей день важным в своих работах. С вечера под этот день они кладут сковороды на места, назначенные для колодезей. На другое утро, при солнечном восходе, они снима-

ют их и, по отпотевшей сковороде, выводят свои наблюдения: сковорода, покрытая водяными струями, указывает на обильные *водяные жилы;* сковорода, слегка отпотевшая, обещает *маловодный* колодезь; сковорода, совершенно сухая, ничего не обещает хорошего; сковорода, облитая дождем, предвещает все невыгоды их летних занятий.

10 июня. *Поверья*

По замечаниям поселян, будто к голодному году на этот день бывают разные *знамения*: то по гумнам бегают *вереницами* мыши, что никакой глаз сосчитать их не может; то по полям во все утро бродят голодные волки стадами, что ужас нападает и на самого бесстрашного; то вороны стадами летят из-за лесов, что и свету божьего не видно; то будто самая земля стонет и так жалобно, что у крепкого мужика текут слезы от надсады; то будто яровой и озимый хлеб играет от межи до межи, что православному человеку и глядеть страшно на такие ужасти; то будто весь скот ходит по полю избитым и изломанным, что у мужика опускаются с горя руки. Всего этого вдруг будто в одном месте не бывает: одно знамение покажется в одном месте, другое в другом. Зато в селах знают все, что делается в других местах. Стоит только одному мужику съездить на базар, так уж к вечеру верно будут знать в десяти деревнях, что делается и было доброго и худого у соседей.

12 июня. *Приметы*

Наблюдательные поселяне говорят, что на день св. Петра Афонского солнце *укорачивает свой ход, а месяц на прибыль идет*. Это будто происходит оттого, что *солнце поворачивается на зиму, а лето на жары*.

Огородники производят на этот день последний посев огурцам и рассаживают последнюю рассаду. (Тот день у них известен под именем: *запоздалого капустника*).

13 июня. *Гречишницы*

В степных губерниях поселяне начинают сеять гречиху, смотря по погоде. Обыкновенный срок сеяния гречихи, по их замечаниям, наступает «или за неделю до Акулин, или спустя неделю после Акулин». Наши поселяне сохранили о гречихе свои наблюдения в поговорках: *гречиху сей, когда рожь хороша*. – Или: *не ровна гречиха, не ровна и земля: в иную и воз бросишь, да после зерна не сберешь*. – Или: *холь гречиху до посева, да сохни до покоса*. – Или: *осударыня гречиха ходит боярыней, а как хватит морозу, веди на калечий двор. – Не верь гречихе на цвету, а верь закрому*.

По старому русскому обычаю, наши степные поселяне варили в этот день *мирскую кашу для нищей братии*. На такой радушный привет сходились нищие и слепые со всех сторон. После небогатого, но сытного стола *нищия братия* благодарила хозяев ласковым словом: «Спасибо вам, хозяин с хозяюшкой, со малыми детками и со всем честным родом – на хлебе, на соли, на богатой каше! Уроди боже вам, православным, гречи без счету. Без хлеба, да и без каши ни во что и труды наши».

Наши слепцы из нищей братии сохранили **народную сказку о переселении гречи на Русь**. Вот она:

«За синими морями, за крутыми горами жил-был царь с царицей. На старость послал им Господь на утеху единое детище, дочь, красоты несказанныя. Вот они, царь с царицей, и думают думу крепкую: как бы им назвать свое нарожденное детище? И молвит царь: а кабы так назвать? А царица молвит: а и то-то имя есть у боярина. И молвит царь на инако? А царица молвит: а и то-то имя есть у княжича. И молвит царь: ну ин так шать? А царица молвит: а и то-то имя есть у посадского. Думали, думали и придумали: пошлем, де, посла на встречного спрошать по имени и по изотчеству, и во то имя наречем нарожденное детище. И ту свою думу крепкую

оповедали князьям и боярам. И князья и бояре приговорили: быть делу так! Снарядили посла.

По слову царскому, по приговору боярскому идет посол искать встречного, спрошать его по имени и по изотчеству, чем бы можно наречи нарожденную дочь у царя с царицей. Сидит посол на перекресице день, сидит и другой. На третий день ко вечеру идет навстречу старая старуха во Киев град Богу молитися. Вот и молвит ей посол думу царскую: «Бог на помочь, стар человек! Скажи всю правду, не утай: как тебя звать по имени, да и как величать по изотчеству?» И молвит в отповедь ему старая старуха: «Осударь, ты мой боярин милостивой! Как народилась я волею божьею на белый свет, и туто, де, отец с матерью нарекли меня: Крупеничкою», а как звали батюшку родимого, то она во своем сиротстве не помнит. И учал посол пытать старую старуху: «Али ты, старая, из ума выжила, али на те, старую, дурь нашла – что невесть что говоришь? Да такого имя слухом не слыхать, видом не видать, как белый свет стоит. Буде ты, старая, на правду не идешь, ино не ходить тебе на сырой земле. Спокайся и молви без утайки». И взмолилась старая старуха: «Осударь, ты мой боярин милостивой! Не вели казнить, вели слово вымолвить. Оповедала я тебе, боярину, всю правду со истиной, молвила все дело без утайки. А во всем во том кладу порукою всех святых и угодников. Умилосердись, осударь, ты мой боярин милостивой! Пусти душу на покаяние, не дай во грехах умереть». И думает боярин сам с собой: «А и что? Никак, старая правду молвила? А и что старую до пытки доводить? Быть делу так, как молвила старая». Отпускал боярин старую старуху во Киев-град Богу молитися, а на отпуске наделял золотой казной, да и крепко наказывал: молитися за царя с царицей, да и за их нарожденное детище. С диву дивовалася старая, что с нею содеялось, а со того дива еле душа во теле осталася. Идет посол ко князьям и боярам оповедати содеянное. Входит он, посол, во палату боярскую, посередь пола становится, на все стороны поклоняется, а сам и молвит им, боярам, речь посольскую: «По слову царскому, по приговору боярскому, правил

я посольство на перекресице на встречного, а на том посольстве было дело так: сидел я на перекресице три дня с места не сходючи, ни едину ночь не всыпаючи, а на третий день идет встречная старая старуха, а ей-то молвил: скажи всю правду, не утай: как звать тебя по имени, да и как величать по изотчеству? И на ту речь посольскую молвит в отповедь старая старуха: как народилась она волею божьею на белый свет, и туто, де, отец с матерью нарекли ее: Крупеничкой, а как звали ее батюшку родимого, про то она, старая, во своем сиротстве не помнит. И он, де, посол, выслушавши такие речи небывалые, пытал старую старуху крепко-накрепко, да и с угрозою. И она, де, старая, крепко стояла на своем слове: оповедала, де, всю правду со истиной, молвила, де, все дело без утайки. И он, де, посол, принял те речи за правдивые, отпустил старую старуху во Киев-град богу помолитися, а на отпуске наделял золотой казной, да и крепко наказывал: молитися за царя с царицей, да за их нарожденное детище». А опосле того он, посол, клал на стол статьи писанные, что деялось во посольстве. От тоя речи посольские все князья и бояре с диву дивовалися, что содеялось. И приговорили бояре: оповедать царю все дело посольское, а на челобитье поднесть статьи писаные всему делу посольскому.

Идут князья и бояре во терем княженецкой со словом посольским, со статьями писаными. Как взошли они, князья и бояре, во терем ко своему осударю царю, били челом, о сыру землю кланялись, а на челобитьице молвили всю речь и подносили статьи писаные всему делу посольскому. Слушает осударь царь речь посольскую, читает статьи писаные всему делу посольскому, да и возговорит опослей того: быть делу тому так, как содеялось.

И нарекали царь с царицей свое нарожденное детище, но имя встречного, Крупеничкой. Вырастает та царская дочь Крупеничка не по дням, а по часам, спознавает всякую мудрость книжную болей старых стариков, а на возрасте печаловалась о старом и о малом. Вот и задумали царь с царицей: кабы свое детище замуж отдать? И опосылают послов во все

царства и государства, да и по всем королевствам искать себе зятя, а своему детищу мужа.

Не думано, не гадано подымалась Золота орда бесерменская на его, осударя царя, войной воевать, его царство полоном полонить, его слуг верных сгубить. Выходил осударь царь на Золоту орду бесерменскую войной воевать со всеми князьями и боярами, со всем своим царством, опричь баб и ребят и старых стариков. На той войне ему, осударю царю, не посчастливилось: положил он, осударь царь, свою голову со всеми князьями и боярами, со всем своим воинством. А и та Золота орда бесерменская полонила полоном всех баб и ребят, всех старых стариков. А и того царства кабы не бывало.

Доставалась та царская дочь Крупеничка злому татарину во полон. И он ли, злой татарин, нудил Крупеничку во свою веру бесерменскую. Я, де, тебя, Крупеничка, молвит он, собака, за то наряжу во наряд оксамитной, во монисто с ожерельицем. Будешь ты, Крупеничка, молвит он, окаянной, ходить в чистом золоте, будешь спать на хрустальчатой кроватушке, будешь есть яства лебединые, будешь пить питья медвяные. Его-то речам бесерменским она, Крупеничка, веры неймет; его-то словам окаянным она, Крупеничка, и отповеди не дает. А и думает он, злой татарин: «Ай, постой ты, Крупеничка, аи, погоди ты, упрямая! А я те во работу отдам, а я те во неволю пошлю». И мучал он, окаянной, Крупеничку работою великою, неволею тяжкою ровно три года; а на четвертый год нудить стал во свою веру бесерменскую. И стояла она, Крупеничка, крепко на своей Православной вере.

Во те поры проходила старая старуха из Киева через Золоту орду бесерменскую. Вот и видит она, старая, Крупеничку в работе великой, во неволе тяжкой. И стало жаль ей, старой, Крупеничку. И оборачивает она, старая, Крупеничку во гречневое зернышко и кладет то гречневое зернышко во свою калиту. Идет она, старая, путем, дорогой немалою на святую Русь. И в те поры возговорит ей Крупеничка: «Сослужила ты для меня службу немалую, спасла меня от работы

великие и тяжкие; сослужи еще службу последнюю: как придешь на святую Русь, на широки поля, привольные, схорони меня в землю». Старуха по сказанному, как по писаному, все сделала, что заповедала ей Крупеничка. Как схоронила она, старуха, гречневое зернышко на святой земле Русской, на широком поле, привольном, и учало то зернышко в рост идтить, и выросла из того зернышка греча о семидесяти семи зернах. Повеяли ветры со всех со четырех сторон, разнесли те семьдесят семь зерн на семьдесят семь полей. С той поры на святой Руси расплодилась греча. А то старина, а то и деянье добрым людям во услышанье».

Поселяне Нерехотского уезда день 13 июня называют: *бызы*. По их замечаниям, в этот день нападают мухи на скотину, которая с беспокойством отмахивается от них хвостом и бегает взад и вперед. Глядя на тревогу скотины, они говорят: «Пошли бызы на скотину».

16 июня. *Приметы. – Толока*

Поселяне думают, с этого дня начинают *затихать певчие птицы*, кроме соловья, который будто только поет до Петрова дня.

В белорусских селениях на этот день отправляется *толока*, пир для тружеников, собранных *на помочь* унавоживать поля. Избранных охотников угощают обедом, вином и брагою; песни и игры оканчивают пиршество *толоки*. В Вятской и Пермской губерниях удобрение полей начинается с Петрова дня. Там вместо толоки весь сбор рабочих называется *помочи*. Смоленские толоки описал Кельхен в своей Лифляндской истории и говорит, что слово *толоки* происходит от древнего эстского слова *Talek*, означающего работу за питье и кушанье. Русские помочи заведены с другою целью – обеспечить бедные семейства, и самые увеселения, отправляемые рабочими, называются: в *назьмы играть*.

20 июня. *Приметы*

С этого дня перепелиные охотники наблюдают приметы об удачном лове. По их замечаниям, если над озимым хлебом носится паутина, летает мушкара, то здесь-то более всего будут сбираться перепела. Каждый охотник старается для будущего счастья непременно в этот день поймать хоть одну птичку. Другие наблюдают, что там, где более слышно перепелиного свиста, всегда менее можно ожидать успеха. Охотники заранее приучаются к свистку и другим инструментам, завлекающим подражательным звуком к сбору перепелов. И у них есть своя страсть: поймать совершенно белого перепела, предводителя птиц своего рода, обещающего всегдашний успех в ловле. Записные охотники странствуют во ржах по целому месяцу.

23 июня. *Купальницы. – Обряды*

Наши поселяне купальницею называют особенную траву, известную под именем: *кошечьей дремы* (trollius europaeus). Другие это имя относят к *лютику* (ranunculus). Этой траве приписывают разные целебные действия. На Ваге и в Вологодской губернии сбирают утром траву купальницу, когда она бывает еще в росе, и сохраняют в стклянках для лечения. В селах из этой травы взрослые делают венки и парятся ими в банях. Дети из нее плетут венки, колпаки, шапки и надевают их на головы во время игр.

На Руси исстари велось париться в сей день, утреннею порою в банях, а днем купаться в реках или прудах. Поселяне Рязанской губернии этот день называют: *лютые коренья*. Смышленые старые люди, моясь и бане, парились лютыми кореньями в надежде помолодеть. В степных селениях вместо соломы набрасывали и печь жгучей крапивы и на ней паривались. Все это делалось для исцеления болезней. По выходе из бани садились за стол завтракать, где заранее становилась *постная каша*. Больных старух и *хворых* людей выносили в баню на жгучей крапиве и паривали целебными травами. Ку-

панье в реках начиналось с полдня и продолжалось до вечерен. В Переславле-Залесском купались в озере Клещине с песнями и играми. Там, пока одни купались, другие на берегу пели песни. В Зарайске выхаживали купаться на реку Осетр, к *белому колодцу*. Здесь между купаньем происходили игры и пиршества. В Туле прежде купанье детей происходило в пруде (ныне уничтоженном), на Ивановском монастыре. Пожилые старушки выходили с детьми умываться к студенцам. Здесь они, умывая детей, бросали в студенцы медные деньги, старые сорочки или дарили нищей братии, или сжигали в лесу.

Купальницкая обетная каша отправлялась с разными обрядами. Поселяне Нерехотского уезда предоставляли это дело красным девицам. Там они собирались к одной из своих подруг с вечера: *толокчи в ступе ячмень*. Песнями и веселыми играми сопровождается толчение ячменя. Рано утром варили из этого ячменя кашу, которую съедали во время полудень, с маслом. После полудника вывозили из сарая передовой станок от телеги на улицу. Одни из них садились на ось, другие, схватясь за оглобли, возили их по селению с песнями, потом выезжали на поле, где, по появлении вечерней росы, умывались для здоровья. В степных селениях обетную кашу варили пожилые женщиньд. Из разных семейств сносилась крупа, оставляемая для сего обряда от первого рушения. На эту кашу сзывались почетные старики и старушки после банного мытья. В селениях Тульской губернии в старину известна была еще *мирская каша*. Зажиточные семейства варивали эту кашу для нищей братии. Увечные, бесприютные люди заранее приглашались в баню и после угощаемы были мирскою кашею. Многие семейства считали это дело за необходимую обязанность в жизни. Усердные и сострадательные люди сами нашивали эту кашу по домам к бедным больным и по тюремным заведениям к колодникам. Все это делалось по обещанию, в память какого-нибудь избавления от бед или болезней.

Во многих местах имя Купальницы усвоивалось вместо названий. В Переславле-Залесском бываемая в этот день ярмарка, при Владимирской церкви, называется Купальницею. Дру-

гие называли этим именем поляны, где они собирали целебные травы. Иные называли самые студенцы купальницами.

В старину слепцы и нищая братия, после банного мытья и угощения мирскою кашею, воспевали **стихи про убогую вдовицу Купальницу**.

«Как во старом городе, во Киеве, как у богатого князя-боярина, у Неупокоя Мироновича жила во сиротстве убогая вдовица Купальница. Как у того ли у князя боярина, у Неупокоя Мироновича, было всякого богачества на все доли убогие. Золотой казной оделял он, князь-боярин, храмы божий, чистым серебром питал убогое сиротство. К его ли столам белодубовым, к его ли скатертям браным сходились калики перехожие со всех сторон. Всего было у князя-боярина вдоволь, одного только не было – желанного детища. Скорбит князь-боярин о своей беде, не знает, не ведает в своем горевaньице ни малой утехи. А и во той скорби дожил он и до старости. Во едину нощь видит он, князь-боярин, чудный сон: а кабы за городом за Киевом, подалей перевесища, лежит никем не знаема убогая вдовица во хворости и болести. А и тут ему, князю-боярину, послышался голос неведомый: возьми ты, князь-боярин, тую убогую вдовицу к себе во двор, пои и корми до исхода души. А и за то тебе будет во грехах отрада. Просыпается князь-боярин на утренней заре, выходит за Киев-град, ко тому ли перевесищу, и видит он туто наяву убогую вдовицу во хворости и болести. И спрошает князь-боярин ту убогую вдовицу: «А и скажи ты по правде и по истине, откуда родом ты, да и как тебя величать по имени и по изотчеству?» И молвит ему убогая вдовица: «Родом, де, я из Новагорода, а и зовут, де, меня Купальницей; а опричь того за старостию, де, своего роду и племени не помню». И нудил он, князь-боярин, тую убогую вдовицу на житье к себе во двор, а сам возговорит: «А и буду те поить, кормить до исхода души». И в отповедь молвит ему та убогая вдовица: «Спасибо те, князь-боярин дорогой, на ласковом слове, на великом жалованье. А созови ты наперед того нищую братию, всех калик

перехожиих, да напой и накорми сытой медовой, кашей грешневой». Идет боярин к себе во двор, опосылает своих верных слуг по всем дорогам и перепутьицам кликать клич на нищую братию, калик перехожиих. Сходилася нищая братия, все калики перехожие ко князю-боярину на широк двор. А и тут к нему опослей всех приходила убогая вдовица Купальница, а садилась с нищей братией за столы белодубовые, за скатерти браные. И выходил тутo к ним князь-боярин дорогой, бил челом всей нищей братии, каликам перехожиим, поил, кормил их сытой медовой, кашей грешневой. Со той поры поселилась у князя-боярина во дворе убогая вдовица Купальница; с той поры строил он кормы ежегод про всю нищую братию, про всех калик перехожиих*; а на тех кормах была сыта медовая да каша грешневая. И жила та убогая вдова Купальница у князя-боярина во дворе до исхода души».*

24 июня. *Иванов день. – Купало. – Обряды*

Народное празднество, отправляемое на Руси в Ивановскую ночь, известно во всем славянском мире. Отличительные обряды этого празднества составляют: *зажженные костры, песни, игры, перепрыгивание чрез огонь и крапивные кусты, купанье ночью в росе, а днем в реках, пляски вокруг дерева марины и погружение его в воду, зарывание трав, поверье о полете ведьм на Лысую гору.* Купало и Купальские огни известны более в Великой России, Малоруссии и Белоруссии. Новейшие мифографы включили Купало в число славянских божеств; но его не было ни в Киеве, ни в других славянских землях. Об нем не говорят ни Нестор, ни другие писатели; это слово известно в наших письменных памятниках с XVII столетия.

Русское Ивановское празднество известно у чехов, сербов, моравов, карпато-россов, болгар и поляков. Там Ивановская ночь известна под именем *Соботок*. Самое величественное торжество этого дня совершается славянами в Силезии и чехами. Там ивановские огни горят на Карпатских горах, Судетах и Крконошах на пространстве нескольких сот верст.

Гулевой народ опоясывается перевязями из цветов, на головы надевают венки из трав, составляют хороводы, поют песни, старики добывают из дерев живой огонь. После перепрыгивания чрез костры огней купаются в росе. Поляки, по описанию Кохановского, отправляли этот день в черном лесу в Сендомирском воеводстве. В песне купальской они поют там, что это празднество передали им матери:

Takto matki nam podaly,
Same takze z drugich mialy
Ze na dzien Swietego Jana
Zawzdy Sobotka palana (*польск.*)*.

Голембовский говорит, что польские поселяне, опоясанные чернобыльником, целую ночь прыгают около огней. Ивановские празднества в Кракове отправлялись на Кремионках, в Варшаве на берегу Вислы и на острове Саксонском. Огиер, путешествовавший по Польше в 1635 г., говорит, что огни изжигались на площадях, около лесов и в разных окрестностях, в дома сносились цветы, травы. Ивановский огонь назывался тогда у них: kresz. Польский писатель Мартин свидетельствует об участии поляков XVI века в этом торжестве: «С вечера Иванова дня женщины зажигали огни, плясали кругом их, пели песни, воздавая честь и мольбы демону. Сего языческого обычая доселе не оставляют в Польше, приносят жертвы из травы чернобыльника, зажигают костры огнем, полученным чрез трение дерево об дерево». Сербы думают, что *Иван дан* столь велик, что для него солнце на небе трижды останавливается. У Вука Стефановича находим сербские Ивановские песни: «Иваньско цведье, Петровско» и проч. Литовцорусы называют Ивановское празднество – *праздником росы*. С вечера, под Ивановскую

* Так-то матери нам передали
Сами также у других переняли,
Чтобы на день святого Яна
Всегда была Соботка опалена.

ночь они собираются на избранном месте, на поляне ставят шалаши, разводят огни, поют песни, пляшут с факелами и перескакивают чрез огонь. Рано утром отправляются в лес – *на росу*. Утренние сборы называются у них *стадом*, а пляска *коркодоном*. Утром сбирались травы для врачевания и чарования. Литовцо-руссы верят и в папортников цвет.

В письменных памятниках великорусские ивановские обряды известны не ранее XVI века. О псковских обрядах говорит игумен Памфил в своем послании к псковскому наместнику: «Егда приходит великий праздник день Рождества Предтечева, исходят огньницы, мужие и жены чаровицы по лугам, и по болотам, и в пустыни, и в дубровы, ищущи смертные отравы и приветрочрева, от травного зелия на пагубу человеком и скотом; тут же и дивии корения копают на потворепие мужем своим. Сия вся творят действом диаволим в день Предтечев с приговоры сатанинскими. Егда бо приидет самый праздник Рождество Предтечево, тогда во святую ту нощь мало не весь град возмятется, и в селех возбесятся в бубны, и в сопели, и гудением струнным и всякими неподобными играми сатанинскими, плесканием и плясанием, женам же и девкам и главами киванием и устнами их неприязнен кличь, вся скверные бесовские песни, и хребтом их вихляния и йогам их скакание и топтание; что же бысть во градех и и селех». На Стоглавом соборе говорили: «Против праздника Рождества великого Иоанна Предтечи, и в ночи на самый праздник, и в весь день и до нощи, мужи и жены и дети в домех и по улицам ходя и по водам глумы творят всякими играми, и всякими скомрашествы, и песни сатанинскими и плясками, гусльми и иными многими виды и скаредными образовании. И егда нощь мимо ходит, тогда отходят к роще с великим кричанием, аки бесы омываются росою». В указе 1721 года, 17 апреля сказано: «К тому ж будто бы воспоминают мерзких идолов, в них же был некий идол Купало, ему же на Велик день приносили жертву оным купанием; о чем пространно зрится в Летописце Киевском». О малорусских обрядах Ивановской ночи Гизель в своем Синопсисе писал по-своему: «Пятый

идол Купало, его же бога плодов земных быти мняху, и ему прелестию бесовскою омрачении благодарения и жертвы в начале жнив приношаху. Того же Купало бога, истинны беса, и доселе по некиим странам российским еще память держится; наипаче же в навечерии Рождества св. Иоанна Крестителя, собравшеся ввечеру юноши мужеска, девическа и женска пола соплетают себе венцы от зелия некоего и возлагают на главу и опоясуются ими. Еще на том бесовском игралище кладут и огнь, и окрест его емшеся за руце нечестиво ходят и скачут и песни поют, скверного Купала часто повторяюще и чрез огнь прескачуще, самих себя тому же бесу Купале в жертву приносят». В Потребнике 1639 года находим: «Нецыи пожар запалив, предскакаху по древнему некоему обычаю». Таковы известия, сохранившиеся в наших письменных памятниках. Перейдем теперь к описанию народного празднества, отправляемого в разных местах. Следы обрядов Ивановского празднества, сохранившегося в новгородских окрестностях, суть следующая:

В старой Ладоге ивановские огни совершаются на горе Победище, при впадении речки в Волхов. Там сей огонь, добытый при трении из дерева, известен под именем*: живого, лесного, царя огня, лекарственного*. Тихвинцы купаются в озере, находящемся близ Антониева Дымского монастыря. После купают там и лошадей хворых. В окрестностях Петербурга, по рижской дороге бывали в XVIII веке ивановские огни, где участвовали вместе с русскими и ижорцы. Последние это игрище называли: *кокуем*. В Лужском уезде, по реке Луге, Ивановское празднество известно более под именем Соботок. Вероятно, что это название занесено из Литвы.

В Парголове ростовские переселенцы справляют ивановские огни со всеми обрядами. Зажженные костры, игры, песни и купанье там одинаковы со всеми другими обычаями, встречаемыми в московских окрестностях.

В московских окрестностях ивановские огни зажигались на горах, полях и по берегам рек. Чрез эти огни перескакивали мужчины и женщины, перегоняли скот. Игры и песни продолжаются до утренней зари. Заметим важное обстоятельство:

великоруссы *не поют песен с именем Купало*, как это находим у малоруссов. Москвитяне Иванов день празднуют на *трех горах*. В Туле это празднество отправлялось близ Щегловской засеки. Вечером 23 июня крестьяне выходят в поле в чистых белых рубашках, составляют костры из хворосту; другие приносят с собою дегтярные баклаги. Старики садятся в кружок и начинают чрез трение добывать огонь из двух старых, сухих дерев. Кругом их все стоят в глубоком молчании. Едва показался огонь, все ожило, запело и завеселилось. Зажигаются костры и баклаги. Молодые поют и пляшут, старики сидят в кружках, беседуют о старине и от радости попивают винцо. Часто случалось видеть, как над этим костром старушки-матери сжигали сорочки, взятые с больных детей, с полною уверенностью, что от сего обряда прекратятся болезни. Наш народ думает, что перескакивание чрез огонь избавляет от очарования. В купаньи утренней росою они полагают очищение тела и избавление от болезней. Других поверий мне не случилось слышать. Напрасно я доискивался проверить на месте остроумные замечания наших изыскательных археологов, которые в празднествах Купалы и Купальницы отыскивают мифы физические и астрологические, видят в них почитание солнца и луны, находят благоговение к стихиям природы – огню и воде. Наш народ этого не знает и не понимает. Может быть, или самое время истребило эти понятия в народе, или господа археологи слишком умствуют в идеях водопоклонения и травоволхвования. По крайней мере, остается одно верным, что в этих идеях не участвует великорусский народ.

В малорусских селениях ивановские огни соединяются с особенными обрядами, которых нет у великорусского народа. Здесь видим: крапивный куст, куклу, пирование около дерева марины; здесь слышим песни с именем Купало. В Харьковской губернии поселяне собираются в назначенное место и перепрыгивают чрез крапивный куст. В старину перепрыгивание бывало чрез зажженную солому с песнями купальскими. Другие срубают дерево марину, украшают его венком из цветов и относят его в отдаленное место. Здесь под деревом сажали

куклу, изукрашенную разными уборами. Подле дерева ставили стол с горилкою и закусками. Молодые, схватясь руками, ходили вокруг дерева и пели песни. По окончании игр снимали дерево с песнями и относили к реке. Во время сего поезда пьют горилку и едят закуски. С приходом к реке начинали все купаться. Дерево марину потопляли в реке. В других местах куклу делали не более трех четвертей аршина, украшали цветочным венком и с ней перепрыгивали чрез огонь. Иные делали куклу из соломы в рост человека, одевали в женскую рубашку, голову убирали лентами и намистами. Кукла с именем Купала ставилась подле дерева марины, черноклена. Женщины одевались в праздничное платье, венки для головы сплетались из цветов и перевивались кануфером и другими душистыми травами. Венками закрывали лица до половины. В некоторых местах, когда приносили дерево и куклу к реке, то прежде снимали с себя венки, которые или прямо бросали в воду, или надевали на куклу. Другие тайно уносили с собой венки и вешали их в сенях, для предохранения от бед и напастей. В селениях Подольской и Волынской губерний поселяне, приходя в назначенное место, приносили с собой ветвь вербы, убранной цветами. Эта верба, называемая у них Купайло, утверждалась в землю, вокруг ее ходили и пели купальские песни. После песен девицы становились подле вербы, а мужчины отходили в сторону. Потом вдруг мужчины нападали на девиц, похищали вербу и обрывали ее в клочки.

Зарывание трав на Иванов день производится великорусами и малорусами. Поверье о цвете папоротника, или кочедыжника, цветущего огненным цветом в Ивановскую ночь, есть общее в народе. Знахарки отыскивают *разрыв-траву, терлич и архилин*. О последней говорят, что «она растет при большой реке, срывать ее должно чрез золотую или серебряную гривну, а кто носит на себе, и тот не будет бояться ни дьявола, ни еретика, ни злого человека». Народ собирает свои травы: *купаленку, медвежье ушко, богатеньку*. Эту последнюю траву поселяне Новгородской губернии вешают на стену на имя каждого человека. Чей цвет завянет, тот или умрет, или заболеет

на этот год. Тихвинцы и ладожане в истопленную баню приносят веники с травою Иван-да-Марья и парятся ими на здоровье. В муравьиных кочках отыскивают целебное масло. В садах, под корнем чернобыльника, отыскивают земляной уголь, исцеляющий черную немочь и падучую болезнь. В Малороссии сбирают: *голубые сокирки, красные пахучие васильки, пунцовые черевички, панский мак, желтый зверобой, ноготки, разноцвет, мяту, канупер, колокольчики, полынь.* Из этих трав свивают *купальский венок*, а полынь носят под мышками, в предохранение от обаяния нечистой силы. В Белоруссии есть народное предание о мужике, которому цвет папоротника попал в лапоть. Этот счастливец знал, где закопаны были клады, где лежали деньги; но он его как-то под хмельком потерял, а с ним исчезло и все знание о кладах.

Народное предание о полете ведьм на Лысую гору известно по всей Руси. Народ твердо уверен, что они в Ивановскую ночь летают на эту гору на помелах. Малорусы знают, что они слетаются на *Чертово Беремище* под Киевом. У поляков эта Лысая гора известна под Сендомиром. Белоруссы говорят, что сборище ведьм бывает на горе Шатрии, где могила Альциса и где угощает их чародейка Яусперита. Подробности о ведьмах будут изложены в демонологии. Белоруссы из предосторожности запирают в Ивановскую ночь лошадей, боясь, чтобы на них не поехали ведьмы на Лысую гору. Малорусы для защиты от ведьм вешают на окнах и порогах дверей жгучую крапиву. Великоруссы думают, что с этой ночи появляются *светляки – ивановские червячки*. Дети, кладя их на ладонь, говорят: «Иванушка, Иванушка! полетай за Волгу, там тепленько, а здесь холодненько». Наши огородники по обильной ивановской росе угадывают о большом урожае огурцов.

26 июня. *Приметы*

В замосковных селениях полагают, что с этого дня начинает *поспевать земляника*. Пчельники твердо уверены, что тогда же пчелы вылетают из ульев за медовым сбором.

27 июня. *Приметы*

В северных губерниях замечают в сей день о погоде. Если на день св. Самсона будет дождь, то все лето будет мокрое до бабьего лета. В Сибири сей день называется: *Никола обыденный*. В Тобольске приводят на этот день лошадей к церкви Рождества Богородицы, служат молебны и после кропят лошадей св. водою.

29 июня. *Приметы. – Обряды. – Играние солнца*

Поселяне все свои наблюдения сохранили об этом в поговорках: *На Петров день и солнышко играет. – С Петрова дни красное лето, зеленой покос. – Женское лето по Петров день. – С Петрова дни и барашка в лоб. – С Петрова дни зорница зорит хлеб. – Петр и Павел два часа прибавил. – Утешили бабу петровские жары голодухой. – У мужика то и праздник, что Петров день. – Строй косы и серпы к Петрову дню, так будешь мужик. – Не хвались, баба, что зелен луг, а смотри, каков Петров день.*

В старину Петров день был сроком судов и взносов дани и пошлин. Известна еще *Петровская дань*, в которой «тянули попы». По зазывным грамотам приезжали в Москву *ставиться на суд. Петровские торги*, известные с XVI века, составляли особенные местные ярмарки по селам.

На Петров день бывают *обетные угощения*. Так, на Ваге и в Вельском уезде тещи приносят почетный сыр своим зятьям, во второй год бракосочетания. Зять угощает тещу при сборе всех родных. В степных селениях бывало в старину проведывание крестников. Кумы принашивали своим крестникам пшеничные пироги. В Тульской губернии сваты со стороны жениной родни угощали сватов ужином, что называлось у них *отводным столом*.

Поселяне Тульской губернии выходят под Петров день *караулить солнце*, как оно будет *играть на небе* при восходе. Это верование, известное исландцам, сохранилось только в

Тульской губернии. Поселяне всех возрастов собираются на пригорки, раскладывают огонь и в ожидании солнца проводят ночь в играх и песнях. Едва начинает восходить солнце, все испускают радостные клики. Старики наблюдают, как солнышко играет по небу: оно то покажется, то спрячется; то взойдет вверх, то опустится вниз; то заблещет разными цветами – голубым, розовым и белым, то засияет ясно, что ничьи глаза не стерпят. Молодые поют песню: «Ой, ладо! на кургане».

Петровские гулянья отправляются почти во всей Великой России с песнями, хороводами и рельными качелями. В Туле гуляют на оружейной стороне, и самое гулянье слывет *Облупою*. Там говорят: «Пойдем на Облупу. – Был ты на Облупе?» В Туле к этому дню окрашивают яйца в желтую краску пупавками и продают их на гуляньях. В Кашине бывает гулянье у Клобукова монастыря, близ Петропавловской церкви, подле родника. Старики умываются из родника для здоровья, молодые веселятся. Там прежде бывало ночное гулянье с особенным обрядом: холостые парни прогуливались с закрытым лицом, а девицы с полуоткрытым. В это время девицы должны были угадывать мужчин.

Часто от соперничества и за нескромное слово гулянье обращалось в побоище. В Старицах народ выходил на три ключа, за четыре версты от города, пить воду из родников и веселиться. В Переславле-Залесском бывают гулянья на разных местах: у села Веськова на Гремячем ключе, на Александровской горе около села Городища, на берегу озера Клещина. В Ярославле в Таборах, близ Петропавловской церкви, где, по преданию, стоял князь Пожарский со своими дружинами в 1612 году.

Поселяне замечают, что если на Петров день пойдет дождь, то сенокосы будут мокрые. В Тульской губернии говорят, что с сего дня перестают петь соловьи.

30 июня. *Провожание весны*

Провожание весны принадлежит к сельским обрядам. В степных губерниях в этот день поселяне, сбираясь на сенной

покос, одеваются во все лучшее платье и веселятся весь вечер. Это называется у них: *проводы весны*. В Саратовской губернии делают соломенную куклу, убирают ее в кумачный сарафан, на голову надевают – *чуплюк* – кокошник с цветами, на шею подвязывают ожерелье. Эту куклу носят по селу с песнями и потом, раздетую, бросают в реку. Кажется, что этот обряд занесен из Польши. Там соломенная кукла, убранная в виде женщины, называется *маржаною* и с обрядами потопляется в реке. В Симбирской и Пензенской губерниях провожание весны отправляется в заговенье Петровского поста. В селениях Тульской губернии последняя окличка весны. Поселяне при солнечном закате выходят на пригорки играть в хороводы и поют песни: «Весна красна, ты когда, когда пришла, когда проехала». Потом садятся в кружки, размениваются яйцами, окрашенными в желтую краску, угощаются брагою и все расходятся навеселе. В некоторых селениях угощают пастухов вечером яичницами и на отходе наделяют желтыми яйцами.

Месяц июль

Слово: *июль*, или *июлий,* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные, славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки* называли его: червень, *малоруссы* и *поляки*: липец, *чехи* и *словаки*: червенец и сеченъ, *карниольцы*: серпан, *венды*: седмник, серпан, *иллирийцы*: шерпен и шарпан. Поселяне Тульской губернии сей месяц называют: сенозорник, Тамбовской: макушка лета. В старой русской жизни он был пятым месяцем, а когда начали считать год с сентября, он приходился одиннадцатым. С 1700 года его считают седьмым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В ИЮЛЕ МЕСЯЦЕ

Наблюдения поселян о июле месяце сохранились в поговорках: *В июле хоть раздень, а все легче не будет. – В июле на дворе пусто, да на поле густо. – Не топор кормит мужика,*

а июльская работа. – Сбил сенозорник у мужика мужицкую спесь, что некогда и на печь лечь. – Знать, мужик – доможил, что на сенозорник не спит. – Плясала бы баба, да макушка лета настала. – Макушка лета устали не знает, все прибирает. – Всем лето пригоже, да макушка тяжела.

1 июля. *Наблюдения*

Поселяне Тульской губернии выходят с этого дня на покосы. Огородники начинают полоть гряды и вырывать корневые овощи для продажи. В окрестностях московских и степных местах собирают красильные растения.

4 июля. *Приметы*

В степных местах замечают, что с этого дня озимый хлеб вполне *наливается*. Тогда поселяне говорят: *озимы в наливах дошли.* Об овсе: *батюшка овес до половины урос.* О гречихе: *овес в кафтане, а на гречке и рубахи нет. – Озимы в наливах, а греча на всходе.*

5 июля. *Приметы*

В замосковных селениях вечером выходят смотреть на играние месяца. Если месяц при всходе своем виден, то он будто кажется перебегающим с места на место или изменяет свой цвет и прячется за облака. Все это, по их замечаниям, будто происходит оттого, что у месяца бывает свой праздник. Играние месяца обещает хорошие урожаи.

8 июля. *Наблюдения*

Поселяне замечают, что если с этого дня начинает поспевать черника, то озимый хлеб бывает готов к жатве.

Есть странное поверье у поселян, что на этот день является сама собою камаха, краска *червец.* Они думают, что

камаха заносится ветрами на наши поля с теплых стран, свивается в клубок и первому счастливцу, который ей встретится, подкатывается под ноги. Находка камахи предвещает счастливцу благополучие на целый год. В старину бывали страстные охотники отыскивать камаху. Неудачные искатели говорят, что она достается тем только, кому написано на роду такое счастье. В Туле бывает на этот день ярмарка, куда сходятся поселяне для продажи холста и ниток и возвращаются домой с глиняными куклами.

12 июля. *Приметы*

По замечаниям поселян, будто с этого дня наступают *большие росы*. До этого дня они спешат высушивать сено *грядушками.* Большие росы будто загнаивают сено. Старушки-лечейки собирают большие росы для *очного врачевания.* Этой, де, водицей, говорят они, изводится очной призор.

16 июля. *Жатва*

В Тульской губернии с этого дня начинают жать рожь. Тульские жители праздновали сей день в селе Высоком. Первый сжатый сноп называется *именинным.* В старину бывало, что вечером именинный сноп приносили с песнями на гумно. Впереди шел хозяин с снопом, за ним все рабочие. Когда наши бояре живали в деревнях, именинный сноп приносился на барский двор. Его, как дорогого гостя, встречал боярин со всей семьей и за принос угощал крестьян вином. Именинный сноп в старину имел много чудесного: с него начинали молотьбу, соломой кормили больную скотину, зерны ржи считались целебными в болезнях для людей и птиц. Без именинного зерна не бывало посева. Все время *жнитвы хлеба* наши поселяне называют: *рабочая пора, страдная пора, страда.* Они говорят тогда: *пойдем на жнитвы – умаялся на жнитве.* В Костромской губернии при начале жнитвы оставляют на поляне клок несжатого хлеба, что называется у них: *Волотка на бородку.*

Волоткою называют они верх снопа, а *колос* волокном. В Малороссии старухи пред жатвою *завивают бороду Волосу.* До этой бороды во все жнитво не касается рука жниц.

19 июля. *Мокриды*

Поселяне по погоде сего дня замечают и о будущей осени. Хороший день предвещает сухую осень; если идет дождь, то осень будет мокрая и сырая. Этот день они называют *Мокриды.* Тогда они говорят: *смотри осень по Мокридам. – Прошли бы Мокриды, а то будешь с хлебом. – Коли на поле Мокриды, а ты свое смекай.*

20 июля. *Наблюдения*

Поселяне свои наблюдения об этом дне сохранили в поговорках: *на Илью до обеда лето, а после обеда осень. – На Ильин день и камень прозябает. – До Ильина дни под кустом сушит, а после Ильина дни и на кусте не сохнет. – Илья пророк три часа приволок. – До Ильина дня сено сметать, пуд меду в него накласть. – Богат, как Ильинской сот. – Ильинская соломка – деревенская перинка. – Новый хлеб на Ильин день. – Знать осень на Ильин день по снопам. – До Ильина дня мужик купается, а с Ильина дня с рекой прощается. – То и веселье Ильинским ребятам, что новый хлеб. – У мужика та обнова на Ильин день, что новинкой сыт. – Знать бабу по наряду, что на Ильин день с пирогом.*

В этот день на Руси совершаются многие местные обряды. В Тульской губернии, в Шенкурском и Вельском округах пекут из новой ржи хлеб и приносят для благословения в церковь. В старину без благословения священника никто не дотрагивался до новины. В Новгородской и Тульской губерниях поселяне устраивают себе постели из новой соломы, о которой они говорят: «Ильинская соломка – деревенская перинка». Пчельники на этот день осматривают свои ульи и запродают прасолам соты. От этого взошло у них в поговор-

ку про богатых пчельников говорить: «Богат как Ильинский сот». К Ильину дню стараются скошенное сено высушить и убрать в стоги. Здесь, де, говорят поселяне, сладимая яства в цветах для скотинки. И о таком душистом сене в Костромской и Владимирской губерниях говорят: «До Ильина дни сено сметать, пуд меду на него накласть». Из мирских складчин устраивают на Ильин день обеды. Так видел Лепехин в селе Обыченском, Пермской губернии, что поселяне на мирскую складчину приводили с собою быка, другие теленка, убивали их и съедали всею деревнею. В старину в Тульской губернии на мирскую складчину поселяне пекли новый хлеб и раздавали нищей братии от всей деревни. По наблюдениям поселян, с Ильина дня начинается осень, появляются холодные утренники. Отчего у них взошло в поговорку: «на Ильин день и камень прозябает». С этого дня они перестают купаться. Старинные наши охотники выезжали в сей день с собаками в отъезжее поле травить волков. У них была своя примета: если они затравят тогда зверя, то весь год будут счастливы. Поселяне уверены, что волки выходят из своих нор после покосов; а до тех пор будто никто не может открыть *волчьих выходов.*

Суеверные наши поселяне уверены, что в сей день звери и гады выходят из своих нор и бродят по лугам и лесам. Скотина, выпущенная на луг, бывает растерзана зверями или ужалена змеями. Они думают, что нечистые духи поселяются тогда в зверей и гадов, мстят домашнему скоту и людям и что только один гром в состоянии разогнать этих врагов. Бесстрашные знахари, несмотря на все опасности, отваживаются сбирать имей и вытаивать из них сало на свечи. Поселяне уверены, что в руках знахаря змеиные свечи производят непостижимые чудеса. Другие отгоняют от себя кошек и собак. Недоверчивость поселян и в них находит своих врагов. По замечаниям ворожеек, дождь, собранный на Ильин день, избавляет от *очного призора* и *всякой вражей силы.* В старину в засеках Тульской губернии поселяне отыскивают пни старых дубов, при которых вытекали бы ключи. С таких дубов они

сдирали кору, вымачивали их в ключах, а потом привешивали себе на ладонки – в предохранение от зубной боли.

22 июля. *Приметы*

Поселяне Тульской губернии замечают появление росы на льнах, если роса будет обильная, то ожидают серого льна. По их наблюдениям, роса уничтожает белизну льна и *укоротывает* самый рост. Тогда они говорят: «Коли на святую Марью росы, то льны будут серы и косы».

24 июля. *Поликопны*

Малорусы говорят: «*На Глеба и Бориса за хлеб не берися*». В Рязанской губернии говорят: «*На Борис и Глеб поспевает хлеб*». В Белой и Чермной Руси называют сей день: *поликопом*. У поселян Тульской губернии он известен под именем: *поликопны*. Но замечанию стариков, будто в старину на этот день бывали большие грозы и спаливали копны у тех, которые работали в поле.

26 июля. *Приметы*

По замечаниям поселян, если на этот день наступит холодный утренник, то зима будет ранняя и холодная. Тогда они говорят: «На день св. Анны зима припасает холодные утренники».

29 июля. *Наблюдения*

В северных губерниях полагают, что появляющиеся с сего дня морозы убивают на жнивах хлеб. Отчего в Архангельской губернии говорят: *«Принеси, Господи, Калиники мороком».* Слово *морок* у них значит: туман сырой. В Тульской губернии говорят поселяне: *«Коли на Калиники туманы, припасай косы про овес с ячменем».*

30 июля. *Поверья*

Между поселянами есть старое поверье, что на этот день обмирают ведьмы. Все это происходит оттого, что они опиваются молоком. Кому неизвестно, что ведьмы умеют задаивать коров до смерти, тот не может себе представить, как они приходят в такое состояние. Уж если обомрет ведьма, говорят поселяне, то ее ничем не пробудишь. Жги скорей пяты соломой; все дело пойдет на лад. Наши поселяне были бы очень рады видеть их всех мертвыми, да то беда: умирают страшно. Страшней того смотреть на ведьму, когда она обомрет: под ней и земля трясется, и в поле звери воют, и от ворон на дворе отбою нет, и скот нейдет на двор, и в избе все стоит не на месте. От такой напасти поневоле примешься за солому, да жечь пяты. Говорят старухи, что ведьмы после такого пробуждения никогда уже не дотрагиваются до коров и не смотрят на молоко. Услужливые знахари снабжают наших поселянок разными снадобьями, спасающими коров от нападения ведьм. Мужики знают, что такие снадобья не всегда помогают. Хитрые ведьмы умеют их *отхаживать назад пятами.*

Месяц август

Слово *август* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные, славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки* называли его: зарев, *малорусы*, *поляки*, *чехи* и *словаки*: серпень, *сорабы*: женчь, жнейска, прашник, яцменски, *карниольцы*: великсерпен, *венды*: осемник (осьмой), госпожник, *кроаты*: великомешняк, кимовец, *иллирийцы*: коловоц. Народное название: зорничник. В старой русской жизни август был шестым месяцем, с XV века двенадцатым. С 1700 года он считается восьмым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В АВГУСТЕ МЕСЯЦЕ

Наши поселяне об августе сохранили в поговорках свои наблюдения: *Батюшка август крушит, да после тешит.* –

У мужика в августе три заботы: и косить, и пахать, и сеять. – Кому работа, а нашим бабам и в августе праздник. – Овсы да льны в августе смотри.

1 августа. *Наблюдения*

Наши поселяне говорят: *Во что Маккавеи, во то и розговины. – С первого Спаса и росы хороши. – Олень обмакивает лапу в воду.*

С этого дня в селах зачинают *защипывать* горох, выезжают пахать под озимы, *заламывают* в ульях соты, отделывают овины, очищают гумны.

Поселяне уверены, что с этого дня пчелы перестают вырабатывать мед. Если пчельник не заломает сота, то они говорят, что соседние пчелы вытаскают весь мед.

Неизвестно, откуда зашло к нашим поселянам странное понятие о розах. Они думают, что когда перестают цвесть розы, тогда происходит перемена и в росах. Общее мнение их, что с 1 августа выступают росы хорошие и безвредные, известно повсюду. Перенесение роз в Русскую землю последовало в царствование Алексея Михайловича. Следовательно, это поверье нестарое. На этот день бывают народные гулянья. В Москве сходятся гулять под Симоновым; в Туле бывает собрание на Поповом болоте, за городом.

2 августа. *Поверье*

Многие поселяне поят в сей день лошадей *чрез серебро*. Искупавши лошадей, они проводят их к студенцам, бросают в воду мелкую серебряную монету и потом поят лошадей из шапки, где также лежит монета. Поселяне думают, что от этого обряда лошади добреют, не боятся лихого глаза, приходят в милость у домового. Серебряную монету берут из шапки и кладут, скрытно от всех, в конюшню под яслями. Такая монета в старину часто переходила от отца к сыну.

3 августа. *Приметы*

Поселяне замечают, что если в сей день будет ветер с юга и появятся вихри, то ожидают зимою больших снегов. Отчаянные люди выходят на перекрестки *допрашивать вихрь о зиме.* Для сего они заранее запасаются ножом и петухом. Выходя на перекресток, они сторожат вихрь. Едва он появится, отважный втыкает в самый вихрь нож и в то же время держит за голову петуха. После сего допрашивается вихрь. Люди, испытавшие это на самом деле, уверяют, что вихрь им сказывал всю правду. Заметим одно: все такие рассказы основаны на преданиях. Подробности таких подвигов будут изложены в русской демонологии.

4 августа. *Сеногнойки*

По замечанию сибиряков, с этого дня начинают идти дожди, вредные для сена. Эти дожди называют *сеногнойками.*

5 августа. *Жнивы*

Рачительные домоводцы из наших поселян находят нужным заклинать жнивы. Это, говорят они, будто нужно для того, чтобы нечистая сила не поселилась на жнивах и не выжила с пажитей скот. Для сего они, раннею зарею, выходят на жнивы с маслом конопляным. Обращаясь на восток, говорят: «Мать сыра-земля! уйми ты всяку гадину нечистую от приворота, оборота и лихого дела». Проговоривши, выливают на землю масло. Потом, обращаясь на запад, говорят: «Мать сыра-земля! поглоти ты нечистую силу в бездны кипучие, в смолу горючую». После сего выливают масло на землю. Обращаясь на юг, говорят: «Мать сыра-земля! утоли ты все ветры полуденные со ненастью, уйми пески сыпучие со метелью». И здесь опять выливается масло. Обращаясь на запад, говорят: «Мать сыра-земля! уйми ты ветры полуночные со тучами, содержи морозы со метелями». Здесь бросают

стекляницу на землю. Есть люди, которые уверяют вас, что такое дело необходимо должно исполнять всякое лето. Многие из робости не решаются на такой подвиг, несмотря на свое непреодолимое желание.

6 августа. *Наблюдения*

Во всей Великой Руси с этого дня начинают есть плоды и фрукты. Люди, имевшие сады, в старину принашивали в храмы плоды для освящения. Здесь они, из рук священника, раздавались всем прихожанам. Кроме того, наши предки поставляли себе в обязанность наделять всех бедных плодами, а больным посылать в дом. Не исполнившие сего старого обычая почитались людьми недостойными общения. Об них говаривали наши старики: «А не дай-то боже с ним дела иметь! Забыл он старого и сирого, не уделил им от своего богачества малого добра, не призрил своим добром хворого и бедного». К сожалению, должно заметить здесь, что заморские новизны вытесняют этот старый обычай. Со слезами смотрят старики на равнодушие молодых людей.

Во многих местах на этот день бывают народные гулянья. В Москве гулянье бывает у Нового Спаса, в Туле за городом, в селе у Спаса на Рогожни.

Поселяне наблюдают в этот день захождение солнца. Выходя вечером на пригорки, они с песнями и плясками проводят время. Едва начнет скрываться солнце на запад, они поют:

Солнышко, солнышко, подожди!
Приехали господа бояре
Из Велика, де, Новагорода
На Велик день пировать.
Уж и вы ли, господа бояре,
Вы, бояре старые, новгородские!
Стройте пир большой
Для всего мира крещеного,
Для всей братии названой.

Строили господа бояре пир,
Строили бояре новгородские,
Про весь крещеный мир.
Вы сходитеся, люди добрые,
На велик званый пир;
Есть про вас мед, вино,
Есть про вас яства сахарные.
А и вам, крещеный мир,
Бьем челом и кланяемся.

10 августа. *Приметы*

В Тульской губернии поселяне на этот день примечают в полдень колебание воды. Если реки, озера и болоты не волнуются ветром, лодки стоят покойно, то ожидают, что осень будет тихая и зимой не будет метелей.

11 августа. *Поверье*

В Рязанской губернии, в селениях, расположенных на берегах рек Вожи и Быстрицы, есть **предание, что на могилках Перекольских бывает чудо чудное, диво дивное**. Там, на болоте Ермаковом, бывает свист, слышны песни. Кто свистит, кто поет – никто не ведает. Из болота выбегает на могилки белая лошадь. Эта белая лошадь обегает все могилки, прислушивается к земле, раскапывает землю и жалобно плачет над покойниками. Зачем она бегает, что слушает, о чем плачет, никто не знает, не ведает. Ночью над могилками появляются огни и перебегают на болото. А эти огни не то, что в городах бывают на свечах, а в деревнях на лучине; нет, эти огни горят по-своему, светят иначе. Как загорят они, так видно каждую могилку, а как засветят, то видно, что и на дне болота лежит, да уж так видно, что в избе лавка. Пытались добрые люди поймать белого коня, дознать, кто свистит, кто поет, поймать огонь на могилках и на болоте. Не тут-то было. Конь никому в руки не дается, от свисту и от песней только

глохнут, а про огонь и нечего говорить. Вестимо дело: кто огонь поймает? Поселяне говорят, что здесь когда-то было побоище. Сражались русские князья с татарами, бились не на живот, а на смерть. Татары начали одолевать князей, как ни отсюдова, ни оттудова выезжает на белом коне неведомый богатырь с своими сотнями. Бьет и колет татар, направо и налево и добил их чуть не всех. Тут подоспел окаянный Батый; он убил богатыря, а белого коня загнал в болото. С тех пор белый конь ищет своего богатыря; а его сотня удалая поет и свищет, авось откликнется удалый богатырь.

15 августа. *Обычаи*

Во многих селениях Великой Руси, с приходом Оспожинок, празднуют окончание жатвы. Этот праздник слывет у народа Успенщиною. Поселяне на мирскую складку варят пиво, убивают барана, пекут пироги и сзывают родных и соседей на пир пировать. Наши старые бояре угощали на этот день своих крестьян и праздновали с ними окончание жатвы. Поселянки выходят в поле, обвязывают последней соломой все серпы, потом катаются по жнитве, приговаривая: «Жнивка, жнивка! отдай мою силку на пест, на колотило, да на молотило и на криво веретено». После сего последний сноп, *именинный*, наряжают в сарафан и кокошник и с песнями несут на гостиный двор. Здесь их бояре встречают и угощают обедом и вином. Сноп во весь обед стоит на столе. В Юхновском уезде Смоленской губернии к именинному снопу приделывают руки, на кичку надевают *белую насовку*. Именинный сноп две бабы несут на руках на господский двор, а другие бабы вокруг их поют и пляшут. Приходя на двор, одна из баб выходит с веником и сечет сноп с припевами. Мужчины в старое время прихаживали от всего мира с караваем на барский двор ударить боярину челом на новой новине. Боярин угощал челобитчиков и всему миру крещеному посылал подарки. В Гродненской губернии, по Украине, Подолии и Больший, с сжатием последнего снопа, сплетали с песнями венок и клали на голо-

ву почетной девице. После сего все отправлялись на боярский двор ударить челом своему боярину. Девица на дворе вручала боярину венок, а боярин, принимая венок, целовал девицу и угощал поселян. Так в старину праздновалися на Руси *Дожинки.* Все это было воочию и быльем поросло. Старина, старина! Как была ты мила нашим предкам и как мы, их потомки, успели скоро променять тебя на заморские причуды! С 15 августа начинаются осенние хороводы в городах и селах. В селах с этого дня в старину начиналось *молодое бабье лето* и продолжалось до 29 августа, до Ивана постного.

16 августа. *Посевы*

Степные поселяне посев озимого хлеба начинают за три дня до Успеньева дня и продолжают еще три дня после. Все это зависело от погоды и скорой уборки. Были времена, говорят старики, что в старину наши отцы отсевались к Преображению, а к Успению весь хлеб стоял на гумне. Пред посевом вся семья приносила усердные моления ко Господу, женщины провожали мужей с хлебом и солью, на телегу клали три снопа, а на них в мешках укладывали рожь. На поле встречали засевальщика ребята с грешневой кашей. После отсевания пирог и каша съедались всей семьей. *Досевки* в старину отправлялись целым миром и в складчину. В городах с этого дня начинаются *великоденские гулянья.* В Туле сходбище бывает на кладбище, за оружейной стороной.

18 августа. *Приметы*

В старину к этому дню оканчивали поселяне посев. О ленивых они говаривали: «Кто сеет рожь на Флоров день, у того родятся флорки». В Костромской губернии говорят: «С Флорова дня засиживают ретивые, а с Семена ленивые».

Наши поселяне этот день празднуют с своими лошадками. Купают их в реке, для корма дают овса, гривы убира-

ют лентами, приводят к церкви, где, после молебна, кропят их св. водой.

В степных губерниях с этого дня начинаются *помочи*, работы, предпринимаемые крещеным миром в пользу вдов и сирот. Наш народ говорит: «*На вдовий двор хоть щепку брось*». На таких сходках косят сено, сжинают хлеб, удобряют поля, рубят дрова, молотят снопы. Все эти работы имеют свои названия: *полотушки, потрепушки, супрядки, назьмы, дровяницы, сеновницы*. Помочи у зажиточных людей сопровождаются угощениями. Для рабочих тогда выставляются на дворе столы с хлебом-солью, пирогами или калачами, кадки с брагой, сулейки с вином. Такое угощение продолжается во все время работы.

19 августа. *Наблюдения*

Поселяне степных мест наблюдают в это время течение ветра. Если дует ветер с юга, тогда они говорят: *Пошли овсы на спех. – Батюшка юг пустил ветер на овес.*

В Москве на этот день бывает народное гулянье под Донским монастырем; в Туле веселятся у Николы за валом.

22 августа. *Поверье*

В Тульской губернии поселяне выходят ночью осматривать снопы и караулить их от *потехи лешего.* Они уверены, что в эту ночь леший выходит на луга и гумны потешиться над соломкой. Потехи лешего заключаются в раскидывании снопов с одного гумна на другое или в развязывании их. Если хозяин караулит свое гумно, то будто леший тогда не смеет подойти к *загороди.* Поселяне, сбираясь в ночную, надевают тулуп навыворот, голову обвязывают полотенцем, для обороны берут кочергу. Приходя на гумно, они кочергою обводят круг и садятся в него. С этими предосторожностями никакой леший не смеет подойти к полю и гумну.

24 августа. *Наблюдения*

Поселяне замечают в этот день: если поспела брусника, то и овес созрел. Другие говорят, что на этот день *льны лупятся*. По их наблюдениям: *лен две недели цветет, четыре недели спеет, а на седьмую семя летит*. В Сибири появляются с этого дня первые морозы. Об осенних морозах там говорят: *морозы Лупенские, Покровские, Екатерининские, Михайловские*.

26 августа. *Овсяницы*

С этого дня начинают косить овес. Поселяне в первый день покоса, скосивши пук овса, вяжут сноп, несут его с песнями на боярский двор или в свои избы. Сноп ставят в большой *кут*, под образа, в *сутки*. Хозяин с своими работниками садится за стол. Здесь хозяйка начинает угощать их *дежением* – толокном, замешанным на кислом молоке или на воде с медом, потом овсяными блинами. Гости, вставая из-за стола, благодарят хозяев: *за сладкий дежен и за сытые блины, спасибо, хозяин с хозяюшкой*! В старину угощение на боярском дворе за овсяный сноп состояло мужикам из деженя и браги, а бабам из грешневой каши. Во все время овсяного покоса, за паужиною – полдником, поселяне лакомятся толокном.

В Москве на этот день бывает народное гулянье у Сретенского монастыря; в Туле веселятся у Георгия на Ржавцах.

28 августа. *Скирдницы*

С этого дня степные поселяне начинают убирать сжатый хлеб в *скирды*. Там из 13 снопов складываются прежде на поле: *хрестцы*, из хрестцов делают *одонья* и *копны*, из копен и одоней уже убирают скирды. В северных губерниях вместо хрестцов делают *суслоны*, из озимого хлеба в 13, из ярового в 6 снопов. В других местах вместо скирдов делают *городки*.

Эти городки складываются в три больших стены, а четвертая вполовину; или треугольником в три стены, или длинною полосою с углами. Число снопов в одоньях и копнах соразмеряется местными обычаями.

29 августа. *Наблюдения*

В Тульской губернии поселяне наблюдают полет птиц. Если журавли летят на Киев, к югу, тогда говорят: *Скоро наступят холода.* Вообще все наблюдения о птицах они сохранили в поговорках: *Лебедь летит к снегу, а гусь к дождю. – Лебедь несет на носу снег. – Ласточка день начинает, а соловей вечер оканчивает. – Сколько раз бухало (филин) будет бухать, по столько кадей хлеба будет молотить с овина. – Одна ласточка весны не делает. – Петух не человек, а свое все скажет и баб научит. – Чай, примечай, куда чайки летят. – Прилетела бы чайка, а то будет весна. – Видна птица, что журавль, коли летит на юг. – У журавля та и дорога, что на теплые воды лететь.*

Месяц сентябрь

Слово: *сентябрь*, или *септемврий,* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные, славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки* называли его: рюин и рюен, *малорусы*: вресень, *поляки*: вржесень, *чехи*: заржи, *словаки*: грудень, *сорабы*: назимский, *карниольцы*: кимовц, *венды*: деветник, лесеник и косаперск, *кроаты*: маломешняк, михолчак и рюян, *иллирийцы*: рюян. Народное название сентября: ревун. Первая неделя сентября у народа известна под именем семенской, вторая михайловской, третья никитской, четвертая дмитриевской. В старой русской жизни сентябрь был седьмым месяцем; а когда год начали считать с Семена летопроводца, он был первым. С 1700 года он считается девятым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В СЕНТЯБРЕ МЕСЯЦЕ

Наблюдения поселян о сентябре месяце сохранились в поговорках: *Батюшка сентябрь не любит баловать. – В сентябре держись крепче за кафтан. – Считай баба осень с сентября по шапкам да по лаптям. – Понеслись ветерки с полуночи, ай да сентябрь! – Хвалилися бабы да бабьим летом на Семен день, а того бабы не ведали, что на дворе сентябрь. – Зажигай огонь с сентября в избе и на поле. – В сентябре одна ягода, да и та горькая рябина. – В сентябре и лист на дереве не держится. – У мужика в сентябре только те и праздники, что новые новины.*

1 сентября. *Обычаи*

Первое сентября в замосковных селениях называется: *бабьим летом*. Там говорят: «*Бабье лето восемь дней*». Это лето известно у чехов, сербов, малорусов и поляков. Малорусы справляют свое бабыно лето. У чехов бабье лето слывет под именем *паутинного*, и от чего даже произошла у них поговорка: «*Бабье лето летает* (babi leto lita)». У карпаторусов есть предание, что *бабин мороз* заморозил на Полониных горах (Альпийских) бабу-чародейку. Бабье лето в других местах начинается с 8 сентября. В Саратовской и Пензенской губерниях этот день называется: *пасиковым*. Там в это время убирают улья. В Ярославской и Вологодской губерниях тот же день называется *луковым днем*. Там в это время вырывают с гряд лук и чеснок. В Рязанской губернии он слывет *Аспосовым днем*. Там говорят: «*Бабье лето по Аспосов день*».

По погоде бабьего дня судят поселяне об осени. В Тульской губернии замечают: если первый день бабьего лета будет ясным, то вся осень выйдет теплая и ведреная. В Костромской губернии есть свои приметы. Там, если на бабье лето луга будут опутаны тенетником, гуси гуляют стадами, скворцы не летят, то осень будет протяжною и ведреною.

В московских окрестностях по вечерней заре также замечают о теплой осени.

В Московской и Тульской губерниях поселяне под Семен день тушат огонь, кроме *тепла лампадного.* Едва только начнет заниматься утренняя заря, вздувают новый огонь. В старину новый огонь добывали из сухого дерева. Старики и старухи садились середи двора и терли сухое дерево об дерево. Молодая невестка или девица, или сын зажигали спицею новый огонь. Этим огнем топили печи в избах и банях, на засидках зажигали свечи и лучину.

В селах с Семена дня зачинались *бабьи работы.* Дневная работа начиналась с пеньки и льна. С раннего утра мнут и треплют пеньку, лен моют в воде и стелят по лугам. На этот же день затыкают *красна.* Вечером садятся за пряслицы и веретены. В селах с бабьего лета начинаются осенние хороводы.

В городах на Семен день отправляются игры, хороводы и обряды. В Туле и Серпухове девушки *хоронят мух и тараканов.* Серпуховские девушки хоронят мух в морковных и свекловичных гробах. В это время выходят женихи смотреть невест. Тульские девушки хоронят мух в садах в репных гробах, а тараканов в щепках. Это поверье основано на том, что будто от такого погребения погибают мухи и тараканы. Матушки, приглашая красных девушек, родных и соседних, позабавиться со своими детками, приказывали чрез своих зватых объявить гостям: у нас, де, пироги напечены и мед наварен. В старину богатые посадские люди ставили у ворот ушаты с брагой и пивом. Хороводники подходили к воротам, где хозяева угощали их.

С первого августа начинаются у рабочих *засидки*, или Семенинские вечера. На этих засидках зажигаются свечи, хозяева угощают рабочих, и весь вечер проводится в песнях. В Киеве об этих засидках говорят: *женить Семена.*

Семен день, бывший прежде первым днем нового года, отправлялся на Руси со всеми весельями. Московское празднество преимуществовало перед всеми. Москвичи, собрав

у себя гостей, проводили с ними встречный вечер до петухов. Эти вечера бывали семейные: молодые и старые сходились на Семенины посиделки к старшему в роде, с тишиною и скромностию встречать новое лето. С посиделок отправлялись к заутрене в церковь Симеона Столпника. В полночь ударяла в Кремле вестовая пушка, гудел колокол на Иване Великом и городские ворота растворялись настежь. Так новый год возвещался на Руси. С рассветом дня москвичи спешили в Кремль, где патриарх и царь встречали новый год в Успенском соборе. В книге: *глаголемой Потребник мирской*, 1639 г. находим: «*чин препровождению лету»,* или *«начало индикта, еже есть новое лето*». Патриарх Филарет совершал этот обряд на Ивановской площади, между Архангельским и Благовещенским соборами. У Благовещенского собора устраивалось царское шатерничье место с паволоками, а патриаршеское с коврами. Патриарх выходил, после утренней службы, из Успенского собора в западные двери со святыми образами и духовенством и на дворе, пред вратами, совершал молитвословие. После сего царь подходил к Евангелию и принимал благословение от патриарха. Осенивши государя животворящим крестом, спрашивал о царском здравии. Потом отправлялись на Ивановскую площадь, где совершалось молебствие с водоосвящением. В это время государь и патриарх стояли на своих местах. По окончании *чина* патриарх подходил к государю и приветствовал его речью:

«А Государь Боговенчанный, и благочестивый и Христолюбивый Царь и Великий Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, и многих государств государь и обладатель и всея Русии Самодержец! В нынешний и настоящий день праздника начало индикту, сиречь нового лета, соборне молили всемилостивого, и всещедрого и человеколюбивого, в Троице славимого Бога и Пречистую Его Матерь, и всех святых о вселенском устроении святых Божиих церквей, и о вашем Государеве многолетном здравии, Богом венчанного, и благочестивого и Христо-

любивого Государя нашего, Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича всея Русии, и о болярех, и о Христолюбивом воинстве, и о доброхотех, и о всем православном христианстве, чтобы всемилостивый, в Троице славимый Господь Бог наш, в нынешний и в настоящий год, и в предбудущие многие лета, вам, великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Феодоровичу всея Русии, умножил лет живота вашего и даровал бы Господь Бог вам, великому Государю, и Христолюбивому нашему воинству свыше победу, и крепость, и храбрость, и одоление на все видимые и невидимые враги, и возвысил бы Господь Бог нашу царскую десницу над бесерменством, и над латинством, и над всеми иноплеменными языки, иже бранем хотящая; и покорил бы Господь Бог под нозе ваша всякого врага и супостата, и царство бы ваше устроил мирно и немятежно во благоденствии и во изобилии плодов земных. Дай Господи, чтобы вы, Государь, Царь и Великий Князь, всея Русии Самодержец, здрав был с своею Государевою Царицею и Великою Княгинею, а с нашею великою Государынею, и с своими Государевыми благородными чады, и с своими Государевыми богомольцы, с преосвященными митрополиты, с архиепископы и епископы, и со архимандриты и игумены, и со всем освященным собором, и с боляры, и с Христолюбивым воинством, и с доброхоты, и со всеми православными христианы. Здравствуй, Государь, нынешний год и в предбудущие многие лета в род и род и во веки».

После сего патриарх, осенив государя крестом и окропив его св. водою, возвращался в Успенский собор. Государь приветствовал весь народ своим милостивым словом. На его царские речи народ восклицал: «Здравствуй, здоров будь на многие лета, надежа государь». Из царской казны в этот день раздавалась милостыня бедным и нищим – молить о многолетнем здравии государя царя. Последнее торжество летопровождения было в Москве 1699 года. Здесь великий Петр справлял старый обычай своих предков, сидя на престоле, в царской одежде. В 1689 году патриарх Иоаким, отправляя

чин летопровождения, поздравлял государя и *говорил речь по письму.* Вероятно, эта речь была одна и та же, что говорил патриарх Филарет.

В старину на Семен день приезжали в Москву *ставиться на суд* перед государем и его боярами. Неявившиеся на этот срочный суд считались виноватыми. Челобитчик получал правую грамоту и по суду считался правым. Судебная формула: копиться жалобным людям на судебный день в Москву – известна со времен великого князя Иоанна Васильевича. Для монастырских слуг и крестьян были три срока в году ставиться на суд: Рождество Христово, Троицын и Семен дни. Царь Василий Иоаннович Шуйский в 1607 году уложил: «Если не подадут челобитья по первое сентября о крестьянах, то, после того срока, написать их в книги за тем, за кем они ныне живут».

Семен день считался срочным днем для взноса оброков, даней и пошлин. С него начинались и оканчивались все условия между поселянами и торговыми людьми; с него отдавались внаем земли, рыбные ловли и другие угодья. В условиях писали: «Платить оброк ежегодно на срок по Семен день летопроводца».

В старину наши бояре выезжали на Семен день поохотиться за зайцами. Выезды бывали сборные, от богатого боярина. У них было поверие, что от Семенинского выезда лошади смелеют, собаки добреют и не болят, первая затравка *наводит* зимою большие добычи. Выезды барские продолжались от одной недели до двух и более, объезжали по всем *островам* (лесам). Для выездов готовились запасные кушанья, наливки, меды и романеи, для ночлегов бирались шатры. Выходя на двор, бояре садились на коней, а псари, держа на сворах собак, кричали: *восяй*! Здесь-то раздавались заветные, охотничьи слова: бери, бери, улю, лю, лю! Ту тут был, тут играл, тут сметку дал.

С Семенина дня начинались запашки, особенное празднество поселян при опахивании полей. Для этого пиршества на мирскую складчину варилась брага, пекли пироги, убивался баран. В Костромской губернии говорят: «*На Семен*

день до обеда паши, а после обеда пахаря и вальком погоняй». В Тверской и Новгородской губерниях говорят: «*На Семен день с головней на постать (*пахотная полоса земли) *ходи*». Костромичи говорят: «*На Семен день семена выплывают долой из колосьев*».

Наши предки на Семен день перебирались в новые дома. Для сего сзывали родных и почетных гостей. На такое новоселье хаживал сзывать гостей сам хозяин. Первыми гостями считались тесть с тещей, сваты, дяди и кумовья. Гости наперед присылали на новоселье хлеб-соль, по усердию и состоянию. Тесть присылал коня любимому зятю, а теща корову для внучат. Коня встречал зять у ворот с поклонами и почетами *из полы*, у крыльца кормил ячменем и пшеницей из рукавицы, а в конюшне поил сытой медовой *чрез серебро*, из ковша. Корову провожала сама теща до зятина двора. Хозяин с хозяйкой встречали корову на дворе с поклонами и ласковым словом, у крыльца кормили хлебом и с радостью провожали все свою буренушку до сарая. Кум с кумой приносили на новоселье мыло и полотенце. Встреча им была в сенях, где угощали чаркою вина. Сваты приносили домашнюю птицу, и новых переселенцев кормили на дворе овсом и гречихою. Все званые сходились праздновать новоселье к обеду, и пиршество оканчивалось вечером, с большими проводами гостей.

Перейдем теперь к тайной стороне новоселья, раскроем поверье наших отцов и их заботу с новым домом. Дом готов, все отделано, все припасено, все убрано; но не сделано важного, не исполнено нужного. Это важное, это нужное не продается, не покупается. Об нем все старшие в доме со страхом вспоминают. А без этого нужного как перейти в новый дом? Как будет жить? Давно ли были приметы у соседей, что в новом доме пропадало и счастье, и богатство, и веселье? Если вы знаете заветные тайны наших отцов, вы уже догадались, что в новый дом нельзя перейти без *домового дедушки*. Он в старом доме берег все хозяйское добро, холил домашний скот, радел и заботился о дворе пуще хозяйского глаза.

И его ли оставить, бросить на старом пепелище? Может быть, на новом дворе заведется лихой и грозный домовой? И вот хозяева решаются перевесть с собою и домового дедушку. Свекровь, или бабка, или старшая нянька отправляет с старого пепелища молодую хозяйку, а сама топит печь в последний раз. Весь жар выгребает она из печи в печурку и дожидается полдня. У ней уже заранее приготовлен горшок с скатертью. Ровно в полдень, по солнцу, свекровь кладет в горшок горячие уголья и накрывает его скатертью. Потом растворяет двери и, обращаясь к заднему куту, говорит: «Милости просим, дедушка, к нам на новое жилье». После сего отправляется из старого пепелища на новый двор. Здесь хозяин с хозяйкой, у растворенных ворот, ожидают уже дедушку с хлебом-солью. Подходя к воротам, свекровь стучится в верею и спрашивает: «Рады ли хозяева гостям?» Ей отвечают молодые хозяева с низкими поклонами: «Милости просим, дедушка, к нам на новое место». Свекровь идет в новые покои; впереди несет хозяин хлеб-соль; сзади провожает хозяйка. Входя в избу, свекровь ставит горшок на загнетку, берет скатерть и трясет ее по всем углам, как будто выпуская домового; потом высыпает все уголья в печурку. С восторгом и радостью садятся всею семьею за стол и едят хлеб-соль. Горшок разбивают и зарывают ночью под передний угол дома. Для предосторожности, чтобы злые люди не напустили на двор *лихого домового*, вешают в конюшню медвежью голову. Все это делается будто для того, чтобы *лихой* не вступал в борьбу *с добрым за жилое* и не обессилил бы его.

В старину на Семен день бывали *постриги и сажание на коня*. Постриги совершались в одних семействах на каждом сыне, а в других на одном *первенце*. Этот древний русский обычай ныне прекращается. В наших летописях мы находим его в 1191 г. едва ли не в первый раз. Он тогда был совершен над Ярославом, сыном великого князя Всеволода (Кенигсбер. список летописей, с. 286). Великий Всеволод III постригал сына своего Георгия: «быша постриги у великого князя Всеволода Юрьева сына Долгорукого сыну его князю

Юрию в граде Суздале; того же дни и *на конь всадиша его*» (лет. по Никон, сп. т. III, с. 226 под годом 6699). В 1230 году «князь Михаил сотвори *постриги* сынови своему, Ростиславу в Новгороде у святой Софии; и *у я влас* архиепископ Спиридон» (полн. собр. русск. лит. т. III., с. 46). Константин Всеволодович постригал сыновей своих, Василия и Михаила, в 1213 году (лет. по Никон, сп. т. II., с. 314). Возраст для постриг не имел определенного времени. Так Георгий Всеволодович, рожденный в 1189 г., был пострижен в 1191 г., следственно на третьем году. Василий Константинович родился в 1209 г., а постриги его были в 1213 г., – на 4 году. Всеволод Константинович родился в 1210 г., а постриги его были в 1213 г., – на 3 году. Древний обряд пострижения над великокняжескими детьми совершался в церкви, от руки епископа. Все подробности этой старой жизни наших отцов остаются в неизвестности. Историк Татищев передал нам о своих современниках, и после него все стали утверждать, что постриги на Руси прекратились. В 1840 году М. Н. Макаров в «Русских преданиях» (кн. 3, с. 52) рассказал, что в роде Писаревых сохранялись постриги и сажание на коня и что он сам то же испытал на себе. Заметим здесь: древние постриги, вероятно, разнились в обрядах с новыми, современными нам. Ныне совершаются постриги между старообрядцами и простым народом более по старой привычке, нежели в воспоминание древнего обряда. Казаки совершали постриги после сорока дней от рождения. Простой народ совершает постриги на Семен день, а другие в именинный день. Для сего созывают родных, приглашают кума с кумой. После молебствия отец подает куму ножницы, а кум выстригает у крестника *гуменцо.* Выстриженные волосы кума передает матери. Волосы зашивали в ладонку. Кум и кума выводили своего крестника на двор, где отец ожидал их с конем, а мать расстилала для них ковер. Здесь кум, на ковре, передавал своего крестника отцу с ласковым словом, а отец, принимая своего сына с поклонами, сажал на коня. После сего кум водил коня по двору за узду, а отец придерживал сына. У крыльца отец снимал сына с коня и передавал его

куму; кум отдавал его из полы своей куме с поклонами; кума с ласковым словом вручала его матери. Наконец, отец с матерью одаривали кума с кумой, а они крестника. Подарки кума почти всегда состояли из коня, а кума дарила *подпоясью* и *галицами*. За обедом, на голове крестника, разламывали кум с кумой именинный пирог, с пожеланием всякого богатства и счастия. Наши поселяне ранее семи лет не приступают к постригам. Первенца постригают кум с кумой, а всех других сыновей отец с матерью, по прошествии трех лет, без всяких обрядов. Выстриженное гуменцо сохранялось до самой смерти. В старину на боярские постриги прихаживали крестьяне с челобитьем и подарками. Челобитчиков угощали вином и именинным пирогом.

В Новгородской губернии, в селениях около Валдая, есть поверье, что на Семен день рыба *угорь* утренней зарей выходит из воды и прогуливается лугом на три версты по росе. Эта рыба будто тогда смывает с себя все болести. Наши поселяне считают угорь в числе непозволенных *яств*. Одна только крайность заставляет мужика покуситься на эту рыбу, но и то с условием: обойди наперед семь городов, и если не сыщешь никакой яствы, тогда можно есть угорь, не касаясь головы и хвоста. Они считают его за водяного змея, хитрого и злобного, но за какие-то грехи лишенного жалить людей и зверей. При всем том колдуны употребляют его в своих кудесах, когда нужно знать о пропаже. Тогда они кладут угорь на горячие уголья и по прыжкам и движениям гадают, где скрыта пропажа.

8 сентября. *Аспосов день*

На Аспосов день наш народ встречает осенины играми и песнями. Рано утром женщины выходят к берегам рек, озер и прудов встречать *матушку осенину* с овсяным хлебом. Старшая женщина стоит с хлебом, а молодые вокруг ее поют песни. После сего разламывают хлеб на куски по числу народа и кормят им домашний скот.

В Тульской губернии к новобрачным сходились все родные и знакомые. Таких гостей позыватый приглашал: навестить молодых, посмотреть на их житье-бытье и поучить их уму-разуму. После сытного обеда молодая хозяйка показывала в доме все свое хозяйство. Гости, по обыкновению, должны были хвалить и учить уму-разуму. Хозяин водил гостей на двор, показывал им в амбарах жито, в сараях летнюю и зимнюю упряжь, а в саду угощал пивом из бочонка.

12 сентября. *Приметы*

В селениях Московской губернии есть поверие, что змеи с этого дня перебираются из полей в леса и уходят в землю.

14 сентября. *Приметы и обычаи*

Поселяне Рязанской, Тамбовской и Тульской губерний сохранили свои наблюдения в поговорках: *Шуба за кафтаном тянется. – Гад и змея не движется, а хлеб с поля сдвинется. – Вздвиженские зазимки мужику не беда. – Смекай баба про капусту на Вздвиженьев день. – У доброго мужика на Вздвиженьев день и пирог с капустой.*

С сего дня в городах начинаются девичьи вечеринки – капустницы. Это народное торжество, отправляемое горожанками, известно во многих местах. В Алексине, уездном городе Тульской губернии, девушки, в богатых уборах, ходят с песнями из дома в дом рубить капусту. В домах, где приготовлена для гостей капуста, убирается особенный стол с закусками. За девицами является молодежь с своими гостинцами высматривать невест. Вечером по всему городу разыгрываются хороводы. В Сибири на *капустенские вечерки* приглашались соседки. Там капустницы, входя в дом, поздравляли хозяев с капустой, как с праздником. Для добрых гостей варилось пиво, приготовлялся обед и ужин, где все торжество хозяйки составлял *пирог хлебальный.* День оканчивался плясками и играми. Капустницы на Руси продолжались две недели.

15 сентября. *Наблюдения*

Гусиные промышленники и охотники празднуют сей день с особенными обрядами. В старину охотники хаживали по дворам с пшеницей в руках. Входя на двор, они стучали в притолоку и вызывали хозяина показать свою охоту. Хозяин встречал гостя на крыльце и уводил его на *загородь*, где содержались гуси. Здесь хозяин угощал гостя чаркою вина, а гость рассыпал гусям пшеницу. Такие посещения продолжались во весь день и оканчивались вечером пирушками. Друзья-охотники дарили друг друга лучшими гусями. Гусь передавался из полы в полу, с особенными пожеланиями и проводами до ворот, где чарка с вином скрепляла будущие уверения в дружбе. Вечерние угощения происходили в доме богача охотника. Здесь круговые чаши с вином и медом стояли с самого утра на столе. Гость, входя в дом, после обыкновенных приветствий, угощался из этой чаши вином или медом и клал на стол калач на новоселье гусям. После сбора всех гостей хозяин вносил в комнату *пару гусей-бойцов* на *похвальбу* своей охоты. Гуси-бойцы украшались красными лентами. Над головами этих красавцев все гости пили из круговой чаши вино или мед. Хозяин сбрызгивал гусей-бойцов медом. Нередко бывало, что ретивые охотники на веселой пирушке заводили споры и побоища.

Поселяне сей день называют: *гусепролет, гусари, репорезы.* По их замечаниям, с этого дня дикие гуси улетают стадами на теплые моря. По крику гусей и полету они заключают о наступлении скорых холодов. Огородники начинают на этот день вырывать в полях репу. Тогда они говорят: «*Уж видно мужика по репе, что подошли репорезы. – Не дремли баба на репорезов день*». Гусиные промышленники с этого дня начинают скупать по селам гусей. В селах бой гусей прежде начинался с 15 сентября. Когда наши бояре живали в деревнях, им подносили старики на челобитье гуся с гусыней от всего мира. Гусыню накрывали кумачной ширинкой, а на шею гуся надевали *льня-*

ную плетенку в виде кольца. Челобитчиков бояре одаривали ширинками и угощали вином.

Наши поселяне сохранили странное поверье о гусях: будто они все лето живут под надзором водяного дедушки. Чтобы задобрить сего неумолимого дедушку, они ночью, под 15 сентября, отрывают гусю голову и бросают туловище в воду. Водяной за такие *поминки* стережет гусей и никому не дает их в обиду. В противном случае он мучит гусей или изводит их. Оставшуюся голову относят на птичий двор из опасения, чтобы домовой по убыли не узнал о проделках мужика. Известное дело, что заботливый домовой ведет счет по головам. Есть голова налицо, он покоен; нет головы, мужик виноват.

Во многих городах на этот день бывают гулянья, а в селах ярмарки. В Ярославле бывает гулянье на Никитской улице, в Москве близ Никитского монастыря. Наши поселяне в старину приезжали с своими новинами на ярмарки, не то чтобы для продажи, а так, запросто, чтобы допытаться: какие цены установятся на хлеб?

18 сентября. *Приметы*

Наши поселяне замечают о последнем полете журавлей на теплые моря. Если в сей день полетят журавли, то на Покров будет первый мороз. Если не случится заметить им полета журавлей, то ожидают первого мороза не ранее 20 октября. Тогда дети и взрослые, заметивши издали журавлей, кричат: «Колесом дорога! колесом дорога!» Они твердо уверены, что сей крик расстраивает журавлей: отвращает их от полета на теплые моря, а с ними вместе возвращается и зима назад. В Туле очень часто мои земляки спорили о возможности этим средством отдалить зиму.

20 сентября. *Наблюдения*

Поселяне в сей день замечают течение ветров. Так, на Онеге *шелоник* – ветер, дующий с юго-запада, производит

бури. Рыбаки о нем говорят: «*Ветер шелоник на Онеге разбойник*». Другие ветры называют там: *зимняк, северик, подсеверный, меженец*. Галицкие рыбаки ветер, дующий вдоль озера, называют *продольным*; второй – *восточный от столбища*, где когда-то, близ княжеского дворца, стоял столб; третий – *средним*, когда он дует с севера; четвертый – *ребровским*, когда он дует от села Реброва. Средний ветер, дующий при начале ловли, по их замечаниям, приносит с собою стужу и дождь. Северный ветер почитается у них самым опасным, а в окрестности называется: *галицкими ершами*. О нем рыбаки говорят: «*Подули галицкие ерши*». На озере Селигере есть свои названия. Там попутный ветер называют: *поветер*, северо-восточный: *межник, меженец*, противный: *противень,* боковой: *покачень, боковик*. Южный ветер волжские рыбаки называют: *хилок*, и считают его предвестником ведра. Наши степные поселяне имеют свои названия. *Сладимте ветры*, дующие с юга, при начале посева, обещают плодородие. Ветер *весняк*, дующий с юго-востока, *разбивает почку у дерев*. О ветрах полуденном и полуночном они имеют свои поверья. Все подробности о ветрах с их олицетвореними будут изложены в Русской народной с*имволике*. Свежий юго-восточный ветер на Волге называется: *моряно*, *моряна*. Когда там говорят: «*Дует моряна*», то это значит, что ветер дует с моря. Там он всегда поднимает воду в Волге, что рыбаки называют *нагоном*. *Перекатом* называют переменный, благоприятный ветер, дующий на Каспийском море. При перекатах идет рыба на ловлю. *Перекатом дошел* – у них значит: проплыл переменными, попутными ветрами в море. *Сорочиком* или *соровчаком* называется в Каспийском море ветер, дующий с северо-восточной стороны. Ветры на Байкальском озере имеют свои названия. *Всток* есть ветер восточный, *шелоник* – юго-восточный, *полуденик* – южный, *глубник* – юго-западный, *горный* – северо-западный, *обетон* – дующий прямо, *битезь* – наискось, *колышет* – зыбление воды под ветром, *пурга* – вьюга и метелица с ветром и снегом, *толкунцы* – бурные ветры со шквалами.

На Белом море *зводнями* называются валы, *обедником* – юго-восточный ветер, *шелоником* – юго-западный, *полудником* – северо-западный, *полунощником* – северо-восточный, *голымя* – ветр, дующий в открытое море. В Туле *московским* ветром называют северо-западный; он, по мнению их, приносит с собою холод и дожди. *Киевским* величают южный; об этом думают, что он приносит с собою теплую погоду. Может быть, со временем успеем привести в известность все местные названия ветров, успеем ими заменить нашу морскую технику. Все эти ожидания скорее исполнятся нашими потомками. Мы слишком спесивы.

24 сентября. *Заревницы*

С этого дня наши бояре в старину начинали *замолотки*. С вечера топились овины, около их собирались молотильщики и всю ночь проводили с песнями и играми. С полуночи зажигались костры – заревницы – и начинались замолотки. Первый *овин* наши поселяне называют *именинным*. Для именинного овина варят молотильщикам кашу. Садясь за завтрак, они говорят: «*Хозяину хлеба ворошок, а молотильщикам каши горшок*». Вечером бояре угощали на своем дворе молотильщиков пирогами и брагою.

25 сентября. *Приметы*

Наши поселяне по погоде сего дня замечают об *установлении зимы*. Первый снег, по их наблюдениям, выпадает за 40 дней до зимы. О первом снеге они говорят: «*Если выпадет первый снег на Сергиев день, то зима установится на Михайлов день*». Они думают, что первый снег выпадает от Сергиева дня в продолжение *четырех семин* (недель). На основании этих данных выводятся все их расчеты. Число: 5, 11 и 21 ноября и 6 декабря принимаются за основные указания установки зимы. Впрочем, эти правила принадлежат местностям и имеют свои исключения.

30 сентября. *Наблюдения*

Вечером молодые бабы в степных селениях сжигают свои соломенные постели – одни в печах, другие в овинах. Все это делается будто от призора недоброго глаза. С этой ночи они уже спят на новых постелях. Между тем старушки сжигают только одни лапти. Детей купают на пороге из решета. И это все делается в избежание будущих болезней.

Месяц октябрь

Слово: *октябрь*, или *октоврий,* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные, славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки*, *кроаты* и *иллирийцы,* называли его: листопад, *поляки* и *малорусы*: паздерник (паздерыкострики), *сорабы*: винский, *карниольцы*: косаперск, *чехи* и *словаки*: ржиень, *венды*: оброчник, десетник, косоперц. Народное название сего месяца: грязник. В старой русской жизни октябрь был восьмым месяцем, с XV века вторым. С 1700 года считают его десятым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В ОКТЯБРЕ МЕСЯЦЕ

Наши поселяне об октябре сохранили свои наблюдения в поговорках: *Мни и топчи льны с половины грязника. – Знать осень в октябре по грязи. – В октябре та бабам и работа, что льны приспевать. – Всем бы октябрь взял, да мужику ходу нет. – Ох ты, батюшка октябрь! только и добра в тебе, что пивом взял. – В октябре и изба с дровами и мужик с лаптями, а спорины все нет. – В октябре только и ягод, что рябина. – В октябре мужик живет с оглядкой.*

1 октября. *Наблюдения*

В Сибири говорят: «*Покров не лето, а Сретенье не зима*». В северных губерниях поселяне говорят: «*На Покров первое*

зазимье». В Тульской губернии замечают: «*Если на Покров ветер подует с востока, то зима будет холодна*».

1 октября у наших поселян бывает сроком работ и наймов. Этот срок у них заключается в выражениях: от Покрова до Евдокей. – От Покрова до Крещенья. – Приспей товарец к Покрову. – Сдам на Покровской ярмарке. – Подожди до Покрова: весь долг выплачу.

С 1 октября в селах начинаются свадьбы. Наши старушки выпадение снега на этот день считают счастливым предзнаменованием для обрученных. Тогда девицы говорят: «Батюшка Покров, покрой сыру землю и меня молоду». Иные говорят: «Бел снег землю прикрывает, не меня ли, молоду, замуж снаряжают?»

Покровское гулянье считается последним игрищем у поселян и горожан. Гулянье в селе Покровском доселе напоминает москвичам об окончании войны 1613 года.

4 октября. *Поверье о лешем*

Наши поселяне думают, что с сего дня перестают бродить по лесу *лешие*. Расставаясь с лесом, они, будто с досады, ломают деревья, как тросточки, в полянах вырывают землю на семь пядей, загоняют всех зверей по норам, а сами проваливаются сквозь землю. Во весь день ветер воет по лесам, птицы не смеют прилетать к деревьям. Об мужике и говорить нечего: ни за что из доброй воли не пойдет в лес. Леший не свой брат – переломает все косточки не хуже медведя. Между поселянами существует **предание об удалом мужике, желавшем подсмотреть, как леший будет проваливаться сквозь землю.**

«Жил когда-то в деревне мужик, не в нашей, а там, в чужой, собой не мудрой, но зато такой проворной, что всегда и везде поспел первый. Поведут ли хороводы, он первой впереди; хоронят ли кого, он и гроб примеряет и на гору стащит; просватают ли кого, он поселится от рукобитья до самой свадьбы, и поет и пляшет, обновы закупает и баб наряжает. Отродясь

своей избы не ставил, городьбы не городил, а живал в чужой избе, как у себя во дворе. Хлебал молоко от чужих коров, ел хлеб изо всех печей, выезжал на базар на барских конях, накупал гостинцев для всех деревень. В деньгах счету не знал. У кого нет избы, он даст денег на избу; у кого нет лошадки, он даст денег на пару коней. Одного только не знали православные: откуда к нему деньги валятся? Старики поговаривали, что он продал свою душу нечистому за деньги, и утверждали за правду, что трудовая копейка не велика и для своей нужи. А у него отчего же завелись деньги для всех? С работы, де, не будешь богат, а только горбат. Бабы говорят свое: старики никогда правды не скажут. Ну, кто баб переспорит? Молодые судили по-своему: он, де, кладь нашел с золотом и серебром. Вот отчего и богатство. Бабы и тут стояли на своем: что молодые знают? Молодо-зелено. Поди уверь их, что молодые не дураки, так после и беги сам с бела света. Старушки уверяли своих кумушек, что удалой таскает свои деньги из вороньего гнезда. Там, де, никогда деньгам перевода нет. Вот затем-то он и в лес ходит всякий день. Бабы и тому не верили: где, де, старухам знать? Давно из ума выжили! А скажи бабам, что старухи умнее их, так и в избе места не дадут. Один только староста говаривал под хмельком, что он знает всю правду. Старосте можно было бы поверить: мужик он богатый, поит стариков брагой, кормит ребят пирогами. Все это говорят мужики; а бабы думают другое: староста, де, все делает по женину веленью. Что скажет его баба, так тому и быть. А с бабьим умом далеко ли уйдешь? Послушайте-ка, что соседи говорят про старосту. Раз случилась на него, старосту, беда: недочет вышел в подушных. Вот он и начал спрашивать бабу издалека: «Хвалишься ты, баба, что умней тебя нет, а знаешь ли ты, баба, сколько у нас в селе дворов?» – «Знать не знаю, а сочту поумней твоего». И начла баба всех тридцать дворов. Староста сидит за столом, бороду поглаживает, на бабу поглядывает, да и молвит: «Дворов-то было тридцать еще до тебя, когда я не женился, а ты, баба, замуж ке шла. А знаешь ли ты, баба, сколько подушного с мужиков идет?» – «Вот еще чего не

знать! С Петрова по рублю, с Евдокей по рублю, с Радуниц по рублю; а сколько всего, ты сам смекни, умная голова». Сидит мужик и думает: «Нет, эдак и в год не сочтешь! Есть дворы вдовьи, есть и в пусте. В приказе уряжено со вдовьего двора не брать, а с пустого нечего взять». И пошел староста к удалому мужику на совет, ума-разума набраться. А пошел было он не просто с поклонами, а с дорогими посулами: с вином и пряником. Дозналась баба, что у мужа на уме сидит, так и невесть что было: и била-то его, и бранила-то его, и на неделю в амшеник заперла. Ну, сами вы, православные, народ толковый, посудите поумней: можно ли веру дать старосте, что он говорит? Другое дело удалой мужик: ума палата. Все знает, что на свете делается: как на торгу купец торгует; как в городе воевода судит-рядит; как бояре живут в каменной Москве. Кажись, мужику чего бы больше и знать? Так нет: давай то, что не знаю, говори то, что не ведаю. Наш удалой одного только не знал: как лешие проваливаются сквозь землю. Задумал мужик сам собой посмотреть на лешего, да и был таков. Ну что бы ему попросить совета у баб? Все бы лучше присудили: как миновать беды? Старики прежде нас говаривали, что бабы на это дело умней мужиков. Вот и ходит мужик по лесу, а тут навстречу ему леший. Он и тут не сробел: шапку долой, да и ему ж челом. Известное дело, что леший не говорит, а только смеется. Удалой себе на уме молвит: «Нет, брат, меня этим не проведешь, смейся себе, сколько хочешь. Лучше попытаю: где его жилье?» И начал пытать его, вот так: «А есть ли у тебя, Иваныч, хата да жена баба?» И повел леший мужика к своей хате, по горам, по долам, по крутым берегам. Шли, шли и пришли прямо к озеру. «Не красна же твоя изба, Иваныч, – молвил удалой. – У нас, брат, изба о четырех углах, с крышкой да с полом. Есть в избе печь, где ребятам лежать, есть полати, где с женой спать, есть лавки, где гостей сажать. А у твоей хаты, прости господи, ни дна, ни покрышки». Не успел мужик домолвить слова, как бух леший о землю: земля-то расступилась, туда и леший попал. С тех пор удалой стал дурак дураком: ни слова сказать, ни умом пригадать. Так дураком помер. Зачем было ему смотреть

на лешего? Хотел умней всех быть. Да и чего набраться у него, лешего? Важное дело: смотреть, как будет он сквозь землю проваливаться! Небось весною опять выскочит из земли как ни в чем не бывало. Вишь их такая порода».

10 октября. *Приметы*

Поселяне выходят смотреть на месяц: *куда он смотрит*? Если золоты рога у месяца на полночь, то оттуда повеют метели со снегом и зима ляжет по суху; если рога на полдень, то прежде наступят грязи и зима долго не станет.

12 октября. *Наблюдения*

В степных селениях с сего дня наблюдают появление звезд с полудня и полуночи. Наша народная астрономия очень мало известна грамотным людям, и многие даже не верят ее существованию. Все подробности, мне известные, будут изложены в Русской символике; здесь предлагаю одни приметы о звездах.

Чигирь звезда. Так поселяне называют *Венеру*. Предание о сей планете заключается в том, что она показывает человеку счастие и несчастие, что делать и чего нет. Наши грамотные старики записали о ней следующее: «Сия бо звезда едина именем Чигирь есть, меж всеми звездами 10 мест во всяком месяце имеет, а по трижды приходит на всякое место коегождо месяца. Сие есть великая мудрость. Аще кто добр горазд и разумеет месячному нарождению, той видит и кий круг ведает сия звезда Чигирь. Аще кому ехати, или идти куда, или селиться, смотри, на которую сторону та звезда стоит: аще она станет противу, и ты противу ее не езди никуды. Во дни 1, 11 и 21 стоит Чигирь на востоке, и ты храмины не ставь, на дворе главы своей не голи. Во дни 2, 12, 22 стоит Чигирь меж востоком и полуднем, и ты с женою не спи; ино рожденное будет курчя и бесплодно. Во дни 3, 13, 23 стоит Чигирь на полудни, и ты в те дни в полдни не купайся, в баню не ходи: изойдешь лихом, или учинится переполох».

Сажар звезда. Сажаром поселяне называют *Медведицу*. Они думают, что это созвездие благоприятствует охотникам отыскивать зверей и что медведи живут под ее защитой. За воровство и кражу Сажары наводят сон на медведей во всю зиму. Когда Сажары глядят на землю, тогда медведи бывают смирны и не нападают на человека. Основываясь на этом предании, охотники пускаются в лес только при появлении Сажар.

Гнездо утиное звезда. Так поселяне называют *Плеяды*. Они думают, что Гнездо населено духами, в последний день новолуния горит ярким огнем, и что тогда там бывает праздник. По яркому свету поселяне угадывают о погоде всего месяца.

Кигачи звезда. Так поселяне называют *Орионов пояс*. В Костромской губернии по этому созвездию поселяне узнают время. В степных селениях говорят, что Кигачи ездят впятером по небу на колесницах, по тысяче верст на час. Где они станут на небе на постой, на земле поют петухи. Кигачи такие же люди, как и мы; только ростом и дородством непохожи на нас.

Железное колесо. Так поселяне называют *Арктический пояс*. Они думают, что там заключены татары и что их избавлению не будет конца. Заключены они, татары, в железный дом; а дом тот стоит от земли до неба, на железном колесе.

Девичьи зори. Так и поселяне называют три звезды подле *Млечного Пути*. Они рассказывают: «Жили когда-то на белом свете три родные сестры; а были те три сестры родством и дородством сестра в сестру: что глядеть на одну, то увидишь и на другой. Жили те три сестры в одном доме, без отца и без матери, сами правили домом, сами пахали, сами хлеб продавали. Приходили сваты и свахи сватать тех сестер за молодых ребят; придут сваты к воротам, ворота сами растворяются; пойдут к избе, двери сами отойдут настежь, взойдут в избу, в избе нет ни живого, ни мертвого, как после мора. Постоят, постоят, так и пойдут ни с чем. Выйдут на улицу, посмотрят на окна, а у окон сидят три сестры вместе, прядут одну кудель. Вот и придумали бабы сжить тех трех сестер: они, де, *поведьмились*, оттого и живут врозь от народа крещеного. Сдумано и сделано. Пойдут ночью зажигать городьбу, глядят – городьбу и огонь

не берет. Зажгут избу, и изба не горит. Пытались бабы достать и живой огонь в Ивановскую ночь; и тот огонь не берет их. Ходили по знахарям и колдунам; и те ума не приложат, что с тремя сестрами делать. Уж какие кудесы не строили над ними? Им все ничего. Вот раз и видят бабы: летит огненный змей по селу и прилетел прямо в избу к трем сестрам. Что ж, скажите, змей в избу влетел? Не тут-то было: побегал, побегал вокруг избы, да и прочь полетел. «Вот так народец, – думают бабы, – и змей не берет их». Ну, где тут сладить бабам? Дознались бабы, что померли те три сестры. Хочется бабам поглядеть на тех трех сестер, да как войти в избу? Страшно и подумать, кому идти наперед. Всякому своя жизнь дорога. Сжалились мужики над бабами, да и пошли сами вперед. Подходят к городьбе, городьба расступилась на четыре стороны; подходят к избе, изба рассыпалась на мелкие щепки. Тут-то мужики догадались, что те три сестры были прокляты на роду. Да и после смерти им худое житье: досталось весь век гореть зорями. Вот их уж немножко осталось: только три красных пятнышка. Ништо им проклятым: таковская и честь».

Косари. Так поселяне называют голову Млечного Пути. Они думают, что у Млечного Пути голова состоит из четырех косарей. Эти косари секут и рубят всякого встречного на пути.

Становище. Так поселяне называют *Млечный Путь.* Они думают, что Становище наполнено старыми служивыми, басурманского отродья. По тому-то Становищу хаживали татары на святую Русь прямо от железных гор. В Тульской губернии старики рассказывают, что татары хаживали на Русь по *Комаринской дороге.* Это самое записано и в древней Русской Идрографии. Неподалеку от Тулы есть и *Комаринский брод* чрез Упу-реку. Чрез этот брод татары прихаживали к сему городу. О самом *Млечном Пути* наш народ рассказывает: «Когда-то на *Становище* басурманка мать кормила свое дитя грудным молоком. Басурманское отродье не умело сосать молока, которое будто бы разлилось по небу. Потом из этого молока развелись по Становищу старые служивые. А эти служивые до того дожили, что не владеют от старости

ни руками, ни ногами. Зато вместо них поставлены настороже четыре *Косаря*, которые секут и рубят всякого».

Маньяк. Так поселяне называют падающие звезды. Наши грамотные деды этот Маньяк величали *Белым путем*. О Маньяке наши поселяне рассказывают разные предания. Одни говорят, что Маньяк всегда падает с неба на тот двор, где девица потеряла невинность. Другие утверждают, что в его виде летают нечистые духи посещать одиноких баб, когда их мужья пускаются в дальний путь на заработки. Тогда они, при виде Маньяка, говорят: «Аминь! рассыпься!» Третьи со страхом уверяют, что это блуждают проклятые люди и что они сгоняются с места на место до тех пор, пока будут прощены.

14 октября. *Грязнихи*

Так поселяне привыкли называть осенние грязи. В этом дне у них сосредоточены свои наблюдения. Если 14 октября будет полная, осенняя грязь, то они насчитывают *четыре седмины* до появления зимы. Грязнихи известны и в Сибири.

22 октября. *Наблюдения*

Поселяне сохранили об этом дне свои наблюдения в поговорках: Коли на *Казанскую дождь пойдет и все луночки нальет, то и зима пойдет* (другие говорят: *то и зиму приведет*). *– На Казанскую добрые люди вдаль не ездят. – Пошел бы на Казанскую дождь, а то будет зима на дворе с сугробами. – Ранняя зима и об Казанской на санках ездит. – Наряжали баб из Захаръева села с блинами становиться об Казанской на суд, а нашим бабам то и на руку.*

26 октября. *Приметы*

В Сибири говорят: «*Дмитриев день перевоза не ждет*». Поселяне Тульской губернии замечают: «*Если Дмитриев день будет по голу* (без снега), *то и Пасха будет теплая*».

28 октября. *Льняницы*

Поселянки Костромской губернии празднуют сей день с началом уборки льна. С вытрепанными *опышками* льна выступают на улицу напоказ добрым людям. Пожилые старушки ходят в церковь служить молебны и с усердием испрашивают благословение своим начаткам. В Тульской губернии с этого дня начинают мять и трепать льны.

29 октября. *Овчарь*

С этого дня поселяне начинают стричь овец. В степных селениях для овчаря пекут пироги и угощают пастухов.

30 октября. *Юровая*

Так в Сибири называется праздник рыбаков: он совершается при отправлении их по Иртышу за ловлею *красной рыбы.*

В Тульской губернии охотники, сбираясь на охоту за зайцами, сходятся пировать в одну избу. Если на этот день выпадет снег, то они, вместо пирушки, разгуливают по *порошам*, и тогда уже *именинный заяц* довершает их пирушку на другой день.

В замосковных селениях замечают: если появятся на этот день волки по полям, то будто они предвещают им мор, или голод, или войну. По большей части все эти приметы основаны на преданиях и рассказах. Кумушки и бабушки бывают первыми участницами в этих рассказах. А кто более всех знает примет, как не кумушки и бабушки? Только в городах не верят, что такие приметы сбываются, что сельские кумушки знают меньше всех.

Месяц ноябрь

Слово: *ноябрь*, или *ноемврий,* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные, славянские назва-

ния сего месяца были другие. Наши *предки* называли его: грудень, *поляки*, *малорусы*, *чехи* и *словаки*: листопад, *иллирийцы*: студеный, *сорабы*: млошный, подзимный, *карниольцы*: листогной, *венды*: гнилец, еднаистник (одиннадцатый), *кроаты*: вшешвечак. В старой русской жизни ноябрь был девятым месяцем, с XV века считали третьим. С 1700 года он числится одиннадцатым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В НОЯБРЕ МЕСЯЦЕ

1 ноября. *Замечания. – Обычаи*

Поселяне Тульской губернии полагают, что с этого дня начинаются морозы. Об этом морозе они сохранили свое наблюдение в поговорке: *Козьма и Дамиан с гвоздем.*

Поселянки в сей день справляют *курьи именины.* Этот старый обычай известен был в Москве. Там, в Толмачевском переулке, за Москвою-рекою, женщины собирались вокруг церкви Козьмы и Дамиана с курами. Усердные старушки после обедни служили молебны. Богатые люди рассылали кур в подарки по своим родным. В селах женщины прихаживали с курами на боярский двор и с челобитьем подносили их своей боярыне на *красное житье.* Боярыни отдаривали поселянок лентами на *убрусник*. Такие челобитные куры содержались в почете: их кормили овсом и ячменем и никогда не убивали. Яйцы, выносимые ими, считались целебными: ими кормили больных, страждущих желчною болезнью.

В Тульской губернии к этому дню изготовлялись боярынями обетные работы. Деньги, выручаемые от продажи своих изделий, они употребляли на милостыню нищим и на свечи.

В селениях Мышкинского уезда Ярославской губернии поселяне убивают кочета в овинах. Старший в доме выбирает кочета и сам отрубает ему голову топором. Ноги кочетиные бросают на избы для того, чтобы водились куры. Самого кочета варят и за обедом съедают всей семьей.

В селениях Валдайского уезда варят *козьмодемьянское пиво* для честных гостей.

Поселяне Ярославской губернии управляются на этот день с *дворовым*. Так они называют домового, имеющего попечение за домашним скотом. Если в чьем дворе заведется *лихой*, то они берут помело, садятся на лошадь, которую не любит дворовой, и ездят на ней по двору. Во время сих разъездов они машут по воздуху помелом и кричат: «Батюшка дворовой! Не разори двор и не погуби животину». После сего остаются покойными и думают, что лихой унялся. Другие помело обмакивают в деготь с намерением: *отметить на лысине дворового зазубрину.* С этой зазубриной будто лихой сбегает с двора.

8 ноября. *Наблюдения*

Наши поселяне имеют разные наблюдения об этом дне. Одни и те же лица будут вам рассказывать о *Михайловских грязях* и о том, что *день Архангела Михаила бывает с мостом*; другие, что *с Михайлова дня зима не стоит, земля не мерзнет*, что *со дня Михаила Архангела зима кует морозы.* И эта видимая разность имеет свои основания. Признаки, по которым они судят о появлении зимы, основаны на наблюдениях 25 сентября. Здесь ключ к сельским, метеорологическим замечаниям.

9 ноября. *Приметы*

В селениях Тульской губернии полагают, что *с Матрены зимней зима встает на ноги* и морозы прилетают от железных гор.

10 ноября. *Приметы*

Если после Михайловского мороза появится на деревьях иней, то поселяне ожидают больших снегов. Если день начинается большим туманом, то ждут оттепели.

11 ноября. *Приметы*

В селениях Калужской губернии говорят: «Со дня св. Феодора Студита прилетают зимние ветры, от которых бывает студено на дворе и морозно на земле».

12 ноября. *Приметы*

Если на этот день выпадет снег, то замечают, что оттепели продолжатся до 21 ноября, до Введения.

15 ноября. *Поверья*

Наши суеверные поселяне думают, что с этого дня все нечистые убегают с земли, боясь морозов и зимы. По их замечаниям, зима приезжает на пегой кобыле и разгоняет всех нечистых.

21 ноября. *Наблюдения.*

В Тульской губернии говорят: «*Введенье ломает леденье*», а в Рязанской: «*На Введенье толстое леденье*». В замосковных селениях замечают, что Введенские морозы не *ставят зимы.* Общее народное замечание, что появляющиеся оттепели с 21 ноября расстроивают зимний путь, основано на многолетних наблюдениях. Со дня Введения начинались зимние торги. В Москве первый зимний торг, с санями, бывал на Лубянке. Здесь были лубяные и санные ряды. Сюда привозились расписанные сани разными красками из разных мест. Галицкие сани с позолотой красовались на Лубянке как особенная редкость.

22 ноября. *Обычай*

Пермской губернии в селе Обыченском на день св. Прокопия бывал мирской праздник. Поселяне в складчину убивали мирского барашка и съедали его с званными гостьми. Этот

обычай существовал и в Олексинском уезде, где вместо барашка угощали гостей *караманной* рыбой.

24 ноября. *Обычаи*

С сего дня начинаются в городах зимние гулянья на санях. В старину к этому гулянью бывали особенные приглашения. В дом богатого и зажиточного семьянина, где была осенняя свадьба, сходились все родные смотреть, как поедут новобрачные. *За молодыми снаряжался длинный поезд* всех родных. Здесь впервые показывалась молодая после свадьбы и, по старому обычаю, должна была раскланиваться всем соседям. Сани новобрачных всегда отличались пред другими: их или расписывали красками с *выводами*, или позолачивали сусальным золотом. Боярские сани украшали волчьи и медвежьи меха. Поездом новобрачных управляли самые близкие родственники. Свекор и свекровь, отправляя свою невестку на гулянье, просили провожатых беречь молодую от всякой беды, а более всего от лихого глаза. Подле порога, в сенях, постилали овчинную шубу навыворот. Когда приезжали с гулянья, на этой шубе свекор и свекровь встречали свою невестку. Здесь провожатые *сдавали с рук на руки молодых*. Вечерняя пирушка оканчивала торжество.

Маленьким детям, именинницам, посылали в подарок *козырные санки с куклами*. Эта обязанность лежала на тещах и крестных матерях.

26 ноября. *Юрьев день*

Поселяне об этом дне сохранили свои воспоминания в поговорках: *Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! – Наряжалась баба на Юрьев день погулять с боярского двора. – Верстался мужик на Юрьев день радеть о боярском добре. – На чью долю потянет поле, то скажет Юрьев день. – Судила Маланья на Юрьев день, на ком справлять проторы. – Мужик не тумак, знает, когда живет Юрьев день. – Позывал дьяк мужика су-*

диться на Юрьев день, а мужик и был таков. – Крепки ряды Юрьевым днем. – Мужик болит и сохнет по Юрьев день. Малоруссы сохранили об Юрьеве дне свою поговорку: *Вот, тыбе, бабо, и Юрьев день!* Сербы имеют свое воспоминание о Юрьеве дне: *Дан по дань шать додье, и Дьурдьев день, аль е много неделя, баба говорила* (день за день, придет и Юрьев день, но еще не скоро, баба говорила).

Юрьев день осенний был временем перехода крестьян от одного помещика к другому. В Судебнике этот срок определялся: «за неделю до Юрьева дня и неделю по Юрьеве дне осеннем». В Стоглаве (глава 97) было уложено: «А в которых старых слободах дворы опустеют, и о те дворы называти *сельских людей пашенных и непашенных* по старине, как преже сего было. А отказывати тех людей о сроце *Юрьеве дне осеннем*, по цареву указу и по старине. А из слобод митрополичьих, и из архиепископльих, и епископльих, и монастырских, которые христиане похотят идти во град на посад, или в села жити, и тем людям идти волно о сроце Юрьеве дни с отказом по нашему царскому указу». Крестьяне, переходя на помещичью землю, обязывались подчиняться помещикам, исполнять условные повинности и платить подати за владение их вотчиною. Обязанные условиями, они не могли отойти прежде срока, уложенного законами; не могли подняться с своими животами, не рассчитавшись за пожилое. Помещик не мог брать и требовать лишнего; сделки бывали при свидетелях и послухах; он не мог удержать его на своей земле: закон ограждал и мужика, и владельца. Переходы совершались после предварительного объявления помещику и при свидетелях. Сбежавший тайно считался беглецом и наказывался пенями. По Судебнику видим, что семь дней назначались для объявлений и сделок, и семь дней для сборов. Царь Борис Феодорович первый остановил бродяжничество крестьян и укрепил их за владельцами. Царь Василий Иоаннович Шуйский, указом 1607 г., марта 9, решительно запретил крестьянские переходы. Царь Михаил Феодорович, введением Писцовых книг и всеобщею переписью, определил права помещичьи и оставил крестьян навсегда при земле владельца.

Помещичьи сборы с крестьян доселе называются в Костромской и других губерниях *Юрьевским оброком*. Воспоминание крестьян о переходах совершенно исчезло в народе; но доселе сохранился обычай у крестьян при отъезде служить на этот день молебны об успехе в пути.

30 ноября. *Приметы*

В селениях Тульской губернии выходят вечером на реки, озера и колодцы прислушиваться к воде. Если вода стоит спокойно, то это означает, что зима будет теплая, без метелей. Если вода гудет и стонет, то это предвещает бури, большие морозы и беды.

Месяц декабрь

Слово: *декабрь*, или *декемврий,* – не русское; оно зашло к нашим отцам из Византии. Коренные, славянские названия сего месяца были другие. Наши *предки* называли его: студен, *поляки*: грудзень и грудень, *чехи* и *словаки*: просинец, *сорабы*: зимский, волчий, *иллирийцы*: просцинец, *карниольцы*: груднь, *венды:* грудень и дванаистник (двенадцатый), *кроаты*: грудень и великобожничак. В старой русской жизни декабрь был десятым месяцем, а с XV века четвертым. С 1700 года его считают двенадцатым.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ

1 декабря. *Обычаи*

С 1 декабря наши предки начинали учить своих детей грамоте. Для сего заранее условливались с приходским дьячком или другим лицом. Все семейство отправлялось в церковь, где, после обедни, служили молебен, испрашивая благословение на отрока. Учитель являлся в назначенное время в дом родителей, где его встречали с почетом и ласковым словом,

сажали в передний угол с поклонами. Тут, держа сына за руку, отец передавал его учителю с просьбами научить уму-разуму и за леность учащать побоями. Мать, по обыкновению, стоя у двери, должна была плакать. Иначе худая молва пронеслась бы во всем околотке. Ученик, приближаясь к учителю, обязан был сотворить ему три земных поклона. Так установлено было нашими предками. После сего учитель ударял осторожно своего ученика по спине три раза плеткой. Мать сажала сына за стол, вручала ему узорчатую костяную указку, учитель развертывал азбуку, и начиналось велемудрое учение: *аз-земля-ер-аз*. Мать усугубляла свой плач и умоляла учителя не морить сына за грамотой. На одном азе оканчивалось первое учение. Учителя после трудов угощали, чем бог послал, и дарили подарками. Отец награждал учителя платьем или хлебом, мать полотенцем от своих трудов. Проводы и угощения продолжались до ворот. На другой день ученика отправляли к учителю с азбукой и указкой. Матушка снаряжала с сынком огромный завтрак и подарок для учителя, который состоял из домашних птиц.

4 декабря. *Приметы*

В Киеве есть примета, что на этот день устанавливается зимняя погода. Там говорят: *на день св. Варвары зима мосты мостит*. Между тем в Орловской губернии говорят: *к Варварину дню зима дорогу заварит*.

5 декабря. *Приметы*

В южных губерниях об этом дне ведется исстари поговорка: *на день св. Саввы зима гвозди вострит*. В Орловской губернии говорят: *на день св. Саввы зима реки засалит*.

6 декабря. *Наблюдения*

Наблюдения поселян об этом дне сохранены в разных поговорках: *На день святого Николая зима ходит с гвоздем*. –

Подошел бы Николин день, а то будет зима на санках. – Коли на Михайлов день зима закует, то на Николу раскует. – Провезли зиму на санках до Николы, вот тебе и оттепель. – Коли зима до Николина дня след заметает, дороге не стоять. – Хвали зиму после Николина дня. – Цены на хлеб строит Никольский торг. – Никольский обоз для боярской казны дороже золота. – Веселилась Маланья на Николин день, что мирскую бражку пьют, а того Маланья не ведает, что за похмелье мужиков бьют. – Никольщина красна пивом да пирогами. – Звали бабы Никольских ребят брагу варить, а того бабы не ведали, что ребяты только брагу пьют. – На Никольщину едут мужики с поглядкой, а после Никольщины валяются под лавкой. – Знать мужика, что Никольщину справлял, коли на голове шапка не держится. – Никольщина не ходит с поклоном на барский двор. – Для кума Никольщина бражку варит, для кумы пироги печет. – На Никольщину зови друга, зови и ворога, оба будут друзья. – Горевал мужик по Никольщине, зачем она не целый век живет. – У доброго мужика и на Никольщину торг стоит. – Никольский торг всему указ. – Городская Никольщина на санках по улицам бежит, а деревенская в избе сидит да бражку пьет. – Позывала Никольщина барщину в гости пировать, а того Никольщина не ведала, что на барщину заказ положен.

12 декабря. *Солоноворот*

Поселяне говорят, что с этого дня *солнце поворачивает на лето, а зима на мороз.* Вот отчего этот день они называют: *солоноворотом, поворотником, поворотом*. В народных поверьях находим особенные предания о солнце и зиме. Солнце будто с этого дня наряжается в праздничный сарафан и кокошник, садится в телегу и едет на теплые страны. Зима ходит с сего же дня в медвежьей шкуре, стучится по крышам и будит баб ночью топить печи. Если зима ходит по полю, то за ней вереницами ходят метели и просят дела. Если ходит

по лесу, то сыплет из рукава иней. Если по реке идет, то под следом своим кует воду на три аршина.

В Тульской губернии существует поверье, что *на солоноворотыы медведь ворочается в берлоге с одного бока на другой, что солнышко на прощанье нагревает коровам бочок.*

Старики замечают: с какой стороны на этот день подует ветер, с той стороны будет дуть он до весеннего равноденствия.

16 декабря. *Приметы*

Поселяне замечают: если на этот день будет на деревах иней, то святки будут теплыми. Если будет утром большой мороз, то он продлится до Крещенья.

24 декабря. *Коляда. – Обычаи*

В русском колядовании участвуют ныне одни только дети. Древняя Коляда и все старинные обряды совершенно исчезли: нет ни воспоминаний, ни рассказов. Дети ходят под окнами величать богатых хозяев с Колядою и *виноградьем.* За колядование награждают их деньгами и съестными припасами. *Виноградье* напоминает нам о каком-то старом обряде славян южных стран. В селениях Шенкурского и Вельского округов сохранился старый обычай приготовлять к этому дню из пшеничного теста животных: коров, быков, овец и домашних птиц. Животные выставлялись на окна для показа проходящим, на столе они с утра красовались для семейства и уже вечером рассылались в подарок родным. Для вечерней *трапезы* готовится доселе *из круп каша*, а из пшена и ячменя *кутья сочельницкая*. Малорусы варят также свою особенную кутью. В одном горшке изготовляют пшеницу, а в другом вареные в меду яблоки, груши и сливы; оба горшка ставятся на покути, в переднем углу. В старину в замосковных селениях в санях возили Коляду – девицу, одетую, сверх платья, в белую рубашку. Колядовщики пели песню: «Уродилась Коляда накануне Рождества». В других местах пели: «Шла Коляда из Новагоро-

да». В Муромском уезде прибавляли: «Коляда Таусень». Наши затейливые мифографы, по следам Гизеля, в Коляде находят особенное славянское божество. Карпаторусы нашу Коляду называют: *Керечун*, а румыны – *Кречуном*. Наши простолюдины рождественский пост называют *Корочуном*. В Валахии и Болгарии родившихся 25 декабря называют *Крачунами*. В списке Воскресенской летописи мы находим: *Корочунов камень.* Сохранившаяся у нас поговорка: *Карачун дать* – выражает решительную погибель. В Шелонской пятине в XVII веке упоминался в грамотах: *Карачуницкий* погост. Но нет ничего смешнее, как читать догадки наших археологов о Коляде. Так одни в ней находят празднество в честь Перуна; другие видят в ней связь с солнцестоянием зимним и летним; третьи, словопроизводы, отыскивают *Коло*, символ солнечного оборота и коловратности судьбы человеческой; четвертые находят сходство с египетским Озирисом. И все это, в XIX веке, называется критическими, учеными исследованиями!

25 декабря. *Святки. – Обряды*

С вечера 25 декабря начинаются на Руси святки, веселое время для всех возрастов. Утро дети проводят в славлении и виршевании.

Славление на Руси заключается в хождении *с вертепом, звездою, рацеями и виршами.* Вертеп в Сибири прежде устраивался в виде ящика о двух ярусах. Здесь помещались деревянные фигуры. В верхнем ярусе изображалась смерть Ирода, а в нижнем Иродиадины пляски. В вертепе горели свечи. Славельщики ходили с ними по домам. За пение награждали деньгами и пирогами. Для сбора пирогов один носил кузов, а для денег другой хаживал с тарелкой. На рассвете к ним присоединялись гудочники и участвовали в дележе.

Хождение со звездою есть общее во всей Руси. Звезда делается из бумаги величиною в аршин, раскрашивается красками и освещается свечами. Мальчики, ходя по улицам, для важности, вертят звезду во все стороны. За свое пение

славельщики получают разные подарки. *Рацеи* и *вирши* завелись сначала по бурсам. Славельщики хаживали до обедни к своим *патронам* и милостивцам и приветствовали их *виршами*. Рацеи переходили из поколения в поколение и остались только у малоруссов.

Славление у взрослых начиналось около полудня. В старину в этом участвовали все сословия. Корнелий Брюин описал нам московское славление. Впереди всех появлялись двое с барабанами и ударяли в них палочками; за ними в санях ехал царь с князьями, боярами и придворными. Входя в дом, пели стихеры и поздравляли хозяина. Хозяин подносил царю в подарок деньги и угощал всех славельщиков. Великий Петр участвовал в славлении. С великолепным поездом, 1702 года, сей государь славил у Бранса и Лупса. Славельщиков записывали в списки и за небытие наказывали плетями. Так, по словам Желябужского, наказан Григорий Камынин. Ныне, вместо славления, взрослые ездят с поздравлением по родным и знакомым.

В Малороссии с 25 декабря начинаются *Колядки*. В них участвуют взрослые и дети. Колядовщики поют Колядки – песни, в которых величают хозяина со всем семейством, и получают в награду разные подарки, в том числе и свиные кишки. Покойный Гнедич от этих кишок производил Коляду.

Поселяне Рязанской губернии говорят: «*Темные святки – молочные коровы. Светлые святки – ноские куры*».

26 декабря. *Гадания. – Поверия*

С этого вечера на Руси начинаются гадания и переряживания. Все подробности о вышеизложенных гаданиях были изложены в первом томе.

Общее поверье существует у наших поселян, что с этого вечера начинаются бесовские потехи и что нечистые прилетают тогда на землю. Ведьмы будто сдружаются с духами, летают на шабаш, скрадывают с неба месяц и звезды. Подробности об этих поверьях будут изложены в Русской демонологии.

30 декабря. *Наблюдения*

Наши поселяне на этот день бьют свиней и по печени и селезенке судят о зиме. Если селезенка будет *ровная* и *гладкая*, то ожидают зимы суровой; если она к спине будет толще, то думают, что зима придет с холодами в конце. Толстая печень в середине означает, что стужи начнутся с половины зимы. Широкая сторона печени к брюху *обещает* морозы с *перезимья*. В Костромской губернии варят на этот день свиной желудок, отчего и самый день называется у них: *желудочницы*.

31 декабря. *Щедрый вечер*

Малорусы вечером под Новый год ходят по домам *щедровать* и поют *щедровки* – песни, в которых величают хозяина. За щедровки награждают подарками.

НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ И ОБЫЧАИ

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРЫХ ЛЮДЕЙ ПО ДНЯМ И НЕДЕЛЯМ

НЕДЕЛИ

Свадебные недели

Так исстари называются на Руси те недели, которые начинаются с 6 января и продолжаются до масленицы. В эти недели производятся: сватовство, разыгрывание свадеб, княжий и отводные столы. В некоторых местах свадебными неделями называются дни с 1 сентября до 15 ноября.

Пестрые недели

Пестрыми неделями называются на Руси последние недели пред постами; они обыкновенно следуют после *всеедных* недель. Богатые люди, одни из тщеславия, другие по старым приметам, не решаются играть свадеб на этих неделях. В народе распространены поговорки: *На пестрой неделе женится голь да беда. – На пестрой жениться с бедой породниться. – От того и баба пестра, что на пестрой замуж шла.*

Масленица

Русский народ свою масленицу величает: *Честная Масленица – широкая Масленица – веселая Масленица.* В наших церковных книгах Масленица называется: *сырною неделею.*

Все дни масленой недели имеют свои особенные названия: *встреча* – понедельник, *заигрыши* – вторник, *лаком-*

ка – среда, *разгул, перелом, широкий четверг* – четверток, *тещины вечерки* – пятница, *золовкины посиделки* – суббота, *проводы, прощанья, целовник, прощеный день* – воскресенье.

На первый день Масленицы наш народ справляет *встречу честной Масленицы, широкой боярыни*. Дети с утра выходят на улицу строить снежные горы. Здесь они, устроивши горы, скороговоркою причитывают: «Звал, позывал честной семик широкую Масленицу к себе в гости во двор. Душа ль ты моя, Масленица, перепелиные косточки, бумажное твое тельце, сахарные твои уста, сладкая твоя речь! Приезжай ко мне в гости на широк двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешаться. Уж ты ль, моя Масленица, красная краса, русая коса, тридцати братов сестра, сорока бабушек внучка, трех-материна дочка, кеточка, ясочка, ты же моя перепелочка! Приезжай ко мне во тесовой дом душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Выезжала честная Масленица, широкая боярыня на семидесяти семи санях козырных, во широкой лодочке, во велик город пировать, душой потешиться, умом повеселиться, речью насладиться. Как навстречу Масленице выезжал честной семик на салазочках, в одних протяночках без лапоток. Приезжала честная Масленица, широкая боярыня к Семику во двор на горах покататься, в блинах поваляться, сердцем потешиться. Ей-то Семик бьет челом на салазочках, в одних протяночках, без лапоток. Как и тут ли честная Масленица на горах покаталася, в блинах повалялася, сердцем потешалася. Ей-то Семик бьет челом, кланяется, зовет во тесовой терем, за дубовый стол, к зелену вину. Входила честная Масленица, широкая боярыня, к Семику во тесовой терем, садилась за дубовый стол к зелену вину. Как и она ль, честная Масленица, душой потешалася, умом повеселялася, речью наслаждалася».

После этой встречи дети сбегают с гор и кричат: «Приехала Масленица! Приехала Масленица!» Встреча оканчивается кулачным боем. В некоторых местах мне случалось видеть, как дети приготовляли утром соломенную куклу – Масленицу. На Масленицу надевали кафтан и шапку, опоясы-

вали кушаком, ноги обували в лапти. Эту Масленицу-куклу на салазках ввозили на гору с причитанием встречи. Неизвестно, когда и кем *позывание Масленицы* перенесено было на *лубочные* картинки.

Наш степенный народ, люди зажиточные, встречу Масленицы начинали посещением родных. С утра свекор с свекровью отправляли невестку на день к отцу с матерью, а вечером сами приходили к сватам в гости. Здесь, за круговой чашей, условливались: когда и где проводить время? кого звать в гости? когда кататься по улицам?

К первому дню Масленицы устроиваются общественные горы, качели, вислые и круглые, балаганы для скоморохов (паяцев и комедиантов), столы с сладимыми яствами: здесь народ торговый сбирает дань с праздности и лени; здесь копейка ставится на ребро. Не ходить на горы, не качаться на качелях, не потешаться над скоморохами, не отведать сладимых яств – значило в старину: жить в горькой беде, и то при старости, лежать на смертном одре, сидеть калекой без ног. В старину москвичи Масленицу справляли у Красных Ворот. Здесь Петр Великий открывал Масленицу с понедельника и качался на качелях с офицерами.

Богатые люди с понедельника начинают печь *блины*, а бедные с четверга или пятницы. В старину первый блин отдавался нищей братии на помин усопшим. В степных селениях первый блин кладут на слуховое окошко для душ родительских. Старухи, кладя блин на это окно, приговаривают: «Честные наши родители! вот для вашей душки блинок». Прежде печения блинов наши женщины-стряпухи изготовляют *опару* с особенными обрядами. Одни опару готовят из снега, на дворе, когда взойдет месяц. Здесь они причитывают: «Месяц, ты месяц, золотые твои рожки! Выглянь в окошко, подуй на опару». Они остаются в полной уверенности, что месяц выглядывает из окошка и дует на опару. От этого будто блины бывают белые, рыхлые. Другие выходят вечером готовить опару на речки, колодези и озера, когда появятся звезды. Приготовление первой опары содержится в величайшей тайне

от всех домашних и посторонних. Малейшая неосторожность стряпухи наводит на хозяйку тоску в продолжение всей недели. Где нет свекра и свекрови, где молодые встречают первую Масленицу, тещи приходят к зятьям в дом учить своих дочек печь блины. В старину зятья и дочери приглашали заранее таких гостей поучить уму-разуму. Это призвание считалось нашими бабушками за великую честь; об нем говорили все соседи и родные. Званая теща обязана была прислать с вечера весь блинный снаряд: таган, сковороды, дежники, половник и кадку, в чем *ставить блины*. Тесть присылал: мешок манной грешневой муки и коровьего масла. Неуважение зятя к сему обычаю считалось бесчестием и обидой и поселяло вечную вражду между тещей и зятем.

На *заигрыши* с утра приглашаются девицы и молодцы покататься на горах, поесть блинов. В богатых домах к этому дню братцы устраивали горы для сестриц среди двора. Матушки посылали позыватоκ звать по родным и знакомым дочек и сынков, с наказом: у нас, де, горы готовы и блины испечены – просим жаловать. Позыватоκ встречали с почетом и приветом, угощали вином и блинами и отпускали с наказом: «Кланяться хозяину и хозяйке с детками, со всеми домочадцами; а деток своих пришлем к вечеру». Отказ всегда объявлялся условленным, общим выражением: «У нас, де, состроены у самих горы и прошены гости». Соседи толковали такие отказы по-своему: «Здесь, де, начинается разлад и дочку *прочат* за другого». Гостей принимали с встречами у ворот, крыльца и образной. После нескольких угощений гостей отпускали потешиться на горы. Здесь братцы высматривали невест, а сестрицы поглядывали украдкой на суженых. Нянюшки, матушки, бабушки все это знают; с ними встарь то же бывало; теперь они радуются на веселости своих деток, воображая их будущее счастье.

На *лакомки*, в среду, тещи приглашали своих зятьев к блинам, а для забавы любимого зятя сзывали всех своих родных. В Туле тещи для зятя пекут еще *блинцы*, *оладьи* и *творожнички*. В Нерехте бывает съезд из деревень девиц, молодых и пожилых, где они, в праздничных платьях, катаются

отдельно от мужчин. Насмешливый русский народ составил несколько песен о заботливости тещи при угощении зятя. Эти песни вечером поют холостые, с разными олицетворениями. Здесь наряженный медведь играет разные фарсы, «как теща про зятя блины пекла – как у тещи головушка болит – как зять-то удал теще спасибо казал».

В *широкий четверг* начинается масленичный разгул: катанье по улицам, разные обряды и кулачные бон.

В Переславле-Залесском, Юрьеве Польском и Владимире возят по улицам мужика. Для поезда выбирают огромные сани, утверждают в средине столб, на столбе привязывают колесо, на колесо сажают мужика с вином и калачами. За этими санями тянется поезд с народом, который поет и играет. В старину в Зарайске возили на санях дерево, украшенное лоскутами и бубенчиками в сопровождении народа. В Архангельске прежде мясники возили быка по городу на огромных санях, к которым прицеплялся поезд с народом.

В Ярославле с четверга начинают колядовщики *петь Коляду*. Там фабричные ходят по домам с бубнами, рожками и балалайками для поздравления с праздником: «Прикажи, сударь-хозяин, Коляду пропеть». За колядские песни колядовщиков угощают пивом и награждают деньгами. В Сольвычегодске на мирскую складчину варят пиво. Братчина, разгульный народ, сходится в назначенное место пить пиво и петь песни. В Сибири Масленица возится на нескольких санях, на которых устраивается корабль с парусами и снастями. Здесь усаживаются люди, медведь и честная Масленица. Сани, запряженные в 20 лошадей, возят Масленицу по улицам в сопровождении поезда песенников и шутов. Кулачные бои начинаются с утра и продолжаются до вечера. Сначала начинают бои *сам на сам*, *один на один*, а потом уже *стена на стену*. В кулачных боях прежде принимали участие все возрасты; но ныне они находят редких поборников и только одни мальчики напоминают о старых потехах.

В XVIII столетии Москва видела три царственные увеселения на Масленице. В 1722 году, после Нейштадтского мира,

Великий Петр снарядил масленичный поезд из Всесвятского села чрез Тверские ворота прямо в Кремль. Празднество продолжалось четыре дня. Императрица Елизавета Петровна открывала Масленицу в селе Покровском. Императрица Екатерина II, после своей коронации, справляла на Масленице трехдневный маскарад на городских улицах.

На *тещины вечерки* зятья угощают своих тещей блинами. Приглашения бывают почетные, со всею роднею, к обеду, или запросто, на один ужин. В старину зять обязан был с вечера лично приглашать тещу, а потом, утром, присылать нарядных зватых. Чем более бывало зватых, тем теще более оказывалось почести. Дружко или сват приглашались к таким нарядным позывам и за свои хлопоты с обеих сторон получали подарки.

На *золовкины посиделки* молодая невестка приглашала своих родных к себе. Если золовки были еще в девушках, тогда невестка сзывала старых своих подруг-девиц; если они были выданы замуж, тогда она приглашала родню замужнюю и со всем поездом развозила гостей по золовкам. Новобрачная невестка обязана была дарить своих золовок подарками.

В Тульской, Пензенской и Симбирской губерниях в субботу дети строят на реках, прудах и полях снежный городок с башнями и воротами. После своей работы они разделяются на две стороны, одна принимает на себя охранять городок, другая должна отбоем занять его. Охранители вооружаются метлами и помелами, а храбрецы палками. Когда *порядятся взять городок*, тогда вдруг нападают на охранителей, и после битвы врываются в ворота и разрушают городок. В этой игре принимают участие и взрослые. Тогда храбрецы садятся на лошадей и конные нападают на городок. После взятия городка взрослые воеводу купают в проруби. После сего начинается всеобщее угощение и с песнями возвращаются по домам.

Проводы Масленицы и *прощание* отправляются на Руси с разными обрядами.

Проводы честной Масленицы в Симбирской, Саратовской и Пензенской губерниях состояли в поезде по городу и селам. Для поезда сколачивали несколько дровень и саней.

В средние дровни ставили большой столб, на него клали колесо, на колесо сажали мужика, опытного в разных забавах и причитаниях. Вместо лошадей запрягали разукрашенных людей. Такой поезд разъезжал по всем улицам; впереди и вокруг его пели, играли и плясали скоморохи и колоброды, приходившие из деревень забавляться с городскими весельчаками. Прощальный поезд в Ярославле называется: *околка*, в Нерехте: *обоз*, в Туле: *круг* и *конец*. В Нерехте на проводах *сожигают* Масленицу. Вечером, после всех гуляний и забав, выходит молодой народ, мужчины, женщины, девицы и дети, из своих дворов с соломою. При пении песен сожигается солома.

Прощание бывает с живыми и покойниками. В Туле и Зарайске выходят на кладбища утром и на могилах просят прощения у покойников. С кладбищ заходят прощаться к священникам. В Нерехте сей обряд отправляется вечером.

Новобрачные ездят по своим родным отдаривать тестя с тещею, сватов и дружек за свадебные подарки. Здесь, кроме подарков, приносились и пряники, испещренные узорами и надписями: *Кого люблю, того дарю. – От милого подарок дороже золота. – Чин чина почитай, и подарок не забывай. – Милости просим нашей хлеба-соли. – За все благости наше низкое челобитьице.* Тульские пряники, белевские медовики, вяземские коврижки считались у наших отцов дорогими подарками.

На прощеный день ездят отдаривать кума с кумой. За *ризки* и *зубок* привозят соответственные подарки равным по состоянию, *щедрые* бедным. И здесь пряники составляют необходимую принадлежность. В деревнях самый почетный подарок для кума состоит из полотенца, для кумы из бруска мыла.

Прощание между родными и знакомыми происходит вечером. Прощаться приходят родные к старшему в роде, бедные к богатым. В старые годы на прощанье приносили пряники. Прощаясь, говорили, по обыкновению, друг другу: «Прости меня, пожалуй, буде в чем виноват пред тобою». Прощание заключалось поцелуем и низким поклоном. Прощание между домашними бывало после ужина, пред сном. Здесь дети кланялись в ноги своим родителям и просили про-

щения. После их приходили все находящиеся в услужении и справляли свое челобитье.

В XVII столетии государи хаживали на прощанье к патриарху с боярами, окольничими и думными людьми. Патриарх угощал дорогих гостей медами и романеею. Маржерет, очевидец русской Масленицы, описал только одно прощание. Неизвестный сочинитель книги: Anhang von der Russischen oder Moskowitischen Religion, бывший в Москве, описал нашу Масленицу с самой невыгодной стороны; выдумал, что будто патриарх хотел уничтожить этот праздник, но не успел, и только сократил его на восемь дней, тогда как прежде он продолжался четырнадцать дней; сравнивал нашу Масленицу с итальянским карнавалом.

О русской Масленице между народом сохранились поговорки: *Не житье, а Масленица. – Не всегда коту Масленица. – Масленица семь дней гуляет. – Милости просим к нам об Масленице с своим добром, с честным животом. – Сваталась Маланья на Масленице, думала-гадала замуж пойти, а того Маланья не ведала, что Масленица только ставит молодых на показ. – Пируй и гуляй баба на Масленице, а про пост вспоминай. – Выпили пиво об Масленице, а с похмелья ломало после Радуницы.*

Средокрестная неделя

Так на Руси называется четвертая неделя великого поста. В народе есть поверье, что будто бы в среду на этой неделе *переламывается пост в переднем углу.* Нянюшки и бабушки, забавляя детей, садятся в передний угол, за стол, и стучат под лавкой. Этот стук, как уверяют они детей, будто происходит от ломанья поста. По замечанию старушек, будто с этого дня *щука разбивает хвостом лед.*

Святая неделя

Святая неделя называется у народа: *великоденскою, славною, великою и радостною.* Первый день Пасхи они называют:

Велик день, утро вторника: купалищем, пятницу: *прощеный день*, субботу: *хороводницы*. Поселяне Черниговской губернии эту неделю называют: *гремяцкою*.

С Святой недели начинаются городские и сельские гулянья, разыгрывание хороводов и окликание весны. В Туле гулянье называется *тюльпою*.

В первый день Святой недели поселяне Тульской губернии выходят смотреть на *играние солнца*. Взрослые, мужчины выходят смотреть на колокольни, как будет играть солнце; а женщины и дети наблюдают появление его на пригорках и крышах домов. При появлении солнца дети поют:

Солнышко, ведрышко,
Выгляни в окошечко!
Твои детки плачут,
Сыр колупают,
Собакам бросают;
Собаки-то не едят,
А куры-то не клюют.
Солнышко, покажись,
Красное, снарядись!
Едут господа бояре
К тебе в гости во двор,
На пиры пировать,
Во столы столовать.

По замечаниям поселян, появление солнца на чистом небе и его играние предвещает хорошее лето, благополучный урожай и счастливые свадьбы. Старушки, при появлении солнца, умываются с золота, серебра и красного яйца в надежде разбогатеть и помолодеть. Старики расчесывают тогда же свои волосы с причитанием: сколько в голове волосков, столько бы было и внучат.

В понедельник Святой недели в Туле и других местах выходят на кладбища *похристосоваться с своими и погоревать о житье-бытье*. Здесь вдовушки, помышляющие о за-

мужестве, часто находят себе женихов. В старину на могилки выхаживали всей семьей и пировали до вечера. В Шенкурском и Вельском округах хождение на кладбище называется на *горы итить*.

Во вторник Святой недели утром народ исправляет купалище. Молодые и старики обливают холодной водой тех, которые просыпают заутреню. В указе Правительствующего Синода 1721 г., апреля 17, находим строгое запрещение сего обычая: *«В Российском государстве как в городах, так и в весях происходит от невежд некоторое непотребство, а именно, во всю Светлую седмицу Пасхи, ежели кто не бывает у утрени, такового, аки бы штрафуя, обливают водою и в реках и в прудах купают; и хотя простой народ делает себе будто за забаву праздничную, однако от той суетной забавы делается не токмо здравию, но и животу человеческому тщета; ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют, или разбивают, а сонных и хмельных внезапно облиянием ума лишают».*

В Белоруссии на Святой неделе поют *великоденные песни* под окнами, ходят играть с музыкою по домам. Таких песенников называют: *волочебниками*, а запевал: *починальниками.* В Минской губернии и окрестностях местечка Юрьевичи пляшут на игрищах: *метелицу* и *завейницу.*

На *прощеный день* в Тульской губернии сзывают тесть и теща зятниных родных на молодое пиво. В Костромской губернии варят *моленое* пиво, козьмодемьянское, в складчину. При сливании пива в лагуны сходятся молодые и старые распивать остаток. Каждый из них, отведывая пиво, обязан говорить: «Пиво не диво, и мед не хвала, а всему голова, что любовь дорога». Царь Иоанн Васильевич дозволял народу пировать на Святой неделе в кабаках. В уставной Пермской грамоте 1555 года дозволено было народу на великоденной неделе варить питья и пить их.

С Святой недели начинают повсеместно разыгрывать хороводы. Соберем все предания об них, об их введении в жизнь наших отцов и времени их действия.

Хороводы

Русские хороводы, украшая собою нашу семейную жизнь, представляются столько же древними, сколько древняя наша жизнь. Жили ли предки наши дома, они занимались играми, плясками, хороводами; были ли они на побоище, они воспевали родину в своих былинах. С веселых пиров Владимира песни разносились по всей Руси и переходили из рода в род. Прежние наши гусляры, вдохновители русской народной поэзии, видны доселе еще в запевалах, хороводницах, свахах. Как гусляры в старину открывали песнями великокняжеские пиршества, так и наши запевалы и хороводницы составляют хороводы и пляски. Есть люди, указывающие нам на былое действие, но нет верного указания, когда начались наши хороводы. История хороводов заключается в преданиях; а все наши народные предания говорят о былом, как о настоящем времени, без указаний дней и годов; говорят, что делали наши отцы и деды, не упоминая ни места действия, ни самих лиц.

Первоначальное значение хоровода, кажется, потеряно навсегда. Мы не имеем никаких источников, указывающих прямо на его появление в Русской земле, и поэтому все предположения остаются ничтожными. Было счастливое время, когда наши филологи производили хоровод от греческих и латинских слов. Счастливо было то время, когда наши умники верили, что наш хоровод происходит от греческого слова χοροβα τέω – ступаю в хоре; невозвратны и те наслаждения, когда с торжеством произносили, что хоровод заключается в словах: χορος – лик поющих и пляшущих, άγω – веду. Утешны и споры филологов. Латинцы отыскали созвучие у Горация в IV книге, 7 оде – horos ducere – вести хоры, лики, и утверждали первенство за собой. Всматриваясь в это изыскание, как в предположение, находим, что оно прекрасно, что оно открыло труженикам мечтательное созвучие в словах; но кто поручится, что это было так? Кто докажет нам, что русские, вводя в свою семейную жизнь игры, составили свой хоровод из латинского выражения Горация? Много, очень много есть прямых указаний, как русские умели

заимствовать из Греции обряды для своей жизни; и во всем этом мы только находим приблизительные указания. Очевидностей нечего и искать; их нет у нашего народа, когда предания передают былое вам о старой жизни.

Хороводы мы встречаем у всех славянских племен. Литовцорусы хоровод переименовали в *корогод*. Богемцы, хорваты, карпаторусы, морлаки, далматы обратили его в kolo – круг. Славянское коло также сопровождалось песнями, плясками и играми, как и русский хоровод. Подобные изменения мы находим и в русских селениях. Поселяне Тульской, Рязанской и Московской губерний, говоря о хороводниках, выражаются: «*Они пошли тонки водить*». В слове «тонки» мы узнаем народную игру *Толоки*, в которой игроки ходят столпившись, как в хороводе.

Важность русских хороводов для нашей народности столь велика, что мы, кроме свадеб, ничего не знаем подобного. Занимая в жизни русского народа три годовые эпохи: весну, лето и осень, хороводы представляют особенные черты нашей народности – разгул и восторг. Отделяя народность от простонародия, мы в ней открываем творческую силу народной поэзии, самобытность вековых созданий. В этом только взгляде наша народность ничего не имеет подобного. Отнимите у русского народа поэзию, уничтожьте его веселый разгул, лишите его игр, и наша народность останется без творчества, без жизни. Этим-то отличается русская жизнь от всех других славянских поколений, от всего мира.

Русские хороводы доступны всем возрастам: девы и женщины, юноши и старики равно принимают в них участие. Девицы, окруженные хороводницами, изучают песни и игры по их наставлениям. В нашей хороводнице сохраняются следы глубокой древности. Обратите внимание на ее заботливость передавать вековые песни возрастающему поколению, на ее желание внушить девам страсть к народным играм, и вы увидите в ней посредницу между потомством и современностью, увидите в ее думах гения-блюстителя нашей народности. При всей этой важности хороводница считается у нас

обыкновенною, простою женщиною, способною только петь и плясать. Так одно время могло измениться народное значение этого слова. Между нашими православными людьми соблюдается доселе почет к хороводнице: подарки сельских девушек, угощение матушек, безденежные труды отцов на ее поле. Это все делается во время хороводных игр. В другое время она изменяет свой характер: делается свахою на свадьбах, бабкою-позываткою на пирах, за безлюдьем кумою на крестинах, плакушею на похоронах. Таков круг жизни, совершаемый русскими хороводницами. Кроме того, есть еще особенные отличия в хороводницах городских и сельских.

Городскою хороводницею может быть нянюшка, взлелеявшая целое семейство, и соседка, живущая на посылках у богатых купцов. Нянюшка из любви к детям утешает молодежь хороводами, передает им старину своего детства – сельскую; ибо большая часть русских нянек родились в селах, а доживают свою жизнь в городах, в чужом семействе. В этом классе всегда преимуществуют мамки, воспитавшие детей на своих руках. Соседка, удивительная своею заботливостью по чужим делам, представляет в нашей народности лицо занимательное. Она знает все городские тайны: кто и когда намерен жениться, кого хотят замуж отдать, кто и где за что поссорился. Без нее нет в семействе никакого утешения: зимой она приходит детям рассказывать сказки, матушкам передавать вести; летом она первая выходит на луг составлять хороводы, первая пляшет на свадьбе, первая пьет брагу на празднике. Соседку вы всегда встретите в доме зажиточного купца утром, в полдень и вечером; она всегда бывает весела, шутлива, бедно одета. Заговорите с ней поближе, словами, близкими к ее сердцу, и она передаст вам все сокрытое и явное; она ознакомит вас с городом и горожанами; она обрисует вам картины своего века так резко, что вы во сто лет не могли бы сами изучить так отчетисто и верно.

Сельская хороводница – женщина пожилая, вдова, живущая мирским состраданием. Отвага, молодость и проворство отличают ее от всех других. Ей не суждено состариться. Она

вечно молода, игрива, говорлива; она утешает всю деревню; она нужна для всего деревенского мира: она распоряжается всеми увеселениями; она не пирует на праздниках как гостья, но зато все праздничные увеселения исполняются по ее наставлениям. Весь круг ее жизни и действий сосредоточивается в одной и той же деревне, где она родилась, где состарилась и где должна умереть.

Места, где отправляются народные хороводы, получили во многих местах особенные названия и удержали исстари за собою это право. Реки, озера, луга, погосты, рощи, кладбища, огороды, пустоши, дворы – вот места для их отправления. На одних местах бывают хороводы праздничные, на других обыкновенные, запросто. Праздничные хороводы есть самые древние: с ними сопряжено воспоминание прошлого, незапамятного народного празднества. Для таких хороводов поселяне и горожане приготавливаются заранее, сзывают дальних гостей и соседей, красят желтые яйца, пекут караваи, яичницы, пироги, варят пиво, мед и брагу. Праздничные хороводы отправляются равно поселянами и горожанами, обыкновенные же более заметны по городам. Девушки богатых отцов выходят повеселиться на свой двор, куда сбираются к ним подруги. Все это бывает вечером, с окончанием работ.

Женщины и девушки, приготовляясь к хороводам, одеваются в лучшие наряды, предмет особенной заботливости поселян. Сельские девушки для сего закупают ленты, платки на ярмарках, и все это на свои трудовые деньги. Из мирской складчины они покупают для хороводницы платок и коты. В городах вся заботливость лежит на матушках, награждающих хороводниц и соседок из своих *молочных денег*, из барышей, остающихся у богатых купчих от продажи молока.

Мужчины в сельских хороводах представляют гостей, призванных разделять веселье и радости. Молодые ребята, неженатые, вступают в игры с девушками по приглашению хороводницы. В городских хороводах, совершаемых на дворах и площадях, редко участвуют мужчины; там можно видеть братцев и родных, будущих суженых. Эти братцы живо представят

вам особенный быт нашей семейной жизни: родниться с своим кругом и заранее сближаться с подругами жизни.

Русские хороводы распределены по времени года, свободным дням жизни и по сословиям. Сельские начинаются со Святой недели и продолжаются до рабочей поры; другие появляются с 15 августа и оканчиваются при наступлении зимы. Поселяне веселятся только по дням праздничным; в другие дни окружают их нужды, а для искупления их они должны жертвовать всем. Городские хороводы также начинаются с Святой недели и продолжаются во все лето и осень. Горожане, люди досужливые, более имеют времени гулять и петь; они пользуются всем готовым. Время и разные обычаи до того разнообразят увеселения православных, что в одно и то же время в одном городе встречаем такой праздник, а в другом находим совершенно иной; там есть свои стародавние обряды, здесь другие. Весна и осень, два времени, в которые поселяне более всего веселятся. Здесь семейная жизнь представляется в разных картинах. Принимая разделение хороводов на весенние, летние и осенние, мы увидим настоящую картину русской жизни и правильнее можем следить за постепенным ходом народных увеселений.

Первые весенние хороводы начинаются со Святой недели и оканчиваются вечером на Красную горку. Здесь соединялись с хороводами: встреча весны, снаряжение суженых к венечному поезду. Радуницкие хороводы отличаются разыгрыванием *Вьюнца*, старого народного обряда в честь новобрачных. Георгиевские хороводы соединяют с собой выгон скота на пастьбы и игры на полях. В этот день к хороводницам присоединяются гудочники – люди, умеющие играть на рожке все сельские песни. Последними весенними хороводами считаются *Никольские.* Для празднования Никольщины званые гости съезжаются с вечера и принимаются с почетом, поклонами и просьбами пировать на празднике. Целое селение складывается в складчину на мирской сбор: поставить угоднику мирскую свечу; сварить браги, щей, лапши, каши; напечь пирогов для званых гостей. Все это дело присуждалось старосте или земскому. Званые гости уезжали с лошадьми в ночную,

где пиршества продолжались до утра с плясками и песнями. Наставал праздник, со всех сторон стекались православные, званые и незваные. Богатые незваные приходили к старосте и давали в кладу пировать Никольщину; бедные только отделывались поклонами. Кругом погоста ставили столы с пирогами, кадушки с брагой; а в земской избе стояли на столе: щи, лапша, каша. С окончанием обедни начиналась пирушка. Гости ходили по избам, ели, что душе было угодно, пили донельзя. Пред вечером женщины выходили на улицы петь песни, играть в хороводы. Раздолье бывало шумное и гульливое, когда боярин жил в селе и справлял с своими гостями Никольщину. Двор его наполнялся людьми; боярин с боярыней угощали гостей вином и брагой. Все это бывало прежде, а ныне быльем заросло. Вот о чем с горестью воспоминают старики! Вот отчего мила русскому по душе и сердцу русская старина! Никольщина продолжалась три дня, а иногда и более. Заезжие гости до того наслаждались брагой, что не могли руками брать шапку. Это считалось для хозяев особенным почетом, а гости почитали себя вправе величаться таким угощением. В пиршестве не участвовали только девицы; они наслаждались хороводами, когда женщины плясали «во всю Ивановскую».

Летние хороводы начинаются с Троицкой недели и бывают веселее и разнообразнее весенних. Поселянки закупают наряды: платки и ленты. Семейная жизнь пробуждается со всеми причудами. Московский семик, первенец *троицких* хороводов, отправляется во всеми увеселениями. К этому дню мужчины рубят березки, женщины красят желтые яйца, готовят караваи, сдобники, драчены, яичницы. С рассветом дня начинались игры и песни. Троицкие хороводы продолжаются всю неделю. В это время только можно изучать семицкие песни. *Всесвятские* хороводы продолжаются три дня и соединены с особенными местными празднествами. *Петровские* и *пятницкие* хороводы отправляются почти в одно и то же время. Начатие и продолжение их зависит от изменяемости нашего месяцеслова. *Ивановские* хороводы начинаются 23 июня и продолжаются двое суток. На Петров день оканчиваются наши летние

хороводы. В городах и селах они отправляются на площадях, вместе со всеми другими увеселениями.

Осенние городские хороводы в одних местах начинаются с Ильина дня, а в других с Успеньева дня. Сельские хороводы начинаются с бабьего лета. Такая разность указывает более на местности, нежели на различие обрядов. *Успенские* хороводы начинаются с 6 августа, когда начинают сбирать фруктовые плоды. В старину эти празднества бывали сборные в тульских садах. Веневцы, исключительно занимавшиеся садовыми промыслами, начинали сбор яблок и груш песнями и хороводами. *Семенинские* хороводы отправляются по всей России с разными обрядами и продолжаются целую неделю. *Капустинские* хороводы начинаются с половины сентября и отправляются только в городах. Последние хороводы бывают *покровские*, и отправление их зависит от времени года.

Кроме сих обреченных дней, русские хороводы отправляются на свадьбах, даже зимою. Мне часто случалось видеть, как зимою на московских свадьбах девушки разыгрывали хороводы в комнатах.

Русские хороводы сопровождаются особенными песнями и играми. Песни принадлежат ко временам отдаленным, когда наши отцы живали припеваючи, без горя и забот. Нет никакой возможности определить, когда игры были соединены с хороводами. Такое смешение игр и хороводов заметно более в городах. Игры хороводные содержат в себе драматическую жизнь нашего народа. Здесь семейная жизнь олицетворена в разных видах. В хороводах, исключительно взятых, заключается народная опера. Ее характер, исполненный местными обрядами, старыми поверьями, принадлежит исключительно русскому народу.

В Черниговской губернии в конце Святой недели бывает особенное игрище: *изгнание*, или провожание русалок.

Радуницкая неделя

Радуницкая неделя начинается с Фомина воскресенья и вмещает в себе старые обряды наших отцов. Первый день сей

недели называют: *Красная горка*, понедельник: *Радуницею*, вторник: *Наской*, или *Навий день*, или *Усопшие радаваницы*. На этой неделе отправляют: *хождение вьюнитства*. Малорусы Фомин понедельник называют: *могилками, гробками, проводами*; а в Мохновском округе Киевской губернии величают сей день: *бабским праздником*. В Киеве наша Радуница известна под именем: *проводов*. Болгары справляют свою Радуницу на могилах родителей, пируют с родными и катают по могилам красные яйца.

Красная горка

Красная горка на Руси составляет первый весенний праздник. Великорусы здесь встречают весну, венчают суженых, разыгрывают хороводы. Малорусы отправляют свои веснянки, ходят с песнями по улицам.

Поселяне Тульской губернии на Красную горку *заклика-ют* весну с хороводными песнями. При восхождении солнца они выходят на холм или пригорок, под предводительством хороводницы. Обращаясь на восток, хороводница, проговорив молитву, входит в круг с круглым хлебцем в одной руке и с красным яйцом в другой и начинает песню:

Весна красна!
На чем пришла?
На чем приехала?
На сошечке,
На бороночке
и проч.

В Калужской губернии поселяне *зазывают* весну также с песнями. Соломенное чучело, укрепленное на длинном шесте, ставится на горке; кругом его сбираются женщины и мужчины. После песен садятся вокруг горки, угощают друг друга яичницами. Вечером сожигают чучело с песнями и плясками. В степных селениях встречают весну с одними песнями, без всяких обрядов.

В Вязьме выходят невесты и женихи в праздничных нарядах погулять на Красную горку. Здесь невесты выглядывают своих женихов. Там очень часто случается, что на этот день происходят и самые рукобитья.

В Буйском уезде для встречи весны взрослые девицы и холостые ребята, при восхождении солнца, обливают себя водою на открытом воздухе. Отчаянные и смелые купаются в реках. После на сходбище поют песни, перепрыгивают чрез плетень огорода, взлезают на деревья, ходят вереницами вокруг сенных стогов. В это время они поют:

Весна, весна красная!
Приди, весна, с радостью
и проч.

На Красную горку начинается и поминовение родителей. В Спасске-Рязанском девицы и женщины в *жаленом* платье (траурном) выходят на кладбище поклониться своим родителям. Сначала, по обыкновению, плачут на могилах с разными причитаниями о житье-бытье покойников, потом принимаются раскладывать по могилам кушанья и напитки. Родные и знакомые ходят по могилам в гости. Здесь старые занимаются угощением, а молодые катают по могилам красные яйца. Остатки вина выливаются на могилы. С кладбищ отправляются в праздничных платьях разыгрывать Красную горку в хороводах.

На Красную горку начинают играть: *в горелки, сеять просо, плести плетень, прославлять заинку, сходбище Дона Ивановича.*

В Малороссии и по всей Украине ходят дети по домам славить *ярь* и *зеленачку.* Дети носят с собою в руках деревянную ласточку. Девушки ходят по улицам и поют *веснянки.*

Вьюнец

Вьюнец принадлежит к незапамятным, старым русским обрядам. Этот обряд, доселе не вполне объяснимый, упоми-

нается в 25 вопросе Стоглава: «И на Радуницу Вьюнец и всяко в них бесование». Остатки сего обряда состоят в хождении по улице – *с въюнитством*, в пении обрядных песен в честь новобрачных. Вьюнец справляют в одних местах в субботу на Святой неделе, в других в Фомино воскресенье. <...>

В селениях Семеновского уезда Нижегородской губернии Вьюнец справляют в субботу на Святой неделе. Там поселяне сбираются с рассветом за околицею, а потом толпою ходят по улицам. Подходя к дому, они поют песни. Молодые угощают взрослых вином, а детей оделяют деньгами. Вечером на эти деньги покупается вино и пряники. Девицы разыгрывают хороводы, а молодцы бьются на кулачки и борются один на один.

В Переславле-Залесском народ хаживал по улицам для отыскания молодых, *вьюна* и *вьюницы*. Подходя к их домам, холостые приговаривали у окон: «Вьюн-вьюница, отдай наши яйцы!» Молодые обязаны были выдавать из окна кулич, окрашенные яйца, поить вином и брагой. В селениях Нерехтского уезда ходят ребята *беседами* по домам и поют под окнами: «Вьюн да вьюница, давай яйцо; а не дашь яйцо, придет ветрица». Окликальщикам выдаются яйца, а где есть новобрачные, там угощают их вином и брагой. Собранные яйца употребляют на яичницы. В Галиче хождение народа происходит ночью, до самого рассвета. Вьюнишники распевают под окнами: «Юница, молодица! подай яйцо в перепечу». Молодые угощают ребят вином и брагой, детей ладышками и казанками, девиц пряниками и красными яйцами.

Радуница

Радуница, называемая иначе: *радунец, радоница, радавница, радованица*, сопровождается особенными обрядами и песнями. В Нерехте сохранилась поговорка: *Расплакалася, как усопшая радуница*. В одной народной песне поют: «Как зять звал ли тещу ко Радунице». В Костромской губернии Радуница бывает в Фомино воскресенье, а в других в понедель-

ник. Белорусы справляют свою Радуницу во вторник, как и рязанцы. В наших летописях слово «радуница» принималось за времясчисление. Так, в Киевской летописи бывший пожар 16 апреля 1493 года показан, что был на Радуницу. Апреля 16 приходилось тогда во вторник Фоминой недели. Троицкий летописец, упоминая в 1372 г. о нападении Литвы на Переславль, говорит, что оно было по Велице дни на другой недели во вторник, *на заутрие по Радунице*. В Стоглаве находим обвинение на тех, которые *оклички на Радуницы творят*.

В Москве в Фомин понедельник сохранилось гулянье в гостином ряду. Сюда женщины сходятся покупать *остатки* за дешевую цену. В Туле на этот день ходят женщины на кладбище поминать родителей с калачами и кануном. В Устюге Великом, в память события 1445 года, бывает крестное хождение на убогий дом, а вечером отправляется гулянье в сосновой роще, при кладбище. В Иркутске Радуницу справляют на *Крестовой горе*. Сюда, как на общее кладбище, сходятся поминать усопших, гулять с родными и знакомыми и пировать за упокой родителей, чем Бог послал. В Киеве поминали прежде родителей на горе Скавице. Здесь, после панихиды, происходило в семейных кружках угощение. Бурсаки певали тогда особенные плачевные канты.

Белорусы выходят во вторник на могилы своих родителей, в 2 часа пополудни, обедать и поминать их за упокой. Сначала начинается катание на могилах красных яиц, потом обливание могил медом и вином. Яйца раздаются нищим. Могилы накрываются белым столечником, устанавливаются кушаньями. По старым приметам кушанье должно состоять из нечетных блюд и сухих. Богатые снабжают бедных кушаньями для родительской трапезы. После сего приветствуют родителей: «*Святые родзицели, ходзище к нам хлеба-соли кушаць*!» И садятся на могилах поминать их. По окончании поминок говорят: «*Мои родзицели, выбачайте, не дзивицесь, чем хата богата, тем и рада*». Остатки кушанья раздаются нищим, и день оканчивается при корчмах с песнями и плясками. Славянские Дзяды, по своему сходству с нашей Радуницею, заслуживают особенное внимание.

Обкладывание родительских могил на Фоминой неделе почитается у русских в числе необходимой принадлежности старых людей. Сюда сходятся женихи и невесты испрашивать благословение у своих покойных родителей на *любовь* и *союз* и в воспоминание своего обета кладут на могилы красные яйца.

Радуницы напоминают нам древние тризны наших праотцев, сопровождаемые поминками, жертвами и возлияниями в память усопших. Дьякон Лев Калойский говорит: «Русские, следуя языческим обрядам греков, совершали жертвы и возлияния в честь усопших». Кажется, что русские переняли у греков и римлян только возлагание яиц на могилах. У греков этот обряд принадлежал к числу умилостивительных жертв над усопшими.

В Орловской губернии на Радуницкой неделе поселяне прогоняют смерть из своего села. В полночь девицы выходят с метлами и кочергами и гоняют по полю *смерть*. В степных губерниях женщины убирают всю неделю свои избы и на ночь оставляют на столе кушанье для покойных родителей. Они твердо уверены, что их покойные родители на Радуницкой неделе заглядывают в избы к своим родным и наказывают тех, которые не приготовятся к этому.

В Тульской и Костромской губерниях на Радуницкой неделе поселяне и горожане *окликают* первый дождь. По преданиям известно, что прежде в окликании дождя участвовали все возрасты; а ныне только этим делом занимаются одни дети. При появлении тучи или облаков дети выбегают на улицу и нараспев причитывают:

Дождик, дождик!
Снаряжайся напоказ.
Дождик, припусти,
Мы поедем во кусты,
Во Казань побывать,
В Астрахань погулять.
Поливай, дождь,

На бабину рожь,
На дедову пшеницу,
На девкин лен
Поливай ведром.
Дождь, дождь, припусти,
Посильней, поскорей,
Нас, ребят, обогрей.

После сего дети дожидаются дождя, распевая свою окличку несколько раз; а когда пойдет дождь, то они умывают им лицо и руки. Если при дожде появится молния, тогда выбегают на двор девицы и женщины и умываются дождем с золота и серебра. Для сего выносят в чашке каждая из них золотые и серебряные кольца. Все это делается с полной уверенностью помолодеть и похорошеть.

Семицкая неделя

Семицкая неделя бывает на седьмой неделе после Пасхи и получила такое народное название от Семика. Эта неделя в старину известна была под именем *Русальной.* Малорусы называют ее *зеленою*, *клечальною*, а последние три дня *зелеными святками*. Около Стародуба ее величают *Греною*, где и семицкие песни называются *Гренухами*. Дни семицкой недели наш народ называет особенными именами: вторник: *Задушными поминками*, четверг: *Семиком*, субботу: *Клечальным днем*, семицкие ночи называются: *воробьиными*. Литовцы и поляки называют нашу Семицкую неделю *зеленою неделею*, чехи и словаки – *Русальдою*, карпаторусы – *Русалье.*

На Семицкой неделе отправляются разные обряды: *Задушные поминки, Семик, Кукушки, Моргостье, завивание венков*, поются особенные семицкие и троицкие песни.

Задушные поминки

В народе существует странное понятие о покойниках: будто они вспоминают о старой своей жизни, бродят в Семицкую

неделю по кладбищам без пристанища. Добродушные старушки, из жалости, приходят беседовать во вторник на их могилы и справляют по них Задушные поминки. По их предположениям, покойники, довольные таким угощением, уже не выходят из могил. Забытые покойники часто вступают в ссоры и драки с русалками, а русалки за все обиды мстят уже живым.

Подобное же понятие существует об удавленниках и утопленных. Поселянки Тульской губернии выходят и на их могилы для поминок. Здесь для них оставляют разбитые яйца и блины с полною уверенностью, что все их приношения будут съедены покойниками. Подробности... изложены в Русской демонологии.

Семик

Семик отправляется народом в четверг в рощах, лесах, на берегах рек и прудов. К этому дню рубят березки, красят яйца в желтую краску, готовят караваи, сдобники, драчены и яичницы. С рассветом дня молодежь расставляет березки по домам, улицам и дворам. В Тульской губернии семицкая береза называется *кумою*. Напротив того, в замосковных селениях мужчину с березкою в руках называют *кумом*, а девицу в венке *кумою*. В старину наши старики хаживали встречать Семик на могилах родителей, где, после поминовения, они с своими семействами разъедали яичницы и драчены. Отсюда молодежь отправлялась в рощи завивать венки из берез. Здесь пели, плясали, играли в хороводы до глубокой ночи. После игр «всею гурьбою» заламывали березку, обвешивали ее лентами и лоскутками, и с песнями возвращались домой.

Московский Семик справляется ныне в Марьиной роще, в виде одного гулянья; а прежде каждое семейство выходило веселиться на свое родовое кладбище. В Сибири Семик называют *тюльпою*. В городе Туле не справляют Семика, а он известен только в некоторых уездах сей губернии.

В старину на Семик отправлялся древний обычай поминовения убогих на *убогих домах*, или *божедомках*, или *ску-*

дельницах. Убогие домы в Тверской и Псковской губерниях назывались *буйвищами*, а в Новгородской *жалями* и *жальниками*. Охранители убогих домов назывались: *божедомами*, а в Новгородской и Псковской губерниях: *богорадными* и *божатыми*. В народе об них сохранились доселе поговорки: *Живет один как божедом; божатому и хлеб и изба готова*. Сюда свозились покойники: люди или несчастно умершие, или удавленники, или утопленники, или найденные в окрестностях. Из ближайшей церкви бывал крестный ход на убогий дом. Наши добродушные отцы приходили с рубашками, саванами и гробами для покойников; сами рыли могилы, сами опрятывали покойников в саваны и рубашки. В успокоение их душ возносили к Богу бескорыстные молитвы. В убогий дом был отвезен и Лжедимитрий.

Местные обряды, отправляемые народом в Семик, заслуживают особенного внимания. В Покрове, уездном городе Владимирской губернии, девушки ходят с пирогом сбирать деньги. Вероятно, что это старый божедомский остаток, когда собирались деньги для похорон в убогом доме. В степных селениях девушки сносят *ссыпчину* – муку, крупу, хлеб и блины. Ссыпчину раздают нищей братии. В селениях Нерехотского уезда девушки изготовляют *козули* – круглые лепешки с яйцами в виде венка. С этими козулями они ходят в лес завивать венки. Обвивая плакучие березы лентами, нитками, привязывают венки к ветвям, а из ветвей делают один венок. Подходя к венку, целуются и приговаривают: «Здравствуй, кум и кума, березку завивши!» После этого обвивают березу поясом и лентами и поют песни. По окончании всех игр садятся под березки, съедают козули и яичницы. В Нерехте Семик справляется на *Пахомиевской поляне*. Вологодский Семик справляется на поляне, где погребены белоризцы, сражавшиеся с Литвою. В Цивильске девицы и женщины ходят завивать березку с пивом. В Галиче, при завивании венков, девицы меняются кольцами и серьгами. В Саратовской губернии, в селениях по Волге, выходят в лес *срезывать* березки; с этими березками и венками, украшенными лентами, при-

ходят в село. Березку врывают в землю и поют семицкие песни. После песен становятся две девушки с поднятыми руками вверх, а другие ходят кругом их и поют песни. <...>

Семицкие венки в одних местах сохраняются в избах до Троицына дня, а в других бросают их в воду с гаданием: потонет ли венок или нет? На одном ли месте он остановится или поплывет в сторону? Чей венок плывет впереди и чей остается назади? Подруги бросают свои венки вместе, а иногда и брат с сестрой. Нередко случается, что влюбленные, как будто нечаянно, бросают свои венки вместе. Догадливые люди о сближении таких венков на воде нередко угадывают о близкой свадьбе. Бывали примеры, что матушки никогда не отдавали своих дочек за таких суженых, которых семицкие венки потопли в воде в виду всех. По замечаниям старушек, такие суженые или скоро умирают, или *спиваются с круга*. Ленты, которыми наши бабушки перевивали семицкие венки, сохранялись всю жизнь. Когда они в этот год выходили замуж, ими связывали венчальные свечи.

Клечальная суббота

С именем Клечальной субботы в понятиях нашего народа соединяется старое верование в русалок. В этот день суеверные поселяне думают, что русалки бегают по ржам, бьют в ладоши и распевают: «Бух, бух! соломенный дух! меня мати породила, некрещену положила». Верование в русалок... изложено в Русской демонологии.

Жители села Горохова Воронежской губернии на берегу озера, соединяющегося с Доном, устроивали на лугу особенный шалаш, убирали его цветами и венками, в середине ставили соломенное чучело. Это чучело сначала наряжали в женское платье, а потом в мужское. В шалаше пред ним ставили приносимое кушанье, вино и другие *лакомства*. Вокруг шалаша одни поселяне разыгрывали хороводы, молодые плясали, иные в кружках пели песни, другие вели борьбу. После всего начиналось пирование. Поселяне угощали друг друга

кушаньем, вином и лакомствами. В заключение всего раздевали чучело и бросали его со смехом в озеро. В этом старом обряде заметно сходство с Костромою и Ярилою (Украин. журн. 1834 г., № 18).

В Саввине городке Чистопольского уезда утром, на ржаных и яровых полях бывает молебствие, при стечении многочисленного народа. Вечером поселяне на своих полях разыгрывают хороводы, поют песни и пляшут почти до рассвета.

В селениях Ефремовского, Епифанского и Новосильского уездов, особенно по берегам реки *Красивой Мечи*, бывают проводы русалок. С вечера поселяне начинают сбираться на полянах и поют песни. Когда же наступит ночь, то они бегают по полянам с помелами, машут ими по воздуху и кричат: «Догоняй, догоняй!» Некоторые из отчаянных, которых в деревнях очень немного, рассказывают за правду, что они видели, как русалки отбегали от их селения за лес с плачем и воплем. После сего, на рассвете, купаются в реке. Народ наш твердо уверен, что на русальной неделе опасно купаться в реках; тогда будто купаются там русалки и всякого неосторожного защекочивают до смерти. С изгнанием русалок эта опасность прекращается.

По берегам реки Оки, рассказывают поселяне, в старину бывало особенное народное сборище для усмирения водяного дедушки. Встревоженный и огорченный появлением русалок, он в полночь начинал поднимать воду из берегов так высоко, как будто бы гора вырастала из воды. Суеверные поселяне раскладывали по берегам огни и пели песни. Водяной, услышав народные песни, смирялся, и вода входила опять в свои берега. Там же, где не предпринимали таких мер, всегда случались несчастия. Это горе постигало более всех рыбаков.

Кукушки

На Семицкой неделе отправляется поселянами старый обычай кумовства над кукушками. Для совершения сего обряда поселянки Калужской губернии приготовляют заранее

птицу кукушку, а за неимением сплетают из травы *кукушкины слезы* (orchis latifolia) венок, перевязывают его красною лентою и выходят на луг или в лес. Здесь они расстилают на траве платок, кладут на него кукушку, а сами садятся в кружок. После сего меняются крестами и целуются между собою с обещанием сохранить вечную дружбу. С сего времени они величают друг дружку кумами. Кумовство оканчивается угощением и яичницею. Поселянки Тульской губернии выходят для совершения сего обряда в лес, отыскивают там две *плакучие березы*, связывают их ветви между собою платками или полотенцами, в виде венка, а к самым деревам вешают свои кресты. В средину, над венком, кладут птицу кукушку, или траву кукушкины слезы, или семицкий венок. Все подруги, решившиеся покумиться над кукушкой, ходят в разные стороны вокруг венка и после целуются три раза сквозь венок. В это время другие женщины поют: «Ты, кукушка, ряба» – и проч. В заключение меняются кольцами и крестами, дают обет жить в мире и согласии. Оставшиеся от сего обряда венок или кукушку разделяют между собою по частям и хранят на память кумовства. Мужчины не допускаются к исполнению сего обряда, и женщины с ними не кумятся над кукушкой.

Наши старики кумовство над кукушкой причисляют к древним обрядам птицегадания. И. М. Снегирев сей обычай называют: *крещением кукушек* (Русские простонародные праздники, ч. 3, с. 95); а А. М. Глаголев полагает, что его справедливее надлежало бы назвать *крещением русалок* (Тр. Общ. любит. российск. слов. М., 1821, ч. XIX). О справедливости сих предположений мы не входим в разбор; они сами за себя говорят вернее возражений. Наша народная символика имеет совершенно другое верование о кукушках.

Моргостье

Так поселяне Лихвинского уезда Калужской губернии называют нарядный поезд кумы. Для справления Моргостья одна кума ездит к другой на помеле. Здесь гостью угощают пи-

рогами. Что такое Моргостье? Не скрывается ли здесь опять какой-нибудь старый обычай кумовства?

Змейка

Так в городе Скопине Рязанской губернии называют особенный хоровод, начинающийся с понедельника Семицкой недели. Вечером девицы и женщины, держась за конец платья, ходят змейкою, поют песни, с припевом: «Лелий, лелий, лелий зеленый и ладо мое!» Змейка продолжается до всесвятского заговенья, ежедневно. Этот местный обряд увидим в городах под другим названием.

Троицын день

В этот день по всей Руси отправляется народное празднество завивания венков, семейного каравая и хороводных игр. В завивании венков сохранились следы древнего гадания русских девушек о своих суженых. Семейный каравай выражает остатки какого-то древнего, теперь нам непонятного торжества. В местных обрядах замечаем только, что из всего народного празднества остались едва заметные следы древнего верования в гадание о будущем.

Рано утром в городах и селах убирают дома березкою и цветами, пекут караваи, сзывают гостей, завивают венки из березы и цветов для старых и молодых людей. В полдень, после обеда, начинается празднество молодых людей. В старину бабка-позыватка повещала по всем домам и сзывала девушек на гульбище. Хороводница, с караваем в руках, выходила на улицу и запевала зазывную песню. К ней со всех сторон сбирались девушки с своими матушками и нянюшками. С толпою народа она отправлялась в рощу. На широкой поляне расстилалась скатерть, и каравай, убранный цветными венками, после троицких песен, клался на скатерть. Народ рассыпался семейными кружками полдневать. В это время пожилой народ занимался угощением родных и знакомых, а молодежь зави-

вала венки. Здесь братцы завивали цветные венки для своих сестриц. Случалось часто, что сестрицы такие венки успевали скрытно передавать суженым, по наказу братцев. Троицкий венок считался неизменным вестником брачного обета. С венками на голове, молодежь начинала разыгрывать хороводы, сначала отдельными кругами, где участвовали родные и знакомые, а потом в мирском круге соединялись все, под защитою матушек и нянюшек. С окончанием хороводов начиналась игра «Горелки». Вечером уже возвращались из рощи прямо к реке, где молодой народ бросал свои венки в воду. Если венок поплывет, то это означало неизменное счастье. Если венок завертится на одном месте, то это предвещало расстройство свадьбы, семейные ссоры. Если венок потонет, то это угрожало великим несчастием, смертью родных или суженого. Если венок останавливался на одном месте, то из этого заключали, что девицам в этот год не быть замужем, молодцам оставаться неженатыми. Смышленые нянюшки по плаванию венка угадывали о местопребывании суженого. В той, де, стороне девушке придется быть замужем, куда вода понесет венок. В селениях Московской губернии старушки выхаживали с своими цветными пучками к реке, бросали их в воду и, по своим наблюдениям, гадали о будущем для себя и родных.

Троицкий каравай и скатерть прежде у наших бабушек заключали в себе особенные тайны. Хороводницы каравай раздавали по богатым семьям. Его засушивали в сухари и хранили на *свадебный обиход*. Эти сухари замешивались в свадебный каравай на счастье и на любовь молодых. Скатерть играла важную тайну на *смотринах*. Ее клали тайно от всех на стол и накрывали другою скатертью. Старушки уверяли, что эта скатерть приковывала суженого к девушке крепче всякого железа. Но на такой подвиг отваживались не все матушки из опасения*: не доспеть бы своему детищу лихого суженого.*

На берегах Оки, около Алексина, есть старинное предание о двух суженых, погибших в Оке с венками. Жили два семейства в счастии, довольстве и согласии, как живут на Руси добрые соседи. В каждом семействе были *красные детки*, дочь

и сын. Старики думали свое: как бы породниться с соседями? Молодые гадали по-своему: как бы взять суженую, как бы не потерять суженого? Матушки прочили своих дочек и рассуждали по-своему. Батюшки думали и спорили по-своему: или отдать дочь или женить сына? Жаль обездолить сына, а жальчей того засадить дочь в девках. Наступил Троицын день, завили венки и бросили их наугад в реку, на счастье, на долю суженых. Сначала венки плыли ровно, потом закружились и потонули на дно. Закипело ретивое у суженых, замерли сердца у девиц. Молодым ли стерпеть беду неминучую? Кинулись оба в Оку доставать венки. Замутилась вода в реке, всплыли венки, но не всплыли суженые. С тех пор, говорят, каждый год на этом месте, в Троицын день, всплывают венки.

В Тульской губернии, на берегу Красивой Мечи, в селе Козьем, существует старое предание о погибели троицкого хоровода. Был год худой и неурожайный, были знамения на войну и на мор, носились по селам худые толки о большой беде, о великом горе. Народ жил с кручиною всю весну: никто не смел песни спеть, никто не думал о хороводах. Наступил Троицын день. Молодежь не стерпела и вышла на поле разыграть хоровод. Долго старики уговаривали молодых не играть хоровода, забыть про веселье. Молодые поставили на своем, заиграли хоровод. Вдруг налетела грозная туча, ударил гром, и весь хоровод обратился в камни. С тех пор, говорят старики, каждый год на этот день воют камни и вещают всем беду неминучую, кто будет только на этом месте играть в хоровод. Груды камней действительно находятся на берегу Красивой Мечи; но с чего началось предание о погибели троицкого хоровода, народ молчит.

Местные обряды троицкого народного празднества имеют свои отличия.

В Тульской и Псковской губерниях старики и старушки, после вечерни, выходят на кладбища обметать троицкими цветами могилы родителей. Этот обряд называется: *глаза у родителей прочищать.*

Поселяне Орловской губернии выходят в рощи: *молить каравай.* Для этого они готовят два каравая: один мирской для

стола, другой для рощи. С последним караваем выходят завивать венки. Мирской каравай остается для домашнего угощения, а остатки раздаются нищей братии.

В Нерехте и окружных селениях на Троицын день кумушки сбираются в рощи, целуются сквозь березку при развивании венков и дарят друг друга лентами или полотенцами.

В Енисейской губернии, в Минусинском округе, изготовляется поселянками *гостейка*, березка, одетая в лучшее женское платье. Гостейку на Семик приносят в клеть, где она стоит до Троицына дня. Молодцы и девицы приходят проведывать гостейку, поют песни и играют хороводы. На Троицын день, после обедни, сбираются к клети девицы с молодцами, выносят гостейку, отправляются к реке, играют в хороводы, завивают венки и бросают их в воду для загадывания.

В Белоруссии также завивают в рощах из березок венки для родных и милых. Матери завивают венки для детей, дети для отца и матери, братья для сестер и суженых. Девушки меняются кольцами на вечную дружбу и поют русальные песни.

В Ярославле троицкое гулянье отправляется на Тверицах, где прежде была слобода Заволгоны.

В Туле троицкое гулянье отправлялось прежде за городом в Горельской роще. Ныне уже этой рощи не существует и народ рассыпается в разные места.

В Шенкурске народное троицкое гулянье было за городом на лугу. Сюда сбирались горожане и поселяне. Девицы, отделяясь от мужчин, схватывались за платки, соединялись в круг и медленным, тихим хороводом переходили с одного места на другое. Кругом их обходили молодцы и высматривали себе невест.

В Москве народное троицкое гулянье бывает на Красном пруде, у Каланчевского поля и Дорогомиловского моста. Красный пруд, по преданию стариков, назывался прежде *Русальским*.

В степных селениях троицкое гулянье считается последним праздником. Там кумы посылают в гостинцы своим крестникам грешневые караваи и желтые яйца. Девицы дарят друг

друга лентами и меняются кольцами. Меновые венки хранят на память дружбы, перевязывая их лентами.

В Чухломе сохранились особенные хороводы и игры. Там в троицком празднестве участвуют одни девицы. Дочь зажиточного отца приглашает на веселье своих подруг. Эта девица называется тогда *большухою* и управляет играми. Девицы, в сопровождении матушек и нянюшек, сбираются в назначенное место, на площадь, или на загородь, или на улицу, против дома большухи. Все девицы соединяются в кружок и поют песни троицкие. При пении первой песни в средине круга ходят две девицы, дочери почетных отцов, а по окончании песни раскланиваются и выходят из круга. После сего начинается новая песня и другие девицы вступают в круг. Часто случается, что между подругами затеваются ссоры и неудовольствия: будто песня для них была выбрана худая и оскорбительная, будто младшая вступила в круг прежде старшей. В ссоре девиц принимают участие и матушки. В старину из сего происходили многолетние ссоры между горожанами. Таких обид никогда не прощали. После сего хоровода начинается игра: *красны сновать.* Две девицы, схватясь рука с рукой, ходят взад и вперед углами, как снуют красны, при пении песен. Игры и песни продолжаются до вечера.

В Малороссии известна Семицкая неделя с своими обрядами и верованиями. Там с утра приготовляют в виде снопа травы: зорю, калуфер, мяту, связывают их веревкою, а в средину ставят тройную свечу. С этими травами отправляются в церковь. Травы берегут для лечения болезней, а свеча сохраняется для умирающих. Завивание и развивание венков совершается одинаково с русскими. Там поют свои особенные троицкие песни. Верование малорусов в русалок есть общее по всей Украине. В Новгороде-Северском есть предание, что криницы, девицы с русыми волосами, появляются на роднике *Заручейская криница* или на *Ярославовом роднике*, на рассвете зеленой недели, и расчесывают свои волосы. В троицкую ночь их *мавки* – русалки бегают по берегам рек и озер, поют песни, хлопают в ладоши, играют и мяукают как кошки. Там есть верованье в *свадьбы русалок.*

Троицын день был сроком для приезда в Москву *становиться на суд*. В грамотах этот срок считался особенным правом, дарованным в виде царских и княжеских милостей. По большей части таким правом пользовались монастыри и подвластные им крестьяне.

Троицкие и семицкие народные игры были строго преследованы еще в XVI столетии. В Стоглаве находим, что в троицкую субботу «сходятся мужи и жены на жальниках, и плачутся на могилах с великим кричанием, и егда станут играть на могилах скоморохи, гудцы и прегудницы, они же переставше от плача и начнут скакать, плясать и в ладоши бить, песни сатанинские петь». Все это доселе сохраняется в разных местах. Ни время, ни преследования не могли уничтожить народных обрядов.

Память о Семике сохранилась в названии местностей. Так под Ярославлем называется слобода *Семик*, в Мосальском уезде есть село *Семиково*, в Устюжском уезде есть пустошь *Семики*, в Боровицком есть сельцо *Семицы*. Замечательнее всего, что в письменных памятниках слово «семик» встречается только с конца XVII столетия. Народная память долговечнее письменных памятников.

Всесвятская неделя

В продолжение Всесвятской недели отправляются разные народные обряды и увеселения. В одних местах мы видим похороны *Костромы*, гульбище Ярилы, в других *развивание троицких венков, проводы весны и народные гулянья*. В Спасске Рязанской губернии самое воскресенье этой недели известно под именем *Русального заговенья*.

Кострома

Народное празднование Костромы в селениях Пензенской и Симбирской губерний отправлялось в понедельник, а в Муромском уезде – в воскресенье. Местные обряды сего празднества имеют свои отличия. Замечательно, что в наших

письменных памятниках не находим верования в Кострому. Страннее всего, что в городе Костроме это празднество совершенно неизвестно.

В селениях Пензенской и Симбирской губерний сбираются девицы в простых платьях, в назначенное место. Здесь они выбирают из среды себя одну девицу и называют ее Костромой. Отделившись от всех подруг, Кострома стоит с потупленной головой. Другие девицы подходят к ней с поклонами, кладут ее на доску и с песнями относят на реку. На берегу пробуждают Кострому и поднимают за руки. После сего начинается купанье: здесь девицы купают друг дружку. Старшая из них сгибает из лубка лукошко и бьет в него, как в барабан. Девицы выходят из воды и отправляются домой. В новых, праздничных платьях выходят на улицу и доканчивают день в хороводах и играх.

В Муромском уезде похороны Костромы справляли молодцы и девицы. Собравшись в назначенное место, они делали из соломы чучело. В одних местах убирали его в какое-нибудь платье, в других только перевязывали веревками. Чучело называли Костромой и становились все пред ней в почтительном виде. Старшие почетных родителей девицы и молодцы брали Кострому на руки и с песнями относили на берег озера или реки. Здесь все, сопровождавшие Кострому, разделялись на две стороны. Одна, охранявшая чучело, становилась в кружок, молодцы и девицы кланялись Костроме и производили перед ней разные телодвижения. Другая сторона нападала внезапно на первую для похищения Костромы. Обе стороны вступали в борьбу. Как скоро захватывали чучело, то тотчас срывали с него платье, перевязи, солому топтали ногами и бросали в воду со смехом. Первая сторона с отчаяния производила заунывный вой, другие закрывались руками, как бы оплакивая погибель Костромы. После сего обе стороны соединялись вместе и с веселыми песнями возвращались в селения.

Неизвестный описатель сего обряда (Северн. Пчела, 1842, № 267) полагает, что сей суеверный обряд сохранился от древности, с времен Владимира, когда Русская земля была крещена,

что муромцы погребением Костромы выражали Перуна, утопленного в Днепре, в насмешку киевским язычникам, и что похоронная песня Костромы оканчивалась припевом: «Выдыбай, боже». Догадка очень остроумная. Вообще все наши народные игры и обряды остаются часто без объяснения. Историческая критика обязана прежде всего отыскать верные и основательные указания и на основании их выводить свои заключения. Для объяснения муромского обряда нет пока верных указаний; но есть сравнение с чуждыми нам поверьями. В обряде Костромы видно более сходства с польскою Марзаною. Не здесь ли должно отыскивать происхождение муромского обряда?

Во Владимире-на-Клязьме прежде отправлялось подобное народное празднество с пением песен и припевом: «О Ладо мое». Один из наших старинарей, вероятно получивший об этом известие из третьих рук, провозгласил, что «во Владимире-на-Клязьме *бывает погребение Лады*» в противоположность Костроме. Смеем уверить, что там никогда не бывало погребения Лады, как никогда не бывало божества Лады у язычников славяно-русов. Затейливые наши старинари всячески стараются увеличивать нашу мифологию своими вымышленными мечтами. Отсюда происходят все выдумки, отсюда появилось и погребение Лады. Мало того, что смешивают без всякого основания мифологию с демонологиею, символику с простыми обычаями, они еще под видом ученых исследований прибегают к небывалым открытиям и наводят на наших предков позорную тень многобожия.

Ярило

Народное игрище Ярилы совершалось в губерниях: Владимирской, Нижегородской, Тамбовской, Рязанской, Тверской, Воронежской и Костромской. Местные празднества различались обрядами и временем отправления. В одних местах это игрище сходствовало с погребением Костромы, в других имело свое олицетворение. В одних местах оно начиналось с пятницы Всесвятской недели, в других с воскресенья, в третьих с

первого воскресенья после Петрова дня. Имя Ярилы сохранилось в названиях мест. Так в Костроме есть *Ярилово поле*, под Кинешмою была *Ярилова роща*, в Дорогобужском уезде есть село *Ерилово*, в Тихвинском и Валдайском уездах есть урочища *Яриловичи*. Во многих местах игрище Ярилы соединялось с ярмарками, где нововведения придавали как бы особенные отличия. Наши старинари, кажется по ошибке, придавали эти отличия Яриле, не различая старых обрядов от новых и посторонних прибавлений. Соображая все местные обряды, находим два главные олицетворения Ярилы, и они-то составляют основание сего игрища и отличают от всех посторонних прибавлений. Подивимся еще странности наших мифографов, умевших Ярило причислить к славяно-русским божествам. Посмотрите на мнение нашего народа, как он умеет резко отличать свои обряды. Преосвященный воронежский, Тихон, передавая нам понятие воронежских жителей, говорит: «Праздник сей, как я от здешних старых людей слышу, называют игрищем, которое издавна началось и год от году умножается, так что люди ожидают его как годового торжества». Если хотят причислять Ярило к божествам славяно-русским, то после этого можно обращать в такие же божества и Масленицу, и Святки. Костромское и Воронежское игрища разве можно принимать за мифические олицетворения Ярилы?

Костромское игрище отправлялось в воскресенье Всесвятской недели. Народ собирался на площадь после обеда. Из среды его избирался старик; на него надевали старое, поношенное платье, клали на руки гроб с чучелою – Ярилою. После сего начиналось шествие из города в поле. Женщины в это время завываниями и причитываниями выражали скорбь и отчаяние; мужчины пели песни и плясали; дети бегали взад и вперед. В поле вырывали палками могилу и в гробе хоронили Ярилу с плачем и воем. Игрище оканчивалось плясками и играми. В этом обряде костромитян находим очевидное сходство с муромским обрядом Костромы. Погребение Ярилы отправлялось прежде в Калязинском уезде по дороге к Троице Нерли, близ старой сосны. Здесь ныне только осталось одно народное гулянье.

Воронежское игрище начиналось с пятницы Всесвятской недели и продолжалось в субботу и воскресенье. Игрище было на городской площади, за старыми московскими воротами. Сюда с раннего утра собирались горожане и окрестные поселяне. Мир избирал для сего игрища особенного человека. После провозглашения одевали его в разноцветный кафтан, украшали лентами, колокольчиками, на голову надевали раскрашенный бумажный колпак с ленточными кисточками; лицо сурмили красками; на руки привязывали позвонки. Избранный человек в таком наряде назывался Ярилою. Он ходил по площади, плясал и пел песни. Вокруг него толпился народ всех возрастов: одни пели, другие плясали, третьи бились на кулачки. В 1771 году преосвященный Тихон I уничтожил это игрище. Слово, произнесенное им для уничтожения сего обряда, увековечило память святителя.

Близ Галича в селе Туровском, где поклонная гора, происходило почти одинаковое игрище с воронежским. Поселяне и горожане избирали из среды себя старика, поили его вином, одевали в разное платье, шутили и забавлялись над ним. Потом выводили его на луг, где становились все в круги. Молодцы и девицы, подходя к нему, кланялись в пояс. После сего начинались игры и хороводы. Гулянье оканчивалось проводами Ярилы до села или города.

То же самое игрище происходило и в Кинешме. Народ сбирался в рощу, где протекает речка Кинешемка, и праздновал игрище Ярилы.

В Нерехте игрище ярилинское называлось конюховскою и производилось при речке Солонице. В уезде остались только одни народные гульбища в селах: Кочуровом подле леса Рамишки, Никольском, Писцовом и Сотницком.

В Саввином городке Чистопольского уезда ярилинское игрище производится ночью и состоит из игр и плясок.

В селениях Рязанской и Тамбовской губерний ярилинские игрища производились по селам. Предания и рассказы подтверждают, что горожане сих губерний не участвовали в этом игрище. В игрищах всегда первенствовал избранный миром человек, как в Воронеже.

В Нижегородской губернии ярилинское игрище начиналось 4 июля, вместе с ярмаркою. Поселяне для этого игрища продавали пряжу и на вырученные деньги покупали обновы и лакомства.

В Твери ярилинское игрище начиналось в первое воскресенье после Петрова дня. Народ собирался вечером в Тресвятском саду, близ речки Лазури. Здесь плясали бланжу, пляску в восемь пар, под балалайку или торбан. На бланжу ряпушницы (мещанки) отпускали своих дочерей поневеститься. Тверские святители, преосвященные Мефодий и Амвросий, уничтожили в Твери ярилинское игрище. Ныне только в Твери сохранилась одна пляска бланжа.

Известные наши старинари, М. Н. Макаров и И. М. Снегирев, об ярилинских игрищах выводили свои заключения. Г. Макаров говорит: «Ярило, кажется, был древний праздник наших вакханалий, буйств, пьянства, великого разврата… Суздальский летописец в числе своих идолов его же называет Яруном» (Предания, к. I, с. 45). И. М. Снегирев говорит: «Празднество это, соответствуя времени года, местности и духу народа, намекает на чествование языческого божества (?), имевшего у разных народов нашего севера значение то Ареса, то Ерата, или Приапа, смотря по свойству жителей и климата» (Русск. прост. праздн., ч. IV, с. 61).

Уважая вполне труды сих ученых мужей, мы находим свои основания не соглашаться с их выводами о ярилинском игрище. Принявши однажды и навсегда выводить заключения о народных обрядах только на основании исторических данных, уклоняемся и ныне от всяких предположительных заключений. Наши предания еще едва-едва начинают приходить в известность. Только основательные сведения, собранные из всех мест Русской земли, могут окончательно решить это дело.

Развивание венков

Развивание венков на Всесвятское заговенье совершалось в Калуге, Воронеже, Мценске; ныне этот обычай сохранился

только в степных селениях. Молодые женщины, девицы и холостые ребята выходили на реку или на родник с своими венками. Здесь прежде разыгрывали хороводы с венками на голове, а потом бросали венки в воду. Молодежь бросалась в воду и доставала венки своих возлюбленных. Девицы и женщины за пойманный венок отдаривали своих защитников поцелуями.

Молодец, после поцелуя, надевал венок на свою голову и назывался для женщины кумом, для девицы красным молодцем. В этих венках пели плясовые песни, а после с кумушками и девицами плясали.

При доставании венков часто случалось, что молодцы, из ненависти к девицам или женщинам, топили венки или развивали. Такой поступок считался оскорблением для женщины и навлекал ссоры от родных. После плясок разменивались венками. Женщины тут же развивали свои венки, а девицы возвращались с ними в свои дома и хранили их до будущей радости, до свадьбы.

Проводы весны

Проводы весны сопровождаются разными обрядами и в разные дни. В Саратовской губернии для сего делали из соломы чучело, одевали его в сарафан и кокошник с ожерельем. Чучело носили по деревне с песнями, а после раздевали и бросали в воду. В старину в степных селениях Тульской губернии избирали мужика, надевали на его голову березовый венок, на кафтан нашивали ленты, в руки давали древесные ветви с полевыми цветами. Такой мужик назывался *водок*. Его угощали брагой и пирогами, провожали все по селениям с песнями и плясками.

В селениях Симбирской и Костромской губерний поселяне наряжались в оборванные старые платья и представляли из себя хромых, увечных калек, слепых попрошаек. Девицы приготовляли соломенное чучело, а молодцы вывозили на улицу телеги без передних колес, связывали их одна с другою веревками в виде гуська и впрягали лошадей. Потом начинался поезд с одного конца селения до другого. На передней телеге

помещалась старуха и держала на коленях чучело. После поезда разыгрывали хороводы. Вечером с песнями отправлялись к реке и бросали чучело в воду.

Народные Всесвятские гулянья состоят ныне в веселом провождении времени. Здесь нет ни обрядов, ни игр. В Туле гулянье бывает на Всесвятском кладбище, почти с самого утра. Москвичи выходят гулять на Ваганьковское кладбище и Всесвятскую рощу. В Ярославле гуляют на Бутырках, в слободе за рекою Коростью. Провожание Всесвятского заговенья на могилах родителей сопровождалось прежде семейными угощениями. Родные сбирались к старшему в роде со своими приносами – пирогами, караваями и вином – и потом *полным поездом* отправлялись на кладбище. Чем поезд был многочисленнее, тем более было славы для стариков. Старики, как хозяева, расставляли на могилах приносы и угощали родных и знакомых. Остатки приноса раздавали нищей братии. При каждом угощении старики вспоминали о жизни покойников, рассказывали про их житье-бытье на земле и желали, чтобы все молодые жили так на земле, оставляя по себе почет и привет.

ДНИ

Понедельник

Понедельник первой недели Великого поста называется у нашего народа *чистым днем*. В Туле в этот день с раннего утра начинались кулачные бои. В них участвовали все возрасты; но более всех сражались посадские с оружейниками. В Костроме бойцы разделялись на *дебрян* – жителей нижнего берега Волги и *сулян* – жителей около ручья Сулы. Бои бывали на Молочной горе, к Волге, где ныне перевоз. Этот обычай, говаривали старики, заведен для *вытрясания блинов*. Самое похмелье называется тогда: *полосканьем ртов.*

С понедельника второй недели Великого поста начинаются в городах поезды молодых женщин к своим матерям. Свекровь, отпуская свою невестку, наделяла ее каким-нибудь ру-

кодельем, чтобы по пустому не проводить время. В старину с этого дня начинали *перенизывать* жемчуг, убирать убрусники и кокошники, вышивать фаты шелками. На все такие работы приглашались старые, опытные женщины.

В понедельник четвертой недели Великого поста опытные старушки выхаживали вечером на реку, к прорубям, *окунать* свою пряжу в воду. От этого, по их приметам, пряжа получала необыкновенную белизну, крепость и прочность. С этого дня начинали варить *поспу* для холстов.

В понедельник шестой недели Великого поста бывали вечером приносы от тещи в дом зятя. Приносы состояли из убрусников, кокошников, фаты и жемчугу. Теща приглашала с собою самых близких родных. Вечером зять встречал тещу у ворот, а сваты на крыльце. Для смотра приносов свекровь приглашала также своих близких родных. Все приносы теща вручала свекрови и *просила не погневаться на желанном добре.* Свекровь передавала приносы невестке*, с наказом: бить челом и кланяться матери за желанное* добро. Невестка, по обычаю, должна была просить у свекрови позволение примерить наряды. В полном наряде невестка кланялась в ноги свекрови и матери. Все это делалось в особенной комнате, где не бывало мужчин, даже мужа. Потом, в своем наряде, невестка входила к свекру и испрашивала у него позволение носить желанное добро. Свекор обязан был дарить невестку. Семейным угощением оканчивалась беседа родных.

В первый понедельник Петрова поста бывало в Москве гуляние в рощах, близ урочища Наливки, или Налейки, где, по указанию Стоглава, совершались *бесовские потехи.*

В Спасске-Рязанском, в старину, в первый понедельник Петрова поста совершалось игрище: *провожание русалок.* Для сего игрища женщины снаряжали из соломы два чучела в виде женщин. Вечером выходили женщины и девицы на улицу, разделялись на две половины и тихими хороводами приближались к концу улиц. Здесь распевались попеременно хороводные песни. Во время пения хороводница с чучелою плясала и своими кривляниями старалась приводить в смех игроков. После пе-

сен игроки сближались. Здесь открывалась война. Соломенное чучело, русалку, девицы принимали на свои руки, для защиты, а женщины, стоя кругом их, нападали на другой хоровод или защищались сами от нападения. Защитницы кидали друг в дружку песком, обливали водой, отмахивались соломой. Бойцы из улицы переселялись на поле, где оканчивалось побоище растерзанием чучел и разбрасыванием соломы по полю. В это время девицы причитывали похоронные завывания, а отчаянные, распустив косы, припадали к земле, как бы к могилам. Так оканчивалось игрище *провожание русалок.*

Вторник

Со вторника первой недели Великого поста старики замечали в селениях Тульской губернии появление звезд и по ним угадывали о погоде всего лета. Звезды яркие, небо безоблачное предвещали им лето сухое и грозное. Восток, сокрытый туманом и облаками, предвещал холодное лето. Снег и буря обещали дождливое лето.

Во вторник на пятой неделе Великого поста бывали в городах семейные угощения. Молодой зять сзывал женину родню к себе на вечер посмотреть на житье-бытье. Родные прихаживали с приносами для всей семьи. Теща дарила своими подарками свекровь, зятя, золовок, тесть дарил свекра, свою дочь и деверьев. После учтивых отговорок: к чему это и для чего? начиналось угощение. На проводах свекор и свекровь отдаривали своих сватов. Часто случалось, что родные, недовольные подарками, заводили ссоры, и все горе отзывалось на одной невестке. Умная теща прекращала такие ссоры новыми подарками уже на Святой неделе.

Во вторник последней недели Великого поста в селениях Тульской губернии сбирают из закромов семена льняные и конопляные вместе, толкут их в ступке и потом с водою приготовляют из них *соченое молоко*. Все это делается утром, до рассвета. Таким молоком на рассвете поят всех домашних животных, в предосторожность от будущих болезней. Здесь главное усло-

вие: мужчины не должны знать сего дела, а иначе оно будет без пользы. По замечаниям старушек известно, если животное не пьет соченого молока, то в нем нельзя ожидать никакого прока; оно бывает тогда уже или больным, или очарованным.

Во вторник на третьей неделе после Пасхи сбираются поселяне на ржаные поля и по взошедшим озимым растениям замечают о будущем урожае. Сельские старушки, занимающиеся лечением болезней, сбирают тогда озимую рожь. По замечаниям их известно, что озимая рожь, собранная только в этот день, может лечить болезни; а от собранной в другие дни нельзя ожидать пользы.

Во вторник на первой неделе Петровского поста поселяне степных селений сбираются на луга *заповедывать всякий гад.* Опытные знахарки объезжают часть луга на помелах, соображая свой поезд от запада на восток. В левой руке держат кнут и махают им по воздуху или ударяют по земле, приговаривая: «Заповедываю всякому гаду выходить во ино поле». По следам за ней идет старик и заметает метлой *браздоводную* черту. После сего кланяются на все четыре стороны и расходятся по домам, с полной уверенностью, что гады не будут больше жить на заповеданном луге. Все случившиеся неудачи, полагают, что происходят от *напуска* злых людей.

Среда

В среду на первой неделе Великого поста поселяне Тульской губернии выходят к родникам или к речкам и прудам прислушиваться: не шумит ли вода? Не стонет ли она? Не слышно ли в ней человеческого голоса? Если вода шумит, как жернов на мельнице, то ожидают летом больших дождей с грозами. Если стонет вода, как ребенок или как старая баба, то это предвещает большие беды: пожар, смерть родного, землетрясение. Если замечают, что из воды отдается человеческий голос, то остаются с полною уверенностью, что лето будет благополучное. Больше всего поселяне боятся свиста: они думают, что их выживает нечистая сила из родимого места.

В среду на пятой неделе Великого поста в селениях Алексинского уезда Тульской губернии бывают сходбища по избам для проводов зимы. После работ выходят мужчины и женщины на улицу, берут по горсти снегу и бросают на юг. Молодые, неженатые молодцы вывозят сани, сажают в них девиц и женщин, с шумом и криком возят их по улицам. Женатые в это время бегают кругом саней и бросают в женщин и девиц снежными комками. Подъезжая к изгородью, женатые сменяют холостых и везут сани по той же улице. Тут холостые стараются опрокинуть сани *с товаром*. Женатые вступают в борьбу с ними и всячески стараются отбивать их нападения. В это время женщины выскакивают из саней. Порок и бесчестье падает на холостых, если женщины успеют выскочить прежде, нежели они успеют взвалить сани. Тогда женатые, женщины и девицы бросают в холостых снежными комками и отгоняют их прочь. Если победа остается на стороне холостых, тогда позор обращается уже на женатых.

В среду на последней неделе Великого поста в степных селениях обливают утром водою всех домашних животных в предосторожность от будущих болезней. Для сего сбирают по полям чистый снег, растапливают его в избе в горшках по числу животных. Потом солят воду старою четверговою солью. По замечаниям опытных людей известно, что после такой воды ни один знахарь не может чаровать домашних животных.

Четверг

В четверг на первой неделе Великого поста, по замечаниям поселян, начинают улетать зимние птицы, грачи и вороны. Расставаясь с своими гнездами, говорят старики, эти птицы кладут на деревах приметы, а в гнездах прячут деньги, которых будто простыми глазами нельзя видеть. Кто сумеет достать эти деньги, тот будет жить богачом. Охотников на такую добычу бывает очень мало, из опасения, будто с похитителями птицы поступают очень гневно: искореняют весь двор наносными болезнями, на полях и гумнах поедают хлеб.

В четверг на последней неделе Великого поста совершаются на Руси разные обряды.

В деревне Сосновке Чистопольского уезда бывают в полночь сборы на речке Вахту. Ровно в полночь, после пения первых петухов, выходят девицы и молодцы на речку *почерпнуть воды, пока ворон не обмакнул крыла*. Почерпая воду, они поют песни и умывают лицо. По замечаниям сосновцев, будто в полночь с этого дня наступает весна и приносит с собою красную красоту и здоровье и что ворон, из зависти, спешит запастися здоровьем прежде людей.

Поселяне Буйского уезда Костромской губернии выходят рано утром встречать весну. Буйские девицы выходят для сего к рекам. Если вскрылась вода, то они входят по пояс в реку, соединяются в кружок, держась рука за руку, поют: «Весна, весна красная, приди, весна, к нам с милостью, со тою милостью, с великою благостью». Если еще реки покрыты льдом, то они окружают проруби, умывают водой лицо, вертятся кругом и призывают весну.

Солигалические девицы выходят на речки при восхождении солнца, погружаются трижды в воду, катаются по три раза по земле, на восточную и западную стороны; после по углам взлезают на избы, где поют песни и призывают весну. Все это делается для здоровья.

Почти во всех местах на Руси пожилые старушки пережигают в этот день в печах соль. Такая пережженная соль, называемая *четверговою*, употребляется в домашнем лечении от многих болезней.

Наблюдательные старики и старушки уверяют, что в этот день ворон купает своих детей и отпускает их в отдел. Все это происходит в глухую полночь. Многие в старину, для счастья, прорубали на речках проруби для такого купанья. Ворон в благодарность будто охранял поля и дворы от хищных зверей и птиц.

Из Стоглава узнаем, что наши предки «порану солому палили и кликали мертвых». Мне нигде не встречалось видеть исполнение такого обычая, и существует ли он где доселе – не знаю.

В четверг на Вознесенье бывают во многих городах народные гулянья. В Ярославле гуляют у Вознесенской церкви. В Туле сбираются с утра к Вознесенской церкви, а потом расходятся пировать *на перепутье* по родным и знакомым.

Пятница

С именем пятницы соединяются на Руси воспоминания о разных днях, обрядах, празднествах и торжищах.

В Буйском уезде на третьей неделе Великого поста молодой зять справляет для тестя с тещей *обжорную пятницу*. Для сего пира варят кисель и угощают им званых гостей, с конопляным маслом.

Издавна принято разделение пятниц на *временные* и *обетные*. Во все десять недель после Пасхи бывают по пятницам ярмарки. Отсюда возникло новое название, и народ считает до ныне *десять торговых пятниц* (подробности о торгах смотри в Академич. извест. на 1781 год, ч. 7). Обетные пятницы образовались с незапамятных времен, когда наши простодушные предки, в страхе и отчаянии от падежа скота или неурожая, обещались не работать, а праздновать по пятницам. В уверение сего обета писались *заповедные записи*. Одна из таковых записей находится в собрании И. Н. Царского. В *девятую пятницу* в пяти верстах от Верховажья бывает народное игрище *полукрест*. Из девиц и молодцев составляются особенные два круга, в отдалении один от другого; потом кругами девицы сближаются с молодцами, в молчании, без всяких песен. По приближении круги разрываются, и девица с парнем начинают бегать взапуски; за ними все другие. Оставшиеся молодцы или девицы без подруги начинают разлучать пары. Если случится разорвать на бегу подруг, то преследователь получает подругу и пускается с ней бегать взапуски. О суеверных обрядах наших отцов в XVIII веке находим в Духовном Регламенте: «В Малой России, в полку стародубском, в пяток водят жонку простовласу, под именем пятницы, и водят в ходе церковном, и при церкви честь оной

отдает народ с дары и с упованием некия пользы». Ныне сего обряда уже нигде не заметно.

Берендеева пятница. Так в Звенигородском уезде называется ярмарка. Сюда сбираются для трехдневного празднества родные и знакомые. Когда за обедом начинают пить вино, то говорят: «Празднику честному злат венец, а хозяину доброе здоровье». В Переславль-Залесском уезде был город Берендеев, от которого ныне остались одни развалины.

В старину *перекрестки на дорогах* назывались пятницами. Здесь были выстроены часовни на столбиках. Здесь невесты вымаливали себе женихов. Здесь бывали *встречи* и *проводы* родных.

В десятую пятницу бывает ярмарка в Туле. Сюда съезжаются поселяне из окрестных сел и деревень для продажи своих изделий. В Гончарской слободе приготовляют к этой ярмарке из глины разные куклы для детей.

В десятую пятницу бывает крестный ход из города Курска в Коренную пустынь с чудотворным образом курские пресвятые Богородицы, установленный с 1618 года.

В народе о пятнице сохранились поговорки: *На неделе семь пятниц. – Добрые люди в пятницу не рядятся. – Считай работу по пятницам.*

Суббота

В субботу на первой неделе Великого поста справляется народом *тужилка по Масленице.* В этот день пекут блины с *постным* маслом. В старину справлялась тужилка во всем разгуле на ростовской ярмарке.

В субботу на третьей неделе Великого поста справляется в Кинешемском уезде *обжорная суббота*. Там в это время зять угощает тестя с тещей киселем с маслом.

В субботу на пятой неделе Великого поста бывают в степных селениях *званые поминки.* На эти поминки в старину сбиралась складчина со всего мира. Староста, распорядитель поминок, сзывал нищию братию и угощал их от всего села; нынешние поминки справляются особенно, в семействах.

Вербная суббота, известная во всей России по разным украшениям, приготовляемым из вербы и цветов, исстари справлялась в Москве с особенным гуляньем на Красной площади. В старину расставляли с утра ивы и вербы по берегу Неглинной речки. Сюда сбирался народ *ломать вербу*, покупать ветви с херувимами. Впоследствии торг вербами и цветами перенесен был с Неглинной на Красную площадь и в Вознесенский монастырь. После обеда начиналось катание в экипажах вокруг Кремля. Катание вокруг Кремля есть обычай новый, появившийся в первой половине XVIII столетия.

В вербную субботу совершался в Москве *обряд шествия святителя на осляти.* Подробности сего обряда, не принадлежащие к нашему изложению, описаны в Триодионе, изданном в 1666 году.

В субботу на последней неделе Великого поста в селениях Тульской губернии заклинают мороз, как губителя овса, льна и конопли. (Смотри об этом в I томе Сказаний Р. Н. кн. 2.)

В субботу на четвертой неделе после Пасхи вятчане празднуют на берегу реки Вятки *свистопляску*, народный праздник в память убиенных в 1480 году. На горе Раздерихе, где построена часовня, ставят палатки с глиняными изделиями: лошадками, свистками, шариками и с лакомствами. Здесь после панихиды начинается гулянье взрослых и детей. Взрослые поют песни, играют на балалайках; дети же свистят в глиняные свистки, пляшут, а потом бросают друг в друга глиняными шариками.

Дмитриевская суббота, учрежденная в память знаменитой Куликовской битвы 1380 года, справляется во всей России между 18 и 26 октября. К этому дню пекут во всей России блины, пироги, а в смоленских селениях тонкие, угловатые лепешки – *резни*. В старину варивали брагу, сзывали родных на канун, кисель с сытой и блины.

Воскресенье

Ярмарки, торги, разные охоты, справляемые в воскресенье на первой неделе Великого поста, получили названия *сборных*. По этим сборам и самое воскресенье называют сборным.

В Туле с этого воскресенья начинаются гусиные бои. Охотники вывозят своих гусей в назначенное место, в сопровождении любопытных зрителей. Бои давались: по условиям, за определенную цену, из зависти, уничтожить хвастовство соперника, по новости, показать добрым людям свою охоту. Бои оканчивались пирушками и ссорами.

В десятое воскресенье тюменцы, жители Тобольской губернии, празднуют *ключ* за белым городищем. Веселье открывается сборищем знакомых и родных, а оканчивается песнями, плясками и борьбою.

В городе Осташкове по воскресеньям Петровского поста бывает гулянье вечером по улицам. Все общество гуляк называется: *беззаботною площадью.* В Цывильске такие гулянья девиц называются *холками.*

ПРИЛОЖЕНИЯ К НАРОДНОМУ ДНЕВНИКУ

Грамота Царя Алексея Михайловича Шуйскому воеводе Змееву о Коляде, Усени и народных играх, 1649 год

От Царя и Великаго Князя Алексея Михаиловича всея Русии въ Шую воеводе нашему Семену Ильичу Змееву. – В нынешнем в 157 году, декабря в 22 день, в Галицую четь, к диаку нашему к Семену Софонову в памяти из Стрелецкаго приказу, за приписью диака нашего Дмитрия Жеребилова, написано: в нынешнем в 157 году, декабря в 19-й день, ведомо нам учинилося, что на Москве, наперед сего в Кремле и в Китае, и в Белом, и в Земляном городах, и за городом, и по переулкам, и в черных и в ямских слободах по улицам и по переулкам, в навечери Рождества Христова кликали многие люди Каледу и Усень, а въ навечери Богоявления Господня кликали плугу; да в Москве ж чинится безчинство: многие люди поют бесовския, сквернословныя песни, и против воскресных дней в субботу ввечеру, и в воскресные дни, и в Господские и Богородичные праздники топят бани и платья моют; и многие ж люди бранятся меж себя матерны и всякою неподобною лаею, и жены и дъвицы бранят позорными словесы. – Да на Рождество Христово и до Богоявленьева дни собираются на игрища сборища бесовския, да пьяныя же ходят на Москве попы и иноки, и всяких чинов православных христиан и безчинною бранью бранятся, и дерутся, и бьются, кричать и вонять, и без памяти упиваются; и многие люди, ереси последующе, бороды бреютъ, и в воскресные дни сидят в харчевнях и по улицам до обедни продают всякой харч; и в воскресные же дни и в Господские праздники и в Богородничные, и в среду, и в пятки, и посты игрецы бесовские – скоморохи с домрами, и с

дудами, и с медведи ходятъ, и дару Божию, хлебу, поругаются, всяко животно скотское, и зверино и птичье пекут. И мы указали о том учинить на Москве, и в городех, и в уездах заказ крепкой, чтоб ныне и впредь никакие люди по улицам и по переулкам, и на дворех, в навечери Рождества Христова и Богоявленья, Коледь и Плуг и Усеней не кликали, и песней бесовских не пели, матерны и всякою неподобною лаею не бранилися, и в воскресные дни и праздники, и против воскресных дней в субботу ввечеру бань не топили, и в воскресные же дни и в Господские праздники платья не мыли, и никакого безчинства, что сопротивно христианскому закону, ни от каких людей не было. И по нашему указу диаку нашему Семену Сафонову велено послати нашя грамоты в городы, которые городы ведомы в Галицкой чети, и велено в тех городех по улицам и по торжкам, и по крестцам, и по переулкам, прокликати бирючем по многие дни, чтоб всяких чинов люди ныне и впредь в навечери Рождества Христова Коледы и Усении в навечери Богоявления Господня Плуги не кликали, и бесовских, сквернословных песней не пели, в субботу ввечеру против воскресных дней и в праздники бань не топили, и в воскресные же дни и по Господским праздникам платья не мыли, и пьяные б люди всякого чину не ходили, и бород не брили, и на качелях не качалися, и до обедни в харчевнях не сидели, и по улицам не разносили, на игрища не сходились. А которые люди ныне и впредь учнут Коледу и Плуги, и Усени, и петь скверные песни, или кто учнет кого бранить матерны и всякою лаею, – и тем людям за такие супротивные христианскому закону за неистовства, быти от нас в великой опале и в жестоком наказании. И велено тот наш указ сказывать всяким людем всем вслух, и бирючем вел оно кликати по многие дни, чтоб тот наш указ всяких чинов людем был ведом, чтоб ныне и впредь такого неистовства не было. А которые люди учнут такие неистовства чинить и тех велено имать, и за те их вины наказанье им чинить по нашему указу. А как к тебе ся наша грамата придет, и ты б в Шуе по улицам и по торжкам, и по крестцам, и по переулкам, и в Шуйском уезде велел кликати бирючем по многие дни, чтоб всяких чинов люди ныне и впредь в навечери Рождества Христова Коледы и

Усени и в навечери Богоявления Господня Плуги не кликали, и бесовских сквернословных песен николи не пели, и в субботу в вечере против воскресных и в праздники бань не топили, и в воскресные же дни и по Господским праздникам платья не мыли и матерны не бранилися, и пьяные б люди всякого чину не ходили и бород не брили, и на качелях не качалися, и до обедни в харчевнях не сидели, и по улицам не разносили, и на игрища не сходилися. А которые люди ныне и впредь учнут кликат Коледы и Плуги и Усени, песни скверные пети, или кто учнет кого бранити матерны и всякою лаею, – и тем людем, за такие супротивные христианскому закону за неистовства, быть от нас в великой опале и в жестоком наказанье; и велели бы еси тот наш указ сказывать всяким людем всемъ вслух, и бирючем велели кликать по многие дни, чтоб тот наш указ всяких чинов людем был ведом, чтоб ныне и впредь ни от кого такого неистовства не было, а которые люди учнут какие неистовства чинить, и тех велели бы еси имать и за те их вины наказанье им чинить по нашему указу.

Писанъ на Москве лета 7157, декабря в 24 день.
Взята из «Москвитянина» 1842 года, № 1, с. 237.

У наших предков в числе запрещенных книг считалась: Книга *Коледник*. См. Иоаннъ Экзархъ Болгарский.

Выписки из Стоглава

Глава 40, *вопрос 16*. В мирских свадьбах играют глумотворцы, и органники, и смехотворцы, и гусельники, и бесовские песни поют. И как к церкви венчатися поедут, священник со крестом будетъ, а пред ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священники им о том не возбраняют, и священником о том достоит запрещати. – *Вопрос 17*. Да в нашем же Православии тяжутся, и нецыи же не прямо и поклепав, крест целуют или образа святых, и на поли бьются, и кровь проливают, и в те поры волхвы и чародейники от бесовских научений пособие им тво-

рятъ, кудесы бьют, и в Аристотелевы врата и в Рафли смотрят, и по звездам и по планетам глядают и смотрят дней и часов, и теми дьявольскими действы мир прельщают и от Бога отлучают, и на те чарования надеяся поклепца и ябедник не мирится, и крест целует и на поли бьются и, поклепав, отбивают. – *Вопрос 19*. Да по дальным странам ходят скоморохи, совокупляяся ватагами многими по шестидесят, и по семидесят и до ста человек, и по деревням у крестьян сильно едят и пьют, и из клетей животы грабят, а по дорогам людей разбивают. – *Вопрос 20*. Да дети боярские и люди боярские и всякие бражники зернью играют и пропиваются, ни службы не служат, ни промышляют, и от них всякое зло чинится: крадут и разбивают и души губят и то бы зло искоренити. – *Вопрос 21*. Да по погостам и по селам и в волостях лживые пророки, мужики и жонки, и девки и старый бабы, наги и босы, и волосы отростив, распустя, трясутся, и убиваются, а сказывают, что им является св. Пятница и св. Анастасия, и велят им заповедывати канун засвечивати; он же заповедывают христианом в среду и в пятницу ручного дела не делати, и женам не пряти, и платия не мыти, и камения не разжигати, и иные заповедывают богомерзкие дела творити, кроме Божественного Писания; то бы тем нагим и босым и лживым пророком путь запретити, чтобы мир не соблазняли. – *Вопрос 22*. Злые ереси, кто знает их и держатся: Рафли, Шестокрыл, Вороногай, Остромий, Зодий, Алманах, Звездочетие, Аристотель, Аристотелевы врата, и иные составы и мудрости еретические и коби бесовские, которые прелести от Бога отлучают, и в те прелести веруючи, многих людей отъ Бога отлучают и погубляют. – *Вопрос 23*. В Троицкую субботу по селам и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся по гробам с великим кричанием, и егда учнутъ скоморохи, и гудцы и прегудницы играти, они же, от плача преставше, начнут скакати и плясати и в ладони бити, и песни сатанинския пети; на техъ же жальниках обманщики и мошенники. – *Вопрос 24*. Русалии о Иоанне дне, в навечерии Рождества Христова, и Крещения сходятся мужи и жены и девицы на нощное плещевание, и на безчинный говор, и на плясание, и на скакание, и на богомерзкие дела, и бывает отроком осквернe-

ние и девам растление, и егда нощь мимо ходить, тогда отходять к реце с великим кричанием, аки беснии, умываются водою; и егда начнуть заутреню звонити, тогда отходятъ в домы своя, и падают, аки мертвии, от великого хлохотания. – *Вопрос 25*. А о Велице дни окличка, на Радоницю и Вьюнец и всякое в них бесование. И о том ответ. Чтобы о Велице дни оклички и на Радуницы не творили, и сквернымi речьми не упрекалися, и о том священником детем своим духовным запрещати, чтоб впредь таковая не творили. – *Вопрос 26*. А в великий четверток порану солому палят и кличут мертвых; некоторые же невгласи попы в великий четверг соль под престол кладут и до седьмого четверга по Велице дни тако держат, и ту соль дают на врачевание людем и скотом. – *Вопрос 27*. В первый понедельник Петрова поста в рощи ходят и в наливки бесовские потехи деяти. *И о том ответ*. Чтобы православные христиане в понедельник Петрова поста в рощи не ходили и в наливках бесовских потех не творили, и от того б в конец престали, понеже то все еллинское бесование, прелесть бесовская; и того ради православным христианом не подобает таковая творити.

Глава 26. *О училищах книжных по всем градом.* И мы о том по церковному совету соборне уложили в царствующем граде Москве и по всем градом: тем же протопопом и старейшим священником и со всеми священники и дьяконы, коемуждо во своем граде по благословении своего святителя избирати добрых священников и дьяконов и дьяков, женатых и благочестивых, имущих в сердца страх Божий, могущих и иных пользовати, и грамоте бы и чести и писати горазды были, и у тех священников и дьяконов учинити в домех училища, чтоб священницы и дьяконы и все православные христиане в коеждо граде предавали им своих детей на учение грамоте, и на учение книжного письма, церковного пения Псалтырного и чтения налойного, и те бы священники, дьяки, избранные учили своих учеников страху Божию и грамоте, и писати и пети и чести со всяким духовным наказанием, наипаче же всего учеников бы своих брегли и хранили во всякой чистоте, и блюли их от всякого растления, наиначе от скверного содомского греха и рукоблудия и от всякия нечистоты,

чтоб им вашим брежением и поучением пришед в возраст достойным быти священническому чину. Да учеников же бы естя своих во святых Божиих церквах наказывали и поучали страху Божию и всякому благочинию, псалмопению, и чтению, пети и канорхати по церковному чину, учили бы есть своих учеников грамоте довольно, сколько сами умеют, и силу бы сказывали по данному вам от Бога таланту, ничто же скрывающе, чтобы ученицы ваши книги учили все, которыя соборная святая Церковь приемлет, чтобы потом впредь могли не токмо себя, но и прочих поучати, и учити страху Божию о всех полезных. Тако же бы учили своих учеников чести и пети и писати, сколько сами умеют, ничто же скрывающе, но от Бога мзды ожидающе, а зде от их родителей дары и почести приемлюще по их достоинству.

Глава 28. *О книжных писцах.* Такожде, которые писцы по градом книги пишут, и вы б им велели писати с добрых переводов, да написав правили, потом же бы продавали; а не правив бы, книг не продавали; а который писец написал книгу, продаст не исправив и вы бы тем возбраняли с великим запрещением. А кто у него неисправленную книгу купит, и вы бы тому потому же возбранили с великим запрещением, чтобы впредь тако не творили. А впредь, когда таковые обличены будутъ, продавец и купец, и вы у них те книги имали даром, без всякаго зазора, да исправив, отдали бы в церковь, которыя будут церкви книгами скудны. Да видяще таковая вашим брежением и прочие страх приимут. И вы о всех тех, предреченных церковных чинех, и о честных иконах, и о святых книгах, о всем о том потщалися совершити и исправити, елика ваша сила, и за то от Господа Бога великую мзду восприимите, от благочестивого государя хвалу и честь, от нашего смирения соборное благословение, а от всего народа благодарение и хваление за ваши священнические труды и подвиги. А аще сия с благодарением и хотением сердечным исправити потщитеся, то с радостию ожидайте сугубые мзды от Бога царства небесного, по реченному Христову словеси: добрый мой рабе, благий и верный о мал ми бысть верен, над многими тя поставлю. Вниди в радость Господа своего – и прочее. Сия убо до зде священству вашему написахом.

Глава 92. *Ответ о игрищах еллинскаго бесования.* Еще мнози от неразумия простая чад православных христиан во градех и в селех творят еллинския бесования, различныя игры и плясание, против праздника Рождества Христова, великого Иоанна Предтечи и в нощи на самый праздник, весь день и до нощи, мужи, и жены, и дети, в домех и по улицам обходят и по водам глумлы творят всякими плясаньями и играними гусльми и иными многими виды, сиречь играми и скаредными образовании. Еще же и пьянством подобие же сему творят во днех и в навечерии Рождества Христова, и навечерии Василия Великого, и в навечерии Богоявления. А инде и иным образом таковая непотребная дела творят в Троицкую субботу, и заговень Петрова поста в первый понедельник ходят по селом, и по погостом, и по рекам на игрища, там же неподобная еллинская бесования творят, и тем Бога прогневляют, в неведении согрешают простая чадь, никем же возбраняеми, ни обличаеми, ни запрещаеми, ни от священников наказуеми, ни от судей устрашаеми таковая творят неподобная дела, святыми отцы отреченная. Вместо же сего бесования отныне и впредь подобает православным христианом за таковые святые и честные праздники по святым церквам Божиим на молитве упражнятися и пением Божественным услаждатися, и святого почитания Божественного со вниманием слушати, и на Божественных литургиях со страхом стояти, и потом брашном и питием в домех стоих учрежатися вкупе о Бозе ликоствующе с священническим чином, и с друга своими, и маломощних питающе и веселящеся во славу Божию, а не в пиянство, яко же и прочие Господские праздники. И того ради, по священным правилам и по заповеди св. отец, отныне и впредь православным христианом на таковая древняя еллинская бесования не исходите, ни по городом, ни по селом, ни по рекам, и о том благочестивому Царю по всем градом и по селом своя царская заповедь учинить, чтоб православные христиане на таковое беснование еллинское впредь не исходили, чтобы то еллинское беснование отныне, Божиею благодатию, и во твое христолюбивое царство попрано было до конца.

Глава 97. *Ответ о милостыни и о руге по многим монастырям.* А по некоторым монастырям, отец твой, государев,

князь великий Василий Иоаннович всея Русии самодержец, давал милостиню в приказ, а не в прок, и хлеб, и соль, и деньги, и воск на свечи, и медь на кутью и пшеницу на просвиры. И после того мати твоя, государыня великая княгиня Елена, неполна в приказ же, а не в прок давала не по вся годы: а после твоея матери и великия княгини, до твоего царского возраста, многие монастыри грамати поймали по вся годы имать милостыню в прок в ругу; а иные монастыри и церкви многая приходный вновь в те же времена граматы поймали ругу имать из казны; а у тех монастырей и села есть и иные доходы, а у приходных церквей приходу есть улица, а у иных села, и огороды, и сады, и пожни, и иныя пошлины, и лавки поземные, да и твою царскую ругу устроили себе же в те же времена из казны до твоего царского возраста. И о том тебе, государю, благочестивому царю, велети обыскать известно: по которым будеть монастырям, по большим и менылим, и по убогим местам твой приснопамятный государь, князь великий Василий всея Русии, давал в прок милостыню, и теб б, государю, и ныне по тем монастырем по тому же давати милостыни в прок; а по которым монастырем давал отец твой милостыню в приказ, а будут у тех монастырей села и доходы, и мочно им без тое руги прожити, и то государь в твоей царской воле: дати или отложити? А которым будет убогим монастырям, и святым церквам и убогим мъстам без твоея руги впредь прожити невозможно, а отец твой милостыню в приказе давал, а у тебя царя все граматы поймали многие, что имети милостыни в прок, и тебе, государю, благочестивому царю, и о том велети обыскати известно: которым будет убогим монастырям и церквам мочно без той руги прожити, и то, государь, в твоей царской воле. А которым будет убогим монастырям и святым церквам без твоей руги прожити невозможно, и тебе бы, благочестивому царю, достойно и праведно таковых пожаловати. Да и прочие монастыри и места, и св. церкви, неимущим ни откуду помощи устроити в свое христолюбивое царство. А которые ружные попы и диаконы времянники в нынешняя лета причли к собором своих попов и диаконов, да и руги им и милостыню из царския твоея казны устроили без твоего

царского ведома, и тех всех попов и диаконов отставити и руги им царския не давати, и за столы их не пущати, а жити им и молити Бога по старине, у своих церквей.

Глава 99. Лета 7059, сентября в 15. Говорил со царем и великим князем отец его, Макарий, митрополит всеа Русии: приговорил еси государь с нами преж сего со своими богомольцы, со архиепископы и епископы, о слободах наших митрополичьих, и архиепископлих и епископлих и о монастырских, что слободам всем новым тянути с городскими людьми во всякое тягло и с судом, мы ныне тот приговор помним, что в новых слободахъ ведает Бог да ты, царь государь, оприч суда; а ныне наместники твои царевы государевы и властели возле тех новых приходцов и старых слобожан хотят судити, и в том тем слобожаном нашим запустети: а преж сего, государь, твои наместники и волостели наших слобожан не суживали. И ты бе, государь, своим наместником и волостелем и впредь наших слобожан не велел судити. А ныне твой царский приговор с нами, что в те новыя слободы вышли посацкие люди после отписи, и тех бы людей из новых слобод вывести в город на посад. И о том ведает Бог да ты, государь, как тебе о них Бог известитъ. И впредь бы митрополитом, и архиепископом, и епископом, и монастырем держати свои слободы по старине о суде и о всяких делех по прежним граматам; а новых бы слобод не ставити, и дворов многих в старых слободах не прибавливали, разве от отца детем или от тестя зятю, или от брата брат выставливалися и своими дворы жити. А опричным прихожим людем, градским и сельским, в тех старых слободах новых дворов не ставити, а в которых слободах дворы опустеют, и в те дворы называти людей сельских пашенных и не пашенных, по старине, как преж сего было, а отказывати тех людей о сроце Юрьеве дни осеннем, по цареву же указу, по старине же. А с посаду впредь градских людей в слободы не называти и не приимати, разве казаков, нетяглых людей, а из слобод из митропольих, и архиепископлих, и епископлих, и из монастырских, которые крестьяне хотят идти в город на посад, или в села жити, и тем людем идти вольно, о строце же о Юрьеве дни, отказом, по нашему царскому указу.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Благосклонное внимание к моим трудам просвещенных соотечественников доставило мне возможность продолжать предпринятое издание в обширном объеме. С надеждою на это внимание распространяю план и в «Сказаниях русского народа» представляю русскую семейную и общественную жизнь во всех видоизменениях. Вот программа, по которой я решаюсь ныне издавать «Сказания русского народа»:

ТОМ ПЕРВЫЙ.

Книга I. Русская народная литература.

В сей книге излагаю современные понятия о семейной жизни наших предков, мнения русских писателей XVIII и XIX веков о русской народности. Мне хотелось этим обозрением показать: как смотрели прежде на русскую народность? Как думали о ней самые русские писатели? Что было сделано до меня русскими археологами для нашей народности?

Книга II. Очерки семейной русской жизни.

В сей книге представляю: 1. *Русское народное чернокнижие,* 2. *Русские народные игры,* 3. *Русские народные загадки и притчи,* 4. *Русские народные присловья*. Соединяя в одной книге

четыре разнородные предмета о чудной русской жизни, я предполагал, что этим одним могу сколько-нибудь объяснить заповеданные и явные тайны нашей народности.

Книга III. Русские народные песни.

Здесь собраны песни: 1. *Святочные* – подблюдные, игорные и обрядные; 2. *Хороводные;* 3. *Плясовые;* 4. *Свадебные;* 5. *Семейные;* 6. *Разгульные;* 7. *Удалые;* 8. *Солдатские;* 9. *Казацкие;* 10. *Исторические;* 11. *Обрядные;* 12. *Колыбельные*. Для объяснения присоединены к ним: *Варианты, Сравнения* с другими славянскими песнями, *Примечания и Объяснения*. Представляю будущим археологам решить: кому в славянском мире принадлежит первенство песнопения – русским или сербам?

Книга IV. Памятники древней русской литературы.

В сей книге собраны: 1. *Былины русских людей;* 2. *«Слово о полку Игоревом»;* 3. *Слово Даниила Заточника;* 4. *Сказание о нашествии Батыя на Русскую землю;* 5. *Сказание о Мамаевом побоище*. Здесь вмещается вся наша древняя литература, сохраненная в письменных памятниках. Самобытность ее уже более не подлежит сомнению: одна только наша мифическая историческая школа сомневается в ней.

ТОМ ВТОРОЙ.

Книга V. Старые словари русского языка.

В сей книге представляю: 1. *Словарь Лаврентия Зизания,* 2. *Лексикон Памвы Берынды,* 3. *Сказание о неудобопонимаемых речах*. Таким образом, в одной книге будет соединена вся наша древняя лексикография. Начало наших словарей мы находим в списках Болгарских. *Сказания о неудобопонимаемых речах* и *Азбуковники* были продолжением и дополнением Болгарских списков. В словарях Зизания и Берынды мы видим одни наречия

белорусские и киево-переяславские. Все это началось с X века и кончилось XVII – в 1627 году.

Книга VI. Русские народные свадьбы.

В сей книге представляю: 1. *Русские древние свадьбы,* 2. *Русские городские свадьбы,* 3. *Русские сельские свадьбы*. Соединяя в одну книгу древние и современные свадьбы, я имел одну цель: указать, что делалось на свадьбах в старину и что видим теперь? Что было у наших предков и что осталось нам от старого? В свадьбах более всего сохраняется наша народность; и потому-то каждая черта древности, сохраненная нами, должна быть бесценна.

Книга VII. Русская народная годовщина.

В сей книге представляю: 1. *Дневник народных примет и поверий;* 2. *Народные праздники и увеселения.* Таинственный мир наших предков, их безусловные верования в непостижимочудные предметы помещены в нагодном Дневнике. В народных праздниках сохранилась наша стародавняя старина, мир первобытный наших предков, разгульная жизнь многочисленных славянских племен. Мне казалось, что самый удобнейший способ для изображения сего мира есть годовой Дневник.

Книга VIII. Путешествия русских людей.

В сей книге напечатаны тексты путешествий: 1. *игумена Даниила,* 2. *легенда о игуменье Ефросинье,* 3. *иеродьякона Зосимы,* 4. *московского гостя казанца Василия Гагары,* 5. *Трифона Коробейникова,* 6. *инока Ионы,* 7. *Арсения Суханова,* 8. *дьякона Арсения Селунского,* 9. *Антония архиепископа Новгородского,* 10. *старца Леонтия,* 11. *новгородца Стефана,* 12. *дьякона Игнатия,* 13. *дьяка Александра,* 14. *инока Симеона Суздальского,* 15. *тверского купца Афанасия Никитина,* 16. *Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева,* 17. *Ивана Петлина,* 18. *Федора Байкова*. Таким образом, в одной книге найдем впечатления наших пред-

ков в продолжение шести веков при взгляде на чужие земли. Путешествия и записки путешественников были любимыми занятиями наших отцов.

ТОМ ТРЕТИЙ.

Книга IX. Русская народная демонология.

В сей книге представляю тайные народные сказания о: 1. *Водяных,* 2. *Домовых,* 3. *Леших,* 4. *Огненных Змеях,* 5. *Вихрях,* 6. *Русалках,* 7. *Ведьмах,* 8. *Кикиморах,* 9. *Коровей смерти,* 10. *Гугуках,* или *Вампирах,* или *Игоше,* 11. *Лихорадках* и 12. о *Мертвецах*.

Книга X. Словари русских областных наречий.

В сей книге представляю Словари наречий: *великорусского, белорусского и малорусского.*

Великорусское наречие разделяется на: 1. *Московское,* 2. *Новгородское,* 3. *Суздальское* и 4. *Заволжское.*

Московское наречие составляют: 1. *Московское,* 2. *Тульское,* 3. *Рязанское,* 4. *Калужское,* 5. *Тверское* и 6. *Владимирское.*

Новгородское наречие составляют: 1. *Новгородское,* 2. *Архангельское* и 3. *Онежское.*

Суздальское наречие составляют: 1. *Суздальское,* 2. *Ярославское,* 3. *Костромское,* 4. *Галицкое* и 5. *Муромское.*

Заволжское наречие составляют: 1. *Вологодское,* 2. *Пермское,* 3. *Устюжское,* 4. *Сибирское,* 5. *Офенское,* или язык *ходебщиков.*

Малорусское наречие разделяется на: 1. *Киево-Переяславское, Слободское* и *Волыно-Подольское.*

Киево-Переяславское наречие распространено по всему *Запорожскому и Черноморскому краю.*

Словари белорусского наречия представлены в трудах Зизания и Берынды.

Книга XI. Русские народные охоты.

В сей книге будет представлено обозрение: **I. *Охот птичьих:*** 1. *Гусиной,* 2. *Петушьей,* 3. *Соловьиной,* 4. *Голубиной,* 5. *Жавороночной,* 6. *Перепелочной,* 7. *Соколиной,* 8. *Канареечной,* 9. *Чижиной,* 10. *Скворцовой*; **II. *Охот звериных*:** 1. *Медвежьей,* 2. *Заячьей,* 3. *Лисьей,* 4. *Волчьей,* 5. *Собачьей.* **III. *Соколиный устав.***

Книга XII. Сказания о русском народном врачевании.

В сей книге представляю: 1. *Старые врачебные записки;* 2. *Обозрения русского народного лечения*.

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Книга XIII. Русская народная символика.

Здесь представляю народные сказания о Природе. Мнения и понятия наших предков – *о Физике и Астрономии* любопытны. Здесь мы встречаем предания греческие и записи западных писателей. Послание старца Фолофеа к дьяку Мисирю о *Астрономии и Астрологии,* возражение Максима Грека на Коперника – *на Николая Немчина прелестного Звездочетца* принадлежат к категории русских сочинений.

Книга XIV. Летопись русской библиографии.

В сей книге будут представлены: 1. *Состояние русских книгохранилищ;* 2. *Каталоги библиотек;* 3. *Указатель известных рукописей;* 4. *Указания о переводах с греческого языка;* 5. Рукописи: *болгарские, сербские, афинские, цареградские и славянорусские.* Без сего обозрения никогда не может быть приведена в известность русская литература до XVIII века. Здесь начало нашей филологии и археологии.

Книга XV. Русские народные поверья и приметы.

Поверья и приметы передавались в русских семействах из рода в род. Одни из них наши коренные русские, другие перешли из Греции. По спискам Болгарских рукописей мы узнаем, что некоторые греческие поверья и приметы переходили к нам не прямо из Греции, но через Болгарию.

Книга XVI. Русские народные пословицы.

В сей книге представляю: *текст* русских пословиц, сведенный по старым рукописям и бывшим печатным изданиям. Наши пословицы составляют блестящее украшение народности, и тем более они для нас должны быть драгоценны, что сохранены в устах народа. Предки наши чтили свои пословицы как мудрых руководителей.

ТОМ ПЯТЫЙ.

Книга XVII. Летопись древних искусств и художеств.

В сей книге представляю обозрение: 1. *О русском пении,* 2. *О искусстве иконописания: Греческого, Московского, Новгородского, Устюжского* или *Строгановского и Фряжского.* 3. Разбор *Персональников* или подлинников. 4. Рисунки, сохраненные в древних рукописях. 5. Здания: *храмы, монастырские ограды, Кремли,* 6. *Оружия,* 7. *Гробницы,* 8. *Дворцы и Терема.*

Сюда принадлежат: 1. Митрополита *Павла: Сказание о нотном гласобежании, и о литерных Знаменных пометах, и о Знамени нотном; извещение о согласнейших пометах вкратце изложенных, со изящным намерением требующим учитися пению; наука всеа мусикии,* аще хощеши разумети Киевское знамя и пение согласное и чинно сочиненное. 2. Послание *изографа Иосифа* к царскому изографу Симону Федоровичу *о добропи сании иконном;* 3. *Ефросиньи сказание о Ересях в зна-*

менных книгах; 4. *Повесть Иродиона Иконника;* 5. *Николая Дилецкого: идея грамматики Мусикийной.*

Книга XVIII. Летопись славяно-русских типографий.

В сей книге представляю обозрение с 1491 по 1700 год типографий: **I. Великорусских:** 1. *Московской Духовной,* 2. *Александровской слободы,* 3. *Иверского монастыря,* 4. *Верхней или придворной*. **II. Малорусских:** 1. *Киевской Печерской,* 2. *Киевской Соболя,* 3. *Черниговской,* 4. *Новгород-Северской*. **III. Белорусских:** 1. *Виленской,* 2. *Евю,* 3. *Могилевской,* 4. *Кутеинской*. **IV. Волынских:** 1. *Заблудовской,* 2. *Несвижской,* 3. *Острожской,* 4. *Стрятинской,* 5. *Четвертинской,* 6. *Почаевской,* 7. *Луцкой,* 8. *Рахмановской,* 9. *Супрасльской,* 10. *Уневской,* 11. *Буйницкой,* 12. *Кременецкой*. **V. Галицких:** 1. *Краковской,* 2. *Галичской,* 3. *Крылосской,* 4. *Дерманской,* 5. *Львовской ставропигиального братства*, 6. *Львовской Слезки,* 7. *Львовской Ивана Федорова Москвитятина,* 8. *Львовской Войтеха Мельчевского,* 9. *Львовской Иосифа Шумлянского;* **VI. Западных:** 1. *Венецианской,* 2. *Пражской,* 3. *Белградской,* 4. *Тюбингенской,* 5. *Амстердамской,* 6. *Римской*. **VII. Южных:** 1. *Зетской,* 2. *Цетинской,* 3. *Скадари,* 4. *Мнаешской,* 5. *Угро-Влахийской,* 6. *Дельской,* 7. *Тереговищской,* 8. *Ясской.*

Книга XIX. Летопись русской литературы.

В сей летописи будет изображена наша литература по сохранившимся памятникам до 1700 года.

Книга XX. Русские народные сказки.

Здесь будут напечатаны тексты народных сказок и указания на умышленные переделки наших современников. В сказках важен для нас язык самобытный, чисто русский. Московские издатели печатают лубочные издания сказок с своевольными вставками и переделками. Это черное пятно для нашей народности мы должны уничтожить из нашей современности, если не

желаем подвергать себя суду потомства, если мы еще дорожим своим просвещением.

ТОМ ШЕСТОЙ.

Книга XXI. Записки русских людей.

После Летописей, после вставок в Хронографах, после повестей зело умильных записки современников составляют единственное изложение событий для Истории. Само собою разумеется, что критика прежде всего должна оценить их достоинство, указать степень их вероятности. Для времен Грозного мы имеем единственного Курбского, для междуцарствия Палицына и Филарета, для Алексея Михайловича Кошихина, для Федора Алексеевича почти никого; но зато с воцарения Петра начинается непрерывный ряд записок. Этот ряд записок я предполагаю издавать.

Книга XXII. Обозрение древнего русского права.

Древнее русское право, начиная с греческого Намоконона до Судебника Царя Иоанна Васильевича, требует строгого критического осмотра. Три вековые памятника: *Русская Правда, Уложение и Судебник* – составляют торжество Русского законоположения, отдельный период европейского права. За ними идет бесчисленный ряд грамот – право отдельное, несведенное доселе в одно историческое обозрение. Таковы грамоты: *Жалованные, Духовные, Прощальные, Крестные, Льготные и Тарханные, Настольные, Опасные, Отписные, Правые и Бессудные, Приставные, Дерноватые, Разметные, Складные, Губные, Судные, Шертные, Уставные, Таможенные, Договорные.* Историческо-критическое обозрение древнего русского права в продолжении шести столетий будет моим исследованием.

Книга XXIII. Обозрение русских гербов и печатей.

Гербы русские составляют две отдельные категории, различные по своему происхождению и появлению. К принадлежат

гербы *дворянские,* ко второй *городские*. Гербы дворянские требуют своего критического разложения по отдельным гербовникам. Гербы дворянские разделяю на IV разряда: 1. *Русский*, ниоткуда не заимствованный. 2. *Русский смешанный,* 3. *Польский,* 4. *Немецкий*. Городские гербы разделяю на два разряда: 1. на *Древний,* до XVIII века, 2. на *Новый,* заимствованный или с полковых знамен или составленный по топографической местности. Печати русские осматриваю в четырех отдельных видах: как печати *государственные, владычные, посадничьи и дворянские.*

Книга XXIV. Русские народные одежды.

В сей книге буду обозревать: 1. *одежды древние: Царские, Боярские и Горожанские*. 2. *одежды современные: Кокошники, Кики, Шубейки, Расстегаи, Городки, Телогрейки, Сарафаны, Шапки – Мурманки, Кораблики, Рожнецы; Кафтаны, Зипуны, Редники, Холодники, Шубы, Шугаи, Шушуны.*

ТОМ СЕДЬМОЙ.

Книга XXV. Родословная книга русских дворянских родов.

Многочисленные списки старых Родословных книг доселе не были изданы критически, в сводном издании. Все наши Родословные книги разделяются на четыре главные разряда. В состав первого разряда входят: книги, составленные в царствование Царя Иоанна Васильевича; в состав второго – видим книги, исправленные при Царе Михаиле Феодоровиче; третий разряд состоит из Бархатной книги; в состав четвертого входят: книги семейные – сборники, составленные из родословия избранных родов. Первый разряд, хотя самый важный, не составляет еще основания книг Родословных, равно как и Бархатная книга. В редакции первой мы видим только начало огромного дела; в редакции второй находим приготовление к созданию полного дворянского родословия. Обе замечательные редакции, как неполные, не могут служить руководителями для родословов. Надобно из всех четырех разрядов

составить одно сводное издание; потом это сводное издание должно сверять с Летописями, Разрядными списками, со всеми доселе известными актами. После этого только можно смело приступать к историческому описанию дворянских родов.

Для состава сводной Родословной книги у нас есть бесчисленные источники в рукописях, источники, до которых еще не касалась археологическая рука. Так в одной Императорской Публичной библиотеке находится 15 списков (из Толст. рук. только 13), в Румянцевском музеуме 4, в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре 3, в моей библиотеке 3 (из коих один боярина Ромодановского). С этими 25 списками смело можно приступать к делу и приводить в исполнение предположенный план.

Книга XXVI. Летопись русской нумизматики.

Всю летопись русской нумизматики разделяю на два отдела: на древний и новый. В первом отделении обозреваю монеты: *Великокняжеские, Городские, Удельных Княжений и Царские*. Во втором отделении представляю: современное состояние русской нумизматики в XIX столетии.

Книга XXVII. Образцы великорусских, белорусских и малорусских наречий.

Образцы областных наречий представляют русский язык совершенно в другом виде. Может быть, наше потомство будет счастливее нас, когда успеет составить Грамматики областных наречий. Русские областные Грамматики будут верхом совершенства русского языка, будут торжеством русского народа пред всем миром. В эти только счастливые дни сознаются европейцы, что такого совершенного языка, каков русский, во всех его видоизменениях, не было и не будет на земном шаре. До тех пор пускай они клевещут на русский язык и на всю нашу литературу.

Книга XXVIII. Славяно-русская мифология.

Единственное основание нашей славяно-русской мифологии составляют несколько слов Нестора и народные предания.

Зато это основание, самое верное и прочное – немного имело поборников. Одни мифографы думали дополнять нашу мифологию выдумками, другие переносили богов из всех славянский поколений. То и другое было несправедливо. От одних и тех же причин в нашей мифологии мы видим всякий сбор чуждых ей оснований. В наше время пора уже оставить все это. По каким-то темным и превратным догадкам вздумали обвинять наших предков в многобожии. Со всем некстати с мифологией смешивали и демонологию. Наше обозрение мифологии будет основана на Несторе и русских преданиях. Выдумки, предположения и догадки предоставляем другим.

Книга XXIX. Русские разрядные списки.

С Разрядными списками я решаюсь тоже предпринимать, что и с Родословными книгами. И эти списки также должно издавать критически, в сводном составе, разделяя их по княжениям и царствованиям. Разряды и Дворцовые записки в составе своем составляют одну и ту же категорию. К ним примыкают нераздельно – Споры о Местничестве. Разрядные списки я разделяю на 4 отдела. В отдел первого взойдут: разряды Великокняжеские, Великих князей: Иоанна III Васильевича и Василия Иоанновича. В отдел второго поместятся разряды Царские: Царей Иоанна IV Васильевича и Феодора Иоанновича. В третий отдел поместятся разряды Царские: Царя Бориса Феодоровича и Василия Иоанновича; потом разряды Лжедмитрия и междуцарствия. В четвертый отдел войдут разряды Царские: Царей Михаила Феодоровича, Алексея Михайловича и Феодора Алексеевича. К каждому из сих разрядов будет приложено обозрение Местничеств.

Книга XXX. Приложения и Указатели.

В сей книге будут помещены *Приложения и Указатели* ко всем 29 *книгам Сказаний русского народа*.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 5
Слово к русским людям 9

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА 13
Славяно-русская мифология 17
Песни русского народа 57
Русские народные праздники 150

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖИЕ 169
Предания и сказания о русском чернокнижии 171
Сказания о кудесничестве 201
Заговор от недугов красной девицы в болезни полюбовного молодца 201
Заговор красной девицы о сбережении в дороге полюбовного молодца 202
Заговор от тоски родимой матушки в разлуке с милым дитяткой 203
Заговор охотника на поставленных клетях на зайцев 204
Заговор на путь-дорожку 204
Заговор на укрощение гнева родимой матушки 205
Заговор на укрощение злобных сердец 205
Заговор на посажение пчел в улей 206
Заговор на утихание крови 206
Заговор от укуса змеи 207
Заговор от черных муриев 207
Заговор от червей 208
Заговоры от зубной скорби 208
Заговор от пищалей и стрел 209
Заговор от ратных орудий 210

Заговор от пуль свинцовых, медных, каменных 210
Заговор на железо, уклад, сталь, медь 211
Заговор на карты 211
Заговор от осы 212
Заговор от запоя 212
Заговоры на остановку руды 212
Заговор от лихорадки 213
Заговоры ратного человека, идущего на войну 213
Заговор молодца на любовь красной девицы 218
Заговор от пореза 218
Заговор от недугов 218
Заговор на украденную вещь 219
Заговор оборотня 219
Заговор для любви 220
Заговор родимой матушки в наносной тоске своей дитятки 221
Заговор девушки от тоски 221
Заговор полюбовного молодца на любовь девушки 222
Заговор на воду 223
Заговор островника на зеленую дуброву 223
Заговор от лихого человека 224
Заговор красной девицы от недугов полюбовного молодца 224
Заговор охотника на уток, гусей, тетеревов 224
Заговор на любовь 225
Заговор от черной немочи 225
Заговор от бешеной собаки 226
Заговор от родимца 226
Заговор молодухи от лютой беды 226
Заговор красной девицы от призороков 227
Заговор от колотья и болестей 228
Заговор на изгнание с островника зверей и гадов 228
Заговор на поход 229
Заговор от скорой доспешки 229
Заговор на остуду между мужем и женой 230
Заговор на удачную ловлю зверей 230
Заговор на тоску молодцу по красной девице 231
Заговор от грыжи 232

Заговор на остуду ... 232
Сказания о чародействе ... 233
Чары на ветер ... 233
Чары на след ... 234
Чары для калек ... 236
Чары на лошадь ... 238
Чары на подтёк ... 239
Чары над змеей ... 240
Чары над лягушкой ... 241
Чары над голубиным сердцем ... 242
Чары над змеями и лягушками ... 243
Чародейский травник ... 244
Заклинательная песнь над духами ... 249
Чародейская песня ведьм ... 251
Песня ведьм на Лысой горе ... 252
Шабашная песня ведьм ... 253
Песня ведьм на Роковом шабаше ... 253
Чародейская песня русалок ... 254
Чародейская песня солнцевых дев ... 255
Сказания о знахарстве ... 256
Пчельное дело ... 256
Сбрызгивание ... 258
Переполог ... 259
Соняшница ... 260
Открытие колдуна ... 261
Стень ... 262
С глазу ... 263
Хлебная завязка ... 264
Зубы лечить ... 264
Куриная слепота ... 265
Мороз ... 266
Неразменный рубль ... 266
Кость-невидимка ... 268
Свадебная поруха ... 269
Выведывание жены ... 270
Разменный колпак ... 271
Ведьмино селение ... 273
Собачья старость ... 274

Сказания о ворожбе 275
Гадание на картах 275
Гадание на кофе 277
Гадание на Псалтыре 278
Гадание на решете 279
Гадание на яйцах 280
Гадание на иглах 280
Гадание на воске 281
Гадание на свинце 282
Гадание в зеркале 282
Гадание черной курицей 284
Водогадание 285
Гадание на бобах 286
Святочные гадания 287
Снотолкования 293
Дополнения 296
I. Книги Сивилл 296
II. Баш и Башиха 313

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ИГРЫ 315
Голуби 317
Кума 318
Горелки 322
Мышка 323
Без соли соль 324
Жмурки 324
Кулючки 325
Сорока 326
Веревочка 327
Серый Волк 328
Первенчики 329
Камушки 330
Захарка 333
Дергачи 334
Жгуты 334
Чижик 335
Ужище 335

Коршун....336
Лапта....338
Пыж....340
Свайка....342
Агарушик....343
Ветчинка....344
Сучка....345
Яша....346
Бабки....347
Кулачный бой....349
Редька....350
Крыночки....351
Ласы....352
Сижу-посижу....353
Чёт-нечет....353
Чётки....353
Колечко....354
Коза....354
Гусёк....355

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ И ПРИТЧИ....357
Русские народные загадки....359
Русские народные притчи....377
Горшок....377
Притча Дария, Царя Персидского....377
Трое....378
Четверо....378
Кум....378
Сын....378
Замыслы....378
Благоразумие....378

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПРИСЛОВЬЯ....379

СВАДЬБЫ РУССКИХ ЛЮДЕЙ....403
Русские Древние свадьбы....405

Свадьбы частных людей в XVII веке.....441
Русские свадебные чинопоположения.....448
Запись о свадьбе московской Великой Княжны Елены Иоанновны с литовским князем Александром в 1495 году.....451
Путешествие Великой Княжны Елены Иоанновны в Вильну для бракосочетания с великим князем литовским Александром.....453
Свадьба князя Василия Даниловича Холмского с великою княжною Софией Ивановной в 1500 году.....458
Свадьба вторая Великого Князя Василия Иоанновича с княжною Еленою Васильевною Глинскою в 1526 году.....461
Свадьба удельного старицкого князя Андрея Ивановича с Хованскою княжной Ефросиньею Андреевной в 1553 году.....471
Свадьба первая Царя и Великого Князя Иоанна IV Васильевича с Анастасией Романовной Юрьево-Захарьиной в 1547 году.....478
Свадьба удельного углицкого князя Юрия Васильевича с княжной Улианиею Дмитриевною Палецкою в 1548 году.....482
Свадьба первая удельного старицкого князя Владимира Андреевича с Евдокией Александровною Нагою в 1550 году.....488
Свадьба Казанского Царя Симеона с Марией Андреевной Кутузовою-Клеопиною в 1554 году.....494
Свадьба князя Ивана Дмитриевича Бельского с княжною Марфою Васильевною Шуйскою в 1555 году.....503
Вторая свадьба удельного старицкого князя Владимира Андреевича с княжною Евдокиею Романовной Одоевской в 1558 году.....505
Свадьба третья Царя и Великого Князя Иоанна Васильевича с Марфою Васильевною Собакиной в 1572 году.....508
Свадьба короля Магнуса с княжной Марией Владимировной Старицкой в 1573 году.....511
Свадьба седьмая Государя, Царя и Великого Князя Ивана IV Васильевича с Марией Федоровною Нагою в 1581 году.....514
Свадьба первого самозванца Дмитрия с Мариною Мнишек в 1606 году.....516

Свадьба Царя и Великого Князя Василия Иоанновича Шуйского с княжной Марией Петровной Буйносово-Ростовской в 1608 году 519
Свадьба царевича Михаила Кайбулина с Мариею Григорьевною Ляпуновою в 1623 году 522
Свадьба первая Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича с княжной Марией Владимировной Долгорукой в 1625 году 523
Свадьба вторая Царя и Великого Князя Михаила Феодоровича с Евдокией Лукьяновной Стрешневой в 1626 году 527
Свадьба первая Царя и Великого Князя Алексея Михайловича с Царицей Марьей Ильиничной Милославской в 1648 году 541
Свадьба вторая Царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной в 1677 году 566
Свадьба первая Царя Федора Алексеевича с Царицей Агафьей Семеновной 567
Свадьба вторая Царя Федора Алексеевича с Царицей Марфой Матвеевной 568
Свадьба первая Царя и Великого Князя Петра Алексеевича с Царицей Евдокией Федоровной 568
Свадьба Царя Иоанна Алексеевича с Царицей Параскевой Федоровной 569
Свадебный поезд Царевны Софьи Фоминичны от Пскова до Москвы 1437 года 570
Свадебные договоры 573
Свадебные чиноположения частных людей 578

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ГОДОВЩИНА 593
Народный дневник 595
Народные праздники и обычаи 723
Приложения к Народному дневнику 773

ПРИЛОЖЕНИЕ 782

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 110 томов).

Редактор Л. К. Молотилова
Корректор М. В. Зыкова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 19.04.2013 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 34,3 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».